В. КОНДАРАКИ.

В ПАМЯТЬ СТОЛЕТИЯ
КРЫМА

21
194

А. 238 О 194

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ

КРЫМА.

В. Х. КОНДАРАКИ,

члена Императорскихъ обществъ: Русскаго Географическаго, Московскаго древне-русскаго искусства, Одесскаго исторіи и древностей и др.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Первые годы нашего господства въ Крыму.
2. Легенды Крыма.
3. Типичность Крымскихъ татаръ.

МОСКВА.

1883

О 27/194

Б I-1/II-34ц

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ

КРЫМА.

В. Х. КОНДАРАКИ,

члена Императорскихъ обществъ: Русскаго Географическаго, Московскаго Древне-русскаго искусства, Одесскаго исторіи и древностей и др.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Первые годы нашего господства въ Крыму.
2. Легенды Крыма.
3. Типичность Крымскихъ татаръ.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

ф. 32-1927

МОСКВА.

Типографія В. В. Чичерина, Моховая, домъ Каравинина, № 26

1883

2007041523

ПЕРВЫЕ ГОДЫ НАШЕГО ГОСПОДСТВА ВЪ КРЫМУ *).

1.

Въ 1785 году въ Петербургѣ заблагоразсудили возложить на академика Ѳедора Чорнаго астрономическія наблюденія въ разныхъ пунктахъ вновь присоединенной Таврической области и составлена была по этому поводу экспедиція. Чорный не замедлилъ написать объ этомъ 12 іюня 1785 г. въ Крымъ къ правителю Таврической области статскому совѣтнику Василію Каховскому, уроженцу Смоленской губерніи и слѣдовательно земляку свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Затѣмъ онъ пожаловалъ въ Воронежъ, гдѣ и подружился со мною. Однажды слово за словомъ, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе сопровождать его въ новый край, о которомъ разсказывали чудесныя вещи. Предложеніе его очень польстило мнѣ и я, недолго думавши, испросилъ себѣ позволеніе сопровождать ученаго мужа. Родные мои устроили по этому случаю веселую асамблею, снабдили насъ провизіею чуть не на два мѣсяца, отслужили молебенъ, дали мнѣ достаточно денегъ и вѣрнаго холопа Ваську, знающаго поварское искусство и, благословивъ святыми иконами, выпроводили за городъ.

Я не стану описывать нашего труднаго и долговременнаго путешествія до новой Колхиды, потому что оно было утомительно и однообразно. Скажу только, что мы прибыли въ Перекопъ или какъ называютъ его въ Крыму Оръ-Капи до того изнуренными, что нѣсколько дней не могли окончательно поправиться.

---

*) Записки эти мы представляемъ въ краткомъ и конечно въ болѣе современномъ образѣ изложенія мысли. Начнемъ съ дѣда моего по матери Алексѣя Васильевича Жиленкова.

Въ этомъ ничтожномъ городкѣ, съ большинствомъ разрушенными землянками, комендантомъ былъ славный человѣкъ Федоръ Ивановичъ Фока. Онъ повидимому былъ не русскаго происхожденія: черненькій, маленькій, но чрезвычайно взыскательный и аккуратный по службѣ. Мы явились къ нему и сейчасъ-же получили квартиру для жительства. Квартира наша скорѣе походила на землянку, чѣмъ на домъ. Академикъ мой ужасно разворчался, но дѣлать было нечего. Солдаты устроили намъ нары изъ старыхъ достокъ и увѣряли, что въ Перекопѣ не хаты возмущаютъ начальствующихъ лицъ, а прескверная вода, которую вновь пріѣзжіе съ трудомъ пропускаютъ въ горло. Сказанное ими мы провѣрили и ужаснулись, какъ могутъ люди привыкнуть къ такому питью. Къ счастію въ эту пору времени городокъ изобиловалъ такимъ множествомъ кавуновъ *), что мы положились употреблять ихъ, во время жажды, вмѣсто воды.

Пока мой ученый товарищъ приступалъ къ занятіямъ своимъ, я успѣлъ съѣздить съ нѣкоторыми офицерами къ морскому берегу и вдоль осмотрѣть знаменитый ровъ, за которымъ такъ долго безнаказно укрывались Крымскіе татары, нанося ужасный вредъ нашему отечеству. Ровъ этотъ довольно широкъ и идетъ вдоль всего перешейка, который мы проѣхали въ одинъ часъ и 28-мь минутъ. Надо полагать, что татаре много лѣтъ трудились надъ вырытіемъ его, если только они не нашли его раньше устроеннымъ. Судя по развалинамъ, онъ былъ прикрытъ крѣпостями, вооруженными пушками. Всѣ эти укрѣпленія нѣсколько разъ были взрываемы нашими войсками съ 1735 года, но опять воздвигались. Нынѣ же со дня присоединенія Крыма приказано, чтобы отъ нихъ не осталось ни единаго камня. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи прикажутъ засыпать и ровъ, чтобы предупредить мысль или надежду со стороны татаръ на вторичную независимость страны.

Сегодня при ясномъ утрѣ я впервые увидѣлъ на Ю.В. синеватый хребетъ горъ и въ центрѣ ихъ Четыръ-дагъ,

---

*) Этимъ именемъ до настоящаго времени многіе называютъ арбузы, но это не справедливо. Кавунъ на татарскомъ языкѣ означаетъ дыню.

на которомъ, еле прикасаясь къ хребту, покоилось бѣлое облако. Гора эта кажется отсюда игрушкою, но она, судя потому что соприкасается съ облаками, должна быть очень высока.

Около 11 часовъ прислалъ за нами комендантъ казака съ просьбою пожаловать къ нему на обѣдъ и маленькую асамблею, по случаю его тезоименитства. Мы очень обрадовались этому, потому что въ продолженіи послѣднихъ 10—12 дней ни разу не обѣдали, какъ приличествовало.

У Федора Ивановича мы застали любимѣйшаго камердинера императрицы Захара Константиновича Зотова, которому государыня пожалова въ Крыму землю. Онъ былъ грекъ по происхожденію, но держалъ себя какъ истый дворянинъ съ княжескими манерами безъ чванства и гордости и повидимому ужасно тяготился излишними учтивостями коменданта. Не смотря на то, что Зотовъ былъ далеко не представительной наружности, смуглый съ огромнымъ ртомъ и большимъ носомъ, но онъ съ перваго взгляда очень понравился мнѣ своею рѣчью и скромностію. Онъ благоговѣлъ повидимому предъ умомъ императрицы и, не хвастаясь, разсказывалъ, что ея величество никогда не брезгала даже съ нимъ совѣтываться по государственнымъ дѣламъ, если около нея не находилось никого. Съ свѣтлѣйшимъ Потемкинымъ онъ состоялъ просто въ дружественныхъ отношеніяхъ, хотя тотъ и называлъ его Захаркою, но графа Зубова и другихъ фаворитовъ считалъ не достойными расположенности государыни. Что Захаръ Константиновичъ пользовался большимъ почетомъ, это видно было съ какимъ онъ указомъ ѣхалъ и какъ его принимали всѣ власти по городамъ, гдѣ онъ останавливался на отдыхъ. Кромѣ Зотова мы застали у г. Фоки мѣстнаго капитанъ-исправника секундъ-маіора Сеитъ-агу, успѣвшаго выучиться кое-какъ объясняться по русски. У него было большое имѣніе не вдали отъ Перекопа на морскомъ берегу, изобилующее морскими и степными птицами. Этотъ ага убѣдительно просилъ насъ всѣхъ пріѣхать къ нему поохотиться и взглянуть на его татарское хозяйство. Комендантъ на отрѣзъ объявилъ, что при всемъ

желаніи своемъ угодить ему онъ не вправѣ отлучиться изъ города, въ который ежедневно почти пріѣзжаютъ начальствующія лица, но Зотовъ и я охотно изъявили согласіе провести въ имѣніи его одни сутки. Обрадованный Сеитъ-ага немедленно отправилъ нарочнаго татарина съ извѣстіемъ домой, чтобы все было приготовлено къ нашему пріему.

Федоръ Ивановичъ безпощадно накормилъ насъ разными блюдами изъ вкусной крымской баранины и зайцевъ, которыхъ здѣсь ужасная гибель и которыхъ ловятъ на бѣгу борзыми собаками. У коменданта этихъ собакъ нѣсколько. По его словамъ они очень нѣжны и не выдерживаютъ зимнихъ холодовъ на дворѣ, а должны содержаться въ теплыхъ хатахъ и не съ избыткомъ кормиться, иначе не могутъ настигать дичь. Всѣмъ имъ онъ далъ громкія имена въ родѣ молніи, искры, аквилона и т. п. и цѣнитъ на-равнѣ съ стоимостію лучшихъ лошадей, хотя самъ, по личному сознанію, никогда не выѣзжалъ съ ними на ловлю и не знаетъ ихъ достоинствъ.

У коменданта было на столѣ въ большомъ изобиліи малороссійская настойка, которую онъ выписывалъ безпрестанно, но гораздо больше мѣстнаго вареннаго и не вареннаго вина. Зотову, какъ знатоку винъ, оно очень понравилось.

— Я вѣдь владѣлецъ виноградника въ Судакѣ—сказалъ онъ и отнынѣ буду имѣть свое собственное вино для угощенія друзей.

— Но вочто вамъ обойдется доставка его въ Петербургъ? спросилъ Федоръ Ивановичъ.

— Не всегда-же мнѣ жить въ Петербургѣ—отвѣчалъ онъ—придется подъ старость поселиться и въ своей конурѣ. Въ этихъ мысляхъ я нарочно и ѣду теперь въ Судакъ, чтобы осмотрѣть мой уголокъ и приготовить себѣ хоть небольшой домикъ.

— А какъ долго вы намѣрены прожить въ Судакахъ? спросилъ Чорный.

— Полагаю дней 25-ть, а можетъ и больше.

— Если мы успѣемъ, то заѣдемъ къ вамъ. Вѣдь это кажется не далеко отъ Кафы, куда я обязанъ заѣхать для опредѣленія ея географическаго положенія.

— Вы доставите мнѣ этимъ большее одолженіе—сказалъ Захаръ Константиновичъ—и я буду съ нетерпѣніемъ ожидать васъ.

Часъ спустя къ коменданту начали являться партіи чумаковъ за правомъ выѣзда за городскіе ворота. Я узналъ, что всѣ они прибыли сюда за солью, которая добывается въ огромныхъ размѣрахъ изъ сосѣднихъ озеръ. Видъ ихъ былъ ужасный: оборванные, въ дегтѣ, безъ шапокъ, съ никогда не чесанными волосами.

— Неужели всѣ русскіе мужики похожи на нихъ? спросилъ у меня капитанъ-исправникъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

— Боже сохрани—отвѣчалъ я и старался убѣдить его, что это люди особеннаго рода, неимѣющіе никакого сходства съ настоящими русаками.

Понялъ-ли Сеитъ-ага все сказанное мною или нѣтъ, но мнѣ кажется, что онъ нисколько не измѣнилъ своего понятія о нашемъ народѣ. А жаль право, если всѣ татаре думаютъ о нашемъ сходствѣ въ образѣ жизни съ чумаками.

Комендантъ предварительно выдачи одного общаго билета на 30-ть воловыхъ подводъ, подозвалъ къ себѣ старшаго возницу и началъ убѣждать его, чтобы на слѣдующій разъ, когда онъ пріѣдитъ въ Перекопъ, привезъ хоть съ десятокъ вдовъ и взрослыхъ сиротъ дѣвушекъ для выдачи здѣсь замужъ, такъ какъ многимъ хотѣлось-бы жениться, да некого брать.

Чумакъ добродушно улыбнулся и вѣроятно, чтобы не терять напрасно времени въ переговорахъ, обѣщалъ поискать, желающихъ переселиться въ Крымъ.

— Вы всѣ мнѣ отвѣчаете обѣщаніемъ—сказалъ Федоръ Ивановичъ—а между тѣмъ ни одной бабы не привезли,—точно мы нехристы, а не братья вамъ!

— Нехристы или бусурманы мы не вѣдаемъ сего, только врядъ-ли наши вдовы и дочки сами придутъ искать сюда жениховъ—сказали чумаки, выходя со двора.

— Ужасные скоты—обратился къ намъ комендантъ—никакъ не убѣдишь ихъ, что мы православные и крайне нуждаемся въ женской прислугѣ, а къ этому вдобавокъ у меня есть сотня человѣкъ, которые только и бредятъ

женитьбою. Не отпускать-же мнѣ ихъ на родину за тысячу верстъ, чтобы привезти себѣ женъ.

2.

На слѣдующій день Захаръ Константиновичъ заѣхалъ за мною въ коляскѣ, запряженной четверкою татарскихъ лошадей и мы, захвативъ съ собой Сеитъ-агу, выѣхали въ гладкую степь, показавшуюся мнѣ съ перваго взгляда безжизненною и какъ-бы сожженною палящими лучами солнца. Изъ нѣдръ земли выходилъ какой-то прозрачный паръ, за дрожаніемъ котораго не трудно было наблюдать простымъ глазомъ. Этотъ живой эфиръ имѣлъ свойство на далекомъ растояніи измѣнять обыкновенные предметы въ гигантскія формы, т. е. мельницы обращалъ въ дворцы съ башнями, а стоги сѣна въ чудовищной величины деревья *). Сеитъ-ага во все время не переставалъ курить изъ длиннаго чубука своего, такой крѣпкій табакъ, что я и Зотовъ безпрестанно кашляли. Къ этому вдобавокъ изъ подъ лошадиныхъ копытъ подымалась чрезвычайно тонкая горьковататая пыль, которая проникала въ ротъ и ноздри и заставляла насъ чихать.

Къ счастію неудобства эти не долго продолжались. Около полудня предъ нами на горизонтѣ вновь показались волшебные замки съ лѣсами и озерами, а правѣе растилалось море одинакаго цвѣта съ небомъ.

— Вотъ это моя деревня—сказалъ капитанъ-исправникъ.

— Да вы повидимому владѣете прелестнымъ мѣстомъ—замѣтилъ Захаръ Константиновичъ.

— Земля не дурная—продолжалъ мурза—когда Богъ даетъ дожди, а въ засуху не особенно пріятно.

Полъ-часа спустя мы подъѣхали къ небольшой деревушкѣ, гдѣ не видѣли ни одной постройки, отличающейся отъ прочихъ величиною или архитектурою. Взаключеніе коляска наша подкатила къ низенькому домику, показавшемуся намъ снаружи жалкою избою. Дворъ былъ загаженъ навозомъ и сорными травами. Въ одной части

*) Надо полагать, что здѣсь рѣчь идетъ о миражахъ.

его шелъ длинный открытый спереди навѣсъ для скота, въ другомъ торчали правильно сложенныя скирды кизяку или кирпича изъ животнаго помета, а между ними укрѣплено было на подставахъ въ горизонтальномъ положеніи бревно съ желѣзными кольцами для привязи лошадей. Все остальное пространство двора наполнено было стадами черныхъ, сѣрыхъ и бѣлыхъ индюковъ, оглашавшихъ воздухъ непріятными криками. Все это мнѣ ужасно не понравилось и я воображалъ встрѣтить ту же нечистоту и безпорядокъ внутри покоевъ Сеитъ-аги. Къ намъ на встрѣчу выбѣжало человѣкъ десять татаръ полумонгольскаго типа въ безобразныхъ рыжихъ баранкахъ, въ ситцевыхъ курткахъ, изъ подъ короткихъ рукавовъ которыхъ выпускались широкіе рукава бѣлыхъ рубахъ отмѣнной чистоты. Чистота ихъ сорочекъ изумила меня, когда я вспомнилъ про чумаковъ нашихъ, испещренныхъ дегтемъ и безъ сомнѣнія перемѣняющихъ бѣлье однажды въ годъ. Всѣ эти татаре почтительно приложили руку къ сердцу и одновременно тихимъ голосомъ произнесли привѣтствіе.

Намъ пришлось вступать въ жилище мурзы чрезъ такія низенькія двери, что я долженъ былъ согнуться въ дугу. Изъ большихъ продольныхъ сѣней, съ противоположнымъ выходомъ на гаремный дворъ, мы вошли въ правую дверцу и очутились въ огромной комнатѣ такъ красиво и богато убранной парчею, бархатомъ, сукномъ и дорогими коврами, что не вѣрили глазамъ. Все здѣсь содержалось въ изумительной чистотѣ. Въ одномъ углу я замѣтилъ болѣе дюжины длинныхъ черешневыхъ чубуковъ съ янтарными мундштуками, а въ другомъ цѣлый арсеналъ ружей, сабель и разныхъ другихъ боевыхъ снарядовъ.

— Все это вѣроятно вамъ досталось отъ дѣдовъ? спросилъ я у хозяина послѣ того, когда мы расположились на удобныя софы съ выбивными бархатными подушками.

— Мой отецъ былъ большой охотникъ собирать оружіе—отвѣчалъ Сеитъ-ага—а я признаться мало интересуюсь этимъ дѣломъ въ особенности съ того времени, какъ служу каймаканомъ перекопскаго кадылыка.

— Скажите пожалуйста, а вы служили при послѣднемъ ханѣ? спросилъ Зотовъ.

— Какъ-бы вамъ отвѣтить на это получше: видители у Шагинъ-гирея были не многіе на службѣ и притомъ мурзы на служащихъ внутри ханства, смотрѣли какъ на слугъ народа. Исключеніемъ пользовалась только центральная власть въ Бахчисараѣ. При теперешнемъ-же господствѣ намъ не стыдно служить, потому что мы являемся не слугами, а своего рода повелителями. Сказавъ это, мурза самодовольно улыбнулся.

— Я не совсѣмъ васъ понялъ—сказалъ Захаръ Константиновичъ—какъ это вы были прежде слугами, а теперь повелителями?

— А вотъ какъ: въ ханское время ни одинъ каймаканъ или кадій не смѣлъ въѣхать ко мнѣ во дворъ и потребовать чего-либо, потому что мы, мурзы, сейчасъ ополчились-бы противъ него, а теперь и самые почетнѣйшіе беи безсловесно исполняютъ мои приказанія. Къ этому добавьте еще, что прежде малѣйшая несправедливость или ошибка со стороны каймакана дѣлалась извѣстной хану и наказывалась общимъ упрекомъ, а теперь я ничего этого не боюсь и поступаю, какъ мнѣ заблагоразсудится.

— А выгодна-ли ваша должность въ матеріальномъ отношеніи? спросилъ я.

— Благодаря Бога нельзя жаловаться: всякій имѣющій дѣло, считаетъ за обязанность самое малое подарить овцу и еслибъ я почему либо отказался отъ принятія, то эти люди навѣрно оскорбятся и уйдутъ, не передавъ даже горя или нужды своей. Кромѣ этого я получаю жалованье отъ правительства и пользуюсь дружбою начальства.

— А всѣ-ли довольны вашимъ начальникомъ области?

— Нашъ начальникъ самый умнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ. Съ такими баярами *) чувствуешь удовольствіе служить.

Захаръ Константиновичъ всего больше интересовался знать о порядкахъ и образѣ жизни при ханѣ, котораго раза два видѣлъ и считалъ довольно энергичнымъ чело-

---

*) Баяръ татарское слово, означаетъ въ переводѣ богатаго почетнаго человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что мы создали отъ него слово бояринъ.

вѣкомъ. Разговоръ о Шагинъ-гиреѣ у насъ начался, какъ только подали кофе и трубки. Ни я, ни Зотовъ не были привычны къ куренію табака, но, чтобы не оскорбить хозяина, вооружились длинными чубуками, изъ которыхъ съ трудомъ вытягивали дымъ.

— Правду говоря намъ не слѣдуетъ говорить о гиреѣ—отвѣчалъ Сеитъ-ага — это была злая собака, которая безпощадно относилась къ религіи, обычаямъ старины и лучшимъ представителямъ народа. Надѣясь на царицу Екатерину, онъ забылъ свое человѣческое происхожденіе и превратился въ какое-то озлобленное существо и возненавидѣлъ всѣхъ, кто дерзалъ противорѣчить ему.

— А часто вы бывали у него?

— Бывалъ, но не охотно, потому что онъ не умѣлъ обходиться съ нами и употреблялъ всѣ усилія уменьшить наше вліяніе на народъ.

На всѣ дальнѣйшіе вопросы Зотова ага отвѣчалъ такъ уклончиво, что Захаръ Константиновичъ вынужденъ былъ отложить свое любопытство.

Вслѣдъ за кофеемъ слуга внесъ въ комнату табуретъ, весь почти выложенный перламутромъ и, опрокинувъ его ногами вверхъ, поставилъ предъ нами. На табуретъ поставленъ былъ другимъ слугою большой мѣдный подносъ, установленный покрайней мѣрѣ 20-ю также мѣдными глубокими тарелками съ жаренными курями, бараниною, свѣжимъ масломъ, творогомъ, яичницею и т. п. явствами. Въ добавокъ къ этому Сеитъ-ага досталъ своеручно изъ шкафика, устроеннаго въ стѣнѣ, бутылку наливки, которою его снабжалъ постоянно перекопскій комендантъ. Словомъ мы приглашены были къ настоящему завтраку съ предупрежденіемъ, что татаре обѣдаютъ вечеромъ.

За ѣдою мы много кое-чего узнали отъ капитанъ-исправника, относительно принятыхъ княземъ Потемкинымъ мѣръ для блага Крыма и въ числѣ прочаго то, что Акмечетъ только съ прошлаго года сдѣлался резиденціею правителя области, имѣвшаго раньше пребываніе въ Карасубазарѣ.

Сеитъ-ага вообще показался намъ очень разумнымъ

человѣкомъ. При Шагинъ-гиреѣ онъ считался командиромъ отряда милиціи, вслѣдствіе чего не обиженъ былъ при переходѣ и въ наше подданство.

Послѣ отдыха на удобныхъ софахъ, мы ѣздили на двух-колесной арбѣ на охоту за дрохвами и стрепетами, которыхъ здѣсь ужасное множество, но не иначе допускаютъ охотника, какъ укрывающагося въ телѣжкѣ. Намъ удавалось два раза подъѣзжать къ нимъ шаговъ на 40 и въ оба раза убить по одной штукѣ. Затѣмъ мы направились къ морскому берегу, гдѣ набрали въ непродолжительномъ времени десятка четыре хорошихъ лебединыхъ и гусиныхъ перьевъ, которыхъ Зотовъ пожелалъ отвести въ Петербургъ, чтобы поднести Императрицѣ въ даръ отъ пернатыхъ вновь завоеванной страны.

Проѣхавъ до 6-ти часовъ по степи, принадлежавшей каймакану, я убѣдился, что здѣсь очень не многіе занимаются хлѣбопашествомъ и сѣнокосами, а предпочитаютъ скотоводство. Во всей степи куда я не бросалъ взоры, вездѣ виднѣлись коровы, лошади и значительные шматки овецъ съ круглыми хвостами. Ясно, что и Крымскіе татаре не на много опередили своихъ соплеменниковъ калмыковъ и киргизовъ.

У Сеитъ-аги мы застали нѣсколько сосѣднихъ мурзъ въ грубыхъ нарядахъ, но, повидимому пользующихся почетомъ. Всѣ они сидѣли на софахъ съ поджатыми ногами, но когда мы вошли въ комнату, поднялись и отвѣчали на наше привѣтствіе. Сеитъ-ага что-то сказалъ имъ, указывая на Захара Константиновича. Гости вторично приложили руки къ сердцу и поинтересовались узнать о здоровьи императрицы и ея семейства. Зотовъ отвѣчалъ, что государыня собирается навѣстить Крымъ, какъ только страна нѣсколько оправится послѣ многолѣтнихъ неурядицъ и какъ только сама освободится отъ важныхъ государственныхъ дѣлъ.

Новые пріятели наши оказались ужасными говорунами, но къ сожалѣнію мы не знали ни единаго слова на ихъ нарѣчіи и довольствовались отрывками которые переводилъ намъ съ грѣхомъ по поламъ нашъ, или скорѣе ихъ, капитанъ-исправникъ.

По общему согласію постановлено было обѣдать на

дворѣ. Я рѣшительно не могъ сообразить какъ это учинится безъ стола и стульевъ, но дѣло совершилось очень просто: положили большой войлокъ съ твердыми подушками вокругъ табурета съ мѣднымъ подносомъ и предложили намъ садиться. Предъ каждымъ лежала деревянная ложка и кусокъ хлѣба, а посерединѣ подноса большая мѣдная чашка съ жирнымъ рисовымъ супомъ и кусками мяса. Всѣ должны были черпать изъ нея. Тарелокъ, вилокъ и ножей не было. Мы переглянулись съ Зотовымъ и рѣшились подражать татарамъ. Однако до начала обѣда намъ подали посуду для умытія рукъ, что не показалось намъ лишнимъ въ виду того, что приходилось ѣсть пальцами.

Обѣдъ нашъ состоялъ ровно изъ 20-ти блюдъ большею частью однообразныхъ. Здѣсь впервые я отвѣдалъ верблюжье сладкое мясо и колбасы изъ конины, но ни то, ни другое мнѣ не понравилось вѣроятно отъ не привычки. Мы также не охотно пили кислый шербетъ, послѣ котораго ужасно рыгалось мурзамъ. Всего болѣе мнѣ доставляла удовольствіе вечерняя деревенская картина съ возвратившеюся изъ степи скотиною и бѣгавшими за ними татарами. Тысячи барановъ блеяли какъ-бы отъ радости, что идутъ на покой; волы вскакивали на курганы предъ хатами, разбрасывали ногами золу и оглушали вечернюю тишину дикимъ ревомъ; козы карабкались на ограды, хаты, скирды сѣна и кучи соломы. Среди всего этого блисталъ огонекъ кузнеца-цыгана, прикрытаго сверху дюрявымъ войлокомъ и окруженнаго десяткомъ такихъ-же какъ и онъ оборванныхъ и растрепанныхъ женщинъ и ребятишекъ. Но во всемъ этомъ чего-то не доставало, чтобы оживить вполнѣ мои чувства. Проще Крымъ мнѣ показался не нашимъ по душѣ: что-то мертвое, что-то скучное и дикое выглядывало изъ его степей и жилищъ.

Было 8 часовъ, когда мы вновь сѣли въ коляску и, пользуясь луннымъ свѣтомъ и прохладою, выѣхали обратно въ Перекопъ. Академикъ Чорный еще не думалъ спать, когда мы вошли въ избушку его и начали описывать испытанное.

— А я признаться побаивался, чтобы васъ не отпра-

вили татаре въ Стамбулъ въ качествѣ плѣнныхъ—сказалъ онъ, улыбаясь отъ удовольствія вновь увидѣть меня около себя.

На другой день я узналъ, что Ѳедоръ Степановичъ опредѣлилъ широту Перекопа по меридану подъ 45° 39′ и собирается переѣхать въ Гезлевъ или Козловъ, какъ называютъ этотъ городъ наши офицеры и чиновники.

— Ну пойдемъ откланяться коменданту — сказалъ онъ—и попросимъ, чтобы онъ отправилъ насъ дальше.

Федоръ Ивановичъ Фока началъ упрашивать насъ остаться у него еще хоть на одну асамблею, по случаю предстоящихъ имянинъ его супруги, но видя безъуспѣшность ходатайства, настоялъ на томъ, чтобы мы, хоть на прощанье, пообѣдали съ нимъ. За эту ласку Чорный снабдилъ его двумя карандашами и кускомъ туши, въ которой очень нуждался комендантъ и, не смотря на многократные заказы привезти ихъ изъ Россіи, курьеры, чрезъ посредство которыхъ пересылались письма и пакеты, или не находили въ продажѣ или забывали.

3.

Отъ Перекопа до Козлова (Евпаторіи) мы ѣхали два дня и половину ночи, хотя разстояніе это можно проѣхать въ одни сутки. На этомъ пространствѣ всего болѣе остановило наше вниманіе Сакское соляное озеро, гладкое какъ зеркало и окаймленное во всей окружности точно бѣлыми кружевами, осѣвшею солью. Не видѣвши раньше соляныхъ озеръ, я представлялъ себѣ, что вся озерная вода испаряется, но теперь увидѣлъ, что вода остается въ центрѣ, а кристализація происходитъ только у береговъ. Мы подъѣхали къ самому озеру къ нѣсколькимъ подводамъ, на которыя накладывали татаре наломанную ими для своихъ надобностей соль. Это дѣлали они кускомъ желѣза безъ особенныхъ усилій. Немного дальше товарищи ихъ валялись, вѣроятно отъ нечего дѣлать, въ черной прибрежной маслянистой грязи *) и потомъ споласкивались въ озерной водѣ. Мнѣ

*) Туземцы Крыма издавна знали цѣлебное свойство грязей при соляныхъ озерахъ.

показалось, что изъ этого одного озера можно было-бы выбрать столько этого необходимаго для жизни продукта, сколько необходимо для надобности десяти нашихъ губерній. Нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ нѣсколько лѣтъ озеро это съ своимъ богатствомъ сдѣлается извѣстнымъ и тысячи подводъ станутъ приходить къ нему изъ отдаленныхъ мѣстъ матушки Россіи.

Все же остальное встрѣченное нами по дорогѣ до того было скучно и однообразно, что я начиналъ сердиться на тѣхъ, которые восхваляли завоеванную нами страну. И въ самомъ дѣлѣ чѣмъ она была лучше нашихъ степей? Во первыхъ здѣсь вездѣ глинистая почва, на которой выгораетъ трава до корней, во вторыхъ ни одного деревца и въ заключеніе сакли въ деревняхъ на половину или даже цѣликомъ опустѣли. Все говоритъ о бѣдности и грубости татаръ. При всемъ этомъ нигдѣ ни одной рѣчки, ни одного ручья съ прѣсною водою. Спрашивается какая намъ предстоитъ выгода отъ такихъ людей и такой области? Развѣ мы будемъ вознаграждаться солью и тѣмъ, что хозяйничая на Черномъ морѣ избавимъ отечество наше отъ набѣговъ татаръ. Такъ думалъ я въ то время, когда не доѣзжалъ еще до Ахмечета и послѣдующихъ за нимъ мѣстностей.

Въ то время, когда мы любовались Сакскимъ озеромъ, а академикъ Чорный размѣрялъ глазомѣрно длину, ширину и разстояніе его отъ моря, къ намъ подъѣхалъ военный офицеръ и послѣ обыкновенныхъ разговоровъ отрекомендовался. Это былъ капитанъ Андрей Андреевичъ Шостакъ, служившій въ Крыму по квартирмейстерской части. Онъ ѣхалъ также въ Козловъ по дѣламъ службы на свиданіе съ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ Тизингаузеномъ. Мы очень обрадовались ему, какъ земляку или вѣрнѣе соотечественнику, могущему посвятить насъ во многое непонятное и чуждое для новичковъ. Шостакъ любилъ много говорить и вообще какъ человѣкъ военный, успѣвшій побывать во всѣхъ мѣстахъ Крыма и перезнакомиться со всѣми, прежде всего сообщилъ намъ, что въ Тавридѣ не совсѣмъ благополучно, что на Кавказѣ между городскими мусульманами проявился какой-то пророкъ Мансуръ, чрезвычайно

святой жизни, который въ сущности посланъ изъ Стамбула бунтовать всѣхъ сосѣдственныхъ мусульманъ и начавшій уже посылать въ Крымъ письма къ единовѣрцамъ съ цѣлью вооружить ихъ противъ насъ. По тайному разслѣдованію слухи эти подтверждаются, но не имѣется пока точныхъ доказательствъ кто изъ Крымскихъ татаръ сочувствуетъ и болѣе другихъ содѣйствуетъ цѣлямъ турецкаго эмисара.

Отъ Сакскаго озера до Евпаторіи мы ѣхали около трехъ часовъ и во все время слушали разсказы г. Шостака, который, въ качествѣ старожила, прибывшаго сюда въ 1783 году, дозволялъ себѣ многое сочинять, но изъ всего сказаннаго имъ мы заключили, что ему хорошо живется въ этой странѣ и онъ надѣется не только дослужиться до крупнаго чина, но и нажить богатства. Отъ него Ѳедоръ Степановичъ узналъ, что въ настоящее время проживаетъ въ Козловѣ завѣдывающій хозяйственною частію Таврической области, ученый пріятель его Карлъ Ивановичъ Габлицъ *), командированный изъ Петербурга. Для академика это была такая неожиданная радость, что я позавидовалъ его благополучію. Габлицъ, какъ оказалось впослѣдствіи, попалъ въ эту страну по милости свѣтлѣйшаго Потемкина, восхищавшагося Крымскимъ полуостровомъ.

Козловъ на много лучше Перекопа. Здѣсь всѣ почти

---

*) Тотъ самый, который впослѣдствіи составилъ довольно обстоятельное физическое описаніе Таврическаго полуострова съ множествомъ любопытныхъ указаній и замѣтокъ. Габлицъ родился въ Кенигсбергѣ, откуда прибылъ въ Россію въ 1758 г. съ отцомъ своимъ. Въ 1760 г. онъ былъ опредѣленъ въ гимназію Московскаго университета, гдѣ русскому языку научился самоучкою, такъ какъ въ то время преподаваніе этого предмета признавалось ненужнымъ. По окончаніи въ ней курса онъ приглашенъ знаменитымъ тогда русскимъ ученымъ Гмеленымъ участвовать въ ученой экспедиціи для физическихъ наблюденій въ Россіи. По смерти-же Гмелина, умершаго въ плѣну у черкесовъ онъ перешелъ въ экспедицію гр. Войковича на Каспійскомъ морѣ, а въ 1784 г. командированъ былъ кн. Потемкинымъ въ Крымъ. По окончаніи физическаго описанія Таврической губерніи, напечатаннаго на казенный счетъ, ему поручено было написать историческое описаніе этой страны, куда онъ и назначенъ былъ въ качествѣ директора экономіи. Первая часть исторіи Крыма была представлена имъ императрицѣ въ 1787 г., но неизвѣстно почему не напечатана, хотя автору пожалованы были орденъ св. Владиміра 4-й ст. и брилліантовый перстень. Въ 1788 г. Габлицъ сдѣланъ былъ Таврическимъ вице-губернаторомъ, причемъ за управленіе областію болѣе года, въ отсутствіе губернатора въ 1794 г. пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. Отозванъ былъ изъ Крыма въ началѣ царствованія императора Александра I. Скончался сенаторомъ 9 октября 1821 г.

дома построены изъ раковистаго камня и есть нѣсколько въ два этажа. Много вѣтряныхъ мельницъ, есть большая площадь между моремъ и домами, лавки и развалины большихъ крѣпостей. По улицамъ бродило много татаръ и турокъ. У нѣкоторыхъ вмѣсто бараньихъ шапокъ были разноцвѣтныя чалмы. Я смотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ любопытствомъ, но мнѣ признаться казалось, что они были наши истые враги, прибывшіе сюда бунтовать татаръ, чтобы вновь господствовать въ этой странѣ.

Сопутникъ мой объявилъ мнѣ, что онъ желаетъ прежде всего свидѣться съ другомъ своимъ Габлицомъ, чтобы воспользоваться его совѣтомъ, гдѣ остановиться и, подозвавъ перваго попавшагося къ намъ на встрѣчу козака, ушелъ съ нимъ на базарную улицу; мы-же съ Шостакомъ направились къ постоялому двору, содержимому какимъ-то армяниномъ, къ которому стремились всѣ безъ исключенія христіане, такъ какъ онъ раньше присоединенія Крыма бывалъ въ Россіи и хорошо понималъ нашъ языкъ.

Армянина этого всѣ именовали Киркоръ-агою, потому-ли что онъ пожалованъ былъ достоинствомъ *аги* послѣднимъ ханомъ или происходилъ отъ знатнаго происхожденія, я не могъ узнать истины. Но какъ-бы не было у нашего Киркоръ-аги былъ очень представительный видъ и почтительныя манеры. Всѣ слуги съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣли на него, когда онъ отдавалъ приказанія. По требованію нашему онъ лично привелъ насъ въ отдѣльную комнату съ однимъ окошкомъ съ деревянною рѣшеткою, не оклееннымъ даже бумагою. Помѣщеніе наше съ землянымъ поломъ безъ цыновки и войлока показалось намъ чрезвычайно грязнымъ, но надо было до поры перетерпѣть.

Капитанъ немедленно потребовалъ принести намъ чего нибудь горячаго для ѣды.

— Прежде насытимъ желудки, а потомъ подумаемъ о помѣщеніи—сказалъ онъ, съ жадностію глотая рисовую кашу съ мелко порубленною бараниною.

Подкрѣпивши силы, мы отправились къ содержателю постоялаго двора съ требованіемъ болѣе приличной ком-

наты, такъ какъ въ этой обитали милліоны блохъ, пауковъ и другихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ. Киркоръ-ага принялъ насъ въ своемъ собственномъ отдѣленіи, показавшемся мнѣ чуть-ли не раемъ, послѣ нашей конуры.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ уступлю мою комнату на нѣсколько дней—отвѣчалъ онъ съ обязательною улыбкою и сейчасъ-же приказалъ вынести изъ нея кое-какія нужныя для него вещи.

Съ этого момента вплоть до выѣзда нашего я раза два видѣлся съ капитаномъ и то на нѣсколько минутъ. Гдѣ онъ бродилъ и чѣмъ занимался—я не могъ узнать. Федоръ Степановичъ съ Габлицомъ также не кончали своихъ разговоровъ и совершенно забыли о моемъ одиночествѣ. Счастіе мое, что я имѣлъ постояннаго собесѣдника Киркоръ-агу, родившагося въ Крыму и всегда готоваго разсказать мнѣ что нибудь занимательное изъ прошлаго времени. По его словамъ въ Тавридѣ никогда не было опасно и трудно жить христіанамъ. Всѣ непріятности ограничивались только насмѣшками татаръ надъ религіею, а въ крайности дракою между молодыми людьми. Въ большинствѣ-же случаевъ мусульмане вели себя безупречно и довѣряли имъ на слово свои товары и произведенія для сбыта въ Царьградѣ и другихъ отдаленныхъ городахъ.

— Я не любилъ только ихъ духовенства — говорилъ онъ—за жадность и желаніе господствовать надъ всѣми безъ исключенія. Ненависть эту я и теперь чувствую и всегда при удобномъ случаѣ выражаю; но теперь, они молча переносятъ мои насмѣшки такъ точно, какъ четыре года тому назадъ мы переносили ихъ дерзости.

— А боятся-ли они насъ? спросилъ я.

— Ужасно, хотя и скрываютъ это подъ личиною равнодушія.

— Слѣдовательно они раскаиваются, что сдѣлались нашими подданными?

— Не только раскаиваются, но и проклинаютъ ежеминутно тотъ день, когда у нихъ явилась эта мысль. Впрочемъ татаре не такъ еще бѣсятся, какъ муллы ихъ, которымъ приходится прислуживаться даже русскимъ солдатамъ. По дѣломъ имъ негодяямъ, дай Богъ хужее! Вѣдь

они сами довели народъ до бунта противъ Шагинъ гирея подъ предлогомъ, что онъ намѣренъ обратить ихъ всѣхъ въ христіанъ и въ предположеніи, что русская императрица изберетъ изъ среды ихъ новаго хана. Хитрые люди, но хитрость духовника—наши старики говорятъ—очевидна и индюкамъ!

— А какъ обращался съ ними ханъ? спросилъ я.

— Онъ уважалъ только вполнѣ достойныхъ, но всѣ тѣ, которые къ обязанностямъ своимъ присоединяли и другія желанія, безпощадно наказывались. Молодецъ былъ Шагинъ гирей въ этомъ отношеніи! Процарствуй онъ еще пять, шесть лѣтъ, улемы поняли-бы чего отъ нихъ желаетъ Богъ и люди и заклялись бы вмѣшиваться въ государственныя дѣла, а то вотъ снова начали интриговать по случаю явленія какого-то шейха Мансура, признаннаго за святость, ниспосланную пророкомъ. Это означаетъ только то, что люди эти преисполнены, вмѣсто любви, ненавистью и готовы при первомъ удобномъ случаѣ способствовать распространенію зла. Такія штуки они привыкли уже вытворять и продолжаютъ ихъ, воображая, что русскіе не съумѣютъ найти виновныхъ.

Изъ этихъ словъ мнѣ не трудно было замѣтить, что достопочтенный содержатель постоялаго двора былъ крайне недоволенъ татарскимъ духовенствомъ, котораго я еще не имѣлъ удовольствія видѣть. Давъ ему возможность высказаться, я не замедлилъ перенести разговоръ на прошлое Козлова. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось знать, что здѣсь дѣлалось во времена турецкаго и татарскаго полновластія.

— Все это недавно было—отвѣчалъ Киркоръ ага—а между тѣмъ разница невѣроятная. Повѣрите-ли вы, что вся эта набережная въ теченіи всего лѣтняго времени заставлена была сотнями большихъ *качерма* *), на которыхъ велась торговля различными стамбульскими и азіатскими произведеніями. Здѣсь каждый вечеръ зажигались костры, играли на дудкахъ, скрипкахъ и волынкахъ, пѣли пѣсни, плясали и веселились турки, какъ у себя дома, потому что городомъ повелѣвали ихъ соотечественники, считаю-

*) Мореходныя лодки.

ніе всѣ остальныя націи чуть-ли не своими рабами. Ханы, и въ особенности ихъ визири, отъ всей души ненавидѣли ихъ, но поневолѣ старались ладить, потому что улемы и мурзы всегда почти склонялись на турецкую сторону. Я былъ въ это время юношею лѣтъ 20-ти и чрезвычайно завидывалъ счастливому положенію этихъ чужестранцевъ на нашей землѣ и не разъ бывало сожалѣлъ, что не родился туркомъ. Вотъ какъ жилось въ былое время въ Гезлевѣ! Къ этому прибавьте, что вы могли встрѣчать въ каждой кофейнѣ замѣчательныхъ пѣвцовъ и сказачниковъ, приводящихъ слушателей въ изумленіе; на каждой базарной улицѣ лавку съ турецкими лакомствами, заставляющими выступать слюну, груды апельсинъ, рожковъ, *ляблябля* *), халвы въ десяти покрайней мѣрѣ видахъ—и все это отдавалось или промѣнивалось за ничего не стоющія у насъ произведенія: соль, шерсть, войлоки, смушки, кожи, сало, масло, ремни, рыбій клей и т. п. Теперь всего этого нѣтъ, но за то нѣтъ и безпощадныхъ ударовъ по пяткамъ и никто не грозитъ намъ посадить на колъ или отрубить голову. Въ кофейняхъ не играетъ веселая музыка, не слышны пѣсни и забыты восхитительные шербеты. Останавливаясь иногда надъ прошлымъ, я невольно вспоминаю и тотъ страхъ, который проникалъ въ наше тѣло при имени паши, власть котораго превосходила всѣ власти земныя. Для этого чудовища повѣсить христіанина была обыкновенная забава, которою онъ не брезгалъ, если не находилъ другаго развлеченія или не пріѣзжали къ нему татарскіе беи съ дарами. Но всего хуже бывало намъ, когда начиналась война съ русскими. Тогда мы должны были, ради спасенія нашей головы, уходить куда нибудь подальше отъ этихъ повелителей.

— Ну, а семейства вашего они не касались?

— Къ счастію этого не случалось, потому вѣроятно, что наши жены и дочери скрывались отъ всякаго турка, какъ отъ чорта.

Киркоръ ага кромѣ того, что забавлялъ меня своими разсказами, водилъ меня по всѣмъ почти проулкамъ Ев-

---

*) Сахарный горохъ съ изюмомъ.

паторіи, показывалъ тутовыя деревья и виноградныя лозы, находившіяся въ нѣкоторыхъ дворахъ, заставилъ выкупаться въ татарской банѣ, которою я остался очень доволенъ, и во всѣхъ подробностяхъ показалъ огромную турецкую мечеть, которая будто прежде была христіанскою церковью, въ доказательство чего онъ указывалъ мнѣ на изображеніе ноги какого-то святаго, случайно сохранившееся на стѣнѣ храма. А такъ какъ мнѣ не приходилось раньше видѣть такой архитектуры православныхъ церквей, то я не имѣлъ возможности вѣрить или не вѣрить его словамъ.

Только на третій день академикъ Чорный вспомнилъ о моемъ существованіи и самъ пришелъ навѣстить меня. Онъ извинился, какъ провинившійся ребенокъ, и настоятельно просилъ, чтобы я пришелъ обѣдать къ другу его Габлицу.

— Этотъ человѣкъ пользуется большимъ вниманіемъ свѣтлѣйшаго князя—говорилъ онъ—и можетъ быть каждому полезнымъ.

Я не церемонился, потому что давно желалъ быть въ хорошемъ обществѣ людей.

Карлъ Ивановичъ принялъ меня нѣсколько покровительственнымъ тономъ, но часъ спустя обращался какъ съ равнымъ и настаивалъ, чтобы я перешелъ на службу въ Таврическую область.

Я отвѣчалъ, что до настоящаго времени служилъ въ военной службѣ и не гожусь для гражданской.

— Здѣсь, дѣйствительно, нуждаются въ гражданскихъ чинахъ болѣе, чѣмъ въ военныхъ—отвѣчалъ онъ—но вы еще молоды и скоро изучите порядки; въ крайности-же вамъ дадутъ приличное мѣсто по провіантской части. По моему всѣ русскіе дворяне обязаны хоть годикъ послужить въ Крыму, чтобы узнать его и сдѣлать своимъ. А есть у васъ крѣпостные? спросилъ онъ вдругъ.

— Мы имѣемъ имѣніе въ Воронежской губерніи, которымъ пока распоряжается нашъ отецъ.

— Тѣмъ лучше, отецъ надѣлитъ васъ деньгами и людьми, которыхъ вы переведете на свою собственность въ Крымъ. Здѣсь земли пока не почемъ. Многіе предлагаютъ по 20 коп. за десятину, которая лѣтъ чрезъ 10-ть не отдастся и по рублю.

Слова эти глубоко запали въ мою память и признаться съ этого времени я постоянно мечталъ пріискать себѣ порядочное мѣстечко въ одномъ изъ тѣхъ городовъ Крыма, которые, послѣ осмотра, мнѣ болѣе понравятся. Но для этого мнѣ предварительно нужно было согласіе престарѣлыхъ родителей и жены, которую я оставилъ на рукахъ матери въ такомъ положеніи, когда не слѣдуетъ тревожить и изумлять новыми проектами.

Лишь только мы сѣли за нашъ походный обѣдъ, какъ назвалъ его Габлицъ, къ намъ вошелъ какой-то военный.

— Ба! вскрикнулъ Карлъ Ивановичъ и бросился къ нему навстрѣчу. Неожиданный гость былъ родной братъ управляющаго Таврическою областью Максимъ Василичъ Каховскій, служившій камандиромъ крымской дивизіи. Познакомившись съ нами, этотъ веселый воевода, потребовалъ сейчасъ горѣлки и чего-нибудь соленаго; затѣмъ, погладивъ животъ, занялъ мѣсто между нами.

— Ну, ужъ эти мнѣ татарскія головы—заговорилъ онъ—обѣщали продать двухъ великолѣпныхъ лошадей на выборъ изъ косяка, въ которомъ оказались одни клячи. Только напрасно проѣздилъ около сотни верстъ. Не поѣдишь-ли ты Карлъ Ивановичъ со мною къ Балатукскому бею, который любитъ хвастать своимъ табуномъ? Авось у него я найду себѣ пару.

Габлицъ отказался подъ предлогомъ экстренныхъ дѣлъ.

— У тебя всегда есть законныя причины противъ друзей—отвѣчалъ воинъ, представившись обиженнымъ. Ты никакъ не хочешь разстаться со своими столичными замашками даже и между азіятскими народами. Ну отчегобы не услужить товарищу и другу?

— Не могу, потому что дорожу каждымъ часомъ. А вотъ попроси этого господина—сказалъ Карлъ Ивановичъ, указывая на меня—онъ пріѣхалъ съ цѣлью осмотрѣть Крымъ и вѣроятно не откажется сопутствовать тебѣ.

Максимъ Васильевичъ обратился ко мнѣ и когда я охотно принялъ его предложеніе, громогласно заявилъ, что сейчасъ-же увидѣлъ во мнѣ чистокровнаго русака. Съ этой минуты мы сдѣлались пріятелями съ человѣкомъ, которому я обязанъ былъ въ послѣдствіи и боль-

шимъ кругомъ знакомства и тѣмъ, что поступилъ на службу въ Таврической области.

До отъѣзда моего я поинтересовался узнать отъ Ѳедора Степановича, какое положеніе занимаетъ, по вычисленіямъ, его Евпаторія.

— Она находится подъ 45° 13½′; долгота-же отъ Ферро 51° 6′, а отклоненіе магнитной стрѣлки 11° 36′.

4.

Новый пріятель мой Каховскій оказался чрезвычайно добрымъ и простосердечнымъ человѣкомъ. Онъ на другой-же день началъ говорить мнѣ *ты* и предлагалъ бросить Чорнаго, который не понравился ему по угрюмому виду.

— Такимъ людямъ какъ твой академикъ и мой полунѣмецкій другъ слѣдуетъ жить между монахами, а не въ Таврической области, гдѣ и безъ того тоска грызетъ душу. Ну, возможно-ли по цѣлымъ часамъ толковать о томъ какъ такой-то нѣмецъ или французъ думалъ о солнцѣ и лунѣ или какіе прежде обитали въ Тавридѣ народы? Да какая намъ отъ этого польза, если они опредѣлятъ даже, что солнце состоитъ не изъ огня а воды? Во первыхъ имъ никто не повѣритъ и наконецъ отъ этого у насъ не выростутъ крылья; а что касается первобытныхъ народовъ, то развѣ они чѣмъ-нибудь отличались отъ насъ? Я готовъ спорить, что всѣ они были такъ глупы, что не умѣли выдумать хорошей водки. Ну стоитъ ли послѣ всего этого вся наука мѣднаго гроша? По моему географическія карты и языкознаніе еще принесутъ кое-какую пользу, а все остальное сущее самобродство и умопомраченіе. Ей, ей смѣшно подумать, что взрослые люди занимаются пустяками, свойственными дѣтскому и юношескому возрасту.

Максимъ Васильевичъ кромѣ меня пригласилъ съ собою какого-то офицера изъ Казанской губерніи, знающаго татарскій языкъ на казанскій манеръ. Говорятъ, что эти нарѣчія на столько отличаются, какъ русское и малороссійское. Къ намъ привели четверку татарскихъ лошадей, набранныхъ у горожанъ; кое-какъ напялили на нихъ сбрую, принадлежавшую Каховскому, которую

онъ долженъ былъ возить всегда съ собою, потому что у туземцевъ нельзя было найти ее.

— Ну, Кудрявка садись—приказалъ воевода деньщику своему, когда коляска была запряжена—да не столкни отъ усердія проводника, не то придется возвращаться назадъ.

Кудрявка что-то промычалъ подъ носъ, пригласилъ татарина сѣсть на козлы, окинулъ насъ небрежнымъ взглядомъ, перекрестился и гаркнулъ: „эй вы татарочки съ Богомъ!

И снова я очутился въ степи какого-то печальнаго, пригорѣлаго цвѣта. Лошадки наши, не смотря на маленькій ростъ, обладали звѣрскою прытью и неслись что было мочи, чтобы избавиться отъ безжалостнаго кнута Кудрявки.

Мы ѣхали не болѣе трехъ съ половиною часовъ. Резиденція Балатускаго бея оказалась почти такая-же какъ у Перекопскаго капитанъ-исправника; но князь этотъ былъ гораздо старше секундъ-маіора и гораздо солиднѣе его съ вида. Онъ самъ вышелъ къ намъ и безъ всякихъ выраженій радости, просилъ зайти въ пріемное отдѣленіе. Точно мы случайно остановились около его дома и онъ не былъ знакомъ съ командиромъ Крымской дивизіи. Но въ холодномъ пріемѣ этомъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, высказалась прямота души религіознаго фанатика. Бей, имя котораго я нынѣ не припомню, прежде всего пустился въ продолжительный разговоръ съ нашимъ толмачемъ и только затѣмъ освѣдомился о нашемъ здоровьи и новостяхъ. Подали кофе и всенепремѣнныя трубки. Въ самомъ разгарѣ бесѣды въ пріемную вошелъ цырульникъ и, не смотря на присутствіе гостей, хозяинъ сѣлъ посрединѣ комнаты и подставилъ свою обнаженную голову подъ обломокъ косы, которою былъ вооруженъ брадобрей. Мы невольно встрѣтились глазами съ Максимомъ Васильевичемъ. Впрочемъ это безцеремонное обращеніе не показалось Каховскому страннымъ вѣроятно по привычкѣ. По окончаніи операціи цырульникъ произнесъ какое-то маленькое привѣтствіе, а Бей по прежнему занялъ свой почетный уголъ и, не обращая на насъ вниманія, спросилъ у стоящаго у дверей съ

скрещенными руками слуги: скоро-ли придетъ мулла? Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ вошелъ въ зеленой накидкѣ полусѣдой человѣкъ съ чалмою на головѣ съ какимъ-то мѣднымъ снарядомъ за поясомъ. Снарядъ этотъ, какъ я убѣдился потомъ, заключалъ въ себѣ чернила и камышевыя перья. Воздавъ всѣмъ намъ почтеніе, мулла сѣлъ за спиною бея и, вынувъ изъ-за пазухи книжку, началъ что-то читать. Потомъ взялъ ножъ съ чернымъ черенкомъ и началъ водить остріемъ по лицу, шеѣ, рукамъ и ногамъ хозяина.

Мы рѣшительно не понимали значенія этихъ таинственныхъ манипуляцій и не смѣли спрашивать о значеніи ихъ. Въ заключеніе мулла три раза лизнулъ языкомъ бея въ лобъ и, ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты.

Только тогда Балатуковъ объяснилъ, что его вчера сглазили, что онъ всю ночь не спалъ и вынужденъ былъ сегодня прибѣгнуть къ ученому человѣку.

Максимъ Васильевичъ не выдержалъ и громко засмѣялся.

— Неужели онъ вѣритъ въ такіе фокусы? спросилъ онъ у переводчика.

На этотъ вопросъ бей высказалъ полныя свои убѣжденія въ вліяніи на людей дурнаго глаза. Спорить не приходилось, а потому мы сочли болѣе приличнымъ обратить наше вниманіе на изцѣлителя подобнаго рода недуговъ. Мулла, видѣнный нами, оказался не духовнымъ лицомъ, а назывался этимъ именемъ только потому, что былъ ученымъ и могъ исполнять эту обязанность по праву знанія религіозныхъ постановленій *). Онъ былъ турокъ, недавно прибывшій изъ Стамбула съ цѣлью посмотрѣть на единовѣрцевъ своихъ и заработать кое-что для обезпеченія старости.

— Я оставилъ его у себя на одинъ мѣсяцъ—сказалъ бей—чтобы поучиться кое-чему и признаюсь очень доволенъ его мудрыми рѣчами. При этомъ онъ отлично знаетъ лечить отъ всѣхъ болѣзней, которыя у него нарисованы

---

*) У мусульманъ, какъ извѣстно, не существуетъ священства и каждый грамотный можетъ быть настоятелемъ мечети по договору съ прихожанами. Въ договоры эти не вмѣшивается никакая власть.

въ книгѣ въ тѣхъ видахъ, въ какихъ появляются въ нашей внутренности.

— Ну, я охотно-бы взглянулъ на эти изображенія— сказалъ Каховскій съ сдержанною улыбкою.

Бей сейчасъ-же приказалъ позвать турка и заставилъ его показать намъ всѣ виды существующихъ въ мірѣ болѣзней. Мулла выразилъ сомнѣніе въ томъ, что мы ничего не поймемъ, но въ концѣ концовъ принесъ книгу съ грубыми изображеніями такихъ чудовищныхъ насѣкомыхъ, какихъ вѣроятно никогда не существовало и не будетъ существовать въ мірѣ. Мулла, указывая на какіе-то десяти-головыя шявки, объяснилъ, что это олицетвореніе лихорадки, а другія страшилища создаютъ горячки, оспу и т. п. Мы, конечно, подсмѣивались надъ его шарлатанствомъ *) съ цѣлью обманывать довѣрчивыхъ людей, но не желая высказать этого напрямикъ, распрашивали о средствахъ, придуманныхъ турецкими лекарями противъ каждаго изъ чудовищъ. Но хитрый турокъ уклонился отъ дачи отвѣта, ограничиваясь обращеніемъ нашего вниманія на какое-то животное, чрезвычайно походящее по формѣ на коника и вмѣстѣ съ тѣмъ на зайца.

— Видите-ли вы это насѣкомое—говорилъ онъ—оно проникаетъ въ нашу внутренность и дѣлаетъ тамъ ужасные прыжки, нисколько не заботясь о томъ, что каждый изъ его прыжковъ болѣзненно поражаетъ наши ощущенія. Долго люди думали найти средства поразить его пріемомъ во внутрь лекарства, но не нашедъ такого яда порѣшили, что надо уничтожить его чѣмъ нибудь острымъ снаружи. Попробовали шило, но оно оказалось недѣйствительнымъ, но лишь только взялись за цыганскую иголку и начали колоть тѣ мѣста, которыя болѣли или ныли, какъ почувствовали облегченіе. Съ этихъ поръ мы установили, что болѣзнь зайца **) уничтожается только цыганскою иголкою.

---

*) Мнѣ и самому не разъ приходилось видѣть у татаръ эти изображенія инфузорій въ сильно увеличенномъ видѣ. Но какимъ образомъ они могли сдѣлаться имъ извѣстными съ свойствомъ воспроизводить въ организмѣ болѣзненныя явленія?—я рѣшительно недоумѣваю, на томъ основаніи, что догадки эти только въ наше время допускаются медициною. Ужъ не наслѣдовали-ли турки кое-какія свѣдѣніями изъ рукописей Александрійской библіотеки, если только древніе имѣли понятія о бактеріяхъ и другихъ міазмахъ?

**) По татарски *хомчикъ*.

Турокъ говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что могъ бы любого татарина заставить повѣрить ему.

Наше молчаніе повидимому очень понравилось бею, потому что онъ началъ разсказывать переводчику нашему о какихъ-то необыкновенныхъ подвигахъ турка противъ злыхъ духовъ.

— А развѣ у васъ водятся и черти? спросилъ Максимъ Васильевичъ.

— Злые духи — отвѣчалъ бей — всегда живутъ около правовѣрныхъ, чтобы искушать тѣхъ, которые неисполняютъ въ точности постановленій религіи.

Въ этой фразѣ слышалось, что молъ у васъ христіанъ и этихъ злодѣевъ не бываетъ въ гостяхъ, а къ намъ, какъ видите, льнутъ всѣ добрыя и злыя силы.

Турокъ, чтобы поддержать свое достоинство и доказать, что его не напрасно возноситъ премудрый бей, началъ разсказывать о шайтанахъ такія нелѣпости, что Каховскій прямо назвалъ его дуракомъ и обманщикомъ, котораго слѣдуетъ взять въ тюрму.

При этихъ грозныхъ словахъ, сказанныхъ безъ малѣйшей злости, нашъ мулла измѣнился въ лицѣ и поспѣшилъ убраться, чтобы не раздразнить собакъ, такъ какъ они, по словамъ переводчика, всѣхъ христіанъ считаютъ за этихъ животныхъ.

Балатуковъ продолжалъ отстаивать мудреца.

— Передай ему—сказалъ Максимъ Васильевичъ толмачу — что этотъ турокъ ничего не знаетъ и никакой власти не можетъ имѣть надъ злыми духами, если они даже существуютъ въ Крыму. Если же онъ не вѣритъ мнѣ, то я докажу на дѣлѣ: мы посадимъ турка въ острогъ и къ нему не явится ни одинъ духъ на помощь.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, потому что духи очень обрадовались-бы, еслибъ такого повелителя отдѣлили отъ людей. Но мнѣ ужасно странно, что вы русскіе отвергаете существованіе злыхъ шайтановъ, которыхъ дѣла мы видимъ чуть не на всякомъ шагу.

— Это говорятъ, любезнѣйшій бей, только люди суевѣрные, но не одинъ не говоритъ, что видѣлъ своими глазами шайтана.

— Давно-бы ты сказалъ мнѣ это, тогда я съумѣлъ-бы

увѣрить тебя въ противномъ. Знай-же, что мнѣ, бею этой округи, самому пришлось имѣть дѣло съ злымъ духомъ и сокрушить его при помощи одного благочестиваго шейха. Вотъ какъ было дѣло: однажды въ ясную зимнюю ночь я ѣхалъ мимо большаго деревенскаго кладбища. Вдругъ ко мнѣ выскочила на встрѣчу маленькая, очень красивая собачка и такъ жалобно завыла, что я сжалился надъ нею и, приказавъ кучеру остановиться, взялъ ее къ себѣ въ арбу. Дѣти и вся семья моя были въ восторгѣ отъ прелестнаго животнаго. На слѣдующій день собачка исчезла изъ комнаты нашей, не смотря на то, что всѣ двери и окна были заперты. Я конечно не предавалъ этому значенія и забылъ-бы о ней, еслибъ одна изъ прислугъ съ ужасомъ не заявила мнѣ, что у насъ въ пріемной комнатѣ подъ софою лежитъ мертвецъ огромнаго роста. Тогда я понялъ въ чемъ дѣло и пригласилъ народъ съ шейхомъ, которому и разсказалъ о ночной находкѣ своей. Слушатели всѣ единогласно подтвердили, что злой шайтанъ желая подставить мнѣ подъ носъ испорченную тыкву, нарочно вселился въ тѣло мертвеца, а затѣмъ въ образѣ собачки прельстилъ меня и семью мою. Оскорбленіе, какъ видите, было ужасное для правовѣрнаго бея. Отъ злости у меня застучали челюсти, какъ молотки, и я просилъ шейха подвергнуть мертвое тѣло самому высшему наказанію. Требованіе мое было исполнено безъотлагательно: мертвое тѣло пробито насквозь коломъ и сожжено на стогѣ соломы. Вотъ тебѣ доказательство, котораго ты требуешь. Надѣюсь, что отнынѣ ты не станешь сомнѣваться въ нашихъ вѣрованіяхъ и сдѣлаешься настолько уменъ, что не возьмешь къ себѣ въ домъ собачки, случайно встрѣченной около кладбища.

— Какой-же онъ невѣжда—замѣтилъ Каховскій и сейчасъ-же перешелъ къ цѣли своего пріѣзда. Тѣмъ временемъ накрытъ былъ табуретъ мѣднымъ большимъ подносомъ съ разными закусками и насъ пригласили къ завтраку. Балатуковъ не принялъ въ немъ участія. Толмачъ говорилъ намъ, что это сдѣлано было имъ изъ нежеланія высказать предъ гяурами свою дружбу и намѣренія дѣлиться съ ними хлѣбомъ—солью.

Это сказано было только тогда, когда мы встали уже

изъ за стола. Максимъ Васильевичъ обидѣлся, но не сказавъ ничего, купилъ у скупаго Балатукова, вмѣсто двухъ одну верховую лошадь и мы въ ту же минуту выѣхали.

Мы возвратились поздно въ Евпаторію. Максимъ Васильевичъ не отпустилъ меня на квартиру до того времени, пока не накормилъ и не напоилъ по русскому правилу гостепріимства.

— Приходите завтра ко мнѣ отобѣдать по походному положенію, сказалъ онъ, когда мы откланялись.

На слѣдующее утро Киркоръ-ага разбудилъ меня сообщая, что турецкое военное судно приняло направленіе къ Гезлеву безъ сомнѣнія съ враждебною цѣлью и что городскіе татаре собрались въ большомъ числѣ на набережную, чтобы выразить ему сочувствіе.

— Да развѣ это возможно—спросилъ я. Сколько мнѣ извѣстно татаре сами изъявили согласіе состоять въ нашемъ подданствѣ, а теперь ты говоришь, что они сочувствуютъ туркамъ.

— Татаре никогда не изъявляли искренняго желанія состоять въ подданствѣ христіанъ—отвѣчалъ содержатель постоялаго двора—и никогда не изъявятъ его по религіозной враждѣ. Если же это было высказано нѣсколькими сотнями, то изъ одной ненависти къ Шагинъ гирею, который опротивѣлъ имъ. Повѣрьте мнѣ, что они ненавидятъ теперь насъ больше своего послѣдняго хана и готовы сдѣлать все, чтобы возстановить свою независимость изъ за того только, что не чувствуютъ надъ собою никакой власти.

— Неужели ты допускаешь, что они вооружатся противъ насъ?

— Безъ сомнѣнія, если только на турецкомъ суднѣ окажется войско и боевые снаряды.

Отвѣтъ этотъ покоробилъ меня и я поспѣшилъ къ морскому берегу, на которомъ засталъ чуть-ли не всѣхъ обитателей города, молчаливо смотрящихъ на небольшой корабль, виднѣющійся вдали. Вслѣдъ затѣмъ наскочили на насъ казаки и потребовали, чтобы всѣ удалились съ набережной. Татаре взъёрошились было, но видно казацкія нагайки взяли перевѣсъ и всѣ они разошлись.

Въ это время предо мною очутился Каховской на лошади, купленной у Балатукова.

— И ты здѣсь? спросилъ онъ, подъѣзжая ко мнѣ.

— Да, отъ нечего дѣлать пришелъ поглазѣть.

— Ну братъ какъ хочешь, а если турки вздумаютъ высадиться, то я заставлю и тебя взять ружье.

Пока мы говорили съ Максимомъ Васильевичемъ, враждебное судно повернуло къ Западу и быстро скрылось вдали.

— Теперь идемъ обѣдать—сказалъ командиръ дивизіи—я угощу тебя сегодня горѣлкою, которую впервые добылъ въ Крыму садовникъ Банкъ, командированный сюда правительствомъ. Признаюсь такой водочки я никогда не пивалъ раньше!

Мы взглянули еще разъ на море и, окончательно убѣдившись, что турецкое судно направилось въ противоположную сторону, возвратились домой. Каховской засталъ у себя одного изъ сыновей выкрещеннаго Измаилъ бея Рудзевича, бывшаго усерднѣйшимъ сподвижникомъ присоединенія Крыма къ нашей державѣ. Онъ былъ въ офицерскихъ эполетахъ и довольно хорошо объяснялся по русски. Максимъ Васильевичъ выразилъ ему много ласки и оставилъ обѣдать. Александръ Яковлевичъ, такъ называлъ его Каховскій, былъ рослый мущина съ хорошими манерами и отлично зналъ своихъ соотечественниковъ татаръ, которыхъ чрезвычайно бранилъ за невѣжество. Этотъ человѣкъ съ перваго взгляда очаровалъ меня прямотою мыслей и надеждами на свѣтлую будущность Крыма, если князь Потемкинъ не разочаруется въ своихъ предпріятіяхъ.

Въ тотъ же вечеръ меня угостилъ Киркоръ ага медомъ, приготовляемомъ въ здѣшнемъ краѣ изъ кавуновъ. По разсказу его это дѣлается слѣдующимъ образомъ: кавуны разрѣзывая по поламъ выбирать съ сѣменами одно мясо и класть въ чашки, потомъ давить руками и перетерши порядочно положить въ волосяной мѣшокъ, который будетъ лежать въ корытѣ, имѣющемъ отверстіе съ засовомъ, а тотъ мѣшокъ надобно чистыми ногами топтать и сокъ выпускать отверстіемъ въ кадушку, а потомъ перелить въ казанъ и варить пока останется

половина, затѣмъ долить новымъ сокомъ, послѣ чего въ третій разъ долить и когда опять уменьшится на половину и сдѣлается темнымъ, перелить въ поливную посуду. Сія вещь можетъ быть невредима до новыхъ кавуновъ и употребляется въ пищу съ хлѣбомъ и разными другими способами *).

Кромѣ этого я узналъ какимъ фасономъ здѣшніе татаре приготовляютъ овечій сыръ. Обыкновенно берутъ овечье молоко сладкое послѣ выдоя и не давая ему прохолоднуть нимало задаютъ длядою. Сія вещь (закваска) добывается изъ зарѣзаннаго ягненка, который началъ уже ѣсть траву. Изъ него вынимаютъ пузырочекъ съ молокомъ и травою (жолчь), который солятъ и сушатъ и употребляютъ вмѣсто закваски, отчего молоко чрезъ часъ сдѣлается загустѣвшимъ. Всю сію густоту переносятъ въ волосяный мѣшокъ и кладутъ на рѣшотку, плетенную изъ молодой лозы и поставленную на высокое мѣсто надъ кадушкою, въ которую стекаетъ сыворотка, когда-же вытечетъ она совершенно, накладываютъ доскою и чѣмъ нибудь тяжолымъ. На другой день все это достаточно твердѣетъ, солится и складывается въ кадушку. По достаточномъ просоленіи сыръ этотъ или въ такомъ видѣ употребляется въ пищу или складывается въ цѣльный бараній тулубъ и довольно долго наливаемый жирнымъ молокомъ, превращается отъ давленія палкою въ одну массу, которую ѣдятъ съ хлѣбомъ и называютъ тулуннымъ сыромъ.

5.

По приглашенію Каховскаго я оставилъ Федора Степановича Чорнаго съ прибывшими къ нему сотрудниками въ Евпаторіи и поѣхалъ въ Левкополь или Старый Крымъ. Я оставилъ академику моего слугу въ залогъ того, что явлюсь на первый призывъ его, когда онъ соберется выѣзжать изъ Крыма. Нѣтъ сомнѣнія, что Федоръ Степановичъ, пока съ нимъ будетъ Габлицъ, ни разу невспомнитъ обо мнѣ. Этотъ чиновникъ такъ хорошо и много

*) Въ настоящее время въ Крыму рѣдко кто приготовляетъ изъ арбузовъ этотъ бекмезъ, а въ продажѣ его вовсе не имѣется.

говоритъ обо всемъ, что будь и я съ нимъ въ дружбѣ, не нуждался-бы въ другихъ товарищахъ и собесѣдникахъ. У Габлица чрезвычайно разыгралась фантазія о благоустройствѣ этого края. Изъ всѣхъ его фразъ я замѣтилъ, что онъ желаетъ олицетворить мысли своего могущественнаго патрона: ѣздить самъ по всѣмъ мѣстностямъ страны, изучаетъ всѣ мелочи и безъ устали пишетъ.

Я поѣхалъ съ Максимъ Васильевичемъ съ цѣлью представиться къ брату его Василію Васильевичу, который былъ правителемъ области, и снискать его расположенность, на случай переѣзда моего на службу въ Крымъ.

— Братъ мой все можетъ сдѣлать — говорилъ мнѣ Каховской—такъ какъ его жалуетъ свѣтлѣйшій и вдобавокъ онъ находится въ дружбѣ съ правителемъ его канцеляріи Поповымъ.

Въ послѣдней фразѣ слышалось, что Поповъ чуть-ли не поважнѣе былъ самаго Потемкина.

Максимъ Васильевичъ ѣхалъ въ Старый Крымъ по дѣламъ службы во первыхъ, относительно размѣщенія въ немъ на казенной землѣ отставныхъ солдатъ, чтобы обратить ихъ въ хлѣбопашцевъ, и наконецъ, чтобы взглянуть и выбрать мѣсто для постройки кирпичныхъ заводовъ. Хотя это послѣднее и не составляло его обязанности, но онъ принялъ на себя въ угоду брата, чрезвычайно ратующаго о благахъ Крыма. Кромѣ этого ему поручено было послать нарочнаго въ Керчь и Ѳеодосію для пріобрѣтенія свѣтлѣйшему князю двухъ десятковъ лучшихъ балыковъ, кефальной икры и соленыхъ сельдей.

Путь нашъ сначала шелъ изрѣдка населенными степями, но потомъ началъ оживляться низменностями съ рослыми деревьями. Мы проѣхали очень живописную Бештерекскую, Асминскую, Зуйскую и еще одну долину, названіе которой я не припомню *). Всѣ они пересѣкались небольшими горными рѣчками. Это такія мѣста, которыя современемъ сдѣлаются прелестными дачами богатыхъ людей. Къ сожалѣнію въ нынѣшнемъ году здѣсь плохой урожай, какъ на плоды, такъ равно и на посѣ-

*) Безъ сомнѣнія Бурулчинская низменность.

вы. Въ другіе-же годы разсказывали намъ, встрѣченные на Зуѣ русскіе, урожаи въ особенности фрукты бываютъ такъ изобильны, что подъ всякую древесную вѣточку приходится ставить по двѣ подставки, чтобы сберечь ее отъ перелома. Изъ принесенныхъ намъ плодовъ мнѣ понравились сочныя груши и небольшія желтоватыя яблоки.

По случаю поспѣшности мы проѣхали Карасубазаръ ночью, такъ что я не видѣлъ ничего кромѣ массы зданій и того двора, гдѣ намъ подали ужинъ и перемѣнили лошадей. На слѣдующій день мы кое-какъ добрались до Левкополя.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ гораздо труднѣе ѣздить въ дождевыя погоды, чѣмъ въ Россіи, но за то здѣсь, не смотря на позднѣе лѣто, вся степь зазеленѣла какъ весною.

Левкополь или правильнѣе Старый Крымъ въ настоящее время очень маленькій городокъ, но кругомъ на большее растояніе идутъ развалины большихъ построекъ, свидѣтельствующихъ о прежнемъ величіи этого города.

Мы остановились у офицера, завѣдывающаго отрядомъ козаковъ, который не иначе говорилъ съ Максимомъ Васильевичемъ, какъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ субординаціи. Это мнѣ очень не нравилось, а потому я во все время пребыванія нашего въ Левкополѣ приходилъ на квартиру тогда, когда чувствовалъ голодъ или необходимость отдохнуть. Нашедъ здѣсь одного уроженца Воронежской губерніи, т. е. земляка моего, успѣвшаго осмотрѣть всѣ достопримѣчательности, я чуть-ли не по цѣлымъ днямъ бродилъ съ нимъ въ окрестностяхъ и между развалинами. Ну не напрасно говорилъ намъ Габлицъ, что въ Старомъ Крыму чрезвычайно много священныхъ предметовъ для исторіи крымскихъ татаръ, но къ сожалѣнію они стоятъ молчаливо, какъ разрушенные остовы, и не единымъ знакомъ не могутъ повѣдать событій прошлыхъ вѣковъ.

Здѣсь я на каждомъ почти шагу встрѣчалъ слѣды чуть-ли не дворцовъ, которые усердно разбираются новыми поселенцами на новыя избы. Точно этотъ городъ разрушенъ землетрясеніемъ. Какъ жаль, что я не зналъ та-

тарскаго языка, чтобы по-распросить у туземцевъ о сохранившихся преданіяхъ, а вѣроятно многое имъ извѣстно. Въ одномъ дворѣ я нашелъ большой квадратный камень съ длинною латинскою *) надписью, такъ густо написанною, что ничего не могъ разобрать, въ другомъ мѣстѣ видѣлъ изображеніе Пресвят. Богородицы съ младенцомъ Іисусомъ, въ третьемъ очень хорошо отдѣланныя капители и т. п. Изъ всего этого можно заключить, что нѣкогда обитали здѣсь въ значительномъ числѣ христіане. Но всего интереснѣе для меня были въ окрестностяхъ: оставленный армянами на произволъ судьбы древнѣйшій монастырь и пещера, которую называютъ воротами ада. Она находится на восточной сторонѣ горы Агармышъ **) и легко уподобляется жерлу потухшаго вулкана. Кромѣ всего этого мнѣ указывали на развалины какихъ-то особенныхъ будто-бы зданій, около которыхъ лежали многіе надгробные камни съ надписями на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ.

Настоящее состояніе Стараго Крыма слѣдующее: одна церковь греческая въ развалинахъ, четыре армянскихъ вѣтхихъ и одна совсѣмъ изломанная; жилыхъ домовъ 110, а всѣ остальныя въ развалинахъ. Главныхъ джами или мечетей двѣ, изъ нихъ въ одной не совершается богослуженія; кромѣ ихъ двѣ, въ которыхъ идетъ служба, одна пустая, но цѣлая; одна вѣтхая и двѣ въ развалинахъ. Медресе или татарская школа также въ развалинахъ; жидовская школа тоже вѣтхая безъ крыши. Бань 4, три вѣтхихъ, а одна дѣйствуетъ, въ ней хозяйничаетъ одинъ изъ мѣстныхъ татаръ, но доходъ такой ничтожный, что онъ съ нуждою пополамъ проживаетъ. Фонтановъ 8, но въ 9-мъ вѣтхомъ нѣтъ воды. Черезъ сухой ровъ устроенъ каменный мостъ, который крѣпокъ еще.

По словамъ татаръ сей городъ получилъ начало свое отъ пріѣзжающихъ изъ Анатоліи турецкихъ купцовъ и присовокупившихся къ нимъ татаръ, а по умноженіи онаго избранъ былъ между ними въ начальники нѣкій Деримъ, отъ котораго и произошло настоящее имя его Крымъ.

---

*) Безъ сомнѣнія итальянская, временъ генуэзцевъ.

**) Татаре называютъ ее Пигистанъ-хую т. е. колодцемъ Пигистана.

Этотъ начальникъ обнесъ городъ каменною стѣною, отъ которой теперь видны только слѣды. По другимъ названіе Крымъ означаетъ *противникъ другимъ* и присвоено ему за отважное сопротивленіе сосѣдямъ своимъ кафскимъ и судакскимъ жителямъ. Подкрѣпленія-же они получали отъ хановъ или предводителей татарскихъ ордъ, которые тогда Крымскимъ полуостровомъ не совершенно владѣли, а причиняли частые набѣги. По примѣру татаръ колонисты эти приняли магометанскіе законы и во время царствованія Узбекъ Мегметъ хана на иждевеніе его построена первая джами въ 714 году отъ геджиры, а отъ Р. Х. въ 1300 году и названа джума-джами т. е. праздничная, а возлѣ оной выстроили медресе или духовное училище, котораго теперь видны только развалины. По завладѣніи-же татарами всѣмъ полуостровомъ мѣсто это служило ханамъ столицею и было знаменитымъ, чему слѣдуетъ вѣрить, судя по множеству развалинъ. Нечаятельно однакожъ мнѣ кажется, чтобы сіе мѣсто въ началѣ своемъ столь мало значущее могло-бы придать свое имя всему полуострову, который еще до татаръ назывался Крымомъ. Правдоподобнѣе предположеніе многихъ авторовъ, что сей полуостровъ получилъ имя Крымъ отъ народа изъ племени Сарматскаго, именуемаго Кимеріи и живущаго около Керченскаго пролива почему и проливъ этотъ назывался босфоромъ Кимирійскимъ.

Отъ бездѣлья я съѣздилъ въ Карагезъ. Сіе мѣстечко лежитъ по рѣчкѣ Бузлыкъ и содержитъ въ себѣ мечеть. Прочія строенія заняты татарами, которыхъ однако очень немного. Фонтановъ въ немъ не имѣется и жители довольствуются водою изъ колодцевъ въ двѣ и три сажени глубиною. Впрочемъ неподалеку отъ деревни есть фонтанъ, дающій хорошую воду и состоящій въ исправности.

Сіе мѣстечко получило имя свое отъ дочери Мегметъ гирей хана, именуемой Карагёзъ, (т. е. черноглазая) которой онъ съ принадлежностію отдалъ его и гдѣ она построила дворецъ и со всѣми своими служителями заселилась. Отецъ же ея Мегметъ гирей построилъ тутъ мечеть, послѣ чего перешло сюда нѣсколько татаръ и образовалось мѣстечко. Впослѣдствіи ханская дочь подарила сіе мѣстечко нѣкоторому муллѣ Ахмету, къ кото-

рому оно и перешло послѣ смерти ея, а послѣ муллы досталось его братьямъ, изъ рода которыхъ послѣдній наслѣдникъ умеръ только въ прошломъ году. Теперь же владѣетъ имъ малолѣтній его племянникъ, который живетъ неподалеку оттуда въ деревнѣ Кулешъ.

Наконецъ мы получили лучшіе балыки изъ Керчи, которые приготовляются тамъ албанцами. Это большіе куски просоленой и провяленой осетрины, которые очень понравились мнѣ и по вкусу и наружному виду. Но Максиму Васильевичу больше нравится кефальная икра такого-же цвѣта, какъ и балыки. Она дѣйствительно хороша, когда употребляется въ ѣду тончайшими ломтиками и въ особенности послѣ рюмки водки. Посланный объявилъ намъ, что въ нынѣшнемъ году въ окрестностяхъ Керченскаго пролива очень много поймано рыбы и заготовлено клею болѣе, чѣмъ на 1500 руб.

Уложивъ икру въ ящикъ, а балыки въ парусину мы отправили ихъ впередъ, чтобы не заставлять свѣтлѣйшаго ожидать долго любимыхъ предметовъ, а на другой день собрались и сами въ дорогу. Отъѣздъ нашъ задержанъ былъ многими сосѣдними мурзами, нарочно прибывшими къ Каховскому поздравить его съ пріѣздомъ и заявить о желаніи своемъ построить себѣ дома въ Карасубазарѣ на городской землѣ. Максиму Васильевичу очень понравилось ихъ желаніе и онъ увѣрялъ, что братъ его, правитель области, охотно сдѣлаетъ распоряженіе о немедленномъ отводѣ имъ участковъ земли. Изъ этого, а равно и другихъ заявленій, я легко убѣдился, что они желаютъ приблизиться къ намъ. Предположеніе мое подтвердилъ и Максимъ Васильевичъ. Оказывается только, что первостатейные мурзы Ширинскіе чуждаются насъ, какъ-бы въ ожиданіи, что вынудятъ русское правительство заискивать ихъ дружбы.

— Пусть утѣшаются этими надеждами—сказалъ съ улыбкою Каховской—а въ концѣ концовъ мы заставимъ ихъ опустить свой носъ. Мой братъ съумѣетъ показать имъ нашу власть и они скоро забудутъ свое турецкое знамя, которымъ наслѣдовали отъ турецкаго султана.

При отъѣздѣ къ Максиму Васильевичу представлялся штабъ-лекарь Полторацкій, не задолго прибывшій въ эти

мѣста для оказанія помощи большому числу страдавшихъ военныхъ чиновъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Стараго Крыма. По словамъ его большинство заболѣваетъ желтою горячкою, противъ которой помогаетъ хина. Каховскій очень просилъ его быть внимательнымъ къ положенію и пищѣ солдатъ, а въ случаѣ надобности и къ помѣщенію ихъ, хотя и сознавалъ, что не легко было лучше расквартировать пять полковъ.

Въ Карасубазарѣ Максимъ Васильевичъ долженъ былъ остановиться на три часа. Мы заѣхали въ хонакъ или постоянную квартиру симферопольскаго капитанъ-исправника Булатъ-бея, считавшагося чистокровнымъ татарскимъ княземъ и кажется воображавшаго, что съ переходомъ Крыма къ русскимъ ему суждено господствовать надъ всѣми татарами. Мысль эта можетъ быть зародилась у него вслѣдствіе того почтенія и довѣрія, которыми онъ пользуется со стороны русскихъ и татаръ. Булатъ-бей мнѣ очень понравился своимъ умѣніемъ обходиться одинаково съ старшими и младшими, немного говорилъ, но какъ кажется, выпускалъ всякое слово не иначе, какъ хорошо обдумавъ. Изъ перваго его разговора съ нами я заключилъ, что онъ не расположенъ къ муфтію или главѣ улемовъ и безпощадно подсмѣивался надъ его какимъ-то излишнимъ усердіемъ предъ нашими властями. Въ этихъ насмѣшкахъ проглядывала кажется маленькая зависть, но такъ какъ я не знаю и не видѣлъ еще этого патріарха исламистовъ, то естественно не ручаюсь за предположеніе свое.

Булатъ бей угостилъ насъ только что полученными изъ Судака въ просоленномъ видѣ каперсами, которые предназначались также къ отправкѣ къ князю Потемкину. Этому баловню судьбы Крымъ постоянно высылаетъ всѣ лучшія свои произведенія. Каперсы мнѣ признаться пришлись не по вкусу въ сыромъ видѣ, но за то я восхищался прозрачнымъ ароматическимъ медомъ, купленнымъ гдѣ-то вблизи отъ Карасубазара. Этотъ медъ можно употреблять вмѣсто варенья. Говорятъ, что его чрезвычайно много добывается въ Крыму и отправляется въ Царьградъ на турецкія лакомства. Каймаканъ, чтобы доказать намъ какой онъ придаетъ вкусъ тѣсту, прика-

залъ принести изъ турецкой кондитерской кружокъ запеканки изъ тончайшихъ тѣстяныхъ нитей, залитыхъ этимъ медомъ *), и слоенное баклава. Эти вещи показались-бы навѣрно и избалованному князю Тавриды не хуже балыковъ и кефальной икры.

Булатъ бей предложилъ Максиму Васильевичу съѣздить къ истоку рѣчки, проходящей чрезъ городъ и одновременно поохотиться, но онъ отказался многими служебными дѣлами. Капитанъ исправникъ былъ большой любитель этого рода развлеченій и увѣрялъ, что никто не стрѣляетъ въ Крыму такъ мѣтко, какъ онъ. Каховскій разсмѣялся отъ этого хвастовства и сталъ доказывать, что онъ не попадетъ въ цѣль на 25 шаговъ. Споръ окончился тѣмъ, что князь три раза не попалъ въ цѣль, ужасно разсердился на любимое ружье свое и съ негодованіемъ выбросилъ его.

Пока мы заняты были этою шалостью взрослыхъ людей, къ намъ подошелъ какой-то очень почтенной наружности мущина, къ которому бросился съ пріятельскими объятіями Максимъ Васильевичъ.

— А вотъ кстати и прокуроръ пожаловалъ къ намъ на споръ—сказалъ онъ—который и опредѣлитъ наказаніе за излишнее хвастовство Булатъ-бея.

— Я не виноватъ измѣнѣ отвѣчалъ каймаканъ, раскланиваясь съ гостемъ. Мнѣ измѣнило оружіе, которое до настоящаго времени служило безъупречно.

— Въ этомъ не трудно убѣдиться: возьмите другое изъ вашей кладовой и докажите вашу правоту—сказалъ чиновникъ.

— Господинъ прокуроръ правъ—отвѣчалъ бей и, не дождавшись отвѣта, приказалъ принести другое ружье.

На этотъ разъ всѣ три выстрѣла его пулями точно достигли опредѣленной точки и всѣ единогласно постановили, что бей превосходный стрѣлокъ.

Послѣ этого Максимъ Васильевичъ представилъ меня прокурору Лесли, который съ особеннымъ вниманіемъ бесѣдовалъ со мною нѣсколько минутъ и предлагалъ въ свою очередь поселиться въ Таврической области.

---

*) Надо полагать что это было такъ называемое *хатаивъ*, названное нами впослѣдствіи царскими кудрями.

Всѣ мы обѣдали вмѣстѣ. Булатъ бей ничего не жалѣлъ для насыщенія насъ, хотя и большинство кушаній были однообразны, т. е. два супа, два соуса, три каши съ рисомъ: одна съ курицею, другая съ индѣйкою, а третья съ барашкомъ.

Не успѣли мы подняться со стола, какъ въ комнату вошелъ молодой татаринъ и извѣстилъ Капитанъ-исправника, что у воротъ его остановился губернаторъ и требуетъ его. Булатъ бей и всѣ гости, за исключеніемъ меня вышли на встрѣчу къ правителю области, съ которымъ вскорости возвратились въ комнату. Его высокородіе Василій Васильевичъ очень благосклонно принялъ меня и подробно распросилъ о причинахъ, заставившихъ прибыть въ Крымъ. Съ первыхъ-же словъ я замѣтилъ, что это былъ очень умный и снисходительный начальникъ, пользующійся заслуженнымъ довѣріемъ какъ со стороны великолѣпнаго князя, такъ равно и могущественнаго правителя его канцеляріи В. В. Попова. Человѣкъ этотъ повидимому никогда ни о чемъ не думалъ, кромѣ своихъ служебныхъ обязанностей, и все, что могъ, дѣлалъ лично и своеручно. Теперь онъ ѣхалъ въ Ѳеодосію и Керчь, чтобы все увидѣть своими глазами присмотрѣться къ народнымъ нуждамъ.

Булатъ бей предложилъ почтенному начальнику своему завтракъ, который онъ охотно принялъ и не безъ удовольствія выпилъ рюмку Банковской водки, которая по его мнѣнію рано или поздно будетъ славиться въ Россіи и получитъ названіе Крымской aqua vita.

Во время завтрака Максимъ Васильевичъ началъ передавать брату своему о томъ, что въ Старомъ Крыму весьма удобно и выгодно будетъ завести кирпичные и другаго рода заводы и что онъ согласно его порученію обозначилъ границами самое удобное мѣсто для построекъ.

— Теперь мнѣ придется—прерваль его губернаторъ—бороться съ Габлицомъ за шелководство. Вотъ странный человѣкъ, онъ никакъ не хочетъ согласиться со мною, что эта отрасль принесетъ Крыму славу и благосостояніе.

— Какія-же онъ выставляетъ основанія въ своихъ убѣжденіяхъ? спросилъ Лесли.

— Онъ полагаетъ, что промышленность эта тамъ вредна, гдѣ туземцы съ большею выгодою занимаются другими отраслями хозяйства и не имѣютъ точнаго понятія о новомъ дѣлѣ. Конечно мнѣніе его, какъ члена экспедиціи государственнаго хозяйства, можетъ быть принято довѣрчиво въ Петербургѣ, но я настою на своемъ въ полномъ убѣжденіи, что предпріятіе это, при содѣйствіи правительства, рано или поздно привьется къ Крыму и многіе тысячи людей станутъ пріобрѣтать тѣ деньги, которыя нынѣ отдаются нами въ Азію. Я по-крайней мѣрѣ буду усиленно хлопотать о первоначальномъ денежномъ пособіи тѣмъ, которые займутся съ толкомъ этимъ дѣломъ, а людямъ состоятельнымъ правительство вѣроятно не пожалѣетъ выдать медали для поощренія.

— Гдѣ-же по вашему мнѣнію удобнѣе развести тутовыя деревья? спросилъ прокуроръ.

— Я по этому поводу совѣтовался со многими и всѣ единогласно находятъ начать разведеніе шелковичныхъ деревьевъ въ Старомъ Крыму. Если мнѣ удастся завести тамъ кафельный и кирпичный заводы, то я въ непродолжительномъ времени постараюсь устроить и кожевный, а потомъ мы будемъ добывать тамъ и свой шолкъ. Старый Крымъ въ близкомъ растояніи отъ Ѳеодосійской бухты, откуда не трудно будетъ сообщаться водою съ Россіею. Словомъ по мнѣнію моему эта мѣстность есть одна изъ лучшихъ въ Крыму и по мѣстоположенію и по условіямъ почвы для различнаго рода промышленности. Мнѣніе мое подтверждается тѣмъ еще, что на этомъ мѣстѣ не напрасно древніе обитатели Крыма имѣли значительный городъ, ведущій торговлю съ отдаленными странами, а если послѣднее вѣрно, то почему и намъ не попробовать оживить его тѣмъ болѣе, что свѣтлѣйшій и наша великая государыня ничего не пожалѣютъ для блага имперіи. Вообще-же говоря въ Крыму вездѣ отлично растетъ шелковичное дерево и если мы будемъ раздавать безплатно саденцы и станемъ просить каждаго заботиться о нихъ до поры-времени, а потомъ научимъ какъ обходиться съ шелковичнымъ червякомъ, то всѣ по немножку займутся этимъ дѣломъ сна-

чала быть можетъ въ угогу начальству и друзьямъ, а затѣмъ увлекутся выгодами. Понятно, что обладатели такихъ хлѣбородныхъ степей, какъ около Керчи и за Перекопомъ предпочтутъ другіе болѣе выгодные сельскіе промыслы, но отчего-бы всѣмъ поселянамъ и землевладѣльцамъ, начиная отъ Стараго Крыма, Карасубазара и Евпаторіи вдоль до Севастополя не заняться этимъ прекраснымъ дѣломъ, не требующимъ ни особенныхъ расходовъ и не особенныхъ трудовъ?

— Я вполнѣ раздѣляю ваши мысли—отвѣчалъ прокуроръ—но мнѣ кажется, что вы мало знаете татаръ: мнѣ разсказывали, что этотъ народъ ни за какія блага не станетъ заниматься тѣмъ, чѣмъ не занимались его дѣды и отцы.

— Очень можетъ быть, что они соблюдаютъ это правило изъ благоразумія, но подъ вліяніемъ той-же предосторожности они не раньше займутся шелководствомъ, когда основательно изучатъ это незатѣйливое дѣло и убѣдятся въ выгодахъ его. Для нихъ необходимы ясныя и точныя доказательства, безъ чего ни одинъ татаринъ не станетъ трудиться. Словомъ безъ нашихъ примѣровъ и настоятельныхъ содѣйствій въ продолженіи многихъ лѣтъ не выйдетъ ничего основательнаго, но если однажды эта промышленность вкоренится, то она въ рукахъ терпѣливаго татарина дойдетъ до прекрасныхъ результатовъ и въ Крыму не найдется ни одного человѣка, нуждающагося въ дневномъ пропитаніи. Если-же мы не сдѣлаемъ этого дѣла теперь по новизнѣ, то впослѣдствіи, когда татаре поприсмотрятся къ намъ, никакія нужды и приказы наши не помогутъ болѣе дѣлу.

Василій Васильевичъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ въ безошибочности своихъ предположеній, что Лесли пересталъ возражать. Минуту спустя заговорили относительно размѣщенія въ Старомъ Крыму отставныхъ солдатъ и необходимости женить ихъ. Губернаторъ объявилъ, что онъ сдѣлалъ уже распоряженіе и послалъ нарочнаго въ Малороссію за будущими женами.

— Какимъ-же ты образомъ раздашь ихъ женихамъ? спросилъ съ улыбкою Максимъ Васильевичъ.

Губернаторъ сталъ въ тупикъ при этомъ неожиданномъ вопросѣ.

— Всего лучше по жребію — вмѣшался прокуроръ — тотъ, кому придется первый номеръ, будетъ пользоваться правомъ перваго выбирающаго, за тѣмъ второй, третій и т. д.

— Вы мнѣ дали хорошій совѣтъ — сказалъ губернаторъ съ улыбкою, иначе я попалъ-бы въ недоумѣніе и возбудилъ-бы неудовольствіе.

Къ предложенному-же вами я развѣ добавлю, что и женщины будутъ брать номера. Тогда та изъ нихъ, которая возьметъ номеръ первый выйдетъ замужъ за мущину съ тѣмъ-же номеромъ.

При такомъ образѣ дѣйствія мы по крайней мѣрѣ останемся въ сторонѣ и союзъ произойдетъ по волѣ рока.

— Я нарочно пріѣду присутствовать при этой забавной лоттереѣ—сказалъ Лесли—воображаю какой будетъ пиръ, крикъ и гамъ отъ сотни одновременно справляемыхъ свадьбъ.

На этотъ ладъ продолжался разговоръ, пока правитель области покончилъ завтракъ и пересѣлъ на софу.

— Не прикажете-ли подать вамъ наргилэ? спросилъ хозяинъ.

— Очень радъ пользоваться вашимъ удовольствіемъ, но къ сожалѣнію я не могу привыкнуть къ нему, а вотъ что Булатъ-бей: мнѣ необходимо подрядить каменьщиковъ для установки по дорогѣ на каждые 10 верстъ по одной милѣ, чтобы не сбиваться съ прямаго пути. Не можете-ли вы отыскать мнѣ въ Карасубазарѣ подрядчика?

— Если прикажите, то я сейчасъ-же приглашу десятокъ каменщиковъ.

— Припасите ихъ къ дню моего возвращенія. Да: кстати не нужно-ли вамъ чего нибудь привезти изъ Керчи?

— Я просилъ-бы, если можно, выслать мнѣ писчей бумаги, туши и карандашей, въ которыхъ я по прежнему крайне нуждаюсь.

— Ну это вы получите въ Симферополѣ, когда возвратится мой курьеръ, нарочно посланный въ Россію по этой надобности.

Максимъ Васильевичъ въ свою очередь заговорилъ о болѣзни солдатъ и недостаткѣ врачей.

— О эти врачи и переводчики какъ гвозди сидятъ въ моей головѣ—отвѣчалъ губернаторъ—ихъ требуютъ со всѣхъ угловъ Крыма, я пишу при всякомъ удобномъ случаѣ свѣтлѣйшему, указываю на столицы и Астрахань, переполненные лекарями и людьми говорящими по татарски, но всѣ мои просьбы остаются безъ удовлетворенія. Повѣрите-ли, что я ѣду теперь безъ письмоводителя даже, потому что не имѣю лишняго человѣка при канцеляріи.

Въ эту минуту Максимъ Васильевичъ вспомнилъ обо мнѣ и представилъ брату своему въ качествѣ желающаго переѣхать въ Крымъ на службу.

Правитель области незамедлилъ обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ быть полезнымъ отечеству, но я отвѣчалъ, что не рѣшаюсь пока остаться въ Крыму. Василій Васильевичъ началъ уговаривать меня, давая почувствовать, что я могу дослужиться до высшихъ чиновъ. Я не противорѣчилъ и обѣщалъ переговорить съ родными и женою.

Дальнѣйшій разговоръ нашъ покончился тѣмъ, что губернаторъ пригласилъ меня проѣздиться съ нимъ до Керчи, такъ какъ я интересуюсь обозрѣніемъ Крыма.

— Вы мнѣ поможете кое въ чемъ — прибавилъ онъ съ ласкательною улыбкою—авось и я со временемъ прислужусь вамъ.

В. В. Каховской былъ очень образованный и начитанный человѣкъ. Любя область свою, онъ изучилъ все когда-либо написанное древними сочинителями объ этой странѣ и съ большимъ увлеченіемъ выражалъ свои мысли. Естественно, что съ такимъ начальникомъ было очень пріятно проѣздиться.

6.

Только что мы выѣхали изъ Карасубазара, губернаторъ приказалъ остановиться кучеру и сказалъ мнѣ:

— Оглянитесь назадъ и посмотрите какое прекрасное мѣстоположеніе представляетъ этотъ городъ; но какъ жаль, что въ немъ все мертво и дико. Всѣ эти сады наводятъ какую-то безъотчетную тоску по родинѣ и друзьямъ, тогда какъ наши, ничтожные въ сравненіи садики,

доставляютъ чистѣйшее удовольствіе. Я не скрываю, что татаре хорошій народъ, но тамъ, гдѣ они живутъ, тамъ пахнетъ могилою и чѣмъ-то надрывающимъ сердце.

Я сталъ пристально всматриваться въ кучи домовъ и сплошныя поляны растительности и дѣйствительно почувствовалъ на сердцѣ какую-то тяжесть и сиротство. Мнѣ какъ будто стало жаль, что Крымъ перешелъ въ наше владѣніе, что мы никогда не сроднимся съ его обитателями и что вмѣсто радости наживемъ излишніе хлопоты и заботы. Подъ вліяніемъ этого чувства я началъ говорить правителю области свои предположенія.

— Нѣтъ, все это только кажется такъ съ вида — отвѣчалъ онъ—Крымъ превосходная страна и скоро можетъ измѣнить свой печальный колоритъ, если этого пожелаетъ наше правительство; но оно не особенно пока заботится о немъ.

— А я былъ тѣхъ убѣжденій, что свѣтлѣйшій Потемкинъ готовъ сдѣлать для него все возможное.

— Свѣтлѣйшій дѣйствительно не стѣсняется въ расточеніи благъ, но въ немъ такъ много странностей и забывчивости и такъ мало терпѣнія для обсужденія важныхъ мелочей, что никакъ нельзя ожидать систематическихъ преобразованій. Онъ непожалѣетъ милліона руб., чтобы ввести въ Крымъ какую нибудь новизну въ подражаніе европейцамъ и для славы своей, но не обратитъ ни малѣйшаго вниманія даже на крайнія нужды мѣстныхъ дѣятелей. Его не интересуютъ мелочи, да развѣ и возможно требовать особеннаго вниманія отъ такого боярина, который всего болѣе преданъ забавамъ и вѣритъ въ лесть угодниковъ, старающихся отвлекать его отъ дѣловыхъ занятій. Я не скажу ничего въ осужденіе свѣтлѣйшаго, но виню тѣхъ, которымъ онъ вполнѣ довѣрился. Впрочемъ онъ можетъ еще измѣниться въ отношеніи къ Крыму; но если этого не послѣдуетъ, то я не намѣренъ оставаться здѣсь долго.

Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи нашемъ В. В. Каховской обращалъ мое вниманіе на виднѣющіеся съ правой стороны лѣса и передавалъ мнѣ, что всѣ они изобилуютъ дикими фруктовыми деревьями, на которыя безъ сомнѣнія рано или поздно обратятъ туземцы свои взоры и

станутъ выгонять водку по примѣру иностранца Банка, доказавшаго уже, что этотъ напитокъ не трудно добывать изъ всякой фрукты и даже изъ виноградной шелухи.

Предъ вечеромъ къ намъ выѣхалъ на встрѣчу съ двумя борзыми собаками какой-то мурза. Узнавъ губернатора, онъ сейчасъ-же приблизился къ коляскѣ нашей и началъ воздавать почтеніе.

Василій Васильевичъ сначала не узналъ его, но когда пораспросилъ хорошенько чрезъ казанскаго татарина, стоящаго на задкѣ экипажа, то вспомнилъ его. Мурза убѣдительно началъ просить насъ сдѣлать ему честь переночевать у него, такъ какъ до Ѳеодосіи мы не доѣдемъ раньше полуночи. При этомъ онъ сообщилъ, что у него гоститъ Рудзевичъ съ однимъ изъ пріятелей своихъ.

Каховскому повидимому не особенно хотѣлось съѣзжать съ дороги, но не желая оскорбить почтеннаго человѣка, онъ приказалъ своротить въ сторону и мы коекакъ добрались до резиденціи мурзы, которая показалась мнѣ чрезвычайно роскошною между большими деревьями.

Въ числѣ лицъ, встрѣтившихъ насъ, былъ и мой знакомый, тотъ господинъ въ военномъ мундирѣ, котораго мурза назвалъ Рудзевичемъ. Губернаторъ обошолся съ нимъ по пріятельски, но сейчасъ-же перешолъ къ другому молодому человѣку. Это былъ очень красивый рослый мущина съ серіознымъ лицомъ и довольно хорошо говорящій по-русски, хотя самъ не былъ русскимъ.

У Джелалъ мурзы (такъ звали нашего хозяина) помѣщеніе ничѣмъ почти не отличалось по внутреннему убранству отъ видѣнныхъ мною раньше, но онъ самъ показался болѣе радушнымъ и веселымъ въ сравненіи съ тѣми мурзами, которыхъ я видѣлъ. Въ добавокъ у него не было въ выраженіи лица ничего отличительнаго и походящаго на татарина. Лишь только мы расположились на софѣ, стоявшей вдоль стѣны, любезный хозяинъ своеручно поднесъ правителю области на подносѣ кофе и поздравилъ его съ пріѣздомъ. Я удостоился тойже чести вѣроятно по милости губернатора или предположенію о принадлежности къ числу вельможъ.

На этотъ разъ переводчикомъ служилъ другъ Рудзевича, который все болѣе и болѣе заинтересовывалъ меня своимъ отличнымъ знаніемъ татаръ и всего Крыма. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ мѣстный уроженецъ, но почему именовался русскимъ именемъ, я положительно недоумѣвалъ и терялся въ догадкахъ.

Послѣ обыкновенныхъ распросовъ объ урожаѣ и положеніи окрестныхъ поселянъ губернаторъ началъ распрашивать Александра Яковлевича не извѣстно ли ему какъ ведутъ себя Ширинскіе мурзы съ татарами?

— Они попрежнему стараются повелѣвать народомъ— отвѣчалъ Рудзевичъ — и какъ кажется дружатъ съ муллами, которыхъ прежде не очень жаловали.

— Съ какою-же это цѣлью дѣлается?

— Я полагаю, что эти люди не перестаютъ надѣяться на возстановленіе ханства подъ протекторатомъ Турціи и какъ кажется имѣютъ переписку съ стамбульскими визирями.

Василій Васильевичъ недоброжелательно покачалъ головою и обѣщалъ вызвать ихъ въ Симферополь, чтобы сдѣлать приличную нотацію, но если и это не поможетъ, то выселить изъ Крыма.

Въ числѣ лакомствъ, поданныхъ намъ, находилось десятка два яблокъ и грушъ.

Каховскій съ жадностію набросился на нихъ и началъ допрашивать гдѣ ихъ добылъ Джелалъ мурза, такъ какъ онъ въ нынѣшнемъ году не можетъ нигдѣ достать изрядныхъ фруктовъ для отправки свѣтлѣйшему.

— Въ нынѣшнемъ году совсѣмъ не уродило фруктъ въ Крыму—отвѣчалъ хозяинъ нашъ—а эти намъ удалось собрать съ сотни деревъ. Впрочемъ я имѣю ихъ такое количество, что могу отпустить десятка три окъ для нашего господина.

Правитель области спросилъ за какую цѣну онъ уступитъ, но мурза не позволилъ ему договорить, показавъ видъ неудовольствія.

— Въ такомъ случаѣ приготовьте ихъ къ немедленной отправкѣ въ Ахмечеть на имя муфтія и скажите, чтобы онъ передалъ въ канцелярію мою для пересылки съ нарочнымъ курьеромъ къ Потемкину. Если вы поспѣ-

шите это сдѣлать, то посылка пойдетъ одновременно съ виноградомъ, который ожидался еще вчера и вѣроятно уже прибылъ.

Джелалъ мурза съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшилъ отдать приказаніе выбрать самые лучшіе плоды и тщательно сложить ихъ въ корзины съ соломою и немедленно отправить въ Симферополь по назначенію губернатора. Пока это исполнялось, мы вышли на балконъ мурзы, чтобы полюбоваться видомъ на деревню и горы, покрытые лѣсами, но къ сожалѣнію намъ не удалось это, потому что поселяне, узнавъ о прибытіи русскаго паши, собрались поздравить его съ пріѣздомъ. Каховской сейчасъ-же вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи Рудзевича и что-то довольно долго бесѣдовалъ съ ними. Всѣ явившіеся на поклонъ были люди пожилые съ сѣдыми бородами и показались мнѣ добронравными. Сами-ли они, по доброй волѣ, пришли или были созваны мурзою, я не могъ узнать. Однако эта учтивость очень понравилась губернатору и онъ раза два выразилъ старикамъ благоволеніе и надежду, что татаре всегда будутъ любимы русскими, если не станутъ чуждаться сношенія съ ними подъ вліяніемъ злонамѣренныхъ людей.

Когда Василій Васильевичъ возвратился на балконъ и сѣлъ около меня, я невольно спросилъ, что это за личность, которую онъ называетъ Александромъ Яковлевичемъ?

— Какъ, неужели вы не слышали еще ничего о фамиліи Рудзевичей? спросилъ онъ съ какимъ-то удивленіемъ, но вспомнивъ, что я недавно только прибылъ въ Крымъ и не доѣзжалъ еще до Ахмечети, сообщилъ мнѣ слѣдующее: отецъ этого Александра Яковлевича, бывшій до принятія православія Якубъ беемъ, сыномъ Измаилъ бея, т. е. мусульманскимъ княземъ, оказалъ нашему правительству неоцѣненную услугу въ присоединеніи Крыма къ Россіи безъ выстрѣла даже изъ пистолета, а такія вещи рѣдко когда случались въ исторіи самостоятельныхъ и вдобавокъ покровительствуемыхъ Турціею враждебныхъ намъ по преданію и религіи народовъ. Онъ былъ самымъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ, за что и получалъ отъ насъ по 1500 руб. пенсіи.

Послѣ присоединенія Крыма, онъ по искреннему убѣжденію не только самъ, но съ женою Фатьме ханымъ, двумя сыновьями и двумя дочерьми, изъявилъ желаніе принять нашу вѣру. При святомъ крещеніи его нарекли Яковомъ, сыновей Александромъ и Константиномъ, а дочерей назвали именами русскихъ царицъ Екатериною и Елисаветою. Послѣднимъ при совершеніи таинства императрица соблаговолила приказать выдать дорогія серьги, лучшія одежды и кромѣ того по 3 тыс. рублей въ подарокъ. Нѣсколько-же мѣсяцевъ спустя потребовала ихъ къ себѣ въ Петербургъ и вѣроятно устроитъ какъ нельзя лучше ихъ судьбу. Жаль только, что бѣдняга Яковъ Измаиловичъ не дожилъ, чтобы увидѣть ихъ въ счастіи и довольствѣ. Царство ему небесное! Онъ умеръ десять или одиннадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Такъ это тъ господинъ есть родной его сынъ Александръ, которому безъ сомнѣнія государыня предоставитъ видное и почетное мѣсто, какъ только убѣдится въ тѣхъ добрыхъ качествахъ, которыми онъ обладаетъ *).

Выслушавъ эти слова, я, понятно, сталъ другими глазами смотрѣть на сына такого почтеннаго родителя и рѣшительно не понималъ, отчего правительство не предоставило ему права пользоваться наслѣдственнымъ княжескимъ титуломъ изъ видовъ благодарности за важную отцовскую услугу. На это Василій Васильевичъ отвѣчалъ мнѣ, что мусульманскіе беи и мурзы ничего не требовали кромѣ дворянскаго достоинства и согласно желанія всѣ почти признаны россійскими дворянами.

За ужиномъ, который изготовленъ и сервированъ былъ, какъ надо полагать, Рудзевичемъ въ слѣдующей за пріемною комнатѣ, мы увидѣли въ кувшинахъ букеты разныхъ обыкновенныхъ цвѣтовъ, взбрызганныхъ розовымъ масломъ и нѣсколько бутылокъ съ водкою и винами, которыя вывезены были Александромъ Яковлевичемъ изъ Судака.

Василій Васильевичъ легъ спать очень рано, потому что чувствовалъ утомленіе. Рудзевичъ и я пожелали но-

---

*) Этотъ самый Александръ Яковлевичъ впослѣдствіи (въ 1812—14 г.), какъ извѣстно, былъ корпуснымъ командиромъ.

чевать на прикрытомъ сверху балконѣ, такъ какъ ночь, не смотря на то, что на дворѣ стоялъ сентябрь, была очень теплая.

Очутившись наединѣ съ этимъ человѣкомъ, я предоставилъ полную свободу своему затаенному любопытству, относительно настоящихъ причинъ добровольнаго присоединенія Крыма къ нашей имперіи, съ полнымъ убѣжденіемъ, что Александръ Яковлевичъ лучше другихъ посвятитъ меня въ это несовсѣмъ ясное дѣло. Разговоръ я началъ съ христіанъ, нѣкогда обитавшихъ въ Крыму и переселенныхъ императрицею въ Екатеринославскую губернію.

— Переселеніе это имѣло чрезвычайныя послѣдствія— отвѣчалъ Рудзевичъ—Шагинъ гирей и его правительство были крайне глупы, дозволивъ бѣгство народу, который давалъ значительный источникъ дохода ханству. Христіане хотя и не отбывали натурою воинской повинности, но платили подати и наравнѣ съ другими округами во время военныхъ дѣйствій обязаны были помогать правительству деньгами и одною пароконною телѣгою, наложенною до верху просомъ или сухарями. Независимо отъ этого при посѣвахъ на мурзацкихъ земляхъ они давали хозяину десятую копну и 5 штукъ скотины со 100. Все это составляло такой доходъ, которымъ ханы могли содержать всѣхъ служащихъ въ царствѣ. Кромѣ всего этого они были единственными откупщиками разныхъ статей государственной или ханской собственности.

— Неужели христіане не тяготились такою зависимостію? спросилъ я.

— Сколько мнѣ извѣстно, они никогда не высказывали противъ этого неудовольствія и напротивъ тяготились зависимостію отъ своего духовнаго начальства, представителемъ котораго у грековъ былъ константинопольскій патріархъ, а здѣсь въ Крыму архіерей, имѣвшій резиденцію невдали отъ Ахтіара въ монастырѣ св. Георгія. Надъ армянами-же господствовали, кромѣ верховныхъ властей горы Арарата, еще два епископа, изъ которыхъ власть перваго начиналась отъ Ѳеодосіи до Кени, а другаго отъ Бахчисарая до Кавшанъ. Вотъ эти власти были болѣе тягостными, нежели правительственныя. Послѣ

своего духовнаго начальства христіане не рѣдко были обижаемы сборщиками податей, которые такъ сьумѣли поставить себя, что ханы не смѣли думать даже о наказаніи ихъ.

— Скажите: а правда-ли, что ханы не имѣли законныхъ женъ?

— Да; и это вѣроятно установлено было ими для того, чтобы не подчинить себя общему правилу ограничиваться законнымъ числомъ женъ.

— Какими-же глазами смотрѣли наслѣдники престола на своихъ матерей?

— Они считали ихъ только за амбаръ или житницу, въ которомъ охранялось зерно ихъ жизни.

— О, какъ-бы мнѣ хотѣлось перенестись за нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы лично посмотрѣть на семейную жизнь крымскихъ хановъ и ихъ образъ правленія.

— Если вы проживете какую нибудь недѣльку у теперешняго хозяина нашего Джелалъ мурзы, то безъ особеннаго труда составите вѣрное понятіе обо всемъ томъ, что желаете. Крымскіе ханы не многимъ отличались по привычкамъ и потребностямъ отъ теперешнихъ зажиточныхъ мурзъ: та же лѣнь и неподвижность съ мѣста, та же любовь къ безконечнымъ разговорамъ, тѣже пятикратныя молитвы въ сутки и тѣ же слабости въ стѣнахъ гарема. Возлагая все на Бога, они никогда не обременяли разсудка никакими предположеніями и нововведеніями. Коранъ служилъ имъ закономъ настоящей и будущей жизни, а сытный обѣдъ съ отрыжкою величайшимъ удовольствіемъ. Вотъ все, что я могу сказать объ этихъ властителяхъ, которыхъ нынѣ уподобляю атаманамъ овчарень, а визирей ихъ пастухамъ.

Конечно, все сказанное Рудзевичемъ, далеко неудовлетворило моего любопытства, но я поставленъ былъ отвѣтами его въ такое положеніе, что не могъ придумать новыхъ вопросовъ.

7.

Мы пріѣхали въ Ѳеодосію около 4-хъ часовъ пополудни и остановились у капитанъ-исправника Османъ аги. Городъ этотъ показался мнѣ издали сильно укрѣпленнымъ

высокими недоступными крѣпостями, идущими по надъ берегомъ обширной и широкой бухты, на которой покачивалось нѣсколько небольшихъ суденцевъ. Василій Васильевичъ безпрестанно останавливалъ мое вниманіе на постройкахъ, достойныхъ вниманія. Изъ нихъ въ особенности понравились мнѣ двѣ мечети и турецкія бани по архитектурѣ и обширности. На улицахъ и базарной площади мы не замѣчали ни малѣйшаго оживленія. Казалось, что будто обитатели укрывались отъ нашихъ солдатъ или не расположены были встрѣчаться съ ними. Изъ лавокъ выглядывали только караимы и армяне, сидѣвшіе съ поджатыми ногами. Не смотря на такое однообразіе и тишину, Ѳеодосія произвела на меня какое-то пріятное впечатлѣніе и я далъ себѣ слово осмотрѣть ее во всѣхъ подробностяхъ.

Правителю области предстояло пробыть въ Кафѣ мало-мальски двое сутокъ. Онъ обязанъ былъ сдѣлать подробный осмотръ монетному двору, такъ какъ здѣсь повелѣно было собрать всю татарскую монету, называемую юзлюки и перечеканить ее на нашъ манеръ и кромѣ того выписывать мѣдь изъ Анатоліи для чеканки мѣдной монеты. Этого мало надо было осмотрѣть подготовляемый карантинный дворъ съ цѣлью не допускать занесеніе изъ Турецкой имперіи чумы, которая довольно часто завозилась сюда пассажирами и судовымъ экипажемъ. За первымъ дворомъ наблюдалъ какой-то чиновникъ присланный изъ Петербурга по фамильи Затлеръ, имѣвшій желаніе остаться начальникомъ этого учрежденія, а за вторымъ слѣдилъ очень серіозный на видъ грекъ Патара, которому хорошо было извѣстно это дѣло и его громадное значеніе для блага страны.

Губернаторъ прежде всего спросилъ у каймакана, что слышно о проискахъ Мансура и не сочувствуютъ-ли его цѣлямъ здѣшніе татаре? Османъ-ага не иначе отвѣчалъ на этотъ вопросъ, какъ со вздохомъ, который не укрылся отъ Каховскаго. Изъ отвѣта его можно было заключить, что духовенство старается пока увѣрить простонародіе, что Мансуръ, явившійся между черкесами, настолько святъ въ жизни, что необходимо признать его за великаго шейха. Османъ-ага при этомъ прибавилъ:

— Конечно подобное мнѣніе никому не можетъ принести вреда, если оно не будетъ впослѣдствіи направлено въ дурную сторону; но я не стану ручаться, что чрезъ годъ или два этотъ Мансуръ начнетъ присылать къ намъ такихъ людей, которымъ не трудно будетъ убѣдить татаръ, что они сдѣлались богоотступниками съ того времени, какъ подчинились русскимъ.

Каховской принялъ серіозный видъ и предложилъ Османъ агѣ бдительно наблюдать за духовенствомъ и вообще всѣми турками и татарами, которые станутъ говорить о Мансурѣ или распространять о немъ нелѣпые слухи.

— Всего-же важнѣе—прибавилъ онъ—захватывать и присылать ко мнѣ тѣхъ, которые явятся съ какими нибудь письмами или фирманами изъ Кавказа.

Василій Васильевичъ сейчасъ-же послалъ за завѣдывающимъ полицейскою частью и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ городъ. Оставшись на единѣ съ капитанъ-исправникомъ, мы заговорили сначала о ненормальномъ положеніи Крымскихъ жителей, изъ которыхъ многіе бѣжали въ Турцію, а остальные какъ будто чего-то боятся и готовы при малѣйшемъ толчкѣ послѣдовать за ними, потомъ перешли къ времени господства Шагинъ гирея, испортившаго татаръ, и въ заключеніе остановились на Ѳеодосіи, которая къ сожалѣнію не дожила до того, чтобы сдѣлаться резиденціею хана и предупредить катастрофу исчезновенія изъ исторіи послѣдняго уголка чингизханской имперіи.

— Знаете—говорилъ онъ съ одушевленіемъ—я твердо увѣренъ, что еслибъ Шагинъ гирею удалось перенести резиденцію свою сюда и удалиться подальше отъ бахчисарайскихъ и акмечетскихъ фанатиковъ, онъ уцѣлѣлъ-бы на престолѣ и Крымское ханство, подъ покровительствомъ императрицы, дошло-бы до счастливаго положенія, а въ концѣ концовъ тѣ, которые взбунтовались, признали бы его за великаго преобразователя. Бѣдный Шагинъ гирей, воображаю какъ онъ проклинаетъ теперь всѣхъ насъ за невѣжество!

— А гдѣ онъ теперь находится? спросилъ я.

— Не знаю навѣрно. Мнѣ говорили, что султанъ не позволилъ ему оставаться въ Стамбулѣ и настолько не-

годуетъ противъ него, что кажется при первомъ удобномъ случаѣ обезглавитъ.

— Отчего-же онъ выѣхалъ изъ Воронежа, гдѣ ему императрица представила всѣ удобства для жизни?

— Во первыхъ потому, что вся семья его раньше выѣхала въ Стамбулъ, откуда ни въ какомъ случаѣ не возвратилась бы, и наконецъ потому, что онъ надѣялся попасть въ милость султана и при помощи его вновь отвоевать отъ Россіи престолъ отцовъ. Есть люди, которые увѣряютъ, что Шагинъ гирей, за нѣсколько мѣсяцевъ до плѣна своего, велъ переписку съ турецкими визирями, обѣщая имъ въ непродолжительномъ времени изгнать русскихъ изъ Керчи и Еникале и, сдѣлавшись самостоятельнымъ падишахомъ, сблизиться навсегда съ турціею и прочими мусульманами, чтобы общими силами напасть на Россію. Но мнѣ кажется, что онъ съ своимъ характеромъ не могъ-бы предложить такихъ обширныхъ предпріятій, а скорѣе всего добивался-бы попасть въ султаны Турецкой имперіи, заручившись пашами и янычарами, которымъ всегда нравился образъ ханскаго управленія какъ менѣе надменный и болѣе оживленный. Тогда Крымъ навсегда соединился-бы въ одно тѣло съ Турціею, что понравилось-бы всѣмъ туркамъ безъ исключенія.

На слѣдующій день я составилъ себѣ убѣжденіе, что Ѳеодосія была чрезвычайно красивымъ городомъ, расположеннымъ на узкомъ пространствѣ въ виду прелестной бухты, идущей полуциркулемъ между степью и горами. Городъ этотъ нынѣ весь почти въ развалинахъ, точно здѣсь былъ всеобщій пожаръ. Въ развалинахъ больше генуэзскія крѣпости и башни. Отъ другихъ построекъ этого народа вездѣ почти валяются мраморные куски съ ихъ надписями и гербами. Къ Ю.В. оконечности древнія стѣны сохранились въ несравненно лучшемъ видѣ. Здѣсь мнѣ указывали на церкви, нѣкогда принадлежавшія монастырю св. Василія. Каймаканъ утверждаетъ, что Кафа во время Турецкаго господства называлась малымъ Стамбуломъ и заключала въ себѣ до 75 т. жителей; что въ ней было около 150 фонтановъ, множество кофеень, бань и огромные базары и что ежедневно въ бухту ея заходило нѣсколько десятковъ кораблей съ гру-

зами изъ странъ, прилегающихъ къ Черному морю. Правда-ли это—я не знаю, но судя по величинѣ бухты, площадямъ и множеству развалинъ, какъ-то невольно вѣрится, что здѣсь въ давно прошлыя времена происходила большая дѣятельность и что городъ этотъ, если на него мы обратимъ серіозное вниманіе, рано или поздно снова можетъ сдѣлаться важнымъ коммерческимъ пунктомъ между Россіею, Кавказомъ и Анатоліею.

Кефа обнесена каменною стѣною съ четыреугольными башнями толщиною въ одну, а вышиною въ 10 саженъ. Все это построено частью изъ дикаго и частью изъ мягкаго камня. Кромѣ оной обороны имѣетъ еще цитадель съ шестью башнями той-же конструкціи. Укрѣпленія эти были очень хороши до изобрѣтенія пороха, но теперь въ оборону служить не могутъ. Да и вновь укрѣпить сей городъ невозможно, потому что имъ командуютъ окрестныя горы, вслѣдствіе чего онъ никогда не можетъ быть крѣпостью, а будетъ коммерческимъ только городомъ, имѣя изрядную корабельную гавань, которая теперь приноситъ доходовъ таможнѣ нашей болѣе 20 т. рублевъ въ годъ. Что касается баней и заѣзжихъ хановъ, то отъ нихъ получается до трехъ тысячъ левовъ. Городскіе дома большею частью сооружены изъ сыраго кирпича, а такъ какъ жителей теперь осталось мало и они не всѣ заняты, то отовсюду обваливаются.

Всѣ церкви, которыхъ 11, а равно мечети и ханы выстроены или изъ камня или изъ жженаго кирпича почему и находятся въ наилучшемъ состояніи. Всѣ улицы въ городѣ сдѣланы въ одну и двѣ сажени ширины, а по сторонамъ ихъ мостки (тротуары) каменные шириною въ аршинъ для пѣшеходовъ.

Церкви всѣ почти пустыя и осталися только одни стѣны. Служба отправляется въ одной греческой и четырехъ армянскихъ.

Фонтаны и мосты каменные и построены были на казенныя деньги. Починки-же ихъ дѣлались по обѣтамъ благотворительныхъ обитателей. Въ бытность-же хана производились на его счетъ.

Сей городъ не содержитъ въ себѣ родниковъ, а поль-

зуется водою, проведенною къ фонтанамъ трубами изъ близъ лежащихъ горъ.

Городъ Ѳеодосія получилъ уповательно имя свое во время владѣнія бирченскихъ (?) императоровъ, а слѣдуя описаніямъ древнихъ авторовъ, основанъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ милетійцы имѣли свое поселеніе, именуемое Сарі. Во время владѣнія генуэзцевъ оный городъ вмѣстѣ съ Мангупомъ долѣе всѣхъ держался противъ турковъ, но впослѣдствіи его постигла одинаковая участь съ прочими прибрежными городами Чернаго моря.

При осадѣ его было 80 т. турокъ подъ предводительствомъ кедутъ Ахметъ-бея. Продержавъ жителей въ осадѣ 40 дней, они наконецъ заставили ихъ сдаться пресѣченіемъ водопроводныхъ трубъ.

По разсказамъ татаръ находилось тогда въ ономъ городѣ генуэзцевъ и армянъ, кромѣ женскаго пола, 80 т., которыхъ въ большомъ числѣ казнили; начальниковъ-же и военнослужителей отправили плѣнниками въ Анатолію. Одновременно взяли въ плѣнъ и молодаго Менгли гирея, сына Хаджи-гирей-хана, котораго потомъ султанъ Магометъ II вновь поставилъ ханомъ въ Крымъ подъ разными кондиціями подданства къ Портѣ. Большею-же частью кефскихъ крѣпостей воспользовались сами турки.

Слѣды владѣнія генуэзцевъ еще и теперь оказываются многими гербами, высѣченными на стѣнахъ и башняхъ, а многіе другіе партикулярные, обозначащіе гербы фамилій тѣхъ консуловъ, которые тогда Кефою управляли и оный городъ со стеной башнями укрѣпляли *).

Въ Ѳеодосіи я встрѣтилъ не мало грековъ и армянъ. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе не выѣзжали при эмиграціи 1779 года, а другіе недавно возвратились изъ Екатеринославской губерніи, гдѣ не могли привыкнуть къ хлѣбопашеству. Всѣ они вновь предались рыболовлѣ и торговлѣ мелочными товарами. Но такъ какъ занятія эти пока не представляютъ имъ многихъ выгодъ, то они по цѣлымъ часамъ играютъ въ своихъ лавочкахъ или передъ ними въ шашки. У одного изъ этихъ полупраздныхъ людей я купилъ нѣсколько аршинъ мишурнаго шнурка,

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы держались точныхъ выраженій въ рукописи.

который онъ плелъ на подушкѣ съ неподражаемою быстротою; у другаго я просидѣлъ нѣсколько минутъ, любуясь очисткою хлопчатника, посредствомъ металической струны, натянутой на продлинноватомъ деревянномъ лукѣ. Остальные армяне имѣли свои харчевни, цырульни и заѣзжіе дворы и всѣ надѣялись, что скоро настанутъ для нихъ блаженныя времена. Мнѣ кажется, что ожиданія этихъ людей оправдаются скоро, такъ какъ мѣстоположеніе города очень выгодно для торговли съ кавказскими и вообще азіятскими народами.

Обозрѣвая ближайшія окрестности Ѳеодосіи, я былъ пораженъ глубиною рва, прорытаго древними жителями подъ городскими стѣнами. Стѣны эти съ башнями только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились, а остальныя разобраны давно на постройки домовъ въ татарскомъ кварталѣ.

За городомъ къ Ю. В. я встрѣтилъ одного армянина, который съ заступомъ и лопатою копалъ землю. Мнѣ показалось на первый взглядъ, что онъ роетъ могилу, но впослѣдствіи я узналъ, что онъ, напротивъ, раскапывалъ древнюю могилу, въ которыхъ не рѣдко находятъ дорогія металическія вещи и передѣлываютъ на различнаго рода женскія украшенія.

Повидимому Ѳеодосія нѣкогда очень была населена христіанами: это доказывается многими церквами, сохранившимися до настоящаго времени въ цѣлости. Наше правительство приняло уже надлежащія мѣры, чтобы не оскверняли ихъ цыгане и бродящія по городу коровы. Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно въ храмахъ этихъ снова послышится хвалебная пѣснь Творцу міровъ.

Я случайно забрался въ ту мѣстность, гдѣ предполагается открыть карантинъ. Это ничто иное, какъ древняя цитадель, обнесенная высокими стѣнами, которыя хотя и провалились во многихъ мѣстахъ, но такъ какъ камень на мѣстѣ, то возобновить ихъ не трудно. Цитадель эта отдѣлена отъ города и примыкаетъ однимъ бокомъ къ бухтѣ, а другимъ къ горѣ, идущей съ Ю. В. Здѣсь я снова повстрѣчался съ губернаторомъ, окруженнымъ нѣсколькими чиновниками и военными. Василій Васильевичъ самъ лично указывалъ, какъ и гдѣ удобнѣе будетъ строить камеры и другія необходимыя постройки.

Въ ожиданіи, пока онъ освободится, я вышелъ на морской берегъ и началъ собирать разноцвѣтные камешки и раковины, какихъ мнѣ раньше не приходилось видѣть. Вскорѣ я приблизился къ двумъ солдатамъ, которые только что выкупались и собирались уйти.

— Изъ какой вы губерніи—спросилъ я—и какъ вамъ здѣсь живется?

Оказалось, что они были москвичи, прослужившіе болѣе десятка лѣтъ, ужасно тоскующіе по родинѣ и семействахъ, отъ которыхъ ни разу со времени поступленія на службу не получали никакихъ извѣстій. Не знаю почему, но мнѣ ужасно стало при мысли не имѣть такъ долго извѣстій отъ родныхъ. Впрочемъ какимъ образомъ солдатъ могъ-бы переписываться изъ Крыма, когда отсюда всѣ казенныя бумаги и посылки слѣдуютъ въ Россію съ нарочными курьерами.

— А какъ васъ содержатъ? спросилъ я.

— Содержатъ плохо — отвѣчалъ старшій—зима и не холодная, да въ хатѣ не согрѣешься; ѣда и мясная,— да страсть опротивѣла. Пошелъ-бы въ храмъ Божій,— да и храмы закрыты. Кругомъ татарва, да другіе нехристи. Просто моченьки не стало, а начальство и не помышляетъ учинить смѣны. Казалось-бы отдалъ полъ жизни, чтобы хоть однимъ глазомъ посмотрѣть на отцовскій домъ.

„Бѣдняки!“ подумалъ я и въ эту только минуту понялъ, что нѣтъ въ мірѣ ничего драгоцѣннѣе тѣхъ мѣстъ, гдѣ родился. На этомъ основаніи я внутренно отказался отъ мысли переѣхать въ Крымъ, гдѣ не дурно служилось такимъ людямъ, какъ я.

Возвращаясь домой, Василій Васильевичъ посовѣтывалъ мнѣ взглянуть на внутреннее устройство огромной турецкой бани, построенной въ центрѣ города, но я не польстился ея пасмурнымъ видомъ и тяжелыми свинцовыми куполами и ограничился наружнымъ осмотромъ. Зданіе это очень большое и повидимому для турокъ представляло болѣе пріятностей, чѣмъ мечети.

Когда я возвратился на квартиру и мы сѣли за нашъ поздній обѣдъ, Каховскій выразилъ свое неудовольствіе на то, что не имѣетъ въ Кафѣ ни одного толковаго чи-

новника, на котораго могъ-бы положиться. Онъ заявилъ это такимъ тономъ, что какъ будто желалъ завербовать меня, но я не откликнулся на его мысль.

— Это просто наказаніе—говорилъ онъ—имѣть дѣло съ людьми, которые тебя не понимаютъ, а ты ихъ не разумѣешь. Ну, положимъ что въ капитанъ-исправники мы поневолѣ должны были взять мурзъ и предоставить имъ полную власть дѣйствовать по совѣсти и личнымъ взглядамъ, но есть много другихъ обязанностей, которыя не по силамъ татарамъ, а между тѣмъ изъ нашихъ никто не научился до настоящаго времени и 20-ти татарскимъ словамъ.

Вечеромъ къ губернатору пришелъ мѣстный кадій и нѣсколько почетнѣйшихъ мурзъ и беевъ съ поздравленіемъ о благополучномъ пріѣздѣ. Видно это правило особенно уважается мусульманами. Каховской всѣхъ ихъ посадилъ и при помощи переводчика говорилъ о разныхъ разностяхъ, относящихся до благосостоянія города и уѣзда, но гости молчаливо слушали его, хотя и могли-бы, какъ туземцы, противъ многаго возражать или находить неумѣстнымъ. Дѣлали-ль они это изъ одной вѣжливости или по привычкѣ никому не противорѣчить—не знаю; но мнѣ казалось, что они смотрѣли на губернатора какъ на временную власть, которой не очень долго придется распоряжаться въ странѣ, захваченной безъ настоящей войны.

Въ концѣ концовъ заговорили о времени турецкаго господства и правитель области просилъ Османъ агу объяснить ему разницу между правами турецкихъ пашей и хановъ въ Крыму.

— На это я могу сказать очень немного—отвѣчалъ каймаканъ—турки у насъ были не для того, чтобы господствовать, а для того, чтобы представлять власть калифа надъ всѣми вѣрующими въ коранъ и чтобы защищать эти права отъ стороннихъ народовъ. Конечно они имѣли большую власть въ городѣ и Крыму, но не особенно злоупотребляли ею и почитали установленныя власти. Вслѣдствіи всего этого мы жили мирно и разбирались одними и тѣми-же законами.

Послѣ этого губернаторъ повелъ рѣчь о виноградни-

кахъ, шелководствѣ и другихъ полезныхъ вещахъ, могущихъ обогатить туземцевъ. Присутствующіе и на это не дали положительнаго или отрицательнаго отвѣта, а только помахивали головами въ знакъ согласія.

— Странные люди — сказалъ мнѣ Василій Васильевичъ послѣ выхода ихъ — ну хоть бы одинъ отвѣтилъ какъ слѣдуетъ: точно мы враги имъ и не можемъ предлагать ничего полезнаго.

Въ тотъ-же день я поѣхалъ осматривать городъ Арабатъ, чтобы имѣть о немъ настоящее понятіе.

Арабатъ построенъ на косѣ, лежащей между Азовскимъ и Гнилымъ моремъ, имѣющемъ въ семъ мѣстѣ широты одну версту; длиною-же сія коса простирается отъ Арабата до Ениче́ва на 120 вер. Въ послѣднемъ оба моря соединяются узкимъ 50 саженнымъ проливомъ, въ коемъ нерѣдко бываетъ сильное теченіе изъ Гнилаго моря. На проливѣ этомъ теперь устроенъ перевозъ.

Сія крѣпость состоитъ изъ пяти бастіоновъ, съ каменною одеждою, которая находится еще въ исправномъ состояніи и имѣетъ двое воротъ, окованныхъ желѣзомъ. Первые къ Керчи съ деревяннымъ мостомъ, а другіе заложены къ морю и безъ моста съ сдѣланнымъ для соединенія покрытымъ путемъ и каменнымъ къ морю редутомъ. Кромѣ нихъ есть малыя двери, окованныя также желѣзомъ и предназначенныя для выхода въ ровъ. Въ стѣнахъ бастіоновъ имѣются три пороховыхъ погреба въ полторы квадр. сажени каждый съ продушинами въ стѣнѣ. Сверхъ сего находится еще четвертый, сдѣланный со сводами, гдѣ хранятся артиллерійскіе припасы.

Строенія оной крѣпости состоятъ: изъ мечети со сводами. Изъ надписи, находящейся надъ дверьми оной, явствуетъ, что она построена султаномъ Мустафою III. почему и его именемъ называется. Внутри мечети на стѣнахъ написаны имена владѣющаго тогда въ Крыму хана Арсланъ гирея и ближнихъ его. Баня турецкая со сводами, которая теперь требуетъ починки, а построена для пѣшаго турецкаго гарнизона вмѣстѣ съ мечетью. Два колодеза съ прѣсною водою, изъ коихъ одинъ около вала, а другой около бани, которые довольствовали гарнизонъ водою, но теперь каменьями и землею зава-

лены, почему теперь въ городѣ прѣсной воды не имѣется, за исключеніемъ ключевой, недавно открывшейся въ одномъ изъ погребовъ. Эти колодцы однако можно очистить и въ прежнее состояніе привести. Кромѣ этого находится вода во рву, выступившая изъ иловатой земли, и два малыхъ колодезя съ солоноватою водою. Нынѣ-же городъ удовлетворяется изъ лежащихъ подлѣ Азовскаго моря трехъ колодезей, вода которыхъ горьковата, но для здоровья не вредна.

Изъ развалинъ бывшаго внутри крѣпости замка съ придѣлкой новыхъ стѣнъ построены два большихъ амбара, въ которыхъ теперь держится провіантъ. Прочія каменья отъ этихъ развалинъ употреблены частью для одежды бастіоновъ, частью-же для построекъ домовъ бывшему турецкому гарнизону, которые вслѣдствіе небрежности выступившихъ жителей разрушились, почему нынѣшнему гарнизону съ нуждою въ нихъ помѣститься можно.

Невдали отъ города видно мѣсто гдѣ былъ обширный форштатъ, на которомъ только два двора остались цѣлыми и служатъ карантиномъ для проѣзжающихъ.

Отъ оной крѣпости проведена линія глубиною рва и высотою вала въ сравненіи крѣпости, но къ совершенному окончанію не приведена и отъ времени осыпалась. Съ этимъ валомъ соединенъ каменный редутъ, находящійся на разстояніи 450 саженей отъ крѣпости, узкимъ каменнымъ мостомъ. Этотъ редутъ, по причинѣ окружающаго его топкаго и иловатаго болота неприступенъ ни откуда, кромѣ моста и поэтому служитъ къ оборонѣ землянаго укрѣпленія. По оному болоту находятся разныя озера, въ которыхъ садится бѣлая и добрая соль. Недалеко отъ нихъ находится одно озеро въ окружности болѣе версты, которое изобильно рождаетъ соль, но она нѣсколько желтовата.

По косѣ, которая мѣстами шириною до 5 верстъ, ростетъ много камышу и травы, куда близъ живущіе татаре выгоняютъ свой скотъ.

По народнымъ преданіямъ въ Арабатѣ издревле существовалъ укрѣпленный замокъ съ окопомъ отъ Гнилаго моря для возбранія входу со стороны Россіи; а

35 лѣтъ тому назадъ по повелѣнію султана Мустафы III построена была нынѣшняя крѣпость и содержался въ ней турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ до взятія ея штурмомъ въ іюнѣ 1771 г. генералъ-маіоромъ княземъ Федоромъ Федоровичемъ Щербатовымъ. Послѣ же выхода россійскихъ войскъ заняли оную войска бывшаго хана Шагинъ-гирея, называемыя сеймены, которыя и находились здѣсь до 1782 года.

Керчь, Еникале и Таманскій полуостровъ.

Покончивъ дѣла свои въ Ѳеодосіи, мы направились на Керчь и Еникале. Каховскому хотѣлось лично осмотрѣть эти поселенія и сообщить высшему начальству свои взгляды на устройство управленій и т. п. Я предвидѣлъ, что мнѣ придется много писать рапортовъ и донесеній подъ диктовку Василія Васильевича, чему подвергся уже въ Ѳеодосіи — и признаться радовался, что могу оказать услугу почтенному человѣку, не жалѣвшему трудовъ для блага вновь присоединенной страны.

Путь нашъ отъ одного до другаго города не представлялъ ничего особеннаго. Мы подъѣзжали къ соляным озерамъ, заставляли татаръ измѣрять шагами длину и ширину ихъ, распрашивали о качествѣ и количествѣ соли и способахъ добыванія ея мѣстными жителями. Два раза ночевали въ татарскихъ избахъ, которыя находилъ болѣе приличными сопровождающій насъ Османъ-ага. Въ здѣшнихъ степяхъ мы встрѣтили ужасное множество скотины и кажущееся довольство въ деревняхъ, но за то ни малѣйшей искренности со стороны грубыхъ на видъ татаръ. Каймаканъ мнѣ говорилъ, что народъ этотъ всегда былъ такимъ угрюмымъ и равнодушнымъ къ всему стороннему, за исключеніемъ семьи и принадлежащихъ ему стадъ.

Я предполагалъ, что Керчь, Чарше или Корчевъ *), такой-же городъ какъ видѣнные мною раньше въ Крыму, но это не городъ, а скорѣе масса избушекъ между

*) Чарше его называли татаре, что означаетъ на ихъ языкѣ рынокъ. Корчевомъ-же онъ назывался у славянъ. Подъ этимъ именемъ мы узнали его по надписи на тмутараканскомъ размѣрномъ камнѣ XI вѣка.

развалинами города, занятыхъ архипелажскими греками, перешедшими послѣ Наваринской и Чесменской битвы въ подданство Россіи. Всѣ они свирѣпаго вида и всегда вооружены. Каховскій приказалъ подъѣхать къ зданію полиціи, въ которомъ еще недавно пробылъ цѣлые сутки изнѣженный Шагинъ-гирей, послѣ привоза его подъ конвоемъ генераломъ Ингельстромомъ. Вѣсть о пріѣздѣ правителя области сгруппировала къ намъ многихъ военныхъ начальниковъ, которые оказались изъ разныхъ губерній. Съ однимъ изъ нихъ Николаемъ Петровичемъ Разининымъ я сейчасъ-же познакомился по происхожденію изъ одной губерніи и изъявилъ согласіе побывать у него. Офицеръ этотъ просто закормилъ меня осетриною и послѣ долгаго разговора о родинѣ повелъ показать городъ и окрестности его.

— Здѣсь когда-то была греческая столица—говорилъ Разининъ—потому что гдѣ ни копни киркою непремѣнно найдешь или кусокъ привознаго мрамора или какую-нибудь вещицу, не принадлежавшую нашему столѣтію. Кромѣ этого греки нашли нѣсколько надписей, подтверждающихъ существованіе на этомъ мѣстѣ важнаго города.

Прошедъ по берегу пролива, мы рѣшились взобраться на довольно крутую гору, подъ которою расположено было поселеніе, чтобы оттуда взглянуть на голубое море и позеленѣвшія степи. Видъ отсюда показался мнѣ такимъ чудеснымъ, что я не хотѣлъ сходить внизъ болѣе часа.

„Вотъ гдѣ-бы поселиться мнѣ—говорилъ я про себя.

Разининъ, какъ давній житель, присмотрѣвшійся къ здѣшней природѣ, желая отвлечь меня отъ очарованія, началъ указывать на насыпныя могилы или холмики и разсказывать, что въ каждомъ изъ нихъ хранятся сокровища. Впрочемъ эти басни мнѣ приходилось слышать и раньше выѣзда въ Крымъ, въ Екатеринославскихъ степяхъ; но такъ какъ никто еще не удостовѣрился въ этомъ, то я и не повѣрилъ Разинину. При спускѣ съ горы мнѣ пришлось случайно поднять черный глиняный черепокъ, на которомъ очень хорошо изображена была женская головка съ нѣжными чертами лица. Осматривая ее пристально, я рѣшительно не могъ понять какимъ образомъ такая хорошая вещица занесена была на эту гору.

Въ Керчи Каховскому приходилось обсудить проэктъ переселенія Албанскаго войска внутрь Крыма по сосѣдству съ Ахтіаромъ. Всѣ представители этого войска нашли очень удобнымъ образовать поселеніе около Балаклавской бухты, которая по ихъ мнѣнію также изобилуетъ рыбою, а окрестности пригодны для садоводства.

Я весь вечеръ писалъ по этому поводу длинную реляцію свѣтлѣйшему князю Потемкину.

На слѣдующій день мы переѣхали въ г. Еникале, исключительно занятый людьми, промышляющими рыбными промыслами.

Мнѣ разсказывали туземцы, что городокъ этотъ основанъ былъ турками съ единственною цѣлью защищать проходъ отъ русскихъ судовъ, могущихъ свободно вступать изъ Азовскаго въ Черное море, и что здѣсь постоянно жилъ паша съ значительнымъ числомъ янычаръ. Я осмотрѣлъ турецкую крѣпость и пришедшій въ ветхость обширный дворецъ паши съ большимъ бассейномъ воды и нѣсколько часовъ посвятилъ на разговоры съ рыбаками, которые посвятили меня въ тайны своихъ занятій и удивили наблюденіями относительно того, что и рыбы подобно птицамъ небеснымъ переплываютъ съ одной въ другую мѣстность. Въ этомъ мѣстечкѣ и окрестностяхъ его я также встрѣтилъ много развалинъ отъ древнихъ построекъ, которыя большинствомъ разобраны уже жителями на новыя постройки.

Василію Васильевичу не долго приходилось оставаться въ Еникале. Мы въ тотъ-же вечеръ составили довольно подробное описаніе всего найденнаго и необходимаго и порѣшили безъ отлагательно возвратиться въ Акмечеть; но видно мнѣ суждено было еще на многое взглянуть предварительно возвращенія на родину. Въ Еникеле прибылъ Разининъ, которому предписано было съѣздить на Таманскій полуостровъ и сдѣлать предварительный осмотръ мѣстностей, менѣе подвергающихся лихорадкамъ и болѣе удобныхъ для размѣщенія войска. Николай Петровичъ, зная, что я прогуливаюсь по міру безъ всякой цѣли, ради одного любопытства, началъ просить меня сопутствовать ему.

— Отчего-же не съѣздить вамъ—сказалъ Каховскій—

если представляется хорошій сопутникъ. Поѣзжайте, но только съ условіемъ, чтобы вы на обратномъ пути заѣхали ко мнѣ. Авось мнѣ удастся завербовать васъ къ намъ на службу.

Губернаторъ такъ былъ любезенъ, что снабдилъ меня предписаніемъ каймаканамъ содѣйствовать мнѣ при переѣздахъ во ввѣренной ему области.

Простившись съ добрымъ начальникомъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ сѣлъ въ лодку на сундукъ съ бѣльемъ и прочими принадлежностями моими и вперилъ глаза на противоположный берегъ Керченскаго пролива, который мнѣ казался никому неизвѣстнымъ, послѣ уничтоженія Тмутараканскаго удѣльнаго княжества *). Мнѣ чудилось

---

*) Такъ какъ о Таманскомъ полуостровѣ и теперь не много имѣются достовѣрныхъ свѣдѣній, то мы приведемъ здѣсь то, что намъ извѣстно. Полуостровъ этотъ составлялъ до Р. Х. бо́льшую половину Босфорскаго царства, а въ 10-мъ вѣкѣ находился въ распоряженіи Мстислава предполагаемаго сына в. к. Владиміра и назывался Тмутараканскимъ. Съ 14-го вѣка сюда проникли Монголы и Черкесскія племена и съ этого времени онъ находился въ зависимости отъ Крымскихъ хановъ. По мнѣнію нашему въ давно прошедшія времена Азовское море соединялось съ Чернымъ не теперешнимъ Керченскимъ проливомъ, а вѣроятно путемъ трехъ лимановъ: Курганскаго, Темрюкскаго и Кизильташскаго и что тогда этотъ клочекъ земли всецѣло входилъ въ територію Тавриды. По свидѣтельству всѣхъ почти древнихъ греческихъ, географовъ мѣстность эта называлась Іоніею и пользовалась не доброю репутаціею: ея нефтяныя сопки съ черной зловонною водою, ея болота и туманы заставляли грековъ предполагать, что Іоніею заканчивается міръ и что здѣсь именно врата ада. Гомеръ, повѣствуя о Сциллѣ и Харибдѣ, подразумѣвалъ двѣ скалы (сиріе острова), стоящія у входа въ Черное море, чрезъ которыя благополучно прошелъ корабль Арго за тѣ симплегады, которыя по словамъ Марцелина (tom I. L. XXVII p. 31) имѣли свойство сжиматься и разступаться. Если къ этому прибавить, что древнѣйшій изъ городовъ этого полуострова именовался Церберіономъ т. е. стражемъ ада, то достаточно выяснится о немъ мнѣніе древнихъ мореходцевъ. Плиній именовалъ эту мѣстность Іоною, при хазарахъ она называлась Таме, потомъ ее называли Тмутараканъ, Метрахою, а по словамъ Константина Багрянороднаго она называлась Таматархою (τον κάστρον Ταματάρχα). Татаре же прозвали ее Туманъ—ада, т. е. островомъ тумановъ. По свидѣтельству Геродота, жившаго за 444 года до Р. Х., въ странѣ этой обитали славянскія племена, извѣстныя подъ двумя названіями: голубоглазыхъ (Савроматовъ) или Енетовъ отъ греческаго ἐνετὸς, означающаго въ переводѣ славныхъ или достойныхъ славы. Онъ прямо говоритъ, что за рѣкою Танаисомъ (Дономъ) начинается область Савроматовъ, которая отъ пазушья Меотиды простирается къ Сѣверу на 15 дней сухопутья. Скилаксъ Каріандскій и послѣдующіе за нимъ писатели всѣ единогласно населяли эту страну тѣми-же Савроматами. Въ справедливости этого мы конечно не имѣемъ основанія сомнѣваться, но судя потому, что на Таманскомъ полуостровѣ чуть-ли не раньше основанія Пантикапеи существовали многія поселенія грековъ, надо предполагать, что славяне, хотя и считали себя хозяевами этой мѣстности, но не препятствовали жить на ней грекамъ, основавшимъ здѣсь свои поселенія безъ сомнѣнія раньше похода Аргонавтовъ. Это предположеніе и раньше мы выражали въ тотъ убѣжденіи, что походъ въ Колхиду не могъ быть предпринятъ греками, еслибъ имъ не было извѣстно существованіе страны съ

открыть новый невѣдомый міръ, населенный сказочными существами, но на дѣлѣ оказалось совершенно противоположное. Страна эта скорѣе водяная, чѣмъ материковая и гораздо болѣе населена дикими животными и птицами, чѣмъ людьми. Здѣсь безпрестанно мы встрѣчали волковъ, лисицъ, зайцевъ, дикихъ свиней, куницъ и даже сѣроватыхъ бобровъ, живущихъ на берегахъ Кубани. Изъ птицъ лучшими были: лебеди, бѣлыя чепуры съ длинными на спинѣ перьями и фазаны поразительной красоты. Травы по всюду превосходныя, хотя почва земли не такъ хороша съ виду, какъ наша воронежская. Здѣсь она или желтоватоглинистая или песчаная и изобилуетъ мѣстами красноватымъ раковистымъ камнемъ. Древесная растительность также хороша какъ и въ Крыму около Карасубазара. Николай Петровичъ показывалъ мнѣ морскую капусту, солодковый и красильный корень. Рыбаки съ восторгомъ говорили о нынѣшнегоднемъ уловѣ рыбы въ Кубани. По словамъ ихъ здѣсь ловились судаки, красная рыба, бѣлуга, севрюга, осетры и другія. Кромѣ этого намъ разсказывали туземцы, что Казильташскій заливъ въ послѣднее время очень измѣнилъ свое очертаніе, а Темрюкскій до того обмелѣлъ, что никуда не годенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой странѣ что-то совершается подъ землею. Въ этомъ можно убѣдиться изъ количества нефтяныхъ источниковъ, находящихся въ различныхъ мѣстахъ *). На одномъ изъ

золотымъ руномъ. Послѣ этого становится яснымъ, что Таманскіе греки, какъ ближайшіе сосѣди Колхиды, возбудили у единоплеменниковъ своихъ этотъ походъ, къ сожалѣнію замаскированный сказочными вымыслами. По перипилу Скилакса Каріандскаго, относящемуся къ концу V вѣка до Р. Х., на Таманскомъ полуостровѣ были слѣдующіе греческіе города: Фанагора (Φαναγόρου πόλις), Кипы (Κῆποι) гавань Синдикосъ (Σινδικὸς λίμην), Патусъ (Πάτος) и Торикосъ съ гаванью (Τορίκος καὶ λιμὴν). Мела, указывая на Эйону, подъ названіемъ узкаго перешейка, простирающагося къ Босфору, между Палусомъ и Евксиномъ и образующаго, по словамъ его, полуостровъ Корокондаму пишетъ: тамъ есть четыре города: Ермонасса, Кепа, Фанагорія и Киммеріумъ, находящіеся у самаго устья.“ Но отъ всѣхъ этихъ городовъ не осталось никакихъ слѣдовъ и полагаютъ, что они затоплены водою.

*) Бассейнъ Кубани вообще представляетъ много интереснаго въ геологическомъ отношеніи. По изслѣдованіямъ современныхъ ученыхъ пространство, занятое этимъ бассейномъ, долѣе другихъ оставалось подъ моласовымъ моремъ, вотъ почему здѣсь преобладаютъ моласовыя глины и песчаники, оставшіеся въ низменныхъ мѣстахъ подъ густымъ слоемъ наноса измельченныхъ породъ, сносимыхъ множествомъ горныхъ рѣчекъ. Наносы эти измѣняютъ русло рѣки или заставляютъ ее разливаться, вслѣдствіе чего весь низменный берегъ Кубани предста-

нихъ, именуемомъ Куль-тепе, образовавшемъ коническую возвышенность на пространствѣ отъ Тамани къ Темрюку, мы нарочно побывали съ Разинымъ. Онъ выбрасывалъ изъ пучины своей какой-то сѣрнисто-соляной илъ и наводилъ на насъ страхъ своимъ подземнымъ шумомъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Темрюка мы нашли развалины значительнаго черкескаго поселенія Бахбарземена, будто-бы основаннаго этимъ народомъ противъ нашихъ козаковъ *). На сколько это справедливо, что козаки пробирались въ эти мѣста, я не знаю, но думаю, что для этихъ молодцовъ не предстояло надобности являться въ край, гдѣ жители не могли представлять имъ наживы.

Мы охотились съ Разинымъ и другими офицерами чуть-ли не ежедневно и всегда приносили по нѣсколько фазановъ, которые всѣмъ намъ нравились по отмѣнному вкусу. Развлеченіе это доставляло мнѣ большое удовольствіе и я навѣрно долго-бы прожилъ въ этихъ мѣстахъ, еслибъ не заболѣлъ лихорадкою и нашелъ-бы разумнымъ возвратиться въ Керчь. Здѣсь я пролечился около двухъ недѣль и потомъ рѣшился ѣхать въ Ахмечеть, чтобы выждать академика Чорнаго. Мною ужасно овладѣла тоска по родинѣ и ближнихъ сердцу, такъ какъ я не получилъ за все это время никакого извѣстія изъ дома.

влаетъ болотистую, покрытую плавнями землю, представляющую въ изобиліи все, что нужно для развитія лихорадочной міазмы. Разсказываютъ, что рѣдкій изъ посѣтителей, проживший въ этой мѣстности, въ теплое время года, нѣсколько недѣль, не получаетъ этой болѣзни. Правый берегъ Кубани по мѣрѣ приближенія къ морю также образуетъ множество лимановъ, озеръ, протоковъ и плавней и имѣетъ почвою по преимуществу песокъ съ жидкимъ болотнымъ слоемъ чернозема, а подпочва состоитъ изъ жирной глины; мѣстами только берега лимановъ состоятъ изъ разбитыхъ и цѣльныхъ ракушекъ, а кое-гдѣ изъ чистаго бѣлаго песку.

*) Надо полагать козаковъ Донскихъ. Сколько намъ извѣстно Черноморскіе козаки явились сюда въ 1792 г. по особенной грамотѣ какъ-бы въ вознагражденіе за отнятыя у нихъ помѣщиками земли. По инструкціи, данной имъ, установлены слѣдующія границы: отъ Азовскаго моря по р. Кагалину на урочище Холутское и на устьѣ балки Терновой, впадающей въ р. Манитъ, а оною до устья р. Ягорлыка и по Ягорлыку радутами Летницкою, Вестославскою, Калалы, Медвѣжекургальскою, Преградною, Безопасною, Донскою, Московскою, по за Русскимъ лѣсомъ на Ставрополь, а отъ онаго до р. Кубани на редуты Недреманной и Овечій-бродъ, а Кубанью внизъ до чернаго моря также и съ правой стороны Азовскаго моря, (См. Запис. Одесс. Имп. общ. исторіи и древ. т. 8 стр. 265—66).

Къ счастію я повстрѣчался съ Ѳедоромъ Степановичемъ на дорогѣ между Ѳеодосіею и Карасубазаромъ. Онъ считалъ поконченнымъ дѣломъ свою миссію и чрезвычайно обрадовался, что выѣдетъ со мною изъ Крыма такъ же вмѣстѣ, какъ мы явились сюда. Естественно, что я сейчасъ же присоединился къ нему и мы пріѣхали въ Карасубазаръ, гдѣ вынуждены были пробыть нѣсколько дней. На этотъ разъ я положился подробно ознакомиться съ городомъ и описать его. Кара-су-базаръ лежитъ по рѣчкѣ Кара-су, которая вершину свою имѣетъ въ семи верстахъ отъ города въ глубокомъ каменистомъ оврагѣ. Въ 75 верстахъ отъ города она соединяется съ рѣчкою Тунасъ и впадаютъ обѣ въ Сивашъ. Положеніе города между возвышенными горами отчасти по косогору, а отчасти на долинѣ по берегамъ оной рѣчки. Онъ находится въ разстояніи отъ Бахчисарая на 75 верстъ, отъ Ѳеодосіи на 55, отъ Кезлова (Евпаторіи) на 95, а отъ Перекопа на 130 верстъ. Постройки этого города по большей части изъ сыраго кирпича, кромѣ мечетей и нѣкоторыхъ текеевъ *) медресеевъ, мектебовъ и прочихъ.

Церквей христіанскихъ было здѣсь: одна греческая на улицѣ Ханъ-джами, которая совсѣмъ разрушена, а другая армянская на улицѣ Керимъ гирей, которую также послѣдній ханъ приказалъ обратить въ джами. Всѣхъ соборныхъ джами въ городѣ 12, мечетей также 12, теке или убѣжищъ дервишей 10, медресе или училищъ богословія 2, мектебовъ или дѣтскихъ школъ 6.

1) Джами именуется Музафаръ-эфенди, каменная; при ней находится текіе и мектебъ.

2) Али-эфенди также каменная, но при ней мектебъ изъ землянаго кирпича.

3) Садыкъ-эфенди каменная.

4) Шейхъ-эфенди. При ней текіе и мектебъ. Первыя каменныя, а послѣдній кирпичный.

5) Хайлыкъ въ слободѣ того-же имени, каменная.

6) Шагинъ гирей, каменная. 7) Аджемъ-Абазъ-эфенди, каменная. Построена въ 1525 году при Сагибъ гирей

*) Помѣщеніе дервишей.

ханѣ. 8) Джума-гаджибекъ, каменная. При ней мектебъ землянаго кирпича. 9) Гаджи Измаилъ, каменная, построена въ 1534 году при Сагибъ гирей ханѣ. 10) Ханъджами, каменная, построена въ 1634 году, при Богатыръ гирей ханѣ. При ней текіе и медресе, также каменныя. 11) Шюръ джами, каменная, построена въ 1724 году при Капланъ гирей ханѣ. 12) Керимъ-гирей, каменная. Обращена изъ армянской церкви въ джами въ 1777 году послѣднимъ ханомъ и названа именемъ отца его.

Обыкновенные мечети носятъ нижеслѣдующія названія: 1) Шахъ-муратъ построена въ 1525 году при Сагибъ гирей ханѣ, каменная. 2) Кара-чёра, каменная. При ней мектебъ изъ землянаго кирпича. 3) Тоута каменная, безъ минарета. 4) Бахчичи, каменная безъ минарета. 5) Гаджи-исламъ, каменная. 7) Чурумъ, каменная. 8) Алчѣ-диди изъ землянаго кирпича безъ минарета. Всѣ послѣдніе построены въ 1734 году при Сагибъ гирей ханѣ. 9) Карахалиль, каменная. 10) Углу ханье (имя строительницы) каменная. При ней мектебъ также каменный. Построена въ 1584 году при Мегметъ гирей ханѣ. 11) Асланче въ кварталѣ Ташъ-ханѣ надъ фонтаномъ. Построена въ 1724 году при Девлетъ гирей ханѣ и 12) Аджи-ягья, каменная. Построена въ 1744 году при Арсланъ гирей ханѣ. При ней медресе изъ землянаго кирпича.

По именамъ этихъ мечетей называются и всѣ кварталы.

Въ городѣ имѣется также одна жидовская (караимская) синагога съ училищемъ.

Всѣхъ домовъ татарскихъ цѣлыхъ жилыхъ 473, разоренныхъ 193, оставшихся отъ выѣхавшихъ въ Турцію, изъ коихъ одинъ отданъ послѣднимъ ханомъ на мечеть цѣлыхъ 7, въ развалинахъ 8; жидовскихъ цѣлыхъ 94; разрушенныхъ, оставшихся отъ выѣхавшихъ въ Екатеринославское намѣстничество греческихъ до 250, а армянскихъ до 400.

Всѣхъ хановъ или гостинныхъ дворовъ цѣлыхъ и разломанныхъ 19, изъ коихъ два каменныхъ.

1-й имянуется Юхары-Ташъ-ханъ (верхній каменный ханъ). Онъ о двухъ этажахъ съ фонтаномъ; при немъ лавокъ 82. Принадлежитъ женѣ, вдовѣ Асланши мурзы. Тутъ-же кофейня. Дохода приноситъ отъ армянъ, татаръ

и жидовъ, торгующихъ красными товарами до 500 руб. въ годъ.

2) Нижній Ташъ-ханъ также о двухъ этажахъ. При немъ кофейня, фонтанъ и 56 лавокъ. Принадлежитъ Шарикъ-бею. Въ прежнее время также приносилъ владѣльцу ежегодно до 500 руб. доходу, а нынѣ по не занятію лавокъ купечествомъ приноситъ отъ кожевниковъ татаръ и армянъ только 40 рублей.

3) Сергли ханъ изъ землянаго кирпича; въ немъ лавокъ 20. Принадлежитъ Чора агѣ; при немъ колодезъ и ветхая кофейня. Изъ всѣхъ лавокъ заняты армянами только 6-ть, въ которыхъ шьются туфли.

4) Сарачъ-ханъ, въ коемъ лавокъ 30, принадлежитъ гаджи Сулейманъ оглу съ колодцомъ. Доходу приноситъ въ годъ только 10 руб. отъ армянъ и татаръ также шьющихъ туфли.

5) Узунъ ханъ о двухъ этажахъ, въ коемъ 42 лавки. Принадлежитъ сестрѣ бывшаго хана; при немъ также имѣется колодезъ. Доходу приноситъ въ годъ 40 рублей отъ живущихъ въ лавкахъ мастеровыхъ армянъ и татаръ, которые шьютъ шапки и туфли. Доходъ этотъ отдается на мечети.

6) Джелялъ-бей ханъ о двухъ этажахъ съ кофейнею и 63 лавками. Принадлежитъ Мегметъ мурзѣ и приноситъ доходу хозяину отъ торгующихъ въ немъ краснымъ товаромъ армянъ и татаръ 350 руб.

7) Молла Халиль ханъ принадлежитъ Моллѣ Халилю; очень ветхій и въ немъ жителей нѣтъ.

8) Шагинъ-гирей ханъ принадлежитъ бывшему хану, при немъ колодезъ и кофейня. Доходу приноситъ отъ проѣзжихъ и убогихъ до 120 руб. въ годъ.

9) Анбаръ-ханъ также ветхій, принадлежитъ тоже бывшему хану. При немъ кофейня. Всего дохода получается 30 руб. въ годъ, которые отдаются на мечети.

10) Катлы гирей ханъ принадлежитъ Катлы гирей мурзѣ. Приноситъ доходу отъ пріѣзжихъ до 30 рублей въ годъ.

11) Арабаджи ханъ принадлежитъ Гафаръ-эфендію очень ветхій и ни кѣмъ не обитаемъ.

12) Хатыфа ханъ принадлежитъ Мегметъ мурзѣ. Около

него кофейня. Дохода приноситъ отъ проѣзжающихъ 10 рублей въ годъ.

13) Есафъ ага ханъ принадлежитъ Есафъ агѣ. Онъ также ветхій. Пріѣзжіе рѣдко заѣзжаютъ сюда, вслѣдствіе чего хозяинъ получаетъ доходу не болѣе 5 руб. въ годъ.

14) Гаджи Акмечитъ ханъ принадлежитъ Эмиръ Алію Булюбаши; въ немъ лавокъ 48 съ кофейнею. Доходу приноситъ хозяину отъ торгующихъ здѣсь татаръ 50 руб. въ годъ.

15) Ени ханъ (новый ханъ) принадлежитъ Бендерли Мегметъ агѣ; въ немъ колодезъ. Доходу приноситъ въ годъ 50 рублей.

16) Хаджи аманъ ханъ съ двуэтажнымъ домомъ. Принадлежитъ Гафаръ эфендію. Въ немъ лавокъ 68 и кофейня. Дохода приноситъ отъ пріѣзжихъ до 30 руб. въ годъ, потому что лавки никѣмъ не заняты.

17) Назыръ ханъ совершенно ветхій и ни кѣмъ не обитаемъ. Принадлежитъ Мегметшѣ мурзѣ.

18) Башка ханъ того-же хозяина, тоже ветхій и ни кѣмъ не обитаемъ.

19) Мегметъ джедскій ханъ съ кофейнею и колодезомъ. Принадлежитъ Мегметъ Джекаю и приноситъ хозяину доходу до 30 руб. въ годъ.

Рядовъ торговыхъ 8, въ нихъ лавокъ 255.

1) рядъ именуется бакалъ. Въ немъ 44 лавки, въ которыхъ продаются сукна простыя, табакъ, краска (кна), медъ, масло и фрукты.

2) именуется Узунъ. Въ немъ 106 лавокъ и торгуютъ такими-же товарами какъ и въ первомъ ряду.

3) рядъ холщевой. Въ немъ 10 лавокъ, въ которыхъ продаютъ хлопчатую бумагу.

4) рядъ шапочный. Въ немъ 26 лавокъ. Тутъ-же продаются и конскіе сборы.

5) рядъ состоитъ изъ 7 лавокъ, гдѣ приготовляютъ арчаки.

6 рядъ занимается продажею табака, бумаги, квасцовъ, сѣры, кремней, трута и прочей мелочи.

7) рядъ состоитъ изъ 36 лавокъ, продающихъ татарскіе сапоги, туфли, мечты, сафьяны и мешины.

8) рядъ состоитъ изъ 15 лавокъ, въ которыхъ продаются съѣстные припасы.

Публичныхъ бань три. Первая принадлежитъ хаджи Мустафѣ и приноситъ въ годъ доходу 30 рублей; вторая Абдулѣ челебію и выручаетъ 60 рублей и третья полуразрушенная принадлежитъ тому-же Абдулѣ.

Фонтановъ въ городѣ каменныхъ, исправныхъ 2, испорченныхъ 3. Первый находится въ верхнемъ Тапъ-ханѣ испорченъ; второй между торговыми рядами: холщевымъ и Узунча; третій противъ постоялаго двора Шагинъ-гирея на улицѣ того-же имени—испорченъ; четвертый около мечети ханъ-джами на улицѣ того-же имени и пятый на дворѣ мечети Керимъ гирея.

Всѣхъ колодезей по улицамъ 6, по кромѣ ихъ есть еще 4 съ солоноватою водою.

Мельницъ водяныхъ каменныхъ внутри города двѣ. Первая близъ рѣчки Карасу подъ горою, къ коей отъ возведеннаго по горѣ канала спускается вода съ великимъ стремленіемъ. Принадлежитъ Али эфендію. Вторая такъ-же на возведенномъ по горѣ каналѣ принадлежитъ мечети Углу-ханьѣ.

Вверхъ по рѣчкѣ Кара-су въ концѣ города на каналахъ три. Первая принадлежитъ татарину Билялу, каменная; вторая плетневая, мазанная татарину Эмиръ-аталыку и третья каменная принадлежитъ Арчинскому Батыръ-мурзѣ.

Мостовъ внутри и около города чрезъ протекающую рѣчку Кара-су и другіе каналы: каменныхъ цѣлыхъ 11, деревянныхъ, изъ коихъ каменныхъ на контрофорсахъ 4, поврежденный 1.

Всѣ эти мосты, колодези и фонтаны построены по обѣту разными лицами и содержатся добродѣтельными людьми.

Главныхъ улицъ въ городѣ, по которымъ свободнѣе прочихъ проѣзжать можно 5-ть. Первая Хандже масе, по которой выѣзжаютъ въ города Кафу и Судакъ. Вторая Садетъ эфенди, по которой выѣзжаютъ вверхъ по рѣчкѣ Кара-су на мельницы, а также въ городъ Судакъ. Третья Эреджепъ-шеихъ; четвертая Шагинъ-гирей, по которой выѣзжаютъ на перекопскую и ахмечетскую до-

роги и пятая Аджи-ягья и чуфутъ, по которой выѣзжаютъ на дороги къ городамъ Ѳеодосіи и Судака.

Карасубазаръ получилъ названіе свое отъ рѣчки Карасу, а основанъ въ 1525 г. Сагибъ-гирей ханомъ, потребовавшимъ прекратить кочеваніе. Для основанія Карасубазара онъ употребилъ Музафаръ эфендія, который и заложилъ первую мечеть, названную его именемъ. Кромѣ внутренняго торгу еженедѣльно по вторникамъ бываютъ ярмарки. Городъ этотъ тѣмъ еще замѣчателенъ, что въ немъ бывали всегда народныя собранія подъ горою Акъ-кая какъ для выбора представителей, такъ и для прочихъ земскихъ распоряженій. Въ настоящее время изъ онаго переведено Крымское правительство въ г. Ахмечетъ.

Въ Карасубазарѣ мы провели очень весело время. Бывали въ садахъ, на асамблеяхъ и ѣздили верхами. При выѣздѣ получили разные подарки и братскіе поцѣлуи.

Только въ Перекопѣ мнѣ удалось записать на память дальнѣйшія опредѣленія Чорнаго о занимаемомъ положеніи Крымскихъ городовъ, по которымъ оказалось, что Севастополь занимаетъ мѣсто подъ 44° 40′ 35″ широты и 51° 16′ 45″ долготы при склоненіи магнитной стрѣлки отъ С. къ З. 11° 13′ 30″, Геническъ подъ 45° 20′ 23″, широты, долгота 54° 12′ 7½″ при склоненіи магнитной стрѣлки отъ С. къ З. 7° 15′; что касается Ѳеодосіи, то онъ опредѣлилъ ей широту подъ 40° 3′ 18.″

Переночевавъ у достопочтеннѣйшаго коменданта Федора Ивановича Фоки, сообщившаго намъ о намѣреніи императрицы взглянуть на Крымскій полуостровъ, мы съ раннимъ утромъ перевалили за городской ровъ и вновь заколесили по безконечно однообразнымъ степямъ, заранѣе восхищаясь предстоящимъ свиданіемъ съ родными и друзьями.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ НАШЕГО ГОСПОДСТВА ВЪ КРЫМУ.

ПЕРЕѢЗДЪ ВЪ КРЫМСКУЮ ОБЛАСТЬ.

I.

Вслѣдъ за выѣздомъ изъ Крыма императрицы Екатерины Великой, я былъ назначенъ провіантмейстеромъ въ Керченскій магазинъ, а потомъ, когда устроена была коммиссія, былъ переведенъ членомъ ея въ Симферополь. Собравъ семью мою на татарскія легкія арбы, прикрытыя сверху дробинами, войлоками и коврами, мы тронулись въ путь. Возничій нашъ былъ пожилой татаринъ, не знавшій ни слова по-русски и вдобавокъ очень угрюмый. Изъ нежеланія-ли переговариваться съ нами или просто отъ привычки жариться на солнцѣ, онъ ѣхалъ верхомъ на коренной лошади съ зажмуренными глазами и останавливался, когда хотѣлъ воспользоваться хорошимъ подножнымъ кормомъ.

Въ деревняхъ, куда мы заѣзжали для ночлега, насъ очень радушно принимали мурзы или прикащики ихъ и немедленно подавали кофе, молоко, сыръ, жареную курицу, яичницу и какое-то бѣлое водянистое питье, отъ котораго мы всегда отказывались, вслѣдствіе безвкусія его. Затѣмъ стелили намъ на войлокахъ тюфяки, покрывали ихъ парчевыми одѣялами и, махнувъ головою, уходили спать. Въ Карасубазаръ мы прибыли только на шестой день. Здѣсь, остановившись за городомъ, по волѣ возничаго, отпустившаго лошадей на пашу, я отправился въ этотъ многолюдный градъ, гдѣ и повстрѣчался со многими офицерами, которые распорядились послать солдатъ притащить наши подводы на ихъ квартиру. Вскорѣ между ними появились и мои земляки воронежцы. Радость наша не имѣла границъ. Пропировавъ здѣсь съ недѣльку и осмотрѣвъ всѣ сосѣдніе сады, я снова на-

правился въ дальнѣйшій путь. На Бештерекѣ мы повстрѣчались съ первыми сосланными въ Крымъ, за убійство своего помѣщика, мужиками, изъ села Турбаева, которые основали невдалекѣ отсюда свои мазанки и назвали этимъ именемъ свое поселеніе *). Бѣдняги сильно тоскуютъ по родинѣ и по церкви, которой не имѣютъ, и очень раскаиваются въ необдуманномъ поступкѣ своемъ.

Симферополь, или Акмечетъ, показался мнѣ издали небольшимъ печальнымъ городомъ. Не зная, гдѣ остановиться, я рѣшился ѣхать прямо на мѣсто службы моей, во дворъ провіантской коммиссіи. Встрѣтившіе меня товарищи, не зная, гдѣ и какъ размѣстить насъ въ двухъ хаткахъ, занятыхъ ими казенными дѣлами, потребовали *телялла*, или городскаго глашатая, которому были извѣстны всѣ отдающіеся въ наемъ или продающіеся дома. Телялъ заявилъ, что у него есть на примѣтѣ прекрасный домъ съ большимъ дворомъ, который за переѣздомъ хозяина, продается не дорого, а именно за 50 руб. Я вынужденъ былъ купить этотъ домъ, и въ тотъ-же день мы переѣхали въ лачужки съ земляными полами и рады были хоть тому, что большой дворъ нашъ представлялъ густыя рощи различныхъ неизвѣстныхъ намъ породъ растительности. Съ двухъ сторонъ сосѣдями нашими были очень почтенные съ виду татарскіе эфенди, а вдоль по узенькой улицѣ, не представлявшей ни единаго наружнаго окна, обитали всѣ почти первостепенные чиновники. Изъ нихъ въ особенности пользовались большою извѣстностію маіоръ Манаси и Мавромихали, пожалованные землями въ Крыму за различныя услуги отечеству, вслѣдствіе чего и поселились въ Крымскомъ ханствѣ.

Я сказалъ, что Акмечетъ былъ небольшой городокъ, но впослѣдствіи онъ не показался мнѣ такимъ, потому что, занимаемая имъ площадь, отъ цыганскихъ таборовъ до Джума-джами и затѣмъ отъ Токалъ-джами до татарскихъ кладбищъ, составитъ навѣрно квадратную версту. Замѣчательностей въ немъ не оказалось ника-

*) Въ настоящее время селеніе это, кромѣ величины своей, славится въ Крыму богатствомъ поселянъ.

кихъ. Бывшій дворецъ калгы-султана самъ по себѣ не великъ и занятъ нашими солдатами, которые успѣли уже разрушить нѣкоторые изъ фонтановъ, украшавшихъ его дворъ. и вырубить деревья. Здѣсь мнѣ показывали висѣлицу для преступниковъ. Это ничто иное, какъ старое, громадное дерево съ нѣсколькими горизонтальными вѣтвями, чрезъ которыя, при надобности, перебрасывались петли. За оградою дворца *) красовался фонтанъ, вытекающій изъ сплошной каменной скалы, а подальше шли убогія плетушки бѣдныхъ татаръ, занимавшихся скотоводствомъ, садоводствомъ и огородами. Постройки эти простирались до слѣдовъ какого-то древняго города, безъ сомнѣнія разобраннаго татарами на постройку Акмечета. Да и теперь сотни подводъ выбираютъ съ этого мѣста готовый камень для новыхъ предполагаемыхъ зданій, въ томъ числѣ и собора.

За дворцемъ калги-султана, не вдали отъ Салгира, вдоль склона горы, расположено кладбище, спереди котораго торчитъ большая ограда, а въ ней навѣсъ съ зеленымъ значкомъ, подъ которымъ, въ теченіи цѣлаго дня, сидитъ съ четками юродивый мулла и, раскачиваясь, какъ маятникъ, нашептываетъ молитвы въ честь и славу похороненнаго здѣсь какого-то святаго, который, по мнѣнію татаръ, излечиваетъ отъ всѣхъ болѣзней тѣхъ, кто прибѣгнетъ къ нему съ молитвою и оставитъ на могилѣ его клочекъ отъ одежды своей.

Съ сѣверо-восточной стороны города протекаетъ небольшая рѣченка, именуемая Салгиръ. Она орошаетъ довольно значительное пространство земли, гдѣ разведены фруктовые сады и огороды и гдѣ я видѣлъ нѣсколько мельницъ горизонтальнаго движенія. Рѣчку эту переѣзжаютъ вездѣ въ бродъ, но говорятъ, что во время сильныхъ дождей она причиняетъ много убытковъ и препятствуетъ переправамъ.

Татарскія дѣти загораживаютъ русло ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и образуютъ довольно широкіе ставки, въ которыхъ плескаются по цѣлымъ днямъ, оглашая воздухъ криками.

---

*) Дворецъ этотъ находился на мѣстѣ теперешней пивоварни.

Такое собраніе я встрѣтилъ невдали отъ дворца Калги на супротивъ скалъ съ небольшими пещерами, временно занятыми кочующими цыганами. Мальчуганы сначала испугались меня и хотѣли разбѣжаться, но когда я показалъ имъ монету и началъ говорить *якши*, *якши*, т. е. похвалилъ, то они принялись выказывать предомною свою ловкость плаваніемъ, ныряніемъ, прыжками и т. п., а въ заключеніе одинъ изъ нихъ присталъ ко мнѣ и старался знаками объясняться. Всѣ эти дѣти имѣли несравненно пріятнѣе наружность въ сравненіи съ татарами, обитавшими въ окрестностяхъ Керчи.

Окресности Акмечета въ особенности по теченію Салгира вверхъ и внизъ очень живописны, но все это содержится въ естественномъ видѣ безъ приложенія искусства. Я нерѣдко пѣшкомъ и на татарскихъ лошаденкахъ ѣздилъ по направленію къ большимъ виднѣющимся горамъ и заходилъ къ мурзамъ и простымъ татарамъ на отдыхъ. Люди эти не смотря на то, что живутъ въ такой прелестной странѣ, совершенно равнодушно относятся къ своему благополучію и не находятъ никакого удовольствія и развлеченія въ жизни по собственной винѣ. Благо только первымъ, на которыхъ работаютъ поселяне по старой привычкѣ какъ крѣпостные, но работы ихъ не постоянны, а только тогда когда требуются и крайне необходимы. Конечно труды эти не остаются безъ добровольнаго вознагражденія со стороны землевладѣльца, иной получитъ мѣрку или двѣ пшеницы, другой ячменя, проса и т. п. Что касается посѣвовъ, то поселяне какъ-то не охотно занимаются этимъ сами, а если и сѣютъ то такъ мало, что не хватаетъ на собственныя нужды.

Странно, что всѣ они находятся подъ какимъ-то могущественнымъ убѣжденіемъ, что правительство наше не будетъ ихъ держать въ Крыму и допуститъ различныя мѣры къ изгнанію. Отчего они увѣренны въ этомъ, я не берусь судить, но допускаю, что до нихъ дошелъ слухъ о намѣреніи нашемъ населить Крымъ русскими; но это желаніе мнѣ кажется останется только однимъ желаніемъ, потому что князь Потемкинъ, не думавшій объ этомъ серіозно и ничто въ цѣну не ставящій среди забавъ сво-

ихъ, роздалъ лучшія земли такимъ угодникамъ, у которыхъ селить не кого и которые рады продать дарованное за ничтожные деньги.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симферополя есть небольшія деревушки Эски-орда и Эски-сарай, что означаетъ въ переводѣ старая орда и старый домъ. Я распрашивалъ почему эти мѣста носятъ такія названія? Мнѣ отвѣчали, потому что они существуютъ со временъ занятія татарами Крыма. Очень можетъ быть, что Эски-орда была занята первыми татарами, но что касается Эски-сарая, то врядъ-ли это дѣло рукъ ногайцевъ. Здѣсь точно обиталъ какой-то самостоятельный или феодальный графъ, огражденный высокими стѣнами и передъ дворцомъ его находилась церковь, доступная для всѣхъ. Церковь эта разумѣется въ татарское время обращена была въ мечеть, но сколько я могъ замѣтить по внутреннему устройству, превращеніе совершилось впослѣдствіи.

Въ Эски-ордѣ очень красивы окрестности и высокія горы съ обнаженными зелеными вершинами, у подножья которыхъ протекаетъ Салгиръ, окаймленный по берегамъ высокими деревьями.

Эски-сарай также прекрасное мѣсто. Древняя четыреугольная стѣна его, по видимому ограждавшая прежде зáмокъ владѣтеля, находится у русла той-же рѣчки Салгира. Кругомъ равнина, по которой являются въ одиночкѣ или группами гигантскія деревья, а къ Ю. В. выглядываютъ синія горы, прикрытыя облаками. На Эски-ординарской землѣ ростутъ хорошія яблоки, сливы и другіе плоды. Хлѣбные злаки и огородные овощи также не дурны, но земля плохо обработывается. Поселяне болѣе преданы скотоводству, чѣмъ земледѣлію и кромѣ этого разводятъ пчелъ и доставляютъ на рынокъ для продажи дрова, которые набираютъ изъ сосѣдственныхъ лѣсовъ.

Я заходилъ въ нѣкоторыя татарскія хаты, чтобы посмотрѣть на ихъ внутреннюю обстановку. Всѣ они оказались плетушками, хотя здѣсь камня въ изобиліи, низенькими, но при всемъ томъ содержатся очень чисто и нигдѣ не видно лохмотьевъ, свидѣтельствующихъ о крайней бѣдности. Женщины большинствомъ занимаются

тканіемъ бумажнаго суроваго полотна на нижнее бѣлье и полотенца, которыхъ у нихъ изрядный запасъ. Старшія дѣвочки няньчатъ маленькихъ дѣтей и носятъ ихъ не на рукахъ, а на спинахъ и всегда почти бѣгомъ. У большинства малютокъ поражены лицо и головы золотухою.

Обѣдъ этихъ людей чрезвычайно жалкій, но они кажется такъ привыкли къ нему, что не требуютъ лучшаго. Онъ состоитъ ежедневно изъ пшеннаго супа, разбавленнаго окисленнымъ молокомъ и хлѣба, составляющаго смѣсь ячменя и ржи. Рыбы кажется татаре вовсе не употребляютъ въ пищу, потому что я никогда не видѣлъ ее ни въ свѣжемъ, ни въ соленомъ приготовленіи даже у городскихъ мусульманъ. За то они большіе охотники до молочнаго и въ особенности до окисленнаго молока, которое разбавляютъ даже водою и пьютъ въ жаркіе дни съ наслажденіемъ. Напитокъ этотъ извѣстенъ имъ подъ названіемъ язмы и не рѣдко продается на площадяхъ Акмечета въ базарные дни.

Первое время нашего пребыванія въ Акмечетѣ казалось ужасно непріятнымъ и оживлялось только разговорами и событіями, совершившимися по случаю пріѣзда императрицы.

Изъ многаго, слышаннаго мною, я нахожу болѣе замѣчательнымъ, что ея императорское величество съ особеннымъ благоволеніемъ отнеслась въ Перекопѣ къ мурзамъ и татарамъ, прибывшимъ сюда нарочно для привѣтствія высокой гостьи и повелительницы своей. Остановившись въ домѣ, занимаемомъ смотрителемъ соляныхъ озеръ г. Скорбѣевымъ, она съ удовольствіемъ пересмотрѣла всѣ 13 родовъ самородной соли, представленныхъ ей въ видѣ трофеевъ.

Изъ Перекопа ея величество, сопровождаемая чуть-ли не всѣми почетнѣйшими представителями отъ дворянъ, купцовъ, муллъ и поселянъ, точно какъ миѳологическое божество, прибыла въ Акмечетъ. Говорятъ, что пріѣздъ ея чрезвычайно тяжело повліялъ на тѣхъ старыхъ татаръ, которые не переставали надѣяться, что Турція успѣетъ возстановить независимость ханства и что Россія сама откажется отъ пріобрѣтенія такого ничтожнаго

клочка земли, населеннаго чуждыми ей мусульманами. Въ этомъ пріѣздѣ сердце ихъ чувствовало, что отнынѣ Крымъ навсегда сдѣлается русскимъ крайнимъ уголкомъ.

Мнѣ разсказывали, что не всѣ сопровождающіе государыню слѣдовали за нею съ чистосердечными изъявленіями вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ, а были и такіе, которые прислушивались къ каждому ея слову, чтобы выводить свои заключенія о будущности ханства.

Пребываніе государыни въ Бахчисарайскомъ дворцѣ съ 20-го до 22 мая и угощенія муфтія съ главнѣйшими мурзами понравилось татарамъ. Но имъ больше всего понравилось, какъ принимали ея величество въ Севастополѣ, гдѣ какъ извѣстно ей подана была присланная отъ Мальтійскаго гросмейстера пальмовая вѣтвь съ кустомъ цвѣтовъ, украшенныхъ трофеями, и выстроенъ былъ нарочно городокъ, который для потѣхи приказано было бомбардировать съ корабля „Страшный" и который послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ загорѣлся. Затѣмъ императрица посѣтила Инкерманскія пещеры и развалины Херсонеса, изъ котораго разрѣшила вывезти въ Новый Херсонъ древніе колоны, карнизы и другія мраморныя украшенія.

Изъ этихъ мѣстъ ея величество соизволила подарить сопровождавшему ее принцу де-Линю живописный Парсенитскій округъ *), а потомъ проѣхать Байдарскую долину и отобѣдать въ дер. Скеля у источника Казыклы-озень. (черной рѣчки).

II.

У насъ до настоящаго дня съ наслажденіемъ читаются стихи, написанные императрицею въ Бахчисарайскомъ ханскомъ дворцѣ во время пышнаго пріѣзда ея величества въ Тавриду. Всѣ говорятъ, что государыня была въ восторгѣ отъ этой страны и намѣрена употребить всѣ усилія, чтобы обратить ее въ рай земной.

Стихотворенія эти, надъ которыми красуется, какъ государственный гербъ, „22 мая" слѣдующаго содержанія:

---

*) Письма этого принца съ этой мѣстности всѣмъ извѣстны. Для насъ въ нихъ замѣчательнѣе всего намекъ о существованіи въ его время колоны съ храма Діаны.

„Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской;
Противъ бесѣдки той построена мечеть,
Куда всякъ день пять разъ имамъ народъ влечетъ.
Я думала заснуть и лишь закрылись очи,
Какъ уши онъ заткнувъ, взревѣлъ изо всей мочи...
О Божьи чудеса! изъ предковъ кто моихъ
Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?
А мнѣ мѣшаетъ спать среди Бахчисарая
Табачный дымъ и крикъ... Не здѣсь-ли мѣсто рая?
Хвала тебѣ мой другъ! Занявши здѣшній край,
Ты бдѣніемъ своимъ все вящше укрѣпляй".

О Бахчисараѣ разсказываютъ мои сосѣди такія пріятныя вещи, что я съ почтеннымъ Манаси рѣшился съѣдзить въ ханскую столицу, чтобы осмотрѣть ее во всѣхъ перепетіяхъ и своими глазами измѣрить красоту татарской столицы.

Опять пришлось обратиться къ телялу или глашатаю, чтобы отыскать подводу, потому что здѣсь никто не занимается перевозами, а надо вызвать желающихъ. Телалъ привелъ двухколесную арбу, прикрытую сверху кускомъ стараго войлока, которую поздѣшнему называютъ *кукурекъ*. Видно на татарскій взглядъ она очень похожа на пѣтуха, иначе ее не назвали-бы пѣтушьимъ крикомъ.

Маіоръ Манаси очень умный и многознающій грекъ. Онъ ревносно служилъ графу Орлову во время экспедиціи нашихъ на Архипелагѣ и достойно пользуется пожалованною ему пенсіею и землею подъ Акмечетомъ. Земля эта именуется Чугунчею и населена татарами. Я раза два ѣздилъ съ нимъ туда и предлагаю ему продать мнѣ ее. Старикъ церемонится въ надеждѣ, что къ нему вновь возвратится молодость съ утерянными силами и онъ начнетъ самъ трудиться, но когда разувѣрится, то безъ сомнѣнія уступитъ ее мнѣ.

Мы приказали положить въ нашъ кукурекъ сѣна, подушки и продовольствія на цѣлую недѣлю. Маіоръ взялъ на всякій случай свою кривую турецкую саблю и оправленные въ серебро пистолеты. Онъ не довѣряетъ бусурманамъ и терпѣть ихъ не можетъ съ того времени, какъ турки убили его роднаго брата за то, что онъ воспротивился зарѣзать свою корову на угощеніе ихъ. Надо

видѣть его, когда онъ начинаетъ разсказывать объ этихъ безпощадныхъ головорѣзахъ.

Дорога отъ Симферополя (такъ приказано называть Ахмечетъ) до Бахчисарая очень пыльна и избита лошадиными и воловьими подковами. Здѣсь принято ковать и воловъ, которыхъ опрокидываютъ цыгане на землю стягиваютъ ноги къ стержню и набиваютъ тонкія желѣзки. На третьей милѣ, поставленной въ память проѣзда императрицы, начинается Алминская долина, вся почти заросшая фруктовыми и дикими деревьями по обѣимъ сторонамъ небольшой рѣчки Алмы. Кучеръ нашъ передавалъ маіору Манаси, говорящему хорошо по турецки, что на этихъ мѣстахъ въ ханскія времена была посольская квартира для россійскихъ гонцовъ, которыхъ не охотно принимали въ Бахчисараѣ.

Я видѣлъ какой-то полуразрушенный домъ, изрядной архитектуры, но онъ повидимому давно уже разрушился. Возничій говоритъ, что послѣдній ханъ Шагинъ-гирей не любилъ тратить денегъ на починки старыхъ домовъ на томъ основаніи, что все состарѣвшееся должно умереть. Это что-то не правдоподобно: вѣрнѣе, что хану не доставало тѣхъ 350 тысячь руб., которые онъ получалъ со своего ханства.

Не вдали отъ этого мѣста мы повстрѣчали Палласа, Зомерфельда и Десмета. Всѣ эти иностранцы отмѣнно образованные люди, которые много трудятся для Крыма. Первый ѣхалъ въ свое имѣніе около Севастополя, именуемое Шуля, а послѣдній въ качествѣ ученаго ботаника, назначеннаго для обзаведенія при Никитѣ казеннаго сада, осматривалъ всю растительность этой страны. Мы поговорили кое о чемъ, выпили съ ними подъ деревомъ двѣ бутылки вина и разъѣхались.

Въ Бахчисарай мы прибыли предъ вечеромъ и отправились прямо къ каймакаму Адиль мурзѣ, съ которымъ я два раза видѣлся и былъ знакомъ. Онъ слылъ у насъ за отличнаго капитанъ-исправника и прекрасно исполнялъ обязанность свою, не смотря, что мало зналъ по русски. Императрица Екатерина въ 1787 году долго вела рѣчь съ нимъ и щедро наградила за вѣрность службы.

Адиль мурза принялъ насъ въ своемъ гостинномъ домѣ

съ большимъ радушіемъ и объявилъ, что раньше 10 дней не отпуститъ. Кромѣ насъ у него въ гостяхъ оказались Оренбургскій губернаторъ Иванъ Онуфріевичъ Курисъ *), нарочно пріѣхавшій взглянуть на вновь завоеванную страну и своихъ соотечественниковъ грековъ, морской офицеръ Макензи также грекъ, пользующійся огромною извѣстностію въ Севастополѣ, чрезвычайно строгій и справедливый человѣкъ съумѣвшій усмирить бунтъ итальянскихъ выходцевъ въ 1784 году на нашемъ фрегатѣ „Бористенъ", состоящимъ подъ командою лейтенанта Власьева; но всего пріятнѣе было другу моему маіору Манаси встрѣтиться съ полковникомъ Ламбро Качёни, своимъ знаменитымъ сослуживцемъ на греческомъ архипелагѣ **). Они бросились другъ другу въ объятія, прослезились и первымъ ихъ словомъ было воспоминаніе о покинутомъ отечествѣ. Всѣ эти почтенные и заслуженные люди очень долго говорили между собою на своемъ

---

*) Родители Куриса поселились въ г. Нѣжинѣ еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Иванъ Онуфріевичъ въ 1773 году поступилъ рядовымъ въ Днѣпровскій полкъ, а въ 1789 г. начальствовалъ уже надъ двумя казачьими полками. Въ 1793 г. Суворовъ возложилъ на него, по приказанію императрицы Екатерины, какъ на достойнѣйшаго полководца, орденъ св. Георгія 3-й степени. Въ 1799 г. онъ былъ назначенъ оренбургскимъ губернаторомъ. (См. 8 т. запис. Одесск. Импер. Общ. Ист. и древностей).

**) Качони уроженецъ Мореи изъ Ливадіи. По рекомендаціи генералъ-поручика Зыборовскаго приглашенъ кн. Потемкинымъ въ 1788 г. для начальствованія надъ корсарскою эскадрою въ Архипелагѣ противъ турокъ. Онъ вооружилъ собственнымъ иждивеніемъ въ Тріестѣ фрегатъ и, пріобрѣвъ въ Архипелагѣ другія суда, взялъ турецкую крѣпость Кастель-Россо, безпощадно нападалъ на турецкую флотилію, разбилъ Алжирскій флотъ, пришедшій въ помощь султану. Взявъ два фрегата въ плѣнъ и потопивъ четыре въ Дарданельскомъ проливѣ, онъ захватилъ также большое судно, идущее къ султану изъ Каира съ грузомъ на 500 тыс. левковъ. Въ 1789 г. онъ вторично разбилъ турецкую эскадру у острова Занте и Кипро и затѣмъ еще восемь судовъ у о. Скарпанты. Въ 1790 г. разбилъ 14 судовъ у о. Тино, Миконе и Сиро и опять Алжирскій флотъ. Въ 1791 г. сжегъ множество турецкихъ судовъ въ заливѣ Воло съ грузами пшеницы для Константинополя и три взялъ въ плѣнъ. Затѣмъ напалъ на 19 турецкихъ кораблей близъ Негропонта и Андро и одержалъ побѣду, но на другой день послѣ отчаянной битвы съ алжирскимъ флотомъ потерялъ всѣ почти суда свои и былъ самъ раненъ. Послѣ чего жилъ въ крайней бѣдности въ Вѣнѣ до того времени, пока Россія, вспомнивъ его заслуги, наградила его чиномъ полковника, орденами, 20 т. десятинами земли въ Крыму и дворцомъ въ Карасубазарѣ, выстроеннымъ для императрицы Екатерины. Лучшимъ его помощникомъ во всѣхъ дѣлахъ былъ маіоръ Николай Пангало, извѣстный риторъ того времени, который приглашалъ в. к. Константина Павловича на престолъ Константинополя. Отъ Ламбро Качони осталось два сына: Ликургъ, командующій Балаклавскимъ батальономъ и потомъ бывшій инспекторомъ Керченскаго карантина, и Александръ, бывшій таврич. губерн. предводителемъ дворянства. См. 8 т. записокъ Импер. Одесск. Общества Исторіи и древностей.

нарѣчіи, безпрестанно произносили имя Екатерины и Потемкина и казались очень довольными своимъ положеніемъ.

Иванъ Онуфріевичъ Курисъ, какъ болѣе обрусѣвшій, вскорѣ пересѣлъ ко мнѣ и мы долго говорили о нашемъ піитѣ Державинѣ, славномъ Суворовѣ и графѣ Хвостовѣ, съ которыми онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ и частой перепискѣ. Кромѣ этихъ лицъ онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ покойному генералу Мелиссино, оказавшему вѣрныя услуги императрицѣ Екатеринѣ II при восшествіи на престолъ *). Удивительно, какъ подумаешь, что греки гораздо лучше нашихъ служатъ Россіи. Потому-ли, что они какъ чужіе желаютъ обратить на себя вниманіе или ужъ по свойству своей натуры, они отъ всей души предаются своей обязанности и дѣлаютъ больше, чѣмъ требуется отъ нихъ? Покойный князь Потемкинъ считалъ ихъ самыми надежными людьми и,—говорятъ,—говорилъ губернатору Каховскому, что пока арнауты будутъ въ Тавридѣ, то онъ не побоится вывести изъ нея всѣ русскія войска. Оно отчасти и справедливо, потому что албанцы до настоящаго времени не хотятъ ради личной пользы своей сближаться съ татарами въ предположеніи, что азіяты всегда будутъ враждебны Россіи; а мы между тѣмъ ласкаемъ ихъ.

— Ласкайте вы ихъ сколько душѣ угодно—говоритъ Манаси, а наше дѣло казаться имъ безпощадными варварами, чтобы держать въ страхѣ, на то мы и присягали русской царицѣ.

Въ тотъ-же день пріѣхалъ и остановился въ ханскомъ дворцѣ морской командиръ Патиньети, исправлявшій какую-то важную должность въ Севастополѣ также грекъ по происхожденію. Мы всѣ охотно изъявили желаніе представиться къ этому чрезвычайно веселому, умному и неумолкаемо-говорящему человѣку **).

---

*) Петръ Ивановичъ Мелиссино, какъ сказано раньше, былъ начальникомъ всей русской артилеріи.

**) Относительно болтливости адмирала Потиньети въ настоящее время напечатанъ въ журналѣ „Древняя и Новая Россія слѣдующій анекдотъ: однажды за обѣдомъ у кн. Шаховскаго, гдѣ былъ и Марлинскій (Бестужевъ), послѣдній громко сказалъ, что въ г. Патиньети онъ подмѣчаетъ что-то божественное.—Это почему? спросилъ князь.—А потому что въ его разговорѣ нѣтъ ни начала, ни конца

Этотъ случай давалъ мнѣ поводъ осмотрѣть и жилище гиреевъ, о которомъ татаре говорятъ съ величайшимъ почтеніемъ. Прежде всего я спросилъ у Адиль мурзы: въ такомъ-ли видѣ остался ханъ-сарай, въ какомъ онъ былъ при ханахъ? — Снаружи онъ мало въ чемъ измѣненъ — отвѣчалъ каймаканъ — но внутреннее убранство все почти пріобрѣтено вновь, потому что послѣдній ханъ Шагинъ-гирей не оставилъ въ немъ ничего цѣннаго при выѣздѣ ихъ Крыма.

— Что-же именно измѣнено въ немъ? спросилъ я.

— Во первыхъ устроена новая широкая и удобная лѣстница, ведущая изъ фонтанной комнаты въ верхніе покои дворца, вмѣсто прежней, неудобной, т. е. крутой и узкой, начинающейся въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется фонтанъ Сельсебиль *). Устройство такой лѣстницы потому еще признано необходимымъ, что другая, ведущая изъ подъ воротъ въ верхнія комнаты и въ ханскую пріемную очень крута и наконецъ для того, чтобы мѣсто, занятое прежде дверью, не осталось безъ украшенія; былъ устроенъ новый фонтанъ и перенесена сюда та самая мраморная доска съ надписью, помѣщенною въ въ переводѣ, которая украшала фонтанъ подлѣ мечети. Въ этотъ фонтанъ проведена была вода общая всѣмъ дворцовымъ фонтанамъ.

Морякъ Патиньети такъ обрадовался своимъ соотечественникамъ, что оставилъ всѣхъ насъ на татарскую закуску, а пока ее изготовляли по его заказу, я съ Адиль мурзою пошелъ прежде всего хоть однимъ глазомъ взглянуть на комнаты, гдѣ провела покойная императрица двое сутокъ въ 1787 году. Каймаканъ повелъ меня по лѣстницѣ не изъ фонтанной комнаты, о которой говорилъ, а изъ подъ воротъ по другой крутой, покрытой египетскими рогожами и краснымъ сукномъ. Поднявшись по ней, мы вступили въ большую комнату, которая при ханахъ служила для пиршествъ и знатныхъ обѣдовъ.

— Вотъ за этимъ столомъ обѣдала государыня—сказалъ Адиль мурза, показывая на большой круглый столъ. Я самъ это видѣлъ своими глазами.

---

*) Фонтанъ слезъ.

— А это мебель—спросилъ я, указывая на нѣсколько небольшихъ дивановъ и мраморныхъ столиковъ.

— Часть изъ нихъ оставлена послѣднимъ ханомъ, а часть привезена къ пріѣзду императицы изъ Стамбула.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ осмотрѣлъ вызолоченный потолокъ, изъ средины котораго ниспускалась хрустальная люстра и душевно пожелалъ купить гдѣ нибудь и для себя такія тонкія и прекрасныя рогожи, какими устланъ былъ полъ этой комнаты, но Адиль мурза сказалъ, что за ними слѣдуетъ посылать или въ Турцію или Египетъ.

Изъ этой столовой каймакамъ повелъ меня въ тѣ комнаты, которыя занимала государыня и которыя были почти заново отдѣланы по ордеру князя Потемкина на имя правителя Таврической области статскаго совѣтника Каховскаго *), избравшаго для этого дѣла маіора де-Рибаса, какъ хорошаго живописца **). Комнаты эти соединяли въ себѣ европейское величіе и азіатское изящество. Главнѣйшая изъ нихъ украшена была роскошными софами, покрытыми бѣлымъ атласомъ, отороченнымъ шолковыми и серебряными узорами; изящный каминъ драпированъ былъ такими-же занавѣсами; изъ средины деревяннаго, рѣзнаго, покрытаго позолотой потолка ниспускалась изящная люстра. Стѣны вмѣсто обоевъ, были покрыты бѣлымъ атласомъ съ нашивными узорами, а полъ, сверху египетской рогожки, огромнымъ персидскимъ ковромъ. Къ татарскому убранству присоединена была и необходимая европейская мебель: стулья, зеркала и т. п. На правой сторонѣ за небольшою перегородкой, составленною изъ превосходной розовой атласной матеріи, была устроена спальня императрицы. Занавѣсъ или перегородка, отдѣлявшая спальню отъ комнаты, укрѣплялась между двумя тонкими колонами ***). Надъ самымъ ложемъ ниспускалась великолѣпная занавѣсь, собранная вверху въ видѣ императорской короны. Стѣны спальни были обиты тонкимъ бѣлымъ сукномъ съ

---

*) Отъ 14 марта 1787 года за № 373. См. Тавр. губер. вѣдомости № 48 на 1841 годъ.

**) Іосифъ де-Рибасъ впослѣдствіи достигъ до адмиральскаго чина.

***) Коринѳскаго ордена.

великолѣпными нашивными разноцвѣтными узорами; диванъ вдоль стѣны, вправо отъ ложа, былъ драпированъ бѣлымъ атласомъ, окаймленнымъ узорами, а полъ покрытъ тонкимъ оранжевымъ сукномъ. Изъ мебели въ спальнѣ находились небольшой столъ, два стула и небольшое зеркало. Напротивъ отъ спальни, рядомъ находилась небольшая комната со шкафами, которая занята была гардеробомъ и прислугою императрицы.

Адиль мурза, не имѣвшій достаточно времени, чтобы показать мнѣ всѣхъ комнатъ дворца, провелъ меня въ такъ называемую *Стамбулъ-ода*, т. е. въ Царьградскую комнату, которую особенно усердно разрисовалъ достопочтенный де-Рибасъ. По словамъ каймакана она въ ханское время представляла по стѣнамъ общіе виды на Босфоръ, въ настоящее-же время живописецъ, при реставраціи, изобразилъ на мечетныхъ минаретахъ муэзиновъ, призывающихъ народъ къ молитвѣ. Это не нравится татарамъ, такъ какъ вѣра ихъ не допускаетъ портретную живопись.

Изъ этой комнаты по узкой, крутой лѣстницѣ мы спустились въ гаремъ или довольно обширное обветшалое зданіе, въ которомъ насчитываютъ до 75 небольшихъ отдѣльныхъ комнатъ, служившихъ, нѣкогда обителью молодыхъ затворницъ. Большинство изъ нихъ никуда не годны и вѣроятно скоро разрушатся. Ни въ одной не было никакого убранства. Отдѣленіе бань тоже пострадало отъ времени, Уцѣлѣли только прекрасныя деревья, стеклянная бесѣдка съ водометомъ и высокія стѣны, отдѣляющія этотъ дворъ отъ всего міра. Изъ гарема два выхода: одинъ къ Соколиной башнѣ, построенной на небольшомъ дворѣ, обнесенномъ также высокою стѣною, какъ и гаремъ; другой въ Аджемъ-бахча или персидскій садъ, густо засаженный фруктовыми деревьями, между которыми построена также прелестная бесѣдка на каменныхъ колоннахъ съ фонтаномъ. Соколиная башня, именуемая по татарски *тоганъ-кулеси*; чрезвычайно высокое шестиугольное деревянное зданіе съ одною комнатою на верху. Она называется Соколиною потому, что въ ней воспитывались въ прежнее время ханскіе сокола и кречеты и въ тоже время любовались съ ней

ханскія наложницы городомъ. Башня эта также реставрирована и за ново покрашена.

Главный дворцовый дворъ содержится въ отмѣнной исправности и всегда готовъ къ пріему знатныхъ посѣтителей. По мнѣнію каймакама въ настоящее время болѣе замѣчается чистоты и порядка, чѣмъ въ ханскія времена.

III.

Меня очень интересовало узнать какими наказами управляются Бахчисарайскіе жители.

— Никакими—отвѣчалъ Адиль мурза — да и на что намъ эти наказы: мы слава Богу не маленькія дѣти и знаемъ, что дурно и что хорошо.

Для разумныхъ начальниковъ не надобно наставленій, а необходимо заслужить народное довѣріе. Нашъ народъ и при ханахъ не управлялся никакими законами въ административномъ отношеніи; судъ былъ только въ важныхъ дѣлахъ или если касался религіозныхъ правилъ, поясненныхъ въ куранѣ.

Предъ вечеромъ Адиль мурза устроилъ намъ обѣдъ на балконѣ своемъ, освѣщенномъ длинными складными фонарями. Фонари эти были сдѣланы изъ какой-то цвѣтной бумаги, напитанной воскомъ. Ихъ привозятъ на продажу изъ Царьграда. Подъ балкономъ играла музыка, состоящая изъ двухъ скрыпачей и бубенщика. Всѣ они были цыгане. Они играли и одновременно ужасными голосами пѣли.

За столомъ мы безпрестанно спрашивали нашего хозяина какъ было то и другое при Шагинъ гиреѣ и какая теперь разница? Каймаканъ, хотя повидимому и скучалъ за минувшимъ временемъ, но старался не показывать этого намъ.

— Одно только мнѣ не нравится—сказалъ онъ—при ханѣ можно было за три рубля купить цѣлый возъ хлѣбнаго зерна, а теперь за эти деньги продается только одна *бакла* (четверть). Приходится также оплакивать и то обстоятельство, что нынѣ Крыму не видать болѣе красивыхъ невольницъ на рынкахъ Кафы.

— Это мнѣ кажется болѣе всего оскорбляетъ вашихъ

мурзъ — сказалъ Патиньети съ улыбкою. А въ самомъ дѣлѣ Адиль мурза какія невольницы вамъ болѣе нравились изъ Кавказскихъ горъ или изъ Малороссіи?

— Мы предпочитали послѣднихъ, почему это, трудненько сказать. Одни любили ихъ за полноту и средній ростъ, а другіе за бодрость и черные глаза. Вѣрнѣе всего, что татаре наши издавна привыкли къ нимъ. У насъ и теперь еще говорятъ старики о какой-то крѣпости Хызкерменъ *), которая снабжала малороссіянками не только Крымскіе, но и Стамбулскіе гаремы.

— А доволенъ-ли ты теперешнимъ населеніемъ Крыма? спросилъ Качени.

Каймакамъ отрицательно покачалъ головою.

Никто изъ насъ не осмѣлился противорѣчить ему, потому что знали хорошо, что во всѣхъ городахъ Крыма появилось много бѣглецовъ, разбойниковъ и грабителей изъ Турціи и другихъ мѣстностей и не рѣдко позволяли себѣ творить проказы, что не прекращалось до того времени, пока ихъ не заставляли присоединиться къ Албанцамъ; но и тутъ они не признавали власти и явно сопротивлялись начальствующимъ лицамъ. Одновременно Крымъ наводнился русскими войсками, которыя за неимѣніемъ казенныхъ построекъ, расположены были по частнымъ квартирамъ, а это въ свою очередь возбудило мелкіе безпорядки и своеволія, вынудившіе въ концѣ концовъ около 40 т. татаръ уйти въ Турцію чрезъ Акмечетскую бухту и поселиться въ окрестностяхъ Силистріи и по Дунаю. Когда узнали объ этихъ безпорядкахъ въ Петербургѣ и о причинахъ, возбудившихъ оные, то приказали немедленно перевести войска въ землянки. Приказаніе разумѣется было исполнено, но во первыхъ когда въ немъ не оказалось болѣе надобности, потому что много осталось свободныхъ квартиръ и потому что наступило зимнее время. Землянки эти преимущественно вырывались въ садахъ, которыхъ много истреблено по

---

*) Дѣвичья крѣпость. Сколько намъ извѣстно Хызкерменъ или Кизикерменъ находилась на мѣстѣ теперешняго Берислава. Здѣсь былъ точно большой рынокъ невольниковъ и невольницъ. Русскіе, которымъ не въ моготу было переносить подобный притонъ, напали на него 25 іюля 1695 года и, захвативъ въ плѣнъ всѣхъ почти защитниковъ, обратили эту крѣпость въ развалины.

этому случаю. Съ переходомъ войскъ въ эти подземелья начались повальныя болѣзни, отъ которыхъ погибло ихъ не малое количество. Къ этому надо прибавить что въ Таврическую область набралось очень много дурныхъ людей и въ это время каждый, болѣе или менѣе способный къ злодѣйству, позволялъ заниматься сколько душѣ угодно грабительствомъ, убійствомъ и воровствомъ. На татарскихъ каймакамовъ никто изъ христіанъ и плевать не хотѣлъ, прочія-же власти на все смотрѣли сквозь пальцы, когда имъ приносили взятки или проще дѣлились съ ними насильственными пріобрѣтеніями. Такое положеніе вынуждало несчастныхъ татаръ изъ страха отдавать свои земли жаднымъ чиновничкамъ лишь-бы прикрыться за спиною ихъ. А бывало и такъ, что придумывались смуты и заговоры, принимались строжайшія мѣры для того только, чтобы заставить обвиняемыхъ бѣжать въ Турцію а самимъ сдѣлаться владѣльцами ихъ земель. Многія опустѣвшія земли засѣлялись бѣглыми преступниками и во избѣжаніе ареста приписывались къ ближнимъ помѣщикамъ въ качествѣ крѣпостныхъ. Къ счастію свободѣ ихъ много мѣшали тѣ отставные солдаты, которыхъ водворяло въ Крыму само правительство, предоставляя имъ большія льготы.

Крымъ обязанъ вѣчно благодарить свѣтлѣйшаго Потемкина, который вызвалъ и населилъ пустынныя сѣверныя степи его раскольниками изъ Польши, Стародуба и Вѣны, частью помѣщичьими крѣпостными изъ россійскихъ губерній и Малороссіи. Ему также обязаны мы за вызовъ нѣмцевъ изъ Пруссіи и Виртемберга и молоканъ изъ всей Россіи, которыхъ онъ разселилъ на пространствѣ отъ Кинбургской косы до Орѣхова. Одни выходцы изъ Полтавской губерніи основали нынѣшній Мелитополь, Серигозы, Рогачикъ, Янчакракъ, принадлежавшій Попову, бывшему правителемъ канцеляріи Потемкина, и другія мѣстности, почитаемыя за запорожскія зимовки.

Изъ всѣхъ закрымскихъ степныхъ селеній въ настоящее время считаются лучшими: Духоборово, Терпѣніе, Горѣлое, Астраханка и другія молоканскія. Секта эта, какъ извѣстно повсюду въ Россіи преслѣдовалась за про-

тиво-церковныя нововведенія, но съ того времени какъ они переселены сюда на казенный счетъ и окончательно водворены сенаторомъ Лопухинымъ, сдѣлались хорошими земледѣльцами и навѣрно скоро будутъ богатыми людьми *). Они большинствомъ прибыли изъ Тамбовской, Пензенской и Харьковской губерній. Но гораздо раньше ихъ пришли съ ногайцами киргизы, которые поселились по берегу Сиваша, начиная отъ Перекопа вплоть до Геническа. Ногайцы-же расположились по Бердянскому уѣзду. Всѣ они перешли сюда по волѣ императрицы Екатерины (въ 1787 г.) изъ Буджака или Южной Бессарабіи. Переселеніе ихъ говорятъ очень дорого стоило правительству и производилось во время военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе чего славному Суворову приказано было сопровождать ихъ съ стадами до того мѣста, которое опредѣлено для поселенія, т. е. между рѣками Бердой и Молочной, гдѣ имъ выстроены были селенія и мечети **). Въ 1807 г. къ нимъ присоединилась новая орда изъ Бендеръ, которая вмѣстѣ съ предводителемъ своимъ Баязетомъ ужасно безчинствуетъ ***).

Говоря о переселеніяхъ и населеніяхъ Крыма, я не могу умолчать о постоянномъ сожалѣніи нашего бывшаго разумнаго губернатора Мертваго за первобытными греками Тавриды, нынѣ поселенными по рѣкамъ Калліусу,

---

*) Впослѣдствіи (20 лѣтъ спустя) благосостоянію ихъ позавидовали и начали настаивать въ принятіи православія, но когда они воспротивились, то ихъ подъ надзоромъ чиновниковъ переселили въ Закавказскій край, а на мѣсто ихъ пригнали крестьянъ изъ Курской и Орловской губерній.

**) Относительно этихъ людей у насъ сохранились записки бывшаго въ Крыму губернаторомъ Мертваго, получившаго это мѣсто по ходатайству Державина и жителей Крыма, которыя и напечатаны теперь въ Русск. Архивѣ. Онъ говоритъ: „Ногайцы, коимъ отведена обширная земля по берегу Азовскаго моря до Молочныхъ водъ, будучи управляема плутомъ Баязетъ-беемъ, (подкупившимъ мѣстныхъ начальниковъ) разсыпавшись по всѣмъ степямъ того края, производятъ воровства и злодѣйства, чѣмъ препятствуютъ переселенію сюда порядочныхъ людей; что онъ обо всемъ этомъ донесъ министру, а государь поручилъ военному губернатору Розенбергу удалить Баязета и сдѣлать сообразныя распоряженія“. Намъ также извѣстно, что сначала хотѣли обратить этихъ ногайцевъ въ нѣчто въ родѣ казачьяго войска, но потомъ рѣшили обратить въ хлѣбопашцевъ. Въ начальники имъ поставленъ былъ эмигрантъ графъ де-Мезонъ, который принесъ имъ громадную услугу своею дѣятельностію. Центромъ администраціи ихъ сдѣланъ былъ Ногайскъ на рѣкѣ Обыточной, куда вскорѣ переселились и армяне, торгующіе съ ними въ Бессарабіи. Въ Ногайскѣ правительство устроило для нихъ мечеть, училище и больницу. Въ 1860 году всѣ наши попеченія о нихъ разрушились эмиграціею ихъ въ Добруджу.

***) Ихъ насчитывали до 50 т. въ томъ числѣ до 800 муллъ и до 200 мурзъ.

Мокрымъ Якамъ, Берцамъ и другихъ съ центромъ управленія въ Маріуполѣ.

— Эти люди — говорилъ онъ всегда — были украшеніемъ страны, а нынѣ вынуждены изъ садовниковъ обратиться въ скотоводовъ и хлѣбопашцевъ.

Земли всѣхъ вышедшихъ изъ 52 деревень и 6 городовъ христіанъ Крыма, достались, какъ извѣстно намъ, послѣднему хану, а съ удаленіемъ его отъ престола перешли къ нашему правительству, которое щедрою рукою раздавало ихъ сподвижникамъ присоединенія Крыма. Эта раздача создала такія путаницы, споры и безпорядки, какихъ и слѣдовало-бы ожидать при неизвѣстности настоящихъ границъ. Пришлось устраивать коммисію подъ предсѣдательствомъ лѣниваго и безпечнаго сенатора Лопухина. Члены этой коммиссіи безпощадно брали взятки и еще болѣе путали дѣла. Руководствуясь подобными дѣйствіями, судьи и всѣ остальные подъячіе, завидуя, что другіе легко пріобрѣтаютъ цѣлыя имѣнія безчестными путями, начали строчить въ Петербургъ жалобы и отъ имени такихъ людей, которыхъ вовсе не существовало въ странѣ. Сенаторъ-же нашъ, который никогда не читалъ никакихъ прошеній, скоплялъ ихъ и составилъ цѣлый отдѣльный архивъ.

Поговариваютъ теперь о предстоящемъ волненіи татаръ Байдарской долины также изъ за земли. Сколько мнѣ извѣстно императрица Екатерина II пожаловала свѣтлѣйшему князю Потемкину при опустѣвшихъ деревняхъ Ласпи и Форосѣ 12 т. десятинъ земли. Потемкинъ подарилъ ихъ племяннику своему генералу Высотскому, который нашедъ ихъ въ натурѣ неудобными для извлеченія дохода, просилъ замѣнить ихъ въ Байдарской долинѣ землею, населенной жителями, пользующимися ею. Получивъ согласіе, онъ завладѣлъ этою долиною, обложивъ поселянъ подобно Шагинъ гирей хану ясакомъ, которымъ и пользуется до настоящаго времени. Татаре въ страшномъ негодованіи и всѣмъ жалуются на несправедливость.

О ногайцахъ говорятъ, что они происходятъ отъ Узбековъ и были прежде многочислены, но ушли за Кубань. У оставшихся начальствовалъ Калифъ-эфенди, по-

хороненный въ деревнѣ Кенеизъ. Его замѣнилъ Джазибей, но послѣ назначенъ былъ нашъ полковникъ Триногинъ, но только послѣдующій за нимъ графъ де-Мезонъ сдѣлалъ ихъ осѣдлыми и научилъ хлѣбопашеству.

Тѣ изъ ногайцевъ, которые живутъ внутри Крыма, принадлежатъ къ Едисайской ордѣ и нѣкогда состояли въ управленіи Джанманъ-битлія, ушедшаго съ ордою на Кавказъ. Эти-же не пожелали слѣдовать за нимъ.

Я нѣсколько разъ бывалъ между ними. Всѣ онѣ гордятся своимъ происхожденіемъ и называютъ насъ бѣлоголовыми; жены ихъ любятъ наряжаться въ праздники, хлѣбъ пшеничный не охотно ѣдятъ и считаютъ за большое лакомство мясо молодаго жеребенка.

IV.

Послѣ обѣда маіоръ Манаси началъ разговоръ о императрицѣ Екатеринѣ и ея пышномъ путешествіи. Качёни до такой степени восторгается этою государынею, что признаетъ ее выше всѣхъ римскихъ и греческихъ монарховъ.

— Она безспорно была переполнена любовью и доброжелательствомъ къ своему народу—сказалъ Патиньети—но я не пожелалъ бы, чтобы въ другой разъ царствовала въ Россіи женщина.

— Это почему? вскрикнули мы съ удивленіемъ.

— Потому—отвѣчалъ онъ съ улыбкою—что въ такое время всѣ женщины считаютъ себя имѣющими превосходство надъ мущинами.

— Это еще не большая бѣда — прервалъ его Качёни, — но ты не забывай того, что когда въ главѣ народа стоитъ женщина, то государствомъ управляютъ лучшіе мущины, и наоборотъ когда царствуютъ мущины, тогда стараются руководить представителями власти самыя красивыя и обыкновенно недальновидныя женщины.

— Ну а какое твое мнѣніе объ этой царицѣ? спросилъ Манаси у каймакама.

— Я не повѣрилъ-бы никогда—отвѣчалъ онъ—чтобы женщина могла быть умнѣе мущины, но собственными глазами и ушами убѣдился въ этомъ. Она такъ говорила со мною и другими мурзами и беями, какъ ни одинъ

муцина не говорилъ съ нами. Да жаль не суждено намъ было долже наслаждаться ея царствованіемъ.

— Ты я думаю никогда не забудешь ея пріѣзда въ Крымъ? спросилъ Иванъ Онуфріевичъ Курисъ.

— Еслибъ и ты былъ здѣсь и видѣлъ все, что я видѣлъ—то и ты не забылъ-бы такихъ чудесъ. Мы принимали государыню такъ, какъ не принимали на землѣ ни одного посланнаго Богомъ пророка люди, бывшіе до насъ. Надо тебѣ знать, что предшествовавшая пріѣзду зима была одна изъ самыхъ ужасныхъ въ Крыму и народъ съ большимъ трудомъ дожилъ до весны, но не смотря на все это по первому требованію народъ вывалилъ, чтобы исправить дороги, содѣйствовать къ постройкѣ милей или большихъ каменныхъ столбовъ, временныхъ дворцовъ и т. п. Къ каждому мѣсту, гдѣ предположено, что императрица остановится, выставлялись сотни лошадей и самыя лучшія дойныя коровы, охраняемыя нарочно хорошо одѣтыми татарами. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣми шатрами и помѣщеніями, которые воздвигались для пребыванія ея на непродолжительное время. Эти шатры выложены были внутри краснымъ атласомъ, на которомъ нашивались вырѣзанные изъ шелка цвѣты въ турецкомъ вкусѣ; всѣ подзоры были изъ серебрянаго глазета и также съ шитьемъ. Диваны съ такого-же глазета съ богатымъ золотымъ шитьемъ и бахрамами. Покрывала на нихъ были атласныя съ мелкимъ золотымъ шитвомъ по краямъ. Бархатныя самыя великолѣпныя подушки нарочно привезены были изъ Стамбула. Изъ всѣхъ этихъ подвижныхъ домиковъ два особенно отличались красотою и убранствомъ и именно одинъ поражалъ насъ софою, надъ которою воздвигнутъ былъ глазетовый балдахинъ съ малиновою бахрамою и другой шатеръ турецкаго изобрѣтенія, также нарочно купленный изъ Польши, который весь былъ превосходно разрисованъ внутри *).

О коврахъ, драгоцѣнной посудѣ и плодахъ, бережно привезенныхъ изъ Смирны и Стамбула и разставленныхъ

*) У насъ сохранились замѣтки, что шатеръ этотъ былъ расписанъ художникомъ Алтиніемъ, а что для шитва золотомъ, кромѣ лицъ, найденныхъ въ Крыму изъ армянъ и караимовъ, выписаны были изъ Смоленска золотошвеи.

въ вазахъ, я право и не могу тебѣ разсказать. Такихъ вещей едва-ли удастся увидѣть нашимъ внукамъ и правнукамъ. Про парчу и штофныя подушки я не буду и говорить, потому что ихъ куплено было въ Крыму и Стамбулѣ такое множество, что хватило даже и на долю каймакановъ.

— Интересно узнать — спросилъ Макензи — куда-же подѣвались всѣ эти дорогія вещи?

— Объ этомъ знаетъ только Каховской, да бывшіе при немъ главнѣйшіе распорядители: колежскій совѣтникъ Темиръ-ага, казнадаръ Мегметъ-ага, Атай мурза Ширинскій и Мегметша мурза Аргинскій. Эти люди пользовались такимъ могуществомъ и уваженіемъ со стороны кн. Потемкина и начальника нашей области, что были въ правѣ дѣлать все по желанію своему.

— Нѣкоторыми изъ этихъ богатствъ и я владѣю— сказалъ Ламбро Качени—если хотите господа взглянуть на нихъ, пріѣзжайте ко мнѣ въ Карасубазаръ. Я такъ дорожу всею обстановкою, подареннаго мнѣ государынею дворца, что до настоящаго времени ни одна вещица въ немъ не тронута.

Манаси и я обѣщали непремѣнно пріѣхать.

Послѣ этого мы перешли къ разговорамъ обыкновеннымъ, а въ заключеніе начали трактовать о свѣтлѣйшемъ князѣ Потемкинѣ и его щедрости къ наградамъ. Адиль мурза по этому поводу представилъ намъ множество фактовъ, изъ которыхъ мнѣ показался болѣе убѣдительнымъ слѣдующій, князь Потемкинъ пріѣхалъ въ Акмечеть въ Январѣ 1787 года, чтобы лично отдать приказанія относительно того, что слѣдуетъ сдѣлать для предстоящаго пріѣзда императрицы. Въ числѣ многихъ мурзъ, окружавшихъ его особу, находился маіоръ Велиша мурза, который постоянно нуждался въ деньгахъ и распродавалъ свое наслѣдство за безцѣнокъ. „Вотъ еслибъ у меня было пять тысячъ руб.—сказалъ онъ однажды правителю канцеляріи свѣтлѣйшаго—то я считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Не купите-ли вы у меня мельницу и при ней прекраснѣйшій лугъ—я ихъ отдамъ вамъ за три тысячи.—Но ты съ этою суммою только на половину будешь счастливъ—сказалъ улыбаясь Поповъ“.

Такъ и прошло. На другой день князь призываетъ къ себѣ Велишу мурзу, узнаетъ гдѣ находится его мельница и лугъ *), Спрашиваетъ цѣну и изъявляетъ согласіе купить. Велиша запрыгалъ отъ радости. Но какого было изумленіе его, когда вмѣсто трехъ тысячь, которые онъ просилъ, ему выдали пять для того, чтобы сдѣлать его счастливымъ.

Я нисколько не сомнѣваюсь въ справедливости этихъ словъ, потому что мнѣ лично извѣстенъ другой случай болѣе важный: Аникій Герасимовичъ Струковъ, бывшій раньше губернскимъ землемѣромъ, а потомъ сдѣлавшійся нашимъ оберъ-провіантмейстеромъ, представляясь по обязанности къ его свѣтлости подвергся слѣдующему вопросу: „много-ли у тебя десятинъ земли въ пріобрѣтенномъ нами краѣ?“ — Ни одной ваша свѣтлость. — Ты видно ужасный лѣнтяй и не любишь блага отечества— сказалъ князь. — Напротивъ ваша свѣтлость я крайне люблю сельскую жизнь, но до настоящаго времени не могъ сберечь лишней копѣйки, чтобы сдѣлаться помѣщикомъ.—А какія степи тебѣ болѣе нравятся? спросилъ онъ. — Мнѣ очень понравились мѣста около Очакова — отвѣчалъ онъ.—Ну, хорошо я похлопочу сдѣлать тебя въ тѣхъ мѣстахъ хозяиномъ, если ты пообѣщаешь мнѣ населить и обработывать ихъ. Струковъ усердно поблагодарилъ свѣтлѣйшаго и ушелъ, въ предположеніи что князь въ тотъ же день забылъ объ этомъ. но нѣсколько мѣсяцевъ спустя ему офіціально пожаловано было около Очакова 7500 десятинъ земли.

— Изъ этого надо заключить—сказалъ Курисъ, что свѣтлѣйшій очень полюбилъ татаръ. Ужъ не вмѣшались-ли сюда и хорошенькія женщины ваши?

— Относительно женщинъ у мусульманъ не принято говорить громко—отвѣчалъ съ легкою обидою каймаканъ—женщины у насъ такъ поставлены, что дѣла о нихъ обсуждаются только родителями и мужьями. Конечно князь Потемкинъ такой-же былъ грѣшный человѣкъ, какъ и мы съ вами, но я не слышалъ ни отъ кого, чтобы

*) Мельница и лугъ этотъ впослѣдствіи перешли кажется къ Алек. Иван. Султану Крымъ-гирею. Лугъ этотъ находится сейчасъ-же за Симферопольскимъ мостомъ по тракту на Карасубазаръ.

онъ сдѣлалъ насиліе или не вознаградилъ бы по царски тѣхъ, кто съумѣлъ доставить ему удовольствіе. Не смотря на то, что мы татаре и можетъ быть кажемся вамъ не благодарными, однако всѣ мы признаемъ Потемкина за самаго добраго и справедливаго человѣка. По его ходатайству намъ даны разныя привилегіи и кромѣ того императрица пожертвовала 7600 рублей на исправленіе мечетей и вспомоществованіе бѣднымъ духовенству и поселянамъ. Развѣ сдѣлалъ-бы другой полководецъ такое снисхожденіе въ пріобрѣтенной странѣ? Сколько мнѣ извѣстно, другіе полководцы отымаютъ у жителей все лучшее по праву сильнаго.

V.

На слѣдующій день всѣ гости Адиль мурзы, за исключеніемъ меня и маіора Манаси разъѣхались. Каймаканъ предложилъ намъ совершить небольшую поѣздку на Качу въ имѣніе свое, обѣщая угостить хорошими яблоками, грушами и свѣжими воложскими орѣхами. Мы изъявили наше согласіе, но такъ какъ поѣздка предполагалась предъ вечеромъ, чтобы избѣгнуть сильной жары, то мы съ маіоромъ вышли въ городъ. Ему хотѣлось поискать своихъ соотечественниковъ, а мнѣ узнать чѣмъ здѣсь промышляютъ обитатели, какъ проводятъ свои дни и какія цѣны на товары и жизненные продукты.

Прежде всего я пораженъ былъ огромнымъ изобиліемъ арбузовъ и дынь, сложенныхъ точно ядра на арсеналахъ вдоль всей почти базарной улицы. Они продавались *батманами* *) по вѣсу за пять денежекъ. При каждой лавченкѣ непремѣнно продавался крошенный табакъ въ большихъ круглыхъ деревянныхъ чашкахъ, около которыхъ выставлялись черешневые и малиновые чубуки и разноцвѣтныя глиняныя трубки карасубазарскаго издѣлія. За око табаку лучшаго сорта спросили у меня 21 пятакъ **), за хорошій посредственный длины чубукъ одинъ пятакъ, а трубки на выборъ по деньгѣ. Въ промежуткахъ этихъ лавокъ находились цырульни, кофейни

*) Батманъ равняется 6 окамъ, а въ окѣ 3 нашихъ фунта.
**) Пятакъ составляетъ прежнія 5 коп. ассигнаціями.

и рѣзницы съ цѣлыми висящими на желѣзныхъ крючкахъ облупленными жирными баранами. Око баранины продается за два пятака или немногимъ дешевле, чѣмъ въ Ахмечетѣ. Разница эта вѣроятно происходитъ потому, что въ здѣшнихъ окрестностяхъ ужасное изобиліе овецъ. Изъ прочаго съѣдомаго я замѣтилъ здѣсь во множествѣ Кунжутное зерно, синіе падлижаны, длинные огурцы втораго сбора и громадной величины капусту. Все это безъ сомнѣнія самые любимые предметы татарской кухни. Я освѣдомился почемъ продаются злаки. Мнѣ отвѣчали, что по случаю плохаго урожая пшеница продается по 3 руб. за *биклу* *), рожь 1½ руб., а за ячмень просятъ 80 коп. Такія цѣны и въ Симферополѣ. Только въ одной греческой лавченкѣ я увидѣлъ осетровую икру, за око которой у меня испросили 45 коп. Въ пекарняхъ продаются пирожки съ сыромъ или масломъ съ лукомъ и плацынды съ халвою какъ лакомство. Послѣднія дѣлаются изъ тончайшаго тѣста, пропитаннаго бараньимъ саломъ и поѣдаются съ большимъ удовольствіемъ татарами на тощакъ. Хлѣбъ дѣлается не изъ просѣянной муки, а съ отрубями и называется семитомъ. Видно онъ въ такомъ видѣ кажется вкуснѣе татарамъ.

Бахчисарайскій рынокъ представляетъ чрезвычайно много мастеровъ, которые самолично работаютъ въ лавченкахъ своихъ съ удивительною скоростію и надо полагать много заработываютъ денегъ отъ своего ремесла. Изъ всѣхъ ихъ мнѣ показались болѣе зажиточными башмашники, расположившіеся въ одномъ ряду, за ними слѣдуютъ ножевщики, которые дѣлаютъ особенной формы ножи съ ножнами, служившіе minimum 25 лѣтъ, потомъ идутъ сѣдельники, войлочники, бурочники, токари люлекъ и такатукъ, **) чубучники и т. д. У всѣхъ цѣны строго опредѣлены на каждый предметъ и безчестіе тому, кто запроситъ больше, но оказать уступку считается за добродѣтель въ особенности бѣдному собрату. Всѣ эти ремесленники имѣютъ своего начальника или наиба

*) Четверть.

**) Нѣчто въ видѣ деревянныхъ вазъ съ стержнемъ для выбиванія трубокъ. Такатука обыкновенно становится посрединѣ оды.

и однажды въ три года празднуютъ какое-то воспоминаніе съ большимъ торжествомъ *).

Мы сошлись съ маіоромъ Манаси около большаго татарскаго училища и пошли вмѣстѣ. Въ Бахчисараѣ онъ встрѣтилъ очень немного грековъ, жаловавшихся ему, что не имѣютъ своего священника и вынуждены бываютъ ожидать анатолійскихъ поповъ, которые два, три раза въ годъ пріѣзжаютъ изъ Трапезунда или Самсона, чтобы перекрестить ихъ дѣтей и запечатать могилы умершихъ.

По дорогѣ мы присоединились къ одному караиму іудейской вѣры, съ которымъ Манаси заговорилъ по турецки. Онъ жилъ въ предмѣстьи города, называемомъ жидовскою крѣпостію (Чуфутъ кале), которая по словамъ его находится противъ бывшаго греческаго монастыря, оставшагося безъ богослуженія послѣ выхода грековъ въ маріупольскія степи. Понятно, что мы изъявили желеніе осмотрѣть эту святыню и помолиться въ ней. Послѣ довольно продолжительной ходьбы по съуживающейся все болѣе и болѣе улицѣ между скалами и садиками, мы вышли наконецъ за городъ и, прошедъ мимо цыганскихъ таборовъ, подошли къ высокой каменной горѣ, въ срединѣ отвѣса которой виднѣлась пещера, мѣстами заложенная битымъ камнемъ. Караимъ показалъ намъ на лѣстницу, ведущую къ храму, по которой мы съ большимъ трудомъ взобрались на верхъ. Въ пещерѣ оказалась по стѣнамъ испорченная живопись святыхъ иконъ, а алтарная перегородка разломанною. Въ одной нишѣ мы открыли массу человѣческихъ костей, вѣроятно перенесенныхъ сюда, послѣ окончательнаго разложенія тѣлъ. По мнѣнію Манаси здѣсь не было настоящаго монастыря, а была обыкновенная церковь, гдѣ отправлялось богослуженіе въ праздничные только дни.

Проводникъ нашъ разсказывалъ, что до времени выхода грековъ къ этому храму ежегодно приходили и пріѣзжали огромныя толпы народа, которыя послѣ молитвы веселились впродолженіи цѣлаго дня.

Отсюда мы направились къ жидовской крѣпости, названной этимъ именемъ, потому что на ней живутъ кара-

*) Нынѣ этого праздника подъ именемъ Ревана не празднуютъ болѣе.

имы. Крѣпость эта построена первобытными обитателями этихъ мѣстъ, но кѣмъ именно неизвѣстно. Крѣпость имѣетъ въ длину болѣе версты и составляетъ скалу съ отвѣсными краями, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ она доступна, загорожена высокими стѣнами. Мы подошли къ главнымъ воротамъ, окованнымъ желѣзомъ, которые всегда заперты и открываются очереднымъ сторожемъ не иначе, какъ по ударамъ камнемъ. Караимы здѣсь живутъ въ изрядныхъ домахъ съ семействами, имѣютъ синагоги свои и всѣ почти занимаются торговлею въ Бахчисараѣ. Бѣднѣйшіе изъ нихъ коробейники; они развозятъ мелочные товары по татарскимъ деревнямъ, вымѣниваютъ ихъ на хлѣбное зерно, овчины, шерсть, конскій волосъ и т. п., которые свозятъ въ Чуфутъ-кале и отсюда уже перепродаютъ въ Царьградъ. Караима и жену его не трудно отличить отъ татаръ, не смотря на то, что одежда и образъ жизни у нихъ одинаковые. Я не нахожу въ нихъ ни малѣйшаго сходства съ жидами. Но какимъ образомъ они наслѣдовали жидовскую вѣру или откуда пришли въ Крымъ—этого они сами не знаютъ. Говорятъ они между собою по татарски и никогда не знали другаго нарѣчія. Многія изъ женщинъ и дѣвушекъ ихъ обладаютъ очень нѣжными чертами лица и могли-бы казаться красавицами, еслибъ сбросили съ себя безобразныя татарскія платья и привычки прятаться отъ мущинъ. Мы приняты были ихъ учителемъ или равиномъ и кажется показались дѣтямъ необыкновенными людьми, потому что всѣ они собрались глазѣть на насъ. Я спрашивалъ у хозяина нашего радуется-ли онъ тому, что Крымъ перешолъ во власть Россіи?

— Для насъ все равно отъ кого не зависѣть—отвѣчалъ онъ—татаре всегда относились къ намъ съ довѣріемъ, потому что мы никогда не дѣлали имъ ничего противнаго. Вѣроятно и вы полюбите насъ, когда узнаете поближе.

Слова эти сказаны были такимъ тономъ, что я вполнѣ былъ убѣжденъ, что караимы оплакивали болѣе татарское господство, чѣмъ сами татаре.

Жидовская крѣпость составляетъ довольно большой городокъ, въ которомъ днемъ не найдешь 25 мущинъ,

потому что они всѣ торгуютъ въ Бахчисараѣ и окрестныхъ деревняхъ, но вечеромъ возвращаются на ночлегъ около 250 человѣкъ. По словамъ равина на Чуфутъ-кале переселились и тѣ Караимы, которые прежде обитали на Мангупѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Я обошелъ всю вершину скалы, съ ужасомъ смотрѣлъ съ отвѣсовъ ея на глубокія ущелья и признаюсь мнѣ показалось невыносимымъ жить на голой скалѣ такой массѣ народа, вдали отъ остальнаго міра. Жидовская крѣпость очень хороша для тюрьмы, но никакъ для жизни свободнаго человѣка. Сюда хорошо было-бы еслибъ правительство заточало преступниковъ, осужденныхъ навсегда, на томъ основаніи, что не потребовалось бы за ними особеннаго надзора и особенныхъ затратъ на устройство тюремныхъ домовъ, требующихъ постояннаго ремонта.

По мнѣнію Манаси на скалѣ этой можно вырубить нѣсколько тысячь несокрушимыхъ временемъ камеръ по образцу существующихъ теперь.

Равинъ полагаетъ, что караимы не долго будутъ оставаться въ своей крѣпости, потому что дѣла ихъ начали идти плохо съ того времени, какъ не существуютъ въ Бахчисараѣ хановъ. Если этотъ народъ дѣйствительно выселится отсюда, то навѣрно можно сказать, что другіе не замѣнятъ ихъ. Тогда авось начальство согласится со мною, что Чуфутъ-кале можетъ быть очень выгоднымъ пунктомъ для задержанія преступниковъ.

Мы вышли изъ Чуфутъ-кале совершенно другимъ выходомъ изъ малыхъ воротъ, расположенныхъ въ центрѣ скалы. Сюда входятъ только тѣ, которые идутъ пѣшкомъ.

— И женщины ваши идутъ этимъ путемъ? спросилъ я сопровождавшаго насъ караима.

— Да, когда имъ приходится идти за водою.

— А въ городъ вѣрно идутъ чрезъ большіе ворота?

— Наши женщины никогда не ходятъ въ городъ — отвѣчалъ равинъ—въ городъ ходятъ только мущины.

— Куда-же онѣ ходятъ?

— Рѣшительно никуда. Лучшія женщины всегда имѣютъ много дѣла въ домѣ и вы не найдете у насъ ни одной изъ молодыхъ, которая видѣла бы Бахчисарай вблизи.

— И не желаютъ видѣть?

— Если это не принято, то конечно и не можетъ быть желательно.

VI.

Бахчисарай стоитъ въ лощинѣ между двухъ горъ, который простирается отъ N до W длиною на три версты и 450 саженъ. Сквозь оный течетъ рѣчка именуемая Чурукъ-су (гнилая вода). Имя это дано ей отъ нечистоты ея водъ.

Мѣстоположеніе Бахчисарая для города весьма неудобно. Стѣсненный горами онъ всегда можетъ споспѣшествовать распространенію опасныхъ болѣзней. Сады, состоящіе изъ фруктовыхъ деревьевъ и находящіеся между горами въ весеннее и лѣтнее время придаютъ однако этому городу пріятный видъ. Въ городѣ нѣтъ ничего достопримѣчательнаго за исключеніемъ дворца хановъ и нѣкоторыхъ мечетей, изъ которыхъ 5 главныхъ и 30 обыкновенныхъ.

Хановъ или постоялыхъ дворовъ хорошихъ для купечества 5.

Первый именуемый джемиръ принадлежитъ къ медресе молла-эфенди и отдается въ наемъ за 130 рублей въ годъ.

Второй ага-хане нанимается за 300 руб. въ годъ.

Третій Абдулативъ-эфенди принадлежитъ этому-же эфендію и отдается въ наймы за 150 руб.

Четвертый Медресе анфи принадлежитъ Медресе Ашаша и нанимается за 250 руб. въ годъ.

Пятый Абдулъ-вели-паши принадлежитъ Мегметшѣ бею и нанимается за 25 руб. въ годъ.

Простыхъ заѣзжихъ для арбовъ хановъ 13.

Мостовъ по рѣчкѣ Чурукъ-су каменныхъ цѣлыхъ 5, требовавшихъ починокъ 5 и испорченныхъ 3; деревянныхъ цѣлыхъ 4 и изломанныхъ 2.

Фонтановъ каменныхъ цѣлыхъ 24, требующихъ починки 21 и испорченныхъ 15.

Бань цѣлыхъ 1, требующихъ ремонта 2. Первая цѣлая принадлежитъ Мустафѣ эфендію находится около дворца и отдается въ наемъ за 150 руб. въ годъ. Изъ

послѣднихъ же двухъ одна построена Меметъ гирей ханомъ, отдается въ наймы за 240 руб., которые идутъ на содержаніе ханской мечети, а другая принадлежитъ женѣ умершаго татарина Куба-Хаманъ-Салуджи, арендуется за 50 руб. въ годъ.

Татарскихъ домовъ цѣлыхъ 1128, изломанныхъ 61, пустыхъ 17, вдовьихъ 72, греческихъ, требующихъ починки 121, совершенно негодныхъ 189; армянскихъ, требующихъ ремонта 140, негодныхъ 187; церквей христіанскихъ было четыре: 2 греческія и двѣ армянскія, но всѣ они ужасно изломаны.

Объ основаніи Бахчисарая разсказываютъ различно, но по общему мнѣнію всѣ убѣждены въ томъ, что первымъ ханомъ явился въ это ущелье Менгли гирей, отъ котораго и началось бывшее подданство Крымскаго полуострова Оттоманской портѣ. Началъ же онъ владѣть этимъ мѣстомъ въ 887 году отъ геджиры, т. е. съ 1473 по Р. Х.

Менгли гирей построилъ неподалеку отъ Ашламы дворецъ, отъ котораго однакожъ теперь никакихъ даже остатковъ нѣтъ, но виденъ еще построенный имъ же возлѣ онаго для себя дюрбе или монументъ такъ какъ и Медресе (духовная школа). Въ этомъ дюрбе онъ былъ похороненъ послѣ смерти и видѣнъ его гробъ. Изъ Медресе же всякій день по очереди одинъ изъ дервишей приходитъ читать надъ онымъ молитвы. Сей монументъ имѣетъ осьми угольную форму съ куполомъ. Послѣдующіе за Менгліемъ ханы долго не имѣли опредѣленнаго мѣстожительства и проживали то на Алмѣ, то въ эскиюртѣ. Такъ продолжалось до Сагибъ гирея, ханствовавшаго въ 939 г. геджиры, а отъ Р. Х. въ 1525. Сагибъ гирей выстроилъ себѣ дворецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится и теперешній. При немъ находился и садъ, который главнымъ образомъ далъ настоящее имя городу.

Хозяинъ нашъ заинтересовалъ насъ разсказами о Мангупѣ, эски-Керманѣ и Черкезъ-Керменѣ, чѣмъ и подалъ мнѣ ревностное желаніе взглянуть на нихъ.

Мангупъ стоитъ на высокой и крѣпкой горѣ въ вышину 100 сажень, въ 20 верстахъ отъ Бахчисарая и

15 отъ Балаклавы почти на прямой линіи между оными. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ каменною стѣною съ башнями, которая однакожъ во многихъ мѣстахъ развалилась. Содержитъ въ себѣ очень много покоевъ, изъ камня вытѣсанныхъ, три церкви разрушившіяся, одну мечеть и двѣ деревеньки: одна изъ 20, а другая, изъ 29 цѣлыхъ домовъ. Тамъ же большой древній домъ тоже развалившійся, подъ спудомъ котораго будто послѣдній князь скрылъ свои великія сокровища. На Мангупѣ живетъ очень малое число жидовъ (караимовъ) и еще менѣе татаръ.

О началѣ и постройкѣ Мангупа ничего вѣрнаго отъ обывателей отобрать невозможно, вѣрно только то, что онъ палъ вмѣстѣ съ Кефою. На косогорѣ внѣ города находятся гроба, изъ которыхъ три съ надписями жидовскими. Изъ надписей этихъ явствуетъ, что подъ первымъ погребено тѣло въ 1104, подъ вторымъ въ 1114, а подъ третьимъ въ 1204 году.

По оставшимся крѣпостнымъ развалинамъ, крѣпкому положенію и по обширности Мангупа, думать должно, что оный былъ главнѣйшею крѣпостью внутри всего полуострова и служилъ обителью для цѣлаго народа.

Отъ всей эски-Керменской крѣпости, которая находится въ 5 верстахъ отъ Мангупа нынѣ осталось только разломанные каменные (?) ворота и часть стѣны. Въ немъ примѣчанія достойны многочисленныя пещеры. Въ одну изъ нихъ сдѣланъ въ камнѣ сходъ, состоящій изъ 84 ступеней, въ глубинѣ котораго есть ключь воды, дѣлающій маленькое озеро. О началѣ этой крѣпости обыватели ничего не знаютъ. Надо думать, что она сооружена для избѣжанія внезапныхъ набѣговъ.

Черкезъ-Керменъ никакого укрѣпленія не содержитъ, кромѣ башни, построенной на перешейкѣ горы, подъ которою лежитъ деревня того имени.

Я возвратился въ Бахчисарай на третій день и послѣ кратковременнаго отдыха опять поѣхалъ верхомъ по окрестностямъ города, которыя очень красивы, но дики для человѣка, глазъ котораго привыкъ къ гладкимъ степямъ.

Маіоръ Манаси также во все это время не оставал-

ся на квартирѣ и посѣщалъ разныхъ почетныхъ гражданъ, съ которыми познакомился въ одѣ каймакама или на дворахъ кофейныхъ заведеній, въ бесѣдкахъ, куда каждый день собираются эти граждане для обсужденія своихъ дѣлъ. Изъ любопытства и я одинъ разъ ходилъ туда съ нимъ, но не могъ оставаться долго и увлекъ его на сосѣднія горы, чтобы посмотрѣть оттуда на всю лощину. Долго мы выбирали удобное мѣстечко и наконецъ, благодаря одному молодому татарину нашли таковое на супротивъ Менгли-гиреевскаго медресе.

Расположившись здѣсь по татарски, я, послѣ долгаго наблюденія, началъ говорить свое мнѣніе.

— Совершенно азіятскій городъ—прервалъ меня Манаси.—Всѣ домики однообразны и стѣснены какъ гнѣзда въ сотахъ всѣ мущины въ одинаковыхъ платьяхъ; во всѣхъ дворахъ тѣ-же деревья и цвѣты. Надо родиться татариномъ, чтобы соблюдать такой неизмѣнный видъ.

И въ самомъ дѣлѣ Бахчисарай изумилъ меня однообразіемъ построекъ, между которыми выдѣлялись только стройные тополи и минареты мечетей. Здѣсь какъ-то не у мѣста наши солдаты и полицейскіе чиновники. Отлично поступило правительство, приказавъ назначить въ каймакамы и пристава ихъ мурзъ, въ противномъ случаѣ мы ничего не могли бы сдѣлать по отсутствію переводчиковъ.

О переводчикахъ давно уже ходатайствуетъ правитель области, но видно мало находится желающихъ переселиться изъ Казанской и Астраханской губерній въ Таврическую область, а безъ переводчиковъ намъ ужасно трудно. Спасибо еще, что всѣ албанскіе офицера привыкли объясняться съ грѣхомъ пополамъ по русски и хорошо знаютъ по турецки, иначе пришлось-бы переговоривать на пантоминахъ. Татаре повидимому не желаютъ учиться по нашему, а мы совершенно не знаемъ какъ взяться за дѣло это по отсутствію учителей, знающихъ оба языка.

Это обстоятельство навѣрно долго будетъ служить препятствіемъ къ сближенію татаръ съ нами, но мурзы ихъ обѣщаютъ въ не продолжительномъ времени сблизиться съ христіанами съ цѣлью безгранично властвовать надъ

поселянами, которымъ каждый русскій кажется имущимъ большую власть.

Мнѣ часто говорили, и я самъ нынѣ увѣрился, что мурзы всегда почти въ этихъ видахъ приглашаютъ къ себѣ въ деревни нашего брата и потомъ тщеславятся этимъ предъ невѣжественными татарами, чтобы держать ихъ въ рабствѣ.

Пришедъ на квартиру, мы застали у Адиль мурзы въ гостяхъ муфтія Мусалафъ эфендія и брата бывшаго ахмечетскаго каймакана Каяли эфендія, Сеитъ Халиля. Крымскій муфтій очень важное лицо въ странѣ: это тотъже патріархъ, но съ тѣмъ преимуществомъ, что власть свою наслѣдовалъ отъ прапрадѣдовъ, которые служили муфтіями. Проще онъ унаслѣдовалъ свою каѳедру отъ предковъ и въ своемъ родѣ считался наслѣдственнымъ принцомъ. Это былъ очень гордый человѣкъ, большаго роста, полный и достаточно красивый мущина, одѣвающійся въ священный зеленый цвѣтъ. Всѣ мурзы, беи и татаре считали его за мудраго руководителя и возлагали большія надежды на случай притѣсненія или вмѣшательства нашего въ ихъ церковныя дѣла, до которыхъ намъ не было никакой надобности.

Говорятъ, что Василій Васильевичъ Каховской также питаетъ къ нему особенное расположеніе въ особенности съ того времени, когда онъ, представляясь къ императрицѣ, съумѣлъ отстоять свои права, не поддаваясь правамъ сильнаго и не унижая своего достоинства. Къ этому прибавляютъ, что Мусалавъ эфенди отлично отрекомендовалъ себя въ то время, когда извѣстный турецкій эмисаръ Мансуръ собирался вновь взбунтовать татаръ противъ русскихъ. Мнѣ только одинъ разъ приходилось побывать у него съ многими другими чиновниками въ Ахмечети въ день байрама съ поздравленіемъ. Онъ имѣлъ свой домъ на крайней городской улицѣ около мечети, которую называютъ цыганскою и не вдали отъ нашего провіантскаго магазина. Ода или пріемная его была въ два этажа съ балконами и, судя по легкости, кажется была сплетена изъ хвороста и замазана грязью. Но за то въ ней было чудесное убранство изъ пестрыхъ ковровъ, шелковыхъ

и штофныхъ матерій, безъ сомнѣнія унаслѣдованныхъ отъ дѣдовъ.

У него также какъ и у другихъ высокопоставленныхъ беевъ и мурзъ было два двора, соединяющихся небольшою калиткою. Въ первомъ, т. е. переднемъ, обитали въ плетушкахъ служителя и просители, пріѣзжающіе изъ отдаленныхъ городовъ и деревень, а въ послѣднемъ т. е. заднемъ семейство и женская прислуга.

При теперешней встрѣчѣ съ нимъ я рекомендовался ему чрезъ маіора Манаси, какъ знакомый.

— То-то мнѣ твоя наружность показалась очень знакомою—отвѣчалъ онъ.—Ну какъ поживаетъ въ Петербургѣ наша шорбаджи? (т. е. кормилица, государыня). Правда-ли, что она окружена врагами и людьми, желающими видѣть ее снова въ борьбѣ съ турками?

Такого рода безцеремонный вопросъ покоробилъ меня. Однако къ удовольствію моему разговоръ по этому поводу былъ прекращенъ входомъ бахчисарайскихъ улемовъ, считавшихъ вѣроятно за обязанность представиться повѣлителю своему. Всѣ они прикасались къ фалдѣ муфтія и прикладывали руку къ губамъ въ знакъ особеннаго почтенія. Меня очень интересовало узнать о чемъ говорилъ муфтій съ своими подчиненными. Манаси впослѣдствіи сказалъ мнѣ, что онъ ни единымъ словомъ не намекнулъ имъ на служебныя дѣла, а говорили о совершенно постороннихъ предметахъ, какъ частные люди и что у татаръ никогда не принято напоминать о своемъ господствующемъ положеніи безъ крайней надобности. Это очень мнѣ понравилось, но еще болѣе понравилось то, что муфтій самъ не имѣетъ права увольнять муллъ своихъ, а только обязанъ утверждать ихъ. Увольненіе-же вполнѣ зависитъ отъ прихожанъ, которымъ обязанъ служить духовникъ. Обстоятельство это вынуждаетъ каждаго муллу усердно исполнять свою обязанность и избавляетъ его отъ зависимости отъ членовъ и писцовъ духовнаго правленія, которые рады изъ за ничтожной причины любого хатипа замѣнить тѣмъ, кто поднесъ-бы имъ изрядную взятку. Послѣдуй и мы такому постановленію, то наши попы сдѣлались-бы самими лучшими людьми и не жалѣли-бы своихъ услугъ прихожанамъ, но они бѣдняки

больше боятся и служатъ начальству, чѣмъ прихожанамъ. Прихожанъ—говорятъ они—надо обирать, чтобы имѣть въ запасѣ деньги задобрить начальствующихъ, когда эти звѣри нападутъ на насъ въ расплохъ и станутъ угрожать изгнаніемъ изъ службы, а куда дѣваться священнику, однажды изгнанному? Въ его безвинность никто не повѣритъ, когда консисторскіе очернятъ аттестацію. У татаръ-же каждому обществу и приходу предоставляется по своему личному желанію брать духовника и держать до того времени, пока онъ будетъ для нихъ годенъ. Высшая-же власть необходима только для разрѣшенія такихъ религіозныхъ вопросовъ, которые невсегда могутъ быть доступны понятіямъ мало образованныхъ служителей церкви.

VII.

Въ условленное время намъ подали верховыхъ лошадей для поѣздки на Качу. Я не особенно люблю ѣздить верхомъ, но вынужденъ былъ послѣдовать примѣру Адиль мурзы, такъ какъ въ Крыму считается всякая другая ѣзда не приличною для мущины. Даже муфтій и тотъ не иначе ѣздитъ какъ верхомъ.

У каймакана довольно большой фруктовый садъ при имѣніи, но домъ не великъ и не отличается никакимъ убранствомъ.

Изъ этого имѣнія онъ получалъ все необходимое для жизни въ городѣ. Мы перепробовали разные сорта яблокъ и грушъ, изъ которыхъ приготовляли бекмезъ *), кушали разныя сливы, осматривали горизонтальныя и обыкновенныя мельницы, на одной изъ которыхъ выбивались войлоки и простыя сукна, и въ добавокъ ужинали и пили кофе на открытомъ воздухѣ подъ большимъ грецкимъ орѣхомъ. Въ заключеніе намъ поданъ былъ большой мѣдный сосудъ съ переваренным до броженія виномъ (муселезъ), которое въ такомъ видѣ дозволяется употреблять мусульманамъ. Напитокъ этотъ очень сладокъ и очень понравился намъ. Ни я, ни Манаси не знали, что онъ довольно сильно дѣйствуетъ и только тогда узна-

*) Густой отваръ.

ли, когда почувствовали излишнюю болтливость и головокруженіе, а Адиль мурза, услышавшій вдали звуки музыки, приказалъ позвать ее для дополненія удовольствія.

— Я очень люблю русскихъ—сказалъ онъ—и готовъ пировать съ ними цѣлую недѣлю. Да и какъ ихъ не любить, когда они вполнѣ вѣрятъ тому, что я скажу или напишу. Это поставило даже враговъ моихъ въ необходимость буквально исполнять всякое требованіе мое и примирило ихъ со мною. Всѣ тѣ, которые считаются моими начальниками, никогда не высказывали мнѣ неудовольствія, безъ гордости обращались и своевременно выплачиваютъ жалованье. Спрашивается могутъ-ли при такихъ условіяхъ жаловаться служащіе? Да и простонародію лафа большая, такъ какъ никто изъ нихъ до настоящаго времени не платилъ никакихъ ясаковъ и налоговъ и не чувствовалъ прямого господства надъ собою русскихъ.

Я попросилъ маіора Манаси выяснить исправнику, что по замѣчанію моему далеко не всѣ мурзы и улемы довольны русскимъ господствомъ, и въ доказательство привелъ всѣхъ тѣхъ каймакановъ и муллъ, которые содѣйствовали желаніямъ Мансура взбунтовать татаръ противъ насъ.

— Всѣ они не хорошіе люди—отвѣчалъ Адиль мурза. Я ихъ очень хорошо зналъ и прежде за бунтовщиковъ, а кто разъ привыкнетъ къ чему нибудь дурному, то дурное кажется лучше хорошаго. Возьмемъ въ примѣръ Ширинскихъ беевъ: съ тѣхъ поръ какъ они пользовались турецкимъ санджакомъ, никогда почти не ладили съ Крымскими ханами изъ единственной цѣли тщеславиться своими правами. Развѣ могутъ поколѣнія такихъ людей и въ настоящее время быть спокойными и сочувствовать господству иноземцевъ? Да они не освободятся отъ чувства вражды и негодованія еще чрезъ 50 лѣтъ. Но если Россія предоставитъ имъ какое-либо почетное мѣсто, на которомъ эти честолюбцы могли-бы пользоваться прежнимъ вліяніемъ на народъ, то они громче всѣхъ станутъ доказывать необходимость подчиняться безъусловно русскимъ изъ одного желанія удовлетворить самимъ себѣ. Всѣ недовольные перемѣною господства, увѣряю васъ, волнуются не подъ вліяніемъ добро-

желательства народу своему, а оттого, что имъ не представилось отъ этого никакихъ личныхъ выгодъ.

— Мнѣ кажется—отвѣчалъ я — что многіе изъ нихъ были удостоены и наградъ и улучшенія состоянія.

— Ты правъ, но эти люди принадлежали къ разряду тѣхъ безпутныхъ женщинъ, которыя требуютъ отъ не законныхъ мужей своихъ ежедневныхъ подарковъ и если только однажды не получатъ того, чего желали, то сейчасъ-же готовы взяться за палку и разсориться съ ними навсегда, въ предположеніи отыскать лучшія блага, въ заключеніе же умираютъ въ крайней нищетѣ.

Какъ только явились музыканты и начали одновременно играть и пѣть своими хриплыми голосами, насъ обступили чуть-ли не всѣ деревенскіе жители, считая за праздникъ веселое расположеніе господина своего. Я только въ это время понялъ насколько Адиль мурза былъ любимъ, какъ справедливый капитанъ-исправникъ и какъ снисходительный помѣщикъ. Никто изъ татаръ не высказывалъ предъ нимъ раболѣпства и особеннаго рвенія услужить, но въ тоже время всѣ смотрѣли ему въ глаза, улыбались когда онъ улыбался и прислуживались, когда это требовалось.

Среди веселія нашего доложили каймакану, что какой-то юзъ-баши (сотскій) доставилъ изъ сосѣдней деревни провинившагося русскаго мужичка. Адиль мурза приказалъ музыкантамъ замолчать и изъ пирующаго превратился въ судью.

— Что онъ сдѣлалъ? спросилъ мурза у сотскаго.

— Онъ укралъ цѣлый хлѣбъ, съ которымъ и былъ пойманъ въ саду—отвѣчалъ юзъ-баши.

— А былъ-ли хлѣбъ объѣденъ, когда его поймали?

— Да, онъ былъ съѣденъ на половину.

— И тебѣ, оселъ, не стыдно было приводить ко мнѣ для обвиненія человѣка, который можетъ быть умиралъ съ голода, а вы не накормили его и допустили до грѣха? Послушай — обратился каймаканъ къ виновному — скажи мнѣ напрямикъ сколько дней ты не ѣлъ, что рѣшился воровать хлѣбъ Божій?

— Я не ѣлъ ровно двое сутокъ въ погонѣ за убѣжавшею изъ подъ меня лошадью и взялъ одинъ хлѣбъ

у марушки, которая отказала мнѣ продать его добровольно.

— А ты говорилъ ей, что два дня не ѣлъ ничего?

— Говорилъ и деньги показывалъ.

— Сколько стоитъ взятый этимъ человѣкомъ хлѣбъ? спросилъ Адиль мурза, обращаясь къ сотскому.

— Двѣ или три копѣйки.

— Вотъ тебѣ три коп. возьми и отдай ихъ жадной хозяйкѣ и скажи отъ меня мужу ея, что они обезчестили мое каймаканство и что я никогда не остановлюсь около дома такихъ не хорошихъ мусульманъ.

Затѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ прикащика своего и поручилъ ему накормить голоднаго человѣка и кромѣ того посодѣйствовать отыскать убѣжавшую лошадь.

Впослѣдствіи я узналъ, что и многіе другіе каймаканы изъ мурзъ такимъ-же образомъ рѣшаютъ всѣ почти дѣла и никогда не сажаютъ въ тюрму людей за маловажныя преступленія. Самое большое наказаніе ихъ состоитъ въ нѣсколькихъ пощечинахъ или палочныхъ ударахъ по спинѣ. Вотъ настоящій правый и скорый судъ. Дай Богъ, чтобы для блага Крыма всегда-бы служили въ немъ управителями и чиновниками мѣстные жители, которымъ извѣстны какія мѣры лучше принимать для пресѣченія порока.

Часъ спустя Адиль мурза, какъ-бы очнувшись отъ вліянія муселеза, объявилъ, что ему необходимо съѣздить куда-то подъ Севастополь на самое непродолжительное время и просилъ насъ погостить въ имѣніи его впредь до возвращенія.

— Ну, нѣтъ—отвѣчалъ Манаси—мы лучше предпочтемъ сопровождать тебя, если это не надолго.

— Очень хорошо—очень радъ—вскрикнулъ мурза—съ такими друзьями я готовъ вѣчно жить. Кстати вы составите мнѣ одну бумагу, которую надобно будетъ немедленно послать въ Ахмечетъ къ начальнику области. Сказавъ это, онъ обратился къ слугѣ съ приказаніемъ, чтобы къ раннему утру были готовы три верховыя лошади и проводникъ.

На слѣдующій день послѣ закуски и кофе мы направились къ Инкерману для осмотра моста чрезъ рѣку

Казыклы-озенъ *). Адиль мурзѣ приказано было осмотрѣть эту переправу, починить и донести въ какомъ положеніи она находится. Но такъ какъ всего этого нельзя было сдѣлать вдругъ, а около моста не было жилыхъ домовъ, то мы отправились въ сосѣднія инкерманскія пещеры и оттуда уже послали въ деревню Чергунъ за поселянами и матеріаломъ, необходимымъ для ремонта.

Въ числѣ пришедшихъ рабочихъ явился одинъ татаринъ изъ дер. Варнутка въ качествѣ мастера или плотника. Онъ оказался грекомъ по происхожденію, но принявшимъ мусульманство въ дѣтскомъ возрастѣ въ тотъ годъ, когда христіане выселились изъ Крыма, а его односельцы не пожелали послѣдовать за ними. Маіоръ Манаси, какъ человѣкъ очень религіозный и сознающій блага православной религіи, сейчасъ-же началъ убѣждать его возвратится въ религію дѣдовъ и обѣщалъ ему покровительство свое, если онъ послушаетъ его. Въ тотъ же день мостъ былъ исправленъ настолько, что можно было безъ опасности переѣзжать чрезъ него. Пока все это дѣлалось, я самымъ подробнымъ образомъ осматривалъ сотни пещеръ, вырубленныхъ въ отвѣстныхъ скалахъ, примыкавшихъ къ Инкерманской долинѣ. Во многихъ изъ нихъ я нашелъ слѣды иконной живописи, подтверждающіе, что здѣсь въ былыя времена былъ многолюдный монастырь, покинутый вѣроятно съ занятіемъ этого мѣстечка турками. Изъ всѣхъ же пещеръ меня поразила величиною и высотою, находящаяся на с. в. окраинѣ. Это безъ сомнѣнія былъ соборный храмъ. Въ немъ я также какъ и въ Бахчисараѣ нашелъ ниши съ человѣческими останками. Пріятно было-бы узнать отъ достовѣрныхъ людей кѣмъ созданы всѣ эти церкви и для какой надобности? Изъ большаго пещернаго храма я перешолъ на вершину скалы, покрытой рослою бурьянистою травою. Здѣсь я встрѣтилъ громадную крѣпость съ башнями, а поодаль слѣды разрушенныхъ построекъ, вѣроятно принадлежавшихъ горожанамъ. Все это чрезвычайно интересовало меня, но я не встрѣтилъ ни еди-

*) Черная рѣчка.

наго человѣка, у котораго могъ-бы распросить и узнать что-нибудь объ этомъ нѣкогда важномъ городкѣ, основанномъ навѣрно христіанами. Только вечеромъ мнѣ удалось, благодаря Манаси и мастера, сдѣлавшагося нашимъ пріятелемъ, узнать очень многое изъ разсказовъ послѣдняго. Этому посодѣйствовало еще то обстоятельство, что мы, по случаю дождя, вынуждены были не выходить изъ нашей пещеры цѣлыхъ три часа. Впрочемъ мы не горевали о нашемъ арестѣ, потому что жители Чёргуна прислали каймакану жирнаго барана, котораго Адиль мурза приказалъ зажарить на вертелѣ и самъ наблюдалъ за поваромъ изъ желанія угостить насъ вкуснымъ жаркимъ. Въ продолженіи этого времени я внимательно слушалъ Манаси, переводившаго мнѣ преданія отатарившагося грека объ Инкерманѣ. Изъ всего разсказаннаго имъ я вывелъ слѣдующее заключеніе, что Инкерманъ въ Тавридѣ былъ въ первобытныя времена такимъ же священнымъ мѣстомъ для христіанъ, какъ теперь нашъ Кіевъ; что въ немъ покоились мощи многихъ святыхъ, которые уничтожались турками съ цѣлью довести христіанъ до безвѣрія и забытія святой религіи и что изъ всѣхъ святыхъ оставался невредимъ только одинъ чудотворецъ, къ которому тайкомъ или за подарки пробирались больные, но и этотъ святой исчезъ съ того дня, какъ Русскіе сдѣлались обладателями Крыма. О святомъ этомъ ему разсказывали, что будто онъ былъ первый принесшій христіанскую вѣру изъ отдаленныхъ странъ и успѣвшій посвятить въ нее своихъ соотечественниковъ. Къ сожалѣнію Абла не могъ припомнить всѣхъ подробностей слышаннаго въ дѣтствѣ и началъ разсказывать намъ скорѣе сказку, чѣмъ быль. Онъ болталъ о какихъ-то жидахъ, о какомъ-то сильномъ царствѣ и въ заключеніе предложилъ намъ съѣздить въ деревню его, гдѣ живутъ старые люди, могущіе передать намъ самыя подробныя свѣдѣнія о святостяхъ Инкермана. Я записалъ имена трехъ рекомендованныхъ имъ людей въ надеждѣ рано или поздно отыскать ихъ и лично выслушать драгоцѣнныя преданія старины.

Поздно было, когда мы съ маіоромъ Манаси порѣшили съѣздить въ Балаклаву. У пріятеля моего въ этомъ

военномъ греческомъ поселеніи всѣ были друзьями и онъ вдругъ почувствовалъ сильное желаніе свидѣться съ нѣкоторыми боевыми товарищами своими. Балаклава по словамъ мурзы нашего находилась недалеко отъ Инкермана. Адиль мурза порѣшилъ отправить насъ въ сопровожденіи однаго изъ рабочихъ напрямикъ, чрезъ степь и горы, а самъ положился ночевать въ деревнѣ Чёргунъ на дачѣ у подполковника Мавромихаили, котораго въ данное время не было въ ней. На полудорогѣ мы вновь повстрѣчались съ Ламбро Качени, который, погостивъ короткое время въ Севастополѣ, направлялся чрезъ Байдарскую долину и Ю. В. оконечность Крыма въ Карасубазаръ. Ему приходилось этимъ путемъ проѣхать около 200 верстъ верхомъ, чего-бы я кажется не сдѣлалъ при всемъ моемъ любопытствѣ подробно осмотрѣть прекрасную страну.

Въ Балаклавѣ мы всѣ заѣхали къ капитану Николаки *) чрезвычайно веселому и суетливому греческому офицеру, который только и бредитъ оружіемъ и турками. Ему удалось похитить себѣ жену изъ сосѣдней татарской деревни Біюкъ Мускомья, которая въ дѣтствѣ была христіанкою, но потомъ, когда родители ея приняли исламъ, она вынуждена была послѣдовать ихъ примѣру. Жена его была лѣтъ 27-ми на видъ съ красивыми чертами лица и хорошо говорила по гречески. Представляя ее намъ, капитанъ объявилъ, что отнынѣ всѣ его товарищи также начнутъ добывать себѣ женъ изъ этой деревни на томъ основаніи, что въ жилахъ ихъ течетъ христіанская кровь, а молодежь ихъ, какъ исповѣдывающая мусульманскую религію, можетъ добывать невѣстъ въ другихъ татарскихъ деревняхъ. Качёни, которому казалось раньше, что всѣ эти пришельцы умрутъ одинокими чрезвычайно обрадовался этой находкѣ соотечественниковъ и совѣтывалъ ему не откладывать этого намѣренія, чтобы прозелиты не успѣли предупредить ихъ выдачею дочерей замужъ за татаръ.

Въ Балаклаву предположено переселить и всѣхъ остальныхъ албанцевъ. Переѣхавшіе уже находятъ это мѣсто

*) Это кажется не фамилья, а только имя въ ласкательномъ видѣ.

очень удобнымъ въ сравненіи съ Керчью и Еникале. Поселеніе это, отчасти занимаемое и теперь татарами, безъ сомнѣнія измѣнитъ свой видъ, когда окончательно сдѣлается военнымъ. Мѣстоположеніе его очень пріятное для глаза по дикости скалъ, у основанія которыхъ разстилается превосходнѣйшая бухточка, изобилующая рыбою и какъ говорятъ очень глубокая. При этомъ мы видѣли на одной изъ передовыхъ скалъ двѣ крѣпости, неизвѣстно кѣмъ построенныя, хотя и полагаютъ татаре, что они существуютъ со временъ Дженевезевъ, т. е. Генуэзцевъ.

Балаклавцы въ восторгѣ, что сыновья ихъ будутъ воспитываться въ Петербургѣ, во вновь основанной императрицею гимназіи.

VIII.

Симферополь началъ мало по малу населяться. Невдали отъ меня купили себѣ дома: албанскій подполковникъ Мавромихали, Степанъ Контаратовъ, выходецъ изъ греціи, служившій нѣсколько лѣтъ у турецкаго султана въ великомъ званіи бостанджи-баши и Иванъ Деморато, считавшій себя послѣднимъ потомкомъ древнихъ спартанскихъ царей. У этихъ людей постоянно проживаютъ многіе изъ албанскихъ офицеровъ, частью надѣленныхъ уже землею, а частью ходатайствующихъ объ этомъ. Люди эти до настоящаго времени были разсѣяны, но нынѣ по требованію начальства собираются въ Крымъ. куда долженъ прибыть и графъ Спиридонъ Булгари, находящійся нынѣ въ Таганрогѣ. Надо полагать, что всѣ они сдѣлаются моими сосѣдями и вытѣснятъ татаръ изъ нашего квартала. Долго мы думали, что эти отважные воины не способны будутъ занимать гражданскихъ обязанностей, но съ того времени, какъ выбраны два капитана изъ албанцовъ, надѣленныхъ землею въ Балаклавѣ, въ верхній земскій судъ и въ самое непродолжительное время начали отлично исполнять свою службу, мнѣніе начальства измѣнилось и надо думать, что лѣтъ чрезъ 5-ть всѣ они будутъ полезными гражданами.

Мы всѣ молимся въ одной церкви, гдѣ отправляется богослуженіе на греческомъ языкѣ. Церковь эта, въ

ожиданіи пока выстроятъ новую, помѣщается въ лачугѣ съ земляными полами, купленной за 30 рублей.

Съ улучшеніемъ Симферополя прибавляется и число русскихъ. Я имѣю вѣрное свѣдѣніе, что переведенные изъ Россіи поселяне въ дер. Мангушъ около Бахчисарая въ настоящее время настолько уже обжились и устроились, что не нуждаются болѣе ни въ пособіи, ни въ надзорѣ прапорщика де-Николича, который заявилъ себя искуснымъ хозяиномъ.

Жаль только, что общее ожиданіе наше о добываніи въ Крыму хорошаго сыра не увѣнчалось успѣхомъ. Выписанный свѣтлѣйшимъ княземъ англичанинъ, изъ морскихъ офицеровъ Іоганъ Гандерсонъ съ двумя племянниками для этой цѣли и для разведенія ботаническаго сада оказались малоопытными и ничего путнаго не сдѣлали. Будемъ ожидать присылки другихъ болѣе способныхъ къ этому дѣлу.

Татарскихъ денегъ нынѣ рѣдко встрѣтить. Всѣ они перечеканены уже Затлеромъ въ русскую монету съ буквами Т. М., означающими таврическая монета. Затлеръ выписываетъ также изъ Анатоліи мѣдь для размѣна серебра въ полной увѣренности, что этого металла не находится въ горныхъ мѣстахъ Крыма. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что два, три года тому назадъ сюда прибыли изъ Анатоліи два грека Ѳедоръ Николаевъ и Асланъ Шехвазъ для отысканія мѣдной руды и нашли ее, если не ошибаюсь, въ 6-ти верстахъ отъ Мангуша. Но что было сдѣлано съ представленными ими образцами и почему имъ не дозволено добывать ее—я до настоящаго времени ничего не могъ узнать. Относительно остальныхъ переселенцевъ изъ Екатеринославской губерніи, пригнанныхъ въ Крымъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ; я узналъ только, что они бѣдствуютъ и очень болѣютъ лихорадками отъ невоздержности и простуды на открытомъ воздухѣ.

Среди всѣхъ этихъ заботъ мы подвергнулись новой непріятности. Турція вновь затѣяла съ нами борьбу, а въ Крыму насчитываютъ болѣе ста тысячъ татаръ, которые того и гляди перейдутъ на вражью сторону, хотя мурзы и увѣряютъ, что этого не можетъ случиться. Пра-

вительству не слѣдовало вѣрить послѣднимъ, вслѣдствіе чего послѣдовало два распоряженія отобрать отъ мусульманъ оружіе и снабдить таковымъ же всѣхъ христіанъ и кромѣ того выселить изъ прибрежной полосы татаръ въ болѣе отдаленныя отъ моря мѣстности впредь до окончанія войны съ турками, мечтавшими взбунтовать ихъ противъ насъ. Исполненіе этихъ приказаній возложено на каймакановъ мурзацкаго происхожденія въ полномъ убѣжденіи, что имъ удобнѣе будетъ уговорить татаръ подчиниться благоразумному требованію начальства. Независимо отъ сего приказано закупить всѣ сѣдла и лошадей отъ татаръ, живущихъ за Перекопомъ, чтобы сдѣлать ихъ неспособными къ вреждебнымъ выходкамъ. Всѣ эти мѣры ужасно не понравились кадіямъ и мулламъ и имъ навѣрно удалось-бы взволновать мусульманъ, еслибъ распорядителями явились мы. Всѣ убѣждены что и Ширинскіе мурзы крайне возмущены этими дѣйствіями, но боятся обнаружить свое неудовольствіе въ полномъ убѣжденіи, что ихъ не пощадятъ за малѣйшую невѣрность. При всемъ этомъ намъ не трудно читать на татарскихъ лицахъ какое-то внутреннее удовольствіе, безъ сомнѣнія порожденное начавшеюся войною съ турками и постигшею неудачею нашъ флотъ, вынужденный возвратиться обратно въ Севастополь въ истрепанномъ видѣ.

Разсказываютъ, что суда наши захвачены были ужасною бурею 9 сентября, т. е. какъ разъ въ день равноденствія, и до того ихъ трепало, что одинъ фрегатъ со всѣми людьми утонулъ, а другой занесенъ волнами прямо въ Константинопольскій проливъ и пойманъ непріятелями; всѣ-же остальныя пришли въ безобразномъ положеніи и будутъ починяться, чтобы вновь выступить на бой.

Правитель области знаетъ хорошо это настроеніе татаръ, но чтобы не показать вида слабости, отдалъ строгое приказаніе, чтобы всякій домъ посѣялъ не менѣе трехъ четвертей озимаго хлѣба.

— Знаете-ли — сказалъ мнѣ г. Ибрагимовичъ — что этимъ приказаніемъ Каховской болѣе повліялъ на духъ татаръ, чѣмъ отобраніемъ сѣделъ и лошадей. Они всего

болѣе расчитывали, что русскіе струсятъ и удалятся сами изъ Крыма.

Ибрагимовичъ, какъ бывшій татаринъ и родной братъ жены Рудзевича, навѣрнякъ не ошибался, да притомъ ему какъ ассесору это должно быть извѣстно и по службѣ. Говоря мнѣ это, онъ прибавилъ, что знаменитый шейхъ Мансуръ, выдѣлывающій какія-то чудеса на Кавказѣ, началъ переписываться съ нѣкоторыми изъ Крымскихъ татаръ, но въ чемъ состоитъ эта переписка ни онъ, ни каймаканы пока не знаютъ, хотя и всѣ убѣждены, что она возбуждена съ цѣлью заставить татаръ, во имя Корана избить поработителей ихъ свободы и присоединиться къ туркамъ. Эти мысли Ибрагимовичъ передавалъ Каховскому и губернаторъ требовалъ къ себѣ всѣхъ завѣдывающихъ уѣздами, прося ихъ бдительно наблюдать за турками и отбирать отъ всѣхъ турецко-подданныхъ оружіе. По его же словамъ Батыръ-ага донесъ, что переселеніе татаръ отъ Ѳеодосіи къ Керчи скоро окончится. Тоже заявили Казнадаръ-ага, завѣдывающій участкомъ отъ Балаклавы до Ламбата, и Меметша мурза отъ Ламбата до Ѳеодосіи.

Ибрагимовичъ какъ-то не вѣритъ, что мѣра переселенія татаръ принесетъ пользу, и старается доказать, что приморскіе татаре мало сочувствуютъ туркамъ и больше расположены къ намъ, такъ какъ еще недавно многіе изъ нихъ исповѣдывали христіанскую вѣру.

— Имъ необходимо послать греческихъ священниковъ — говоритъ онъ — и они сейчасъ-же перейдутъ въ свою религію.

Но словамъ его не внимаютъ только потому, что у насъ нѣтъ такихъ священниковъ, а изъ Анатоли хотя и являются нѣкоторые, то скоро уѣзжаютъ. Мнѣ говорили, что въ прошломъ году пріѣзжалъ въ Ахмечетъ епископъ Ѳеодосійскій Дорофей Возмуиловъ, бывшій учитель Потемкина, въ бытность въ Москвѣ іеромонахомъ, который хотѣлъ было выписать изъ греческихъ городовъ духовниковъ для этой надобности, но видно у него не достало средствъ, такъ какъ онъ по общему мнѣнію очень бѣденъ не потому, что мало получаетъ отъ пра-

вительства, а потому, что считаетъ грѣхомъ имѣть двѣ сорочки, когда у ближняго нѣтъ ни одной.

Не смотря на малочисленность нашу, мы нисколько не боимся татаръ и увѣрены, что еслибъ они взбунтовались, то для усмиренія ихъ окажется достаточнымъ однихъ албанцевъ, которые расправятся съ ними нагайками. Такимъ образомъ намъ нечего страшиться открытаго возстанія, но если они вздумаютъ напасть ночью на наши дома, то придется скверно.

Кто знаетъ на что расчитываетъ этотъ Мансуръ, взявшійся поднять на ноги черкезкія и татарскія племена? Хорошо, если онъ только подготовитъ ихъ къ соединенію съ турками и они останутся въ бездѣйствіи до высадки единовѣрцевъ своихъ, но что если онъ теперь потребуетъ отъ нихъ доказательствъ борьбы во имя Магомета? Впрочемъ Василій Васильевичъ Каховской не такъ простъ, чтобы его могли обмануть такіе малоразвитые люди, какъ Крымскіе татаре.

Маіоръ Манаси, мой ближайшій сосѣдъ, подсмѣивается надъ моими предположеніями и утверждаетъ, что послѣ того, какъ отобрано отъ татаръ оружіе и Крымъ началъ выпускать такое большое количество водки и вина, то намъ не приходится даже думать о малѣйшей дерзости со стороны татаръ.

— При этомъ намъ не слѣдуетъ забывать — прибавилъ онъ—что минувшая зима была одна изъ ужаснѣйшихъ и татаре находятся въ очень стѣсненномъ положеніи. Могло-бы быть и хуже, еслибъ Богъ не сжалился надъ ними и не послалъ тысячи дрохвъ и тетеревей *), которыми они питались, какъ евреи манной и перепелами въ аравійской пустынѣ.

Я не особенно утѣшился этими изрѣченіями. Дѣйствительно прошлогодняя зима чуть не уничтожила всѣхъ домашнихъ животныхъ Крыма и погорѣли какъ говорятъ весенніе посѣвы, но за то хорошо уродила фрукты, соль и виноградники. Одной водки отправлено уже въ Кременчугъ около тысячи ведеръ, не говоря о ви-

*) Въ Крыму тетерева никогда не показывались и насъ удивляютъ причины ихъ появленія.

нѣ, количество котораго изрядно. При этомъ многіе изъ татаръ заработали въ нынѣшнемъ году хорошія деньги за куницовыя шкуры, которыхъ добывали посредствомъ капкановъ въ окрестностяхъ деревни Саблы и въ горахъ *) и которыя покупались за большія деньги. Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что прошлое бѣдствіе не особенно сильно повліяло на татаръ; что же касается оружія, то они при надобности могутъ пустить въ ходъ топоры, желѣзные вилы, косы и т. п.

Въ остальномъ пока не произошло у насъ ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ развѣ того, что графа Пармо, прибывшаго изъ Италіи и завѣдывающаго шелковичными садами, въ третій разъ поймали и обличили въ воровствѣ значительной суммы у частнаго лица. Это вѣроятно не останется безъ послѣдствій и его удалятъ отъ мѣста. Всѣ убѣждены, что должность его займетъ нашъ почтеннѣйшій академикъ Палласъ, который въ настоящее время проживаетъ съ ученымъ другомъ своимъ Егоромъ Ѳедоровичемъ Зальфедомъ **), помышлявшемъ о направленіи азіятской торговли чрезъ Ѳеодосію, въ разоренной татарской деревнѣ Калмукъ хара, которая находится въ трехъ верстахъ за Бештерскомъ по Карасубазарскому тракту. Свѣдѣніе это сообщено мнѣ недавно прибывшимъ въ Ахмечетъ садовникомъ Яковомъ Фабромъ ***).

И у насъ наконецъ начали появляться разные забавники изъ за границы. Сегодня мнѣ доставилъ нашъ сторожъ нижеслѣдующее объявленіе:

„Пріѣзжій сюда иностранной механистъ Масѣй Абрамовъ, который желаетъ публично представить слѣдующія штуки чрезъ физику и математику, которыя будутъ столькожъ увеселительныя, сколько и удивительныя.

1) Цвѣтокъ будетъ сожженъ и потомъ въ скорости опять выростѣтъ и придетъ въ такое же состояніе, въ какомъ прежде былъ. 2) Изъ заряженнаго пистолета по

---

*) Нынѣ эти животныя рѣдко встрѣчаются въ лѣсахъ Крыма.

**) Въ послѣдствіи бывшемъ Таврич. вице-губернаторомъ, умершимъ 26 февраля 1817 года въ имѣньи своемъ Калмукъ-хара невдали отъ Симферополя.

***) Отецъ того Андрея Фабра, который впослѣдствіи былъ Екатеринославскимъ губернаторомъ и основалъ въ Симферополѣ пріютъ своего имени.

немъ выстрѣлитъ, а онъ поймаетъ пулю рукою. Зритѣли сами могутъ зарядить оной пулею. 3) Куриное яйцо положитъ въ шляпу и оное самое яйцо будетъ бѣгать изъ шляпы въ шляпу. 4) У одной курицы будетъ отрѣзана голова, которая тотъ часъ опять выростетъ. 5) Карта, которая кому угодно изъ колоды вынимать и опять положить въ колоду, выйдетъ и будетъ ходить по стѣнамъ и кулисамъ. 6) Изъ куринаго яйца вылетитъ живая птица. 7) Еслижъ кому угодно написать что изволитъ на бумагѣ, то онъ его сожжетъ, а изъ пепла на другой бумагѣ паки составитъ самое то. 8) Другіе всякія разные фокусъ покусы играны будутъ. Послѣ чего мальчикъ будетъ дѣлать разные экилибри, а арлекинъ разныя смѣшныя штуки представляетъ, имѣвъ три шпаги на языкѣ.

Сіе показано будетъ въ домѣ г. Данила Бѣлогруда. Отъ каждой особы за первое мѣсто 50 коп., а за второе 25 коп. Комедія начинается въ 5 часовъ сполдня".

IX.

Святѣйшій шейхъ Мансуръ въ концѣ концовъ оказался простымъ турецкимъ эмисаромъ, принявшимъ на себя роль бунтовщика крымскихъ татаръ, но такъ какъ онъ не осмѣлился самъ явиться къ намъ, то избралъ себѣ въ помощники отважнаго турка Ваапа, съ которымъ изволилъ прислать воззваніе съ цѣлью поднять мусульманъ противъ насъ. Этотъ негодяй пойманъ и оказалось, что многіе сдѣлались его сообщниками, въ числѣ которыхъ явились Симферопольскій каймаканъ Каялій эфенди и Перекопскій Сеитъ эфенди. По строжайшему дознанію оказалось, что многіе муллы съ прошлаго года не перестаютъ подстрекать поселянъ къ бѣгству въ Турцію и вообще очень благосклонно относятся къ лжепророку Мансуру. Дознаніе окончилось тѣмъ, что всѣхъ виновныхъ и сочувствующихъ бунту посадили въ тюрьму и безъ церемоніи изгнали изъ страны однихъ на время, а другихъ на казенныя работы въ Ригу и дальше. Послѣ чего В. В. Каховской послалъ уговорить татаръ не поддаваться вреднымъ совѣтамъ злонамѣренныхъ людей, если

они только дорожатъ своими семействами и тѣми благами, которыми пользуются. Подѣйствовали-ли эти совѣты или нѣтъ—трудно отвѣчать въ виду того, что на Черномъ море показались уже турецкіе суда безъ сомнѣнія съ цѣлью высадить въ удобномъ мѣстѣ свои войска. Вслѣдствіе этого намъ, т. е. оберъ-провіантмейстерской комиссіи, приказано раздать свои запасы и выѣхать въ Перекопъ. Тоже самое распоряженіе послѣдовало и относительно другихъ присутственныхъ мѣстъ. Мѣры эти показались непріятными многимъ мурзамъ, увѣрявшимъ, что во-первыхъ татаре не соединятся съ турками по наслѣдственной непріязни и наконецъ потому что они обезоружены и безъ лошадей; но Каховской нисколько не обратилъ вниманія, а поручилъ выселить даже изъ приморскихъ городовъ всѣхъ женщинъ и дѣтей, чтобы не допустить несчастныхъ случаевъ.

Такимъ образомъ волею-неволею я вынужденъ былъ переѣхать въ Перекопъ на все время, пока прекратятся военныя дѣйствія, а семью выслать на родину.

Вслѣдъ за тѣмъ мы узнали, что Севастопольскій флотъ былъ изготовленъ къ выходу подъ главною командою контръ-адмирала Ушакова.

Въ Перекопѣ къ счастію мнѣ не пришлось долго оставаться, такъ какъ я получилъ командировку въ хлѣбородныя губерніи для заготовленія провіанта на дѣйствующую армію и возвратился въ Симферополь только тогда, когда военныя дѣйствія совсѣмъ были прекращены и когда мы сдѣлались обладателями Очакова, Гаджи-бея *) и Аккермана.

Это было превосходное для насъ время во-первыхъ, потому что татаре окончательно убѣдились въ нашемъ могуществѣ и безсиліи турковъ, даже въ соединеніи съ другими мусульманскими державами, во-вторыхъ, что Крымъ значительно населился въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда я впервые вступилъ въ него, и наконецъ какое множество явилось разсказовъ о подвигахъ нашего флота и арміи. Имена капитана 2—го ранга Сакена и мичмана Ломбардо произносились чуть-ли не

*) Теперешняя Одесса.

въ каждомъ домѣ съ изумленіемъ и благоговѣніемъ; а битвы: у Силинскихъ гирлъ, гдѣ потоплено и сожжено было болѣе 200 разнаго рода непріятельскихъ судовъ, за исключеніемъ 77 взятыхъ въ плѣнъ и у Румельскихъ береговъ, гдѣ мы чуть было не захватили эскадры Турецкую, Тунискую и Трипольскую, спасенныя благодаря наступившей ночи—все это такіе подвиги, какихъ не представляется въ исторіи послѣднихъ вѣковъ.

О славной войнѣ этой мы по необходимости должны сказать нѣсколько словъ, чтобы пояснить причины ея. Всѣ убѣждены, что она началась по проискамъ Англіи, завидовавшей нашему могуществу и боящейся, чтобы императрица не привела въ исполненіе греческій проэктъ. За послѣдній трепетала и Турція. Сошедшись съ султаномъ Селимомъ, Англія безъ труда воспламенила противъ насъ юнаго и пылкаго калифа и заставила его потребовать отъ насъ отказаться отъ Крыма, а чтобы доказать, что онъ не шутя дѣйствуетъ, султанъ приказалъ ввергнуть въ темницу нашего посланника Булгакова, состоящаго при его дворѣ. Дерзость эта вызвала въ императрицѣ справедливое негодованіе, а свѣтлѣйшаго Потемкина привела въ восторгъ вторично разгромить турокъ. Военныя силы, предназначенныя для дѣйствія противъ турокъ, состояли изъ двухъ главныхъ армій: Екатеринославской и Украинской. Начальство надъ Екатеринославскою арміею принялъ на себя самъ свѣтлѣйшій Потемкинъ, а Украинскую ввѣрили Задунайскому. Въ главѣ ихъ поставленъ былъ знаменитый Суворовъ. Сочувствуя намъ, германскій императоръ Іосифъ II въ качествѣ друга императрицы и въ свою очередь объявилъ Турціи войну.

Турки прежде всего бросились на уступленный намъ Кинбургъ, но, столкнувшись съ Суворовымъ, понесли ужасное пораженіе. Потемкинъ не замедлилъ осадить Очаковъ; Задунайскій обратилъ въ бѣгство многочисленный корпусъ бусурманъ, смѣло идущихъ на выручку единовѣрцевъ. Тѣмъ временемъ наши отряды жестоко разили за Кубанью поднятыхъ противъ насъ Мансуромъ Черкесовъ и татаръ; Севастопольская флотилія также блистательно исполняла свою обязанность на моряхъ.

Среди такихъ блистательныхъ успѣховъ до насъ дошла было непріятная вѣсть, что австрійская армія, подъ предводительствомъ императора Іосифа по пути слѣдованія въ Турцію сдѣлала важную ошибку, предоставившую туркамъ очутиться ей въ тылу. Ожидались отъ этого печальныя послѣдствія, но къ счастію подоспѣлъ нашъ корпусъ подъ начальствомъ графа Салтыкова и бѣда кончилась взятіемъ Хотина. Вскорѣ послѣ этого мы извѣщены были, что Суворовъ снова разбилъ турокъ при Фокшанахъ, а затѣмъ, съ ничтожными сравнительно силами, разбилъ на голову 100 т. турковъ при Рымникѣ и завладѣлъ лагеремъ и артилеріею непріятеля за что получилъ отъ императрицы лавровый вѣнокъ, осыпанный бриллiантами, графское достоинство и титулъ Рымникскаго. Не ограничиваясь этимъ, славный полководецъ нашъ направился противъ грозной крѣпости Измаила, сильно защищенной по природѣ и искусству и составлявшей ключь ко входу въ Турцію, которую тщетно осаждали уже нѣсколько мѣсяцевъ другіе военачальники.

Говорятъ, что предварительно графъ Суворовъ потребовалъ отъ турецкаго визиря сдать добровольно крѣпость, такъ какъ онъ обѣщаетъ не отступить и не дастъ пощады никому. На эту угрозу турокъ отвѣчалъ, что Измаилъ тогда сдастся гяурамъ, когда Дунай остановитъ свое теченіе и когда небо падетъ на землю.

— Пусть же они подождутъ этихъ чудесъ—отвѣчалъ Суворовъ—а я докажу имъ, что и безъ нихъ крѣпость будетъ взята.

На слѣдующій день рѣшено было взять Измаилъ приступомъ. Послѣ восьми часовыхъ невыразимыхъ усилій нашего войска и гибели массы защитниковъ турки дрогнули и крѣпость въ пламени и крови съ 10 т. плѣнныхъ пала предъ желѣзнымъ полководцемъ. Отъ этой побѣды затрепеталъ Константинополь, потому что для выполненія греческаго проэкта, излюбленнаго княземъ Потемкинымъ, не представлялось болѣе серіозныхъ препятствій. И въ самомъ дѣлѣ послѣдующія затѣмъ битвы наши творились какъ-бы шутя. Тѣмъ временемъ Англія, возмущенная противъ императрицы за составленіе Вооруженнаго нейтралитета и страшась упадка своей тор-

говли на востокѣ, склонила на свою сторону Пруссію и Швецію съ цѣлью остановить наши дальнѣйшіе успѣхи въ Турціи. Прельщенный турецкимъ золотомъ и обѣщаніями Англіи Густавъ III не замедлилъ вторгнуться въ Финляндію съ намѣреніемъ измѣнить Ништадскій мирный договоръ. Эта дерзость окончилась блистательными побѣдами нашими на морѣ и на сухомъ пути и чуть не заставило отважнаго Густава, скрывшагося со флотомъ въ Выборскомъ заливѣ, не сдаться на капитуляцію. Въ концѣ концовъ образумившійся король вынужденъ былъ прекратить войну и заключить Верельскій миръ *). Вскорѣ послѣ того и Австрія прекратила борьбу съ Турціею. Тогда Пруссія и Англія начали настаивать, чтобы и мы остановили кровопролитіе. Императрица изъявила на это согласіе и поручила блистательному князю Тавриды Потемкину отправиться въ Молдавію и начать переговоры, но увы этотъ баловень судьбы, этотъ блистательный царедворецъ и фельдмаршалъ, ничего не щадившій для нѣги, роскоши и славы Россіи, внезапно занемогъ и умеръ на чужбинѣ на сырой землѣ **), какъ бѣдный поселянинъ.

Вѣсть о смерти этого чудеснаго человѣка, переполненнаго мелкими странностями, но великаго духомъ, произвела въ Тавридѣ ужасное сожалѣніе и всѣ начали перечислять его важныя заслуги отечеству во-первыхъ за присоединеніе къ державѣ нашей Крымскаго полуострова, Кинбурга и Очакова; во-вторыхъ за уничтоженіе Запорожской сѣчи, пользующейся дурною репутаціею, за созданіе черноморскаго флота, постройку Херсона, Николаева, Севастополя, за населеніе вновь завоеванныхъ степей и огражденіе южной Россіи отъ опасностей. Такія услуги не многіе оказали для своего отечества и прахъ Потемкина всегда долженъ быть драгоцѣннымъ для сердца русскаго человѣка.

Начатые мирные переговоры суждено было окончить графу Безбородко, который и заключилъ окончательный миръ съ Турціею въ Яссахъ.

---

*) 9 августа 1790 года въ деревнѣ Верелахъ.

**) Близъ Яссъ. Тѣло его погребено въ Херсонѣ. По приказанію императрицы Екатерины надъ могилою этого счастливца поставленъ памятникъ.

По договору этому Турція подтвердила всѣ предшествовавшіе съ нею трактаты; уступила намъ Очаковъ и всѣ земли между Днѣпромъ и Днѣстромъ; обязалась защищать наши корабли отъ африканскихъ разбойниковъ и выплатить контрибуціи 15 милліоновъ піастровъ *).

Естественно, что послѣ такихъ уступокъ и обязательствъ Крымскіе муллы и татаре вполнѣ сознали предъ нами свое ничтожество и мы вполнѣ воцарились не только въ обширныхъ благодатныхъ степяхъ, но и на Черномъ морѣ, которое до этого времени считали какъ-бы не своимъ.

X.

Когда затихли окончательно всѣ внѣшнія неурядицы и безпокойства, наше начальство серіозно начало помышлять о населеніи Крыма вообще христіанами и въ особенности русскими. Въ виду чего исходатайствованъ былъ манифестъ, предоставляющій право всѣмъ бѣглецамъ и непомнящимъ родства безнаказно селиться въ Крыму и избирать родъ жизни по личному усмотрѣнію. Этого мало послѣдовало распоряженіе, чтобы со всего государства собрать солдатскихъ жёнъ и отправить ихъ въ Крымъ къ мужьямъ. Тѣже изъ нихъ, у которыхъ мужья не оказывались въ живыхъ, предлагались другимъ солдатамъ, которымъ послѣ женитьбы и желанія поселиться навсегда къ Крыму предоставлялась полная отставка и снабженіе отъ казны для первоначальнаго обзаведенія.

Всѣ эти распоряженія однако мало принесли пользы и несравненно больше вреда во-первыхъ на томъ основаніи, что новые помѣщики, безъ стѣсненія начали подговаривать солдатъ бѣжать изъ полковъ своихъ, и являясь къ пограничнымъ начальникамъ въ мужицкихъ нарядахъ, объявлять себя выходцами изъ за границы или непомнящими родства и безпрепятственно поступать въ число крестьянъ того, кто подговаривалъ ихъ къ бѣгству. А такъ какъ большинство изъ таковыхъ были люди порочные, то естественно они приносили много вреда въ

*) Императрица изъ состраданія отмѣнила эту послѣднюю статью.

той средѣ, гдѣ поселялись и не рѣдко вынуждали татаръ поселянъ эмигрировать по невозможности ужиться съ негодяями.

Что касается женщинъ, высланныхъ къ нимъ, какъ законныхъ женъ, которыя давнымъ давно забыли о существованіи мужей и избаловавшихся на пути слѣдованія по этапу, то онѣ по прибытіи въ Крымъ большинствомъ увлеклись безнравственною жизнью и безплодно погибли.

Такъ было при жизни свѣтлѣйшаго князя Потекина и таковымъ оставалось дѣло и при замѣнившемъ его графѣ Зубовѣ до того времени, пока не появились въ Крыму иностранные выходцы, люди болѣе или менѣе трудолюбивые и съ хорошими познаніями въ обработкѣ земель. Кто ихъ вызывалъ и на чей счетъ они прибыли я не могъ хорошо узнать. Узналъ только, что предварительно переселенія нѣмцы послали въ Крымъ двухъ повѣренныхъ Дахтера и Гинтчера для высмотра и выбора самыхъ лучшихъ и удобнымъ мѣстъ. Люди эти, пользуясь нашимъ крайнимъ желаніемъ имѣть ихъ въ средѣ своей, конечно думали только о томъ, чтобы выбрать для первыхъ поселеній своихъ лучшіе хлѣбородные и поливные участки. Имъ не противорѣчили. Такимъ образомъ выбраны были земли въ Ѳеодосійскомъ каймаканствѣ и основаны двѣ колоніи, названныя Нейзацемъ и Герценбергомъ, затѣмъ часть ихъ поселилась около Судака, а въ заключеніе основаны еще три колоніи: Розенталь, Фриденталь и Цюрихталь. Къ нѣмцамъ присосѣдились и Болгарскіе выходцы. Всѣ эти люди пока находятся въ крайне не завидномъ состояніи, потому что послѣ того какъ повыстроили себѣ лачуги, большинство остались безъ средствъ и разбрелись: женщины по городамъ, а мужья по помѣщикамъ въ надеждѣ прокормиться до будущаго года и пріобрѣсти кое-какія деньги для самостоятельной жизни.

Мнѣ говорили, что они неутомимые работники, которыхъ не приходится учить какъ сѣять и жать. Если это справедливо, то нѣтъ сомнѣнія, что годика чрезъ два они сдѣлаются отличными хозяевами на превосходныхъ земляхъ, выбранныхъ ими, и рано или поздно обо-

гатятся въ этой странѣ, гдѣ лѣто продолжительно и предоставляетъ даже одиночнымъ людямъ управиться съ своими посѣвами. При этомъ надо надѣяться, что они заведутъ свиней, которыхъ пока я нигдѣ не видѣлъ здѣсь. На вопросы мои отчего наши новые землевладѣльцы не заведутъ этихъ полезныхъ животныхъ—всѣ отвѣчаютъ, что боятся оскорбить религіозныя чувства татаръ и ихъ мурзъ и беевъ, которымъ будто-бы запрещается даже смотрѣть на этихъ животныхъ. Надо полагать, что нѣмцы не такъ будутъ уступчивы въ этомъ отношеніи и въ самомъ непродолжительномъ времени начнутъ угощать насъ свѣжими окороками и колбасами.

Есть люди, которые не одобряютъ того, что правительство вызвало въ Крымъ нѣмцевъ и предоставило имъ самимъ выбирать земли. Они говорятъ, что къ нимъ не замедлятъ явиться новые тысячи и что въ концѣ концовъ эта прекрасная страна заселится одними нѣмцами и перестанетъ быть русскою, потому что люди эти никогда не сближаются съ нами и не захотятъ имѣть ничего общаго съ русскимъ человѣкомъ, котораго они считаютъ ниже себя и не достойнымъ ихъ общества; что они будутъ наживаться только для самихъ себя и составятъ въ Россіи свои маленькія васальныя княжества и не станутъ обращать ни малѣйшаго вниманія на мѣстныя власти.

Мнѣ кажется, что мнѣніе это не справедливо и что правительство наше, еслибъ даже все это случилось, вправѣ будетъ разстроить эти планы и заставить ихъ жить однимъ духомъ съ прочими подданными своими. Одна опасность только можетъ имѣть мѣсто, если они обогатятся на столько, что закупятъ всѣ лучшія земли въ Крыму, которыя охотно продаются чуть-ли не всѣми землевладѣльцами и, выписавъ соотечественниковъ своихъ, вытѣснятъ изъ страны этой татаръ и русскихъ изъ одного желанія самостоятельно господствовать. Вотъ что будетъ непріятно и обидно для насъ! Положимъ они имѣютъ надъ нами преимущество по агрономическимъ познаніямъ и трудолюбію, но развѣ это можетъ принести намъ лично пользу если мы, ради этихъ временныхъ можетъ быть преимуществъ, обязаны отдать въ ихъ власть свою страну,

а своихъ сдѣлаемъ нищими, къ которымъ они навѣрно не окажутъ ни малѣйшаго состраданія? Нѣтъ этого не можетъ быть; правительство навѣрно постановитъ законъ, чтобы выходцы эти не имѣли права закупать земель въ Россіи болѣе того количества, какое въ состояніи обработать семья, ну хоть въ десять человѣкъ *). Я не отвергаю пользы населенія ими нѣкоторой части Крыма, но въ виду ихъ преимуществъ и явнаго не дружелюбія къ намъ, полагаю что государство прежде всего должно заботиться о своихъ дѣтяхъ и дѣлать только то, что можетъ приносить истинную пользу своей, а не чужой семьѣ. Мнѣ даже кажется, что вмѣсто населеній лучше-бы было приглашать на жалованье ихъ ученыхъ въ родѣ такихъ какъ Эйлеръ, Палласъ и т. п., которые просвѣщаютъ насъ своими познаніями. Такимъ людямъ не жаль дарить цѣлые округи, но только съ условіемъ, чтобы они обрабатывали ихъ руками туземцевъ и русскихъ, дерижируемыхъ пожалуй иностранными управляющими.

Я случайно произнесъ имя Палласа, а потому разскажу нѣсколько словъ о томъ, что произошло недавно въ домѣ этого славнаго ученаго, много протрудившагося для Крымскаго полуострова, но къ сожалѣнію написавшаго свои труды на непонятномъ для насъ нѣмецкомъ языкѣ.

Петръ Семеновичъ Палласъ въ послѣднее время пріобрѣлъ два небольшихъ имѣнія: одно около Севастополя, а другое около Инкермана, именуемое Шуля. Первое подъ бокомъ Симферополя за развалинами дворца Калги-султана невелико и составляетъ луговое мѣсто, примыкающее къ Салгиру **). Оно находится у самой дороги, идущей на Алушту, Эски-сарай и Ламбатъ. Здѣсь Палласъ построилъ себѣ очень красивый домъ и поселился съ женою и дочерью. Понятно, что съ такимъ мудрымъ иностранцемъ, усердно занимавшимся шелководствомъ, всѣ начальствующія лица вели почтительное знакомство.

---

*) Предположенія эти въ наше время, когда всѣ почти лучшія земли Таврической губерніи перешли въ руки нѣмецкихъ колонистовъ, не терпящихъ въ средѣ своей русскихъ должно обратить вниманіе правительства.

**) Нынѣ извѣстное подъ именемъ „Воронцовки", принадлежащее князю Воронцову (нынѣ-же доставшееся наслѣдникамъ его Шуваловымъ).

Въ числѣ близкихъ знакомыхъ академика состояла и семья Рудзевича. У покойнаго Якова Рудзевича было два сына о старшемъ Александрѣ я уже записалъ кое-что, но младшій Константинъ былъ очень красивый молодой офицеръ съ чрезвычайнымъ самолюбіемъ и обидчивостью. Вотъ этотъ Константинъ Яковлевичъ послѣ продолжительнаго ухаживанія за дочерью Палласа, влюбившись въ нее до безумія, въ концѣ концовъ достигъ надежды сдѣлаться ея мужемъ. Однажды онъ игралъ съ невѣстою своею въ карты и чѣмъ-то оскорбился. Въ это самое время къ нимъ зашелъ одинъ офицеръ изъ мурзъ и такъ какъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Рудзевичемъ, то позволилъ себѣ, ударивъ его по плечу, сказать: „здравствуй братъ!“

Константинъ Яковлевичъ при словѣ *братъ* вспомнилъ свое татарское происхожденіе и, предположивъ, что мурза назвалъ его братомъ съ обдуманною цѣлью унизить въ глазахъ любимаго существа, ужасно оскорбился. Вспыльчивый отъ природы онъ вскочилъ съ мѣста какъ ужаленный и набросился на пріятеля своего, который въ свою очередь оскорбился отъ незаслуженной дерзости. Поднялся ужасный шумъ, окончившійся тѣмъ, что Рудзевичъ, взявъ у невѣсты карманный платокъ, подъ предлогомъ вытереть выступившій на лбу потъ, немедленно уѣхалъ домой. Здѣсь, пылая местью и злясь на невѣсту, что она не допустила его нанести удара татарину, онъ до того ожесточился, что досталъ кинжалъ и искололъ себѣ грудь. Затѣмъ, измочивъ весь платокъ невѣсты, своею кровью запечалъ его въ посылку и отправилъ съ деньщикомъ своимъ, приказавъ вручить въ собственныя руки. Лишь только дѣвица Палласъ вскрыла эту посылку и узнала свой платокъ, она вскрикнула ужаснымъ голосомъ и упала безъ чувствъ. Естественно, что сейчасъ-же бросились къ ней родители и послѣ приведенія въ память поинтересовались узнать о причинѣ возвращенія платка дочери ихъ въ крови.

Но они опоздали уже: Константинъ Яковлевичъ лежалъ въ крови безъ всякихъ признаковъ жизни.

Говорятъ, что это событіе ужасно повліяло на Петра Семеновича и его почтенную супругу и могло-бы свести

въ могилу ихъ дочь, еслибъ ее не обманули и не содержали въ теченіи долгаго времени подъ заботливымъ присмотромъ.

Симферополь съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе посланныхъ сюда на службу, вслѣдствіе обнаружившихся неурядицъ и безпорядковъ, которые поставили мѣстныя власти въ безвыходное состояніе. Вся бѣда идетъ изъ за розданныхъ и присвоенныхъ земель. Вслѣдствіе этого устроены были межевая коммиссія и другая для разбора жалобъ и споровъ туземцевъ съ правительственными чиновниками, старающимися приписать всѣ лѣса и лучшія земли къ казенному вѣдомству, подъ тѣмъ предлогомъ, что они принадлежали вышедшимъ изъ Крыма грекамъ и армянамъ и ханскому величеству, но не столько изъ усердія къ казнѣ, сколько изъ видовъ пожаловать самихъ себя этими землями. Лишь только татары поняли эту цѣль, они поневолѣ должны были стать на сторону своихъ мурзъ и беевъ, которые, бывъ признаны императрицею россійскими столбовыми дворянами, пользовались большимъ почетомъ. Мурзы предложили имъ признавать себя владѣльцами цѣлыхъ округовъ той земли, которая въ ханскія времена составляла общее народное достояніе и, порядка ради, находилась подъ наблюденіемъ дворянскихъ родовъ. Хитрость эта отлично удалась богатымъ мурзамъ, которые не щадили подарковъ землемѣрамъ, разосланнымъ по всей странѣ. И такимъ образомъ многіе изъ нихъ сдѣлались хозяевами 40 и 50 деревень съ ихъ округами. Конечно хозяева эти теперь не станутъ стѣснять татаръ, но впослѣдствіи они навѣрно воспользуются своими правами и будутъ считать ихъ своими крѣпостными.

Въ главѣ второй коммиссіи поставленъ Сумароковъ, котораго всѣ признаютъ за умнѣйшаго человѣка и полагаютъ, что отъ него не скроется истина. Я имѣлъ счастіе принимать его нѣсколько разъ въ своемъ домѣ и нахожу, что онъ такой-же смертный, какъ и мы, грѣшные, и что ему не многое удастся открыть. Что же касается сдѣланнаго уже Потемкинымъ и утвержденнаго Екатериною, того уже не передѣлать. Сумароковъ хо-

рошъ не какъ судья въ татарскихъ дѣлахъ, а скорѣе какъ піитъ, который знаетъ наизусть много неизвѣстнаго намъ. Онъ очень любознателенъ и больше употребляетъ времени на частныя бесѣды, чѣмъ на служебныя дѣла. Къ сожалѣнію мы въ настоящее время остаемся и безъ губернатора.

Я сдѣлался уже старожиломъ Крыма и вѣроятно сложу въ немъ и кости мои. Но предварительно мнѣ хотѣлось-бы вспомнить еще кое-что, пережитое нами вдали отъ родины, куда тщетно стремится душа.

Мы пережили Персидскую войну, сдѣлавшись владѣтелями Дербента; оплакали смерть императрицы Екатерины II съ мыслею, что лишились родной матери; мы радостно встрѣтили восшествіе на престолъ императора Павла Петровича, ликовали побѣдамъ Суворова надъ французами въ Италіи и въ ожиданіи новыхъ побѣдъ надъ Англіею, дерзнувшею занять о. Мальту, гдѣ императоръ былъ великимъ магистромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, но вмѣсто радости поражены были ужасною кончиною государя. Горе наше исчезло, когда посыпались мудрыя распоряженія императора Александра I, но вскорѣ намъ пришлось вздрогнуть отъ предстоящей европейской войны, созданной варваромъ Наполеономъ, превозгласившимъ себя французскимъ императоромъ, дерзнувшимъ предать позорной смерти одного изъ принцевъ изъ дома Бурбоновъ и возмечтавшимъ покорить всю Европу съ тѣмъ, чтобы родственниковъ своихъ сдѣлать царями. Всего этого мы не могли перенести и вынуждены были взяться за оружіе. Съ этого времени войны наши съ Франціею, Персіею и Турціею почти не прекращались до того времени, пока дерзновенный Бонапарте съ громадными силами не двинулся въ Россію и не занялъ Москвы и пока мы не напрягли послѣднихъ усилій нашихъ лишить этого алчнаго и ненасытнаго полководца власти и силы взятіемъ Парижа и ссылки его на о. св. Елены.

Мнѣ остается только сказать, что во все это тревожное время въ Тавридѣ ничѣмъ почти не нарушилось спокойствіе за исключеніемъ большаго переселенія татаръ

въ Турцію (въ 1807 г.), которое никакимъ образомъ не хотѣлъ допустить начальникъ области Мертваго до того времени, пока не получилъ нарочнаго указа не препятствовать переселенію, такъ какъ взамѣнъ къ намъ идутъ болгары и греки. Къ счастію страны указъ этотъ скоро былъ отмѣненъ и послѣдовало воспрещеніе отпускать татаръ. Не будь этого воспрещенія было-бы плохо.

Во все это время Крымскіе мурзы изумляли насъ своею ненавистью къ туркамъ и преданностью русскому престолу. Любовь ихъ и желаніе сплотиться съ русскими очень хорошо выразились въ достопамятное время 1806—1814 годовъ, когда патріотическіе подвиги были общи народонаселенію всей почти Россіи.

Всѣмъ извѣстно, что манифестъ 30 ноября 1806 года, призывая къ оружію земское войско, изъялъ изъ этого Таврическую губернію, какъ еще не совершенно устроенную и наполненную иноплеменниками европейскаго и азіятскаго происхожденія, предоставивъ оной содѣйствовать государственной службѣ другими пожертвованіями. Узнавъ объ этомъ, крымскіе жители положили собраться немедленно на совѣщаніе: дворяне—въ Симферополѣ, а казенные поселяне—въ с. Большой-Знаменкѣ, и общимъ приговоромъ, въ январѣ 1807 года, постановили отправить депутатовъ къ царскому престолу, поручивъ имъ ходатайствовать, какъ о милости, о дозволеніи устроить въ Крыму изъ дворянъ и другихъ сословій милицію, чтобы наравнѣ со всѣмъ Новороссійскимъ краемъ служить въ трудное время отечеству. Это представленіе дворянъ и сельскихъ жителей Таврической губерніи имѣло послѣдствіемъ, то, что великодушный монархъ, рескриптомъ отъ 8 февраля, повелѣлъ герцогу де-Ришелье сформировать отдѣльное отъ прочихъ милицій земское войско Таврической губерніи, поручивъ ему главное и непосредственное надъ нимъ начальство.

Таврическая милиція предназначалась для содержанія кордоновъ по обширному черноморскому берегу, въ помощь обыкновенной пограничной стражѣ, чтобы усилить наблюденіе за дѣйствіями турокъ, которые, не смотря на свое безсиліе и безначаліе, при открывшихся не-

доразумѣніяхъ между Россіею и Портою, могли дѣлать покушенія на Крымскій полуостровъ.

Командиромъ двухъ полковъ милиціи, наблюдавшимъ въ Мелитопольскомъ и Днѣпровскомъ уѣздахъ за внутреннею тишиною, особенно между нагайцами, раскольниками и другими поселенцами, назначенъ былъ полковникъ Куликовскій, а помощникомъ къ нему маіоръ Уманецъ. Число ратниковъ въ этихъ уѣздахъ простиралось до 900 человѣкъ.

Узнавъ объ этомъ усердіи христіанъ, крымскіе мурзы и татары въ простомъ, но довольно краснорѣчивомъ прошеніи на татарскомъ языкѣ просили начальника губерніи, чтобы и ихъ не отстраняли отъ этого честнаго дѣла.

Вслѣдствіе чего послѣдовало Высочайшее соизволеніе объ учрежденіи особаго коннотатарскаго войска, которое, указомъ 24 января 1808 года, отправлено было на службу на прусскую границу, для занятія кордоновъ вмѣстѣ съ донскими казачьими полками. Это войско состояло изъ четырехъ конныхъ полковъ: Симферопольскаго, Перекопскаго, Евпаторійскаго и Ѳеодосійскаго *).

Сформированіе татарскихъ дружинъ произведено на ихъ собственный счетъ. Офицеры избраны были изъ знатнѣйшихъ родовъ по выбору самихъ татаръ. Командирами полковъ назначены маіоры: Кая-бей Балатуковъ, Ахметъ-бей Хункаловъ и др. **).

Но не этимъ только крымскіе татары оказали нашему правительству непритворное сочувствіе и преданность. Намъ памятно, что, когда явилось опасеніе на счетъ высадки турецкихъ войскъ изъ Анатоліи на южныя окраины Крыма, мурзы, собравшись подъ предсѣдательствомъ муфтія Муратши-челебія, постановили немедленно вывести всѣхъ татаръ, начиная отъ Балаклавы до Ѳеодосіи, въ села по другую сторону хребта горъ, чтобы

---

*) Они также участвовали при осадѣ Данцига.

**) По нашимъ замѣткамъ командирами были: Абла-ага Козловскій, Али-мурза Ширинскій, Максутъ-бей и Адиль Балатуковъ съ гривою на спинѣ. Начальникомъ-же ихъ былъ Кая-бей. При нихъ находился еще Мегметша-бей Шаглы съ 9 ротами. Всѣ они были верхами въ видѣ казаковъ. Впослѣдствіи изъ нихъ образованъ былъ Крымско-татарскій эскадронъ.

устранить всякую возможность возмущенія ихъ турецкими эмисарами и даже высадку въ надеждахъ на помощь единовѣрцевъ. Постановленіе это принято было народомъ безъ малѣйшаго возраженія, но правительство въ томъ же 1807 году дозволило имъ возвратиться въ свои покинутыя жилища. Отъ этого обстоятельства большинство татаръ лишились всѣхъ почти лошадей и домашней скотины.

Въ тяжкую для Россіи годину, въ достопамятный 1812 годъ, Таврическая губернія не уступала въ любви къ отечеству ни одной изъ другихъ частей имперіи. Губернскій предводитель дворянства подполковникъ Тарановъ-Бѣлозѣровъ донесъ генералъ губернатору герцогу Ришелье, что таврическое дворянство, собравшись по его приглашенію въ Симферополѣ 29 іюля, послѣ выслушанія царскаго манифеста, отъ 6 іюля, единодушно опредѣлило слѣдующее:

„Всякаго дворянина, могущаго носить оружіе, со всѣми людьми, способными къ военной службѣ, по послѣдней ревизіи зачисленными за нею, съ сего дня почитать отечественными ратниками и всякому изъ нихъ, по первому отзыву главнаго въ Москвѣ надъ сими войсками предводителя, идти для обороны отечества вооруженнымъ по распоряженію, какое о томъ сдѣлано будетъ, и на собственномъ иждивеніи тому, кто имѣетъ имущество, а не имущіе получатъ содержанія отъ дворянства. Симъ, обоихъ состояній людямъ, каждый изъ насъ обязанъ внушать, вразумлять о семъ вѣрноподданическомъ долгѣ и даже людей, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію, преклонять для обороны семействъ, женъ, домовъ и имущества отъ непріятеля, несущаго внутрь любезнаго отечества нашего мечь, огонь и опустошеніе“.

Испытавшей всѣ ужасы войны въ 1812 году несчастной Россіи суждено было въ добавокъ подвергнуться страшнымъ опустошеніямъ чумы, которая начала свою жатву въ Крыму, и затѣмъ уже распространилась по Россіи. О появленіи этой грозной эпидеміи у насъ на метерикѣ въ то время, когда въ картинныхъ учрежденіяхъ не было ни одного сомнительнаго больнаго, разсказывали различно, но въ настоящее время никто не

сомнѣвается, что зараза внесена въ Крымъ въ шубѣ, оставшейся безъ окурки, послѣ внезапно умершаго въ одесскомъ карантинѣ мужичка, возвратившагося изъ святыхъ мѣстъ. Шуба эта какъ-то случайно попала въ Ѳеодосію и здѣсь впервые произвела заразу между городскими обывателями. Страшное время это навсегда будетъ памятно въ лѣтописяхъ Ѳеодосіи. Несчастные люди гибли не столько отъ заразы, сколько отъ хищничества полицейскихъ чиновниковъ, жаждавшихъ смерти зажиточныхъ купцовъ и помѣщиковъ. Всѣмъ намъ извѣстно, что въ это время ѳеодосійскою полиціею заправляли два брата Л...., прозванные кровопійцами. Изъ нихъ старшій былъ городничимъ, а послѣдній приставомъ. Подъ видомъ усердія и желанія прекратить заразу, они насильно отправляли въ карантинъ цѣлыя семьи жителей со всѣми слугами и захватывали ихъ имущество въ полной увѣренности, что эти здоровые люди, попавъ въ среду чумныхъ, немедленно погибнутъ. Предположенія ихъ были безошибочны. Послѣ чего доносилось начальству: имущество такихъ-то, погибшихъ отъ чумы, согласно карантиннымъ правиламъ было сожжено.

Тяжкое пережито нами время. Я увѣренъ, что крымскій народъ такой богатый, счастливый и беззаботный въ первые годы моего пріѣзда въ Тавриду, не скоро поправится послѣ трехъ, перенесенныхъ имъ испытаній, а именно: коммисіи, эмиграціи, отечественной войны и безпощадной чумы.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ НАШЕГО ГОСПОДСТВА ВЪ КРЫМУ.

(Записки дѣда моего по отцу).

Мнѣ говорилъ отецъ, что фамилья наша, въ былыя времена, была другая и пользовалась большою извѣстностію, но впослѣдствіи за изобрѣтеніе однимъ изъ прадѣдовъ десятичныхъ вѣсовъ, какого-то особеннаго формата, усвоено было за нами прозвище изобрѣтателя первобытныхъ вѣсовъ. По его-же разсказамъ одинъ изъ нашихъ прадѣдовъ пользовался нѣкогда большою извѣстностію своими духовными сочиненіями. Но въ чемъ заключались эти творенія,—онъ не могъ узнать изъ греческихъ записокъ, оставленныхъ ему дѣдомъ и дополненныхъ отцомъ. Изъ записокъ же послѣдняго я имѣю возможность узнать слѣдующее.

„Что прадѣдъ мой Параскевій былъ однимъ изъ лучшихъ кораблестроителей на островѣ Хіо, гдѣ онъ родился и владѣлъ наслѣдственными землями. Искусство его скоро было замѣчено мѣстнымъ турецкимъ пашою, который и приказалъ ему переселиться въ Константинополь для постройки военныхъ судовъ. За услуги свои ему выданъ былъ фирманъ, освобождающій всю его семью и владѣнія отъ всякихъ податей и повинностей. Такимъ образомъ уважаемый турецкими начальниками, онъ могъ-бы составить себѣ хорошее обезпеченіе и обзавестись семействомъ, но вышло иначе: однажды, при устройствѣ большаго корабля, онъ вполнѣ довѣрился помощнику своему, который такъ повелъ дѣло, что судно оказалось негоднымъ для предназначенія. По закону за такую ошибку гяура слѣдовало подвергнуть казни, но Параскевій успѣлъ бѣжать въ Македонію. Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда русскіе предали огню

турецкій городокъ Балту *) и изъявили согласіе вознаградить пострадавшихъ по стоимости ихъ имущества. Но турки, подстрекаемые иностранными посланниками, ощетинились и возмечтали присоединить къ своимъ владѣніямъ всю Россію. Вѣра ихъ въ свои силы и иностранное содѣйствіе такъ была велика, что, изъ боязни покончить миромъ, султанъ Мустафа приказалъ посадить въ темницу русскаго посланника **) и тѣмъ выразить полное презрѣніе къ царицѣ Екатеринѣ.

„Какъ приняла этотъ поступокъ Россія мнѣ неизвѣстно, но вдругъ мы были поражены и изумлены вѣстью о приближеніи къ турецкимъ землямъ русской эскадры. Всѣ христіане собрались въ церкви и начали молить Творца міровъ о ниспосланіи единовѣрцамъ силы на изгнаніе варваровъ изъ греческой земли. Слухи эти подтвердились. Въ февралѣ 1770 года въ портъ Витулы вступила русская эскадра, въ главѣ которой стоялъ графъ Орловъ ***).

Нѣтъ и не можетъ быть другой націи въ мірѣ, которая-бы такъ искренно любила русскихъ, какъ греки. Они всегда готовы жертвовать за нихъ жизнью и идти за ними на край свѣта. Отчего это такъ? Одни говорятъ оттого, что въ теперешнихъ грекахъ только языкъ греческій, а кровь чисто славянская; другіе утверждаютъ, что любовь эта началась со времени передачи имъ христіанской религіи и дальнѣйшей затѣмъ заботливости о благосостояніи этого народа, когда онъ находился въ полудикомъ состояніи. Что касается меня лично, то я всегда чувствовалъ какое-то особенное удовольствіе, когда встрѣчался съ русскимъ въ Константинополѣ. Я не отводилъ отъ него глазъ и готовъ былъ отдать послѣднюю рубаху, еслибъ онъ заявилъ, что не имѣетъ ея. Тѣ же чувства вѣроятно посѣщаютъ и другихъ соотечественниковъ моихъ. Вотъ почему, когда явился къ намъ славянскій Орелъ, всѣ христіане предложили себя въ его распоряженіе и обѣщали отдавать все, чѣмъ обладаютъ въ избыткѣ безъ всякаго вознагражденія. Отъ

*) Нынѣ въ Подольской губерніи.
**) Алекс. Мих. Обрѣзкова.
***) Въ запискахъ названъ *Айтосъ*, что означаетъ въ переводѣ орелъ.

высадившихся мы узнали, что русскіе оставили въ Мореѣ десантъ въ 500 человѣкъ и организовали изъ мѣстныхъ жителей легіоны, которые сейчасъ же бросились въ дѣло. Въ Витулѣ также быстро сформировались отряды, въ которые введены были по 12-ти русскихъ солдатъ съ капитаномъ для руководства неопытныхъ, но отважныхъ туземцевъ. Я поступилъ въ число воиновъ первымъ и кажется болѣе другихъ заботился о всеобщемъ поголовномъ возстаніи.

Турки пришли въ ужасъ и безъ оглядки бѣжали отъ насъ и мы навѣрно безъ выстрѣла овладѣли-бы всѣми турецкими крѣпостями и гарнизонами, еслибъ одинъ изъ легіоновъ нашихъ, подъ начальствомъ капитана Баркоса *) не испортилъ-бы дѣла своею ненавистью къ туркамъ. Этотъ легіонъ, подошедъ къ крѣпости Мизутры, защищаемой массою турковъ, лишенныхъ воды, заставилъ гарнизонъ сдаться на капитуляцію съ предоставленіемъ права выступить изъ Мореи, но только, что онъ вышелъ, майноты заскрежали зубами, увидѣвъ главнѣйшихъ тирановъ страны, мечтавшихъ выбраться безнаказно. Посыпались сначала проклятія, а затѣмъ обнажились сабли и злодѣи были порублены въ куски. Послѣ этого неблагопріятнаго подвига, дѣятельность нашихъ легіоновъ измѣнилась, а тѣмъ временемъ мы узнали, что турецкіе корабли вступили въ Архипелагъ. Въ это время отъ насъ поѣхалъ въ Черногорію какой-то князь Юркосъ **) съ славонскимъ графомъ. Черногорцы одновременно съ нами удачно сражались съ турками, поощряемые бѣжавшимъ къ нимъ русскимъ царемъ Петромъ III,***) Юркосъ же посланъ былъ увѣрить черногорцевъ, что они обмануты и что личность, выдававшая себя за русскаго автократа, есть какой нибудь негодяй и мошенникъ. Турки, мечтавшіе, что имъ выгоднѣе будетъ воспользоваться неурядицами враговъ, оцѣнили голову Юркоса въ 5 т. червонцевъ, но князь благополучно при-

---

*) Вѣроятно Баркова.

**) Юрій Долгоруковъ.

***) Въ это время въ Черногоріи боснякъ Степанъ Маловъ провозгласилъ себя императоромъ Петромъ и при помощи архимандрита Ѳеодосія обратилъ народъ въ свою сторону.

былъ къ черногорцамъ, обличилъ самозванца и успѣлъ бѣжать отъ вѣрной смерти.

Вскорѣ послѣ этого изъ Корфу отправился въ Петербургъ Марко Моруци съ просьбою къ русской царицѣ о снабженіи всѣхъ грековъ оружіемъ и боевыми снарядами.

Когда дѣйствія русскихъ прекратились на сушѣ, насъ приняли на корабли. Я попалъ на корабль главнокомандующаго „агіосъ Евстафіосъ“ (св. Евстафій).

Въ іюнѣ 1770 года всѣ наши суда пустились въ море розыскивать турецкій флотъ и нашли его около родины моей острова Хіо у небольшаго островка Нонси. Наши корабли немедленно расположились въ боевую линію и рѣшились аттаковать врага. Открылась ужасная стрѣльба изъ пушекъ. Очутившись въ страшномъ дыму, мы внезапно наткнулись на турецкій адмиральскій корабль, на которомъ находился самъ капуданъ паша Джаферъ-кедукъ и другой безжалостный головорѣзъ Гасанъ-казы паша. При видѣ ихъ я затрепеталъ отъ ненависти. Наши суда столкнулись и начался ужасный рукопашный бой. Я забылся до того, что помню только взрывъ и паденіе мое въ море около шлюпки, къ которой подобно мнѣ стремились еще два нашихъ матроса. Съ этого момента я, высадившись въ Хіо, почувствовалъ, что здоровье мое не дозволяетъ мнѣ продолжать служить отечеству.

Не имѣя никого изъ ближнихъ, я вынужденъ былъ жениться на дочери сосѣда, который во все время отсутствія моего сберегалъ мои сады и домъ.

Однажды, осматривая рощу лавровыхъ, масличныхъ и оливковыхъ деревъ, я случайно замѣтилъ въ древней развалинѣ лавровой чащи теплившуюся лампаду предъ ликомъ Божьей матери. Какимъ образомъ попала сюда святая икона, кто принесъ ее сюда? я не могъ узнать. Обстоятельство это измѣнило во мнѣ настроеніе духа. Я день и ночь думалъ и порѣшилъ, что образъ Владычицы не безъ причины явился на моей землѣ, что мѣсто это должно быть искони святое и требующее постоянной молитвы. Предположеніе это привело меня къ тому, что я, разобравъ развалину и нашедъ подъ спудомъ ея

надпись о существованіи здѣсь церкви за 360 лѣтъ раньше, выстроилъ на этомъ мѣстѣ небольшой храмъ и самъ сдѣлался настоятелемъ его. Хиротонизовавшій меня митрополитъ приказалъ назвать ее прежнимъ именемъ Παναγια τής δάφνης (т. е. лавровой Богородицы) причемъ сказалъ: „такъ какъ ты не можешь служить отечеству, то не переставай молиться за тѣхъ, которые примутъ на себя долю и твоей обязанности. Слова эти всегда звучали въ моихъ ушахъ и мнѣ кажется, что я съ непритворнымъ усердіемъ исполнялъ свой священный долгъ“.

Я помню эту небольшую церковь, прикрытую со всѣхъ сторонъ вѣчно зелеными деревьями, помню явленный образъ и сгорбленнаго преждевременно отца моего, умоляющаго всѣхъ посѣтителей храма дѣйствовать во едино для освобожденія родины и помню, въ заключеніе, мою добрую мать, которая при всякой ласкѣ говорила намъ: „не забывайте дѣти, что мы опозорили наше отечество и вѣру, сдѣлавшись рабами презренныхъ турковъ! Наше рабство противно Богу, но онъ освободитъ насъ, если мы исправимся въ заблужденіяхъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и станемъ дѣйствовать всѣ съ вѣрою и надеждою на милости Богородицы“. Насъ всѣхъ было четыре сына: Георгій, Петръ, я Стефанъ и Николай. Всѣ мы учились грамотѣ подъ руководствомъ одного израненнаго патріота, котораго принялъ отецъ мой и содержалъ на свои средства, такъ какъ у него не осталось въ живыхъ никого изъ родныхъ. Мы иначе не называли его какъ *дидаскале* (учитель). Этотъ учитель долго жилъ въ Константинополѣ, зналъ превосходно турецкій, арабскій языки и любилъ ботанику. Любя меня болѣе братьевъ моихъ за смѣтливость и хорошую память, онъ принялся тайно отъ отца учить меня всему, что самъ зналъ. Убѣжденный имъ, что всякое знаніе можетъ принести пользу, я въ 19-ть лѣтъ такъ хорошо владѣлъ обоими азіятскими нарѣчіями, что считалъ себя мудрѣе всѣхъ турецкихъ законовѣдовъ. Въ это время умеръ мой отецъ, завѣщавъ старшему брату моему Георгію занять его мѣсто, а мнѣ переѣхать въ Константинополь, чтобы быть около людей, способныхъ дѣлать добро для

несчастныхъ собратій. Назначеніе это повергло меня въ уныніе, потому что я никого не зналъ въ столицѣ.

— Ну объ этомъ не слѣдуетъ грустить—сказалъ мнѣ мой наставникъ—ты превосходно знаешь турецкій языкъ и арабскую грамоту. Стоитъ только переодѣться въ турецкое платье и тебя въ непродолжительное время возведутъ въ санъ визиря.

— Что ты говоришь дидаскале—вскрикнулъ я съ обидою—ты желаешь обратить меня въ мусульманство!

— Нисколько—отвѣчалъ онъ равнодушно—я только совѣтую тебѣ добраться до ступеней султанскаго трона и управлять турками, направляя ихъ къ благу твоихъ единовѣрцевъ. Если же ты не сдѣлаешь этого, то каждый изъ насъ вправѣ будетъ назвать тебя врагомъ отечества.

Слова эти показались мнѣ справедливыми и я рѣшился сдѣлаться съ виду туркомъ. Нѣсколько недѣль спустя наставникъ нашъ пріобрѣлъ для меня двѣ нарядныхъ турецкихъ одежды и совѣтывалъ воспользоваться отходящимъ въ Константинополь турецкимъ судномъ, такъ какъ оно было не здѣшнее и слѣдовательно никто на немъ не могъ узнать меня.

Въ тотъ же вечеръ, одѣвшись туркомъ, я простился съ бѣдною матерью и братьями моими и поплылъ по направленію къ несчастному Константинополю. Охъ, какъ горько мнѣ было разставаться съ благодатною родиною! точно душа моя предчувствовала, что я не увижу ее больше.

Командиръ или хозяинъ судна былъ пожилой турокъ строгой наружности, но добраго сердца. Всѣ величали его Мегметъ эфендіемъ. Этотъ человѣкъ на другой-же день обратилъ свое вниманіе на изысканность моихъ фразъ и приблизилъ меня къ своей особѣ. Я началъ съ того, что читалъ и объяснялъ ему Коранъ, когда судно наше оставалось безъ движенія.

Однажды Мегметъ-эфенди спросилъ у меня кто мои родные и къ кому я ѣду въ Стамбулъ? Я отвѣчалъ, что рано лишился родителей, что меня воспитали чужіе и въ заключеніе посовѣтывали ѣхать служить въ столицу, гдѣ я никого не знаю.

— Э, это еще не великая бѣда, что ты никого не знаешь. Такихъ ученыхъ какъ ты всѣ охотно принимаютъ. Ты на первыхъ порахъ поселишься въ моемъ конакѣ, а потомъ я передамъ тебя брату моему, который много лѣтъ уже служитъ при султанѣ. Онъ пристроитъ тебя очень выгодно.

Мѣсяцъ спустя я дѣйствительно, при содѣйствіи этого турка, опредѣленъ былъ въ качествѣ наблюдающаго за придворными садами подъ именемъ Алія Гасанъ оглу, а годъ спустя прослылъ за самаго усерднаго и ученаго мусульманина на томъ основаніи, что въ комнатѣ моей всегда на подушкѣ лежалъ открытый Коранъ и я при всякомъ удобномъ случаѣ цитировалъ изъ него наизусть заученые стихи.

Моя слава между законовѣдами считалась настолько безъупречною, что многіе изъ нихъ предсказывали, что я попаду въ Шейхъ-улъ-исламы, если съумѣю заслужить вниманіе султана и улемовъ. Заручившись такимъ выгоднымъ мнѣніемъ, я не разъ, молясь Богу, думалъ, что если почитатели мои подслушаютъ произносимыя мною молитвы?

При этой мысли дрожь пробѣгала по тѣлу моему и я напрасно пріискивалъ въ умѣ другую страну, гдѣ могъ бы счастливѣе прожить свой вѣкъ.

На 25 году я былъ возведенъ въ санъ Бостанджибаши и отъ меня, получившаго уже отъ султана въ подарокъ, зеленый кафтанъ, каукъ и цѣнную саблю зависѣло чрезвычайно много.

Не разъ я удостоивался сопровождать султана Абдулъ-Гамита, только что вошедшаго на престолъ, въ мечеть и на прогулки и отвѣчать на его дружелюбные вопросы.

— Женатъ-ли ты? Спросилъ меня однажды калифъ.

— Нѣтъ, султанымъ—отвѣчалъ я.

— Почему?

— Я боюсь семейныхъ дрязгъ, которыя отвлекаютъ отъ обязанностей служащихъ.

— Ну, это не отговорка и тебѣ не прилично оставаться холостымъ.

Три дня спустя я получилъ приказаніе съѣздить въ Египетъ за деньгами. Подобное назначеніе давалось

только такимъ людямъ, которымъ хотѣли предоставить большой *бакшышъ* или подарокъ.

Я поѣхалъ и дѣйствительно пріобрѣлъ нѣсколько сотъ червонцевъ.

Тѣмъ временемъ отчаянная битва турковъ съ русскими прекратилась и поговаривали о предстоящемъ мирѣ. Султанъ находился въ мрачномъ настроеніи духа, визири суетились и казались крайне недовольными войсками и предопредѣленіемъ судьбы. Только я одинъ ликовалъ въ душѣ, предчувствуя, что враги наши сильно подожмутъ хвостъ и перестанутъ хоть на время тщеславиться своимъ могуществомъ.

Вскорѣ я узналъ, что миръ послѣдовалъ и что Россія сдѣлала много уступокъ султану во вредъ себѣ и христіанамъ. Съ этого времени мнѣ ужасно опротивѣло мое положеніе, я рвался въ отдаленныя провинціи и чрезвычайно хотѣлъ попасть въ паши въ Сирію или Анатолію, но къ сожалѣнію не зналъ какъ взяться за дѣло, а съ султаномъ мнѣ не приходилось болѣе встрѣчаться. Чтобы измѣнить свою судьбу я просилъ давать мнѣ командировки, обѣщая дѣлиться подарками.

Это мнѣ удалось и я болѣе восьми лѣтъ разъѣзжалъ по европейскимъ, азіятскимъ и африканскимъ владѣніямъ Абдулъ-Гамита. Конечно при всякомъ возвращеніи въ Константинополь я привозилъ много золота и дѣлился съ начальствующими. Какъ вдругъ однажды комнѣ привели сѣдаго турка, спрашивающаго меня. Принявъ его я изумился, когда узналъ своего учителя, нарочно пріѣхавшаго провѣдать меня. Отъ радости я вручилъ ему всѣ почти скопленныя мною деньги, прося взять себѣ сколько нужно, а остальныя отвезти матери и братьямъ. Мнѣ казалось, что я вторично успѣю составить себѣ такое же состояніе, но увы я не успѣлъ сберечь и четвертой части того, что отдалъ въ порывѣ радости.

Однажды великимъ постомъ я по обыкновенію переодѣлся въ свой національный костюмъ и отправился въ самый отдаленный церковный приходъ для исповѣди и принятія св. Таинъ, но въ то время, когда я выходилъ изъ храма, бесѣдуя съ священникомъ на отечественномъ

языкѣ, ко мнѣ внезапно подошелъ одинъ изъ дворцовыхъ служителей, съ которымъ я неладилъ, и, ударивъ меня по плечу, расхохотался во все горло. Кровь прилила къ горлу моему и я созналъ, что злодѣй не замедлитъ обвинить меня въ тайномъ исповѣдываніи православной вѣры. Ничего болѣе не оставалось какъ поспѣшить бѣгствомъ въ отдаленныя земли. Съ этою мыслью я бѣгомъ возвратился домой, захватилъ подъ мышку деньги и пришелъ къ проливу. Здѣсь я натолкнулся на толпы татаръ, бѣжавшихъ изъ Крыма, только что присоединеннаго къ Россіи. Они горько скорбѣли о потери своей родины. Пока я велъ съ ними разговоръ раздался за мною кличъ: „нѣтъ-ли желающихъ ѣхать въ Крымъ: судно мое новое и быстрое!“

— Я желаю съѣздить въ эту страну—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ садись поскорѣе въ эту лодку и ожидай моего возвращенія.

Я сейчасъ-же спустился съ пристани въ каикъ и накинулъ на голову шаль, чтобы меня не узнали.

Два или три часа спустя возвратился мой реизъ (капитанъ) съ нѣсколькими неизвѣстными мнѣ пассажирами и мы отчалили отъ берега, а къ полуночи судно наше тронулось въ путь.

Во все время плаванія погода вполнѣ благопріятствовала намъ.

Реизъ былъ уроженецъ и житель Крыма. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ отечествѣ его происходятъ ужасныя вещи, что русскіе жестоко обижаютъ и тѣснятъ татаръ, которымъ ничего болѣе не остается, какъ бѣжать въ султанскія земли, что онъ въ третій уже разъ привезъ ихъ въ Стамбулъ и надѣется еще сдѣлать нѣсколько рейсовъ. Всего болѣе онъ бранилъ арнаутовъ (Албанцевъ) за ихъ наслѣдственную ненависть къ мусульманамъ и старался доказать, что еслибъ не было этихъ собакъ, то татарамъ не было-бы затруднительно изгнать московъ изъ страны.

При этихъ разсказахъ я вспомнилъ, что отецъ мой часто говорилъ о переселившихся въ Крымъ сподвижникахъ его во время Чесменской битвы. Это намного облегчило мое горестное настроеніе. Я надѣялся оты-

скать между ними, если не друзей, то все-таки единовѣрцевъ и соотечественниковъ, которые примутъ и дадутъ мнѣ пріютъ на первыхъ порахъ.

Мы прибыли въ Гезлевъ (Евпаторію) на восьмой день. Переселившись въ ханъ или заѣзжій дворъ, я почти ежедневно заходилъ въ кофейню, чтобы ознакомиться съ народонаселеніемъ этой новой для меня страны. Нѣсколько дней спустя я узналъ, что главное управленіе Крыма находится въ Карасубазарѣ. Того, кто служилъ однажды, всегда влечетъ къ подобнымъ себѣ лицамъ— и не смотря на то, что я не могъ выговорить ни одного длиннаго русскаго слова, мнѣ чрезвычайно хотѣлось поступить на службу къ императрицѣ Екатеринѣ. Съ этимъ желаніемъ я направился въ Карасубазаръ, гдѣ вскорѣ познакомился съ нѣкоторыми почтенными предводителями греческаго войска, поселеннаго у береговъ Керченскаго пролива. Эти добрые люди представили мнѣ двухъ сослуживцевъ своихъ, которые отлично знали моего отца.

Во все время пребыванія моего въ этомъ городѣ я употреблялъ всѣ усилія научиться говорить по русски; но увы языкъ этотъ казался мнѣ не по силамъ. Все, чего я могъ достигнуть, это заключалось въ чтеніи, письмѣ и заученіи наизусть самыхъ обыкновенныхъ фразъ. Съ этими свѣдѣніями я рѣшился переѣхать въ Ичель *) хваленный всѣми своимъ климатомъ и растительностію. Мнѣ хотѣлось посвятить себя исключительно разведенію въ Крыму тѣхъ полезныхъ растеній, которыя могли бы произрастать здѣсь съ пользою для обитателей. Эта мысль явилась у меня во первыхъ потому, что я продолжалъ любить ботанику и наконецъ потому, что не предвидѣлъ возможности изученія русскаго нарѣчія настолько, чтобы служить съ надеждами обратить на себя вниманіе даже мѣстнаго начальства.

Первое мѣсто, обратившее мой взглядъ, была Алупка, въ которой проживало нѣсколько татарскихъ семействъ, большинствомъ говорившихъ по гречески. Мѣстность эта, прикрытая высокими скалами съ сѣвера и запада

*) Теперешній Южный берегъ.

и изобиловавшая водяными источниками, показалась мнѣ самою удобною для разведенія рису, хлопка и многихъ деревъ, которыя превосходно ростутъ въ Анатоліи. Къ удовольствію моему я нашелъ небольшой домикъ съ большимъ кускомъ земли, который мнѣ уступили за одинъ червонецъ. Нанявъ годоваго работника, я въ непродолжительномъ времени обзавелся всѣмъ хозяйствомъ и работалъ не хуже того, кто съ малолѣтства владѣлъ плугомъ и топоромъ. Годъ спустя одинъ изъ мѣстныхъ владѣтелей судна собрался ѣхать въ Трапезондъ для вывоза оттуда разныхъ матерій для одеждъ женскаго пола. Пользуясь этимъ случаемъ, я поѣхалъ съ нимъ съ единственною цѣлью привести сѣмена рису, хлопка и нѣкоторыхъ растеній, къ которымъ я привыкъ съ тѣхъ поръ какъ знаю себя. Все, что можно было достать здѣсь, я пріобрѣлъ, но реизу моему пришлось ѣхать въ болѣе отдаленныя мѣстности за товарами. Отъ скучнаго однообразія я положился составить исторію города Трапезонда и благодаря мѣстнымъ учителямъ и монахамъ, доставлявшимъ мнѣ рукописи и книги изъ монастырей, я успѣлъ записать на память нижеслѣдующее:

„Трапезондъ есть одинъ изъ населеннѣйшихъ городовъ Анатоліи. Онъ находится на берегу Чернаго моря, защищенъ двойными крѣпостными стѣнами и стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, уподобляющемся издали столу (трапезосъ), вслѣдствіе чего и названъ этимъ именемъ. По имѣющимся у меня подъ рукою свѣдѣніямъ, онъ основанъ въ 4790 году отъ С. М. въ царствованіе Манасія и именовался первоначально Изинисомъ. Въ это время гербомъ города былъ якорь и голова Аполлона. Впослѣдствіи на монетахъ его надписывали *Трапезундіонъ*. Будучи резиденціею царей, онъ славился до послѣднихъ дней греческаго господства науками, искусствами и предпріимчивостію жителей, считавшихъ родоначальникомъ своимъ младшаго сына Ноя Іафета.

Не вдали отъ Трапезонда протекаютъ двѣ рѣки Пиксити и Пританосъ. Разсказываютъ также, что медъ здѣшнихъ мѣстъ, извѣстный подъ именемъ пикіомъ, обладаетъ свойствомъ одурять человѣка разумнаго и облегчать страданія сумасшедшихъ.

Вскорѣ послѣ Вознесенія Іисуса Христа, въ Трапезондъ прибылъ святой апостолъ Андрей Первозванный, которому и удалось обратить многихъ на путь истины, построить церкви и назначить священноучителей.

Съ 200 по 260 годъ Трапезондъ дважды подвергался разграбленію со стороны Номадовъ. Въ 300 году царь Лисій предалъ здѣсь казни святыхъ отцовъ церкви Евгенія, Уалеріана, Кандидонта, Акилу, Евстратія, Авксентія, Мардарія, Ореста и Агриголая, бывшаго начальникомъ города Никополиса въ Арменіи; а вслѣдъ затѣмъ еще семерыхъ проповѣдниковъ Евангелія, признанныхъ христіанами за св. мучениковъ и именно: Ероса, Орентія, Фарнакія, Фирмія, Фирмонія, Киріака, Логина и Лазія.

Въ 306 году на мѣсто Лисія посланъ былъ императоромъ Константиномъ великимъ намѣстникомъ въ Кесарію, Каппадокію и Трапезондъ, Аниваманъ, который въ 318 году, узнавъ, что повелитель его принялъ христіанскую вѣру, немедленно послѣдовалъ его примѣру. За эту преданность императоръ возвелъ его въ царское достоинство, выдалъ за него дочь свою Флавію Іуліану Константину и приказалъ построить храмъ златоглавый въ честь Пресвятой Богородицы.

Въ царствованіе Валентіана Трапезундъ въ числѣ другихъ провинцій подпалъ подъ власть Персидскихъ царей, что продолжалось до временъ императора Іустина.

При Августаліи Кортикіи (при императорѣ Ѳеодосіи великомъ) окрестность Трапезонда прославилась явленіемъ изъ Аѳинъ чудотворной иконы Богоматери, написанной апостоломъ и Евангелистомъ Лукою, въ одной изъ пещеръ на горѣ Мела. На этомъ мѣстѣ тогда же воздвигнута была церковь въ 386 году и освящена трапезондскимъ архіереемъ совмѣстно съ преподобными отцами Варнавою и Сафроніемъ, а первымъ ктиторомъ провозглашенъ Августалій.

Императоръ Іустиніанъ много содѣйствовалъ независимости и благосостоянію Трапезонда, что подтверждается греческою надписью надъ главными городскими воротами слѣдующаго содержанія:

Ἐν ὀνόματι τοῦ δεσπότου ἡμῶν, Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν. Αὐτοκράτωρ καῖσαρ Φλάβιος Ἰουστινιάνος Ἀλαμαννικὸς, Γοτδικὸς, Φραγκικὸς, Γερμανικὸς, Ἀντικὸς, Ἀλανικὸς, Οὐνδαλικὸς Ἀφρικὸς, εὐσεβῆς, εὐτιχῆς ενδοξος Νικητὴς τροπαιοῦχος, Αἐισεβαστος, Αὔγουστος ανανεωσεν ενφιλοτιμία ταδήμος... κτίσματα τῆς πόλεως σπουδῆ καὶ ἐπιμέλεια εἰρηνατοῦτον δεοφιλεστ... ΧΣ. Φ.ΜΓ. *)

Кромѣ этого императоръ одарилъ своими милостями монастырь Пресв. Богородицы, что на горѣ Мела, возобновилъ другой во имя Іоанна Предтечи на горѣ Вазелонъ и выстроилъ новую церковь во имя св. Василія великаго подъ наблюденіемъ военачальника Велисарія.

Въ Трапезондѣ родился преподобный отецъ нашъ Афанасій, который въ царствованіе императора Никифора Фоки основалъ великую Аѳонскую лавру.

Въ 1120 году по Р. Х. при императорѣ Іоаннѣ Комнинѣ, царствовавшій въ Трапезондѣ Константинъ Гавра, прозванный жестокимъ, желая избавиться отъ зависимости константинопольскихъ монарховъ, передался персидскому царю Хозрою.

Когда же Константинополь захваченъ былъ Латинянами, то императоръ Алексѣй основалъ свой тронъ въ Трапезондѣ. Автократъ этотъ собственными руками убилъ страшнаго дракона, который не рѣдко появлялся за крѣпостью около церкви великомученика Евгенія и наводилъ ужасный страхъ на народъ. На мѣстѣ убитаго чудовища онъ приказалъ построить фонтанъ, именуемый и теперь драконопигадонъ. Я былъ у этого источника, находящагося на право отъ городской стѣны и на лѣво отъ храма св. Софіи.

Впослѣдствіи, когда въ Константинополѣ воцарился Михаилъ Палеологъ и изъявилъ согласіе держаться латинской церкви, народъ единогласно постановилъ считать Трапезондскаго государя Іоанна Комнина самодержавнымъ автократомъ христіанъ, имѣвшимъ право носить корону, порфиру и красные сапоги. Предпочтеніе это сильно

---

*) Въ переводѣ: Во имя Владыки нашего Іисуса Христа и Бога нашего, Самодержецъ кесарь Флавій Іустиніанъ Аламанскій, Готѳскій, Французскій, Германскій, Элладскій, Аланскій, Іандальскій, Африканскій благочестивый, счастливѣйшій прославленный побѣдитель и побѣдоносецъ Августъ возобновилъ въ любочестіе общественныя зданія города трудолюбіемъ и стараніемъ ученаго Ирнея Ѳеофилеса въ 543 году отъ Р. Х.

оскорбило Михаила Палеолога, желавшаго господствовать, подобно предкамъ своимъ, надъ всѣми эллинскими племенами; но измѣнить совершившагося не было возможности. Тогда онъ задумалъ выдать послѣднюю дочь свою Евдокію замужъ за Іоанна, чтобы нарѣчься отцомъ его и быть все-таки старшимъ. Для достиженія этой цѣли онъ послалъ къ юному императору лучшаго министра-правовѣда Акрополита и эконома великой церкви Θеодора Канфилина, но не смотря на всѣ ихъ убѣжденія Іоаннъ отказался отъ бракосочетанія. Михаилъ началъ дѣйствовать угрозами, а потомъ ласками, но и это оказалось безполезнымъ. Тогда онъ рѣшился послать къ Іоанну болѣе ловкихъ дипломатовъ и именно кабинетнаго совѣтника своего Іатропуло и пресвитера великой церкви съ богатыми дарами. На этотъ разъ императоръ Іоаннъ изъявилъ согласіе видѣть Евдокію, которая понравилась ему и бракъ состоялся въ 1282 году.

Іоанну наслѣдовалъ сынъ его Алексѣй, котораго пригласилъ папа Николай IV участвовать въ крестовомъ походѣ за освобожденіе Іерусалима въ 1291 году. Алексѣю наслѣдовалъ сынъ его Василій, женившійся на дочери Андроника Палеолога и наслѣдовавшій впослѣдствіи Константинопольскій престолъ. При сынѣ послѣдняго Алексѣѣ на Анатолію сдѣлали нашествіе персіяне и завладѣли всѣми сосѣдственными Трапезунду провинціями. Лишь только донесли объ этомъ въ Константинополь, воспитавшійся здѣсь наслѣдникъ трапезондскаго престола юный Алексѣй, собравъ на корабли пѣшее войско, поспѣшилъ на выручку наслѣдственныхъ земель. Но въ виду Анатолійскихъ береговъ онъ встрѣтилъ такую ужасную бурю, что всѣ приготовились къ неминуемой гибели. Тогда молодой императоръ громогласно обратился къ пресвятой Богородицѣ, что на горѣ Мела, и началъ просить Ея защиты. Какъ только онъ окончилъ молитву всѣ корабли съ войскомъ очутились въ тихой бухтѣ Трапезонда. Матросы, не ожидая спасенія, не знали какому святому принести благодарность за чудо. Высадившись на берегъ, императоръ, послѣ принятія поздравленій отъ духовенства, начальниковъ и народа, сейчасъ же направился на гору Мела, чтобы принести благодареніе бо-

жественной покровительницѣ за спасеніе себя и подданныхъ. По окончаніи молебствія императоръ, твердо увѣровавшій въ чудотворную силу Богородицы, тутъ же объявилъ, что не смотря на то, что не располагаетъ военными колесницами и конницею, надѣется на милости Святой Дѣвы. Надежды его въ точности сбылись: персіяне не только были изгнаны изъ Малой Азіи, но даже изъ великой Арменіи. Въ благодарность за всѣ эти блага Алексѣй въ 1365 году приказалъ увеличить храмъ на горѣ Мела, воздвигнуть цѣлый рядъ келій для монаховъ, одарилъ монастырь землями и кромѣ этого предоставилъ въ распоряженіе настоятеля игумена Галактіона 40 человѣкъ для работъ и обереженія святыни при отдѣльной хрисовулѣ (грамотѣ *), въ которой прописывались имена этихъ стражниковъ. Кромѣ этого онъ приказалъ реставрировать церковь Богородицы, именуемой „Богомъ покрытая", около городской крѣпости и построить новую на мѣстѣ сгорѣвшей во имя великомуч. Евгенія и много другихъ.

При сынѣ его Эммануилѣ, женившемся на дочери Аблазскаго властителя Иринѣ, Сумельскій монастырь обогатился кускомъ отъ животворящаго креста Господня, который по днесь хранится въ немъ. Эммануилу наслѣдовалъ братъ его Андроникъ и затѣмъ уже сынъ его Алексѣй Комнинъ IV, оставившій четырехъ сыновей Іоанна, Александра, Скандара и Давида и двухъ дочерей Екатерину и Марію. Послѣдняя считалась первою красавицею, вслѣдствіе чего съ большими почестями вышла замужъ за константинопольскаго императора Іоанна Палеолога, а Екатерина досталась въ жены Сербскому господарю Георгію. Александръ, желая сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ утвердился на ост. Митилино; Давидъ женился на дочери Матвѣя Контакузена; старшій же сынъ женился на дочери грузинскаго царя Александра и захотѣлъ преждевременно вытѣснить съ престола отца своего. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Крымскую Кафу къ генуэзцамъ и, подговоривъ нѣсколько отважныхъ судовладѣльцевъ подъ предводитель-

*) Въ буквальномъ переводѣ: золотая печать.

ствомъ Іоаннита, высадился между Трапезондомъ и церковною землею св. Ѳомы, гдѣ и перешелъ въ палатки съ намѣреніемъ отбить отъ отца права на господство. Для достиженія этого онъ переманулъ на свою сторону многихъ недовольныхъ вельможъ и военачальниковъ и поручилъ имъ повести такъ дѣло, чтобы онъ могъ ворваться ночью въ спальню отца, но эти послѣдніе, заставъ императора спящимъ, рѣшились своеручно убить его. Убитый царь похороненъ былъ съ большими почестями въ храмѣ Богородицы Ѳеоскепасти, а потомъ перенесенъ въ церковь Богородицы Златоглавой. Что касается до убійцъ, то Іоаннъ повелѣлъ одному выколоть глаза, а другому отрѣзать руки.

Вскорѣ послѣ этого на Трапезондское царство сдѣлано было дважды нашествіе со стороны аравитянъ, но безъ удачи. Вслѣдъ за ними появился правитель Аманіи Хытиръ съ несмѣтнымъ числомъ турокъ. Обложивъ Трапезундъ, онъ заставилъ Іоанна признать себя вассаломъ султана и платить ему дань. Это безчестіе продолжалось 20 лѣтъ. Послѣ смерти Іоанна захватилъ престолъ братъ его Алексѣй Комнинъ.

Послѣ взятія турками Константинополя султанъ Магаметъ II приказалъ Синопскому пашѣ Магмуту во чтобы ни стало завоевать всѣ остальныя греческія земли въ Малой Азіи. Паша прежде всего осадилъ Трапезундъ и потребовалъ отъ Алексѣя добровольно сдаться, обѣщая сотни милостей, въ противномъ случаѣ, грозя всѣми муками казни. Императоръ не былъ въ силахъ сопротивляться и подъ вліяніемъ изнѣженныхъ военачальниковъ, рѣшился сдаться. Плѣненная царская семья со всѣми малолѣтними дѣтьми немедленно отправлены были въ Константинополь. Всѣ почти мущины преданы были смерти, а жены и дочери ихъ были розданы визярямъ и беямъ; лучшія же изъ церквей обращены въ мечети; но монастырь Мельской или Сумельской Богоматери остался не прикосновеннымъ.

Исторія этой замѣчательной церкви такъ священна для туземцевъ, что я рѣшился и о ней написать вкратцѣ.

Всѣмъ почти, читавшимъ священныя книги, должно быть извѣстно, что апостолъ и евангелистъ Лука свое-

ручно изобразилъ Пресвятую Богородицу съ божественнымъ сыномъ ея на трехъ кускахъ кедровыхъ досокъ и представилъ всѣ три иконы честнѣйшей изъ Дѣвъ. Богоматерь, взглянувъ на нихъ сказала: да будетъ въ нихъ благодать рожденнаго отъ меня Сына при посредствѣ моемъ!"

Изъ числа этихъ иконъ, судя по царскимъ грамотамъ, сохранявшимся въ архивахъ патріархата, одна находится въ Пелопонежской великой пещерѣ, вторая на островѣ Кипро, а третья въ монастырѣ Сумела около Трапезунда, подъ названіемъ *Панагія Одигистрія.*

Вотъ какимъ образомъ послѣдняя попала на гору Мела: послѣ смерти апостола Луки, послѣдовавшей въ Ѳивахъ (теперь мѣстечко Стивасъ), одинъ изъ послѣдователей его по имени Ананій принялъ къ себѣ образъ Богородицы и перенесъ его въ Аѳины. Здѣсь святая икона начала проявлять чудеса, вслѣдствіе чего аѳинскіе христіане выстроили для помѣщенія ея роскошную церковь за городомъ, гдѣ она и находилась до 385 года, т. е. до временъ Ѳеодосія великаго. Въ это время нѣкто по имени Василій, сынъ благочестивыхъ Константина и Анны, переполненный усердія и благоговѣнія къ Богородицѣ, достигнувъ 30 лѣтняго возраста, постригся въ священники, а съ нимъ вмѣстѣ и племянникъ его 18 лѣтній Сотирихъ въ діаконы и оба посвятили себя непрестанной службѣ царицѣ небесной.

Однажды Василію приснилось, что онъ, послѣ окончанія божественной литургіи, увидѣлъ прелестнѣйшую дѣву на правой сторонѣ алтаря, окруженную множествомъ юношей въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, которая, обратившись къ нему, съ ласкою сказала: Василій ты долженъ съ племянникомъ твоимъ Сотирихомъ переодѣться въ монашескія одежды и перемѣнить ваши имена. Ты назовешься Варнавою, а племянникъ твой Софроніемъ. Послѣ чего ты долженъ отказаться отъ всего житейскаго".

Выслушавъ это приказаніе, изумленный Василій дерзнулъ спросить: Кто ты такая, что повелѣваешь мнѣ?

— Я Богородица Марія и желаю, чтобы вы всегда служили мнѣ.

Пробудившись отъ сна Василій сейчасъ же передалъ

сновидѣніе Сотириху, а затѣмъ распродавъ и роздавъ все имущество свое бѣднымъ, рѣшился въ послѣдній разъ повидаться съ племянникомъ своимъ, чтобы узнать на что онъ рѣшится. Родственники, изъявивъ желаніе не разлучаться между собою и въ точности исполнить волю Владычицы, предварительно выходя изъ города пали ницъ предъ божественнымъ образомъ и начали просить Пречистую Дѣву указать имъ направленіе куда идти и сопутствовать имъ благодатью своею. Не успѣли они произнести этихъ словъ, какъ изъ образа послышался голосъ: „Вы послѣдуете за мною на востокъ на излюбленную мною гору Мела“. Въ ту же минуту святой ликъ принятъ былъ двумя ангелами и поднятъ къ облакамъ. Священнослужители немедленно направились за нимъ. Въ эту ночь Василій вновь узрѣлъ чудотворный образъ во снѣ на высокой лѣсной горѣ въ солнечномъ сіяніи, вторично предлагавшій ему перемѣнить одежды и имена свои и спѣшить на эту гору для сооруженія храма, въ который соберутся многіе для славословія Творца міровъ, гдѣ найдутъ свое спокойствіе.

Вскорѣ послѣ этого путники пришли въ одинъ изъ монастырей, гдѣ настоятель игуменъ Ѳеодулъ, раньше предупрежденный свыше принялъ ихъ съ большими почестями, переодѣлъ ихъ въ монашескія одежды и назвавъ старшаго Варнавою, а младшаго Софроніемъ, научилъ всѣмъ правиламъ монастырской жизни.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи монахи опять видѣли въ сновидѣніи Богородицу, утѣшавшую ихъ. Въ городкѣ Колони они посѣтили бывшаго здѣсь епископа Петра, который по внушенію Богородицы рукоположилъ Софронія въ священническій санъ. Потомъ дошли они до Ларисы, Ларнаки и Салонники, гдѣ поклонялись мощамъ св. Ахилія, Варвара и Дмитрія миротоца и въ заключеніе прибыли на святыя горы. Здѣсь игуменъ монастырей до того полюбилъ этихъ достойныхъ людей, что хотѣлъ оставить у себя. Но лишь только онъ рѣшился на это, къ Лоонской горѣ пристало судно и выпедшій шкиперъ объявилъ игумену, что слѣдуя къ о. Кипру, онъ истратилъ всю воду и началъ умолять Богородицу послать попутный вѣтеръ. Въ это время онъ почувствовалъ осо-

бенное желаніе заснуть и лишь только сомкнулъ глаза, предъ нимъ предстала Пресвятая Дѣва и приказала направить судно къ Аѳонской горѣ и, отыскавши тамъ двухъ аѳинянъ Варнаву и Софронія доставить, ихъ въ г. Маронію.

Услышавъ это, игуменъ не осмѣлился задерживать далѣе благочестивыхъ гостей и отпустилъ ихъ съ миромъ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи Варнава и Софроній являлись уже чудотворцами. Въ одной мѣстности по ихъ молитвѣ исчезла саранча, въ другой они подняли на ноги неизлѣчимаго калеку монаха, потомъ обратили на путь истины трехъ ужасныхъ разбойниковъ, заставивъ ихъ сдѣлаться монахами. Въ Константинополѣ Варнава и Софроній были приняты въ монастырѣ Ѳеодора Стратилата, а нѣсколько дней спустя прибыли на суднѣ въ Трапезундъ. Здѣсь поклонившись мощамъ св. Евгенія, они отправились дальше. Когда они недоумѣвали какого направленія имъ слѣдуетъ держаться, то услышали таинственный голосъ: „отыщите рѣку Пиксити и слѣдуйте по теченію ея до источника“.

Слѣдуя указаннымъ путемъ, монахи два дня оставались безъ пищи и дошли до деревни Куспиди, гдѣ были приняты жителями съ радушіемъ. На слѣдующій день имъ указано было направленіе къ той пещерѣ на горѣ Мела, которая должна была служить имъ первою обителью. Но на дѣлѣ оказалось, что пещера эта кругомъ обведена была глубокою пропастію и къ ней не представлялась возможность приблизиться. Въ этотъ моментъ предъ избранниками упало громадное дерево и образовало удобный мостъ. Очутившись въ пещерѣ, населенной миріадами ласточекъ и летучихъ мышей, Варнава предложилъ птицамъ удалиться изъ нея и немедленно приступилъ къ очисткѣ мѣста. Вслѣдъ затѣмъ монахи замѣтили, что на этой высотѣ не можетъ быть воды; но прежде чѣмъ они впали въ скорбь увидѣли на камнѣ сіяющій ликъ святой иконы и гласъ, что имъ дастся вода изъ этого камня. И дѣйствительно камень лопнулъ и изъ него выступилъ прозрачный ручей. Варнава и Софроній 17 дней оставались на этой высотѣ безъ хлѣба.

Первый пославшій имъ съѣстные припасы былъ игу-

менъ изъ скита св. Іоанна Предтечи, а затѣмъ имъ начали сочувствовать всѣ почти окрестные жители. Съ помощію послѣднихъ преподобному Варнавѣ сначала удалось построить часовню во имя Архангела Михаила, а потомъ и церковь Пресвятой Богородицѣ. По окончаніи храма на гору эту прибылъ самъ царь Августалій Кортикій и видя, что монахи не достаточно владѣютъ средствами для устройства хорошаго проѣзда въ церковь, тайно положилъ, при запискѣ въ одномъ изъ угловъ ея, 500 червонцевъ для этой цѣли. На эти деньги Варнава и Софроній не только устроили удобный входъ, но и кимитирію для будущихъ покойниковъ. Вскорѣ послѣ этого священный образъ началъ поражать христіанъ чудесами и заставлять многихъ переходить въ монашество. Основателямъ необходимо было начать строить кельи и новыя церкви. Когда все это явилось, Варнава началъ удаляться въ лѣса, чтобы питаться только одними травами. Однажды въ пустынѣ предъ нимъ явилась Богородица и, подавая ему масличную вѣтвь, объявила, что онъ долженъ проститься съ братьями на третій день праздника ея. Преподобный немедленно возвратился въ монастырь и началъ по прежнему священнодѣйствовать и наставлять монаховъ и народъ. Потомъ онъ потребовалъ къ себѣ Софронія и объявивъ ему, что приближается часъ его разлуки съ нимъ и землею, продиктовалъ ему послѣднее свое завѣщаніе для будущихъ благъ монастыря и братій.

Въ завѣщаніи этомъ требовалось миролюбіе, кротость, любовь, милосердіе и гостепріимство съ омовеніемъ ногъ по примѣру Спасителя. По окончаніи диктовки онъ своеручно прибавилъ: представляю въ поручительство Пресвятую Богородицу, что всѣ тѣ, кто исполнитъ мое завѣщаніе и останется въ монастырѣ этомъ по день смерти, тѣ будутъ прощены и внидутъ въ царствіе небесное. Недостойный іеромонахъ и настоятель почтительнаго монастыря Богородицы на горѣ Мела Варнава аѳинскій. 18 августа 412 года.

Послѣ продолжительной бесѣды и прощанія съ каждымъ, находившимся въ оградѣ монастыря, преподобный, облачившись въ ризы, припалъ къ божественному

лику Владычицы, а затѣмъ спустился въ усыпальницу и здѣсь тихо и спокойно почилъ.

Мысль о вѣчной разлукѣ съ святымъ дядею такъ горько повліяла на Софронія, что и онъ, одѣвшись въ ризы, умолялъ чудотворный образъ разрѣшить ему послѣдовать за благодѣтелемъ своимъ. Пресвятая Мать смиловалась надъ нимъ и онъ удостоился подобно Варнавѣ вѣчнаго покоя въ той же кимитиріи.

Впослѣдствіи когда турки овладѣли Анатоліею, храмы эти ужасно пострадали, но образъ Богородицы и голова св. Варнавы снова возвратились на мѣсто, а церкви возстановлены были избраннымъ Богородицею игуменомъ св. Христофоромъ.

Вслѣдъ затѣмъ Турецкіе султаны, которымъ также пришлось убѣдиться въ чудотворности образа Панагіи Одигистріи, начали одарять монастырь подарками и гати-шерифами.

Изъ нихъ султанъ Баязетъ напр. въ 1512 году покрылъ церковный куполъ мѣдью, а султанъ Селимъ въ 1586 году хотѣлъ вмѣсто мѣди покрыть его серебромъ за одержанную побѣду надъ персами и сдѣлалъ бы это, еслибъ его допустили настоятели, боявшіеся жадности разбойниковъ.

Въ монастырь этотъ и теперь ежедневно привозятъ много больныхъ, которымъ Матерь Бога посылаетъ изцѣленіе.

Лишь только реизъ нашъ возвратился на судно, я съѣздилъ въ городъ и, получивъ пять кипарисныхъ деревьевъ, два отростка фиги, три тонкокожей миндали и нѣсколько сортовъ другихъ плодовыхъ растеній, возвратился обратно къ нему съ тѣмъ, чтобы безъотлагательно ѣхать домой, потому что ноябрь былъ на исходѣ.

На этотъ разъ путешествіе наше было крайне бѣдственно, но благодаря милостямъ Панагіи Одигистріи, которую я постоянно призывалъ въ заступничество, мы кое-какъ добрались до Симеиза *), гдѣ вытащили судно на берегъ и возвратились по домамъ. Къ счастію всѣ ра-

*) Деревня на южномъ берегу Крыма.

стенія мои остались въ хорошемъ состояніи и я немедленно посадилъ ихъ въ своемъ саду: кипарисы около домика, а остальныя въ болѣе прикрытыхъ мѣстахъ.

Съ наступленіемъ весны я посѣялъ рисъ и хлопокъ и вскорѣ убѣдился, что на югѣ Крыма отлично росли бы эти полезныя растенія, еслибъ ими пожелали заняться мѣстные жители, но татаре не любятъ заниматься тѣмъ, чѣмъ не занимались ихъ отцы.

Изъ Алупки я очень часто ѣздилъ въ Балаклаву и Аутку.

Въ обоихъ этихъ деревняхъ показались снова христіане.

Въ первую приказано перевести всѣхъ албанцевъ, чтобы легче наблюдать за берегами моря и татарами, а въ послѣднюю прибыли изъ Маріуполя нѣсколько семействъ, вышедшихъ отсюда при всеобщемъ переселеніи грековъ и армянъ. По словамъ ихъ они никакъ не могли привыкнуть къ жизни въ степяхъ и чрезвычайно обрадовались, когда имъ разрѣшено было переѣхать на мѣсто родины въ деревню Аутку, присвоенную себѣ татарами. Эти нѣсколько семействъ сейчасъ же выхлопотали себѣ право на свои земли и изъявили согласіе, чтобы остались съ ними и татаре, сохранившіе въ цѣлости ихъ церкви и отцовскія могилы. Аутинцы вскорѣ заслужили особенное вниманіе начальства за ловлю устрицъ, которыми обязались снабжать властей.

Однажды въ бытность мою въ Балаклавѣ меня потребовали въ опустѣвшую деревню Ласпи, гдѣ русскіе начали разводить виноградники. Туда же пріѣхалъ и князь Потемкинъ, чтобы взглянуть на Байдарскую долину. Русскіе начали допрашивать: удобно ли разводить виноградныя лозы въ окрестностяхъ этой деревни? Я отвѣчалъ, что растеніе это хорошо можетъ рости здѣсь, но несравненно лучше по ту сторону горъ, т. е. отъ Фороса по направленію къ Ялитѣ и Алуштѣ.

— Мы и туда доберемся—сказалъ князь Потемкинъ и поинтересовался узнать кто я такой и откуда прибылъ?

При помощи переводчика я объяснилъ ему подробно всю мою жизнь.

— А знаешь ли ты русскую грамоту? спросилъ онъ.

— Я умѣю читать и писать, но плохо говорю.

— Это ничего, такихъ людей какъ ты не много у насъ. Желаешь служить императрицѣ? внезапно онъ спросилъ.

— Я пріѣхалъ сюда съ этимъ желаніемъ, но къ сожалѣнію не могъ вполнѣ ознакомиться съ русскимъ нарѣчіемъ.

— Ну братъ нужда и горы сдвигаетъ. Гдѣ ты живешь теперь?

Я сказалъ.

Князь обернулся къ какому-то господину, стоящему около него и что-то началъ говорить. Потомъ объявилъ мнѣ, что производитъ меня въ первый чинъ и опредѣляетъ на службу императрицы. Съ этими словами онъ удалися.

Сначала я не придавалъ значенія этимъ словамъ, но часъ спустя мнѣ выдали бумагу, которою я назначался наблюдателемъ южнобережскихъ казенныхъ лѣсовъ и жителей отъ Байдарской долины до Ялиты съ назначеніемъ жалованія отъ казны. Кромѣ этого въ распоряженіе мое давалось десять человѣкъ изъ нижнихъ чиновъ греческаго войска.

Такимъ образомъ я неожиданно снова сдѣлался чиновникомъ, хотя и сознавалъ, что недалеко уйду съ моими познаніями русскаго нарѣчія.

Прежде всего я нашелъ болѣе удобнымъ переѣхать для постояннаго мѣстожительства въ Аутку, гдѣ было нѣсколько христіанскихъ семействъ. Купивъ здѣсь домикъ съ большимъ дворомъ, я хотѣлъ было перевести сюда и привезенныя мною изъ Трапезунда деревья, но такъ какъ они значительно подросли, то я пожалѣлъ ихъ тревожить изъ боязни повредить и перенесъ только тонкокожіе миндали.

Данные въ мое распоряженіе солдаты поселены были мною въ лачужкахъ, кое-какъ исправленныхъ въ Ялтѣ. Здѣсь въ это время не было ни одного обитателя, а кругомъ разводили татарки ленъ для добыванія прядева, стояли большія мореходныя лодки въ теченіи зимняго

времени или строились новыя изъ мѣстнаго лѣса, который поражалъ меня своею крѣпостію и размѣрами.

Лишь только народъ узналъ о производствѣ меня въ начальники, всѣ начали смотрѣть на меня съ неудовольствіемъ и старались показать себя независимыми. Я сдерживалъ ихъ ласками и нерѣдко переносилъ большія грубости; въ крайности же переѣзжалъ въ Алупку, гдѣ продолжалъ заниматься хозяйствомъ.

Вскорѣ меня начало тяготить одиночество. Не разъ мнѣ хотѣлось жениться, но увы я не могъ найти ни единой христіанской дѣвушки.

Однажды я сидѣлъ на дворѣ и смотрѣлъ какъ работникъ мой жарилъ только что пойманную солдатами рыбу, какъ вдругъ ко мнѣ подошла татарочка сосѣдка и попросила занять имъ немного водки для больнаго отца. Я налилъ ей полную кружку и шутя сказалъ: не пожелаетъ ли она быть моею хозяйкою?—Отчего же нѣтъ—отвѣчала она—я всегда любила христіанъ, потому что въ родѣ татарица многія дѣвушки повыходили замужъ за христіанъ и хорошо живутъ съ мужьями.

Шутка эта чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ превратилась въ правду. Айше, отлично изучившая христіанскія молитвы и греческій языкъ, невольно обратила мое вниманіе.

Тѣмъ временемъ мнѣ приказано было переѣхать на жительство въ Симферополь. Недолго думавши, я предложилъ ей переодѣться и послѣдовать за мною. Дѣвушка заплакала, но въ концѣ концовъ видя, что иначе нельзя мнѣ жениться на ней, уѣхала со мною въ Симферополь, гдѣ послѣ крещенія я перевѣнчался съ нею.

Жена моя пожелала нарѣчься Софіею, т. е. мудростію. „Хорошо—сказалъ я—но помни, что послѣ этого ты обязана будешь всю жизнь свою мудро вести. Я сказалъ эти слова съ цѣлью, потому что въ это время въ Симферополѣ на одну женщину приходилось покрайней мѣрѣ 50 мущинъ, а моя Софья была съ такими наружными достоинствами и простосердечностію, что могла многихъ увлечь и создать неожиданныя непріятности. При этомъ ей только наступилъ 16 годъ.

Два мѣсяца послѣ переѣзда моего въ Ахмечетъ, сюда

вновь прибылъ нашъ главный начальникъ князь Потемкинъ. Я въ качествѣ служащаго долженъ былъ явиться къ нему. На этотъ только разъ я могъ присмотрѣться къ величавой наружности этого могущественнаго героя, окруженнаго сотнями раболѣпствующихъ чиновниковъ. Князь показался мнѣ очень гордымъ и лѣнивымъ, лице его было какъ-бы обрюзглое, а одинъ глазъ точно какъ стеклянный. На поклоны и привѣтствія онъ не отвѣчалъ и медленно говорилъ. Покончивъ пріемъ начальствующихъ, онъ пристально посмотрѣлъ на меня и вдругъ спросилъ: „Какъ ты думаешь много ли труда будетъ стоить Россіи изгнать турокъ изъ Европы?

— Не думаю, если только будутъ подняты всѣ христіане и хорошо вооружены.

— А кто по вашимъ преданіямъ долженъ царствовать первымъ послѣ освобожденія Константинополя отъ варваровъ?

Я отвѣчалъ, что молодой русый юноша, который будетъ именоваться Константиномъ и для подтвержденія привелъ всѣмъ извѣстный текстъ изъ нашего хронографа и кое-что изъ пророчества Агаѳангела *).

— Знаю, знаю мой греческій учитель часто цитировалъ эти слова въ Москвѣ. Мнѣ кажется, что пророчество это въ точности сбудется, когда достигнетъ со-

---

*) Греки до настоящаго времени придаютъ громадное значеніе предсказанію іеромонаха Агаѳангела, жившаго въ 1279 году. Вотъ нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ о Россіи:

„Ангелъ Божій сказалъ, обратившись къ Борейскимъ странамъ: проснись Россія, ибо твой домъ наполнится настоящимъ елеемъ. Ты моя возлюбленная сестра сдѣлаешься свѣтиломъ земли и твои военные органы наполнятъ землю мелодическими звуками. Тебя попросятъ возстановить разрушенные храмы во имя Божіе и ты сдѣлаешь это, потому что обязана освѣщеніемъ своимъ этимъ храмамъ и должна имъ отслужить въ печальный часъ, который предназначенъ для блага твоего. Тебѣ моя возлюбленная предстоитъ 40 лѣтъ очищать окрестныя земли отъ владычества агарянъ и возрадоваться дѣяніямъ своимъ; потомъ ты пойдешь на Германію и на западъ хитрый и лукавый. О западъ испорченный! придется тебѣ тяжело вздыхать, потому что великій царь заставитъ тебя опомниться и прославитъ имя свое. О, возлюбленная сестра ты будешь величайшая, счастливая и справедливѣйшая, но лучше будетъ, если царь твой передастъ въ это время царство наслѣднику своему.

Поставь 51 и 34 и увидишь истину пророчества. Въ это время Византія будетъ плавать въ крови и появится верховой съ саблею въ рукахъ и послышится голосъ: вотъ тотъ благословенный, которому дано будетъ благословенное царство!

вершеннолѣтія внукъ императрицы. Ты вѣроятно знаешь, что его зовутъ Константиномъ?

— Я вѣрю, что онъ будетъ царствовать.

— Непремѣнно онъ, если только Богу будетъ угодно. Тогда и на твою долю придется большой трудъ. Ну, а какъ идутъ твои опыты?

— Я пока сдѣлалъ немногое, но всѣ растенія, привезенныя мною хорошо принялись.

— Можетъ быть ты нуждаешься въ землѣ? Говори, я прикажу выдать тебѣ документъ на право владѣнія.

— Я доложу объ этомъ послѣ, потому что теперь не имѣю лишнихъ средствъ для обработки.

Къ сожалѣнію дальнѣйшій разговоръ мой, могущій улучшить мое матеріальное положеніе, былъ прерванъ входомъ къ князю новой толпы военачальниковъ и я вынужденъ былъ выйти на дворъ. Не привыкнувши пользоваться даромъ милостями, я хотѣлъ воспользоваться ими по заслугамъ. Но какія я могъ оказать заслуги? Неужели можно назвать заслугами то, что чрезъ меня представлялись этому сильному человѣку ялтинскія устрицы? Другіе конечно и этого не сдѣлали, но уже обезпечены огромными дачами, но у меня другаго рода совѣсть. Мнѣ всегда казалось позорнымъ выманивать у добрыхъ людей не заслуженныя милости или пользоваться слабостями этихъ людей, когда они увлекаются царскою милостію и не приличными для нихъ щедротами. Что князь любитъ грековъ за ихъ неизмѣнную преданность тому, у кого они служатъ, и сознаетъ въ нихъ неустрашимость—это пожалуй вѣрно, но греки очень благоразумно поступаютъ, что не ищутъ у него ничего кромѣ самаго необходимаго. Жадность по моему ужасно унижаетъ въ человѣкѣ его человѣческія достоинства и люди съ этимъ недостаткомъ должны заниматься только торговлею. Еслибъ строгіе албанцы начали бы посягать на татарскую собственность, такъ какъ это начали уже дѣлать русскіе, пришедшіе въ Крымъ, то татаре всѣ до единаго вышли бы изъ этой страны. Но греки всегда уважали права на собственность ближняго и между ними не было и едва ли будутъ охотники заниматься воровствомъ. Въ націи нашей мнѣ нравится всего больше,

что каждый считаетъ себя равнымъ другому по уму и будетъ кричать и оспаривать свое мнѣніе до тѣхъ поръ, пока ясно убѣдится въ своихъ ошибкахъ. Эти врожденныя наклонности къ борьбѣ много вредили грекамъ, но и много принесли имъ пользы въ развитіи. Люди чужіе естественно не имѣютъ надобности судить о пользѣ, но не любятъ, когда ихъ оспариваютъ и заставляютъ вполнѣ высказывать свои недостатки.

Я не хотѣлъ воспользоваться предложеніемъ князя и на томъ еще основаніи, чтобы меня не упрекали мои соотечественники, которые служатъ Потемкину отъ всего сердца и не требуютъ возмездія. Да и къ чему имъ излишнія средства? Человѣкъ, вѣрующій въ Бога, вполнѣ счастливъ, когда обезпеченъ въ главнѣйшихъ потребностяхъ жизни и забавляется не сбыточными желаніями. Я также вполнѣ доволенъ. У меня свой домъ, добрая и послушная жена съ вѣчною улыбкою; жалованье превышаетъ расходы; все въ порядкѣ, чисто, обѣдъ вкусный; всѣ единоплеменники навѣщаютъ меня. Скучно только, что вдали отъ родины и не увижу никогда братьевъ, къ которымъ всегда питалъ какое-то чувство слабой женщины.

Домъ, пріобрѣтенный мною находится около Джумаджами или соборной мечети. Тутъ же и фонтанъ. Около меня живутъ мурзы, чиновники и татарское духовенство. Послѣднее относится ко мнѣ съ большимъ почтеніемъ, вѣроятно за мои познанія Корана. Я нахожу, что татаре менѣе враждебны намъ въ сравненіи съ турками. Это народъ не избалованный и честный. Россія не дурно сдѣлаетъ, если сбережетъ его и воспретитъ наносить обиду. Что касается ихъ мурзъ и беевъ, считавшихъ себя потомками древнихъ хановъ, то всѣ они желаютъ сохранить за собою право господства надъ поселянами и такъ ведутъ себя и свои дѣла, что татаре по личному убѣжденію находятъ разумнымъ подчиняться имъ. Мурзы эти нисколько не расположены къ турецкому султану и его правительству и предпочитаютъ состоять въ подданствѣ русскихъ, потому что въ этомъ состояніи татаре останутся навсегда ихъ подданными. Они здѣсь своего рода царьки, но не злоупотребляютъ своими правами и

не тщеславятся ими, а всегда добры и снисходительны къ младшему брату, не брезгаютъ имъ и охотно служатъ въ его нуждахъ. Начальствующіе мурзы также не корчатъ изъ себя чиновниковъ, но непремѣнно добиваются лестнаго названія отца Заведи подобный порядокъ и русскіе въ управленіи своемъ, эта держава и этотъ хорошій народъ въ самомъ непродолжительномъ времени, при его трудолюбіи, сдѣлался бы самымъ могущественнымъ и счастливымъ на землѣ. Но сколько я замѣтилъ у русскихъ нѣтъ ничего своего: они какъ-бы не довѣряютъ своимъ убѣжденіямъ, не цѣнятъ своихъ добрыхъ наклонностей и стараются дѣлать все на авось или по вліянію. Право надо удивляться, если все русское царство живетъ такою жизнью! Въ такомъ случаѣ каждый начальникъ здѣсь только заботится быть начальникомъ, а не посредникомъ между недовольными.

По заведенному мною порядку изъ Ялты каждый мѣсяцъ пріѣзжалъ ко мнѣ верховой солдатъ съ донесеніемъ все ли находится въ порядкѣ. На обязанности моей было слѣдить за цѣлостію казеннаго имущества, но такъ какъ мнѣ невозможно было съ точностію опредѣлить, что принадлежитъ казнѣ, то-есть чѣмъ владѣлъ послѣдній Крымскій ханъ послѣ выхода христіанъ, то я не особенно отстаивалъ то, что считали татаре своимъ. Для меня важно было не допускать истребленія лѣсовъ съ злымъ умысломъ, пока мѣстный каймаканъ и другія власти не приведутъ въ точную извѣстность принадлежавшаго казнѣ. Притомъ татаре не такой народъ, чтобы рубить для оджаковъ своихъ свѣжее дерево во первыхъ потому, что оно плохо горитъ и наконецъ потому что надъ старымъ надо долго трудиться, а молодое пригодится чрезъ десятокъ лѣтъ для постройки ему же хижины.

Такимъ образомъ я былъ гораздо нужнѣе въ Ахмечети, чѣмъ на мѣстѣ службы, потому что исполнялъ сотни другихъ порученій начальства, а въ свободное время занимался образованіемъ дѣтей и содѣйствовалъ богослуженію священника, ежемѣсячно пріѣзжавшаго къ намъ изъ Ѳеодосіи.

Нѣсколько лѣтъ спустя у меня родился первый сынъ

Иванъ. Съ этого дня я пересталъ тосковать по родинѣ и мечтать о заслугахъ предъ правительствомъ. Я окончательно убѣдился, что никогда не изучу хорошо русской грамоты. Бывшій въ это время губернаторомъ Бороздинъ, чрезвычайно благоволилъ ко мнѣ и хотѣлъ, чтобы я состоялъ на службѣ при немъ лично, но когда я отказался отъ всякихъ служебныхъ почестей, онъ предложилъ мнѣ принять въ свое распоряженіе имѣніе его Саблы, находящееся невдали отъ города. Тихая деревенская жизнь мнѣ всегда нравилась. Жена моя также охотно согласилась удалиться изъ города, гдѣ я вѣчно былъ занятъ ничтожными въ сущности дѣлами, хотя и сознавалъ, что рожденъ былъ для болѣе полезной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что оставаясь вдали отъ людей и событій, не хорошо мнѣ извѣстныхъ, я буду болѣе спокоенъ въ бесѣдахъ съ Аристотелемъ, Демосфеномъ, Сократомъ и другими славными филантропами нѣкогда блистательной Эллады.

Саблы населены русскими. Нѣкоторые изъ нихъ знакомы были до перехода сюда съ гончарнымъ искусствомъ, а такъ какъ и здѣсь нашли хорошую глину, то охотно начали приготовлять изъ нея различную посуду, въ которой мы всѣ имѣли надобность.

Бороздинъ каждое воскресенье проводилъ въ имѣньи своемъ, не разлучаясь со мною. Мы обѣдали и ѣздили въ степь и лѣса, охотились и не рѣдко до полуночи бесѣдовали вмѣстѣ. Онъ имѣлъ многихъ друзей въ Петербургѣ, зналъ, что дѣлалось въ Европѣ и при дворѣ. Любимою темою его разговора была жизнь императора Павла Петровича и покойной императрицы Екатерины. Потемкина онъ терпѣть не могъ и радовался, что этотъ герой умеръ. По его словамъ Потемкинъ любилъ только льстецовъ и не поощрялъ людей способныхъ и полезныхъ для Россіи; что онъ стремился достигнуть трона въ Польшѣ, а въ крайности мечталъ создать для себя имперію изъ Молдавіи и Валахіи послѣ изгнанія турковъ изъ Европы; что онъ вооружалъ государыню противъ сына ея Павла и совѣтовалъ ей держать его гдѣ-то въ заперти, томить тоскою, раздражать и унижать съ цѣлью довести до преждевременной смерти, чтобы

въ наслѣдники престола попалъ бы малолѣтній сынъ его. Насколько все это справедливо, я не знаю, но судя потому, что этому царю пришлось очень не долго царствовать и возстановить противъ себя всѣхъ почти министровъ и вельможъ, надо полагать, что въ немъ были какіе-то важные недостатки, врожденные или воспроизведенные житейскою обстановкою. Такъ или иначе, но мы греки горько сожалѣли какъ о преждевременной смерти славнаго Потемкина, такъ равно императрицы и Павла Петровича. Мы твердо убѣждены, что цари никогда не могли быть враждебны народу своему, потому что это означало бы враждовать противъ самаго себя. Цари могутъ быть не дальновидными и безпечными, но въ такомъ случаѣ винить надобно тѣхъ, которые избраны ими для дѣятельности и заботъ о царствѣ.

Я всегда почти спрашиваю у Бороздина сообщить мнѣ подробности о жизни великаго князя Константина по предположенію, что этому принцу суждено свыше царствовать въ Константинополѣ и собрать насъ къ подножью Византійскаго престола, но губернаторъ какъ-то не расположенъ къ этому брату государя, а питаетъ большія надежды на юнаго великаго князя Николая, о существованіи котораго знаютъ развѣ только священники, да тѣ, которые находятся при дворѣ. У Бороздина же много родственниковъ и друзей въ Петербургѣ, которые выхваляютъ тѣхъ, кто больше имъ нравится по наружности или характеру.

— Знаешь ты, что писала императрица по поводу рожденія этого внука—сказалъ мнѣ однажды губернаторъ, когда я доказывалъ, что Константинъ будетъ царствовать въ Константинополѣ—она писала слѣдующее: „я пріобрѣла третьяго внука, который по необыкновенному складу, мнѣ кажется, долженъ царствовать, не смотря на то, что имѣетъ двухъ старшихъ братьевъ“. Въ этихъ словахъ мнѣ представляется пророчество, что онъ возстановитъ греческую имперію и будетъ ея императоромъ. Что это несомнѣнно—прибавилъ онъ то это доказываетъ мой другъ тѣмъ, что недавно у этого ребенка спросилъ одинъ генералъ: какое онъ изберетъ поприще, когда выростетъ?—Барабанщика—отвѣчалъ

онъ быстро. Всѣ улыбнулись въ предположеніи, что 5-ти лѣтняго мальчика интересуетъ игрушка. — Почему-же барабанъ, а не другой инструментъ? кто-то спросилъ.— Потому—отвѣчалъ онъ—что барабанъ направляетъ войско къ славѣ.

Такіе отвѣты не могутъ быть свойственны дѣтямъ его возраста, а потому мы и должны вѣрить пророческимъ словамъ бабки.

Я не противорѣчилъ доброму человѣку, хотя остался при своихъ убѣжденіяхъ. Записывая эти слова Бороздина, мнѣ хотѣлось бы прожить лѣтъ 30 еще, чтобы увидѣть своими глазами сбудется ли это пророчество императрицы, которая прославилась многими славными дѣлами.

Въ Симферополѣ я бываю ежемѣсячно. Въ настоящее время въ немъ насчитываютъ около 40 греческихъ семействъ, которыя живутъ между собою какъ близкіе родственники и постоянно собираются то у одного, то у другаго. Не смотря, что отцы семействъ большинствомъ люди пожилые, они охотно принимаютъ участіе въ играхъ и веселятся какъ дѣти. Нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ очень представительныя должности, но по свойству натуры не зазнаются. Этимъ всегда долженъ отличаться разумный грекъ отъ другихъ націй: эллинъ обязанъ помнить, что гордость погубила его предковъ и не должна служить ему въ честь, какъ вещь унижающая достоинство человѣка, какъ подлость хитраго невѣжды. Чѣмъ выше человѣкъ поставленъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ располагать къ себѣ другихъ, чтобы доказать свое преимущество, въ противномъ случаѣ на него всѣ смотрятъ съ сожалѣніемъ и насмѣхаются. Учитель всегда долженъ быть ласковымъ съ учениками, а начальникъ еще ласковѣе, потому что онъ ничто иное какъ учитель и руководитель подчиненныхъ ему.

Въ Саблахъ я такъ освоился, что не охотно ѣздилъ въ Ичель.

Мой Алупскій садъ я предоставилъ татарину сосѣду съ тѣмъ, чтобы онъ снабжалъ меня сладкимъ лукомъ и сладкимъ стручковымъ перцомъ, къ которымъ я успѣлъ привыкнуть при моемъ одиночествѣ. Первый казался мнѣ пре-

красною приправою къ соленой рыбѣ, а послѣдній, просоленный съ *кривому* *), отличною салатою къ жаренному мясу на вертелѣ. Странно, что въ Крыму, изобиловавшемъ множествомъ домашнихъ животныхъ, пчелами, фруктами и т. п., сѣютъ очень мало овощей и какъ-то не любятъ вкусныхъ дикихъ травъ, вслѣдствіе чего народъ питается преимущественно одними и тѣми же кушаньями.

Въ Ичели напр., гдѣ въ каждой хатѣ много сухой фрукты и превосходнаго, душистаго меда, не умѣютъ приготовить самой простой халвы, а изъ козьяго мяса только шорбу (супъ) съ пшеномъ или пилафъ съ крупою изъ пшеницы. Здѣсь же, т. е. внутри страны, большинствомъ питаются молочными и тѣстяными блюдами. Впрочемъ съ нѣкотораго времени, т. е. съ тѣхъ поръ какъ появилось много русскихъ и грековъ, пріѣхало въ Симферополь изъ Константинополя два кондитера и вмѣстѣ съ тѣмъ харчевника, которые открыли на базарѣ лавки и начали угощать народъ греческими кушаньями и пирожными.

Искусство ихъ понравилось всѣмъ безъ исключенія и и многія хозяйки приглашали ихъ къ себѣ на домъ, чтобы перенять приготовленіе нѣкоторыхъ блюдъ и сладостей.

Въ этихъ двухъ лавкахъ всегда такое множество посѣтителей, что барба Коста и барба Янаки, содержащіе ихъ, пользуются такою же извѣстностію, какъ Сократъ и Платонъ въ Аѳинахъ. Впрочемъ къ искусству ихъ надо прибавить и еще одно достоинство и именно чрезвычайную учтивость и большую начитанность. Я всегда съ удовольствіемъ слушаю ихъ, когда они среди дѣла объясняютъ любознательнымъ посѣтителямъ древнихъ философовъ, полководцевъ и вообще руководителей нашихъ предковъ. При такихъ познаніяхъ другіе стыдились бы своего ремесла, но они съ гордостью исполняютъ его и не оскорбляются, если какой-нибудь невѣжда понукаетъ ими.

Изъ числа присягнувшихъ на подданство Россіи (30

---

*) Приморская сочная трава, чрезвычайно похожая на кресъ-салатъ.

іюня 1783 г.) одновременно съ татарами, въ Симферополѣ живетъ только одинъ грекъ, но онъ совершенно не знаетъ своего нарѣчія и молится на татарскомъ языкѣ. Отъ него я узналъ, что и тѣ греки, которые вышли изъ Крыма въ Маріупольскія степи, большинствомъ говорили между собою на татарскомъ діалектѣ, а живущіе напримѣръ въ Бахчисараѣ, подобно ему молились Богу не на своемъ нарѣчіи. Этотъ человѣкъ содержитъ здѣсь постоялый дворъ и самую лучшую кофейню, куда собираются всѣ почти служащіе и пріѣзжающіе. Онъ на столько прославился своею честностію, что тѣ, у кого нѣкуда спрятать деньги, чтобы не носить съ собою, отдаютъ ему безъ счета и безъ счета получаютъ обратно. Я также довѣряю ему покупать для себя и экономіи все необходимое, а губернаторъ расплачивается съ нимъ по моему заявленію. Такая же честная душа принадлежитъ и потомку знаменитаго Демарата. Это тому потомку, который считаетъ себя послѣднимъ отпрыскомъ царской семьи*), а нынѣ добываетъ на чужбинѣ насущное свое пропитаніе приготовленіемъ копеечныхъ сальныхъ свѣчей и радуется, что бѣжалъ изъ родины, гдѣ турки не пощадили бы его за происхожденіе. Онъ всѣмъ почти извѣстенъ подъ именемъ Янаки (Ивана), но мы хорошо знаемъ его происхожденіе. Деморато въ настоящее время женился и имѣетъ двухъ маленькихъ сыновей, на которыхъ желаетъ со временемъ затратить всѣ средства свои, чтобы сдѣлать достойными своей знаменитой фамильи, но съ тѣмъ, чтобы они вступили въ бракосочетаніе, когда достигнутъ высокаго положенія, въ противномъ же случаѣ остаться холостыми, чтобы прекратилась съ ними фамилья **). Это что-то по спартански; но будутъ ли дѣти, рожденныя въ Крыму походить на предковъ или на отца, отличающагося отъ всѣхъ насъ чрезвычайною строгостію жизни?

Я при всякой бесѣдѣ моей съ этимъ человѣкомъ по-

---

*) Демаратъ былъ Спартанскимъ царемъ при Даріи Гистаспѣ и при завоеваніи послѣднимъ Ѳракіи и Македоніи.

**) Фамилія Демарато недавно прекратилась въ Крыму въ лицѣ Димитрія и Григорія. Изъ нихъ первый служилъ окружнымъ начальникомъ Ѳеодосійскаго уѣзда, а послѣдній штатнымъ смотрителемъ Симферопольскаго уѣзднаго училища.

ражаюсь его наслѣдственнымъ умомъ и умѣніемъ понимать самыя отвлеченныя истины. Ну что если бы онъ съ этими достоинствами зналъ бы въ добавокъ такъ же и русскій языкъ, какъ греческій? Какъ бы его оцѣнили такіе люди какъ князь Потемкинъ, какъ Вороздинъ и многіе другіе присланные въ Крымъ для устройства этого края! Но онъ повидимому находитъ утѣшеніе и въ этой печальной долѣ и считаетъ себя счастливымъ, если разъ въ недѣлю представится случай сказать длинное поучительное слово единоплеменникамъ или соотечественникамъ, за доброе имя которыхъ чуть-ли не ежедневно трепещетъ.

Мнѣ только два раза пришлось послушать его, окруженнаго албанцами.

„Братья и друзья мои—говорилъ онъ тихо и внятно—берегите вашу честь въ странѣ, пріютившей васъ; дорожите какъ святынею довѣріемъ, оказаннымъ вамъ русскимъ правительствомъ, и Боже васъ сохрани когда-нибудь измѣнить торжественнодаванной клятвѣ, такъ какъ мы клянемся всѣмъ, что выше всего для человѣка. Вспомните, что Троянцы сдѣлались ненавистными древнимъ грекамъ за легкое отношеніе къ правиламъ жизни и за это ихъ хотѣли истребить наши предки. Но къ несчастію эти испорченные люди избавились отъ предстоящей участи на гибель и безчестіе намъ же, потому что эти развращенные люди во времена крестовыхъ походовъ, когда вся Европа жертвовала всѣмъ для освобожденія гроба Господня, прославляли себя мошенничествомъ и обманами, именуя себя не ираклійцами а греками. Казалось-бы, что это не могло относиться къ намъ, а между тѣмъ съ этого времени имя грековъ настолько пострадало, что грѣхи Иракліотовъ присвоены грекамъ, которымъ не легко будетъ избавиться отъ нихъ. Помните же это братья, потому что малѣйшая ошибка ваша дастъ поводъ жестоко судить не одного, а всѣхъ грековъ“.

Въ другой разъ мнѣ пришлось слышать, когда онъ, говоря о генералѣ Мессилино и наставникѣ Маріи Антуанеты Метастазіо *) и многихъ другихъ грекахъ, разсѣ-

*) Мессилино былъ главнымъ начальникомъ артеллеріи при импер. Екатеринѣ, а Метастазіо слылъ поэтомъ и любимцемъ Вѣнскаго двора.

янныхъ по Европѣ, старался выяснить предъ слушателями лучшія наслѣдственныя ихъ свойства. „Мы отличаемся рѣзко отъ всѣхъ націй—говорилъ онъ—во первыхъ тѣмъ, что привязавшись или полюбивъ кого однажды, отдаемся этому чувству безгранично и беспредѣльно, тогда какъ другіе дѣлаютъ это на половину. Мы никогда не оскорбимъ ни единымъ словомъ, ни мыслею друга и всегда найдемъ ему оправданіе въ его ошибкахъ. Это качество по моему есть лучшее украшеніе человѣка. Для насъ семья божественный даръ, а жена святыня, которую мы употребляемъ всѣ усилія держать въ чистотѣ душевной и тѣлесной и отдаляемся отъ дѣлъ домашнихъ, чтобы не видѣть ее въ худшемъ видѣ. Мы всегда нѣжны и учтивы съ нею, чтобы пользоваться тѣмъ же со стороны ея. Мы скрываемъ отъ нея нашу любовь, чтобы она сама читала ее въ нашихъ глазахъ и чтобы мы не унизились предъ нею въ низкомъ тщеславіи. Вотъ почему наши жены преданы намъ на всю жизнь и считаютъ неприличнымъ, безъ крайности, второй бракъ и вотъ почему мы ихъ любимъ до послѣдняго вздоха. Наши недостатки преимущественно состоятъ въ томъ, что мы вспыльчивы и крайне обидчивы, что мы не охотно покоряемся чужому мнѣнію и всегда желаемъ въ общественномъ быту пользоваться правилами свободнаго голоса. Эти качества были нужны во времена Перикла и составляли достоинство народа съ великими наклонностями, но въ наше время это ставится въ недостатокъ и невѣжество. Вотъ почему дознано, что насколько негоденъ крикливый грекъ при необразованности, на столько онъ тихъ уступчивъ и торжествующъ при хорошемъ образованіи. Такимъ образомъ вамъ приходится все свободное время жизни отдавать великимъ учителямъ, которые пришли къ убѣжденію, что крайности всегда безобразили и нарушали общую гармонію въ семьѣ, обществѣ и природѣ, хотя и вѣрили, что эти крайности составляли или такъ сказать давали толчекъ къ прогрессу и величію націи“.

Губернаторъ Бороздинъ предсказываетъ, что чрезъ 50-тъ лѣтъ всѣ албанцы и послѣ нихъ прибывшіе греки

совершенно орусѣютъ; что женившись на русскихъ они дадутъ дѣтей и способныхъ и красивыхъ и глубоко преданныхъ мѣсту рожденія. Въ подтвержденіе своихъ предположеній онъ указывалъ мнѣ на лучшія русскія фамильи, ведущія свое происхожденіе отъ Крымскихъ грековъ и именно: Баранчеевы, Головины, Грязные, Кафтыревы, Клятовы, Мансуровы, Нарышкины, Сафоновы, Сытины, Третьяковы, Ховрины и т. п. Всѣ эти фамильи онъ прочиталъ мнѣ изъ недавно составленной книги *), въ которую внесены всѣ дворянскіе и княжескіе роды, и увѣряетъ, что большинство изъ членовъ ихъ пользуются искреннимъ почетомъ и никто не думаетъ считать ихъ иностранцами.

— Какимъ же образомъ они попали въ князья и дворяне Россіи? спросилъ я.

— Надо полагать, что они вышли изъ Крыма съ доказательствами о своемъ происхожденіи.

Мнѣніе это показалось мнѣ сначала не правдоподобнымъ, но впослѣдствіи, провѣряя его съ исторіею, я вывелъ заключеніе, что родоначальники этихъ фамилій происходили отъ владѣтельныхъ князей Таврики; а эти послѣдніе безъ сомнѣнія происходили изъ семейства Византійскихъ императоровъ, считавшихъ эту страну своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ.

Всѣ эти фамильи къ сожалѣнію такъ измѣнены, что въ настоящее время не представляется возможности открыть ихъ національнаго происхожденія. Та же участь постигла и многихъ теперешнихъ грековъ, которые назвали себя Золотаревыми по образу занятія, Васильевыми, Федоровыми и другими по имени отцовъ. Настоящія же фамильи сохранились у такихъ только, предки которыхъ чѣмъ-либо отличались отъ другихъ и усвоили за поколѣніемъ своимъ заслуженное прозвище.

Въ Саблахѣ у меня родился третій сынъ Христофоръ, котораго пожелалъ окрестить покровитель мой генералъ-лейтенантъ Андрей Михайловичъ Бороздинъ по слѣдующей причинѣ: въ этотъ годъ съ 1-го Мая по 17 Августа

---

*) Надо полагать, что это была родословная князей и дворянъ Россійской имперіи 1787 г.

не выпало въ Симферопольскомъ уѣздѣ ни одного дождя, но въ моментъ появленія сына моего на свѣтъ, такой полилъ дождь, что ничтожная рѣченка Бешуй сдѣлались недоступною для переѣзда и бабка, за которую я послалъ верховую лошадь съ проводникомъ, была унесена теченіемъ воды версты на двѣ, вслѣдствіе чего явилась къ намъ тогда, когда не представлялось въ ней болѣе надобности. Андрей Михайловичъ, приписавъ эту благодать счастію новорожденнаго, непремѣнно требовалъ своеручно окрестить счастливца. Губернаторъ, какъ я замѣчалъ и раньше, былъ крайне суевѣренъ и нерѣдко придавалъ большое значеніе даже пустымъ сновидѣніямъ и любилъ передавать ихъ старикамъ, въ надеждѣ найти такого толкователя какимъ былъ Іосифъ при фараонахъ египетскихъ. Это до такой степени казалось страннымъ объѣзчику нашему татарину, что онъ однажды сказалъ ему: „клянусь Аллахомъ, что люди, вѣрующіе въ сны не долго будутъ жить на землѣ“.—Ну, а ты какъ полагаешь? обратился генералъ ко мнѣ.—„Я читалъ въ одной греческой книги—отвѣчалъ я—что въ древности разумные римляне изображали надъ постелями своими голову осла, чтобы при пробужденію не предаваться глупостямъ сроднымъ этому безтолковому животному.“ Съ этихъ поръ Андрей Михайловичъ старался не говорить намъ о сновидѣніяхъ своихъ, а болѣе началъ заботиться о суконной фабрикѣ, которую завелъ по моему предложенію. Фабрика эта при изобиліи шерсти въ Крыму и дешевизнѣ рабочихъ, обѣщала губернатору большія выручки, но Бороздинъ не особенно интересовался прославить себя на этомъ поприщѣ и какъ кажется стыдился этого занятія. Впрочемъ я замѣтилъ, что и другіе русскіе бояре, служащіе престолу, не охотно предаются коммерческимъ занятіямъ, а возлагаютъ надежды на милости и щедроты правительства. Видно это такъ принято во всей Россіи. Такимъ образомъ наши сукна расходились только въ Крыму, тогда какъ они могли бы очень выгодно продаваться и въ другихъ большихъ городахъ. Кромѣ суконной фабрики я предложилъ губернатору предоставить мнѣ средства заняться приготовленіемъ въ большихъ размѣрахъ соленой

и копченной рыбы на берегахъ Керченскаго пролива, гдѣ занимались этимъ дѣломъ албанцы и преимущественно коптили балыки изъ бѣлуги и осестровъ, продержавъ ихъ сначала въ разсолѣ съ селистрою. а потомъ на солнцѣ. Андрей Михайловичъ охотно согласился и отпустилъ меня для обзора рыболовныхъ пунктовъ Крыма. По изслѣдованію моему окрестныхъ береговъ Керчи и Еникале я пришелъ къ полному убѣжденію, что затѣянное мною предпріятіе обогатитъ меня, если Бороздинъ предоставитъ мнѣ въ награду третью долю заработка. Здѣсь въ огромныхъ массахъ ловилась кефаль въ трехъ видахъ, изъ которыхъ одна по величинѣ *) изумила меня, сельдей такое множество, что ими можно будетъ насытить всю Россію; не менѣе выгодно было-бы солить скумбрію, барбуль, бычки и гамсу, на которые теперь не обращаетъ никто почти вниманія. Что касается осестровъ и бѣлуги, то ихъ въ Еникале можно ловить просто сотнями въ томъ мѣстѣ, гдѣ турки съузили фарватеръ пролива до такой степени, что могутъ пройти не болѣе двухъ кораблей. Всю эту рыбу, при возможности добывать въ Крыму разные пахучіе листья и травы, можно великолѣпно приготовлять.

Возвратившись въ Симферополь, я сейчасъ-же явился къ Бороздину въ полномъ убѣжденіи немедленно приступить къ славному дѣлу, но какого было мое изумленіе, когда Андрей Михайловичъ, увидя меня, вскрикнулъ:

— Теперь господа я имѣю возможность доказать вамъ, что не ошибаюсь. Вотъ человѣкъ, который знаетъ наизусть всѣхъ греческимъ законодателей и писателей.

Это онъ сказалъ, обращаясь къ Палласу и другому какому-то пріѣзжему господину.

Палласъ привѣтливо взглянулъ на меня и поднялся съ мѣста.

Мы говоримъ—сказалъ губернаторъ—о томъ въ какой возрастъ лучше жениться человѣку, но такъ какъ предположенія наши не можемъ подтвердить, то желали бы узнать по этому предмету мнѣніе древнихъ законодателей, которые кажется заботились о красотѣ и здоровьи

*) Безъ сомнѣнія извѣстная подъ названіемъ gallo marino или морской пѣтухъ.

молодаго поколѣнія. Вотъ напримѣръ г. Палласъ увѣряетъ меня, что законодатель Ликургъ требовалъ, чтобы мущина вступалъ въ брачные узы съ 37 лѣтняго возраста, а я доказываю, что возрастъ этотъ уже полустарческій и что Ликургъ не могъ требовать такой не соотвѣтственности.

Да г. Палласъ не ошибся — отвѣтилъ я — Ликургъ дѣйствительно опредѣлилъ для мущины 37 возрастъ лучшимъ временемъ для женитьбы.

Отвѣтъ мой оскорбилъ губернатора настолько, что онъ отвернулся отъ меня и я вынужденъ былъ уйди домой, а нѣсколько дней спустя отказаться отъ дальнѣйшаго завѣдыванія дѣлами Бороздина.

Мѣсяцъ спустя Палласъ пригласилъ меня содѣйствовать ему по дѣлу шелководства и я перешелъ къ нему въ помощь на государственную службу. Онъ былъ главнымъ распорядителемъ по разведенію въ Крыму тутовыхъ деревъ. Русскому правительству непремѣнно хотѣлось ввести въ этой странѣ шелководство съ первымъ дней своего господства. Мысль конечно похвальная, но я сомнѣваюсь, чтобы татаре и настоящіе землевладѣльцы поняли это благо. Избирая меня въ помощники, Палласъ хорошо зналъ, что я съ большою охотою и любовью исполню возложенное на него порученіе. Человѣкъ этотъ былъ ботаникомъ въ полномъ смыслѣ слова и кромѣ этого интересовался всѣмъ, что только могло интересовать умнаго и хорошо образованнаго человѣка. Я нѣсколько разъ, по просьбѣ его, читалъ и объяснялъ многія мѣста изъ Одисеи и снимки съ древнихъ надписей, находимыхъ имъ между развалинами греческихъ городовъ.

Заставая этого человѣка всегда за книгами и перомъ, я однажды замѣтилъ ему, что онъ при такой жизни рискуетъ преждевременно умереть.—Это правда—отвѣчалъ онъ—но я умру съ сознаніемъ, что жилъ. Если-же я не буду дѣлать того, къ чему стремлюсь, то самая продолжительная жизнь показалась бы мнѣ обременительною. Я совѣтывалъ бы и вамъ—прибавилъ онъ—кромѣ чтенія записывать все, что случается въ наше время, если желаете, чтобы имя ваше знали потомки.

Слова эти показались мнѣ справедливыми и съ тѣхъ поръ я на досугѣ началъ записывать все, что болѣе или менѣе интересовало меня и было со мною въ прошломъ. Впрочемъ Палласъ всѣмъ своимъ подчиненнымъ предлагаетъ тоже самое и нѣкоторые охотно слѣдуютъ его совѣтамъ.

Получивъ приказаніе осмотрѣть плантацію шелковичнымъ деревъ въ Старомъ Крыму, я по окончаніи порученія направился въ Ичель чрезъ горы, чтобы взглянуть на садъ мой въ Алупкѣ и продать домикъ мой въ Лутке, куда я не намѣренъ былъ болѣе возвращаться.

Въ первый разъ путь мой пролегалъ чрезъ превосходныя Ю. В. долины Крыма, гдѣ растительность поражала меня разнообразіемъ. Но я гораздо болѣе изумился, когда въѣхалъ въ Капсихорскую долину и послѣдующія за нею татарскія деревни, переполненныя греческими развалинами. Все это такія мѣстности, которыя рано или поздно обратятъ на себя вниманіе предпріимчивыхъ и разумныхъ людей. Въ Капсихорѣ я долженъ былъ ночевать у пожилаго татарина, который очень свободно объяснялся по гречески. Старикъ этотъ весь вечеръ съ сожалѣніемъ говорилъ о минувшемъ благосостояніи Крыма, находя, что теперь татарамъ ничего болѣе не остается, какъ переселиться въ Турцію.

— Съ нами никто не хочетъ говорить изъ бояръ — доказывалъ онъ—насъ считаютъ какими-то дикими животными, не понимающими ни своихъ, ни чужихъ выгодъ и каждый бродяга, явившись между нами, повелѣваетъ какъ подданными. Каймакамы также зазнались и начали оказывать излишнее усердіе въ отобраніи въ казну земель, которыми искони владѣли наши общины, а мурзъ просто и неузнаешь: они хоть сейчасъ готовы сдѣлаться христіанами, лишь бы ихъ пожаловали чиномъ. Такимъ образомъ мы очутились въ кругу недоброжелателей и невольно начинаемъ скорбѣть о такихъ даже правителяхъ, какъ Аметъ-ага при Шагинъ-гирей ханѣ.

Не смотря на то, что я терпѣть не могъ мусульманской вѣры, Крымскіе татаре казались мнѣ очень хоро-

шими и справедливыми людьми. Ихъ положеніе дѣйствительно было въ мое время невыносимымъ и заслуживало состраданія.

Хозяинъ мой, не смотря на то, что весь вечеръ выражалъ неудовольствіе на русское господство за невнимательность къ туземцамъ, послѣ ужина развеселился и началъ разсказывать мнѣ очень много интересныхъ вещей изъ прошлаго. Естественно, что въ настоящее время я не припомню и половины, но то, что незабыто запишу. Прежде всего онъ передалъ мнѣ какъ послѣдній разъ турецкіе корабли съ десантными войсками явились въ Алушту и высадились въ ней съ цѣлью взволновать татаръ и вмѣстѣ съ ними перебить и изгнать изъ Крыма всѣхъ безъ исключенія христіанъ. Главнымъ начальникомъ ихъ былъ жестокій Аджи-Али паша, потребовавшій отъ насъ доставлять еженедѣльно на армію его по 200 барановъ и 20 воловъ. Занявъ лучшую хату, онъ чуть ли не на другой день женился на дочери хозяина съ условіемъ дать ей полный разводъ на случай, если придется покидать страну. По его примѣру начали было дѣйствовать и другіе начальники отрядовъ. Это заставило насъ отправлять дочерей своихъ какъ можно дальше отъ мѣста расположенія турковъ. Тѣмъ временемъ въ Алушту начали съѣзжаться всѣ сочувствующіе независимости Крыма и предлагать пашѣ свои услуги. По ихъ увѣреніямъ всѣ татаре ждали только сигнала и первой стычки съ русскими, чтобы выступить въ поле вооруженными. Недѣлю спустя Аджи-Али пашѣ доложили, что греки, обитавшіе отъ Біюкъ-Ламбата по направленію къ Ялтѣ, угнали скотину свою по ту сторону Яйлы и отказываются давать контрибуцію. Паша ожесточился и приказалъ, чтобы немедленно двинутъ былъ отрядъ янычаръ противъ дерзкихъ съ тѣмъ, чтобы не пощадить никого. Янычаре разумѣется не пощадили даже дѣтей. Избавились только тѣ, которые во время успѣли скрыться въ лѣсахъ, но болѣе всѣхъ мѣстностей пострадали обитатели Гурзуфа и Ялиты. Кровожадные турки хотѣли было пройти до Фороса, но такъ какъ татаре донесли, что русская армія направилась противъ нихъ, вынуждены были возвратиться обратно въ Алушту и по-

заботиться надъ укрѣпленіемъ мѣстности. Аджи-Али-паша хотѣлъ воздвигнуть укрѣпленіе на вершинѣ Ангарскаго ущелья, чтобы не допустить къ себѣ враговъ, и былъ убѣжденъ, что мы перебьемъ русскихъ въ то время, когда они вступятъ въ ущелье. Но надежды эти оказались только надеждами. Русскіе войска очутились на вершинѣ Ангара въ то время, когда неповоротливые турки только что начали туда взбираться, не подозрѣвая впереди непріятеля. Я въ это время находился на Демерджинской скалѣ и могъ замѣчать общія движенія. Русскіе, видя направлявшихся турковъ, притаились за лѣсными деревьями и выдвинули нѣсколько небольшихъ пушекъ, затѣмъ я видѣлъ какъ изъ центра вытянулись двѣ линіи солдатъ, чтобы обхватить кольцомъ безпечныхъ янычаръ; а два часа спустя загрѣмѣли выстрѣлы и крики ура! Изумленные турки повернули назадъ и понеслись, что было мочи подъ гору. Къ счастію живое кольцо не успѣло пресѣчь имъ пути отступленія. Русскіе побѣжали также и наскочили на довольно большую колону турковъ, засѣвшихъ за фонтаномъ, чтобы остановить ихъ хоть на одинъ часъ и тѣмъ избавить армію отъ всеобщаго плѣна. Не понявъ хорошо этой хитрости, гяуры остановились и начали перестрѣлку, которая хотя и окончилась истребленіемъ всей колоны, но дала возможность Аджи-Али пашѣ убраться со всею арміею своею на суда и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, выступить въ море. Все это случилось такъ неожиданно, что никто не вѣрилъ глазамъ и долго боялся завладѣть покинутымъ турками провіантомъ и оружіемъ.

Признаться я часто слышалъ объ этомъ нашествіи турковъ, но никогда мнѣ не говорили о позорномъ ихъ бѣгствѣ, безъ сомнѣнія унизившемъ ихъ навсегда въ глазахъ Крымскихъ татаръ, считавшихъ султана и его войско непобѣдимыми.

— Ну, а Аметъ-ага каковъ былъ у васъ *)? спросилъ я, желая ближе ознакомиться съ минувшими временами управленія края.

— Да какъ тебѣ сказать, человѣкъ этотъ былъ хо-

*) Послѣдній татарскій начальникъ на южномъ берегу Крыма.

рошій и справедливый мусульманинъ, но только всегда хотѣлъ имѣть выгоду, когда обращались къ нему. Впрочемъ онъ намного лучше былъ своей жены Хаджавы. Чтобы ближе ознакомить тебя съ этимъ начальникомъ, я разскажу одинъ случай: приходитъ къ нему молодая дѣвушка съ жалобою, что ее похитилъ изъ родительскаго дома сынъ сосѣда, обѣщая жениться, но обманулъ, опорочилъ и выгналъ,—Эге—сказалъ онъ—да это хуже грабительства и придется сильно наказать виновнаго, если онъ не поправитъ своей ошибки. Ты останься дочь моя у меня, пока я разслѣдую твое дѣло.

Въ тотъ же день ага потребовалъ къ себѣ молодаго человѣка и началъ грозить ему страшными истязаніями. Юноша клялся, что дѣвушка эта сама приходила къ нему съ предложеніемъ выйти за него замужъ, но что онъ отказался отъ нея.

— И ты не прикасался къ тѣлу ея? спросисъ онъ.

— Пусть ослѣпитъ меня святой куранъ, если я только коснулся ея руки—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, а если это доказано будетъ свидѣтельствомъ стороннихъ людей, тогда что ты скажешь?

— Тогда я безъотговорочно женюсь на ней.

— Въ такомъ случаѣ приходи завтра.

Выпродивъ юношу, Аметъ-ага пошелъ къ дѣвушкѣ и объявилъ ей, что вынужденъ будетъ подвергнуть ее осмотру пожилыхъ женщинъ и на случай, если она окажется клеветницею, то прикажетъ дать ей 500 палокъ по пяткамъ.

Не ожидая такого поворота дѣла, дѣвушка залилась слезами, и созналась, что рѣшилась солгать, потому что безумно любитъ этого человѣка.

Аметъ-ага самодовольно улыбнулся, какъ дѣлалъ всегда, когда чаялъ добычу.

— Бѣдная—отвѣчалъ онъ—этого мало, что ты теперь потеряла навсегда красавца, но еще будешь опозорена фалангою.

Дѣвушка бросилась къ нему въ ноги и умоляла сжалиться надъ нею.

— Какъ же я могу это сдѣлать, если обѣщалъ подвергнуть тебя осмотру старухъ?

— *Аманъ* *) ага, я увѣрена, что вы можете сдѣлать все, что хотите.

— Ну, если ты полагаешься на мою милость, то я вынужденъ буду поступить такъ, чтобы при осмотрѣ нашли бы тебя обманутою.

Дѣвушка не противорѣчила и отлично сдѣлала, потому что на другой день Аметъ-ага доказалъ виновность юноши и приказалъ имаму безъотлагательно совершить *никягъ* и, пируя у нихъ на свадьбѣ, безпрестанно запѣвалъ любимую пѣснь свою:

Хорошо быть между птицами орломъ,
Между животными львомъ.
Между рыбами китомъ,
А между людьми царемъ!

Естественно, что отъ подобныхъ дѣлъ никогда не доставалось получать выгодъ Хаджавѣ, вслѣдствіе чего она нападала на мужа и добивалась, чтобы просители предварительно являлись къ ней. При такихъ требованіяхъ Аметъ-ага начиналъ хохотать и громогласно заявлялъ, что проклятъ тотъ мущина, который допуститъ женщину до разбора судебныхъ дѣлъ; что женщина есть самая ничтожная изъ тварей земныхъ и что даже, являясь на свѣтъ Божій, она лишена права смотрѣть на небо. При этомъ изреченіи ужасная женщины въ свою очередь заявляла, что каждому мущинѣ предназначено подвергнуться въ жизни своей 366 испытаніямъ, изъ которыхъ 360 могутъ быть благопріятны, но остальныя 6 пагубны, если только пожелаетъ этого женщина.

Изъ этихъ немногихъ словъ, ты можешь хорошо понять какими людьми мы управлялись, но при всемъ томъ клянусь тебѣ мы были гораздо счастливѣе, чѣмъ въ настоящее время, потому что знали кто нашъ общій господинъ и гдѣ наша собственность, которую никто не станетъ отбирать отъ насъ. Въ настоящее же время мы точно сироты, боимся поѣхать въ городъ и боимся принять въ домъ свой русскаго человѣка, потому что онъ насъ не понимаетъ и считаетъ гораздо глупѣе себя.

Хозяинъ мой былъ совершенно правъ, потому что рус-

*) Нѣчто въ родѣ нашего: ради Бога.

скіе дѣйствительно считаютъ татаръ почему-то безтолковым и инепонимающими своихъ выгодъ, а между тѣмъ, сколько я узналъ ихъ, они очень чувствительны, бережливы, честны, справедливы и гостепріимны.

Въ Алупкѣ я встрѣтилъ много перемѣнъ. Здѣсь вздумали нѣкоторые правительственные чиновники заводить разсадники, а отъ кипарисовъ моихъ у многихъ появились отличныя деревца. Этого мало, офицера Балаклавскихъ солдатъ, прельщенные красотою этихъ мѣстъ, также завели свои садики и виноградники. Я всегда былъ убѣжденъ, что вся прибрежная полоса Ичеля впослѣдствіи, когда къ ней присмотрятся Русскіе, населится тѣми, кто умѣетъ цѣнить красоты природы, хорошую воду и питательный воздухъ.

Въ Аутку прибыла изъ Маріупольскихъ степей еще одна партія изъ числа выходцевъ ея съ священникомъ, который возстановилъ богослуженіе въ двухъ крошечныхъ храмахъ во имя Успенія Богородицы и Ѳедора Стратилата. Татарамъ очень не нравится, что возвращаются хозяева и отбираютъ отъ нихъ свои сады и чаиры и этого мало, сманиваютъ вдобавокъ дочерей ихъ въ христіанскую вѣру. Греки эти ничего не имѣютъ греческаго, за исключеніемъ богослуженія. Они надо полагать происходятъ отъ анатольцевъ, потому что живутъ и хозяйничаютъ совершенно подобно ираклiотамъ и не благоволятъ къ намъ. На берегу Ялиты я встрѣтилъ нѣсколько турецкихъ мореходныхъ качермъ (лодокъ) съ турками и греками, которые содѣйствовали мѣстнымъ мастерамъ строить довольно большія двухъ мачтовыя суда. Въ окрестностяхъ Аутки ростетъ превосходный сосновый и дубовый лѣсъ, который рано или поздно, если правительство сбережетъ его, можетъ пригодится для сооруженія военныхъ судовъ. Въ числѣ этихъ мореходцевъ я узналъ одного, служившаго мнѣ проводниковъ въ бытность въ Трапезундѣ. Онъ бросился ко мнѣ съ радостью и я обязанъ былъ угостить его хоть кружкою вина.

— Ну, что новаго въ вашихъ мѣстахъ? спросилъ я.

— Плохо—отвѣчалъ онъ—турки мучатъ, грабятъ и бьютъ насъ безпощадно.

— И въ самомъ Трапезундѣ тоже дѣлаютъ?

— Еще недавно въ этомъ городѣ, благодаря жестокости паши; совершилось одно чудо и мы имѣемъ еще одного святаго заступника предъ Богомъ, молодаго мученика Георгія.

— Это какимъ образомъ?

— Не вдали отъ моей хаты жило большое семейство, состоящее изъ двухъ женщинъ и восьмерыхъ маленькихъ дѣтей. Всѣхъ этихъ несчастныхъ кормилъ своими неутомимыми трудами родной братъ этихъ женщинъ, молодой прекрасный Георгій, который никогда не пропускалъ ни одной обѣдни и вечерни и извѣстенъ былъ за самаго благочестиваго и набожнаго юношу. Къ несчастію Георгію ежедневно приходилось два раза проходить мимо гаремныхъ рѣшотчатыхъ оконъ паши, за которыми постоянно сиживала жена властителя пашалыка и восхищалась его красотою. Однажды его остановила одна изъ служанокъ паши и начала предлагать довольно значительныя деньги съ тѣмъ, чтобы онъ переодѣвался въ женскій нарядъ и подъ чадрою посѣщалъ ее госпожу. Молодой человѣкъ вмѣсто отвѣта плюнулъ и пошелъ своею дорогою; но на слѣдующій день онъ былъ схваченъ стражниками и по наговору жены осужденъ пашею умереть на висилицѣ. Приказаніе конечно сейчасъ же было исполнено; но въ ту же ночь многіе видѣли, какъ спустился съ неба святой огонь на невинное тѣло благочестиваго Георгія.

Возвратившіеся въ Лутку первобытные ичельскіе греки нисколько неизмѣнили своихъ наслѣдственныхъ привычекъ и образа жизни. Они такіе же суровые, какъ и собратья ихъ. Въ языкѣ ихъ появилось больше татарскихъ словъ, чего нельзя было ожидать послѣ выѣзда въ русскую землю. Они начали ходатайствовать чрезъ каймакана о возвратѣ имъ отцовскихъ земель и просьба ихъ уважена правительствомъ. Теперь же у нихъ явилась мысль причислиться къ моимъ соотечественникамъ, которые составляютъ отдѣльное войско и получаютъ изъ казны все необходимое для продовольствія. Я же совѣтывалъ имъ просить для хлѣбопашества свободныя земли около Керчи и Кафы и перейти въ эти хлѣбо-

родныя мѣстности на томъ основаніи, что они привыкли уже къ степнымъ работамъ и болѣе принесутъ себѣ и странѣ пользы въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Я пообѣщалъ даже содѣйствовать имъ, если еще нѣсколько десятковъ семействъ возвратятся изъ маріупольской округи въ полной увѣренности, что правительство охотно предпочтетъ ихъ иновѣрнымъ иностранцамъ, которыхъ мечтаетъ пригласить для переселенія въ Крымъ. По справкамъ моимъ въ казенномъ веденіи состоятъ непроизводительно всѣ ханскія земли; всѣ земли бѣжавшихъ татаръ, грековъ и армянъ; всѣ турецкія владѣнія, всѣхъ умершихъ отъ ужасной чумы и земли всѣхъ, сожженныхъ войною деревень. Конечно многія изъ нихъ нынѣ достались уже услужливымъ чиновникамъ, но многія ожидаютъ новыхъ счастливцевъ.

Впрочемъ я кажется напрасно имъ давалъ этотъ совѣтъ, потому что еслибъ эти люди имѣли склонность къ хлѣбопашеству, они не покинули бы маріупольскихъ степей, которыя, какъ говорятъ пріѣзжавшіе оттуда, чрезвычайно плодородны. Ихъ, безъ сомнѣнія, заманила обратно въ Крымъ лѣнь или возможность безъ усиленнаго труда имѣть все необходимое подъ рукою. И дѣйствительно, живущіе въ окрестностяхъ Ялиты могутъ считать себя самыми счастливыми людьми: въ ихъ лѣсахъ чрезвычайно много растетъ дикаго винограда изъ котораго они добываютъ и варятъ сладкое вино. Тамъ же и по садамъ безъ всякаго присмотра дозрѣваютъ плоды, которые они сушатъ на любимый узваръ или выжимаютъ изъ нихъ бекмезъ и нарденкъ, замѣняющій варенье и служащій для прохладительныхъ шербетовъ; море изобилуетъ почти всегда рыбою, которую за одинъ разъ вытаскиваютъ полныя сѣти; на камняхъ гнѣздятся милліоны *мидей* *), безподобныхъ въ супѣ и пилафѣ съ рисомъ; прибережье представляетъ каперсы, морскую капусту и криѳому, которые солятся и также служатъ хорошимъ завтракомъ. На открытыхъ небольшихъ полянахъ подъ соху сѣятъ пшеницу и получаютъ ее всегда въ такомъ количествѣ, что достаточно на семью въ те-

*) Раковки, имѣющія вкусъ грибовъ.

ченіе года. Пчелы даютъ очень много хорошаго пахучаго меда, идущаго преимущественно на тѣстяныя вертуты; коровы изобилуютъ жирнымъ молокомъ и ко всему этому у каждаго почти хозяина есть свой шматокъ козъ, которыя снабжаютъ его молокомъ, шерстью, двумя ежегодно ягнятами и въ теченіи всей зимы кормятся кустарниками и опавшею лѣсною листвою. Понятно, что при такомъ даровомъ способѣ жизни около дремучихъ лѣсовъ никто изъ нихъ безъ особенной крайности не заинтересуется жизнью степнаго хозяина.

Изъ Аутки я возвратился въ Симферополь верхомъ чрезъ Яйлу. Это ближайшій путь, которымъ я не проѣзжалъ ни одного разу, хотя всегда почти мечталъ побывать въ Крымскихъ лѣсахъ, чтобы составить понятіе о всѣхъ видахъ растеній и посмотрѣть на гнѣздо Озенбашскихъ мусульманъ, рѣзко отличающихся отъ прочихъ татаръ и другихъ туземцовъ. Къ тому же это единственные почти поселяне, снабжающіе жителей полуострова губкою, арбами, ложками и кадушками. Изъ числа видѣнныхъ мною одиночныхъ экземпляровъ, я могъ только замѣтить, что они имѣютъ красивое лицо и говорятъ на распѣвъ. Любознательный Палласъ находитъ, что они не принадлежатъ къ семьѣ татаръ и собирается при случаѣ погостить у нихъ.

Моими попутчиками были Петръ Ланара и Евангелистри Папандопуло, которымъ нужно было ѣхать въ Бахчисарай за покупкою бумаги для тканія полотна на бѣлье. Эти люди только и нуждаются въ хлопкѣ, женской обуви и шнуркахъ, такъ какъ всё остальное жены ихъ сами приготовляютъ изъ льна и шерсти. У нихъ даже и теперь обходятся многіе безъ желѣзныхъ орудій, замѣняя ихъ мраморными обломками, которые очень хорошо вытачиваютъ на другихъ камняхъ.

На вершинѣ Яйлы мы встрѣчали обширныя отары овецъ съ пастухами и много быковъ, коровъ и лошадей, разгуливающихъ безъ присмотра. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти домашнія животныя тучнѣютъ здѣсь и приносятъ много жира, если ихъ рѣжутъ на зиму для соленія. У сопутниковъ моихъ также здѣсь оказались свои овцы, а потому я вынужденъ былъ заѣхать съ ними въ

пристанище пастуховъ, гдѣ мы и позавтракали свѣжимъ сыромъ и ягненкомъ, сжареннымъ на вертелѣ,

Въ первую татарскую деревню, именуемую Озенбашъ мы прибыли предъ вечеромъ. Ланара свелъ насъ на ночлегъ къ одному изъ пріятелей своихъ, который служилъ очень долго при послѣднемъ ханѣ Шагинъ-гиреѣ. По его словамъ ханъ этотъ очень благоволилъ къ односельцамъ его и охотно принималъ ихъ въ число дворцовыхъ служителей. Кромѣ такого предпочтенія, онъ выразилъ любовь свою и тѣмъ еще, что два раза пріѣзжалъ въ Озенбашъ и охотился въ ихъ лѣсахъ на звѣрей и дикихъ козъ.

Озенбашцы показались мнѣ очень гостепріимными людьми и очень болтливыми. Послѣднее качество не подходитъ вообще къ племенамъ туркскаго происхожденія и еще меньше къ монгольцамъ. Это отчасти свидѣтельствуетъ, что поселеніе это основано какими-то бѣглецами, скрывшимися въ лѣсахъ и впослѣдствіи сроднившимися съ татарами. Мнѣ говорили, что здѣсь существуетъ и древнее кладбище.

Изъ Озенбаша я направился на Мангушъ съ цѣлью взглянуть на поселеніе русскихъ. Оказалось, что они довольно хорошо основались и гораздо лучше татаръ занимаются хлѣбопашествомъ. Если правительство еще нѣсколько лѣтъ будетъ наблюдать за ними, то безъ сомнѣнія всѣ они сдѣлаются въ Крыму полезными людьми.

Дополненіе

(Со стороны отца моего).

Еслибъ я не нашелъ въ бумагахъ отца моего этихъ записокъ, прерванныхъ года за два до его смерти, я никогда не подумалъ бы сдѣлать добавленій или нѣкоторыхъ замѣтокъ для свѣдѣній дѣтей.

По правиламъ или обычаямъ того времени послѣ смерти отца замѣнялъ его старшій сынъ. Такимъ образомъ нами началъ распоряжаться братъ Иванъ Степановичъ, состоявшій на государственной службѣ, въ качествѣ помощ-

ника у Андрея Яковлевича Фабра *). Этотъ послѣдній въ настоящее время, благодаря графу Воронцову, поднялся очень высоко и заправляетъ дѣлами всего Новороссійскаго края; но въ то время, съ котораго я желаю начать разсказъ, онъ былъ небольшимъ господиномъ, считавшимся сыномъ ученаго садовника, но въ дѣйствительности онъ былъ рожденъ отъ предводителя дворянства Таранова-Бѣлозерова, который и протежировалъ ему тайнымъ образомъ. Фабръ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ старшимъ братомъ моимъ и очень часто ночевалъ у насъ и всегда восторгался обѣдами, приготовляемыми въ нашемъ домѣ. Впрочемъ онъ по крайней скупости отъ всего дароваго приходилъ въ восторгъ. Мать наша презирала этого человѣка за лесть и неприличныя униженія.

— Этому человѣку Боже сохрани жениться на модной барышнѣ—говорила она, послѣ всякаго гощенія у насъ Андрея Яковлевича. Она или броситъ его на другой день сватьбы и утопится или онъ самъ повѣсится, чтобы не кормить въ домѣ лишняго человѣка.

Я всегда считалъ эти слова за неосновательную насмѣшку надъ скупостью; но въ послѣдствіи они почти сбылись въ слѣдующемъ видѣ:

Фабръ, всегда занятый науками и книгами съ цѣлью достигнуть высшаго просвѣщенія, никогда почти не посѣщалъ общественныхъ собраній изъ боязни преждевременно увлечтся хорошенькою женщиною, но онъ былъ пылкій и слабый къ женщинамъ и если представлялся безопасный случай, то пользовался имъ съ наслажденіемъ. Понятно, что онъ выискивалъ такихъ случаевъ въ кругу знакомыхъ, не требовавшихъ вознагражденій и принимавшихъ его въ убѣжденіяхъ, что рано или поздно этотъ человѣкъ займетъ высокій постъ и будетъ для нихъ полезенъ. Какъ долго Андрею Яковлевичу удавались похожденія безъ жертвоприношеній я не знаю, но въ концѣ концовъ онъ пойманъ былъ на удочку въ нѣмецкой колоніи въ одномъ семействѣ, гдѣ

*) Бывшаго впослѣдствіи Екатеринославскимъ губернаторомъ и основателемъ въ Симферополѣ пріюта для малолѣтнихъ.

нравилась ему хозяйская дочь. Родители повидимому заранѣе условились съ дочерью какъ лучше повести дѣло, чтобы заставить неуловимаго ловеласа вступить въ законный бракъ. Заговоръ удался какъ нельзя лучше. Андрей Яковлевичъ былъ пойманъ на мѣстѣ перваго рѣшительнаго свиданія и, убоявшись грознаго отца, ставшаго предъ нимъ съ пистолетомъ въ рукахъ, долженъ былъ выдать обязательную подписку и затѣмъ мѣсяцъ спустя перевѣнчаться съ дѣвушкою, къ которой не чувствовалъ ни малѣйшей сердечной привязанности.

Естественно, что такое насиліе въ высшей степени раздражило его и дожно было ужаснуть скупаго человѣка при мысли, что онъ обязанъ отъ нынѣ нанимать приличный домъ, завести экипажъ и покупать французскія модныя шляпы. При этомъ дѣвушка оказалась почти неграмотною и неспособною вращаться въ той средѣ, къ которой подготовилъ себя талантливый труженникъ. Обсудивъ всю эту мрачную перспективу будущаго, Андрей Яковлевичъ послѣ вѣнца, объявилъ супругѣ своей и родителямъ ея, что онъ исполнилъ свое обязательство въ точности, но что никто не вправѣ заставить его жить съ особою, которая такъ неприлично поступила съ нимъ. Сказавъ это, онъ очень любезно раскланялся со всѣми и уѣхалъ въ Симферополь, поклявшись никогда не проѣзжать мимо дома, который разстроилъ его блистательныя надежды и будто бы опорочилъ на всю жизнь.

Послѣ этого событія Андрей Яковлевичъ еще больше привязался къ брату моему и ежедневно навѣщалъ нашъ домъ. Это продолжалось до того времени, пока онъ выдержалъ экзаменъ въ курсѣ высшаго учебнаго заведенія и попалъ въ прокуроры, а братъ мой начначенъ былъ исправлять должность исправника въ Симферопольскомъ уѣздѣ, обнимающемъ тогда и теперешній ялтинскій.

Тѣмъ временемъ и я подросъ настолько, что приходилось подумать объ образованіи меня.

— Къ чему ты болѣе имѣешь желанія? спросилъ меня однажды братъ.

— Я хочу изучить вполнѣ математику — отвѣчалъ я.

Иванъ Степановичъ подумалъ нѣсколько минутъ и рѣ-

шилъ отдать меня какому-то ученому Эллину, открывшему въ Карасубазарѣ школу.

— Лучшаго математика я еще не встрѣчалъ въ Крыму—сказалъ онъ—ты будешь жить у него и пользоваться всѣмъ необходимымъ отъ тестя моего протоіерея Іоанна Василькіоти.

Нѣсколько дней спустя я былъ отправленъ въ Карасубазаръ съ письмами и началъ серіозно учиться. Въ городѣ этомъ, населенномъ преимущественно татарами, караимами, армянами и греками, встрѣчалось немного русскихъ семействъ, но это не помѣшало послѣднимъ двумъ націямъ примкнуть къ русскимъ и одѣвать женъ своихъ въ тулевые чепчики, которые вошли въ употребленіе въ Крыму вскорѣ послѣ нашествія французовъ на Россію. Шляпы дозволялось носить только женщинамъ дворянскаго происхожденія. На случай же, еслибъ какая купчиха или мѣщанка осмѣлилась надѣть шляпу, то каждый имѣлъ право остановить ее и сорвать съ головы украшеніе, несоотвѣтствующее ея званію.

Въ Карасубазарѣ я пробылъ безвыѣздно четыре года, въ продолженіе которыхъ прошелъ всю математику и геометрію, изучилъ всѣхъ лучшихъ греческихъ писателей и кромѣ того понялъ великое назначеніе человѣка благодѣтельствовать ближнимъ. Учитель и тесть брата моего, отецъ протоіерей Іоаннъ, безпрестанно творили такія благодѣянія и такъ были счастливы отъ нихъ вмѣстѣ съ призриваемыми ими калеками, что заставляли меня не разъ завидовать имъ.

Покончивши съ ученіемъ, я началъ помышлять о поступленіи на службу и непремѣнно хотѣлъ держать экзаменъ на землемѣра. Съ этимъ намѣреніемъ я поѣхалъ къ брату моему на южный берегъ, гдѣ онъ имѣлъ въ Алуштѣ свой виноградный и фруктовый сады въ сосѣдствѣ земель Хрусталаки, Булатова и другихъ. Отъ него я узналъ, что графъ Воронцовъ пріобрѣлъ отъ ботаника Стевена Айданиль и торгуетъ отъ Стемковскаго часть Гурзуфа, которая досталась ему по завѣщанію отъ Дюка де-Решилье и что графъ имѣетъ желаніе купить нѣсколько участковъ и въ Алупкѣ.

— Это хорошій случай продать тебѣ доставшійся отъ

отца садъ — сказалъ братъ, совѣтуя мнѣ обратиться къ Манто, который до этого былъ исправникомъ въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, а теперь сдѣлался управляющимъ графа *).

Я вполнѣ согласился съ братомъ и собрался было ѣхать въ Гурзуфъ, но въ это время самъ Манто возвращавшійся изъ Симферополя верхомъ, заѣхалъ къ намъ. За завтракомъ онъ разсказалъ брату моему. что графъ Воронцовъ совершенно не подозрѣвалъ раньше, что въ Крыму есть прекрасныя мѣста, не уступающія по красотѣ Италіи, но что объ этомъ онъ узналъ въ Парижѣ отъ Дюка де-Ришелье и тогда же положился осмотрѣть южный берегъ и пріобрѣсти здѣсь имѣніе для лѣтней резиденціи и купанья въ морѣ.

— Теперь же онъ въ такомъ восторгѣ отъ этого края—прибавилъ Манто, что готовъ закупить всѣ самыя лучшія мѣста. Жаль только, что вы раньше не сказали мнѣ о желаніи своемъ продать землю свою въ Алупкѣ. Впрочемъ я постараюсь довести это до его свѣденія, какъ только представится удобный случай.

— Воображаю какъ вы весело провели нынѣшнегоднее лѣто—сказалъ братъ мой—вѣдь графъ кажется не щадилъ ничего для служащихъ у него.

— Я очень доволенъ его милостями—отвѣчалъ Манто—но не могу радоваться поведеніемъ лицъ, составлявшихъ его свиту.

Братъ мой улыбнулся и только впослѣдствіи разсказалъ мнѣ, что у Манто была красавица жена, которую преслѣдовали всѣ молодые люди, окружавшіе Воронцова и до того возбудили въ немъ ревность, что онъ вынужденъ былъ скрыть ее въ Гурзуфѣ въ домѣ татарина Абдураманчикова.

Отъ Манто мы также узнали, что графъ Воронцовъ очень полюбилъ татаръ и обѣщалъ имъ свое заступничество. Лишь только это дошло до слуха Байдарскихъ татаръ, отъ которыхъ отобраны были земли племянникомъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина, генераломъ Вы-

*) Этотъ Манто впослѣдствіи въ числѣ генералъ-маіора былъ командиромъ Балаклавскаго греческаго баталіона и находился въ плѣну у Англо-французовъ въ Крымскую войну.

сотскимъ и проданы Мордвинову, они не замедлили явиться къ Воронцову съ жалобою и просьбою заступиться за нихъ. Графъ принялъ ихъ прошеніе и обѣщалъ дать ему надлежащее направленіе *). Манто не особенно радуется такому благоволенію Воронцова къ мусульманамъ.

— Это пожалуй послужитъ къ тому—сказалъ онъ—что нѣкоторые изъ христіанъ тайно перейдутъ въ магометанство, а въ концѣ концовъ графъ не будетъ имѣть отъ нихъ ни минуты покоя и разлюбитъ южный берегъ.

Братъ мой вторично улыбнулся.

— Вамъ смѣшно, а спросите-ка меня, обязаннаго служить весь день переводчикомъ?

— Извините, я не отъ того смѣюсь—прервалъ его братъ—а отъ того, что въ уѣздѣ распространили слухъ, что вы являетесь предъ графомъ ходатаемъ за татаръ. Ой, берегитесь, капитанъ, чтобы благодарные татаре не поступили съ вами какъ нѣкогда Флорентинцы съ тѣмъ полководцемъ, который спасъ Сіену.

Манто расхохотался во все горло и бросился цѣловать брата моего за такую штуку.

— И такъ по общему мнѣнію я прослылъ ихъ патрономъ? повторилъ онъ, держась за бока.

— Да, остается только, чтобы они рѣшились убить васъ и поклоняться могилѣ святаго человѣка, въ надеждѣ, что онъ навсегда будетъ ихъ патрономъ и предъ Магометомъ.

Вотъ все, что я въ первый разъ услышалъ о графѣ Воронцовѣ, которому южный берегъ безъ сомнѣнія обязанъ очень многимъ и который своею ласкою могъ бы преобразовать Крымскихъ татаръ и привязать къ Россіи навсегда, еслибъ въ числѣ довѣренныхъ ему лицъ находился бы хоть одинъ дальновидный администраторъ или вѣрнѣе человѣкъ, понимавшій, что отъ народа этого зависитъ благосостояніе всей страны, но что онъ съ каж-

---

*) Знаменитое Байдарское дѣло невозможно было въ это время переиначить, но сколько намъ извѣстно графъ Воронцовъ ходотайствомъ своимъ достигъ того, что Мордвинову выдѣлено было изъ этой округи 12 т. десятинъ земли, а остальное оставлено татарамъ.

дымъ днемъ все болѣе грубѣетъ и озлобляется противъ насъ за своеволіе мелкихъ властей

Манто уѣхалъ обнадеживъ меня продать гр. Воронцову часть доставшейся мнѣ Алупки. Братъ мой также уѣхалъ, чтобы прослѣдить за дорогою, которая устраивалась и ремонтировалась татарами, въ видѣ натуральной повинности. Проживъ въ Алуштѣ нѣсколько дней безъ всякихъ занятій, я вновь возвратился въ Симферополь и поступилъ на службу въ Крымскій полкъ. Меня очень полюбилъ начальникъ и товарищи, но къ сожалѣнію я не могъ служить безъ жалованья, такъ какъ мать и сестры нуждались въ моемъ пособіи. Обстоятельство это заставило меня перейти въ гражданское вѣдомство.

Тѣмъ временемъ до насъ дошли слухи, что здоровье государя нашего настолько растроилось, что императору Александру Благословенному предложили врачи ѣхать на югъ. Видѣвшіе уже этого добраго монарха разсказывали такъ много хорошаго о немъ, что я собирался съѣздить въ Таганрогъ лишь бы удостоится увидѣть его хоть издали.

— Желаніе твое похвально — отвѣтилъ мнѣ братъ Иванъ Степановичъ — но я не совѣтую тебѣ тратиться въ томъ предположеніи, что государь навѣрно посѣтитъ Крымъ. При этомъ братъ, которому приходилось встрѣчать и служить этому царю въ 1818 году, разсказалъ намъ очень много интереснаго изъ жизни знаменитаго монарха и его щедротахъ къ балаклавскому греческому войску, которое исключительно охраняло его въ бытность на южномъ берегу. Не ограничиваясь этимъ, онъ намекнулъ о графѣ Голицынѣ съ женою и какой-то баронесѣ Крюднеръ, жившихъ на южномъ берегу въ Гаспрѣ, къ которымъ императоръ очень расположенъ и которые крайне увлечены идеею обращенія всего міра людей въ православную вѣру. По словамъ брата выходило, что баронеса эта очень благоволила къ нему и нерѣдко обращалась за совѣтомъ гдѣ ей лучше поселиться въ Крыму, чтобы съ удачею начать свою дѣятельность. Иванъ Степановичъ предложилъ ей Карасубазаръ, гдѣ обитаютъ въ большомъ числѣ армяне, исповѣдывающіе

католическую вѣру и не понимавшіе ни единаго латинскаго слова, на которомъ у нихъ идетъ богослуженіе и куда сгрупировались всѣ караимы, принявшіе толкованіе Талмуда *).

По поводу пріѣзда императора Александра I на югъ можно было слышать въ каждомъ почти домѣ разсказы и въ особенности отъ такихъ людей, которые имѣли переписку съ петербургскими сановниками. Я въ это время пользовался расположенностію двухъ извѣстныхъ въ Симферополѣ чиновниковъ Спуди и Хартуляри, которымъ было извѣстно все, что творилось въ Россіи. Первый изъ нихъ слылъ за лучшаго законовѣда, а послѣдній служилъ по почтовому вѣдомству и состоялъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, кромѣ мѣстныхъ представителей губернской власти и съ важнѣйшими чинами Черноморскаго флота, между которыми были греки: Патиньети, Алексіановъ, Критскій, Бардаки, Папахристо, Кукураки, Папаегоровъ, Стули и много другихъ. Вотъ отъ этихъ двухъ чиновниковъ я узналъ такія подробности о здоровья Государя, которыя не могли дойти до меня другимъ путемъ. Хартуляри утверждалъ, что императоръ никогда не льстился царскою короною, ненавидѣлъ лесть, шумъ и торжественность и что еслибъ не первородство и необходимость, — онъ отказался-бы отъ трона, который показался ему съ перваго дня очень близкимъ къ лицамъ, часто скрывающихъ подъ маскою лести коварныя мысли. Но такъ какъ предопредѣленнаго свыше нельзя избѣгнуть, то онъ, замѣстивъ порфироноснаго отца, долженъ былъ забыть свои личныя стремленія. Пока шла отчаянная битва съ дерзкимъ Наполеономъ, Александръ, увлеченный любовью къ отечеству и народу дѣйствовалъ неутомимо съ энергіею и увѣренностію восторжествовать надъ смѣлымъ узурпаторомъ. Впослѣдствіи онъ всецѣло поглощенъ былъ мыслями о благоустройствѣ своей обширной монархіи, но съ каждымъ годомъ, изнемогая въ разнородныхъ не-

*) Воспользовалась ли этимъ совѣтомъ г-жа Крюднеръ или нѣтъ, мы не знаемъ, но намъ извѣстно, что эта замѣчательная женщина похоронена на Карасубазарскомъ кладбищѣ, а графъ Голицынъ въ Севастопольскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

удачахъ и не имѣя сильныхъ исполнителей державной воли своей, его нѣжный и слабый организмъ началъ изнемогать, а разумъ постепенно подпадать подъ вліяніе религіозныхъ представителей мистицизма, стремившихся къ постиженію сокровенныхъ тайнъ для человѣка. Такимъ образомъ, отдавшись такъ сказать умственному и физическому изнеможеніямъ, императоръ довелъ себя до такой крайности, что медики потеряли вѣру въ медицинскія средства и вынуждены были предложить ему продолжительную прогулку по лучшимъ окрайнамъ государства въ надеждѣ на климатъ и благотворность новыхъ впечатлѣній. Государь, сознавая самъ, что здоровье его находится въ плохомъ состояніи, охотно согласился съ мнѣніемъ преданныхъ ему врачей и постановилъ посѣтить Таганрогъ и окрестности Азовскаго моря. Но въ это время суевѣріе его дошло до такой степени, что однажды, судя по словамъ г. Спуди, онъ началъ писать, какъ вдругъ въ комнатѣ стемнѣло отъ нашедшаго внезапно облака, что заставило его приказать подать свѣчи. Лакей въ туже минуту исполнилъ приказаніе, но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ опять показалось солнце слуга спросилъ позволеніе потушить ихъ.—„Это почему? спросилъ монархъ.—Потому в. в., что мы привыкли видѣть въ этомъ дурное предзнаменованіе: днемъ свѣчи горятъ только у покойниковъ. — О, въ такомъ случаѣ унеси ихъ какъ можно поскорѣе—отвѣчалъ онъ, измѣнившись въ лицѣ.“

Разсказъ этотъ произвелъ на меня тяжолое впечатлѣніе. Я невольно вспомнилъ обелискъ, воздвигнутый въ память его проѣзда и завтрака на перевалѣ чрезъ Яйлу къ Алуштѣ и отданное приказаніе провести сюда почтовую дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слова брата Ивана, утверждавшаго, что государь этотъ послѣ нѣсколькихъ визитовъ верхомъ къ графу Воронцову и княгинѣ Голицыной такъ увлекся дикою прелестью южнаго берега, что поручилъ Воронцову чрезъ графа Кушелева-Безбородко пріобрѣсти для него Оріанду отъ командира Балаклавскаго греческаго войска полковника Ревиліоти, которому досталась вся эта мѣстность совмѣстно съ Ливадіею въ даръ отъ жителей деревни Аутка.

„Какое бы счастіе было для Крыма—думалъ я, еслибъ императоръ, прибывъ къ намъ, очнулся совершенно здоровымъ отъ недуга своего! Мечта эта не покидала меня до 5-го Ноября (1824 г.) т. е. до того дня, когда государь, въ сопровожденія доктора Вили и генерала Дибича прибыли въ Симферополь и подъѣхали къ губернаторскому дому. Это было передъ вечеромъ. А такъ какъ я раньше никогда не видѣлъ коронованныхъ особъ, то явился къ этому дому съ 8-ми часовъ утра и во все это время не выходилъ изъ бульвара, находившагося противъ губернаторской квартиры.

Начальникомъ губерніи въ это время былъ Нарышкинъ. Съ наступленіемъ сумерковъ по приказанію его зажжены были плошки вдоль всей улицы, по которой долженъ былъ ѣхать императоръ, а около дома Славинскаго поставлены были смоляныя бочки, которыя приказано поджечь, когда государь заѣдетъ въ соборъ.

О въѣздѣ государя въ городъ мы узнали по двумъ одновременно прискакавшимъ передовымъ и трезвону въ соборной церкви. Этотъ же трезвонъ далъ намъ знать о выходѣ государя изъ собора. Масса народа покрыла передовую аллею бульвара до такой степени, что я потерялъ надежду увидѣть монарха. Къ счастію я увидѣлъ за собою дерево, которое могло выдержать меня и не теряя времени вскарабкался на него. Къ губернаторскому дому подъѣхало 9 экипажей. Изъ нихъ вышли многіе сановники, но государя не было. Онъ прибылъ позднѣе съ губернаторомъ. Взглянувъ на великаго вѣнценосца, я почувствовалъ сильное біеніе сердца и въ тоже время слезы на глазахъ: онъ былъ ужасно блѣденъ и изнеможенъ, хотя и старался казаться бодрымъ.

Въ Симферополѣ государь только переночевалъ, но и въ этотъ короткій промежутокъ времени ознаменовалъ себя многими милостями.

Изъ Евпаторіи государя увезли очень больнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность выйти легко одѣтымъ и сильно простудился. Это признано всѣми, кто знаетъ дѣло достовѣрно. Но въ средѣ простонородія кѣмъ-то

пущена въ ходъ клевета, что будто государя отравили караимы какимъ-то поднесеннымъ лакомствомъ *).

Мѣсяцъ спустя мы узнали, что государь, не смотря на свои молодые еще лѣта, скончался. Всѣ жители Симферополя вздрогнули отъ этой ужасной новости въ виду того, что у государя не было наслѣдника, а братъ его Константинъ не пользовался народными симпатіями и слылъ у насъ за жестокаго человѣка.

Мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать по этому поводу мнѣніе Хартуляри.

— Я еще не имѣю никакихъ положительныхъ извѣстій—отвѣчалъ онъ съ мрачнымъ видомъ—но горе намъ, если намѣстникъ Польши великій князь Константинъ воцарится. Это ужасно суровый человѣкъ, отъ котораго нельзя ожидать милостей. Если Богъ любитъ Россію, то онъ не допуститъ этого.

— Кто же будетъ царствовать тогда? спросилъ я, имѣя смутное понятіе о существованіи еще двухъ братьевъ послѣ в. к. Константина.

— По моему слѣдовало бы возвести на престолъ Николая Павловича. Я встрѣчалъ очень многихъ разумныхъ людей, которые считаютъ его вполнѣ достойнымъ кормчимъ для такого громаднаго корабля какъ Россія. Если вы интересуетесь знать о его добродушіи, то спросите у любаго эмигранта **) и онъ вамъ разскажетъ сотню событій, выяснившихъ передъ французами великодушіе и вообще его отличительныя достоинства въ бытность въ Парижѣ. Вотъ напримѣръ еще намедни мнѣ разсказывалъ аббатъ Милетъ ***), что въ 1815-мъ году его однажды остановила на улицѣ пожилая француженка и начала умолять оказать ей великую милость.—Въ чемъ именно? спросилъ великій князь.—Ахъ, сударь, вы кажется состоите на службѣ при русскомъ императорѣ и имѣете къ нему доступъ?—Да я имѣю счастіе видѣть его ежедневно и сегодня буду обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ.—О,

---

*) Ложные слухи эти и до настоящаго времени поддерживаются въ мнѣніи народа и констатируются тѣмъ, что ни одинъ монархъ съ того времени не желаетъ посѣтить Евпаторію.

**) Въ то время въ Крымъ явилось много французовъ.

***) Землевладѣлецъ около селенія Зуя.

въ такомъ случаѣ несчастная мать будетъ спасена, если царь Россіи не погнушается ея скорбію, а вы сударь смилуетесь надъ нею и передадите государю мое прошеніе.—Нѣтъ ли его съ вами? спросилъ великій князь— и можете ли вы вкратцѣ разсказать мнѣ содержаніе его?

Старушка подала свое прошеніе и съ слезами на глазахъ разсказала, что одинъ изъ русскихъ офицеровъ сманилъ ея единственную дочь, которую она просить возвратить ей. Узнавъ адресъ просительницы, в. к. Николай обѣщалъ, что завтра же дочь ея возвратится къ ней. По докладу его виновный въ тотъже день былъ найденъ и оказался женатымъ. Пришлось шалуну дать въ приданное обманутой 50 т. франковъ и немедленно возвратить дѣвушку къ матери. Вручая эти деньги бѣдной старушкѣ, великій князь прибавилъ къ нимъ изъ собственныхъ еще 10 т. фран. за удовольствіе, которое она доставила ему этимъ довѣріемъ. У Хартуляри блеснули на глазахъ слезы *) Спуди былъ того же убѣжденія, что в. к. Константину не слѣдуетъ царствовать въ Россіи по двумъ основательнымъ причинамъ, во первыхъ по характеру и наконецъ потому, что онъ развелся съ законною супругою своею изъ Голландскаго дома и женился на полькѣ изъ незначительной фамильи, что послужило поводомъ къ манифесту, заявлявшему всѣмъ вѣрноподданнымъ, что наслѣдники трона, вступившіе въ неравный бракъ съ подданными, не могутъ наслѣдовать отцовскій престолъ. Манифестъ этотъ имѣетъ въ настоящее время громадное значеніе—прибавилъ Спуди— но кто знаетъ какъ будетъ дѣйствовать в. к. Константинъ и какими глазами посмотрятъ на него министры и военачальники? Подождемъ новостей изъ Петербурга. Дай Богъ, чтобы все окончилось благополучно!

Вскорѣ послѣ этого разговора мы узнали, что въ Петербургѣ и Москвѣ всѣ присягнули на вѣрноподданство императору Константину. Но что затѣмъ произошло я

*) Въ послѣдствіи, когда этотъ Хартуляри былъ сосланъ за проступокъ по службѣ въ Сибирь на поселеніе и возвращенъ былъ по приказанію императора Николая, я считалъ эту милость точно вознагражденіемъ за истинную любовь и преданность его къ монарху.

я не могъ узнать до того времени, пока не встрѣтился на южномъ берегу съ однимъ чиновникомъ, прибывшимъ изъ Петербурга чуть-ли не съ цѣлью укрыться отъ преслѣдованія. Впрочемъ я не утверждаю это съ достовѣрностію, но вывожу изъ того, что онъ скрывалъ свое настоящее имя, и разсказалъ мнѣ съ такими подробностями о происходившемъ въ Петербургѣ, чего конечно не могли знать люди, не причастные къ дѣлу. Я зналъ только, что въ столицѣ происходили ужасные безпорядки и что воцарился в. к. Николай.

Таинственный путешественникъ объяснилъ мнѣ, что въ провинціяхъ не скоро еще поймутъ той идеи, которая выработана была передовыми людьми для Россіи, но которая потерпѣла погромъ.

— Въ чѣмъ же она состояла? полюбопытствовалъ я узнать.

— Видите ли они хотѣли создать конституцію съ временнымъ правительствомъ, которое учредило бы въ провинціяхъ палаты для назначенія депутатовъ; основать верховныя палаты съ пожизненными членами, создать національную гвардію, предоставить свободу университетамъ и т. п. Слова эти заставили меня вздрогнуть всѣмъ тѣломъ и улыбнуться.

— Чего вы смѣетесь? спросилъ молодой человѣкъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Еслибъ это удалось имъ—отвѣчалъ я—то чрезъ годъ мы всѣ очутились бы въ рукахъ грубой силы, которая разрушила бы всѣ ихъ учрежденія и раздавила бы насъ, какъ насѣкомыхъ. Впрочемъ—прибавилъ я съ цѣлью узнать подробнѣе его мысли—я могу ошибаться въ моихъ предположеніяхъ по не знанію ни степени развитія, ни коренныхъ свойствъ русскаго человѣка, который въ Крыму не представляетъ хорошихъ типовъ *).

— Ну это другаго рода дѣло: при не знаніи легко ошибаться. Тѣ же, которые рѣшились сдѣлать такой переворотъ, вѣроятно хорошо обдумали все.

— Отчего же имъ не удалось такое дѣло, если оно

*) Крымъ въ это время переполненъ былъ малороссами, апатично относящимися въ политикѣ и общему благу государства. Ихъ тогда считали чуть-ли не другою націею и безъ стѣсненія называли хохлами.

служило на общую пользу? Неужели народъ, по мнѣнію вашему достаточно развитый, не могъ понять предлагаемыхъ ему благъ?

Молодой человѣкъ непріязненно взглянулъ на меня.

— Мнѣ придется очень многое разсказать, чтобы убѣдить васъ въ тѣхъ благахъ, которыя представились бы для Россіи при конституціонномъ и даже республиканскомъ правленіи.

При этихъ страшныхъ и гибельныхъ пожеланіяхъ у меня потемнѣло въ глазахъ, но я положился терпѣливо выслушать человѣка съ такими чудовищными планами и въ такое время, когда Россія благоденствовала, когда мы всѣ наслаждались полнымъ спокойствіемъ, когда спокойствіе это строго ограждалось и имя Россіи считалось первенствующимъ на земномъ шарѣ. Какая дерзость и неблагодарность! думалъ я про себя.—Если такая неблагодарность свойственна людямъ образованнымъ, но навѣрно ничего не сдѣлавшимъ для отечества своего, то въ какой степени она разрастется въ мужикѣ, который по невѣжеству своему терпитъ часто нужды и въ душѣ не любитъ всѣхъ тѣхъ, которые повелѣваютъ имъ и обуздываютъ его дикій произволъ? Я почесалъ въ затылкѣ и, прикинувшись заинтересованнымъ патріотизмомъ разскащика, весь превратился въ слухъ.

Петръ Ѳадѣичъ, (такъ звали этого чиновника, съумѣвшаго расположить къ себѣ брата моего Ивана на столько, что онъ предложилъ ему жить въ своемъ имѣньи въ Алуштѣ въ качествѣ хозяина) съ этого дня началъ посвящать меня въ подробности заговора, бывшаго въ Петербургѣ, и настаивалъ, чтобы я записывалъ все на греческомъ языкѣ. Помню какъ теперь первая диктовка началась съ 14-го сентября въ день празднованія моихъ имянинъ, когда я ужасно скучалъ за домашними, но вынужденъ былъ ожидать возвращенія брата, отлучившагося въ татарскія деревни по дѣламъ службы, но такъ какъ мнѣ послѣ первой же страницы опротивѣло это занятіе, то Петръ Ѳадѣичъ самъ составилъ прилагаемую у сего записку. Вотъ содержаніе ея:

„Мысли о конституціонномъ правленіи давно начали зарождаться въ Россіи, еще съ первыхъ дней возше-

ствія на престолъ императора Александра 1-го, но отечественная война съ ея послѣдствіями для народа должна была остановить это движеніе. Впослѣдствіи, когда государь началъ болѣть и выяснилось, что онъ не долго будетъ жить и что престолъ долженъ перейти къ в. к. Константину, предъ которымъ приходилось бы трепетать,—многіе изъ общественныхъ агитаторовъ вновь остановились на идеи введенія конституціи. Никто не думалъ вѣрить, что манифестъ, изданный въ день бракосочетанія великаго князя съ простою полькою, лишающій его престолонаслѣдія за неисполненіе принятаго царями обыкновенія, сдѣлается обязательнымъ для него, кровнаго и законнаго наслѣдника. Каждый былъ увѣренъ, что в. к. Константинъ возьметъ тронъ какъ свою собственность и не подумаетъ даже объясняться предъ тѣми, которые будутъ раболѣпствовать передъ нимъ и женою его, которая безъ сомнѣнія окружитъ дворъ поляками и предоставитъ имъ безграничную власть въ Россіи. Послѣднее убѣжденіе было основано на томъ, что в. к. при всей суровости и энергіи благоговѣлъ предъ поразительною красотою женщины, а при такой слабости жена навѣрно начала бы постепенно проявлять врожденныя чувства къ соотечественникамъ и постепенно достигла бы своего. При такомъ положеніи дѣла не представлялось большаго труда сдѣлать государственный переворотъ и достигнуть задуманныхъ цѣлей при единомысленномъ образѣ дѣйствій. И вотъ въ главѣ заговора стали князь Сергій Трубецкой, Рылѣевъ и князь Оболенскій, къ которымъ не замедлили присоединиться братья Бестужевы, Арбузовъ, Рѣпинъ, графъ Кановницынъ, князь Одоевскій, Сютовъ, Батенковъ, Якубовичъ, Степинъ-Ростовскій, Александръ и Николай Муравьевы, полковникъ Пестель, авторъ революціи, оглавленной закономъ Россіи, и многіе другіе.

Между тѣмъ никому изъ нихъ не было извѣстно, что императоръ Александръ еще задолго до смерти своей въ сознаніи, что в. к. Константинъ не могъ царствовать въ Россіи, велъ съ нимъ переговоры о предоставленіи трона второму брату своему Николаю и приказалъ послѣднему подготовляться къ великому назначенію и

что Константинъ въ увѣренности, что ни онъ самъ, ни жена его не возбудятъ симпатіи народа не только изъявилъ согласіе отказаться отъ престолонаслѣдія, но и первымъ присягнулъ на вѣрноподданство Николаю и его наслѣднику. Не зная ничего этого, заговорщики не знали и того, что императоръ, считая это дѣло поконченнымъ между братьями, составилъ свое завѣщаніе въ 4-хъ экземплярахъ и, надписавъ на каждомъ изъ запечатанныхъ конвертовъ своеручно: *„хранить впредь до моего востребованія, а на случай моей смерти вскрыть въ экстренномъ собраніи“*, приказалъ передать ихъ въ сенатъ, святѣйшій синодъ, въ совѣтъ министровъ и въ Московскій Успенскій соборъ. О томъ, что написано было въ этихъ пакетахъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, знали только канцлеръ Голицынъ и митрополитъ московскій Филаретъ. Полагаютъ, что тайна эта не довѣрена была даже ни одному изъ великихъ князей, потому что въ то время, когда императоръ опочилъ, в. к. Николай, передавая печальную вѣсть войскамъ, состоящимъ при дворцѣ, безъотлагательно привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрноподданность Константину, а затѣмъ и самъ сдѣлалъ это въ собраніи министровъ. Государыня-мать и Голицынъ, узнавъ объ этомъ, изумились и открыли передъ нимъ извѣстную имъ волю покойнаго императора, но онъ отвѣтилъ, что поступилъ по долгу обязанности. Одновременно съ этимъ в. к. Константинъ, получившій депешу о смерти брата Александра, тутъ же провозгласилъ Николая императоромъ и вслѣдъ затѣмъ присягнулъ на вѣрноподданство ему со всѣми представителями власти въ Варшавѣ. О чемъ и приказалъ меньшему брату своему Михаилу лично передать матери и министрамъ. Пока в. к. Михаилъ слѣдовалъ въ Петербургъ, министры вскрыли духовную императора и начали упрашивать в. к. Николая принять императорскую власть, но онъ не пожелалъ этого сдѣлать. Вслѣдствіе чего сенатъ вынужденъ былъ опубликовать о восшествіи на престолъ цесаревича в. к. Константина и разослать присяжные листы по всей имперіи и сдѣлать извѣстнымъ распоряженіе свое монарху, остававшемуся въ Варшавѣ.

Обо всемъ этомъ отлично знали два заговорщика и

именно флигель-адъютантъ князь Константинъ Оболенскій и адъютантъ генералъ-губернатора графа Милорадовича Василій Якубовичъ. Вотъ этимъ людямъ показалось, что наступило самое благопріятное время для начала дѣйствія и они немедленно собрали огромное число лицъ, сочувствовавшихъ ихъ мыслямъ. На собраніи этомъ принято раздѣлить общество на Петербургское или Сѣверное, въ которомъ представителями должны быть кн. Сергій Трубецкой, Рылѣевъ и кн. Оболенскій и на Тульчинское или Южное, подъ предсѣдательствомъ полковника Пестеля. Оба эти общества, въ лицѣ распорядителей, обязаны были сгруппировать около себя всѣхъ тѣхъ, которые сочувствовали ихъ желаніямъ введенія конституціи и подготовить къ предстоящимъ дѣйствіямъ. При этомъ для достиженія цѣли принято было пожертвовать императоромъ и его семействомъ. На второй сходкѣ, послѣ того какъ в. к. Михаилъ побывалъ въ Петербургѣ, а Николай потребовалъ объ изданіи братомъ манифеста для успокоенія народа,—постановлено было избрать диктаторомъ кн. Трубецкаго и увѣрить армію и народъ, что они дѣйствуютъ въ защиту цесаревича противъ в. к. Николая, будто бы желающаго присвоить себѣ корону насильственнымъ образомъ.

Пока анархисты подготовляли бунтъ, изъ Таганрога прибылъ къ Николаю Павловичу нарочный курьеръ отъ генерала Дибича съ пакетомъ, въ которомъ сообщалось о большомъ заговорѣ, имѣющемся разразиться въ непродолжительномъ времени, если не будутъ приняты самыя энергическія и быстрыя мѣры. Лишь только освѣдомились объ этомъ заговорщики чрезъ анонимное письмо, они вновь собрались къ Рылѣеву. Сначала они выразили страхъ и мщеніе доносщику, но потомъ нашедъ анонимное сообщеніе пустою угрозою или шуткою, начали соображать въ какой степени могутъ надѣяться на свои силы и успѣхъ. По заявленіямъ присутствовавшихъ дѣло такъ хорошо было поставлено, что оставалось только бросить жребій, кому поднять ножъ на императора.—Это предоставьте мнѣ—сказалъ Каовскій—такъ какъ я одинокъ и не заставлю никого страдать за собою. Всѣ привѣтствовали его и признали достойнымъ

другомъ. Послѣ чего заговорщики разошлись съ рѣшительными намѣреніями.

Тѣмъ временемъ прибылъ отъ в. к. Константина отвѣтъ, предоставлявшій брату безъусловно свои права престолонаслѣдія. Тогда только Николай Павловичъ приказалъ статсъ-секретарю Сперанскому изготовить манифестъ съ изложеніемъ всѣхъ причинъ, дававшихъ ему право на восшествіе на отцовскій престолъ. Все это нисколько не тревожило анархистовъ, потому что они имѣли достаточно времени сдѣлать свое дѣло и навѣрно достигли бы цѣли, еслибъ передъ Николаемъ не явился молодой адъютантъ Яковъ Ростовцевъ и не открылъ бы во всѣхъ подробностяхъ тайнаго заговора. Не ограничиваясь этимъ, юноша пріѣхалъ къ Рылѣеву и, выждавъ, когда собрались заговорщики, безъ малѣйшаго стѣсненія сознался предъ ними, что былъ въ дворцѣ и открылъ предъ императоромъ ихъ заговоръ. Затѣмъ онъ началъ совѣтывать сотоварищамъ отказаться отъ безсмысленныхъ и пагубныхъ проэктовъ, которые отнынѣ не составляютъ тайны.—„Безчестный измѣнникъ! закричали всѣ присутствующіе и бросились на него съ кинжалами, но молодой человѣкъ не дрогнулъ.—Успокойтесь—отвѣтилъ онъ—потому что я не особенно дорожу жизнью, но мнѣ жаль васъ и я еще разъ прошу васъ отказаться отъ химерной мечты, которая не можетъ принести блага нашему отечеству. Съ этими словами онъ удалился изъ залы собранія. Нѣтъ сомнѣнія, что заявленіе это парализировало всѣ надежды анархистовъ. Не зная за что взяться и какъ вести начатое дѣло, всѣ пріуныли и постановлено было назначить вечеромъ новое собраніе, на которое пригласить какъ можно больше членовъ заговора. На этомъ собраніи Корниловичъ, только что прибывшій въ столицу, заявилъ, что вся вторая армія готова по первому сигналу присоединиться къ нимъ.

— Теперь все поздно—отвѣчали ему многіе. Ростовцевъ сокрушилъ наши крѣпости и намъ не остается ничего, какъ искать пощады. Этого не можетъ быть—отвѣчалъ Рылѣевъ—такъ или иначе мы не избѣгнемъ смерти. По моему лучше умереть отъ пули, чѣмъ отъ руки па-

лача. Заявленіе это показалось справедливымъ и собраніе приступило къ обсужденію предстоящихъ дѣйствій. Первымъ условіемъ признано было уничтоженіе всѣхъ членовъ царствующаго дома.

Тѣмъ временемъ приготовленъ былъ манифестъ и собранъ былъ совѣтъ министровъ, который по разсмотрѣніи всѣхъ документовъ не замедлилъ признать за Николаемъ права императорской власти. Постановленіе это немедленно возвѣщено было многочисленнымъ толпамъ собравшагося народа, который нашелъ его естественнымъ и огласилъ воздухъ радостными криками ура! Въ эту торжественную минуту кн. Одоевскій, служившій въ гвардіи и находившійся во дворцѣ, сообразилъ, что настала самая благопріятная минута для достиженія перваго условія заговора. Рѣшившись лично на этотъ поступокъ, онъ три раза посылалъ къ главнѣйшимъ представителямъ общества узнать можно ли приступить къ дѣйствію, но не получивъ основательнаго отвѣта, созналъ, что всѣ затѣи и проэкты сотоварищей его разшатнулись въ основаніи и лопнули навсегда. Растерявшіеся анархисты вмѣсто того, чтобы убѣдиться окончательно, что дѣло ихъ проиграно, придумали задержать обнародованіе манифеста и тѣмъ привести народъ въ недоумѣніе. Для достиженія этого лишили типографію сообщенія съ городомъ, а народу разгласили, что в. к. Николай мечтаетъ лишить престола законнаго наслѣдника его цесаревича Константина. Народъ засуетился и началъ громко выражать неудовольствіе. Тоже самое происходило и въ нѣкоторыхъ полкахъ и гвардейскихъ экипажахъ, отказавшихся присягать Николаю Павловичу и закричавшихъ подъ вліяніемъ братьевъ Бестужевыхъ и другихъ служившихъ между ними анархистовъ, „да здравствуетъ императоръ Константинъ“! Заручившись этою выходкою, бунтовщики приказали раздать солдатамъ патроны и зарядить ружья. Вотъ въ это время передъ обманутыми войсками явились генералы Фридериксъ и Шеншинъ съ цѣлью вразумить ихъ, но прежде чѣмъ они заговорили, князь Щепинъ-Ростовскій разкроилъ первому голову саблею, а втораго ранилъ. Послѣ чего онъ скомандовалъ и двинулся на Сенатскую пло-

щадь съ крикомъ: „да здравствуетъ императоръ Константинъ! Часъ спустя раздались новые крики: прочь Николая, смерть ему! Государь рѣшился лично выйти къ бунтовщикамъ и совѣтывалъ имъ возвратиться домой, затѣмъ началъ здороваться со взволнованными полками, но получилъ въ отвѣтъ: да здравствуетъ Константинъ!

Вслѣдъ затѣмъ императору донесли, что смертельно раненъ генералъ-губернаторъ Петербурга графъ Милорадовичъ. Государь, надѣявшійся возстановить спокойствіе безъ крайнихъ мѣръ, внезапно очутился около Якубовича, прибывшаго на площадь. чтобы сообразить положеніе сотоварищей и возбудить энергію у руководителя заговорщиковъ кн. Трубецкаго, который струсилъ и началъ прятаться.

— Ты зачѣмъ здѣсь? спросилъ императоръ.—Я пришелъ съ разскаяніемъ и покорностію—отвѣчалъ онъ. Николай, не подозрѣвая въ немъ способности лгать, повѣрилъ его словамъ и предложилъ повліять на безразсудныхъ товарищей, которымъ придется потомъ пожалѣть. Якубовичъ скрылся, но конечно продолжалъ дѣйствовать совершенно противоположно. Тогда раздались на площаеи первые выстрѣлы. Императоръ рѣшился испробовать еще одно средство обезоружить возставшихъ путемъ отцовскаго наставленія и послалъ за митрополитомъ, который въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ началъ говорить, но долженъ былъ сознать свое безсиліе, когда митра его прострѣлена была въ четырехъ мѣстахъ. Одновременно съ этимъ Александръ Пановъ съ отрядомъ солдатъ ворвался въ зимній дворецъ, чтобы истребить царское семейство, но къ счастію, его отбросилъ назадъ графъ Орловъ съ своими гвардейцами. Дѣло начинало казаться серіознымъ и государь послалъ в. к. Михаила Павловича за Измайловскимъ полкомъ, но полкъ отказался повиноваться.—Чего-же вы хотите? вскрикнулъ в. князь въ негодованіи?—Конституцію! отвѣтили подученные солдаты. Михаилъ Павловичъ изумился этому требованію, но чтобы убѣдиться насколько они понимаютъ это слово, спросилъ: что или кого вы называете конституціею?—Это жена Кон-

стантина — гаркнули смѣльчаки — подавайте намъ ее! Да здравствуетъ конституція!

Императоръ по прежнему надѣялся, что порядокъ возстановится путемъ убѣжденія, но дѣло принимало опасныя размѣры, а ему не хотѣлось повидимому приступать къ энергическимъ мѣрамъ или кровопролитію въ первый день царствованія. Но въ концѣ концовъ по настоянію графа Толь и князя Васильчикова призвана была артиллерія, дѣйствія которой послѣ втораго залпа оказались ужасными. Бунтовщики не выдержали и начали разбѣгаться, но очень немногіе избѣгли плѣна, такъ какъ отступленіе было пресѣчено со всѣхъ сторонъ. Этимъ покончились всѣ проэкты сѣвернаго общества и къ 27-му декабря въ столицѣ возстановлено было полное спокойствіе. Что касается до членовъ южнаго общества, то главнѣйшіе изъ нихъ были арестованы прежде, чѣмъ рѣшились дѣйствовать. Остальныхъ выдалъ Пестель. Изъ оставшихся на свободѣ Сергій Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Кузьминъ, Соловьевъ и нѣкоторые другіе, подкупивъ полковаго священника прочитать предъ отрядами ихъ катехизисъ, доказывающій, что народное правленіе есть самое пріятное Богу, хотя и обнаружили сопротивленіе вооруженною рукою, но скоро должны были уступить войскамъ, оставшимся вѣрными законной власти и прежнему порядку".

Прочитавъ написанное, я какъ-то невольно спросилъ у стоящаго предо мною молодаго человѣка: какое же постигло наказаніе этихъ отважныхъ людей, мечтавшихъ однимъ взмахомъ руки достигнуть того, чего нѣкоторыя вполнѣ образованныя европейскія державы достигли вѣками и ужасными потоками крови?

— Виновные распредѣлены были на 11 разрядовъ. Къ первой категоріи отнесены 5 главнѣйшихъ зачинщиковъ революціи, которымъ присуждено повѣшаніе, остальнымъ вѣчная или временная каторжная работа, разжалованіе и поселеніе въ Сибири, разжалованіе въ солдаты съ выслугою и безъ выслуги.

— А много ли было въ числѣ ихъ изъ привиллигированнаго сословія?

— Сколько мнѣ помнится 7 князей, 2 графа, 3 ба-

рона, 2 генерала, 2 статскихъ совѣтника, 13 полковниковъ, 12 подполковниковъ, нѣсколько маіоровъ, капитановъ и т. п.

Мы замолкли, но я чувствовалъ на душѣ ужасную тяжесть. Мнѣ жаль было этихъ несчастныхъ людей, которые вообразили, что всѣ обитатели Россіи будутъ жить ихъ умомъ и увлекутся ихъ дерзкими и въ высшей степени печальными предпріятіями, грозящими гибелью славному царству. Мнѣ больно было, что они не могли понять, что такое обширное государство какъ Россія можетъ существовать со славою только подъ монархическою неограниченною властью; что Россія безъ царя тоже, что тѣло безъ души, что земля безъ свѣтила; что эти напрасно погибшіе люди, при иномъ направленіи мыслей, могли бы оказать правительству и соотечественникамъ своимъ громадныя услуги.

Такъ вотъ какія дѣла творились въ Россіи—думалъ я въ продолженіи многихъ дней. Грустно царямъ начинать свое царствованіе такимъ образомъ! Впослѣдствіи я узналъ, что повѣшаны были Сергій Муравьевъ—Апостолъ, Пестель, Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каовскій.

Отмѣчая только важнѣйшія событія и встрѣчи, я не желаю забыть встрѣчь моихъ съ нашими извѣстными писателями Адамомъ Мицкевичемъ и Александромъ Пушкинымъ. Оба они состояли въ распоряженіи генералъ-губернатора графа Воронцова, при канцеляріи его въ Одессѣ, и оба посѣтили Крымъ и южный берегъ въ особенности. Съ первымъ я встрѣтился въ Алуштѣ въ домѣ брата моего Ивана, къ которому онъ заѣхалъ, чтобы предъявить свой отпускъ отъ начальства. Человѣкъ этотъ показался мнѣ, какъ будто одержимымъ какимъ-то тайнымъ недугомъ, хотя, по его острому лицу съ неподвижными глазами, нельзя было думать о физическихъ страданіяхъ. Пообѣдавъ съ нами, онъ попросилъ у брата проводника съѣздить на окрестныя горы, чтобы составить себѣ общую картину на Алуштинскую долину.

Братъ поручилъ эту обязанность одному изъ разсыль-

ныхъ татаръ, состоящихъ при немъ, и совѣтывалъ мнѣ сопутствовать гостю, который не могъ объясниться по татарски. Когда мы выѣхали на дорогу, Мицкевичу непремѣнно захотѣлось взобраться на Чатыръ-дагъ. Я сказалъ, что теперь поздно и мы не успѣемъ возвратиться къ ночи домой. Возможно ли это—вскрикнулъ онъ, вынимая часы—теперь только 2 часа и до захода солнца остается почти 5½ часовъ.

— А если не успѣемъ возвратиться? спросилъ я.

— Тѣмъ лучше, переночуемъ у пастуховъ.

Естественно, что послѣ этого отвѣта я не считалъ нужнымъ портить удовольствія человѣка, жаждущаго посмотрѣть на Крымскій полуостровъ съ этой возвышенности, и пришпорилъ коня. Во все время нашей ѣзды Мицкевичъ постоянно останавливался, оглядывался и дѣлалъ мнѣ и проводнику вопросы въ родѣ того, какъ называется эта гора, нѣтъ ли названія этой скалѣ, трущебѣ, оврагу и чѣмъ они достославны въ мнѣніи туземцевъ? Мы удовлетворяли его по мѣрѣ знанія и негодовали, что онъ тратитъ дорогое время на вопросы, которые могъ бы дѣлать на обратномъ пути.

Вдобавокъ онъ оказался плохимъ ѣздокомъ.

Проѣхавъ деревню Корбекли, Мицкевичъ спросилъ меня: здѣсь ли я родился и чѣмъ занимаюсь?

Я отвѣчалъ.

— Вы плохо дѣлаете—сказалъ онъ—что не стараетесь выдержать экзамена въ столицѣ и тамъ начать свое служебное поприще. Хотите я вамъ помогу въ этомъ дѣлѣ чрезъ посредство знакомыхъ? Южные жители всегда почти обращаютъ вниманіе сѣверныхъ своею смѣтливостію и расторопностію.

Я отвѣчалъ, что на моихъ плечахъ лежитъ забота о матери и двухъ сестрахъ.

— Ну, это другое дѣло, а жаль, вы заглохнете въ провинціи, какъ и многіе способные люди.

Мнѣніе этого человѣка, впервые видѣвшаго меня, показалось мнѣ удивительнымъ. Я дѣйствительно обладалъ смѣтливымъ разсудкомъ, хорошею памятью и большими способностями къ математикѣ и законовѣденію.

Сдать университетскій курсъ я могъ бы въ теченіи

одного года, еслибъ имѣлъ руководителя, но объ этомъ не приходилось думать въ Симферополѣ, гдѣ спеціальныхъ ученыхъ въ то время нельзя было встрѣтить свободными.

На Палатъ гору мы взобрались, когда скрылись послѣдніе лучи зашедшаго за небосконъ солнца. Мицкевичъ засуетился, такъ какъ на всемъ видимомъ пространствѣ не видно было ни души, а ночевать на прохладномъ воздухѣ казалось опаснымъ.

— Вы были правы, говоря, что мы не успѣемъ возвратиться къ вечеру—сказалъ онъ—но какъ бы не поплатиться за мое безумное увлеченіе?

Я обратился къ разсыльному за совѣтомъ.

— Намъ ничего болѣе не остается какъ ночевать въ пещерѣ—отвѣчалъ татаринъ,

— Все же лучше, чѣмъ на воздухѣ, который навѣрно къ ночи похолодѣетъ—сказалъ Мицкевичъ, когда я перевелъ ему сказанное проводникомъ.

Асанъ направилъ насъ къ большой пещерѣ, а самъ поѣхалъ за дровами. Было уже совершенно темно, когда онъ возвратился и разложилъ отрадный огонь. Услужливый татаринъ каждому изъ насъ нагребъ въ кучу овечій пометъ, чтобы образовать сидѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкое ложе. Согрѣвшись и отдохнувши, мы пожелали кушать, но ни у Мицкевича ни у меня не оказалось никакого запаса. Пришлось поневолѣ попробовать татарскій полуячменный хлѣбъ съ соленымъ перцомъ. Утромъ мы тѣмъ же подкрѣпились.

Мецкевичъ въ этотъ вечеръ долго мнѣ говорилъ о себѣ и своей жизни въ Одессѣ. Изъ всего сказаннаго я замѣтилъ, что ему неособенно пріятно жить внѣ родины и состоять въ зависимости и обязанностяхъ, несоотвѣтствовавшихъ его направленіямъ, и что онъ мечтаетъ при первомъ удобномъ случаѣ выѣхать за границу и именно во Францію. Проснувшись позднѣе обыкновеннаго, я не нашелъ уже поэта въ пещерѣ. Онъ сидѣлъ на зеленой травѣ и писалъ замѣтки.

— Не пора ли намъ ѣхать? спросилъ я, когда онъ спряталъ свою записную книженку.

— Да, да поѣдемте — отвѣчалъ онъ, подымаясь съ мѣста. Я думаю вы очень голодны.

На этотъ разъ мы остановились въ дер. Корбекли и благодаря извѣстности Асана, какъ сотскаго, получили молоко, яйца и другія яства татарскаго приготовленія.

Мицкевичъ провелъ со мною еще одну ночь, настаивая, чтобы я позаботился о своей будущности и вѣрилъ его желанію оказать мнѣ помощь. На слѣдующій день онъ на память о себѣ вырѣзалъ на одномъ изъ деревъ около дома нашего начальныя буквы своего имени и фамильи и уѣхалъ въ Симферополь.

Встрѣча съ этимъ человѣкомъ, не отличавшимся ни чѣмъ особеннымъ, но уже извѣстнымъ своимъ талантомъ, сильно потрясла меня. Я готовъ былъ бы послѣдовать за нимъ въ сознаніи, что мои природныя способности при другихъ условіяхъ могли бы развиться и сдѣлать изъ меня полезнаго гражданина.

Говоря о Мецкевичѣ я невольно вспоминаю и Пушкина, который также, въ качествѣ чиновника канцеляріи генералъ-губернатора графа Воронцова, явился сначала на южный берегъ въ имѣніе начальника своего, а въ послѣдствіи былъ прикомандированъ къ партіи наблюдающихъ за истребленіемъ саранчи въ деревнѣ Чукурча. Я встрѣтился съ нимъ впервые на берегу Гурзуфа, гдѣ онъ стоялъ въ позѣ Наполеона и любовался тихимъ волненіемъ моря.

— Вы здѣшній? спросилъ онъ, когда я началъ раздѣваться, чтобы выкупаться.

Съ этого начался нашъ разговоръ, продолжавшійся около получаса, и затѣмъ мы вмѣстѣ пошли въ деревню къ знакомому мнѣ татарину. Здѣсь Пушкинъ увидѣлъ молоденькую татарочку и не смотря на то, что она не могла назваться красавицею, началъ приписывать ей небывалыя достоинства. Не интересуясь узнать его фамильи, такъ точно какъ и онъ моей, я разстался бы съ нимъ неизвѣстными другъ другу, еслибъ не подошелъ къ намъ прикащикъ изъ Айданильской дачи графа Воронцова и не пригласилъ обоихъ къ обѣду. Вотъ тутъ только я узналъ съ кѣмъ прогуливался.

Пушкинъ показался мнѣ очень веселымъ и простодушнымъ человѣкомъ, но въ тоже время и большимъ любителемъ женскаго пола, не брезгавшимъ никакимъ хорошенькимъ личикомъ, которому умѣлъ придать никѣмъ незамѣчаемыя раньше прелести. Прикащикъ сообщилъ мнѣ по секрету, что Пушкинъ ухаживаетъ за какою-то княжною, которая находится теперь въ Гурзуфѣ и кажется перевѣнчается съ нею тайкомъ.

Вторично я встрѣтился съ нимъ въ нѣмецкой колоніи Чукурча въ 20 верстахъ отъ Симферополя. Онъ былъ въ бѣлой буркѣ, на которой въ трехъ мѣстахъ написано было большими буквами: „Свобода". Лишь только мы приблизились другъ къ другу, онъ первымъ узналъ меня.

— Вы зачѣмъ здѣсь? спросилъ я, осматривая его странный нарядъ.

— Какъ развѣ вы не знаете, что графъ Воронцовъ сослалъ всѣхъ подлецовъ въ деревню Чукурчу бить саранчу?

— Неужели и вы состоите въ ихъ разрядѣ? сказалъ я съ улыбкою.

— По крайней мѣрѣ значусь въ этомъ спискѣ. Куда вы ѣдите?

— По дѣламъ службы въ сосѣднюю колонію.

— И я также иду по дѣламъ службы. Заѣзжайте на обратномъ пути взглянуть на мою молодую хозяйку, которая удивительно похожа на Гретхенъ.

Къ сожалѣнію я долженъ былъ проѣхать Чукурчу ночью и мнѣ не привелось вторично видѣть этого человѣка, который впослѣдствіи доставлялъ мнѣ своими твореніями чрезвычайное удовольствіе.

Нашъ флотъ двинулся на Варну и разсыпался по Черному морю. Всѣ убѣждены, что на этотъ разъ туркамъ не сдобровать въ Европѣ. Военныя дѣйствія начались 14 апрѣля 1828 года. Начальникомъ Черноморскаго флота былъ контръ-адмиралъ Кумани съ безстрашными греческими порывами и врожденною ненавистью къ туркамъ, варварски поступавшимъ съ Греціею. Естественно, что адмиралъ внушилъ свою ненависть къ варва-

рамъ подвластнымъ ему морякамъ и былъ увѣренъ, что и они не отступятъ въ успѣхахъ отъ сухопутныхъ войскъ нашихъ.

Надежды его сбылись вполнѣ взятіемъ Анапы, Сизополя, Ахіола, Василико, Агаѳополя, Стеѳано, Инады, крѣпости Мидіи, многихъ судовъ и въ заключеніе Варны. Я не стану описывать здѣсь отдѣльныхъ подвиговъ такихъ героевъ, какъ Казарскій, потому что ихъ не забудетъ исторія, если же и намекнулъ на эту славную войну, то съ двумя цѣлями и именно передать объ одномъ событіи, совершившемся съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и Севастопольскимъ бунтомъ женщинъ, порожденнымъ этою кампаніею.

Въ половинѣ октября государю, лично присутствовавшему на мѣстѣ битвы, необходимо было возратиться въ Петербургъ къ дню имянинъ своей августѣйшей матери и онъ взошелъ на большое судно „Императрица Марія“ съ в. к. Михаиломъ и свитою. Судномъ этимъ командовалъ отважный морякъ Папахристо. Погода стояла хорошая, но вслѣдъ затѣмъ, когда они очутились въ открытомъ морѣ, начала измѣняться и дошла до такой ужасной бури, что корабль пересталъ слушаться руля и сдѣлался игрушкою разъяренной стихіи. Всѣ были убѣждены въ неминуемой гибели. Вотъ въ одну изъ этихъ ужасныхъ минутъ императоръ, вышедъ къ измученному капитану спросилъ: „Велика ли наша опасность?“.

— Очень велика в. в., но только для меня, обязаннаго охранить жизнь моего государя.

— Ну, въ такомъ случаѣ я тебѣ помогу — сказалъ онъ и началъ отдавать приказанія, которыя не соотвѣтствовали намѣреніямъ командира.

Папахристо началъ трепетать, но наконецъ не выдержалъ и, подошедъ къ императору, сказалъ:

— Ваше величество на суднѣ этомъ я хозяинъ и одинъ только вправѣ командовать до тѣхъ поръ, пока вы лишите меня шпаги.

— Это правда — отвѣчалъ государь — дѣлайте ваше дѣло и будемъ надѣяться на Бога. Сказавъ это, онъ удалися съ палубы.

Буря продолжалась усиливаться. На другой день императоръ спросилъ у капитана: гдѣ мы находимся теперь?

— Въ виду Турціи в. в. и если Богъ не придетъ къ намъ на помощь, то придется искать спасенія въ Босфорскомъ проливѣ.

— Это будетъ большое несчастіе для Россіи, если мы попадемъ туркамъ въ плѣнъ!

— Умоляю васъ государь предоставьте мнѣ свободу продолжать борьбу до конца.

Къ счастію послѣ 3 дневной страшнѣйшей бури опасность миновала и на четвертый день „Марія“ благополучно вступила въ Одесскую бухту.

Въ тотъ же день императоръ, благодаря Папахристо за его отличныя распоряженія, спросилъ:

— А чтобы ты сдѣлалъ, еслибъ намъ пришлось попасть въ плѣнъ къ туркамъ?

— Я взорвалъ бы мое судно—отвѣчалъ капитанъ.

Говорятъ, что отвѣтъ этотъ очень понравился государю.

Не смотря на блистательныя побѣды, одержанныя нами надъ турками и матеріальныя выгоды, принесенныя этою войною Россіи, въ Крыму совершилось одно ихъ такихъ печальныхъ событій, о которомъ долго будутъ говорить съ отвращеніемъ. Варварское событіе это именуютъ бунтомъ въ Севастополѣ, но я не могу считать бунтомъ остервѣненіе женщинъ, дошедшее до крайнихъ предѣловъ мести, безъ сомнѣнія раньше сего чувствовавшихъ свою силу надъ мѣстнымъ начальствомъ, поощрявшимъ ихъ безпутную и развратную жизнь. Чтобы вѣрнѣе опредѣлить причины, послужившія поводомъ къ этому неестественному событію, мнѣ необходимо разсмотрѣть, что дѣлалось раньше въ Севастополѣ и чѣмъ промышляли его обитатели? Прежде всего мое вниманіе останавливаетъ адмиралтейство, изъ котораго выносились въ городъ матросами всевозможные цѣнные матеріалы, доставляющіе имъ громадные заработки отъ продажи или обращенія въ мебель и т. п. О размѣрахъ воровства можно судить изъ того, что Севастопольскіе матросы снабжали чуть ли не всѣхъ жителей Таврической губерніи мебелью изъ дорогаго дерева за ничтожныя деньги. Что касается мѣди, предназначаемой правительствомъ для подшивки судовъ, смолы и другихъ расплавляемыхъ

предметовъ, то они вывозились въ большихъ винныхъ бочкахъ съ четырьмя днищами, такъ что въ крайнихъ отдѣлахъ для вида вливалось вино, а въ центрахъ смола, мѣдь и т. п. Промышленность такого рода преимущественно предоставлялась матросами своимъ женамъ, которыя съ первыхъ дней замужества научались насилію, хитростямъ, обманамъ и подкупамъ, чтобы безпрепятственно вывести воровскія вещи за городскую черту. Женщины, вынужденныя дѣйствовать такими способами, естественно ничего не имѣли священнаго и ничѣмъ не дорожили для достиженія своихъ цѣлей. Въ добавленіе къ этому мужья ихъ, безпрестанно бывавшіе за границею съ собранными заранѣе деньгами, привозили оттуда дорогіе предметы роскоши и преимущественно ромъ и крѣпкія вина, за которые конечно не платилась пошлина, потому что таможенная стража во первыхъ боялась прибѣгать къ насилію, зная что это навѣрно приведетъ къ преждевременной смерти въ глубокой бухтѣ и наконецъ къ лишенію дружбы и попойки съ прочими удовольствіями въ гостепріимномъ и подходящемъ обществѣ. Что касалось офицеровъ и другаго начальства, то хитрые и дальновидные матроски, сознавая, что одно иностранное вино не вполнѣ можетъ располагать ихъ въ пользу свою, придумали держать при свѣтлицахъ своихъ молоденькихъ хорошенькихъ дѣвушекъ, которыхъ нанимали въ другихъ городахъ, въ качествѣ горничныхъ, отъ бѣдныхъ и довѣрчивыхъ родителей,. При такихъ условіяхъ сбывалась очень выгодно контрабанда, пріобѣтались протекторы мужьямъ и вообще улучшалось благосостояніе людей, казавшихся обреченными всю жизнь страдать отъ безпощадныхъ наказаній.

Я сказалъ отъ безпощадныхъ наказаній, но это выраженіе тогда только будетъ понятно, когда я поясню, что варварство командировъ пароходовъ нерѣдко доходило до того, что они въ морозные дни приказывали раздѣвать до гола чуть провинившихся матросовъ, класть на пушки и пороть линками до такой степени, что нѣкоторые умирали чрезъ два часа.

Такова была обстановка массы севастопольскихъ женщинъ, когда прекратилась Варнская битва и отважныя

жены матросовъ, у которыхъ истощились всѣ запасы отъ прежнихъ экспедицій мужей, съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ съ богатыми трофеями. Вотъ въ это отрадное время прибылъ въ Карантинную бухту госпитальный корабль „Скорый“ подъ командаю капитана 1-го ранга Польскаго съ больными сомнительнаго свойства, которые приняты были въ чумное отдѣленіе карантина, и къ нимъ приставлены были мортусы, которые, по правиламъ карантина, не смѣли сообщаться съ городомъ, но на это важное условіе не обращено было вниманія, вслѣдствіе чего зараза пересена была въ городъ *) Одновременно съ этимъ появилась и вся эскадра наша, которая благополучно вступила въ бухту при пушечномъ громѣ и радостномъ крикѣ тысячи женщинъ, густо расположенныхъ на берегу. На судахъ уже сдѣланы были распоряженія о спускѣ командъ, но въ эту отрадную минуту прибылъ курьеръ отъ генералъ-губернатора графа Воронцова съ приканіемъ воспретить всѣмъ прибывшимъ изъ Турціи имѣть сообщеніе съ городомъ, такъ какъ онъ находится въ карантинномъ положеніи. Естественно, что распоряженіе это привело въ ужасное уныніе всѣхъ безъ исключенія и довело до отчаянія, когда судамъ повелѣно было удалиться отъ береговъ на неопредѣленное время. Матроски, не ожидавшія ничего подобнаго и не сознавшія благодѣтельныхъ мѣръ правительства, вообразили, что все это создалось подъ вліяніемъ медиковъ, жаждавшихъ получать по 5 руб. въ сутки вознагражденія отъ казны, вслѣдствіе чего будто употребляли всѣ мѣры продлить карантинное положеніе. Предположеніе это дѣйствительно могло зародиться въ головахъ отважныхъ женщинъ при стороннемъ подстрекательствѣ, судя по тому, что смертныхъ случаевъ было очень немного до того времени, пока прикомандированный въ Севастополь докторъ Ланге не придумалъ купать въ морѣ всѣхъ заболѣвавшихъ и подвергать ихъ неизлечимымъ горячкамъ. Лишь только предположеніе это начало распространяться, злонамѣренные люди захотѣли подтвердить его

*) Сколько мнѣ кажется теперь это не была настоящая чума, но горячка эпидимическаго характера.

очевидными доказательствами, чтобы вызвать бунтъ или по крайней мѣрѣ избавиться отъ Ланге, который грозилъ смертью всѣмъ заболѣвающимъ. Для достиженія этого они начали бросать въ колодцы мыло, падаль и т. п. отравы.

Понятно, что такія ясныя доказательства не могли оставаться безъ вниманія со стороны крайне возбужденныхъ женщинъ. Къ этому присоединилось еще одно въ высшей степени непріятное обстоятельство, которое можетъ быть не вѣдуемо было мѣстнымъ губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Столыпинымъ, по распоряженію котораго всѣ граждане получали отъ маркитантовъ опредѣленныя порціи провизіи. Маркитанты эти съ первыхъ же дней начали злоупотреблять своею обязанностію и отпускали во время провизію только тѣмъ, которые давали имъ взятки, а бѣднымъ доставляли около полуночи самые негодные остатки. Голодъ удвоилъ отчаяніе и настроеніе бабъ приняло угрожающій характеръ. По всюду слышались крики: убить Ланге, убить губернатора! Освѣдомленный объ этомъ нѣмецъ не замедлилъ бѣжать изъ Севастополя, но несчастный Столыпинъ и главный врачь черноморскаго вѣдомства Радецкій не избѣгли мучительной смерти. Сдѣлавши первый шагъ къ убійству, не трудно было найти новыя жертвы непріязни. Мѣстныя власти растерялись и вмѣсто того, чтобы умѣючи захватить главнѣйшихъ руководительницъ и принять раціональныя мѣры противъ остальныхъ недовольныхъ, слишкомъ смѣло и горячо взялись за дѣло и создали общій бунтъ. Выведенныя съ заряженными ружьями войска отказались въ точности повиноваться начальникамъ и стрѣляли на воздухъ. Послѣднее поощрило разъяренныхъ матросокъ и они начали врываться даже въ купеческіе дома и тиранить всѣхъ, которые не пользовались почему либо ихъ расположеніемъ *).

Въ концѣ концовъ призванъ былъ Балаклавскій греческій батальонъ, которому приказано было оцѣпить Севастополь и не выпускать изъ него никого безъ осо-

*) Я чрезвычайно хотѣлъ провѣрить эти свѣдѣнія съ оффиціальными документами, но не могъ отыскать ихъ. Говорятъ, что вся переписка по этому дѣлу сгорѣла.

беннаго разрѣшенія. Это распоряженіе въ виду того, что балаклавцы не станутъ стрѣлять на воздухъ, оказалось болѣе дѣйствительнымъ и безумное волненіе съ прекращеніемъ болѣзненныхъ явленій сомнительнаго свойства совершенно исчезло. Но вслѣдъ за симъ въ Крыму въ первый разъ появился другой родъ чумы, которую врачи назвали холерою и отъ которой погибло въ различныхъ мѣстностяхъ страны большое число обитателей.

Одновременно съ нашими войсками переѣхало въ Крымъ изъ Варны много греческихъ семействъ, которыя распредѣлились по различнымъ городамъ. Всѣ онѣ очень кроткаго нрава, набожны и чрезвычайно трудолюбивы. По ихъ разсказамъ онѣ никогда не могли пріобрѣсти лишнихъ средствъ къ жизни, потому что турецкія власти безъошибочно знали сколько каждый изъ нихъ имѣлъ денегъ.

Одинъ изъ этихъ переселенцевъ ввелъ въ Симферополѣ обычай ежегодно, въ страстную субботу выставлять на церковномъ дворѣ фигуру Іуды искаріота, начиненную порохомъ, и поджигать ее въ моментъ, когда начинается пѣніе „Христосъ воскресе“. Картина эта приводила всегда въ какое-то бѣшенство евреевъ и въ тоже время очень забавляла христіанъ.

Въ 1835 году въ бытность мою въ Керчи я случайно познакомился съ Бестужевымъ, однимъ изъ революціонеровъ при восшествіи Императора Николая на престолъ. Онъ выслужилъ чинъ прапорщика и пріѣхалъ сюда изъ Геленджика, чтобы заказать себѣ офицерскій костюмъ. Мы часто разговаривали съ нимъ о прошломъ, которое онъ считалъ безумнымъ увлеченіемъ. Замѣчательнымъ мнѣ показалось желаніе его какъ можно скорѣе раздѣлаться съ утомившею его жизнею *). Въ числѣ прочаго я узналъ отъ него, что цѣлые отряды поляковъ, сосланные на Кавказъ послѣ возстанія 1831 года, десятками переходятъ къ черкесамъ, учатъ ихъ различнаго рода изобрѣтеніямъ и руководятъ военными дѣйствіями противъ насъ.

---

*) Желаніе его исполнилось: вскорѣ послѣ этого мнѣ передали, что онъ былъ убитъ черкесами въ лѣсу и тѣло его не найдено.

Въ 1837 году въ Крымъ пожаловалъ государь Императоръ Николай Павловичъ, къ пріѣзду котораго заново убранъ былъ Бахчисарайскій дворецъ. Ликъ этого монарха вполнѣ соотвѣтствуетъ его высокому положенію. Я никогда не встрѣчалъ болѣе рослаго и красиваго человѣка. Онъ строгъ до крайности и заставляетъ трепетать отъ одного взгляда.

Съ 1839-го года въ Крыму началось генеральное межеваніе, которое продолжалось по 1841 годъ. Я въ это время успѣлъ сдать экзаменъ на землемѣра и при знаніи моемъ туземныхъ нарѣчій и искони существующихъ обычаевъ, полагаю былъ очень полезенъ моему начальству.

Въ 1843 году въ бытность мою въ Бахчисараѣ пріѣхалъ сюда изъ Египта Искендеръ-бей сынъ послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-гирея съ женою и дочерью съ цѣлью исходатайствовать свои земли, человѣкъ лѣтъ 65—70, но еще отлично сохранившійся. Ему дозволили поселиться въ одномъ изъ апартементовъ ханъ-сарая и безъ сомнѣнія оказывали-бы всевозжныя услуги, еслибъ онъ не началъ дерзко хозяйничать, драться и ругать всѣхъ безъ исключенія. Лишь только донесли объ этомъ по начальству, какъ послѣдовалъ приказъ выселить его изъ дворца. Тогда сжалился надъ нимъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей Сулейманъ Карабаджакъ и принялъ въ свой домъ. Какъ вдругъ Карабаджаку представился выгодный покупщикъ на этотъ домъ и онъ продалъ его, предполагая гостя своего перевести на другую квартиру. Но оскорбленный этимъ Искендеръ-бей до того ожесточился, что, схвативъ топоръ началъ рубить окна и двери. Хозяинъ въ испугѣ бросился къ участковому приставу Акъ-моллѣ Чаушу, который безъ церемоніи приказалъ посадить наслѣдника Шагинъ-гирея въ карцеръ, гдѣ содержалось еще нѣсколько провинившихся въ буйствѣ.

Послѣ этого поступка Искендеръ потерялъ всякое сочувствіе къ себѣ жителей Бахчисарая и нашихъ властей, но при всемъ этомъ его пожалѣли и, собравъ довольно значительную сумму, при содѣйствіи генералъ-губернатора графа Воронцова, выпроводили обратно въ Турецкія владѣнія.

КОНЕЦЪ.

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

В. Х. КОНДАРАКИ.

Предисловіе.

Въ прибережной полосѣ Крымскаго полуострова нѣтъ ни одной деревни, ни одной развалины и ни единаго причудливой формы камня, о которыхъ не сложили-бы туземцы легендарнаго разсказа съ цѣлью назиданія потомства; но чтобы разсказамъ этимъ придать болѣе интереса, они относили ихъ къ предметамъ очевиднымъ и повидимому старались подтверждать вымыслы свои явными доказательствами.

Нѣкоторыя изъ легендъ этихъ мы привели въ „Универсальномъ описаніи Крыма“ остальныя-же предлагаемъ въ настоящее время.

ОПУКЪ-КАЯ

или

Скала Удодовъ.

Въ Карасубазарѣ до Крымской войны не существовало ни одной гостинницы для пріѣзжихъ и всѣмъ приходилось останавливаться на постоялыхъ дворахъ, содержимыхъ татарами. Отдѣльными номерами были такія лачушки, въ которыхъ только помѣщалась узенькая койка и грязный не крашенный столикъ съ жестянымъ подсвѣчникомъ, всецѣло замазаннымъ потеками отъ сальной свѣчи мѣстной фабрикаціи *). Въ лѣтнее время естественно проѣзжій не оставался въ нихъ ни одной минуты безъ крайней необходимости, но когда было холодно на воздухѣ и грязно на улицѣ, приходилось поневолѣ искать развлеченія въ общей комнатѣ заѣзжаго двора, которая была довольно велика, сравнительно чиста и обыкновенно величалась кофейнею.

Однажды, проѣзжая чрезъ этотъ патріархальный городокъ, гдѣ продолжали, наперекоръ цѣлой Россіи, считать деньги на ассигнаціи и продавать всѣ жизненные продукты въ четыре раза дешевле противъ другихъ городовъ Крыма, я такъ неловко соскочилъ съ фургона **), что вынужденъ былъ прибѣгнуть къ костоправу и оставаться безъ сотрясенія въ продолженіи трехъ сутокъ. Ужасное положеніе! Не знай я туземныхъ нарѣчій и не рѣшись съ утра до поздней ночи сидѣть въ кофейнѣ—пришлось бы задохнуться въ мизерномъ номерѣ и съ ума сходить отъ скуки.

Къ удовольствію моему фамилья моя хорошо была извѣстна болтливому содержателю заѣзжаго двора и онъ всегда приглашалъ меня сидѣть около себя на почетномъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно находились лучшіе мѣстные представители купеческаго и земледѣльческаго сословія. Мнѣ, какъ интересующемуся мѣстными преданіями, естественно было очень удобно такое положеніе только потому, что я имѣлъ возможность, какъ-бы случайно, касаться предметовъ, о которыхъ почтенные люди не считаютъ прилич-

---

*) Въ то блаженное время въ Крыму не извѣстны были стеариновыя свѣчи.

**) Фургоны и теперь существуютъ на этомъ трактѣ. Цѣль ихъ перевозка пассажировъ по вольной цѣнѣ. Въ былое время, когда почтовыя лошади давались по подорожнымъ бланкамъ и не было другихъ средствъ для переѣзда, они считались крымскими почтовыми каретами.

нымъ говорить публично и особенно съ взрослыми людьми, изъ боязни, чтобы имъ не приписали женскихъ наклонностей.

Въ первый-же день посѣщенія кофейни я какъ-то невольно остановилъ вниманіе на маленькомъ татаринѣ пожилыхъ лѣтъ, прибывшемъ изъ подъ Керчи и ѣхавшемъ въ Симферополь по какимъ-то судебнымъ дѣламъ. Онъ такъ много говорилъ о прошломъ изобиліи своей мѣстности и нѣкоторыхъ важныхъ событіяхъ, повліявшихъ на экономическій бытъ своей мѣстности, что всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ и раздѣляли его убѣжденія.

Узнавъ отъ хозяина, что я изъ Симферополя, этотъ человѣчикъ зашелъ въ мою *оду* (комнату) вечеромъ съ просьбою рекомендовать ему кого-либо изъ добросовѣстныхъ адвокатовъ, которому онъ могъ-бы довѣрить свой искъ. Покончивъ этотъ разговоръ, я поставилъ предъ гостемъ моимъ стаканъ чаю и началъ стороною заводить рѣчь о блистательномъ состояніи Керченскаго полуострова въ древности.

— Этого мы не знаемъ—отвѣчалъ отатарившійся ногаецъ—но надо полагать, что это отчасти справедливо, если принять во вниманіе слѣды довольно значительныхъ укрѣпленныхъ городовъ и сказочные разсказы нашихъ старушекъ, безъ сомнѣнія придуманныя прародительницами ихъ для развлеченія внучекъ въ длинныя зимнія ночи.

— А ты гдѣ именно родился?

— Моя деревня около извѣстной Опукъ-кап. Сосѣдство не совсѣмъ пріятное, потому что болѣе отдаленные поселяне придумали называть насъ удодами т. е. названіемъ этой скалы. Многіе сердятся за эти шутки и нерѣдко возбуждаются драки, доходящія до жалобъ.

— Что же тутъ оскорбительнаго?

— Ничего; но согласитесь сами, если за вами бѣгутъ мальчишки и кричатъ *ку-ку!* ку-ку! то это не совсѣмъ пріятно.

— Чего-же ради или какія причины послужили этому поводомъ?

— Причинъ никакихъ не могло быть, но эти безобразныя старыя вѣдьмы, чтобы показать себя всезнающими, выдумали такую небылицу, которую стыдно повторять людямъ разумнымъ.

— Что-же онѣ выдумали? спросилъ я съ улыбкою, чтобы не возбудить въ разскащикѣ подозрѣнія, что я интересуюсь такою ничтожностію.

— Право не стоитъ говорить, чтобы не портить апетита на чай, который я пью въ третій разъ со дня рожденія моего и нахожу очень вкуснымъ.

— Напитокъ этотъ дѣлается еще вкуснѣе, когда его глотаютъ съ разстановками; а это удобнѣе дѣлается при разговорѣ.

Татаринъ набилъ свою трубку, раскурилъ ее и, запивъ глоткомъ чая, началъ легенду свою слѣдующимъ образомъ:

— Вамъ вѣроятно не разъ приходилось видѣть удодовъ и убѣдиться своими глазами, что ни одна изъ крымскихъ птицъ не украшена такими прелестными перьями. Въ своемъ нарядѣ, она

по разсказамъ нашихъ бабушекъ, походитъ на самовластную царицу съ короною на головѣ. По ихъ мнѣнію такъ будто одѣвались цари въ давно прошедшія времена. Надо полагать, что это такая-же выдумка, какъ и все остальное, но дѣло не въ этомъ. Въ той мѣстности, гдѣ въ настоящее время стоитъ Опукъ-кая, было довольно большое и богатое поселеніе кроткихъ и богобоязливыхъ людей, которые не иначе пробуждались какъ съ молитвою на устахъ и считали за ужаснѣйшій грѣхъ оскорбить кого-либо словомъ или дѣломъ. При такомъ направленіи понятно, что они не нуждались ни въ какихъ властяхъ и жили, какъ въ раю. Тѣмъ временемъ невдали отъ селенія этого разбитъ былъ морскими волнами какой-то чужеземный корабль и изъ числа избавившихся пловцовъ двѣ женщины явились къ добросердечнымъ поселянамъ съ просьбою принять ихъ и пріютить у себя. Обѣ онѣ были очень красивы лицомъ и станомъ и настолько умны, что возбудили къ себѣ искреннее сочувствіе. Жители Опука немедленно принялись за работу и въ нѣсколько дней выстроили имъ домъ со всѣми принадлежностями, подарили по одной овцѣ и стали заботиться о чужестранкахъ, какъ о родныхъ дочеряхъ. Старшую изъ нихъ звали О, а младшую Пука, а такъ какъ онѣ жили не разлучно и пользовались въ одинаковой степени народною симпатіею, то ихъ не иначе именовали, какъ однимъ названіемъ Опукъ. Дѣвушки эти, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ тихо и спокойно, взаключеніе начали задаватэся мыслею господства надъ тѣми, кто ихъ пріютилъ и далъ средства къ жизни. Идея эта съ каждымъ днемъ все больше и больше увлекала ихъ и онѣ начали мало по малу приводить ее въ исполненіе вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла, затѣмъ перенесли свои распоряженія на устройство общины и въ концѣ концовъ создали себѣ стражу и образовали жестокихъ слугъ, которые начали варварски обращаться съ кроткими и набожными жителями. Достигнувши всего этого, онѣ начали одѣваться въ фередже (въ мантіи) такихъ яркихъ цвѣтовъ, которыми владѣютъ въ настоящее время удоды и въ отличіе отъ другихъ надѣли на головы особеннаго рода гребни (короны). Все это не изумляло простосердечныхъ людей и они какъ-то безсознательно отдались въ зависимость иностранокъ. Господство это навѣрно не прекратилось бы никогда, еслибъ О и Пука не задумали выставить на площади двухъ каменныхъ изображеній своихъ и требовать, чтобы имъ воздавались божескія почести. Тутъ только народъ пробудился отъ усыпленія своего и началъ роптать и волноваться, но чужеземки приказали дѣйствовать силою и побоями, а чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, приказали соорудить себѣ около статуй возвышенные троны, на которые ежедневно восходили и любовались вынужденнымъ колѣнопреклоненіямъ народа. Насиліе это приняло такіе размѣры, что несчастнымъ ничего болѣе не оставалось, какъ только выселиться изъ роднаго селенія и искать пріюта у сосѣднихъ народовъ, но видно Богъ, которому они поклонялись и любили въ душѣ, сжалился

надъ ними и послалъ въ лицѣ одного нищаго не только избавителя, но даже карателя неблагодарныхъ.

— Когда васъ снова потребуютъ къ жертвоприношеніямъ? спросилъ онъ.

— Когда послѣдуетъ новолуніе—отвѣчали безропотные граждане.

— Хорошо, я въ этотъ день явлюсь къ вамъ и вы будете избавлены навсегда отъ злыхъ существъ.

Въ указанное время властолюбивыя дѣвушки въ своихъ царскихъ нарядахъ вышли на площадь и на этотъ разъ потребовали, чтобы всѣ жители съ дѣтьми явились отпраздновать годовщину восшествія ихъ на престолъ. Требованіе было исполнено безъ малѣйшаго возраженія, но предварительно начатія жертвоприношенія животныхъ О и Пука обратились къ подданнымъ съ вопросомъ: кто изъ нихъ пожертвуетъ собою для прославленія ихъ имени?

При этихъ словахъ всѣ вздрогнули и окаменѣли отъ ужаса.

— Въ такомъ случаѣ намъ придется бросить жребій—сказала старшая и приказала, чтобы всѣ молодые люди отдѣлились отъ пожилыхъ. Вмѣсто одной жертвы мы возьмемъ двѣ.

— Въ эту ужасную минуту къ ступенямъ трона подошелъ тотъ нищій, который обѣщалъ освободить несчастныхъ гражданъ отъ незванныхъ повелительницъ. Снявъ съ плечь своихъ торбу, онъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Ничтожныя чужестранки, мы дали вамъ пріютъ и насущное пропитаніе, а вы зазнались до того, что захотѣли сдѣлать насъ всѣхъ рабами своими. Достигнувъ этого, вы заставили насъ поклоняться своимъ изображеніямъ и считать своимъ божествомъ, а въ заключеніе требуете нашей крови. Неблагодарныя! вы вообразили, что терпѣнію нашему не будетъ предѣла и что между нами не найдется никого, кто-бы наказалъ васъ въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ. Ошибаетесь дерзкія! „Затѣмъ онъ повернулся къ согражданамъ своимъ и спросилъ: какому наказанію они пожелали-бы подвергнуть дерзновенныхъ?

— Дѣлай съ ними все что хочешь—отвѣчалъ народъ—мы только просимъ избавить насъ отъ самовольно присвоенной власти.

— Слышите гласъ народа? крикнулъ факиръ.

— Это ничтожное жужжаніе комарей—отвѣчали дѣвушки—а ты ихъ дерзкій представитель сейчасъ испытаешь наше могущество. Эй, воины, покажите на немъ примѣръ нашей строгости!

— Не смѣйте трогаться съ мѣста! закричалъ нищій—иначе и вы погибнете отъ единаго мановенія моей руки. Сказавъ это, онъ поднялъ палецъ къ небу и громогласно произнесъ: заклинаю васъ неблагодарныя твари чужой земли сію же минуту превратиться въ птицъ, которыя сохранили-бы сходство съ вами, но прикосновеніе къ которымъ считалось-бы омерзеніемъ для человѣка. Тронъ-же, воздвигнутый вами, да превратится въ скалу и гнѣзда гадинъ. Этого мало, да будетъ отнынѣ нашимъ закономъ убивать всѣхъ иностранцевъ, которые выйдутъ на наши земли!

Только что были окончены эти слова, какъ заколыхалась земля и, предъ раступившимся народомъ, выдвинулась высокая гора, на вершинѣ которой оказались двѣ птицы въ перьяхъ цвѣта мантій, носимыхъ дерзкими иностранками и съ такими-же гребнями на головахъ. Птицы эти, прижавшись другъ къ другу, неистово кричали: „О,—пу! О,—пу!“ т. е. выкрикивали свои имена, но мальчики, не понявъ значенія этихъ звуковъ, отвѣчали имъ: „ку—ку!“

Съ того времени скала эта на память поколѣній получила названіе Опукъ-кая и тамъ постоянно живутъ два удода, какъ-бы для того, чтобы поддерживать въ народѣ воспоминаніе о давно совершившемся событіи“.

Разскащикъ допилъ свой чай и, улыбаясь, сказалъ: надо-же было выдумать такую небылицу. Сказано бабы! Чего онѣ не придумаютъ, чтобы занять своихъ дѣтей. Спасибо вамъ за чай. Этотъ напитокъ несравненно пріятнѣе нашей сладкой бузы. Жаль что наши женщины не имѣютъ возможности ознакомиться съ его приготовленіемъ. Это было-бы по выгоднѣе ихъ сказокъ.

Я не замедлилъ налить гостю моему второй стаканъ, въ надеждѣ выманутъ у него еще какое-нибудь миѳическое преданіе, относящееся къ Керченскому полуострову, которыхъ навѣрно существуетъ у татаръ безчетное множество, но которыя къ сожалѣнію достаются только на долю дѣтей преимущественно женскаго пола.

— Ну, а скажи мнѣ пожалуйста—спросилъ я—что разсказываютъ ваши бабы о развалинахъ извѣстныхъ подъ именемъ Узунъ-калеси при деревнѣ Казантинѣ?

— Такой-же вздоръ и небылицы, какъ и всѣ ихъ сказки. Увѣряю васъ, что намъ неприлично ихъ повторять.

— Да вѣдь мы теперь сидимъ безъ всякаго занятія. Все лучше болтать пустяки, чѣмъ молча сидѣть.

— Въ этомъ отношеніи вы пожалуй правы.

Нѣсколько минутъ спустя я добился таки, что Самій-бай разсказалъ мнѣ еще двѣ легенды безъ всякаго конечно предположенія, что я стану записывать их .

Длиная крѣпость.

Подъ этимъ названіемъ на татарскомъ языкѣ, какъ сказано было раньше, существуетъ на берегу Азовскаго моря при деревнѣ Казантинѣ, развалины небольшаго древняго городка, о которомъ исторія не сохранила намъ ни какихъ намековъ. Если же существовали о немъ преданія у туземцевъ, то преданія эти безъ сомнѣнія исчезли послѣ окончательнаго погрома Пантикапеи и замѣнились вновь вымышленными.

Мы довольны были-бы, еслибъ въ разсказѣ Самій-бая была хоть частичка справедливости, хотя и убѣждены, что въ легендахъ она не представляетъ существеннаго достоинства.

„Наши старухи говорятъ, что въ давно минувшія времена кер-

ченская степь такъ изобиловала хлѣбнымъ зерномъ, какъ ни одна страна въ мірѣ; что въ хлѣбныхъ нивахъ нельзя было замѣтить табуна лошадей и стада коровъ и что собираемый хлѣбъ незнали куда дѣвать и сбывали его за ничтожныя деньги иностраннымъ мореходцамъ. Вотъ въ это благодатное время одинъ изъ обогатившихся рыбнымъ промысломъ, задумалъ пріобрѣсти всѣ сокровища міра и съ этою цѣлью явился къ мѣсту, нынѣ называемому Узунъ-калеси, и приказалъ воздвигнуть постройку такой высоты и длины, которая могла-бы вмѣстить въ себя столько хлѣбнаго зерна, сколько потребовалось-бы на содержаніе людей всѣхъ извѣстныхъ ему городовъ и царствъ.

Понятно, что для такого зданія нужны были тысячи рукъ и тысячи животныхъ для доставки матерьяловъ, но строителю это ничего не значило, такъ какъ въ сундукахъ его лежало много лѣтъ въ большихъ массахъ пріобрѣтенное имъ золото, которое онъ не одолжалъ никому изъ боязни лишиться, а между тѣмъ роптал на судьбу, что состояніе его далеко не достигло до такой степени, которая была желательна ненасытному глазу.

— Для чего ты издерживаешь такъ много золота—спрашивали его тѣ, кто видѣлъ его расходы. Какую пользу тебѣ можетъ принести зданіе, построенное вдали отъ людей?

— Я намѣренъ перенести туда мои рыбные склады—отвѣчалъ онъ нехотя.

— Отчего-же ты не принесъ предварительно на этомъ мѣстѣ жертвоприношенія и не пригласилъ насъ на молитву, освящающую всякое предріятіе?

— Оттого, что нынчѣ животныя даромъ не даются, а мнѣ не возвратятъ добрые люди того, что я издержу на ихъ угощенія.

— Неужели ты не вѣришь, что Богъ вознаграждаетъ десятерицею все, данное нами во славу имени его? говорили третіи.

— Нѣтъ я въ это не вѣрю и смѣюсь надъ тѣми, которые разсказываютъ это съ цѣлью пообѣдать и напиться пьянымъ на чужой счетъ.

Тѣмъ временемъ зданіе быстро росло и въ заключеніе приняло такіе поражающіе размѣры, что многіе пріѣзжали изъ отдаленныхъ мѣстъ посмотрѣть на неестественную величину его.

Однажды къ строителю подошелъ чрезвычайно старый человѣкъ и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, спросилъ съ какою цѣлью строится это зданіе?

— Я разсказалъ-бы тебѣ старикъ — отвѣчалъ хозяинъ — но я такъ обезсиленъ сегодня голодомъ, что не имѣю силы говорить.

— Бѣдняжка, видно господинъ, воздвигающій въ одной постройкѣ цѣлый городъ, не располагаетъ лишнимъ кускомъ хлѣба, чтобы насытить вѣрнаго слугу своего. Изволь-же поѣсть моего. Сказавъ это, факиръ открылъ предъ нимъ суму свою и предоставилъ выбрать изъ нея все приходящееся по вкусу голодающаго.

Насытившись, хозяинъ постройки началъ благодарить добраго факира.

— Не благодари меня — отвѣчалъ онъ — потому что рано или поздно я потребую отъ тебя такого-же ничтожнаго одолженія. Мы люди безпрестанно имѣемъ нужды одинъ въ другомъ и противъ ожиданія встрѣчаемся. Ну, теперь потрудись удовлетворить моему любопытству.

— Если тебѣ извѣстенъ главный рыболовъ керченскаго богаза (пролива)—началъ хозяинъ—котораго всѣ именуютъ Золотымъ слономъ, то мнѣ достаточно сказать, кто строитъ это зданіе.

— Я очень много слышалъ о Золотомъ слонѣ, но никогда не видѣлъ его—отвѣчалъ факиръ. Однако что ему за надобность удалиться на это ни кѣмъ необитаемое прибрежье?

— У хозяина моего великая цѣль. Во первыхъ завладѣть всѣмъ этимъ берегомъ моря, который иногда представляетъ богатые уловы рыбы, но главнѣе основать на берегу моря житницу, въ которую скоплять хлѣбное зерно въ тѣ годы, когда оно будетъ отдаваться ему по ничтожной оцѣнкѣ въ замѣнъ рыбы. Зерно это онъ намѣренъ хранить до того времени, пока настанетъ повсемѣстный неурожай и тогда продать его въ сотню разъ дороже, чтобы разомъ сдѣлаться самымъ богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

— А знаетъ-ли онъ навѣрно, что выпадетъ такой несчастный для всѣхъ годъ въ продолженіи его жизни?

— Онъ говоритъ, что дважды былъ уже свидѣтелемъ такого событія.

— Ну, это еще не даетъ права вѣрить, что бѣдствіе повторится и въ третій разъ прежде, чѣмъ онъ умретъ.

— Хозяинъ мой ничѣмъ во всякомъ случаѣ не рискуетъ: въ крайности онъ будетъ раздавать залежавшійся хлѣбъ массѣ работниковъ въ счетъ пая или денежнаго вознагражденія.

Факиръ казался удовлетвореннымъ этимъ разсказомъ и, пожелавъ здоровья, пошелъ своею дорогою.

Два—три года спустя хлѣбный магазинъ, отстроенный окончательно, началъ насыпаться безъостановочно очищенною пшеницею. Золотой слонъ, дрожавшій надъ каждымъ зерномъ ея самъ переселился въ магазинъ, чтобы наблюдать за рабочими. Въ концѣ концевъ зданіе было наполнено милліономъ четвертей, хорошо высушеной пшеницы и заперты желѣзныя двери на замки, около которыхъ поставлена была несмѣнная стража рыбаковъ, обязанныхъ заниматься рыболовлею только въ виду магазина. Прошло нѣсколько лѣтъ. Хлѣбное зерно не повышалось въ цѣнѣ. Слонъ негодовалъ на милостиваго Аллаха, но не терялъ надежды достигнуть своего желанія.

Въ одно время, сидя на берегу моря, онъ увидѣлъ вновь того самаго факира, который когда-то накормилъ его.

— Здравствуй добрый человѣкъ—крикнулъ онъ—какой ты счастливецъ: твоя сума опять полна съѣдомаго, а я сижу весь день безъ куска хлѣба. Горе быть въ зависимости отъ скупаго хозяина!

— Всѣмъ этимъ надѣляютъ меня ищущіе вѣчнаго блаженства и я въ свою очередь дѣлюсь собраннымъ съ тѣми, которые лишены ногъ и зрѣнія.

— Завидую я и тѣмъ, которые могутъ давать тебѣ—и тебѣ, который помогаетъ несчастнымъ. О чего-бы я не далъ, чтобы наслаждаться такимъ счастіемъ!

— Надѣйся на Бога братъ мой, а пока подкрѣпи силы свои моими запасами. Кто знаетъ можетъ быть и мнѣ придется придти къ твоему порогу.

Наѣвшись до сыта, Слонъ, воспользовался моментомъ, когда факиръ отвернулся и стащилъ изъ сумы его про запасъ еще два большихъ куска хлѣба.

— Ну, что твой хозяинъ? Говорятъ, что онъ окончилъ свою постройку и наполнилъ ее народнымъ потомъ со слезами пополамъ?

— Народъ всегда любитъ клеветать—отвѣчалъ Золотой Слонъ—мой хозяинъ дѣйствительно очень скупъ, но ни у кого ничего насильно не отбираетъ.

— Тѣмъ лучше для него. Жалѣю я, что до настоящаго времени не могъ встрѣтиться съ нимъ.

— Если ты надѣешься на его щедроты, то я не совѣтывалъ-бы искать встрѣчи съ нимъ.

— Ну, а еслибъ я предсказалъ ему въ точности то время всеобщаго голода, которое онъ ожидаетъ съ такимъ нетерпѣніемъ? Согласись самъ, что предсказаніе мое принесло бы ему громадную пользу.

— Если ты сдѣлаешь это безъ всякаго интереса, то Золотой Слонъ охотно его приметъ, но если ты потребуешь вознагражденія, онъ не станетъ слушать тебя.

— Даромъ я ничего не скажу ему, потому что онъ очень много выиграетъ отъ этого. Вознагражденіе-же потребую только тогда, когда пророчество мое сбудется.

— А сколько бы ты, примѣрно, потребовалъ?

— Самое малое, сто четвертей пшеницы.

При этихъ словахъ слушатель подпрыгнулъ на мѣстѣ и расхохотался.

— Сто четвертей! произнесъ онъ, продожая смѣяться—да при своемъ-ли ты умѣ? Возможно-ли запрашивать такое вознагражденіе за нѣсколько словъ? Мой хозяинъ во первыхъ очень разсчетливъ и наконецъ не такъ глупъ, чтобы разбрасывать состояніе, которое онъ пріобрѣлъ тяжкими трудами и самопожертвованіями.

— А какъ ты думаешь: какое онъ предложитъ вознагражденіе безъ сожалѣнія?

— Я тѣхъ убѣжденій, что если твое предсказаніе въ дѣйствительности сбудется въ скоромъ времени, то онъ охотно дастъ тебѣ одну четверть посредственнаго достоинства пшеницы.

— Согласенъ! отвѣчалъ факиръ, такъ какъ въ то время стоимость одной четверти зерна будетъ равняться сотни четвертямъ въ наше время. Веди-же меня къ твоему хозяину.

Золотой Слонъ на минуту растерялся, но потомъ поднялся и пригласилъ собесѣдника слѣдовать за нимъ къ виднѣющимся вдали рыболовнымъ баракамъ. Пришедъ къ одному изъ нихъ онъ

переговорилъ съ однимъ изъ служащихъ у него и предоставилъ ему право назваться Золотымъ Слономъ и покончить сдѣлку съ факиромъ.

Уполномоченный работникъ началъ требовать отъ нищаго опредѣленія времени голода.

— Нѣтъ другъ мой ты предварительно сдѣлай мнѣ знакъ на тряпочкѣ кровью своею въ доказательство святости договора и тогда только услышишь изъ устъ моихъ пророчество.

Служитель, подъ предлогомъ не имѣнія у себя орудія для укола пальца, возвратился въ балаганъ и заставилъ хозяина самого сдѣлать рукопрекладство. Послѣ чего они оба вышли къ факиру и подали ему тряпку съ кровяными знаками.

— Теперь и я скажу вамъ мой секретъ: въ нынѣшнюю весну и до времени уборки хлѣбовъ не будетъ ни одного дождя не только въ Крыму, но по всей этой полосѣ до предѣловъ земли. Такимъ образомъ то, чего ты ожидалъ съ такимъ страхомъ и нетерпѣніемъ, то наступило прежде, чѣмъ могла произойти у тебя потеря зерна, собраннаго въ большомъ количествѣ, не смотря на то, что ты подсыпалъ въ него соли для предупрежденія порчи. Прощай, я своевременно явлюсь къ тебѣ за разсчетомъ. Сказавъ это, факиръ удалился.

Предсказанія нищаго въ точности сбылись. Нигдѣ въ степяхъ Крыма не виднѣлось ни одной копны ни сѣна, ни пшеницы. Домашнія животныя ревѣли, птицы улетали съ зловѣщими криками. Народъ безпрестанно взывалъ къ Аллаху и какъ-то невольно обращалъ глаза къ громаднѣйшей постройкѣ Золотаго Слона, въ которой хранилась ихъ жизнь.

— Онъ навѣрно не допуститъ погибнуть нашимъ дѣтямъ съ голода—говорили поселяне и горожане; онъ навѣрно одолжитъ насъ съ умѣреннымъ вознагражденіемъ на счетъ нашихъ будущихъ благъ.

Тѣмъ временемъ Золой Слонъ изъ боязни, чтобы простонародіе не прибѣгло къ насилію, приказалъ пристроить къ кровлѣ магазина своего разныя приспособленія для предупрежденія насилія и вооружилъ всѣхъ рыбаковъ своихъ.

Съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ дней Слонъ самъ переселился въ крѣпость свою и началъ поджидать покупщиковъ. По расчетамъ его смѣло можно-бы продавать пшеницу по 30-ти червонцевъ за четверть, такъ какъ ни у кого не было запасовъ, но боясь ожесточить народъ онъ придумалъ начать продажу съ 20-ти и за тѣмъ чрезъ всякую недѣлю набавлять еще по два золотыхъ, такъ что въ самое необходимое и предпослѣднее бѣдственное время надѣялся получать по 50 червонцевъ за четверть.

Естественно, что къ нему прежде всѣхъ обратились горожане и съ проклятіями платили ужасныя деньги. Затѣмъ явились иностранные мореходцы, промышленники, а въ заключеніе начали толпами являться бѣдные хлѣбопашцы, у которыхъ онъ покупалъ четверть пшеницы за кусокъ вяленой или соленой рыбы, не имѣющей въ то время никакой цѣнности.

Люди эти, не располагавшіе деньгами умоляли богача одолжить имъ хоть по одной четверти съ тѣмъ, что они въ будущемъ году привезутъ ему за одолженіе по десяти четвертей.

— Спасибо вамъ—отвѣчалъ Слонъ—я не для того четыре года собиралъ мое зерно, чтобы вымѣнивать его на зерно-же. Давайте по 30 червонцевъ и просьба ваша будетъ услышана.

Народъ рыдалъ и сотнями умиралъ около стѣнъ длинной крѣпости. Новыя партіи замѣняли ихъ, въ надеждѣ поколебать чугунное сердце богача. Тѣмъ временемъ передъ магазиномъ появился извѣстный факиръ и, ставъ предъ Слономъ, потребовалъ отъ него исполненія обязательства.

— Любѣзнѣйшій братъ—отвѣчалъ ему богачь—мой хозяинъ поручилъ мнѣ сказать, что такъ какъ ты явился не во время, а когда четверть пшеницы увеличилась на 10 червонцевъ, то не иначе отпустить ее какъ получивши отъ тебя добавочные деньги.

— Но у меня нѣтъ денегъ и я умираю съ голода. А тебѣ не говорилъ хозяинъ, что я его дважды накормилъ и теперь ожидаю отъ него той-же милости.

— Хозяинъ говоритъ, что тогда было другое время.

Выслушавъ эти слова факиръ внезапно сбросилъ съ себя рубища и оказался грознымъ азыземъ (святымъ) этой земли.

— О негодный изъ всѣхъ мусульманъ! вскрикнулъ онъ — если ты такъ поступаешь съ святыми хранителями людей, то ты долженъ сію-же минуту погибнуть самою гнусною смертію въ примѣръ всему человѣчеству и отъ зданія твоего не должна остаться ни одна стѣна въ цѣлости. Сказавъ это, онъ поднялъ руку къ небу.

Въ эту минуту откуда не взялись милліоны крысъ необыкновенной величины и, бросившись въ крѣпость, моментально разнесли тѣло жестокаго человѣка, а тысячи голодныхъ людей разнесли всю постройку, что спасти себя и дѣтей своихъ отъ преждевременной смерти".

Вотъ какую сказку сложила бабушка моя о развалинахъ при деревнѣ Казантипѣ, хотя и говоритъ, что слышала ее отъ другихъ, но бабамъ я мало вѣрю: у нихъ сплетни, тоже что у мущинъ волосы: какъ не брей—все вылезутъ!

Митридатовская гора.

Крымскіе татаре, поселившись въ Крыму надо предполагать находили въ большомъ количествѣ золотыя и серебрянныя вещи въ древней Пантикапеѣ, бывшей столицѣ Босфорскаго царства *) и не зная, что цѣнные металлы эти привозились сюда греками изъ отдаленной Сибири, создали себѣ идею, что одинъ изъ Босфорскихъ царей владѣлъ какою-то таинственною травою, имѣющею свойство превращать каждый предметъ въ золото и этимъ спосо-

*) Теперешняя Керчь.

бомъ обогащалъ своихъ подданныхъ. Предположеніе это въ такой степени показалось правдоподобнымъ, что поколѣнія придумали много легендъ и сказокъ о сокровищахъ, скрытыхъ въ Митридатовской горѣ. Изъ всѣхъ ихъ въ мое дѣтство болѣе популярною считалась слѣдующая:

„Одинъ изъ пресвѣтлѣйшихъ Крымскихъ хановъ, желая отыскать самое вѣрное средство для обогащенія казны своей, приглашалъ, чрезъ глашатаевъ на совѣтъ всѣхъ ученыхъ мудрюсовъ и чернокнижниковъ. Многіе поспѣшили предстать предъ свѣтлые очи могущественнаго властителя, но увы, никто изъ нихъ не могъ утолить жажды повелителя своего. Нетерпѣливый ханъ началъ уже сердиться и предавать заключенію тѣхъ, которыя считая себя умными и всезнающими, безполезно отнимали у него сладостный покой.

Годъ спустя ханъ убѣдившись, что къ нему являлись только смѣлыя искатели счастія и что истинныхъ мудрецовъ необходимо ему самому искать, потребовалъ министровъ своихъ и объявилъ имъ о желаніи своемъ пройти пѣшкомъ по царству съ цѣлью лично ознакомиться съ нуждами подданныхъ.

Министры единогласно возстали противъ этого, стараясь увѣрить государя своего, что нельзя надѣяться на общую расположенность народа, что это неприлично державному хану и что онъ перенесетъ много непріятностей и оскорбленій. Ханъ улыбнулся и отвѣчалъ: „я хорошо знаю причины вашихъ желаній держать меня въ запертѣ; вы боитесь за себя, а между тѣмъ думаете вселить во мнѣ мысль, что кромѣ васъ, всѣ остальные люди ненавидятъ меня, а я скажу вамъ, что тотъ только падишахъ съ удовольствіемъ и наслажденіемъ можетъ прожить свой вѣкъ, который постоянно сталкивается съ народомъ не какъ властитель, а въ маскѣ равнаго имъ бѣдняка“.

Сказалъ и въ тотъ-же день, переодѣвшись въ платье дервиша, вышелъ изъ дворца. До поздней ночи онъ бродилъ по безконечнымъ улицамъ великолѣпнаго въ то время Эски-Крыма *), подслушивая разговоры дряхлыхъ стариковъ и веселыхъ юношей.

Всѣ почти разговаривали о немъ и его невѣроятномъ желаніи найти вѣрное средство къ обогащенію. Толки эти хотя и оскорбляли порою слухъ хана, но онъ терпѣливо, выслушивалъ ихъ до того времени, пока кто-либо изъ говорившихъ не произносилъ имени того мага или мудреца, который, по мнѣнію его могъ-бы удовлетворить желанію хана. Записавъ нѣсколько подобныхъ именъ властитель возвратился въ сераль свой. На слѣдующій день онъ лично посѣтилъ случайно открытыхъ мудрецовъ; но изъ всѣхъ только одинъ отвѣчалъ хану, что желаніе его можетъ быть достигнуто, если онъ изъявитъ согласіе буквально подчиниться ему и ничего не распрашивать до времени возвращенія изъ необхо-

*) Старый Крымъ бывшій нѣкогда богатый городъ, а нынѣ мѣстечко между Ѳеодосіею и Карасубазаромъ.

димой поѣздки Султанъ поднялъ палецъ къ небу и произнесъ великую клятву: *„учь толакъ бошъ олсунъ!* *). Послѣ этого великій магъ Кямиль-Джинджи, сдѣлавъ темане (честь) своему повелителю, предложилъ собраться къ выѣзду на другой день.

Въ назначенный для выѣзда часъ явился ханъ. Джинджи, облачившись въ бѣлую одежду и прижавъ къ сердцу свою волшебную книгу, вышелъ къ повелителю на встрѣчу. Послѣ приличныхъ привѣтствій, ханъ сѣлъ съ нимъ въ арбу и выѣхалъ изъ Эски-Крыма.

— Куда мы ѣдимъ? спросилъ повелитель, когда они очутились въ степи.

— На востокъ твоего царства. Тамъ между тремя морями возвышается гора, во внутренности которой лежатъ несмѣтныя богатства одного изъ древнихъ могущественныхъ государей. Объ остальномъ ты не спрашивай меня теперь, иначе мы не достигнемъ цѣли нашей.

Падишагъ вспомнилъ клятву и молча погрузился въ размышленіе. Два дня спустя арба ихъ остановилась у Митридатовой горы. Джинджи первымъ вышелъ изъ нея и, сдѣлавъ знакъ хану слѣдовать за нимъ, направился къ прославленной возвышенности. Вскорѣ онъ остановился и преклонивъ колѣни, началъ читать страшныя заклинанія. Ханъ съ трепетомъ слушалъ его. Вдругъ раздался подземный ударъ, крики тысячи голосовъ и затѣмъ предъ пораженнымъ ханомъ въ разступившейся горѣ, показались громадные желѣзные ворота. Кямиль подбѣжалъ къ нимъ не переставая читать. Нѣсколько минутъ спустя раздался вторичный гулъ съ трескомъ и криками и затѣмъ съ ужаснымъ скрипомъ открылись ворота.

— Султанъ иди за мной—сказалъ колдунъ, направляясь въ мрачный корридоръ. Прошедъ около 50 шаговъ они внезапно очутились въ большой комнатѣ, наполненной серебряною монетою; затѣмъ вошли въ другую, заваленную кучами золотыхъ слитковъ, въ третьей комнатѣ блистали груды крупныхъ яхонтовъ, сапфировъ, а въ четвертой—одни алмазы. Въ этой послѣдней комнатѣ на высокомъ пьедесталѣ съ бѣлаго мрамора стоялъ золотой гробъ, въ которомъ покоилась, какъ живая, молодая величественной красоты женщина. Кругомъ ея горѣло множество восковыхъ свѣчей.

Ханъ, не видѣвшій никогда подобной красавицы въ живыхъ, вскрикнулъ и началъ умолять Джинджи воскресить ее.

— Еслибъ это существо очнулось—отвѣчалъ колдунъ—то тебѣ первому пришлось-бы погибнуть, потому что ты владѣешь ея отцовскимъ царствомъ. Всѣ видѣнныя нами здѣсь сокровища составляютъ ея собственность. Она пріобрѣла ихъ при посредствѣ злыхъ духовъ, которыми повелѣвала, какъ ты подданными своими. Ей легко было-бы пріобрѣсти все лучшее міра, но она сосредо-

---

*) Да ослабнутъ всѣ три печени, въ смыслѣ да лишусь я возможности имѣть женъ и дѣтей.

точила все свое вниманіе на томъ, чего ты домогался отъ меня. Сколько мнѣ извѣстно изъ таинственныхъ книгъ, она царствовала около ста лѣтъ и нисколько не измѣнила наружности. Одновременно съ нею царствовалъ въ Кафѣ (Феодосіи) братъ ея, который никогда не принималъ пищи, приготовленной у себя, а ежедневно получалъ ее въ горячемъ видѣ со стола этой прекрасной волшебницы. Но довольно увлекаться ея подвигами, надо спѣшить дѣломъ, въ противномъ случаѣ наступитъ полночь, проснется царица и тогда намъ не будетъ пощады.“ Сказавъ это Джинджи бросился бѣгомъ въ одинъ изъ темныхъ угловъ комнаты и началъ шарить въ кипарисномъ сундукѣ.

Ханъ видѣлъ какъ онъ вынулъ изъ него небольшую серебряную коробочку, которую съ необыкновенною быстротою спряталъ за пазуху.

— Идемъ! крикнулъ колдунъ—ты достигъ желанія.

Но падишахъ не сводилъ глазъ съ красавицы.

— Бѣжимъ поскорѣе! завопилъ Джинджи—я завладѣлъ тѣмъ, чего ты потребовалъ отъ меня.

Ханъ по прежнему хранилъ молчаніе и все ближе и ближе подходилъ къ прелестной волшебницѣ.

— Султанъ мы погибнемъ—ревѣлъ въ изступленіи колдунъ. Пожалѣй себя и народъ твой,—вотъ смотри я досталъ ту траву, отъ прикосновенія которой все превращается въ золото. Теперь ты и наслѣдники твои властны будутъ превратить весь земной шаръ въ драгоцѣннѣйшій металлъ.

Но ханъ ничего не слышалъ.

Джинджи бросился къ его ногамъ и началъ умолять вспомнить про свою клятву.

И это оказалось безполезнымъ.

Вдругъ послышался въ отдаленныхъ гротахъ гулъ и очаровательное пѣніе женскихъ голосовъ. Обезумѣвшій отъ страха колдунъ схватилъ государя своего за руку и хотѣлъ насильно повлечь за собою. Но въ этотъ моментъ поднялась въ гробѣ волшебница и произнесла грознымъ голосомъ:

— Не смѣй насиловать твоего владыку жалкій воръ! Сію-же минуту возврати мнѣ то, что ты похитилъ и бѣги вонъ изъ моего жилища. Я дарую тебѣ жизнь только за то, что ты съумѣлъ ввести ко мнѣ этого славнаго падишаха,

Не успѣла она произнести этихъ словъ и взять коробочку, какъ несчастный колдунъ очутился у подножія горы. Онъ снова услышалъ страшный скрипъ желѣзныхъ воротъ и видѣлъ какъ они скрылись подъ осѣвшею землею.

Съ того времени никто не подумалъ освободить несчастнаго хана изъ мрачнаго подземелья и завладѣть великими сокровищами безподобной волшебницы, покоющейся въ нѣдрахъ Митридатовской горы.

Оврагъ окаменѣвшихъ овецъ.

На Керченскомъ полуостровѣ, богатомъ древними замѣчательными памятниками и развалинами давно минувшихъ вѣковъ, существуетъ оврагъ, именуемый до настоящаго времени мѣстными татарами *хой-ташъ*-дере или оврагъ окаменѣвшихъ овецъ.

Оврагъ этотъ или проще русло рѣки проходитъ по сосѣдству деревни Хызылъ-хую и очень хорошо извѣстенъ туземцамъ Крыма легендою, Богъ вѣсть кѣмъ придуманною, вѣроятно потому что въ оврагѣ этомъ встрѣчается значительное число камней, которые издали имѣютъ сходство съ отарою бѣлыхъ овецъ, въ срединѣ которой возвышается и фигура пастуха, какъ будто предавшагося дремотѣ, послѣ утомительной прогулки. Легенда эта слѣдующаго содержанія:

„У одного богача, до крайности добраго и благочестиваго, была единственная дочь, которою онъ дорожилъ выше всего на свѣтѣ. И какъ было не дорожить такимъ существомъ, которое отъ всей души предано было отцу, которое предупреждало всѣ его желанія?

Въ одинъ вечеръ старикъ замѣтилъ, что прекрасные глаза любимой дочери его полны грусти.

— Что съ тобою дитя мое? спросилъ отецъ съ сердечнымъ волненіемъ.

— Я и сама не знаю, что дѣлается со мною съ той минуты, когда ты ввелъ къ намъ Бекира. Его голосъ проникъ въ мое сердце и въ немъ живетъ; его взглядъ взволновалъ мою кровь; его станъ рисуется предо мною постоянно—словомъ я день и ночь думаю о немъ и въ немъ мнѣ чудится рай со всѣми его блаженствами.

— Понялъ, дочь моя, ты желаешь, чтобы Бекиръ былъ постоянно съ тобою, чтобы его уста прикасались къ твоимъ, чтобы онъ гладилъ твои коски, чтобы ты слышала его голосъ.

— Да, да отецъ мой, ты угадалъ тайныя желанія моего сердца. Мнѣ и самой кажется страннымъ, почему оно желаетъ этого.

— Всѣ дѣвушки въ твой возрастъ, подвергаются подобной болѣзни. Такъ ужъ назначено имъ отъ Аллаха.

— Ты сказалъ, что это болѣзнь? значитъ есть средство отъ нея излечиться?

— Есть, дочь моя, если только ты пожелаешь.

— Нѣтъ, отецъ мой, болѣзнь эта такая пріятная, что я нехотѣла-бы лечиться отъ нея.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится поскорѣй выдать тебя замужъ, чтобы удовлетворить требованіямъ твоего добраго сердца. Ты знаешь, что грусть твоя вдвойнѣ печалитъ меня.

При этихъ словахъ красавица Алиме бросилась въ объятія старика и начала ласкать его сѣдую бороду.

Три дня спустя нарочно посланные глашатаи собирали всѣхъ почетныхъ жителей крымскаго ханства на свадьбу единственной

дочери Адиль-бея. Всѣмъ объявлялось, что отецъ жертвуетъ для угощенія гостей половину всего своего состоянія и что каждому посѣтителю поднесется дорогой подарокъ. И дѣйствительно всѣ прибывшіе пировали впродолженіи сорока дней и ночей.

По окончаніи пира Адиль-бей пригласилъ новобрачныхъ и спросилъ у нихъ, что они желаютъ получить отъ него для обезпеченія своей будущности?

Бекиръ, которому извѣстно было все состояніе тестя, научилъ жену свою потребовать отъ него рѣшительно все до послѣдняго ковшика.

Адиль-бей не противорѣчилъ дочери не единымъ словомъ и отдалъ все, за исключеніемъ вѣника и гребешка, оставленныхъ старикомъ для своихъ надобностей.

На слѣдующій день новобрачные рѣшились переселиться въ Керчь, чтобы не кормить престарѣлаго отца, полученнымъ отъ него имуществомъ. Адиль-бей не только обидѣлся противъ такой неблагодарности, но изъявилъ даже желаніе сопровождать дочь свою до мѣста перваго ночлега, чтобы еще разъ обнять ихъ и призвать милости всемилостивѣйшаго Аллаха.

Къ вечеру обширный караванъ, сопровождаемый безсчетною отарою овецъ, пришелъ и расположился на ночлегъ въ оврагѣ, именуемомъ нынѣ Хой-ташъ-дере. По распоряженію добраго отца изъ сосѣднихъ поселеній принесенъ былъ огонь и всевозможныя явства для почтенныхъ гостей. И снова музыка загремѣла. Танцы и угощенія возобновились.

На утро проснулась Алиме и застучала въ ладоши. На зовъ ея явились служанки.

— Умыться—сказала она.

Когда приказаніе это было удовлетворено, она потребовала гребешекъ причесаться, чтобы выйти къ мужу въ приличномъ видѣ; но увы въ приданномъ ея не оказалось гребешка. Это до того возмутило Алиме, что она начала рвать на себѣ волосы и самымъ отвратительнымъ образомъ ругать и проклинать добраго отца.

Пораженный такою вопіющею неблагодарностію, несчастный Адиль-бей бросился въ палатку новобрачной и павъ на колѣни съ поднятыми къ небу руками рыдая произнесъ:

— Да постигнетъ безславіе того отца, который думаетъ въ дочери найти частицу своей крови! Тебя-же неблагодарное созданіе за твои дерзкія слова предаю въ руки шайтана и умоляю Аллаха, чтобы онъ превратилъ на этомъ мѣстѣ тебя съ мужемъ и со всѣмъ моимъ имуществомъ въ обломки скалъ для назиданія будущихъ поколѣній!

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ весь караванъ исчезъ съ лица земли, а на мѣстѣ его появились кучи камней. Съ того времени оврагъ этотъ названъ туземцами Хой-ташъ-дере или оврагомъ окаменѣвшихъ овецъ.

Катара-куле или проклятая башня.

Въ Судакѣ, нѣкогда замѣчательномъ греческомъ городѣ на берегу Чернаго моря въ Тавридѣ, до настоящаго времени сохранилась высокая башня на гигантской скалѣ подъ именемъ Катара-куле. Названіе это происходитъ отъ двухъ словъ, греческаго: *проклятая* и татарскаго: *крѣпость*. Нѣтъ сомнѣнія, что укрѣпленіе это основано греками въ тѣ довспоминувшія времена, когда древняя Судгаія была резиденціею греческихъ владѣтельныхъ князей и досталась, въ числѣ прочихъ городскихъ укрѣпленій, отважнымъ генуэзцамъ, употреблявшимъ всевозможныя мѣры къ присвоенію себѣ чужой собственности въ видѣ передѣлокъ, вставки гербовъ съ надписями и т. п. вслѣдствіе чего большинство современныхъ археологовъ заключили, что обширный судакскій зáмокъ есть твореніе итальянскихъ выходцевъ, тогда какъ во времена ихъ господства въ Ѳеодосіи городокъ этотъ былъ лишенъ права торговли, охранялся ничтожною стражею и слѣдовательно не представлялъ необходимости сооружать такого рода укрѣпленій, на которыя потребовалось много лѣтъ труда и громадныя средства.

Въ такомъ предположеніи я съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался къ легендамъ крымскихъ туземцевъ въ полномъ убѣжденіи, что рано или поздно услышу хотя въ полусказочномъ повѣствованіи, что нибудь согласующееся съ моимъ убѣжденіемъ. Въ концѣ концовъ мнѣ пришлось повстрѣчаться на южномъ берегу Крыма въ греческомъ селеніи Аутка съ священникомъ о. Григоріемъ, прослужившемъ въ этомъ санѣ 40 лѣтъ и происходившемъ отъ поколѣнія первобытныхъ іереевъ туземныхъ грековъ. Дряхлый старецъ этотъ, которому я обязанъ чрезвычайно многими преданіями объ историческихъ мѣстностяхъ Тавриды, вотъ что сообщилъ о Катара-куле:

„Отъ дѣда моего я очень часто слышалъ, что вся приморская полоса земли въ окружности Крыма принадлежала ихъ прадѣдамъ, которые жили на ней счастливо и покойно до того времени, пока Константинополь не принадлежалъ Туркамъ и пока татаре не укрѣпились въ нашей странѣ; что здѣсь греки имѣли свои самостоятельныя царства, княжества и республики и вели торговыя сношенія съ самыми отдаленными странами міра; что здѣсь золото цѣнилось дешевле серебра и что повсюду было огромное изобиліе въ естественныхъ произведеніяхъ, составляющихъ потребность народонаселенія Всѣ эти удобства и блага послужили поводомъ къ основанію многихъ городовъ и селеній съ замками или укрѣпленными башнями для предохраненія семействъ отъ внезапныхъ нашествій непріятеля, но изъ всѣхъ этихъ городовъ будто славнѣйшимъ считался Судакъ недоступностію крѣпостей, воздвигнутыхъ князьми его. По разсказамъ постройка задумана однимъ изъ царевичей, выселившихся изъ Византіи съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе въ отечество. У царевича этого было три дочери божественной красоты и единственный сынъ, котораго онъ лю-

билъ до безумія. Когда онъ воцарился въ Судакѣ и покончилъ съ постройкою двухъ крѣпостей, ему вздумалось осмотрѣть окрестности своей столицы. Увлеченный прекрасными видами дальнихъ горъ архонтъ до того замечтался, что потерялъ лѣсную тропинку и заблудился. Къ вечеру онъ очутился около обширнаго грота и поневолѣ рѣшился ночевать въ немъ.

Лишь только онъ соснулъ, какъ предъ нимъ предсталъ сѣдой монахъ въ золотой митрѣ, блистающей разноцвѣтными огнями.

— Я давно желалъ тебя видѣть добрый царь — сказалъ онъ, кланяясь ему почтительно.

— А для чего я тебѣ нуженъ святой отецъ?

— Мнѣ необходимо сообщить тебѣ тайну, чтобы ты принялъ мѣры къ предупрежденію страшной бѣды. Ты лишишься всѣхъ дѣтей твоихъ, если врагу удастся восторжествовать.

Сказавъ это монахъ исчезъ.

Князь проснулся и долго думалъ, что можетъ грозить его дѣтямъ и какъ поступить, чтобы не допустить этого несчастія. Съ разсвѣтомъ, выходя изъ пещеры, архонтъ порѣшилъ перевести ихъ немедленно въ только что построенныя имъ крѣпости и окружить самыми преданными слугами.

Возвратившись домой князь потребовалъ жену и, сообщивъ ей сказанное таинственнымъ монахомъ, спросилъ ея мнѣніе. Испуганная мать одобрила постановленіе мужа и въ тотъ-же день любимый сынъ переведенъ былъ въ Катара-куле, а дочери въ Хызъ-куле *).

Въ приказаніяхъ, отданныхъ стражникамъ важнѣйшимъ считалось то, чтобы братъ не зналъ о заключеніи сестеръ и чтобы сестры не подозрѣвали ареста брата. На случай-же, если они станутъ скучать и допрашивать почему отдалены отъ родителей и находятся подъ строгимъ надзоромъ, дать имъ понять, что княжеству угрожаетъ великая опасность, по минованіи которой ихъ сейчасъ-же возвратятъ домой.

Покончивъ съ этимъ архонтъ по прежнему занялся дѣлами и усердно молилъ Бога о сохраненіи дѣтей своихъ. Тѣмъ временемъ въ крѣпостяхъ, гдѣ проживали его дорогія дѣти не то творилось: всѣ они изнывали отъ разлуки съ тѣми нѣжными друзьями, которыхъ любили давно. Наконецъ у нихъ не хватило силъ переносить тоски и три сестры согласились послать къ родителямъ одного изъ стражниковъ съ просьбою дать имъ свободу, въ противномъ случаѣ онѣ вынуждены будутъ умереть.

Посланный, которому показалось невѣроятною эта угроза и не хотѣлось тревожить родителей, предпочелъ дозволить тоскующимъ небольшую прогулку и свиданіе съ братомъ.

Княжны съ радостію приняли дозволеніе и бѣгомъ пустились къ брату.

---

*) Въ переводѣ: крѣпость дѣвъ. Этимъ именемъ она называется до настоящаго времени.

Молодой человѣкъ, которому извѣстно было заключеніе юныхъ и ни въ чемъ не виновныхъ сестеръ своихъ, съ отчаяннымъ рыданіемъ бросился къ нимъ въ объятія и затѣмъ посадивъ предъ собою разсказалъ слѣдующее:

„Вѣрный нашъ другъ и родственникъ вчера вечеромъ прислалъ мнѣ записку, въ которой сообщаетъ, что мы всѣ заключены въ крѣпости по подозрѣнію въ желаніи отравить отца и мать, вслѣдствіе чего и приговорены судомъ къ позорной казни. Въ подтвержденіе написаннаго онъ приложилъ заявленіе рабовъ, которые ненавидя насъ рады были обвинить всенародно. Въ заключеніе нашъ родственникъ совѣтуетъ намъ, камъ можно поскорѣе умереть честною смертью, потому что неизвѣстенъ часъ казни и не представляется возможности спасенія, такъ какъ лжесвидѣтели представили даже ядъ, будто-бы приготовленный нами для родителей.

— Быть не можетъ! вскрикнули дѣвушки, хватаясь за головы. Неужели родители наши могутъ повѣрить такой безчестной и возмутительной клеветѣ?

— Если вы сомнѣваетесь въ этомъ—возразилъ братъ—то объясните мнѣ причину нашего заключенія въ крѣпостяхъ, куда отводятся только важнѣйшіе преступники — и почему до настоящаго времени насъ не навѣстили ни мать, ни отецъ?

Сестры со вздохомъ взглянули на образъ Божіей Матери.

— Чтожъ намъ дѣлать теперь? спросила старшая.

— Ничего больше какъ воспользоваться добрымъ совѣтомъ нашего родственника.

Послѣ продолжительнаго молчанія сестры рѣшились послушать брата и умереть тою-же смертью какою онъ умретъ.

Положено было всю ночь провести въ молитвѣ Творцу, а съ первыми лучами солнца взойти на вершину крѣпости и оттуда броситься внизъ на острые камни. Рѣшеніе освящено было клятвою и прощальными объятіями. Нѣсколько минутъ спустя сестры возвратились въ свою крѣпость и со слезами бросились на колѣни предъ ликомъ Спасителя.

Въ это время князь покончивъ дневныя занятія расположился на отдыхъ, но не успѣлъ онъ сомкнуть глазъ какъ предъ нимъ предсталъ тотъ монахъ въ митрѣ, который являлся въ гротѣ.

— Архонтъ—сказалъ онъ—если ты не поспѣшишь къ дѣтямъ твоимъ, то завтра съ разсвѣтомъ тебѣ придется собирать одни только обезображенные ихъ останки. Да будетъ тебѣ извѣстно также, что въ крѣпости гдѣ ты поселилъ сына основалъ свое пребываніе и злой духъ, который желая возмутить тебя противъ Бога подготовилъ одновременно смерть всѣмъ твоимъ дѣтямъ. Проклята эта крѣпость до того времени, пока ты или наслѣдники твои не сооружатъ въ ней храмъ Божій и непрестанною молитвою не изгонятъ изъ нея вреднаго духа.

Князь въ страхѣ пробудился и поспѣшилъ къ женѣ. Ей снился такой-же сонъ. Увѣренные окончательно, что излюбленнымъ дѣтямъ ихъ грозитъ серіозная опасность, родители не смотря на

бурную, темную ночь, направились къ высокимъ скаламъ, гдѣ томились и оплакивали свое назначеніе ихъ честныя и богобоязливыя дѣти.

Со страхомъ и какимъ-то ужасомъ они окликнули полусонныхъ стражниковъ и едва слышными шагами приблизились къ дверямъ, за которыми громко вопилъ несчастный юноша. Въ эту только минуту князь, убѣдившись въ справедливости сказанія таинственнаго монаха, быстро отворилъ двери, чтобы поскорѣе утѣшить дорогаго наслѣдника, но этотъ стукъ и внезапное появленіе въ поздній часъ ночи родителей до того подѣйствовали на юнаго царевича, что онъ лишился разсудка. Таже участь постигла и дочерей, вообразившихъ, что пришли требовать ихъ къ позорной казни.

Тяжкія событія эти не менѣе жестоко поразили нѣжныхъ родителей, которые въ отчаяніи ломали себѣ руки и готовы были броситься въ пучину морскую. Къ счастію подоспѣлъ таинственный монахъ и, прикоснувшись къ каждому страждущему, заставилъ ихъ очнуться отъ болѣзненныхъ припадковъ; затѣмъ благословивъ ихъ на долгую и счастливую жизнь, онъ поднялъ глаза къ крѣпости, гдѣ сидѣлъ княжескій сынъ и трижды произнесъ проклятіе.

— *Катара!* Катара! повторили за нимъ и всѣ присутствующіе.

Вотъ съ того-то времени — заключилъ священникъ — крѣпость эта носитъ названіе „Катара-куле“ или проклятой башни и названіе это не забудется въ устахъ туземцевъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ послѣдній отъ нея камень.

Старо-крымскія легенды.

Ни одна мѣстность въ Тавридѣ не послужила къ выдумкамъ такого множества легендъ, какъ развалины нѣкогда знаменитаго Стараго-Крыма, описаннаго нами довольно подробно *). Удивляться этому не приходится тѣмъ, кто знаетъ историческую судьбу этого города и кто знакомъ съ впечатлительностію туземцевъ, смотрѣвшихъ на прошлое, какъ на время жизни миѳическихъ героевъ и чудесъ, утратившихъ навсегда свои преимущества съ паденіемъ мусульманскаго господства въ Европѣ.

До 1859 года или до послѣдней эмиграціи татаръ, легенды эти разсказывались даже дѣтьми во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ эски-Крыма и для любителя такого рода преданій не представлялось затрудненія собрать ихъ нѣсколько десятковъ. Намъ также легко было это сдѣлать, но къ сожалѣнію мы не предполагали, что послѣдуетъ выходъ изъ Крыма лучшихъ татаръ и съ ними вмѣстѣ исчезнутъ легендарныя повѣствованія изъ страны.

Вотъ все то, что мы случайно сберегли отъ того времени, когда окрестныя деревни Стараго-Крыма были въ первобытномъ положеніи и счастливые татары еще не испытали ужасныхъ тягостей Крымской войны.

---

*) См. I, III и IV т. нашего Унив. Опис. Крыма.

Гробница Мамая.

Изъ Софійской лѣтописи *) мы узнаемъ, что въ то время, когда Мамай разбитый в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ на рѣкѣ Непрядвѣ „прибѣжа въ землю свою въ малѣ дружинѣ, видя себе бита и побѣждена и посрамлена и поругана, собра остаточную свою силу еще въ схотѣ итти изгономъ на Русь. И сице пріиде къ нему вѣсть, что идетъ на него нѣкый царь съ въстока именемъ Тактамышь изъ Синіе орды. Мамай же пойде противу его и срѣтошася на Калкахъ и бысть имъ бой и царь Тактамышь побѣди Мамая и прогна его... Мамай же гонимъ сый, бѣгая предъ Тактамышышевыми гонители и прибѣже близъ города Кафы и сослася съ Кафинци по докончанію и по опасу, дабы его пріяли на избавленіе, дондеже избудетъ отъ всѣхъ гонящихъ его; и повелѣша ему и прибѣжа Мамай въ Кафу со множествомъ имѣнія, злата и сребра, Кафинци съвѣщашася и сотвориша надъ нимъ облесть и ту отъ нихъ убіенъ убо бысть-тако конецъ безбожному Мамаю...“

Этого достаточно, чтобы допустить вѣроятность могилы Мамая въ окрестностяхъ теперешней Ѳеодосіи. Если-же мы примемъ въ расчетъ существованіе невдали отъ Стараго Крыма деревни, именуемой Шахъ-Мамай, то какъ-то невольно вѣрится въ лѣтописное сказаніе. Жаль только, что въ татарскихъ теварикахъ объ этомъ событіи не упоминается ничего и не существуетъ положительныхъ доказательствъ въ видѣ надписей и надгробныхъ камней. Правда одинъ татаринъ указывалъ мнѣ на курганъ, какъ на могилу Мамая, но подобныхъ кургановъ на этой мѣстности такое множество, что при всей охотѣ повѣрить, впадаешь въ сомнѣніе. Вслѣдствіе чего мы начали прислушиваться къ полумиѳическимъ преданіямъ, въ предположеніи найти хоть въ нихъ какой-либо намекъ на это важное событіе, Богъ вѣсть почему отторгнутое татарами Крыма отъ своихъ записей. Вотъ все что мы нашли подходящимъ къ этому происшествію.

„Въ нашей странѣ въ глубокой древности появился одинъ батырь (богатырь), который нѣкогда господствовалъ надъ половиною міра и хотѣлъ во что-бы ни стало завладѣть остальною его частію, чтобы сдѣлаться вторымъ послѣ Бога и владѣть всѣми сокровищами земли.“ Тогда только я буду спокойно спать—говорилъ онъ—тогда только не будутъ безпокоить меня различн ..я прихоти и желанія, которыя могутъ быть доступны одному хозяину на землѣ—когда все будетъ мое.“

Слова эти онъ никогда не произносилъ съ предварительнымъ призывомъ имени Аллаха на томъ вѣроятно основаніи, что не имѣлъ болѣе надобности въ помощи Творца неба и земли и потому что ему удавалось всякое предпріятіе съ мечемъ въ ру-

*) См. VI т. полнаго собранія русск. лѣтописей изд. археограф. коммиссіею въ 1853 г.

кахъ. Однажды, сидя въ раззолоченномъ шатрѣ своемъ, онъ подозвалъ къ себѣ проходящаго мимо дервиша и спросилъ у него: какъ великъ Божій міръ и сколько надо времени могущественному царю, чтобы побѣдить его?

— Нашъ міръ не имѣетъ конца—отвѣчалъ служитель Аллаха и вопросъ твой не кстати предложенъ мнѣ. Мнѣ хотѣлось-бы знать кто этотъ дерзкій, который желаетъ присвоить себѣ власть Божію.

— Это я!—отвѣчалъ шахъ.

— Какой же ты думаешь дать отвѣтъ Богу на судѣ его за такое желаніе?

— Для Аллаха я думаю нѣтъ надобности вмѣшиваться въ человѣческія дѣянія: у него есть свое царство ангеловъ и джиновъ.

— Шахъ богатырь, ты произносишь хулу и это не пройдетъ тебѣ безнаказно, если ты не покаешься—сказалъ дервишъ.

— За меня обязаны молиться мои подданые, которымъ я даю средства къ жизни и сберегаю ихъ отъ обиды. Такія заслуги должны высоко цѣниться и на небѣ.

— Ты это дѣлаешь только для своей пользы, если мечтаешь покорить своей власти весь міръ. О, берегись гнѣва Божія, который можетъ внезапно наслать на тебя ничтожнаго съ вида, но могущественнаго по силамъ, врага и отъ славы твоей не останется ни единой пылинки.

— Вижу почтенный дервишъ, что ты глупъ, какъ всѣ собратья твои. Иди-же своей дорогой и не смѣй впредъ показываться на мои глаза.

Дервишъ поднялся съ мѣста.

— Твое приказаніе я исполню, но помни и ты, что въ трудную минуту твоей жизни какъ-бы ты не взывалъ къ моей помощи, я и тогда не забуду этого приказа. Съ этими словами старикъ скрылся изъ виду.

Тѣмъ временемъ могущественный шахъ задумалъ побѣдить одно большое государство и приказалъ двинуться войскамъ своимъ впередъ. Состоящіе при немъ муллы предложили ему предварительно принесть Богу жертву и испросить благословеніе пророка.

— Оставьте ихъ въ покоѣ—отвѣчалъ повелитель—ни одинъ изъ нихъ не сойдетъ ради насъ и не прольетъ своей крови за меня. Я лучше угощу моихъ воиновъ наканунѣ битвы—это будетъ понадежнѣе.

— Султанымъ—отвѣчали муллы—ты этими словами можешь оскорбить пророка и онъ станетъ помогать врагамъ твоимъ.

— Тѣмъ хуже для него: онъ пострадаетъ вмѣстѣ съ ними.

Услышавъ такую хулу, улемы съ трепетомъ взялись за бороды и молча возвратились въ свои улусы.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя безбожный шахъ вступилъ въ чужія земли и все преклонялось предъ нимъ, какъ предъ божествомъ. Такъ прошелъ онъ одну треть царства и былъ уже увѣ-

ренъ, что пройдетъ его вдоль и поперекъ, не встрѣчая ни малѣйшаго противоборства. Какъ вдругъ предъ нимъ выросли лѣса вооруженныхъ людей. Шахъ потеръ руки свои отъ удовольствія, что наконецъ онъ увидитъ потоки враждебной крови и услышитъ звукъ оружія. Отдавъ необходимыя приказанія, онъ вмѣсто молитвы приказалъ созвать всѣхъ музыкантовъ и началъ пировать. Покончивъ съ удовольствіями, онъ приказалъ 12-ти слугамъ вывести къ нему лучшаго коня своего и, вскочивъ на него, сдѣлалъ знакъ воинамъ своимъ наброситься на дерзкихъ, рѣшившихся оказать сопротивленіе.

— Никого не щадить! закричалъ онъ и помчался впередъ.

Но только что отважные воины хотѣли пустить въ дѣло свои пики и сабли, какъ подъ ними задрожала земля и надъ головами ихъ появились какіе-то чудовища, поражающія ихъ камнями, грязью и засыпающія глаза ихъ ѣдкою пылью. Храбрецы засуетились и вынуждены были остановиться. Тѣмъ временемъ враги начали наносить имъ раны и такое истребленіе, какого до того не совершалось на землѣ.

Ужаснувшійся шахъ повернулъ скакуна своего и бросился бѣжать. Воины его слѣдовали за нимъ и остановились только тогда, когда не представлялось опасности.

Три дня спустя шахъ увѣрилъ спасшихся отъ смерти, что несчастіе это было случайно причинено облаками пыли, поднятой вѣтрами, и что онъ приказываетъ вновь собраться въ походъ, чтобы поразить до единаго дерзнувшихъ тщеславиться побѣдою.

Улемы вторично предложили ему принести жертвоприношеніе.

На этотъ разъ ханъ приказалъ сбрить имъ насильственно бороды за дерзкіе совѣты. Только что приказаніе это начали исполнять, какъ прискакалъ гонецъ съ заявленіемъ, что одно изъ завоеванныхъ шахомъ ханствъ взбунтовалось противъ него и порабощенные, избравъ вождя, намѣрены помѣриться съ нимъ силами.

— Ты лжешь! вскрикнулъ ханъ и приказалъ отрубить вѣстнику голову.

Но не успѣло еще остынуть тѣло невинно пострадавшаго, какъ показались тучи враговъ, которые въ пухъ и прахъ разбили всѣхъ тѣхъ, которые не перешли на ихъ сторону. Изумленный такому внезапному повороту своей судьбы, шахъ бросился бѣжать съ своими богатствами, но такъ какъ впереди и сзади у него были враги, то онъ направился къ берегамъ Азакъ деньза и, нанявъ большой корабль, на который перенесены были всѣ его сокровища, пустился искать своего счастія въ чужихъ странахъ. Какъ долго онъ плавалъ по водамъ, Богъ знаетъ, и наконецъ онъ прибылъ къ одному изъ бывшихъ тогда въ Крыму большихъ городовъ, куда о немъ достигла слава, и началъ просить у гражданъ дозволенія высадиться на ихъ берегъ. Граждане согласились охотно, когда узнали, что онъ обладаетъ громадными богатствами. Проживъ у нихъ нѣкоторое время, онъ началъ довольно часто отлучаться на хуторъ свой, гдѣ намѣревался поселиться,

а тѣмъ временемъ задался мыслью покорить своей власти не только тѣхъ, которые дали ему пріютъ, но и всю страну. Безбожному человѣку казалось, что онъ созданъ господствовать надъ міромъ и доля обыкновеннаго гражданина тяготила его. Для достиженія цѣли онъ началъ населять хуторъ свой всѣми дурными людьми и заманивать къ себѣ тѣхъ, которые нѣкогда благоговѣли предъ его могуществомъ и принимали его за божество. Когда число этихъ отважныхъ дошло до степени удовлетворяющей надежды шаха, онъ приказалъ имъ по одиночкѣ, въ различное время и разными воротами входить въ пріютившій его городъ и ожидать того момента, когда онъ подастъ сигналъ броситься на городскую стражу и, обезоруживъ ее, завладѣть всѣми укрѣпленіями. Для успѣха въ этомъ предпріятіи не представлялось ровно ничего труднаго, такъ какъ въ городѣ не было надобности держать много войска и не предвидѣлось никакой опасности. Шахъ, упоенный надеждами снова господствовать и вновь сдѣлаться львомъ наперекоръ Аллаху и святому пророку, которые отвергнули его отъ лица своего, забылся на минуту и повѣдалъ радость свою одному изъ усердныхъ слугъ своихъ, который хозяйничалъ и оберегалъ покой его со дня прибытія въ чужой городъ. Слуга раздѣлилъ радость свою съ женою. А всѣмъ извѣстно, что когда женщины бываютъ посвящены въ какую нибудь важную тайну, онѣ, чтобы доказать права свои на мужей, стараются разгласить все извѣстное имъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ. Тайна шаха въ первый же день облетѣла весь кварталъ и дошла до ушей градоправителей, которые и безъ того уже съ безпокойствомъ посматривали на толпы подозрительныхъ людей, безъ занятій бродящихъ по ихъ городу. Понятно, что по требованію ихъ всѣ жители вооружились и приготовились къ отчаянному сопротивленію. Не зная послѣдняго распоряженія, шахъ въ полночь подалъ сигналъ и самъ явился руководителемъ отважныхъ головъ, но въ какую онъ улицу не вступалъ, его вездѣ встрѣчали градомъ пуль и снѣгомъ стрѣлъ, но трусить не было въ натурѣ человѣка, отвернувшагося отъ лица Господня. Дѣйствуя напроломъ, онъ бросился на важнѣйшія городскія башни, которыя въ обыкновенное время защищались десяткомъ служителей, но встрѣтивъ и тутъ сотни защитниковъ, закончилъ тѣмъ, что, потерявъ всѣхъ почти сообщниковъ, долженъ былъ бѣжать и скрыться въ городскомъ бассейнѣ въ надеждѣ, что авось придетъ за водою одинъ изъ пріятелей, который выведетъ его въ темную ночь изъ города, которому онъ вмѣсто благодарности принесъ много зла. Просидѣвъ въ темныхъ коррндорахъ водохранилища два дня, онъ внезапно услышалъ чей-то вздохъ и слѣдующую рѣчь: „несчастный шахъ, ты-ли это тотъ безбожникъ, который мечталъ по личной волѣ сдѣлаться вторымъ послѣ Бога! Хотѣлось-бы мнѣ послушать теперь твои дерзкія слова. Навѣрно теперь ты созналъ свое ничтожество передъ Творцомъ міра и трепещешь за

жизнь свою, если только не лишился ея вмѣстѣ съ тѣми несчастными, которые въ безуміи пожертвовали тебѣ своими буйными головами. Воображаю какъ-бы ты благодаренъ былъ пророку, еслибъ онъ сохранилъ тебѣ твою жизнь, если только она не утрачена тобою въ наказаніе за богохульство! О несчастный, ищущій всеобщаго господства, теперь ты не вправѣ господствовать надъ своими ногами и лишенъ надежды восхищаться даже тѣми надеждами, которыя утѣшаютъ всякаго мусульманина въ загробной жизни. Жаль мнѣ тебя, неумѣвшаго сберечь сіянія своего и возставшаго безъ надобности противъ Бога, озарившаго тебя всѣми милостями, но отнынѣ ты отброшенъ отъ лица Его и ни одна гадина не станетъ служить тебѣ, чтобы не оскорбить святаго пророка. Сказавъ это, дервишъ склонилъ голову и началъ утирать выступавшія изъ глазъ его слезы.

Шахъ, видѣвшій и слышавшій все это, рѣшился приползти къ нему и попросить его помощи убѣжать изъ враждебнаго города. Убѣдившись, что знакомый ему дервишъ сидитъ одинъ и не выдастъ его, онъ началъ раскаяваться въ прошлыхъ заблужденіяхъ своихъ и умолять оказать ему состраданіе.

— Все напрасно шахъ—отвѣчалъ онъ со вздохомъ—твоя участь рѣшена уже на небѣ и никакія усилія человѣка не измѣнятъ священнаго приговора.

— Я не о томъ спрашиваю тебя мой братъ. Пусть будетъ со мною, что опредѣлено на небѣ, но ты выведи меня изъ этого адскаго положенія: я умираю отъ голода и холода, я трепещу за жизнь свою и боюсь быть разстерзаннымъ тѣми, которыя дали мнѣ пріютъ и защитили отъ враговъ.

— И которыхъ ты за это хотѣлъ сдѣлать рабами своими?

— Къ несчастію я привыкъ всѣми повелѣвать и не могъ воздержаться отъ врожденной привычки.

— А помнишь-ли ты твой приказъ не показываться тебѣ на глаза? Если бъ ты остался-бы при своей силѣ, то можетъ быть приказалъ обезглавить меня за нарушеніе твоей воли, но теперь когда нуждаешься въ моихъ услугахъ ты совсѣмъ другое говоришь.

— Не упрекай меня дервишъ въ моихъ грѣхахъ. Отнынѣ я намѣренъ посвятить себя только однимъ добрымъ дѣламъ.

— Поздно шахъ ты опомнился, но чтобы тебѣ доказать мою готовность служить ближнему, я сегодня же ночью выведу тебя за городскую стѣну и предоставляю тебѣ свободу любоваться Божьимъ міромъ. Жди меня въ полночь. Съ этими словами дервишъ ушелъ.

Въ назначенный часъ онъ прибылъ къ городскому скопищу водъ и, вызвавъ шаха, увлекъ за собою; а нѣсколько минутъ спустя онъ вывелъ его за городъ канавою, по которой спускалась дождевая вода въ море.

— Прощай шахъ—сказалъ дервишъ,—я сдѣлалъ свой долгъ, но сбережешь-ли ты жизнь свою въ этой странѣ, объ этомъ

знаетъ Богъ. Бѣги лучше и не останавливайся до того времени, пока не придешь къ народу, не знавшему твоего имени.

— Я готовъ тебя послушать, но мнѣ предварительно надо захватить мои сокровища, которыя я скрылъ въ подземельяхъ моего хутора.

— Брось ихъ несчастный; чтобы они не напоминали тебѣ твоего минувшаго безбожія и не тяготили твою душу.

Шахъ не хотѣлъ болѣе слушать избавителя своего и бѣгомъ пустился по направленію къ своему помѣстію. Съ каждымъ шагомъ дальше отъ опастности бѣглецъ мужалъ и начиналъ думать о возможности отмстить непокорнымъ людямъ и достигнуть во чтобы ни стало своего утраченнаго величія. Пришедъ домой и встрѣтивъ радостный пріемъ отъ слугъ своихъ, шахъ послѣ удовлетворенія аппетита, забылъ уже про всѣ неудачи свои и жестоко клянулъ пророка, вздумавшаго издѣваться надъ нимъ. Понятно, что каждая мысль его была подслушана ангелами и доведена была до великаго законодателя, который не вытерпѣлъ болѣе и приказалъ направить на него толпу ожесточенныхъ враговъ.

Шахъ грызъ отъ нетерпѣнія губы свои въ то время, когда домъ его былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Вооружившись саблею, онъ бросился на враговъ, но въ эту минуту въ тѣло его вонзились сотни пикъ и онъ палъ какъ снопъ, сброшенный съ мажары.

— Гдѣ ты спряталъ твои сокровища? спросили его.

— Такъ вы ради ихъ посягнули на мою жизнь? спросилъ умирающій.

— Да—было отвѣтомъ.

— Я готовъ отдать ихъ вамъ, если вы дадите мнѣ спокойно умереть.

— Говори скорѣе и мы оставимъ тебя.

Шахъ и въ эту минуту надѣялся ожить для того, чтобы со временемъ расплатиться съ человѣчествомъ по своему. Указавъ на подземелье свое, онъ потребовалъ перенести себя на мягкое ложе, но прежде чѣмъ свѣтило дня озарило землю, его покинула душа.

Преданные ему слуги изъ боязни, чтобы и тѣло его не подвергнулось посмѣшищу, поспѣшили навалить надъ могилою его цѣлый холмъ земли и разбѣжались въ различныя стороны, чтобы не слышать по ночамъ ржанія и скрежета зубовъ изъ свѣжей гробницы. Впослѣдствіи на этомъ курганѣ ежегодно видѣли медвѣдя, который начиналъ свой ревъ съ полуночи до того времени, пока можно было отличить черную нитку отъ бѣлой.

Такимъ бываетъ конецъ людей, мечтавшихъ о господствѣ надъ міромъ безъ соизволенія пророка.

Мюскъ-джами.

(Мускусовая мечеть).

Посѣтивъ впервые Старый Крымъ или древній Солхатъ, нѣкогда ведущій всемірную торговлю, я подъ вліяніемъ только что прочитаннаго о его предполагаемомъ величіи и богатствѣ въ давно минувшія времена, поспѣшилъ взглянуть на развалины мечети, издающей будто мускусовый запахъ послѣ дождя. О мечети этой, въ мое время, всѣ вѣрили свѣденіямъ, сообщеннымъ академикомъ Кеппенымъ, Богъ вѣсть откуда почерпнувшемъ разсказъ о постройкѣ ея египетскимъ султаномъ Бирбасомъ, но я очень хорошо зналъ, по недавно открытой надписи, хранящейся въ Одесскомъ обществѣ Исторіи и древностей, что лучшая старокрымская мечеть построена была въ царствованіе кипчакскаго хана Мухамета (въ 1314 г.) какимъ-то смиреннымъ рабомъ, нуждающимся въ милосердіи Божіемъ Абдулъ-гази Юсуфомъ сыномъ Ибрагима Езбазли. При такихъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ мнѣ не трудно было отыскать у мѣстныхъ обитателей какое нибудь хоть баснословное преданіе. Въ этой надеждѣ я приблизился къ указаннымъ мнѣ развалинамъ и конечно не нашелъ, чтобы онѣ издавали какихъ либо араматовъ мускуса, о чемъ говорилось чуть-ли не всѣми туземцами татарскаго происхожденія.

Признаюсь также, что по всѣмъ слѣдамъ въ окружности нельзя было составить особеннаго понятія о величіи этого молитвеннаго дома, будто-бы сложеннаго изъ мрамора, порфира и сіяющаго золотомъ.

Въ то время, когда я сидѣлъ въ раздумьи, ко мнѣ подошелъ одинъ старый татаринъ, котораго я принялъ по наряду за пастуха.

— Не проходилъ-ли мимо тебя шматокъ овецъ подъ присмотромъ мальчика въ бѣлой шапкѣ? спросилъ онъ.

— Прошелъ въ ту сторону—отвѣчалъ я, показавъ направленіе.

— Значитъ послушалъ меня. Дрянной мальчишка, вотъ ужъ цѣлую недѣлю я требую, чтобы онъ пасъ овецъ на этой сторонѣ, а онъ все подбирается къ чужимъ пашнямъ. Сейчасъ видно, что будетъ воромъ, когда подростетъ! Ужъ сколько разъ я билъ его, а онъ все свое дѣлаетъ.

Сегодня-же я обѣщалъ исковеркать ему всю наружность, если онъ не послушаетъ меня, но къ счастію его этого не случится. Говоря это, татаринъ сѣлъ около меня и началъ набивать трубку.

Отъ нечего дѣлать мы разговорились. Пастухъ оказался уроженцемъ сосѣдней деревни Учь-кую, служившимъ болѣе 30 лѣтъ у какого-то армянина, который, по мнѣнію его, былъ самой образцовой честности человѣкъ.

— Въ такомъ случаѣ ты знакомъ съ каждымъ камнемъ въ Старо-крымской окрестности? спросилъ я.

— Еще-бы не знать тѣхъ мѣстъ, гдѣ съ дѣтскаго возраста ежедневно ходилъ.

— Говорятъ, что здѣсь на каждую развалину существуетъ сказска?

— Можетъ быть, но мнѣ теперь не до сказокъ. На все есть свое время. Сказски я правда любилъ въ молодости, но теперь не нахожу въ нихъ пользы. Въ теперешніе годы надо думать о смерти.

— Но ты еще не такъ старъ.

— Коль скоро запустилъ бороду, то вѣрно старъ.

Послѣ минутнаго молчанія я навелъ разговоръ на развалины мечети.

— Грѣшно, очень грѣшно здѣшнимъ христіанамъ, что они разобрали всѣ каменья отъ этого святаго дома. Съ тѣхъ поръ и имъ нѣтъ счастія.

— Видно святой человѣкъ сооружалъ этотъ храмъ? спросилъ я, прикидываясь незнаніемъ.

— Конечно ужъ не такой, какъ мы съ тобою. Въ прежнія времена жили на землѣ настоящіе Божьи люди, вслѣдствіе чего и пользовались непонятными для насъ благами и милостями. Эхъ, отчего мы не родились въ ихъ время?

Не малаго труда мнѣ стоило заставить моего собесѣдника поразсказать все слышанное имъ когда либо о Мюскъ-джами и строителѣ ея.

Изъ всего, выслушаннаго мною, я могъ составить слѣдующаго рода легендарный разсказъ:

„Было время, когда Эски-Крымъ такъ былъ великъ и замѣчателенъ своими мудрыми учителями и управителями, что всѣ государства направляли къ нему обширные караваны съ предметами роскоши и оставляли въ немъ сыновей своихъ для усовершенствованія въ познаніяхъ закона Божія. Всѣ эти караваны шли по долинѣ, сохранившей до настоящаго времени свое первобытное названіе Индолъ *) и располагались въ каравансараяхъ, куда заблаговременно съѣзжались покупщики съ противоположныхъ странъ съ золотомъ и другими произведеніями, идущими въ обмѣнъ. Естественно, что при такомъ движеніи народовъ и торговыхъ оборотовъ, каждый владѣтель простой даже избушки имѣлъ возможность обогатиться въ этомъ городѣ. И дѣйствительно всѣ обогатились, но въ тоже время сдѣлались такими скупыми и негостепріимными, что начали удивлять посѣтителей. Пока они набивали сундуки золотомъ и закапывали ихъ подъ спудами своихъ жилищъ, у нихъ начала приходить въ ветхость единственная большая мечеть и никто не думалъ жертвовать ни гроша на крайне необходимую перестройку.

Такое оскорбительное отношеніе къ святынѣ людей, обладающихъ огромными запасными капиталами, возмутило одного на-

---

*) Инд-елъ въ переводѣ съ татарскаго означаетъ: дорога на Индію.

божнаго носильщика тяжестей, который съ трудомъ прокармливалъ поденными работами свое многочисленное семейство, и вотъ онъ въ одну изъ пятницъ, когда масса богачей творила молитву на открытомъ воздухѣ изъ боязни, чтобы Аллахъ не обрушилъ на ихъ головы пригнувшійся потолокъ мечети, выступилъ впередъ и, поднявъ руки къ небу, сказалъ:

— О люди, недостойные носить имени мусульманъ! неужели ваши глаза не видятъ, что Божья мечеть согнулась отъ дряхлости лѣтъ и требуетъ отъ поклонниковъ корана постройки новаго зданія во имя Божіе?

— А ты кто такой, что осмѣливаешься дѣлать намъ подобные вопросы? отвѣчали ему первостепенные богачи, поднявъ свои палки.

— Я такой-же мусульманинъ, какъ и вы.

— И ты смѣешь ничтожный носильщикъ тяжестей равнять себя съ нами, управляющими городомъ? Да тебя за эту дерзость надо бросить въ проходъ ада на Аргамышѣ *).

— А я вамъ скажу, что не меня, а васъ броситъ туда нашъ великій пророкъ, если только вы не опомнитесь отъ вашихъ заблужденій.

— Негодяй, недостойный слышать нашего слова! было послѣднимъ отвѣтомъ гордыхъ богачей.

Бѣднякъ, оскорбленный этими словами, упалъ на колѣни и, поднявъ глаза къ небу, вскрикнулъ:

— О Боже, создавшій міръ, сдѣлай меня ничтожнаго поденщика такимъ богачемъ, какъ одинъ изъ этихъ враговъ, только для того, чтобы я, въ посрамленіе имъ, создалъ во славу твою, такую мечеть, какой не существовало и не существуетъ въ мірѣ! И онъ началъ бить себя въ грудь, плакать и горячо молиться. Видя это, богачи съ насмѣшками разошлись.

— По окончаніи молитвы носильщикъ отправился на свое обыкновенное мѣсто въ ожиданіи работы. Какъ вдругъ подходитъ къ нему одинъ изъ индѣйскихъ купцовъ и, положивъ руку на плечо, спрашиваетъ не пожелаетъ-ли онъ наняться къ нему.

— Я охотно послѣдовалъ-бы за тобою и служилъ-бы вѣрнѣе собаки, но къ сожалѣнію у меня большая семья, которая кормится моими поденными заработками.

— А сколько червонцевъ ты зарабатываешь въ годъ?

— Отъ 30 до 50-ти отвѣчалъ бѣднякъ.

— Я буду платить тебѣ ежегодно впередъ сто червонцевъ, если ты пристанешь ко мнѣ. Видишь-ли мнѣ нуженъ такой силачъ какъ ты и я давно пріискиваю подобнаго. Сведи-же меня въ свой домъ и я оставлю деньги женѣ твоей и заявлю ей, что ты ежегодно будешь навѣщать ее съ моимъ караваномъ.

Носильщикъ тяжестей, неожидавшій такого счастливаго слу-

---

*) Невдали отъ Стараго Крыма на горѣ Аргамышѣ есть отверстіе, которое и теперь считается туземцами отдушникомъ ада.

чая, запрыгалъ отъ радости и, поцѣловавъ нѣсколько разъ въ плечо щедраго купца, привелъ его въ землянку свою. Индѣецъ кромѣ 100 червонцевъ подарилъ семейству его нѣсколько штукъ дорогихъ матерій и купилъ по сосѣдству домикъ, въ который заставилъ ихъ переселится съ тѣмъ, чтобы принимали и его на квартиру при ежегодномъ приходѣ съ караваномъ. Послѣ чего онъ узнавъ имя нанятаго слуги, сказалъ:

— Ну, Юсуфъ проведи и сегоднешнюю ночь въ семьѣ твоей, а завтра съ разсвѣтомъ мы выѣдемъ. Затѣмъ, пожелавъ всѣмъ здоровья, ушелъ.

На слѣдующій день бѣднаго носильщика уже не было въ Старомъ Крымѣ. Въ какихъ онъ странахъ скитался и въ чемъ состояли его обязанности—никто не зналъ. Но прошелъ годъ и вмѣсто носильщика тяжестей предъ эски-крымскими богачами явился Юсуфъ челеби владѣлецъ каравана, на пріобрѣтеніе котораго потребовалось чуть-ли не все состояніе первыхъ богачей его роднаго города. Пробывъ въ семьѣ своей нѣсколько дней, онъ по обыкновенію въ первую-же пятницу явился къ дверямъ мечети и послѣ установленной молитвы, снова обратился къ стоящимъ впереди всѣхъ богачамъ съ слѣдующими словами:

— О люди недостойные именоваться правовѣрными! я вторично обращаюсь къ вамъ отъ имени нашего всемилостивѣйшаго пророка, но на этотъ разъ не въ качествѣ ничтожнаго поденщика, а купца обладающаго состояніемъ, равняющимся состоянію двухъ или трехъ самыхъ богатѣйшихъ изъ васъ. Не пожелаете-ли вы при участіи моемъ воздвигнуть новую мечеть: я дамъ на это дѣло третью часть моего состоянія, вы же принесете только десятую долю.

На этотъ разъ алчные люди, не отвѣтивъ ничего, разбѣжались, какъ ящерицы по норкамъ своимъ, и Юсуфъ остался въ толпѣ такихъ же бѣдняковъ, какимъ былъ недавно и самъ.

— Не будетъ имъ добра—сказалъ онъ—Аллахъ отберетъ отъ нихъ все, что имъ далъ и я надѣюсь увидѣть ихъ нищими. Но вы бѣдняки не ропщите на свою печальную участь, потому что я обѣщалъ воздвигнуть вамъ чудесную мечеть и если Богу угодно будетъ принять отъ меня эту жертву, то я года чрезъ два успѣю пріобрѣсти такое состояніе, какое мнѣ необходимо будетъ для приступленія къ дѣлу.

Послѣ чего подаривъ каждому по червонцу, онъ возвратился домой и приступилъ къ распродажѣ своихъ товаровъ. Получивъ вдвое противъ ожиданія Юсуфъ договорилъ поставщиковъ камня на такой величины мечеть, какая существуетъ въ святой Меккѣ.

— Сложите ихъ и приступите къ полировкѣ. Слѣдуемое вамъ вознагражденіе я оставлю женѣ моей, а когда самъ пріѣду, то поручу всю постройку лучшему изъ мѣстныхъ строителей; если-же таковыхъ здѣсь не окажется, то мнѣ не трудно будетъ привезти съ собою изъ Индіи или Персіи.

Мѣсяцъ спустя Юсуфъ опять уѣхалъ и по прежнему о немъ

никто не имѣлъ свѣдѣнія до того времени, пока онъ самъ не явился съ 400 навьюченныхъ верблюдовъ. Такого каравана никогда не видѣли въ Солхатѣ. Всѣ бѣдные люди выбѣжали на встрѣчу къ доброму согражданину и привѣтствовали его, какъ властелина Крыма.

На этотъ разъ Юсуфъ роздалъ бѣднымъ по два червонца и продавалъ свои товары въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, такъ что всѣ прибывшіе въ Эски-Крымъ купцы исключительно ему одному отдали и свое золото и произведенія своихъ странъ.

Покончивъ дѣла свои, Юсуфъ снова явился въ полуобрушившуюся мечеть и, снова разогнавъ богачей приглашеніемъ участвовать въ расходѣ для постройки храма Божія, въ заключеніе сбросилъ съ себя маску притворства и торжественно заявилъ старшинамъ, что поклялся предъ Всемогущимъ воздвигнуть во славу его такую мечеть, ароматъ отъ которой будетъ восходить до небеснаго престола, а кровля сіять подобно солнцу.

— Ты станешь выше всѣхъ гази! (праведникъ) отвѣчали ему старшины,

— Ты будешь именоваться Абдулъ гази! (т. е. отцомъ всѣхъ праведныхъ) отвѣчали бѣдняки.

Этого было достаточно Юсуфу, который привезъ съ собою изъ далекихъ странъ какого-то богобоязливаго архитектора.

Въ первую-же недѣлю отъ ветхой мечети не осталось ни единаго камня и весь фундаментъ новой сложенъ былъ на цементѣ, замѣшанномъ на мускусѣ. Не довольствуясь и этимъ, Юсуфъ послалъ нарочныхъ въ Египетъ и другія страны за мраморными плитами и колонами, чтобы убрать ими внутренность Божьяго дома, а самъ вновь поѣхалъ въ третье путешествіе съ тѣмъ, чтобы послѣ него дожить свой вѣкъ въ непрестанной молитвѣ въ родномъ городѣ.

На этотъ разъ благочестивый мусульманинъ возвратился съ 1000 нагруженными верблюдами, такъ что никакіе ученые не могли вычислить стоимости привезенныхъ имъ товаровъ и драгоцѣнностей.

— Будь нашимъ ханомъ, будь нашимъ повелителемъ! кричалъ народъ, увидя его въ дорогихъ одеждахъ.

— Нѣтъ, братья мои, я никогда не забуду, что былъ вашимъ поденьщикомъ и никогда не захочу господствовать надъ старшими по лѣтамъ друзьями. Если я сдѣлаюсь повелителемъ вашимъ, тогда между нами образуется пропасть, черезъ которую не легко будетъ пройти бѣдному человѣку. Въ теперешнемъ-же моемъ свободномъ состояніи вы найдете во мнѣ пріятеля, который будетъ знать ваши нужды и по мѣрѣ возможности станетъ вамъ помогать.

— Будь-же нашимъ отцемъ и защитникомъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Два года спустя была вполнѣ закончена эта мечеть — сказалъ пастухъ. Такого молитвеннаго дома дѣйствительно не существовало на всей землѣ. Минареты ея касались вершинами до облаковъ, а кровля затмевала блескъ солнечныхъ лучей. Вся вну-

тренность выложена была дорогими бѣлыми, какъ снѣгъ, плитами, но всего восхитительнѣе былъ прелестный запахъ отъ мускуса, разносимый вѣтромъ на далекое пространство.

Послѣ первой народной молитвы въ этомъ султанскотъ храмѣ Юсуфъ, угощая народъ мясомъ отъ принесенныхъ имъ Богу въ жертву животныхъ, рѣшился объяснить имъ какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ такое громадное состояніе въ непродолжительное время.

— Состояніе мое мнѣ обѣщано было нашимъ пророкомъ—говорилъ онъ—въ то время, когда я, укоряя богачей вашихъ въ жадности къ деньгамъ, дерзнулъ поднять руки къ небу и отъ чистаго сердца сказать: „О Боже, дозволь мнѣ ничтожному рабу твоему посрамить во славу твою этихъ враговъ твоего закона!“ Въ тотъ-же день я былъ нанятъ однимъ богатымъ купцомъ въ Индію, которому въ продолженіи 7 мѣсяцевъ, предоставилъ такія громадныя выгоды отъ найденнымъ мною алмазовъ, что онъ подарилъ мнѣ десятую долю изъ пріобрѣтеннаго и предложилъ самому заняться караванною торговлею. Остальное пріобрѣтено было лично моими промѣнами. Вотъ какъ поступаютъ, братья мои, Богъ и пророкъ нашъ съ тѣми, которые съумѣютъ вызвать ихъ благоволеніе и въ точности исполнить обѣщаніе свое.“ Есть преданіе, что этотъ добродѣтельный человѣкъ дожилъ до глубочайшей старости, никогда не отказавъ ни одному бѣдняку въ пособіи, когда онъ просилъ во имя Божіе; но тѣмъ, которые заискивали въ личное одолженіе или просили денегъ взаймы, онъ отвѣчалъ, что не вправѣ распоряжаться деньгами, не принадлежавшими ему.

— Что-же стало потомъ съ этою мечетью? спросилъ я.

— Думаютъ, что она пострадала отъ землетрясенія, посланнаго Богомъ въ наказаніе развратившимся жителямъ Эски-Крыма. Вотъ какія бывали прежде люди и постройки—добавилъ пастухъ, выбивая трубку свою—не то что мы съ тобою. Прощай, на случай, если сынъ мой задумаетъ проходить мимо тебя, скажи ему, что я кожу сниму съ него, если онъ ослушается моего приказанія.

Татаринъ кивнулъ мнѣ головою и направился въ деревню.

Затопленный городъ.

Тамъ гдѣ въ наше время переливается сребристыми валунами обширная красавица Крымскихъ бухтъ, Ѳеодосійская,—въ давно минувшія времена красовался величественный городъ, въ который могли проникать только птицы небесныя. Окруженный высочайшими стѣнами и болѣе высокими башнями, онъ примыкалъ прямо къ морю, пресѣченному плотинами и съ этой только стороны жители могли сообщаться съ отдаленными странами.

Что это былъ за народъ, откуда прибылъ и почему здѣсь именно поселился? никому не было вѣдомо. Любознательные туземцы не разъ бывало приближались къ этимъ стѣнамъ, прикладывали ухо къ землѣ, чтобы узнать на какомъ нарѣчіи говорятъ ихъ случайные сосѣди, но напрасны были ихъ труды: изъ города не

доходили до нихъ никакіе звуки. Точно въ немъ жили глухо-нѣмые или особеннаго рода кроткіе и покорные другъ другу не знающіе злобы святые люди.

Не видя ничего вреднаго или могущаго принести вредъ ихъ странѣ, туземцы возвращались домой совершенно спокойными и не мечтали нарушать покоя не прошенныхъ гостей. Такъ прошелъ годъ или два. Случалось иногда, что пастухи, бродившіе съ стадами по прибережнымъ горамъ, разсказывали, что видѣли большіе корабли съ множествомъ юношей и дѣтей, которые подходили къ плотинамъ таинственнаго города и точно тамъ поглощались напоромъ волнъ. Всего страннѣе казалось отдаленнымъ степнымъ жителямъ, что изъ за стѣнъ этого города, постоянно выходила масса чернаго дыма, свидѣтельствующая, что тамъ день и ночь обитатели занимаются выжиганіемъ чего-то недоступнаго ихъ понятіямъ. По мнѣнію однихъ тамъ приготовляли черепицу, которую увозили куда-то моремъ, а по предположенію другихъ это былъ просто дымъ изъ очаговъ, гдѣ постоянно поддерживался огонь, чтобы предупреждать злодѣяніе враждебныхъ силъ природы.

Но вотъ однажды владѣтели степей собрались въ огромномъ числѣ опраздновать одинъ изъ годовыхъ праздниковъ своихъ невдали отъ таинственныхъ стѣнъ и съ обыкновенною безпечностію предались играмъ, пляскамъ и пьянству. Когда-же на другой день они пробудились послѣ крѣпкаго сна, то ни на одной повозкѣ не оказалось ни единой женщины и ни одного дитяти до 10 лѣтняго возраста. Не постигая куда они могли дѣваться, бѣдные ограбленные отцы и мужья бросились по различнымъ направленіемъ впредположеніи, что злые духи вознамѣрились надсмѣяться надъ ними. Но всѣ поиски ни къ чему не привели. Сгруппировавшись снова на первоначальное мѣсто, скотоводы послали нарочнаго въ горы, чтобы привезти на мѣсто событія славнаго ихъ знахаря и спросить его мудраго разъясненія.

Знахарь вызвалъ служащаго ему духа и молча указалъ пальцемъ на таинственныя стѣны.

— Онъ правъ, онъ правъ! заревѣли туземцы.

— Но какимъ образомъ наши жены могли проникнуть за эти стѣны, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ отверстій? спросили у него.

Знахарь вторично показалъ тоже направленіе.

Вѣря въ его безошибочность и безгрѣшность, скиѳы рѣшились самымъ подробнымъ образомъ осмотрѣть всю окружность стѣны, но нигдѣ не нашли ни малѣйшей щели, куда можно было-бы приложиться даже глазомъ. Послѣ чего они собрались на совѣщаніе. Знахарь посаженъ былъ въ центрѣ круга.

— Скажи намъ мудрый отецъ — обратился къ нему старшина племени — съ какою цѣлью могли быть похищены наши жены, матери и дѣти? я бы не спрашивалъ тебя, еслибъ похищены были только молодыя женщины и дѣвицы, но вѣдь не пощажены даже и безобразныя старухи?

— Молодыя будутъ проданы въ неволю, а старухи пойдутъ на ихъ мыловарные заводы—отвѣчалъ чародѣй.

— Мы не понимаемъ твоихъ словъ мудрый отецъ.

— Въ такомъ случаѣ я разскажу вамъ причину поселенія въ нашей странѣ этихъ таинственныхъ людей. Въ то время когда мы воевали въ отдаленныхъ мѣстахъ, люди эти осматривали берега моря и, нашедъ эту мѣстность чрезвычайно удобною для враждебныхъ человѣчеству цѣлей, избрали ее, какъ пунктъ самый выгодный для дѣйствій своихъ, а чтобы скрыть отъ всѣхъ свои занятія и предупредить однажды навсегда нападеніе на нихъ, они оградили себя высокими стѣнами, за которыми и дѣтямъ не приходится бояться. Обезпечивъ себя такимъ образомъ, эти люди перевели сюда свои корабли и мыловарные заводы. Приготовляемое ими мыло чрезвычайно высоко цѣнится и представляетъ такія достоинства, какихъ никто не могъ придумать по незнанію секрета приготовленія, но такъ какъ для меня не существуетъ тайны, то я узналъ, что оно приготовляется на тѣлахъ старыхъ женщинъ, которыя цѣликомъ бросаются въ котлы наполненные саломъ. Понятно, что этимъ варварамъ нельзя было свободно заниматься такимъ промысломъ въ своемъ отечествѣ и они переселились въ отдаленную землю, гдѣ никто не станетъ имъ препятствовать въ уничтоженіи бѣдныхъ беззащитныхъ женщинъ. Но кромѣ этого занятія они занимаются торговлею молодыхъ женщинъ, которыхъ схватываютъ или покупаютъ на невольничьихъ рынкахъ и перепродаютъ въ отдаленныхъ земляхъ съ громадными барышами. Для такихъ цѣлей захвачены и ваши матери и жены и горе имъ, если вы не поспѣшите ихъ выручить въ теченіи семи дней.

— Какимъ-же образомъ мы проникнемъ за эти стѣны? спросилъ старшина.

— Не въ томъ дѣло—отвѣчалъ знахарь. Если мы проникнемъ къ нимъ, то они очень рады будутъ воспользоваться нашими тѣлами для своихъ выгодъ и безъ сомнѣнія никто изъ насъ не возвратится домой. Намъ необходимо придумать болѣе дѣйствительное средство, чтобы навсегда изгнать изъ страны нашей этихъ вредныхъ людей. Для достиженія этого я предлагаю вамъ раздѣлиться на три группы. Первыя двѣ партіи немедленно начнутъ пробивать, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, въ стѣнахъ широкія отверстія, а послѣднія подготовятъ тѣмъ временемъ новое направленіе для рѣки Истріаны, которую мы цѣликомъ направимъ въ одно изъ сдѣланныхъ отверстій. Рѣка хлынетъ въ углубленіе и станетъ собираться въ низменности таинственнаго города и, расширяясь постепенно, начнетъ тѣснить злодѣевъ. Тогда наши матери и жены съ дѣтьми бросятся къ противоположной брешѣ, у которой вы будете стоять съ саблями въ рукахъ и пропускать только своихъ. Взаключеніе безчеловѣчнымъ торговцамъ по неволѣ придется сѣсть на свои корабли и возвратиться туда, откуда прибыли.

— Да продлитъ Богъ твою жизнь за это мудрое наставленіе— отвѣчали ему номады и немедленно раздѣлились на три партіи. Въ тотъ-же день приступлено было къ работамъ, которые закончены были однимъ общимъ ударомъ въ тотъ моментъ, когда воды рѣки Истріаны подступили къ основанію стѣнъ, казавшихся несокрушимыми. Скопившаяся вода разомъ влилась въ отверстіе и предъ изумленными скиѳами представился чудный городъ съ высокими домами, наполненными различными иноземными товарами. Иностранцы засуетились и бросились закладывать брешу, но лишь только подступили къ ней, какъ сотни стрѣлъ посыпались на встрѣчу. Тогда только понявъ предстоящую опастность, они начали думать о вывозѣ скопленныхъ богатствъ. Тѣмъ временемъ плѣненныя женщины съ дѣтьми и тысячами другихъ дѣвушекъ, догадавшись въ чемъ дѣло, выбѣжали изъ своихъ засадъ и на призывъ своихъ мужей направились къ противоположной брешѣ и такъ какъ никому не представлялось надобности останавливать ихъ, то всѣ они выступили изъ заключенія и снова очутились между своими.

Между тѣмъ мстители не отступали, чтобы не допустить ни единаго злодѣя пробраться въ ихъ землю и до тѣхъ поръ не сложили своего оружія, пока рѣка не поглотила весь городъ и не поднялась надъ уровнемъ моря.

Годъ спустя здѣсь образовалось великое озеро, исчезли высокія стѣны и съ ними вмѣстѣ не осталось слѣдовъ отъ плотины. Взаключеніе прѣсныя и соленыя воды братски соединились въ одно тѣло, а рѣка Истріана какъ-бы въ сознаніи, что исполнила свое назначеніе, изсякла навсегда.

„Есть люди—прибавилъ разскащикъ грекъ—которые и теперь при ясной погодѣ видятъ въ Ѳеодосійской бухтѣ отраженіе великолѣпныхъ зданій съ широкими улицами и блескъ драгоцѣнныхъ камней, какъ-бы разсыпанныхъ по вынужденной необходимости. Болѣе-же дальнозоркимъ чудятся неимовѣрной величины мѣдные котлы, въ которыхъ плаваютъ ницъ лицомъ съ распущенными волосами сморщившіяся старухи. Это кажется имъ миражемъ водянаго царства, но кто знаетъ совершившееся событіе, тотъ нашептываетъ молитву и проклинаетъ безжалостныхъ основателей затопленнаго города. *)

Баня дѣвъ.

Всѣмъ набожнымъ туземкамъ Крыма извѣстно, что бываютъ моменты, когда добродѣтельные духи снисходятъ на землю съ твердымъ намѣреніемъ исполнить первое подслушанное желаніе

*) Выдуманный разсказъ этотъ напоминаетъ намъ внезапное появленіе и исчезновеніе генуэзцевъ съ береговъ Ѳеодосійской бухты. Вотъ какія легенды иногда сохраняются въ средѣ людей, незнающихъ грамоты, не смотря на то, что со времени погрома итальянцевъ прошло немногимъ болѣе 400 лѣтъ.

добрыхъ и невинныхъ молодыхъ людей. Такая милость, по ихъ мнѣнію, происходитъ только тогда, когда духъ ихъ упоенъ блаженнымъ настроеніемъ и они въ свою очередь жаждутъ обрадовать хоть одного изъ вышедшихъ къ нимъ навстрѣчу людей. Въ былыя времена, когда человѣчество не знало пороковъ и чтило заповѣди Творца безъ дерзкаго разсужденія и когда всѣ жили между собою, какъ единокровные братья, благодѣтельные духи эти очень часто посѣщали землю; но съ того времени, когда человѣчество развратилось и захотѣло жить собственнымъ умомъ, безъ всякаго содѣйствія верховныхъ существъ, духи эти перестали навѣщать насъ и вѣроятно это продолжится до того времени, пока Господь истребитъ всѣхъ безчестныхъ и замѣнитъ ихъ такими покорными и благочестивыми, какіе существовали въ первые годы міросозданія.

Вотъ въ это благодатное время невдали отъ теперешняго татарскаго селенія Козы, у подножія горы Урбашъ, находилась деревня, прикрытая громадными деревьями отъ палящихъ лучей солнца и безпокойныхъ вѣтровъ. Въ деревнѣ этой строго соблюдались правила гостепріимства въ отношеніи всѣхъ искавшихъ пріюта и чувствовавшихъ голодъ. Считая эту обязанность за высшую добродѣтель, добрые люди постановили въ добавокъ носить съ собою запасную пищу и при выходѣ на степныя работы, такъ какъ часто къ нимъ подходили истощенные голодомъ странники и вынуждаемы были продолжать свой путь голодными. Естественно, что за подобныя услуги они ежедневно получали сотни благословеній, которыя подобно дыму ѳиміама возносились къ небу, и Богъ щедрою рукою осыпалъ ихъ милостями.

Однажды надъ деревнею этою повстрѣчались два добрыхъ духа, летѣвшихъ съ цѣлью обрадовать кого-нибудь изъ добродѣтельныхъ людей.

— Отчего-бы намъ не оказать какой-либо милости жителямъ этого селенія? сказалъ одинъ изъ нихъ. Эти люди никого не пропускаютъ мимо себя безъ того, чтобы не накормить и не успокоить во имя нашего всемилостивѣйшаго Бога.

— Я полагаю, что они достаточно награждены—отвѣчалъ другой.

— Ты правъ; но Богъ заботился о главныхъ ихъ потребностяхъ, а вѣдь у молодыхъ людей бываютъ и второстепенныя желанія, безъ которыхъ хотя и можно обойтись, но отчего-же не предоставить ихъ достойнымъ для поощренія добродѣтели. Посмотри, вонъ тамъ между двумя скалами собралось много молодыхъ дѣвушекъ, которыя о чемъ-то говорятъ между собою. Спустимся къ нимъ и послушаемъ чего ради онѣ столпились, тогда какъ отцы и матери ихъ продолжаютъ работать.

— Пожалуй, полюбопытствуемъ, но только примемъ человѣческій образъ.

Благодѣтельные духи опустились на землю и приняли образъ нищихъ. Когда они подошли къ дѣвушкамъ ихъ немедленно пригласили поселянки прилечь на разосланные фартуки и платки и

каждая поднесла узелокъ свой съ запасною пищею, умоляя подкрѣпить силы свои.

Путники, чтобы не оскорбить добрыхъ дѣвушекъ исполнили ихъ просьбу и потомъ начали распрашивать гдѣ онѣ живутъ и довольны-ли своимъ положеніемъ?

— О мы счастливѣе всѣхъ нашихъ сосѣдей—отвѣчали веселыя дѣвушки—намъ Богъ даетъ постоянныя дожди, когда въ нихъ является необходимость; нашихъ садовъ неистребляетъ гусеница; наши пчелы даютъ намъ превосходный медъ. Словомъ мы пользуемся всѣми благами съ такимъ избыткомъ, что считаемъ за большое счастіе, когда можемъ замануть въ селеніе наше проходящихъ путниковъ.

— Слѣдовательно вы ни въ чемъ не нуждаетесь? спросилъ одинъ изъ нищихъ.

— Ни въ чемъ, за исключеніемъ развѣ такого фонтана въ тѣни, гдѣ-бы можно было во время такихъ жаркихъ дней какъ сегодняшній, освѣжить свое тѣло. Этого только блага не достаетъ намъ для окончательнаго нашего блаженства.

— Вы будете его имѣть сейчасъ-же — сказали нищіе поднявшись съ мѣста и ударяя посохами своими въ сосѣднія скалы.

Пока изумленныя дѣвушки осматривали незнакомыхъ странниковъ, говорившихъ съ такою самоувѣренностію, надъ головами ихъ образовался высокій каменный шатеръ съ большимъ сквознымъ отверстіемъ въ центрѣ и изъ потолка его въ видѣ дождевыхъ капель, начала падать прохладная вода.

Нищіе исчезли.

Съ той поры добродѣтельныя дѣвушки, какъ только чувствовали жаръ или усталость, бѣгомъ неслись къ Делекли-каѣ *) и, сбросивъ съ себя одежду, моментально освѣжались отрадными каплями освѣжающей влаги.

Скала эта, названная банею дѣвъ, до настоящаго времени существуетъ, но съ той поры какъ добрыя дѣла замѣнились пороками, ни одна уже дѣвушка не можетъ пользоваться прежнимъ изобиліемъ водяныхъ каплей.

Бинь башъ хоба

(тысяча-головая пещера).

Многимъ изъ посѣтителей Крыма извѣстно, что на Палатъ-горѣ существуетъ подъ этимъ названіемъ довольно большая пещера. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя названія даются народомъ не безъ причинъ. Мы, имѣя подъ рукою двѣ народныя легенды болѣе придали вѣроятія той, которая согласовалась съ историческимъ событіемъ погрома генуэзскихъ факторій въ Крыму. Въ настоящемъ же—сборникѣ миѳическихъ преданій намъ не приходится

*) Т. е. въ дюрявой скалѣ.

стѣсняться разсказомъ и той легенды, которая не могла попасть въ наше „Универсальное описаніе Крыма“. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ:

„Въ одно время, когда жители южнаго берега Крыма занимались своими обыкновенными сельскими работами, на нихъ внезапно набѣжали безсчетныя толпы какихъ-то свирѣпыхъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, и присвоили себѣ власть распорядителей. Несчастные туземцы, лишенные женъ и дочерей, обращены были въ рабовъ и должны были довольствоваться самымъ скуднымъ пропитаніемъ. Такая печальная судьба ужасно сокрушала бѣдныхъ тружениковъ, которые никогда не выходили за предѣлы своей земли и не посягали на чужую собственность. Но что было дѣлать, какъ избавиться отъ саранчи? Оставалось одно средство: молиться Богу и надѣяться на его милости. Добрые люди безпрекословно покорились печальной участи своей и, стараясь вытѣснить изъ сердца гнетущую ихъ тяжесть, всецѣло предались волѣ Творца. Не возражая ни единымъ словомъ ни противъ поработителей, ни противъ женъ своихъ, которыя въ свою очередь начали угнетать ихъ съ цѣлью показать свои теперешнія права, бѣдные невольники часто скитались въ лѣсу, питаясь одними плодами изъ боязни попадаться на глаза къ повелительницамъ. Такъ прошло два, три года. Въ это время господствующіе до того изнѣжились въ роскошной обстановкѣ и до того убѣдились въ раболѣпствѣ побѣжденныхъ, что сбросивъ съ себя оружіе, начали предаваться однимъ удовольствіямъ. Виноградный сокъ замѣнилъ имъ воду и не оставалось ни одного пришельца, который къ вечеру могъ-бы держаться на ногахъ. Но при всемъ этомъ они сдѣлались еще взыскательнѣе къ тѣмъ, которые безпрерывными трудами удовлетворяли всѣмъ ихъ потребностямъ и прихотямъ. Въ заключеніе развратившіеся варвары начали предавать нѣкоторыхъ изъ нихъ истязаніямъ какъ-бы въ забаву женамъ.

Вотъ въ это только время страдальцы очнулись отъ усыпленія своего и начали совѣщаться между собою. Нѣкоторые изъ нихъ находили, что настало удобное время свергнуть тяжелое ярмо съ плечь единодушнымъ внезапнымъ нападеніемъ на безжалостныхъ поработителей. Для достиженія этой цѣли постановлено было, чтобы каждое селеніе избрало по одному распорядителю и чтобы эти послѣдніе сговорились-бы между собою, когда и въ какое время сдѣлать нападеніе на собственные дома, въ которые насильно ворвались коршуны и безжалостно издѣваются надъ ними.

Пока шли переговоры по этому поводу, къ берегамъ южной Тавриды подплыли враждебные корсары съ цѣлью поживиться невольниками. Испуганные распорядители, не желая подвергать жизнь свою опасности, немедленно вооружили рабовъ своихъ и приказали имъ защищать свою страну подъ страхомъ истязаній. Въ этомъ только и нуждались несчастные хозяева края. Занявъ все прибережное пространство, они зорко слѣдили за враждеб-

ными кораблями и нигдѣ не допустили сдѣлать высадки. Когда опасность миновала, поработители возвратились съ горъ и рѣшились отпраздновать торжество веселымъ пиромъ; но лишь только послышались ихъ пѣсни и музыкальные звуки, вооруженные рабы сгруппировавшись въ толпы и, выслушавъ послѣднее приказаніе старшинъ быть безпощадными карателями, каждая партія направилась къ селу своему съ клятвою не покидать оружія до возстановленія своихъ правъ.

Не думая ни о чемъ подобномъ господствующіе и въ эту страшную для себя минуту мечтали подвергнуть рабовъ своихъ пасмѣшкамъ ихъ женъ и дѣтей. Съ этой цѣлью они выслали къ нимъ мѣшки съ приказаніемъ опуститься въ нихъ по шею и предстать въ такомъ видѣ предъ собраніе господъ.

— Хорошо было отвѣтомъ туземцевъ.

Но часъ спустя предъ пирующими явились грозные мстители съ обнаженными саблями и поражали ихъ безпощаднымъ образомъ. Обезумѣвшіе отъ страха бросились въ лѣса и горы, но ожесточенные хозяева преслѣдовали ихъ выстрѣлами изъ стрѣлъ и камнями. Тоже дѣлалось и по всѣмъ остальнымъ поселеніямъ. Преслѣдованіе это продолжалось и на другой день до того времени, пока не осталось на виду ни одного врага.

Изъ всего числа злодѣевъ только тысячѣ человѣкамъ удалось укрыться въ обширной пещерѣ на Чатыръ-дагѣ, извѣстной съ того времени подъ именемъ Бинь-башъ-хоба. Но и здѣсь ихъ окружили туземцы, положившись не выпустить ни одного живымъ и довели до того, что томимые голодомъ они пожрали другъ друга. (*) Остались отъ нихъ только одни черепа, которые долго свидѣтельствовали объ этомъ событіи и заставили позднѣйшія поколѣнія прозвать этотъ гротъ тысячаголовымъ.

Орфелина.

На южномъ берегу Крыма въ виду Алушты и татарскихъ деревень Шумы и Демерджи существуетъ громадная скала оригинальной формы, именуемая названіемъ послѣдней деревни. Подъ нею туземцы и теперь указываютъ на зданіе, всецѣло погребенное въ землѣ, павшимъ съ вершины ея гигантскаго размѣра камнемъ.

Я осматривалъ это мѣсто съ цѣлью раскопать его, но противъ этого возстали нѣкоторые старики изъ боязни заслужить гнѣвъ Божій. Впослѣдствіи я узналъ отъ одного грека существующую легенду по поводу этого печальнаго событія. Передавая ее читателямъ моимъ я по возможности буду держаться точныхъ словъ разкащика.

„Всѣмъ намъ извѣстно, что въ Крыму не создано скалы выше

(*) У нѣкоторыхъ писателей разсказано это событіе, какъ историческій фактъ, но мы не отвергая его, предпочитаемъ помѣстить въ отдѣлѣ легендъ классической части Тавриды.

Демердринской. Тамъ съ незапамятныхъ времененъ Творецъ неба и земли создалъ двѣ громадныя колонны изъ каменной массы съ цѣлью, чтобы праведные и грѣшные люди сознавали-бы свои дѣянія и вѣрили въ дѣйствительную заботливость о человѣчествѣ Правосуднаго Бога.

Высоко, высоко подымались надъ вершиною скалы эти священные столбы. Взойдетъ-ли солнце оно привѣтливо посылаетъ къ нимъ свои первые лучи и колонны раздвигаются, выражая этимъ благоволеніе Бога къ безпорочнымъ дѣяніямъ дневнаго свѣтила. Подуетъ-ли вѣтерокъ съ боголюбиваго востока онъ спѣшитъ облобызать нерукотворныя колонны и получивъ отъ нихъ отрадную вѣсть Божьяго благословенія затѣмъ уже рѣзвою струею разольется по міру. Пробудится-ли на зарѣ могущественный *айтосъ* (орелъ) властитель птицъ небесныхъ—онъ преклоняетъ голову къ подножью священныхъ колоннъ и до тѣхъ поръ не приметъ полета, пока не раздвинутся колонны—счастливые благовѣстники Творца вселенной; вспорхнетъ-ли изъ гнѣзда молодая ласточка впервые на свѣтъ Божій, она предварительно прощебечетъ молитву у священныхъ столбовъ и потомъ уже пустится плавать по безконечному океану воздуха; покажутся-ли на небосклонѣ тучи небесныя—ни одна изъ нихъ не минуетъ Демерджинской скалы, чтобы не поклониться священнымъ колоннамъ, воздвигнутымъ Господомъ на этой громадной возвышенности.

Но горе тѣмъ поклонникамъ, предъ которыми сожмутся священные столбы: проклятіе Всевышняго должно истребить грѣшника, онъ превратится въ уродливый камень и сто лѣтъ спустя будетъ сверженъ съ священной вершины въ бездонную пропасть и не отдохнетъ уже на этомъ черномъ камнѣ ни путникъ усталый, ни орлица раненная, ни филинъ зловѣщій, все будетъ чуждаться окаменѣвшаго грѣшника — даже червякъ и хищный змѣй минуютъ его съ прикрытыми глазами.

И вотъ на этой, достающей до неба скалѣ за священными столбами, на зеленѣющей равнинѣ, внезапно явился обширный храмъ съ сіяющимъ крестомъ. И видѣли жители подножія священной скалы сходящаго къ нимъ старца, убѣленнаго сѣдинами за подаяніемъ и думали они не угодникъ-ли онъ Божій, ниспосланный къ священнымъ прорицателямъ милости и гнѣва Творца вселенной, чтобы научить ихъ воздавать приличныя почести божественнымъ колоннамъ. Но праведный старецъ, покрытый рубищами, изнуренный тѣломъ, но бодрый духомъ, хранитъ въ душѣ тайну внезапнаго явленія своего. Ни чей языкъ не дерзаетъ спросить его кто онъ, откуда явился и кто ему повѣдалъ, что на отдаленномъ краю міра на неизмѣримой каменной высотѣ, прикрываемой пеленами тучь, воздвигнуты священные столбы; никто не дерзаетъ полюбопытствовать: какою неестественною силою воздвигнутъ въ дикой пустынѣ храмъ, поражающій грѣшныхъ людей и чудотворнымъ дѣйствіемъ и великолѣпною наружностію. И не разъ бывало любознательные обитатели подножія священной ска-

лы приглашали таинственнаго пришельца къ себѣ подъ очагъ, ласкаясь надеждою выслушать исповѣдь его, но старецъ говоритъ только о чудесахъ пострадавшаго за насъ Богочеловѣка и призываетъ ихъ къ покаянію.

Не разъ бывало дѣвы безгрѣшныя, утоляя жажду изнуреннаго старца, возвращающагося изъ отдаленныхъ окрестностей, предлагали ему покойное ложе и просили повѣдать имъ свои нужды; не разъ бывало малолѣтнія дѣти, научаемыя родителями, цѣлуя рубище его, спрашивали: кто онъ такой, какъ его зовутъ и зачѣмъ поселился на трудно достигаемой вершинѣ святой скалы? Но таинственный старикъ, благословляя ихъ на жизнь отрадную, уклонялся отъ отвѣтовъ. Между тѣмъ всѣ замѣчали, что съ того времени, какъ ступилъ на ихъ землю благочестивый старикъ въ народѣ поселилась дружба и любовь, почва и море начали доставлять баснословныя блага.

Но вдругъ не стало благочестиваго старца—хранителя священныхъ колоннъ. Напрасно его выжидали обитатели у подножія священной скалы съ утра до поздней ночи; напрасно они приносили къ источнику, куда обыкновенно сходилъ старикъ за водою, свѣжій творогъ и мягкій хлѣбъ. Увы, исчезъ безъ вѣсти таинственный служитель евангелическихъ истинъ. И подумали всѣ, что онъ покинулъ обитель свою и возвратился къ гробу Господнему, чтобы тамъ почить въ мирѣ. Потомъ имъ казалось, что Господь удалилъ его отъ нечестивыхъ грѣшниковъ, чтобы поразить ихъ несчастіями.

И не разъ бывало томимые этою сокрушительною мыслею, со слезами на глазахъ и уже лишенные прежнихъ благъ почвы, они умоляли милостиваго Творца возвратить къ нимъ благочестиваго пустынника, утѣшавшаго ихъ могущественнымъ словомъ. Не разъ бывало больные, которыхъ исцѣлялъ таинственный пришелецъ, падая навзничь въ тяжкихъ страданіяхъ взывали къ скрывшемуся благодѣтелю своему, но тщетны были ихъ крики и слезы.

Тѣмъ временемъ, на кровляхъ жителей подножья священной скалы въ поздніе часы ночи началъ показываться неизвѣстно откуда прилетѣвшій огромный величины бѣлокрылый орелъ и прокричавъ страшнымъ голосомъ что-то въ родѣ хулы, исчезалъ въ мракѣ ночномъ. Старики, пробуждаемые этимъ крикомъ съ ужасомъ подымались съ ложа своего, зажигали предъ ликами святыхъ угодниковъ лампады и горячо молились Господу о спасеніи ихъ отъ предстоявшихъ бѣдствій. Потомъ, снова прильнувъ головою къ подушкѣ, мечтали, что въ образѣ орла навѣщаетъ ихъ благочестивый странникъ и быть можетъ изъ состраданія предвѣщая гнѣвъ Божій, требуетъ всеобщаго покаянія. И опечаленные духомъ, богобоязливые обитатели подножія Демерджинской скалы до восхода солнца спѣшили стать на молитву въ деревенскомъ храмѣ.

Въ такомъ печальномъ настроеніи души находились древніе обитатели окрестныхъ селеній Алушты. Въ заключеніе они начали

терпѣть не только голодъ, но и безпрестанные набѣги корсаровъ и номадовъ, бродящихъ за горами. Несчастіе это заставило ихъ во что-бы не стало открыть причины исчезновенія благословеннаго старца. По рѣшенію старѣйшинъ обязаны были всѣ безъ исключенія взойти на поверхность скалы и пройти между священныхъ колоннъ. Предполагалось обвинить въ страшномъ грѣхѣ того, предъ кѣмъ сожмутся эти колонны.

Когда наступилъ урочный день, народъ послѣ выслушанія божественной литургіи, потребовалъ отъ духовника своего послѣдовать за ними къ священнымъ столбамъ, но онъ отказался, подъ предлогомъ сильнаго изнеможенія и скрылся въ своей хижинѣ. Всѣ же остальные съ пѣніемъ священныхъ молитвъ взобрались на священную возвышенность и преклонивъ колѣна начали по одиночкѣ проходить промежъ славныхъ колоннъ. Послѣднею приходилось пройти молодой дѣвушкѣ, слывшей въ селеніи за самую честнѣйшую. Ее звали Орфелиною т. е. сироткою, потому что она не имѣла никого родныхъ и принята была за дочь деревенскимъ священникомъ. Орфелина по приказанію старѣйшинъ опустилась на колѣни и медленно начала подвигаться къ священнымъ колоннамъ. Народъ съ недоумѣніемъ слѣдилъ за судорожными движеніями чистѣйшей по его мнѣнію, дѣвы.

Приблизившись къ колоннамъ, Орфелина подняла глаза, налитые слезами къ небу и казалось страшилась сдѣлать лишній шагъ впередъ.

Народъ, замѣтивъ нерѣшительность сиротки зашумѣлъ и началъ торопить несчастную. Въ этотъ моментъ послышался какой-то подземный гулъ. Орфелина съ трепетомъ возвела глаза къ святому храму, на сіяющемъ крестѣ котораго внезапно появился бѣлокрылый орелъ—и быстро двинулась къ колоннамъ. Но прежде чѣмъ несчастной удалось вымолвить слово, священные столбы сжавшись съ нею вмѣстѣ погрузились въ нѣдра скалы, а вмѣсто ихъ вылетѣлъ черный гигантскій камень, который съ страшнымъ шумомъ взвился къ небу и упалъ на зданіе деревенскаго священника, которое и исчезло подъ тяжестью его.

Тогда только народъ постигъ причину внезапнаго исчезновенія благочестиваго старца и страшный грѣхъ прелюбодѣянія духовнаго отца своего съ беззащитною сиротою, которой онъ далъ, предъ Богомъ, имя родной дочери.

Съ того времени не существуетъ на Демерджиской скалѣ ни какихъ слѣдовъ ни отъ храма, ни отъ священныхъ колоннъ, но зданіе съ грѣшнымъ іереемъ и камень, погрузившій ихъ въ землю, сохранятся навсегда въ примѣръ будущему человѣчеству.“

Переданная нами легенда придумана греками. Теперь мы сообщимъ татарское преданіе относительно той-же скалы.

Демерджинская статуя.

Кому изъ посѣтителей Крыма неизвѣстна Демерджинская скала, эта гигантская возвышенность, у подножія которой зеленою лентою вьются фруктовые и виноградные сады Алуштинской долины? Скала эта замѣчательна у туземныхъ обитателей множествомъ баснословныхъ разсказовъ и безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ очаровательныхъ картинъ природы въ классической части Тавриды. Испещренная какими-то полуколоннами и какъ-будто развалинами дворцовъ, она гордо подымаетъ вершину свою къ облакамъ и какъ-будто съ ненавистью слѣдитъ за грознымъ моремъ, не разъ силившимся сокрушить ея бытіе.

Изучая все относившееся къ этому роскошному колоссу Крыма, я положительно былъ убѣжденъ, что, кромѣ греческихъ легендъ, должны существовать о немъ и татарскія миѳическія преданія, потому что и этотъ народъ не совсѣмъ равнодушно смотритъ на величавыя игры природы. Но, увы, ни въ Алуштѣ, ни въ сосѣднихъ деревняхъ я ничего не могъ узнать даже объ оконечности Демерджинской скалы, представляющей вѣрное изображеніе каменной статуи, которую одни уподобляютъ татаркѣ, прикрытой чадрою, другіе — женщинѣ съ зачесаннымъ шиньономъ, третьи — сфинксу и т. д.

Послѣ многихъ лѣтъ, прошедшихъ въ напрасныхъ распросахъ, я какъ-то случайно завелъ разговоръ съ однимъ хаджи изъ деревни Гурзуфъ о томъ, какимъ образомъ Крымъ перешелъ во власть русскихъ и почему крымскіе татары ласкаются надеждою, что страна эта вновь перейдетъ въ ихъ господство.

— Всему есть своя судьба и каждой странѣ прописана ея будущность,—отвѣчалъ хаджи.—Крымъ славится и въ наше время въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Хвалу эту я слышалъ собственными ушами отъ различныхъ мусульманскихъ сектъ, стекавшихся чуть-ли не со всего міра въ блаженную Мекку. Всѣ они сожалѣютъ, что такая роскошная для жизни страна изъята Аллахомъ изъ нашихъ рукъ. Но развѣ люди, ничтожная тварь Бога, вправѣ роптать противъ мудраго предопредѣленія Творца? *Хъкметъ*, или судьба, есть законъ неизмѣнный и для солнца и для козявки. Да будетъ-же надъ нами святая судьба выраженіемъ воли Всемилостивѣйшаго и всѣхъ посланниковъ его на грѣшную землю!—Хаджи остановился на минуту и затѣмъ продолжалъ: — По поводу присоединенія Крыма къ Россіи и какъ долго странѣ этой суждено оставаться во власти русскихъ, я передамъ вамъ одинъ изъ разсказовъ моего дѣда, который всегда приходитъ мнѣ на память, когда я проѣзжаю мимо Демерджинской скалы и глаза мои подымаются на юго-восточную оконечность ея, принявшую форму женской фигуры. Въ то злополучное время, когда въ Крымскомъ ханствѣ начались первыя смуты и неурядицы по проискамъ турецкаго правительства, а ханы наши соизволили предавать забвенію законы пророка въ родѣ того, что для красы брили бороды

и подвязывали подбородки чернымъ платкомъ, чтобы скрывать поступки свои отъ народа и строгаго духовенства или съ тщеславіемъ возлагать на себя иноверные ордена,—въ Алушту прибылъ съ неизвѣстныхъ странъ какой-то дервишъ, поразившій всѣхъ святостью жизни и великими чудесами. Слава о дѣяніяхъ и предсказаніяхъ его быстро разнеслась по Крыму и дошла до Бахчисарая, гдѣ народонаселеніе болѣе другихъ томилось предчувствіемъ тяжкой зависимости отъ турокъ. Слухи эти заставили нѣкоторыхъ изъ представителей страны пріѣхать къ славному дервишу и допросить его о будущемъ назначеніи ханства. Благословенный Богомъ старецъ принялъ этихъ вельможъ очень сурово и долго не соглашался повѣдать имъ сокровенной тайны, но когда они повергнись предъ нимъ ницъ и, цѣлуя рубища его одежды, начали умолять отъ имени всего народа, онъ изъявилъ согласіе на слѣдующій день стать на молитву и открыть всенародно то, въ чемъ нуждаются пославшіе ихъ. Беи и мурзы разошлись и собрались въ назначенный часъ къ дверямъ мечети. Вѣрный обѣщанію дервишъ явился предъ ними въ полдень и приказалъ мѣстному муллѣ пропѣть благовѣстъ на молитву. Когда собрались всѣ богобоязливые мусульмане, святой человѣкъ сообщилъ имъ настоящую причину ихъ приглашенія и просилъ быть особенно усердными къ сегодняшнему *намазу* (молитвѣ), имѣющему важное значеніе для разъясненія будущей судьбы ихъ царства.

— *Аллахъ керимъ олсунъ!* отвѣчала толпа и расположилась къ молитвѣ.

Дервишъ выступилъ впередъ и, поднявъ глаза къ небу, началъ нашептывать какія-то таинственныя слова. Не прошло и десяти минутъ какъ раздался страшный подземный ударъ, отъ котораго взъерошилось и закипѣло море. Женщины и дѣти выбѣжали изъ домовъ своихъ и съ отчаянными криками призывали мужей и отцовъ. Молившіеся съ трепетомъ пали ницъ. Дервишъ возвысилъ голосъ. Послѣдовалъ второй болѣе сильный ударъ, отъ котораго многія постройки разрушились. Но когда святой началъ вертѣться и въ утомленіи упалъ на землю, всѣ окрестныя горы запрыгали на основаніи своемъ, а Демерджинская скала покрылась густымъ чернымъ дымомъ. Мрачное облако это исчезло только тогда, когда дервишъ снова поднялся на ноги. Но каково было изумленіе народа, когда на оконечности этой скалы точно вырвалась изъ земли каменная фигура въ образѣ женщины.

— Что это означаетъ? вскрикнулъ въ одинъ голосъ народъ.

— Это означаетъ то—отвѣчалъ дервишъ, обратившись къ визирямъ и агамъ—что царство татарскихъ хановъ скоро погибнетъ съ лица земли, и что въ подобіи этой статуи воцарится надъ вами христіанская царица и царство ея наслѣдниковъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока эта фигура останется несокрушенною Богомъ!

Дервишъ закрылъ лицо руками и моментально исчезъ изъ глазъ народа.

Предсказаніе его въ точности сбылось много лѣтъ спустя, когда Крымъ достался императрицѣ Екатеринѣ.

Деревня Искутъ.

Всѣмъ почти любителямъ исторіи извѣстно, что въ Тавридѣ обиталъ народъ Готѳскаго происхожденія, и что та полоса земли, гдѣ они поселились, называлась Готѳіею. Этимъ именемъ, во времена Генуэзскаго господства въ Ѳеодосіи съ XIII по XVI столѣтіе обозначалось на картахъ юго-восточная приморская полоса, начиная отъ Судака до Балаклавы. Затѣмъ намъ извѣстно, что Готѳы изъ Крыма ежегодно являлись въ Константинополь къ греческимъ императорамъ съ подарками и исполняли передъ ними какой-то національный танецъ подъ названіемъ *готиконъ*.

Изъ небольшого числа словъ, записанныхъ изъ ихъ нарѣчія и сохраненныхъ исторіею, намъ всего вѣрнѣе предполагать, что подъ именемъ Готѳовъ обитали здѣсь евреи, одно изъ іудейскихъ колѣнъ, удалившееся изъ Палестины послѣ присоединенія ея къ Римской имперіи. Предполагать же, что они были настоящіе Готѳы, отдѣлившіеся отъ общей массы войскъ Ѳеодорика, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ въ такое время, когда все рушилось передъ ихъ появленіемъ, и что они могли остаться на жительство въ странахъ незавоеванныхъ,—можетъ показаться крайне невѣроятнымъ. Такъ или иначе, но вопросъ кого слѣдуетъ признавать за Готѳовъ Тавриды, до настоящаго времени не рѣшенъ. Извѣстно только, что въ Крыму, кое-гдѣ сохранились памятники о пребываніи Іудеевъ до Р. Х., но не единаго признака отъ Готѳовъ.

Тщательно изслѣдуя прибрежное пространство между Судакомъ и Алуштою, я какъ-то невольно остановилъ вниманіе мое на названіи большаго татарскаго селенія Искутъ. Названіе это ни въ какомъ случаѣ не могло быть придумано ни генуэзцами, ни греками и ни татарами, такъ какъ оно имѣетъ смыслъ и значеніе въ отношеніи къ мѣстности: ist gut или истъ-кутъ въ переводѣ съ нѣмецко-еврейскаго означаетъ *хорошее, удобное*. Не ясно-ли, что оно присвоено этой мѣстности народомъ, нашедшимъ его удобнымъ для мѣстожительства и говорящимъ этимъ языкомъ. Но былъ-ли онъ Іудейскаго или Готѳскаго происхожденія довольно трудно опредѣлить.

Изъ письменныхъ документовъ по этому поводу сохранилась нижеслѣдующая запись Прокопія, бывшаго въ 562 г. при императорѣ Юстиніанѣ, константинопольскимъ префектомъ: „...императоръ оградилъ обитаемую Готѳами приморскую страну Дори, которая находилась тамъ же гдѣ Воспоръ, Херсонесъ, Алустонъ и Гурзовито и гдѣ искони обитаютъ Готѳы, не пожелавшіе слѣдовать за Ѳеодорикомъ въ Италію. Они остались тамъ добровольно и нынѣ союзники римлянъ и содѣйствуютъ имъ въ военныхъ дѣлахъ по требованію императоровъ. Числомъ они доходятъ до трехъ тысячъ и всѣ превосходные воины и земледѣльцы.

Страна, въ которой они проживаютъ, не слишкомъ дика и сурова, но пріятна и приноситъ отличные плоды. Тамъ-же, гдѣ безъ труда можно было къ нимъ подойти, императоръ большими стѣнами преградилъ къ нимъ входъ...“

Если буквально вѣрить въ эту запись, то Готѳы обитали въ Крыму въ той мѣстности, гдѣ расположено теперь татарское селеніе Искутъ, за которымъ дѣйствительно существуютъ признаки громадной стѣны.

Интересуясь всѣмъ этимъ, я, при всякомъ посѣщеніи Искута, употреблялъ всѣ усилія открыть въ преданіяхъ туземцевъ что-нибудь, могущее пролить свѣтъ на эту мрачную страницу этнографіи Тавриды. Но татаръ не легко вызвать на подобнаго рода разговоры, такъ какъ это не интересуетъ ихъ и считается неприличнымъ въ религіозномъ отношеніи. Приходилось выжидать счастливой случайности.

Однажды я намекнулъ хозяину дома, въ которомъ я остановился на ночлегъ, что искутскіе татары — прямые потомки древнихъ грековъ. Предположеніе мое я основывалъ на запискахъ дѣда моего, свидѣтельствовавшаго, что вскорѣ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, онъ нашелъ въ селеніи этомъ мусульманъ, не только говорящихъ на греческомъ языкѣ, но и соблюдавшихъ многія христіанскія требы и праздничныя постановленія. Замѣчаніе мое, повидимому, непріятно подѣйствовало на почтеннаго старика.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — вашъ дѣдъ и вы очень ошибаетесь въ томъ, что мы происходимъ отъ грековъ. Такихъ преданій у насъ не существуетъ. Намъ извѣстно только, что прародители наши поселились на этой мѣстности и оградили себя стѣнами и башнями отъ всѣхъ остальныхъ обитателей Крыма только для того, чтобы не имѣть съ ними никакого сношенія. Этому послѣдовали и мы въ виду того, что до настоящаго времени не имѣемъ ничего общаго даже съ ближайшими сосѣдями нашими, такими-же мусульманами. Если-же наши отцы говорили по-гречески, то это, вѣроятно, необходимо было для нихъ въ такой-же степени, какъ теперь русскій языкъ.

— Такъ, по мнѣнію твоему, въ Искутѣ искони обитали татары?

— Я этому не могу вполнѣ вѣрить, потому что, еслибъ мы отдѣлились отъ татаръ, между нами существовали бы имена, свойственныя мусульманамъ, издавна исповѣдывающимъ исламъ. У насъ же, какъ, быть можетъ, замѣтили и вы, нѣтъ ни Сеитовъ, ни Эмировъ, ведущихъ родъ свой отъ первыхъ калифовъ.

— Къ какому же народу вы относите себя?

— Этого я не знаю. Между нашими стариками сохранилось только сказочное преданіе, вѣроятно, много разъ перепначенное, что первые поселенцы Искута прибыли изъ Константинополя и не иначе, какъ по содѣйствію какого-то могущественнаго христіанскаго падишаха.

— Интересно было-бы знать, какимъ образомъ это могло случиться?

— Одинъ изъ стамбульскихъ царей, которому принадлежалъ въ то время Крымъ, однажды прогуливаясь въ окрестностяхъ своей столицы, прилегъ и заснулъ въ апельсиновой рощѣ. Пробудившись, онъ увидѣлъ около себя молодую дѣвушку, которая держала въ рукахъ ядовитую змѣю.

— Это что значитъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Это значитъ то, что мерзкая гадина эта хотѣла пробраться въ пазуху твою, но я во время подоспѣла и теперь наслаждаюсь не твоими, а ея страданіями.

— Такъ ты спасла мнѣ жизнь?

— Не знаю, можетъ быть,—отвѣчала дѣвица.

— А знаешь-ли ты, кто я?

— Нѣтъ, не знаю и не интересуюсь знать.

— Я царь, и поэтому хотѣлъ-бы вознаградить тебя.

— Награды твоей мнѣ не надобно. Я больше всего люблю апельсины, которые ростутъ здѣсь въ изобиліи.

— Но, можетъ быть, я могу оказать какую-либо услугу твоимъ родителямъ?

— Объ этомъ надобно спросить у нихъ.

Сказавъ это, дѣвушка приложила голову змѣи къ землѣ и раздробила ее камнемъ.

— Я былъ-бы очень радъ,—сказалъ царь:—еслибъ ты узнала, въ чемъ нуждается твой отецъ?

— Пожалуй, я спрошу и передамъ тебѣ, если ты завтра придешь сюда.

На слѣдующій день, въ условленное время, падишахъ явился въ апельсиновую рощу и съ улыбкою подошелъ къ знакомой дѣвушкѣ.

— Ну, что тебѣ сказали родители? Могу-ли я быть имъ полезенъ?

— Да, можешь, но это не дешево тебѣ обойдется.

— Навѣрно дешевле, чѣмъ жизнь моя для меня стоитъ,—отвѣчалъ падишахъ.

— Мой отецъ проситъ тебя, чтобы ты переселилъ его съ единоплеменниками своими въ ту страну, которую онъ однажды видѣлъ и которая понравилась ему; но я не съумѣю назвать тебѣ этой земли. Мнѣ говорилъ только отецъ, что она принадлежитъ тебѣ.

— Въ такомъ случаѣ передай ему, чтобы онъ завтра пришелъ ко мнѣ. Желаніе его я исполню безотлагательно. Но чтобы онъ могъ безъ затрудненія достигнуть до меня, вручи ему этотъ перстень, который онъ долженъ показать моимъ служителямъ.

На слѣдующій день къ султану былъ допущенъ старикъ неизвѣстнаго происхожденія. Царь обнялъ его, какъ друга и, выслушавъ его просьбу, изъявилъ согласіе переселить его съ единовѣрцами въ Крымъ на собственный счетъ.

Недѣлю спустя множество судовъ были приготовлены для переселенія неизвѣстныхъ странниковъ съ ихъ семействами въ

отдаленную Тавриду. При прощаніи съ ними султанъ обѣщалъ всегда оказывать свое покровительство, но съ тѣмъ, чтобы они присылали ежегодно къ тому дню, когда онъ спасенъ былъ ихъ дѣвушкою отъ жала змѣи, нѣсколько молодыхъ людей, которые выражали-бы радость свою пляскою національнаго танца.

Такимъ образомъ наши предки очутились на берегахъ Крыма. Искутская долина до того понравилась имъ, что всѣ они единогласно закричали на своемъ языкѣ *истъ-гутъ* и поселились здѣсь. Вотъ все, что мнѣ извѣстно; но если-бы наши предки принадлежали къ греческому племени, они не имѣли-бы надобности отдѣляться отъ нихъ и жить за высокими каменными стѣнами.

Пчелка.

Въ низменныхъ мѣстностяхъ южнаго Крыма ростетъ въ дикомъ состояніи чрезвычайно оригинальное растеніе, цвѣтущее послѣ второй половины апрѣля. Туземцы называютъ его пчелкою неслучайно, а по изумительному сходству цвѣтка съ пчелою, которая какъ будто всѣми силами впилась въ трехлистственный блѣдно-лиловый серебристый цвѣточекъ, съ жадностію выставившій къ ней свой ротикъ. Пчела эта съ поднятыми къ верху хоботикомъ, усами, крыльями и жаломъ, окрашена темно-кофейнымъ бархатнымъ цвѣтомъ съ насѣчками водяныхъ просвѣтовъ и представляетъ до изумленія естественное положеніе живой пчелы, впившейся въ медовую чашечку цвѣтка и навѣки слившейся съ нимъ. Такихъ цвѣтковъ на каждомъ стеблѣ бываетъ отъ 3 до 5.

Я уже говорилъ раньше, что восторженные обитатели южной Тавриды, всегда склонные къ воспроизведенію миѳовъ и въ наше время, смотря на такую граціозную игру природы, не остались-бы равнодушно-молчаливыми зрителями и навѣрно придумали-бы какое нибудь чудо для разъясненія причины сверхъестественнаго явленія.

Вотъ небольшая легенда, выслушанная мною, когда я впервые остановилъ мое вниманіе на этомъ цвѣткѣ и желалъ поразить имъ мою услужливую хозяйку изъ первобытныхъ гречанокъ Тавриды.

— Не цвѣтку этому я удивляюсь—отвѣчала она—но тому событію, которое послужило поводомъ къ сотворенію его. Покойная бабушка моя, чрезвычайно любившая передавать намъ разнаго рода преданія старины, сообщила мнѣ, что цвѣтокъ этотъ называется мелиса (пчела) и впервые выросъ надъ могилою двухъ невинныхъ существъ, любившихъ другъ друга до полнѣйшаго самопожертвованія.

—Какимъ-же это образомъ случилось?

— У какого-то могущественнаго князя нашей страны была прелестная дочь, которая засватана была съ сыномъ сосѣдняго архонта чуть-ли не со дня рожденія. Дѣвушка эта никогда не видѣла жениха своего, но очень часто слышала отъ стороннихъ

лицъ о его свирѣпости и дурномъ обращеніи съ подданными отца. Мысль связать свою судьбу съ такимъ варваромъ не разъ заставляла ее плакать въ объятіяхъ матери и просить измѣненія печальной участи.

— Ничего не зависитъ отъ меня, моя любимая дочь,—отвѣчала немощная старуха—ты знаешь какъ строгъ и неумолимъ твой отецъ. Мои просьбы и слезы подѣйствуютъ на него только на перекоръ нашимъ желаніямъ и онъ изъ боязни, чтобы ненависть твоя къ жениху не усилилась, навѣрно поспѣшитъ выдать тебя замужъ. Попробуй дитя мое сама переговорить съ нимъ, авось онъ пожалѣетъ тебя.

Вскорѣ послѣ этого разговора съ матерью, прелестной дѣвушкѣ пришлось убирать голову отца, который оставшись очень довольнымъ ея заботливостію и усердіемъ, изъявилъ желаніе исполнить одну изъ просьбъ ея. Мелиса, обрадованная этимъ случаемъ, заявила, что ничего болѣе не желаетъ, какъ остаться навсегда при немъ въ дѣвичьемъ, независимомъ состояніи.

— Но я вѣдь невсегда могу жить—сказалъ князь—кто-же будетъ твоимъ защитникомъ послѣ моей смерти?

— Меня всѣ будутъ защищать, потому что я всѣмъ дѣлаю добро и лично помогаю.

— Нѣтъ дочь моя я не властенъ измѣнять назначенія женщины: ты должна выйти замужъ, когда потребуетъ этого твой женихъ. Проси у меня чего нибудь другаго.

— Я все остальное имѣю.

Одновременно въ небольшомъ стадѣ бѣлыхъ козъ, воспитываемыхъ Мелисою, не стало пастуха, случайно упавшаго въ пропасть. Отецъ ея низначилъ одного изъ молодыхъ людей взамѣнъ старика. Мелиса долго не рѣшалась навестить свое стадо, но однажды противъ воли направилась къ нему и до того была изумлена красотою пастуха, что рѣшилась заговорить съ нимъ и спросить кто его родители.

Это моя тайна—отвѣчалъ юноша. Если-же я нанялся у твоего отца, то не скрою отъ тебя моей жажды видѣть тебя хоть разъ въ мѣсяцъ.

— Неужели это доставляетъ тебѣ такое наслажденіе?

— Еслибъ ты могла проникнуть въ мое сердце, то навѣрно вопросъ этотъ показался-бы тебѣ лишнимъ. Я смотрю на тебя съ благоговѣніемъ и ни съ чѣмъ не могу сравнить. Ты мнѣ мила какъ пчелѣ медовой цвѣтокъ, какъ амуръ богинѣ любви, какъ чистая струя воды для жаждующаго, какъ воздухъ для животнаго.

— Гдѣ-же ты успѣлъ такъ очароваться мною?

— Я видѣлъ тебя во снѣ и издали пришелъ убѣдиться въ справедливости моего сновидѣнія.

— И ты рѣшился пасти моихъ козъ?

— Мнѣ сказали, что ты очень любишь этихъ животныхъ, а что ты любишь, то будетъ мило и для меня.

— Тебя не обманули. Я такъ люблю любоваться ими, что буду навѣщать ихъ по прежнему чрезъ день.

— Въ такомъ случаѣ я буду служить тебѣ долго.

— Не думаю, потому что мнѣ предстоитъ выходъ замужъ и вслѣдъ затѣмъ разлука съ родиною.

— Я послѣдую и въ новое отечество за тобою, если ты станешь держать козъ.

— Скажи мнѣ твое происхожденіе? Я слышу по голосу твоему, что ты сынъ благородныхъ родителей.

— Такихъ-же какъ и ты, но откуда прибылъ этого ты не узнаешь, потому что ты запродана уже отцомъ, а то что запродано, того не вернешь.

— Это правда—отвѣчала со вздохомъ Мелиса и присѣла на зеленую травку.

Тріяфилъ расположился у ногъ ея. Долго они сидѣли молча, но глаза ихъ поминутно встрѣчались и говорили несравненно больше и искреннѣе, чѣмъ языкъ. На слѣдующій день княжна принесла молодому пастуху разныхъ сладостей и какъ наканунѣ провела съ нимъ нѣсколько часовъ. При прощаніи она снова спросила его о происхожденіи, но онъ поклялся, что не откроетъ его до того времени, пока она будетъ невѣстою другаго. Отвѣтъ этотъ настолько понравился Мелисѣ, что съ этой минуты она смотрѣла на прекраснаго пастуха своего, какъ на существо высшее и достойное обожанія.

Дальнѣйшія посѣщенія княжны своихъ любимыхъ козъ, не рѣдко находящихся въ отдаленіи отъ жилищъ, все болѣе и болѣе сближали эти два чудныхъ существа, а въ заключеніе они предались другъ другу безпредѣльною братскою любовью. При разлукѣ каждый изъ нихъ вытиралъ невольно выступавшія изъ глазъ слезы, какъ-бы изъ боязни, чтобы случайность не воспрепятствовала имъ вторично свидѣться.

Однажды Мелиса, противъ обыкновенія, пришла къ другу своему гораздо раньше и, падая въ объятія его, залилась горькими слезами.

— Это что означаетъ — заботливо спрашивалъ Тріяфилъ—не обидѣлъ-ли тебя отецъ, или кто нибудь другой, желающій умереть отъ моей руки?

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, мой нѣжный другъ, какой ужасный сонъ мнѣ снился сегодня ночью. Я видѣла, будто женихъ мой пріѣхалъ и приказалъ намъ спрыгнуть съ Айпетринскаго шпица *) и мы безъ всякаго возраженія взялись за руки и бросились въ эту страшную пропасть.

— Это навѣрно доказываетъ, что пріѣдетъ твой женихъ и увезетъ тебя—отвѣчалъ мнимый пастухъ—сердце мое давно уже чувствуетъ, что счастіе наше непродолжительно.

— Неужели Богъ разлучитъ насъ? вскрикнула съ отчаяніемъ

---

*) Скала надъ Алупкою.

княжна. Неужели Онъ не видитъ какъ мы преданы другъ другу и какъ мы горячо молимся ему за доставленное счастіе?

— Будущее неизвѣстно человѣку, но я въ глубинѣ души ласкаюсь надеждою, что мы будемъ принадлежать другъ другу вовѣки вѣковъ.

„Ты не ошибаешься!“ внезапно прозвучалъ въ гротѣ, гдѣ сидѣли молодые люди, таинственный голосъ.

Тріяфилъ и Мелиса съ ужасомъ вскочили съ мѣста въ предположеніи, что кто нибудь, подслушавъ ихъ разговоры, издѣвается надъ ними, но ни въ гротѣ ни въ окрестностяхъ его никого не оказалось. Изумленные друзья на этотъ разъ разлучились въ какомъ-то необъяснимомъ состояніи.

Тѣмъ временемъ женихъ Мелисы, расчитавъ, что она достигла совершеннолѣтія, пожелалъ лично взглянуть на нее и прибылъ въ Таврику. Престарѣлые родители чрезвычайно обрадовались богатому и знатному зятю. Когда-же онъ заявилъ имъ, что невѣста вполнѣ удовлетворяетъ его вкусу и желаніямъ и что намѣренъ не откладывать бракосочетанія, старики немедленно начали подготовляться къ брачному пиршеству.

Слухи объ этомъ скоро дошли до Тріяфила, который не допускалъ такого быстраго измѣненія въ своей судьбѣ. Печальную вѣсть эту подтвердила ему и сама Мелиса.

— Да будетъ надо мною воля Божія—сказала она, прижимаясь къ другу—я увѣрена только въ одномъ, что послѣ разлуки съ тобою глаза мои не осушатся отъ слезъ. Ты для меня былъ и будешь дороже матери и отца, ты выше кровнаго брата и слаже нѣжной сестры. Предъ глазами моими ты вѣчно будешь рисоваться на зеленой полянѣ, окруженный бѣлыми козами, а уста упиваться ароматомъ твоихъ устъ. Конечно это будетъ одно только сновидѣніе, но сновидѣніе самое сладчайшее и единственное для утѣшенія моего.

— А мнѣ кажется, что мы никогда не разстанемся—отвѣчалъ пастухъ. Тоже самое мнѣ сказалъ вчера и одинъ изъ пастуховъ, съ которымъ я иногда встрѣчаюсь на горахъ, а онъ считается самымъ мудрѣйшимъ въ искусствѣ предсказывать будущее.

— Я не могу къ несчастію повѣрить твоимъ радужнымъ надеждамъ въ виду предстоящей свадьбы и отъѣзда моего изъ этой страны. Одно только можно допустить, что ты послѣдуешь за мною и мы, вѣчно принадлежавшіе другъ другу, будемъ видѣться издали.

— Предоставимъ Богу наше будущее—отвѣчалъ Тріяфилъ, крѣпко прижимая къ груди своей прелестную хозяйку, и уста ихъ слились по прежнему въ длинный поцѣлуй.

Мелиса ежедневно начала посѣщать друга своего. Отлучки ея конечно обратили вниманіе страстно влюбленнаго жениха и возбудили въ немъ желаніе убѣдиться, куда и зачѣмъ ходитъ Мелиса въ отдаленныя мѣста.

— Она чрезвычайно любитъ свое стадо бѣлыхъ козъ—заявилъ

отецъ—и съ дѣтства навѣщаетъ его. Я очень радъ, что это служитъ поводомъ къ ея прогулкамъ.

Женихъ не отвѣчалъ ничего, но ласкаясь надеждою сблизиться съ чуждавшеюся его подругою вдали отъ людей, рѣшился отправиться за нею въ надеждѣ расположить красавицу къ себѣ. Въ этихъ мечтахъ онъ проснулся раньше обыкновеннаго и, вооружившись какъ охотникъ, началъ выжидать минуты, когда Мелиса выйдетъ со двора. Княжна не заставила долго ожидать его, потому что послѣ легкаго завтрака сейчасъ-же вышла изъ комнаты. Нѣсколько времени спустя послѣдовалъ за нею и женихъ, рѣшившійся скрыть отъ нея свою прогулку.

Часъ спустя Мелиса, неподозрѣвавшая сторонняго наблюденія, была уже въ объятіяхъ Тріяфила и уста ихъ были крѣпко сомкнуты въ моментъ, когда подкрался къ нимъ князь.

Картина эта настолько возмутила властолюбиваго и ревниваго жениха, что онъ выхватилъ изъ калчана отравленную стрѣлу и что было силы выпустилъ ея изъ лука своего. Смертоносное оружіе пронзило на сквозь обоихъ молодыхъ людей, но они остались въ объятіяхъ съ слившимися устами.

Жестокій сынъ архонда не возвращался болѣе къ родителямъ Мелисы.

День спустя разосланные на поиски люди сообщили князю о найденной дочери его. Несчастные родители поспѣшили на мѣсто, но всѣ усилія разнять два тѣла оказались напрасными. За нѣсколько минутъ до погребенія убитыхъ въ Тріяфилѣ узнанъ былъ младшій сынъ Скиѳскаго царя Скирула, съ которымъ родители Мелисы были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Молодые люди были похоронены въ сидячемъ положеніи въ одной могилѣ, надъ которою девять дней спустя появились въ большомъ числѣ цвѣты Тріяфила (трелиственника) съ Мелисою (пчелою) въ такомъ точно положеніи, въ какомъ поразила ихъ безжалостная рука.

Замокъ безчестія.

(Греческая легенда).

Въ тѣ времена когда Парѳенитъ *) былъ важнымъ коммерческимъ городомъ въ Тавридѣ, къ нему стекались чуть-ли не со всего міра торговые люди. Слѣдуя имъ, посѣщали эту восхитительную страну и многіе любознательные архонты и царевичи, которые отъ праздности предавались здѣсь всевозможнымъ пиршествамъ и порокамъ въ полномъ убѣжденіи, что шалости ихъ навсегда останутся неизвѣстными родителямъ и подданнымъ. Вотъ эти послѣдніе, сговорившись между собою, построили громадный замокъ съ банями, галлереями, зеркальными стѣнами и фонта-

*) Нынѣ татарская деревушка того-же имени подъ Медвѣдь-горою.

нами, изъ которыхъ вмѣсто воды струилось чудное вино, не вдали отъ Парѳенита на величественной Карабагской горѣ, густо заросшей лаврами и кипарисами, съ которой виднѣлось море на неизмѣримое пространство и откуда до Парѳенита и Алустона было не болѣе часа ѣзды.

При замкѣ этомъ состояли на постоянной стражѣ и службѣ около 80 человѣкъ отчаянныхъ молодцовъ, на обязанности которыхъ было и похищеніе самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ изъ поселеній Тавриды и всей прибережной полосы понта Евксинскаго. Число дѣвъ въ замкѣ не должно было быть менѣе 200, начиная съ 9 до 15 лѣтняго возраста. Люди эти обязаны были тщательно заботиться о содержаніи и тѣлесной красотѣ плѣнницъ своихъ до пріѣзда господъ. Ихъ откармливали всѣми лучшими явствами міра, ежедневно купали въ молокѣ, натирали тѣло благовонными маслами и никогда не выводили на показъ дневному свѣтилу, чтобы не подвергнуть солнечному загару или вліянію морскаго вѣтра. Кромѣ этого ихъ учили пѣснямъ, танцамъ и гимнастическимъ играмъ.

Но кто были основатели этого величественнаго замка, никому не удалось узнать ихъ именъ. По предположеніямъ однихъ это были сыновья греческихъ царей, а по другимъ соображеніямъ это были архонты и цари, которые ежегодно желали проводить два, три мѣсяца на полной свободѣ вдали отъ подданныхъ и строгихъ проповѣдниковъ морали.

Такъ или иначе, но ежегодно 15 мая къ Карабагской скалѣ подходилъ громаднаго размѣра корабль, изъ котораго высаживалось нѣсколько таинственныхъ лицъ, которыя укрывались въ замкѣ.

Съ этого дня молчаливая мѣстность оживлялась постоянными звуками музыки и сотни купцовъ направлялись сюда съ лучшими произведеніями міра.

По истеченіи же лѣтняго періода всѣ юныя восхитительныя плѣнницы замка вмѣсто того, чтобы быть возвращены въ отечество, по одиночкѣ вызывались въ нарочно устроенный павильонъ надъ неизмѣримою пропастію моря и здѣсь безжалостно предавались отсѣченію головы, какъ преступницы или какъ игрушки никому ненужныя. Послѣ чего гордые и недоступные владыки замка отплывали неизвѣстно куда, а стража ихъ вновь пускалась странствовать съ цѣлью населить проклятое жилище новыми болѣе прекрасными созданіями.

Однажды къ Карабагскому замку противъ обыкновенія прибыло три судна и вмѣсто 8 или 10 гостей высадилось около 50 человѣкъ въ блистательныхъ костюмахъ. Три дня и три ночи сносились съ судовъ вина и различныя лакомства. Какъ только окончилась выгрузка, суда отплыли одно по направленію къ Херсонесу, а другое къ Судаку. Чрезъ нѣсколько дней они возвратились и нѣкоторые пастухи видѣли, какъ съ нихъ спущено было много женщинъ связанными.

Кто онѣ были и откуда захвачены, никто ничего не могъ узнать. Только впослѣдствіи до жителей Парѳенита дошелъ слухъ, что изъ Херсонитскаго и Судгайскаго монастырей похищены были монахини и послушницы какими-то корсарами вѣроятно для продажи на рынкахъ Византіи или Египта.

Въ замкѣ снова начались празднества. Но на этотъ разъ нерѣдко прохожіе слышали невнятные стоны, какъ будто выходящіе изъ подъ земли. Слухъ объ этомъ вскорѣ достигъ до мѣстнаго митрополита и онъ вывелъ заключеніе, что въ подземельяхъ замка вѣроятно подвергаются насиліямъ одинокія и беззащитныя существа.

Представитель духовной власти рѣшился проникнуть въ это таинственное зданіе, увидѣть его жителей и узнать съ какою цѣлью они пріѣзжаютъ сюда ежегодно на непродолжительное время. Но лишь только онъ приблизился къ замку, его окружила вооруженная стража и, не принимая никакихъ объясненій, повергла въ темницу.

На другой день къ святителю вошелъ одинъ изъ гостей замка и спросилъ его: зачѣмъ онъ силился проникнуть въ то зданіе, куда не дозволенъ входъ стороннимъ лицамъ?

— Я посѣтилъ васъ въ качествѣ духовнаго отца, обязаннаго знать своихъ прихожанъ и заботиться о благѣ ихъ душъ.

— Ты никогда не узнаешь ни ихъ именъ, ни ихъ отечества— отвѣчалъ неизвѣстный. Но вотъ тебѣ кошелекъ полный золота, которое употреби за наши грѣшныя души, и бѣги отъ насъ, дозволявшихъ себѣ одинъ разъ въ годъ юношескія шалости вдали отъ отечества. Въ противномъ случаѣ ты останешься въ этой темницѣ навсегда и тебѣ грозитъ голодная смерть.

— Я послѣдую твоему совѣту только тогда, когда ты пообѣщаешь, что отъ пороковъ вашихъ не заразится никто изъ моей паствы.

— Ты можешь быть увѣренъ въ этомъ, потому что мы никого не допускаемъ изъ мѣстныхъ жителей въ нашъ дворецъ.

— Еще одно слово и я уйду: поклянись, что ты и братья твои не нанесутъ ни малѣйшаго вреда жителямъ митрополіи моей.

— Я никогда не призываю Бога въ дѣлахъ шалости, но дабудетъ по желанію твоему. Уходи-же поскорѣе, иначе товарищи и друзья мои, отъ праздности, могутъ насмѣяться надъ твоими сѣдинами.

Таинственный человѣкъ ударилъ въ ладоши. Два грозныхъ араба вошли и по приказанію его вывели почтеннаго митрополита изъ подземелья и, проводивъ за рощу лавровъ, приказали ему бѣжать безъ оглядки.

Но не прошло и мѣсяца послѣ этого дня, какъ вдругъ обитатели Парѳенита и окрестныхъ селеній поражены были необыкновенными явленіями въ природѣ. Невдали отъ Карабагской скалы разверзлась почва, откуда выступило на громадную вышину

пламя, сопровождаемое милліонами каменныхъ ядеръ, которыя, большинствомъ падая на замокъ безчестія, съ ужасающимъ гуломъ низвергались въ бездну морскую. Когда-же вся постройка была превращена въ безобразныя развалины, послѣдовалъ страшный взрывъ, послѣ котораго ни осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ существованія обители зла. Изъ всѣхъ бывшихъ въ замкѣ спаслась какимъ-то чудомъ только одна молодая дѣвушка, оказавшаяся дочерью Судакскаго архонта, которая и повѣдала благочестивому митрополиту какимъ образомъ она съ 20-ью монастырскими послушницами въ темную ночь была похищена изъ монастыря, какъ всѣ онѣ были доставлены въ этотъ вертепъ позора, какимъ подвергались насиліямъ и какъ въ заключеніе вывели ихъ на казнь, но прежде чѣмъ сѣкира палача поднялась надъ головою первой изъ нихъ, показался огонь небесный, сокрушившій всѣхъ злодѣевъ съ ихъ притономъ.

На чемъ основана эта легенда—трудно опредѣлить; но что Карабагская возвышенность была разрушена землетрясеніемъ до основанія и что изъ кратера вылетали округленныя каменныя ядра,—въ этомъ можетъ каждый любопытный убѣдиться при осмотрѣ окрестностей и прибережной полосы этой части Чернаго моря.

Ай-Тодорскій мысъ.

(Скала Св. Θеодора).

Этимъ именемъ обозначается на всѣхъ картахъ Чернаго моря скалистая возвышенность, не вдалекѣ отъ Алупки, извѣстная всѣмъ морякамъ, такъ какъ на ней построенъ прекрасный маякъ, освѣщающій большую часть ю.-в. прибрежья. Ученымъ археологамъ она также знакома, какъ мѣстность, богатая развалинами неразгаданныхъ пока памятниковъ отдаленныхъ вѣковъ. Изъ всѣхъ завѣщанныхъ исторіею свѣдѣній, только очень немногія намекаютъ намъ на существованіе въ Тавридѣ около Чимбало, теперешней Балаклавы, княжества Θеодорійскаго; но была-ли его резиденція на этомъ мѣстѣ, сохранившемъ свое названіе и до настоящаго времени или, верстъ за 25 къ востоку, подъ Медвѣдь-горою,—чрезвычайно трудно опредѣлить.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, разрѣшеніе котораго въ рукахъ будущихъ археологовъ, мы обратимъ пока вниманіе на народныя легенды, эти смутныя, но любопытныя повѣствованія о такихъ мѣстахъ, прошедшая слава которыхъ въ устахъ позднѣйшихъ поколѣній воспринимаетъ миѳологическій метаморфозъ.

Ай-Тодорская возвышенность, начиная отъ развалинъ древней стѣны, мѣстами напоминающей циклопическую кладку, представляетъ много подземельныхъ построекъ, стѣны которыхъ штукатурены цементомъ, сохранившимся до настоящаго времени въ цѣлости. Были-ли онѣ *кавами* (погребами), какъ ихъ называли генуэзцы, или жилищами, или же гробницами древнихъ—опредѣ-

лить трудно. Между тѣмъ, простой народъ, никогда не затрудняющійся въ разрѣшеніи недоступныхъ его понятію предметовъ, придумалъ по этому поводу нѣсколько разнообразныхъ легендъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ наружнымъ формамъ этихъ построекъ. Вотъ одна изъ нихъ, разсказанная татариномъ, работавшимъ у меня на раскопкахъ.

Однажды вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, я сидѣлъ надъ обрывомъ у моря и прислушивался къ страшному рокоту разъяренныхъ волнъ. Услужливому работнику почему-то показалось, что я могу упасть въ пропасть, если долѣе останусь съ устремленными внизъ глазами.

— Встань, ага, или отодвинься назадъ,—сказалъ онъ тихо:— Съ этого проклятаго мѣста многіе уже пали жертвою головокруженія, а недавно соскользнулъ туда нашъ пастухъ вмѣстѣ съ камнемъ, на которомъ сидѣлъ. Бѣднягу принесли домой съ треснувшимъ черепомъ и раздавленною грудью.

Машинально повиновался я его совѣту и поспѣшилъ навести рѣчь на интересовавшій меня предметъ.

— Сомнѣваюсь, — отвѣчалъ онъ—что бы въ этой ямѣ намъ удалось найти что-нибудь цѣнное: она, повидимому, много разъ раскапывалась до нашего съ вами рожденія. Но я убѣжденъ, что, если перейти на другое мѣсто, результатъ будетъ счастливѣе, въ особенности, когда не ищешь золота.

Татаринъ можетъ быть былъ и правъ, но мнѣ хотѣлось добраться до фундаментовъ постройки, чтобы составить себѣ понятіе о назначеніи ея. Когда я разъяснилъ ему цѣль моего предпріятія, пораженный татаринъ вскричалъ:

— И ради этого вы тратите деньги? Нѣтъ, ага, такъ не дѣлаютъ люди благоразумные, и я первый отказываюсь работать у васъ. Съ этими словами онъ повернулся и ушолъ.

Боясь, чтобы онъ не взбударажилъ остальныхъ работниковъ, я поспѣшилъ за нимъ и, нѣсколько минутъ спустя, нашолъ его сидящимъ въ глубокомъ раздумьи подъ однимъ изъ большихъ можжевеловыхъ деревъ, которыя здѣсь достигаютъ замѣчательной высоты.

— О чемъ ты задумался?—спросилъ я запыхающимъ тономъ.

— Я думаю какимъ образомъ древніе обитатели этой мѣстности добывали себѣ воду, — надо имѣть большой умъ, чтобы заставить ее взобраться на такую высокую скалу. А что вода доходила до ихъ построекъ, — въ этомъ я сегодня убѣдился, найдя подъ землею глиняныя водопроводныя трубы. Нѣтъ, такихъ вещей не въ силахъ сдѣлать обыкновенный человѣкъ! Ясно, что здѣсь обитали гиганты съ богатырскими силами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ взглянуть на тѣ каменныя плиты, которыя они клали на могилы отцевъ, братьевъ и женъ, или на одну изъ стѣнъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются скалы въ полторы тысячи пудовъ.

Твое предположеніе отчасти справедливо, сказалъ я, чтобы

подстрекнуть его къ разсказу: — Ты вѣроятно кое-что слышалъ отъ родителей или стариковъ объ этой мѣстности?

— Было время, когда очень много говорили объ Ай-Тодорѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ русскіе построили на немъ маякъ и начали освѣщать его по ночамъ свѣтлымъ огнемъ, всѣ почти вѣдьмы и злые духи разбѣжались, и народная молва пріутихла.

— Видно духи не любятъ свѣта!

— Говорятъ, что первоначально они то и дѣло тушили огонь, но такъ-какъ съ солдатомъ справиться не легко, то нашли болѣе разумнымъ забрать всѣ скрытыя здѣсь сокровища и переселиться въ болѣе спокойныя мѣста.

— Въ чемъ-же заключались эти сокровища?

— Въ серебрѣ, золотѣ и драгоцѣнныхъ алмазахъ.

— Должно быть они закопаны были богатыми людьми?

— Вотъ какъ передавали мнѣ объ этомъ: въ давно минувшіе вѣка семь юныхъ богатырей — родныхъ братьевъ, влюбились въ одну царевну и каждый сдѣлалъ ей и отцу предложеніе съ тѣмъ, что кого-бы изъ нихъ она не избрала въ мужья, остальные останутся на всю жизнь вѣрными и послушными ей братьями... „Вы всѣ такъ хороши собой — отвѣчалъ небогатый отецъ — что дочь моя затрудняется выборомъ. Остается единственное средство предпочесть того изъ васъ, которому удастся наполнить мои погреба золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Предоставляю вамъ годовой срокъ на выполненіе этого условія, которое не можетъ быть тягостнымъ для богатыря“. Добрые братья изъявили согласіе дѣйствовать за одно, чтобы красавица досталась одному изъ нихъ по жребію. Съ этою цѣлью они явились къ подошвѣ Ай-Петри, которая изобиловала тогда дорогими металлами и каменьями и, построивъ на Ай-Тодорѣ множество погребовъ, принялись накладывать ихъ сокровищами. Оставалось еще нѣсколько недѣль труда для достиженія цѣли, какъ вдругъ братья получили извѣстіе, что невѣсту ихъ отецъ, вопреки договору, обручилъ съ какимъ-то принцемъ и намѣренъ выдать замужъ раньше опредѣленнаго срока. Извѣстіе это возмутило богатырей до такой степени, что, закрывъ входы въ погреба свои и, набросавъ на нихъ массы битаго камня, для отвлеченія подозрѣнія, они вооружились и направились къ невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы разгромить царство ея отца и взять ее какъ военную добычу. Узнавъ объ этомъ, хитрая царевна вышла къ нимъ на встрѣчу и, послѣ изъявленія восторговъ, увела ихъ въ свои чертоги. Затѣмъ ей нетрудно было увѣрить ихъ, что все слышанное ими несправедливо, и что она по прежнему молитъ Бога, чтобы труды ихъ увѣнчались успѣхомъ и предоставили ей счастіе сдѣлаться женою одного изъ нихъ. Простодушные братья повѣрили ей и безумно увлеклись вихремъ всякаго рода празднествъ, которыя устраивалъ отецъ въ честь ихъ въ теченіе недѣли, какъ-бы желая выразить, что пріобрѣтенныя ими сокровища въ такой короткій срокъ, вполнѣ заставляютъ его считать ихъ своими людь-

ми. При этомъ жадный царь съ дочерью самымъ подробнымъ образомъ поразспросили о той мѣстности, гдѣ братья скрыли сокровища, какими путями удобнѣе проѣхать къ ней и по какимъ знакамъ отыскать входы въ подземелья. Три дня спустя, разнесся слухъ, что 7 богатырей найдены были мертвыми далеко за городомъ. Кто умертвилъ ихъ — осталось тайною; но вскорѣ послѣ свадьбы царевны стало извѣстно, что несчастные братья были отравлены жестокимъ царемъ, съ помощью дочери, и что раньше послѣдняго вздоха, они единогласно произнесли заклятіе надъ сокровищами своими для того, чтобы онѣ оставались въ распоряженіи злыхъ духовъ до того времени, пока найдется человѣкъ, который отмститъ за смерть ихъ, если не самимъ отравителямъ, то поколѣніямъ ихъ. Тѣмъ же, которымъ пришлось-бы, даже случайно, взглянуть на эти богатства, суждено было лишиться разсудка навсегда, чтобы не воспользоваться ихъ открытіемъ. Узналъ-ли о такомъ проклятіи царь съ дочерью или нѣтъ — неизвѣстно, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на Ай-Тодорской скалѣ видѣли бѣгавшую молодую женщину, которая съ отчаянными криками бросилась въ море въ тотъ самый моментъ, когда гнались за нею роскошно одѣтые молодые люди. Полагаютъ старики наши, что эта была та самая царевна-отвратительница, которой понадобилось въ приданое богатство, накопленное обманутыми ею братьями. Насколько все это справедливо, добавилъ татаринъ, — я не стану призывать Бога въ свидѣтели, но клянусь вамъ пророкомъ, что духъ несчастныхъ богатырей не терпитъ на этомъ мѣстѣ женскаго пола: на моихъ глазахъ здѣсь потеряли окончательно разсудокъ двѣ молодыя женщины, поселившіяся здѣсь: первая съ родителями, а послѣдняя съ мужемъ. Дай Богъ, чтобы этимъ и ограничилось проклятіе погибшихъ братьевъ и чтобы послѣдующіе смотрители маяка не привозили сюда новыхъ невинныхъ жертвъ для искупленія грѣха безжалостной царевны.

Окаменѣвшая бабка.

Въ небольшомъ прорѣзѣ скалистыхъ выступовъ противъ Крестовой горы, расположенной vis-a-vis съ бывшимъ дворцомъ Верхней Оріанды, туземцы и многіе изъ любознательныхъ путешественниковъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливаютъ взоры на колоссальномъ камнѣ, получившемъ приблизительное сходство съ фигурою пожилой женщины въ чепцѣ съ старомодными рюшами. Нѣкоторымъ изъ нихъ кажется забавною эта игра природы. Но Аутинскія *) старушки и теперь еще, если имъ приходится проѣзжать мимо этого мѣста, какъ только поравняются съ каменною бабушкою, осѣняютъ себя знаменіемъ креста и просятъ Бога о дарованіи покоя этому окаменѣвшему тѣлу.

Вотъ что придумано первобытными обитателями южнаго берега,

*) Селеніе Аутка находится около Ялты.

по поводу сходства этого камня съ пожилою женщиною: въ давно минувшее время, на этомъ мѣстѣ обитала, извѣстная во всемъ округѣ своимъ повивальнымъ искусствомъ пожилая бабка. Пріобрѣвъ славу и богатство, эта одинокая старуха до такой степени была алчна къ серебру и золоту, что не иначе навѣщала больныхъ, какъ отобравъ предварительно всѣ цѣнныя вещи, если не оказывалось денегъ.

Народъ проклиналъ ее, но, при надобности, отдавалъ безъ возраженія все лучшее и дорогое, чтобы она поспѣшила на помощь къ женѣ, дочери или внучкѣ. И что-же? какъ только она переступала черезъ порогъ дома, больная чувствовала себя внѣ всякой опасности, а послѣ первыхъ-же прикосновеній ея рукъ, появлялся на свѣтъ Божій прекрасный, черноглазый ребенокъ.

Вотъ почему всѣ безъ исключенія, которымъ предстояла въ будущемъ надобность въ бабкѣ, спѣшили заблаговременно расположить ее къ себѣ различнаго рода подарками.

Въ одинъ вечеръ къ старухѣ этой подъѣхалъ верхомъ молодой поселянинъ и постучалъ въ желѣзное кольцо у дверей.

— Кто тамъ? спросила она.

— Я, бабушка, пріѣхалъ за вами изъ сосѣдней Гаспры съ просьбою пособить бѣдной женѣ моей, которая ужасно мучится со вчерашняго дня.

— А какое ты привезъ отъ нея вознагражденіе за трудъ немощной вдовѣ?

— Бабушка, мы такъ бѣдны, что нерѣдко сидимъ безъ куска хлѣба. Все наше состояніе заключается въ одной лошадкѣ и коровѣ.

— Такъ вы желаете моихъ услугъ безъ вознагражденія?

— Васъ вознаградитъ за насъ Спаситель міра.

— Въ такомъ случаѣ, сынокъ мой, пусть и вамъ поможетъ тотъ-же Спаситель, а не я, бѣдная вдова, добывающая свое дневное пропитаніе собственными руками.

Какъ не просилъ ее молодой человѣкъ пожалѣть несчастную жену его, какихъ не предлагалъ личныхъ работъ—все было напрасно. Съ разбитымъ сердцемъ онъ возвратился домой и объявилъ родственникамъ жены, что никакимъ образомъ не могъ возбудить состраданія у жадной „кпраманы“ (бабки). Прошелъ еще день. На страшныя муки несчастной родильницы сбѣжались всѣ деревенскія старушки. Добрый священникъ открылъ въ храмѣ царскія врата и прислалъ къ больной для возложенія на нее свой поясъ. Но, увы, ничто не помогало; нужны были искусственныя средства и умѣніе опытной женщины.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи одна изъ старухъ, вынувъ изъ уха своего единственную золотую серьгу и положивъ ее у ногъ страдалицы, обратилась къ остальнымъ присутствовавшимъ съ предложеніемъ пожертвовать кто что можетъ, для спасенія молодой женщины. Тронутыя ея доброжелательствомъ всѣ поспѣшили выложить изъ кармановъ все, что имѣли: кто мѣдныя

деньги, кто игольникъ, кто наперстокъ, бусы и т. п. Все пожертвованное собрано было въ узелокъ и молодой человѣкъ вновь поскакалъ къ бабкѣ.

— Я привезъ тебѣ вознагражденіе,—сказалъ онъ, постучавъ въ двери.

— А, ну посмотримъ, въ чемъ оно заключается? отвѣтила старуха, впуская гостя въ хату.

Бѣднякъ подалъ ей узелокъ. Бабка съ жадностью развязала его и начала пересматривать каждую вещицу.

— Все привезенное тобою, сынокъ мой, дрянь, ненужная мнѣ. Между ними только и есть годнаго золотая серьга. Но гдѣ-же ея пара? ужъ не потерялъ-ли ты ее дорогою?

— Нѣтъ, бабушка, мнѣ дали ее только одну.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ придется съѣздить за подружкою ея. Въ противномъ случаѣ я не стану тревожить моихъ старыхъ костей. На что мнѣ одна серьга и кто ее купитъ у меня безъ пары?

Молодой человѣкъ не вытерпѣлъ и, бросившись къ ногамъ ея, началъ разсказывать какимъ образомъ собраны были эти вещи.

— До всего этого мнѣ нѣтъ никакой надобности, сынокъ мой. Я скажу только, что не послѣдую за тобою до того времени, пока ты не привезешь мнѣ пару къ этой серьгѣ.

— Но несчастная жена моя до того времени можетъ умереть!

— А мнѣ какое дѣло. Всѣ мы созданы для того, чтобы взглянуть только на міръ земной. Ступай-же, сынокъ мой, обратно въ свою хату и не тревожь немощную старуху. Я тебѣ сказала уже, что не выйду за порогъ до тѣхъ поръ, пока ты не привезешь другой серьги, а слезы и просьбы людей на меня никогда не производятъ состраданія. Иди же, иди съ Богомъ—и она захлопнула за нимъ двери.

— О, Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ поселянинъ и съ рыданіемъ пустился домой. Лишь только онъ передалъ жестокій отвѣтъ бабки, всѣ находившіеся у одра умирающей молодой женщины схватились за волосы и какъ-бы едиными устами вскрикнули:

— О, милосердая Панагія (Богородица), обрати эту безжалостную женщину въ каменную массу, чтобы дочери и внучки наши не заразились ея алчностью!

— О, Владычица небесная—произнесла и умирающая, поднявъ руки къ святому лику—предай ее анаѳемѣ и сдѣлай на вѣки-вѣчные не только трупомъ презрѣнія, но и камнемъ проклятія на дорогѣ проходящихъ!

Съ этими словами испустила послѣднее дыханіе свое несчастная страдалица.

Но въ ту-же минуту до слуха присутствующихъ неясно долетѣлъ чей-то отчаянный крикъ, соединенный съ гуломъ разрушенной скалы.

Всѣ осѣнили себя крестомъ и послали нарочныхъ узнать о происшедшемъ въ окрестностяхъ.

Посланные возвратились съ извѣстіемъ, что тамъ, гдѣ былъ домъ знаменитой бабки, нынѣ ничего не существуетъ за исключеніемъ выдвинувшагося изъ земли каменнаго колосса, имѣвщаго видъ престарѣлой женщины.

Тысячи проклятій снова посыпались изъ устъ слушательницъ.

Вотъ съ того времени окаменѣвшее тѣло этой жадной и непреклонной старухи стоитъ неподвижно на мѣстѣ ея жительства. Никогда ни звѣрь, ни птица не расположатся на немъ для отдохновенія. Молнія небесная не упадетъ вблизи этого проклятаго камня, чтобы сокрушить его, а если запоздалый, по незнанію, остановится около него на ночлегъ, то до первыхъ пѣтуховъ въ ушахъ его раздаются неизвѣстно откуда исходящіе стоны престарѣлой женщины.

Тополь, гранатъ и кипарисъ.

У поколѣній первобытныхъ народовъ Тавриды повидимому существовали убѣжденія, что всѣ почти животныя и растенія создались не путемъ естественнаго творчества, а вынужденнымъ вліяніемъ таинственныхъ силъ какъ-бы въ наказаніе за не соблюденіе божественныхъ заповѣдей.

Изъ множества записанныхъ мною разсказовъ по поводу этихъ убѣжденій, я разскажу какимъ образомъ появились въ Крыму тополь, гранатъ и кипарисъ.

„На Кучукъ-ламбатскомъ морскомъ прибрѣжьи *) проживалъ честный рыбакъ съ добродѣтельною женою, у которыхъ кормились всѣ почти сосѣднія бѣдныя вдовы съ своими малолѣтками. Это были чрезвычайно кроткіе и богобоязливые люди, но насколько ихъ уважали окрестные жители, настолько ненавидѣли ихъ трехъ дочерей за злость, безобразіе и поминутныя оскорбленія, наносимыя родителямъ.

Старшая изъ нихъ Тополина была чрезвычайно малаго роста, горбатая, неповоротливая и до такой степени любопытная, что взбиралась на кровли чужихъ хатъ, чтобы подслушивать чужія тайны и потомъ разглашать ихъ съ насмѣшками. Но всего ужаснѣе въ ней было то, что она день и ночь проклинала родителей своихъ за свое безобразіе и крошечный ростъ, которые подвергали ее насмѣшкамъ дѣтей.

Вторая Граната, помѣшавшаяся на розовомъ цвѣтѣ лица, тѣмъже угощала добрыхъ родителей за то, что они не уподобили ее розовому цвѣтку, чтобы всѣ проходящіе смотрѣли на нее съ восхищеніемъ.

Что-же касается послѣдней Кипарисы, которая была очень веселаго характера и обладала красивою наружностію, то подъ вліяніемъ сестеръ и она въ свою очередь оскорбляла упреками родителей за то, что произвели ее на свѣтъ не ночью, а днемъ, вслѣдствіе чего она расположена безпрерывно прыгать и смѣяться.

---

*) Въ 14 верстахъ отъ Алушты.

Упреки и проклятія эти родители сначала переносили хладнокровно, но впослѣдствіи у несчастныхъ не стало силъ. Получивъ полнѣйшее отвращеніе къ дочерямъ, они начали избѣгать встрѣчи съ ними. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ одно время, когда старики горячо молились Богу въ своей хижинѣ, къ нимъ ворвались всѣ три дочери и, вѣроятно подъ впечатлѣніемъ только что перенесенныхъ насмѣшекъ на улицѣ, начали не только поносить, но и бить ихъ.

— Боже смилуйся надъ нами! завопили, рыдая, немощные отцы и пали лицомъ на землю.

— Матерь Божія, неужели ты равнодушно можешь видѣть такія страданія? заголосила старуха, ломая руки.

Лишь только произнесены были эти слова, какъ послышался чей-то таинственный голосъ:

Тополина, ты клянешь родителей за то, что создана безобразною карлицею? Я послана вознаградить тебя. Ты сегодня-же будешь превращена въ высочайшее дерево, которое останется навсегда безъ цвѣтовъ и плодовъ. Твоя страсть все видѣть нынѣ удовлетворится, но помни, что ни одна птица, за исключеніемъ кровожаднаго ворона, не станетъ вить на тебѣ своего гнѣзда.

Потомъ голосъ перешолъ къ Гранатѣ.

„Тебя также послѣдуетъ участь твоей старшей сестры. Но изъ тѣла твоего выростетъ другое растеніе съ кровавымъ цвѣткомъ, который будетъ держаться на стеблѣ долже всѣхъ цвѣтовъ, но я лишу его всякаго запаха. Всѣ будутъ, согласно желанія твоего, останавливаться и любоваться имъ, но никто не пригнется, чтобы понюхать его. Этого мало я заставлю тебя производить безобразные плоды съ безплодными сѣменами, которые будутъ трескаться чтобы показывать прохожимъ свой розовый цвѣтъ, но никого не насытятъ и не утолятъ ни чьей жажды.

Затѣмъ, обратившись къ послѣдней сестрѣ, голосъ произнесъ:

„Кипариса и твои проклятія не останутся безъ возмездія. Ты хотѣла обратить на себя вниманіе людей печальнымъ видомъ и я рѣшила превратить тебя въ такое растеніе, которому не будетъ мѣста между живыми людьми. Ты будешь рости на кладбищахъ, между гніющими трупами и вѣчно слышать только одни стоны и вздохи отъ тѣхъ, съ которыми нѣкогда жила.“

Вслѣдъ затѣмъ какая-то не естественная сила выхватила трехъ сестеръ изъ подъ кровли родительской. Несчастные родители бросились на дворъ, чтобы еще хоть разъ взглянуть на плоть свою, но не увидѣли ничего болѣе кромѣ трехъ неизвѣстныхъ до этого времени деревьевъ, которыя и назвали именами своихъ злосчастныхъ дочерей.

Парѳени *).

Я говорилъ въ моемъ „Универсальномъ описаніи Крыма,“ что древніе обитатели Крыма большинствомъ создавали легенды въ назиданіе дѣтей, подкрѣпляя выдумки свои очевиднымъ сходствомъ предметовъ; но нѣкоторыя изъ нихъ создавались въ совершенно сказочномъ видѣ подъ вліяніемъ миѳологическихъ преданій, дошедшихъ до ихъ слуха въ переиначенномъ образѣ.

Предполагаемая легенда безспорно напоминаетъ намъ сюжетъ изъ древне-греческой трагедіи объ Ифигеніи въ Тавридѣ, которая служила жрицею въ храмѣ Діаны Таврической во время Троянской войны.

Парѳени на греческомъ языкѣ означаетъ дѣву или дѣвственницу. Этимъ именемъ называется и по настоящее время небольшое селеніе подъ Аюдагомъ, безспорно той миѳической скалы, которая въ древности извѣстна была подъ именемъ Кріуметопона или Бараньяго лба.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Эллино-греческая легенда объ Ифигеніи, дошедшая до Крыма въ изустныхъ разсказахъ, пересоздалась въ нижеслѣдующую сказку:

Въ отдаленныхъ отъ Тавриды странахъ у одного могущественнаго царя была единственная дочь, названная Парѳеницею.

Когда это прелестное дитя достигло совершеннолѣтія, всѣ, кому приходилось однажды увидѣть ее, не могли равнодушно разсказать о прелестяхъ ея наружности. Даже звѣри и птицы небесныя слѣдовали за нею съ покорностію.

Слава объ этой красавицѣ вскорѣ разнеслась по міру и всѣ цари съѣхались къ отцу ея, чтобы убѣдиться въ справедливости общей молвы. Оказалось въ дѣйствительности, что дѣвица эта превосходила всѣ разсказы о ней.

При отъѣздѣ каждый изъ монарховъ сдѣлалъ отцу ея предложеніе. Не зная кого изъ нихъ избрать въ зятья, отецъ предложилъ имъ вести между собою войну съ тѣмъ, что кто окажется побѣдителемъ, тому и достанется его дочь. Срокъ назначенъ былъ годовой.

Съ этой минуты дружелюбно жившіе до этого монархи ожесточились другъ противъ друга и, выставивъ всѣ силы свои, начали безпримѣрную войну. Къ концу третьяго мѣсяца отчаянная битва дошла до того, что пало 10-ть государей и безчетное множество воиновъ. Парѳеница съ отцомъ внимательно слѣдила за этою отчаянною борьбою, но въ то время, когда она начала клониться къ концу, когда побѣждавшему герою нуженъ былъ еще одинъ день, чтобы восторжествовать надъ врагомъ, внезапно Богъ вѣсть откуда появился громадный драконъ и, схвативъ прелестную ца-

---

*) Полагаютъ, что деревня Парѳенитъ получила свое названіе отъ этого имени.

ревну, скрылся съ нею за горизонтомъ. Всѣ видѣли какъ исчезъ съ глазъ ихъ чудный трофей побѣды, но увы пособить горю не представлялось никакой возможности.

Между тѣмъ ужасный драконъ, прижавъ къ груди дорогую ношу, перелетѣлъ съ нею Черное море и, очутившись въ необитаемой странѣ, поселился на прибережной скалѣ теперешняго Аю-дага. Любовь его къ этой чудной дѣвѣ возрастала съ каждымъ часомъ и доходила до такого самоотверженія, что онъ пролеталъ громадныя пространства съ единственною цѣлью, чтобы только усладить вкусъ существа, къ которому питалъ безпредѣльное сочувствіе; но при этомъ онъ ревновалъ даже птицъ небесныхъ, дерзавшихъ обратить на нее вниманіе, на случай-же если на берега Тавриды попадались выброшенные бурею несчастные мореходцы, онъ хваталъ ихъ и, чтобы вселить въ Парѳеницѣ отвращеніе къ подобнымъ ей людямъ, заставлялъ ее своеручно отрубливать имъ голову и сбрасывать тѣло плѣнника въ море на съѣденіе рыбамъ.

Такая жизнь для прекрасной царевны въ необитаемой странѣ была невыносима.

Въ одно утро, когда сластолюбивый драконъ предложилъ возлюбленной подругѣ своей принести изъ отдаленнаго отечества ея лучшихъ плодовъ и полетѣлъ за ними на Медвѣдь-гору, присѣла на отдыхъ случайно прилетѣвшая съ Элладскихъ морей морская чайка. Обрадованная Парѳеница бросилась и схватила ее, какъ родственное существо. Накормивъ и утоливъ жажду своей гостьи, она начала упрашивать ее сослужить ей великую службу. Птица поняла царевну и мановеніями головы изъявила согласіе.

Парѳеница тутъ же разрѣзала палецъ и кровью написала нѣсколько словъ на клочкѣ бѣлья, который привязала къ шеѣ чайки, умоляя бросить записку на дворъ отца.

Птица захлопала крыльями и скрылась за синевою моря.

„Авось, думала несчастная плѣнница—Господь смилуется надомною и записка моя достигнетъ по назначенію.

Много времени прошло, много людей стало жертвою руки Парѳеницы, но ни съ какой стороны не являлась надежда на спасеніе.

Однажды печальная дѣва взобралась на вершину Аю-дага и горько залилась слезами. Какъ вдругъ она замѣтила двухъ вооруженныхъ людей въ знакомомъ нарядѣ. Сердце у ней затрепетало отъ радости и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ страха, чтобы не возвратился внезапно могущественный драконъ. Парѳеница начала дѣлать имъ знаки приблизиться къ ней; но каково было изумленіе ея, когда въ одномъ изъ чужестранцовъ она узнала роднаго брата, а въ другомъ того молодаго царя, который изъ за нея покорилъ 13-ть могущественныхъ монарховъ. Боясь промолвить слово, она схватила ихъ за руки и бѣгомъ повлекла въ мрачную пещеру, приказавъ не выходить до той минуты, пока лично не придетъ за ними.

Къ вечеру возвратился крылатый звѣрь, нагруженный самыми нѣжнѣйшими плодами міра. Парѳеница по обыкновенію вышла къ нему на встрѣчу и начала ласкать за вниманіе и заботливость. Затѣмъ, когда они вошли въ жилище свое, дѣвственница удивляясь массѣ принесенныхъ имъ плодовъ, какъ-бы въ удовлетвореніе простаго любопытства обратилась къ дракону съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Скажи мнѣ мой добрый другъ въ чемъ именно заключается твоя сила? Возможно-ли допустить, чтобы такое небольшое какъ ты существо переносило такую тяжесть изъ отдаленнѣйшихъ странъ міра?

— Сила моя такъ велика, что я могу вдвое болѣе поднять не почувствовавши усталости. Вся она сосредоточена въ центрѣ хвоста моего и еслибъ тебѣ вздумалось пригвоздить эту часть моего тѣла къ землѣ, я сдѣлался бы жертвою даже самыхъ ничтожныхъ насѣкомыхъ.

— Ты шутишь надо мною и право я не повѣрю, пока ты не дозволишь мнѣ убѣдиться. Сказавъ это, она вынула изъ за пояса кинжалъ и воткнула его по рукоятку въ указанное мѣсто.

— А ну, попробуй приподнять меня—прибавила она, садясь животному на спину.

— Не могу.

— Пошевелись.

— Не могу.

— Нѣтъ, ты обманываешь. Твое изнеможеніе безъ сомнѣнія произошло отъ большаго движенія. Отдохни-ка мой дружекъ, а я тѣмъ временемъ почешу твою гриву.

Неуспѣла Парѳеница возложить на чудовище рукъ, какъ оно заснуло богатырскимъ сномъ. Тогда дѣвица отправилась къ друзьямъ своимъ и, разсказавъ, что они должны дѣлать, бросилась вмѣстѣ съ ними на страшнаго дракона и обезглавила его.

У брата и жениха оказалось судно, которое они скрыли не вдали отъ Аю-дага. На этомъ кораблѣ несчастная Парѳеница благополучно возвратилась въ отечество, гдѣ и отпразднована была ея родителями двойная свадьба.

Безбожныя сестры.

Въ преданіяхъ, наслѣдованныхъ Аутинскими греками, на мѣстѣ теперешней Оріанды въ давноминувшія времена существовало обширное поселеніе христіанскихъ рыбаковъ, къ которому очень часто приходили изъ отдаленныхъ странъ міра купеческія суда за кефальною икрою и различнаго рода рыбою искусно вяленною на солнцѣ и просоленною въ громадныхъ глиняныхъ амфорахъ.

Селеніе это по разсказамъ однихъ именовалось Оріа, а по другимъ Фули или Фулля (гнѣзда). Оно имѣло укрѣпленный замокъ, куда при опасности скрывались жены и дѣти, и обширный храмъ

во имя св. Спиридона, великаго покровителя греческихъ мореходцевъ. Къ храму примыкала огромная роща масличныхъ деревъ, плоды которыхъ ежегодно обязаны были всѣ жители обоего пола, начиная съ 7 лѣтняго возраста, своеручно собирать и выдавливать изъ нихъ масло для 33 лампадъ, неугасимо горящихъ предъ ликомъ угодника Божьяго. Кромѣ этого каждая взрослая дѣвица, послѣ обрученія должна была принести въ даръ святому пару башмаковъ въ томъ убѣжденіи, чтобы онъ не оставался безъ обуви при постоянномъ движеніи по міру для подачи помощи мореплавателямъ. Башмаки эти складывались подъ престольною плитою, гдѣ пролежавши сорокъ обѣденъ, получали свойство исцѣлять отъ болѣзни и другихъ недуговъ только тѣхъ, кто своеручно ихъ дѣлалъ.

Вотъ въ этомъ-то благодатномъ селеніи жили двѣ дѣвицы, два чудныхъ по красотѣ близнеца, которыми не могли налюбоваться ни мѣстные жители, ни чужестранные купцы. Имена Патрицы и Христины Фульскихъ были знакомы всѣмъ коммерческимъ людямъ. Всѣ прославляли ихъ красоту, а односельцы до того гордились ихъ блистательною наружностію, что ни единый житель не позволялъ имъ собирать своеручно маслинъ и приготовлять изъ нихъ елея, для святаго покровителя селенія.

Когда исполнилось обѣимъ сестрамъ 18 лѣтъ, архонтъ или начальникъ Фули созвалъ всѣхъ молодыхъ людей и, угостивъ ихъ по обыкновенію сладкимъ виномъ, заявилъ, что сегодня Патрицѣ и Христинѣ, которымъ онъ замѣнялъ родителей, предложено избрать себѣ новыхъ покровителей въ лицѣ мужей.

У пылкихъ юношей сильно забились сердца и надежда на счастіе казалась для всякаго доступною. Бѣгомъ они возвратились домой, чтобы переодѣться въ праздничное платье и предстать на выборъ славныхъ сестеръ.

Въ назначенный часъ явились въ священную масличную рощу Патрица и Христина, сопровождаемыя всѣми взрослыми подругами своими, державшими въ рукахъ небольшіе вѣнцы изъ виноградныхъ лозъ. Архонтъ и священникъ взяли ихъ за руки и, заставивъ трижды поклониться группѣ молодыхъ людей, подвели къ самой старѣйшей изъ маслинъ, гдѣ онѣ должны были, помолившись св. Спиридону, назвать поименно тѣхъ, кому желали принадлежать.

— Кого ты думаешь выбрать? спросила шопотомъ Христина у сестры.

— Конечно того, кого любила и люблю—отвѣчала Патрица.

— А что если онъ торжественно откажется отъ союза съ тобой?

— Тогда я возненавижу его и возьму въ мужья сына архонта нашего, который не разъ уже подсылалъ ко мнѣ свахъ и который сочтетъ за счастіе имѣть меня хозяйкою въ своемъ домѣ. Ну, а ты Патрица?

— Я выберу Ликурга.

Такого рода вели разговоръ двѣ сестры подъ деревомъ, гдѣ

должны были съ благоговѣніемъ испрашивать благословеніе святаго патрона своего.

Тѣмъ временемъ священникъ, окончивъ громогласную молитву, вмѣстѣ съ деревенскимъ старшиною подошли къ прекраснымъ сиротамъ и потребовали назвать тѣхъ, которые удостоились ихъ выбора. Гордыя дѣвицы произнесли сладкозвучныя для нихъ имена. Послѣ этого мудрый архонтъ возвратился на площадку свою и потребовалъ къ себѣ Ликурга и Стефанія, двухъ друзей по ремеслу, прозванныхъ филоаделфи—и громко произнесъ:

— Нашъ благословенный Богомъ покровитель и защитникъ внушилъ Патрицѣ и Христинѣ свою святую волю избрать васъ въ мужья и покровители. Отвѣчайте всенародно принимаете-ли вы такое благо за милость свыше или отвергаете его?

— Да будетъ воля Господня надъ нами—отвѣчали друзья.

— Аминь! раздалось со всѣхъ сторонъ и сотни виноградныхъ вѣнковъ полетѣли къ ногамъ жениховъ и невѣстъ, тутъ же обрученныхъ.

Затѣмъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій архонтъ, назначивъ день бракосочетанія, отпустилъ всѣхъ домой.

Съ этого счастливаго дня Патрица и Христина, занятыя ласками и услугами избранныхъ жениховъ, никогда не думали о томъ, что обязаны принести въ даръ покровителю своему по парѣ шитыхъ собственными руками башмаковъ. Однажды крестная мать напомнила имъ объ этомъ, но Патрица отвѣчала, что у святителя собралось такое количество обуви, что онъ не сноситъ ее за сотню лѣтъ.

— А не обидится-ли этимъ нашъ покровитель? спросила старушка.

Невѣсты переглянулись съ улыбкою.

— Признаться у меня въ настоящее время нѣтъ ни охоты, ни матеріаловъ, чтобы заняться шитьемъ башмаковъ — сказала Христина. Впрочемъ я когда нибудь исполню это странное обязательство, чтобы вы не вздумали вторично меня укорять.

— Не мое дѣло укорять васъ—замѣтила старуха—но я обязана передать вамъ, что св. Спиридонъ никому не прощалъ не уваженія къ себѣ.

— Сказанное вами можетъ быть и справедливо—отвѣчала съ неудовольствіемъ Патрица—но едва ли относится къ намъ, такъ какъ мы никогда не собирали даже маслинъ для лампадъ святаго.

— И вы этимъ тщеславитесь? замѣтила крестная мать. Жаль мнѣ васъ, дѣти мои: горе лежитъ за вашими плечами, если вы не исполните съ благоговѣніемъ того, что считалось у нашихъ предковъ священнымъ долгомъ.

Три мѣсяца спустя Ликургъ и Стефаній объявили невѣстамъ, что они окончательно приготовились къ празднованію бракосочетанія и что завтра намѣрены ѣхать въ море, въ надеждѣ поймать къ свадебному пиру сладкотѣлую муруну (осетра).

Сестры отъ радости захлопали въ ладоши и обѣщали выйти на прибрежную скалу, чтобы любоваться дѣйствіемъ жениховъ.

На слѣдующій день Ликургъ и Стефаній, замѣтивъ подругъ своихъ на возвышенности, быстро спустили лодку свою на воду и, затянувъ молодецкую пѣсню, двинулись въ синеву моря, но не прошло и часа какъ зеркальная поверхность моря начала колыхаться и щетиниться пѣнистыми валунами. У красавицъ заныли сердца. Но развѣ женихамъ ихъ впервое приходилось вести борьбу съ разъяреннымъ моремъ? Однако, какъ они не утѣшали себя этимъ, глаза ихъ съ ужасомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ лодки, которая то подымалась на значительную высоту съ бѣлоснѣжнымъ валомъ, то исчезала въ мрачной глубинѣ ожесточенной стихіи. Затѣмъ сестры видѣли какъ ихъ возлюбленные захватили крючьями веревку съ приманками для рыбы, какъ отцѣпили отъ нея, безъ сомнѣнія, великолѣпную рыбу и какъ мастерски повернули къ берегу свою ладью. Еще часъ и трепещущія сердца ихъ переполнятся радостію! Отъ избытка чувствъ сестры смѣялись и руки ихъ какъ-то невольно подымались, чтобы показать друзьямъ бѣлый платокъ.

Какъ вдругъ изъ за скалы вылетѣлъ неизмѣримой вышины страшный смерчь. Море застонало, лодка завертѣлась и скрылась въ мрачномъ ураганѣ. Чрезъ минуту, когда страшилище пронеслось, нигдѣ на всей поверхности воды не видно было ничего, за исключеніемъ лучезарнаго лика св. Спиридона, указывающаго на свои голыя ноги.

Патрица и Христина въ порывѣ отчаянія съ страшнымъ воплемъ закричали: „Такъ вотъ какъ ты мстишь бѣднымъ сиротамъ, святой покровитель людей! Отнынѣ мы отвращаемъ наше лицо отъ тебя и клянемся нашею жизнею, что не допустимъ никого чтить твое имя. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что и отъ храма твоего съ священною рощею не останется и слѣдовъ!“

Не успѣли несчастныя произнести этихъ словъ, какъ затрепетала подъ ними земля, рванулъ оглушительный вѣтеръ и дерзкія сестры подняты были на воздухъ, откуда съ быстротою молніи сброшены были въ разъяренное море и тамъ, гдѣ онѣ погребены, чтобы людское милосердіе не коснулось ихъ грѣшныхъ тѣлъ,— моментально выдвинулись двѣ опасныя скалы, названныя рыболовами могилою безбожныхъ сестеръ.

Скалы эти существуютъ по настоящее время, чтобы напоминать людямъ о ничтожествѣ ихъ предъ избранными Богомъ святыми угодниками.

Золотая колыска и наковальня.

У подножія сѣвернаго отклона Яйлынскаго хребта, въ трехъ верстахъ отъ большаго татарскаго селенія Біюкъ-Озенбашъ, находится пещера Каплу-кая. Узнавъ, что около нея сохранились какіе-то слѣды отъ древнихъ могилъ, я поѣхалъ туда съ проводникомъ. На обратномъ пути ко мнѣ внезапно выскочилъ изъ

лѣсной чащи страшно изуродованный и обросшій длинною бородою пожилой татаринъ.

— Ты вѣрно ѣздилъ, чтобы похитить у меня золотую люльку и наковальню — вскрикнулъ онъ, подбѣгая ко мнѣ съ поднятою палкою.

Къ счастію лошадь моя испугавшись, рванулась въ сторону и такъ понеслась, что я съ трудомъ могъ удержать ея около деревни.

Вечеромъ, когда посѣтилъ меня хозяинъ, я между прочимъ передалъ ему о непріятной встрѣчѣ моей въ лѣсу и просилъ разсказать съ какою цѣлью этотъ сумасшедшій спрашивалъ меня о золотой колыбели и наковальнѣ.

Извольте видѣть—отвѣчалъ онъ—нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ несчастный человѣкъ былъ нашимъ десятникомъ. Претерпѣвая ужасную бѣдность, онъ только и думалъ о томъ какимъ-бы образомъ обезпечить себя съ своимъ многочисленнымъ семействомъ отъ недостатковъ. Съ этою мыслею онъ вслушивался въ разказы о кладахъ и постоянно приходилъ въ отчаяніе, что не знаетъ мѣста гдѣ-бы могъ найти золота. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ по дѣлу и затѣялъ свой любимый разговоръ. „Знаешь что пріятель сказалъ я—ты ищешь кладовъ, а между тѣмъ кладъ у тебя подъ бокомъ“. Селимъ недовѣрчиво покачалъ головою.

„Ты не вѣришь—продолжалъ я—въ такомъ случаѣ я передамъ тайну болѣе счастливымъ, чѣмъ ты“. При этой угрозѣ бѣднякъ поблѣднѣлъ и умоляющимъ голосомъ просилъ не скрывать отъ него истины.

— Ну, слушай—сказалъ я—ты знаешь ту скалу за деревнею, которую называютъ Каплу-кая.

— Какъ не знать, знаю.

— Въ этой скалѣ есть пещера...

— Знаю и пещеру.

— У конца этой пещеры, по словамъ бывшихъ у меня недавно маріупольскихъ грековъ, хранятся золотыя люлька и наковальня. Если ты не трусъ и желаешь быть богатымъ, отправляйся туда подъ пятницу и иди назадъ безъ оглядки; на случай если за тобою послышится свистъ, хохотъ, плачь или угрозы — не обращай вниманія. Въ противномъ случаѣ ты лишишься ума и на всю жизнь останешься такимъ.

Выслушавъ меня, Селимъ неоднократно допрашивалъ не подсмѣиваюсь-ли я надъ нимъ. Наконецъ увѣренный, что я сообщилъ ему что слышалъ отъ людей, предки которыхъ жили въ Крыму, онъ съ сіяющимъ лицомъ простился со мною, а нѣсколько дней спустя я и вся деревня увидѣли его въ томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ представился и вамъ въ лѣсу.

— Такъ онъ лишился разсудка? спросилъ я.

— Совершенно.

— Отчего-же?

— Онъ входилъ въ эту таинственную пещеру и вѣроятно злые духи съумѣли заставить его оглянуться назадъ...

— А не знаешь-ли ты—спросилъ я—кто поставилъ въ эту пещеру золотую колыску и наковальню и съ какою цѣлью?

— Чтобы отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, мнѣ приходится разсказать цѣлую исторію, сообщенную гостившими у меня маріупольцами.

— Ты окажешь мнѣ большое одолженіе.

Татаринъ наложилъ трубку и послѣ минутнаго молчанія началъ слѣдующаго рода легенду:

„Когда-то въ отдѣленныя отъ насъ времена въ Крыму существовало два сильныхъ и богатыхъ царства. Одно изъ нихъ называлось Френскимъ (генуэзскимъ), а другое Урумскимъ (греческимъ). Эти два царства были пограничны между собою и постоянно вели отчаянныя битвы одни за независимость, а другіе за господство. Естественно, что они не могли долго оставаться въ такихъ враждебныхъ отношеніяхъ; надо было порѣшить дѣло чѣмъ-нибудь, но какимъ образомъ? Вопросъ этотъ враждебные князья предложили подданнымъ на разрѣшеніе и съ нетерпѣніемъ ожидали какой послѣдуетъ отвѣтъ. Мѣсяцъ спустя Френскій полководецъ прибылъ къ Урумскому хану съ предложеніемъ, что если онъ желаетъ навсегда сдѣлаться другомъ ихъ, то пусть отдастъ ему въ залогъ дружбы и союза тѣ золотыя колыбель и наковальню, которыя составляютъ священную эмблему княжества.

Визирь, выслушавъ это дерзкое требованіе, въ запальчивости схватился за рукоятку сабли и сказалъ:

— Какое святотатство! Неужели тебѣ не извѣстно, что въ этой колыбели вскормлены были грудями царицъ всѣ царствующіе у насъ во всѣ времена князья, а передъ наковальнею клялись въ истинѣ и вѣрности мы и всѣ бывшіе до насъ подданные!

— Я и требую ихъ только потому, что отлично знаю какъ вы высоко цѣните эти два предмета. Если вы передадите ихъ въ жертву дружбы, тогда мы убѣдимся, что вы держите его выше всего драгоцѣннаго для васъ. Въ томъ же, что мы жаждемъ мира и готовы дать вамъ въ залогъ все чѣмъ обладаемъ, для убѣжденія потребуйте и я сейчасъ представлю.

Урумскій визирь возвратился къ повелителю своему и передалъ ему требованія и предложенія враждебнаго полководца.

— Это не дурно—отвѣчалъ князь, но какъ-бы Френки не обманули насъ и какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы они вынуждены были хранить свято обязательство?

— Такъ вы рѣшаетесь отдать имъ вашу и народную святыню? спросилъ пораженный министръ.

— А какъ мнѣ иначе поступить, чтобы прекратить постоянное пролитіе крови?

— По моему подобныхъ уступокъ не слѣдуетъ дѣлать врагамъ, а надо потребовать отъ нихъ чего нибудь такого, на что они въ свою очередь не согласятся. Тогда требованія ихъ измѣнятся и мирный договоръ послѣдуетъ на менѣе чувствительныхъ потеряхъ.

— Чего же потребовать такого?

— Да хоть напримѣръ документы на право владѣнія ихъ землями. Надо полагать, что на это они не согласятся.

— Иди, требуй.

Визирь вышелъ къ Френскому полководцу и объявилъ волю своего государя. Послѣдній въ свою очередь отправился на совѣщаніе къ своему повелителю и принесъ въ отвѣтъ, что требованіе грековъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выполнено.

— Но ты мнѣ обѣщалъ словомъ честнаго воина доставить все, что я не потребую—сказалъ греческій представитель.

— Я не въ правѣ былъ исполнить обѣщанія, но ты властенъ отобрать силою требуемый документъ, такъ точно какъ и мой господинъ колыску и наковальню.

Нѣсколько дней спустя отъ Френскаго князя явился новый посланникъ.

— Возьмите отъ насъ все другое, кромѣ документа на землю—говорилъ онъ—мы жаждемъ дружбы, иначе всѣ до единаго ополчимся противъ васъ и разомъ прекратимъ тѣ печальныя явленія, которыя не прекращались до настоящаго времени между обѣими націями. Мы силою отберемъ отъ васъ ваши святыни, если вы не сдадите ихъ добровольно.

— Ты угрожаешь намъ — отвѣчали греки — въ такомъ случаѣ приводи угрозу твою въ исполненіе. Мы не боимся никого, а скорѣе всѣ до единаго умремъ, чѣмъ отдадимъ на поруганіе священные для народа предметы.

— Другаго отвѣта я не получу? спросилъ Френкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! заревѣла толпа.

Обстоятельство это возбудило вновь отчаянную битву между двумя ханствами. Всѣ дрались какъ львы и гибли массами. Вскорѣ въ рядахъ грековъ оказался огромный недочетъ лучшихъ воиновъ и предводителей и княжеству угрожала серіозная опасность. Френки продолжали требовать золотую колыбель и наковальню, обѣщая прекратить войну.

Тогда греческій князь собралъ подданныхъ своихъ и спросилъ: согласятся-ли они удовлетворить требованіе враговъ.

— Нѣтъ, нѣтъ — было отвѣтомъ — мы этого не допустимъ до того времени, пока всѣ не погибнемъ.

— Дѣти мои — сказалъ тронутый князь — я и тогда не отдамъ имъ колыбели, въ которой вскормлены были я и мои праотцы. Еще выше я цѣню наковальню, предъ которой вы произнесли мнѣ клятву вѣрности. Если вы умрете, клянусь вамъ я заморю себя голодомъ со всѣмъ семействомъ на этихъ священныхъ предметахъ и скрою ихъ съ заклятіемъ, чтобы никому на вѣки вѣковъ не пришлось прикоснуться къ нимъ. Сказавъ это князь съ рыданіями простился съ воинами и, забравъ народныя драгоцѣнности и семейство свое, прибылъ къ пещерѣ Каплу-кая и съ помощію сопровождавшихъ его вступилъ во внутренность скалы.

— Я не буду принимать мясной пищи — сказалъ онъ удаляющимся слугамъ—до того времени, пока вы не принесете мнѣ из-

вѣстія о побѣдѣ надъ врагами; если же я умру раньше, а вы восторжествуете, то пусть смерть мою сочтутъ за жертву, принесенную добровольно за спасеніе самыхъ драгоцѣнныхъ предметовъ моего вѣрнаго народа.

Когда всѣ разошлись греческій князь занесъ колыску и наковальню въ самую отдаленную глубину пещеры и поставя ихъ тамъ, склонился на колѣни и, поднявъ руки къ небу, произнесъ слѣдующаго рода заклятіе:

„Всевѣдующіе духи! призываю васъ въ эту мрачную глубину быть свидѣтелями моей предпослѣдней воли. Вамъ извѣстно, что я и всѣ бывшіе до меня князья вскормлены были грудью матерей своихъ въ этой драгоцѣнной колыбели, вслѣдствіе чего она сдѣлалась нашею святынею. Вы также знаете, что передъ этою наковальнею я, предмѣстники мои и весь народъ произносили клятву вѣрности, истины и дружбы и никогда никто изъ насъ не измѣнялъ ей. Слѣдовательно и это орудіе для насъ также священно какъ и первое. Между тѣмъ алчные и ненавистные сосѣди наши Френки задумали лишить насъ этихъ драгоцѣнностей и подняли весь народъ мой противъ себя и этотъ несчастный трудолюбивый народъ погибнетъ ради спасенія священныхъ для него предметовъ. Погибну и я съ семействомъ, охраняя наши общія святости. Вы добрые духи будете видѣть мои предсмертныя муки и слышать вопли невинныхъ дѣтей моихъ. Умоляю васъ ради пожертвовавшихъ собою собратій моихъ, ради смерти дѣтей моихъ отнынѣ принять подъ сохраненіе свое эти безцѣнныя вещи, за принадлежность которыхъ умираетъ цѣлая нація съ государемъ!

„Аминь! послышалось въ отдаленныхъ гротахъ.

— Заклинаю кровью нашею — продолжалъ царь — и того, кто рѣшится взглянуть на эти сокровища съ умысломъ похищенія, пусть онъ лишится разсудка и подобно бѣшенному волку рыскаетъ по горамъ до тѣхъ поръ, пока погибнетъ такимъ же жалкимъ образомъ какъ и я, послѣдній охранитель народныхъ святостей!

„Аминь! повторили духи.

— Но если милостивый Богъ совершитъ чудесное спасеніе моего княжества и я останусь въ живыхъ, то пусть тридцать третій первенецъ моего поколѣнія воспользуется правомъ свободнаго пріобрѣтенія этихъ предметовъ. Къ тому времени безъ сомнѣнія наши враги, если не нашими поколѣніями будутъ изгнаны изъ благословенной почвы Крыма, то ихъ изгонятъ сильнѣйшіе насъ. Заклинаю ихъ погибнуть отъ измѣны друга и отъ руки безжалостныхъ палачей!

„Аминь! произнесли таинственные голоса.

Въ этотъ моментъ предъ изнуреннымъ княземъ показался въ бѣлой одеждѣ благовидный старецъ и сказалъ ему:

— Не отчаявайся владыка грековъ твои подданные на дняхъ же восторжествуютъ надъ твоими врагами и ты будешь долго еще царствовать. Но печаленъ будетъ конецъ царствованія твоей дочери. Ты счастливъ, что не доживешь до этого ужаснаго дня;

счастливъ и тѣмъ еще, что глаза твои не увидятъ ручья крови отъ всеобщей гибели защитниковъ твоего княжества.

— Кто же нанесетъ такую гибель?

— Теперешніе же враги ваши.

— Неужели Господь допуститъ ихъ до этого?

— Къ тому времени поколѣніе ваше заслужитъ гнѣвъ и кару неба.

— А что станетъ съ Френками послѣ ихъ торжества!

— Твое заклятіе исполнится въ точности. Они всѣ почти погибнутъ отъ рукъ чужестраннаго народа и только не многимъ удастся или бѣжать, или принять религію побѣдителя; между тѣмъ остатокъ грековъ размножится снова и доживетъ до счастливаго времени.

— Благодарю Создателя моего и за эту милость—и князь протянулъ руку, чтобы поцѣловать одежду святаго человѣка, но его уже не стало.

Нѣсколько дней спустя къ князю прискакали гонцы и дѣйствительно сообщили отрадную новость о пораженіи Френковъ.

Съ той поры золотая колыбель и наковальня стоятъ въ гротѣ Каплу-кая и бдительно охраняются духами въ ожиданіи тридцать третьяго наслѣдника урумскаго князя.

Вай анамъ хаясы.

(Ай маменькина скала).

Подъ этимъ названіемъ существуетъ невдали отъ Бахчисарая, около храма Св. Анастасіи, колосальнаго размѣра каменный естественный истуканъ, а нѣсколько дальше отъ него другой, тоже въ подобіе человѣческаго корпуса подъ именемъ *хорхма-баламъ* (т. е. не бойся дитя мое). Оба эти камня расположены у проселочной дороги, ведущей къ Качикальену и примыкаютъ къ сплошной скалѣ, на которой отпечатлѣлись подобія домашнихъ животныхъ.

Такая замѣчательная игра природы заставила туземныхъ татаръ придумать о происхожденіи ихъ слѣдующаго рода легенду.

Въ давноминувшее время въ окрестности, гдѣ теперь возносятся къ небу чудотворныя великаны *Вай-анамъ хаясы* и *хорхма-баламъ* обиталъ грозный владѣтель Топалъ-бей. Его громадный сераль былъ построенъ въ родѣ замка и никто не пользовался правомъ проникать за стѣны его, безъ особеннаго соизволенія хозяина. Между тѣмъ по общему убѣжденію въ сераль этотъ попадали всѣ почти хорошенькія женщины Крымскаго царства, но куда онѣ дѣвались потомъ, когда сластолюбивый бей пресыщался ими, никто не вѣдалъ. Покрайней мѣрѣ ни одна изъ нихъ не выходила болѣе на свѣтъ Божій. Сосѣдніе жители различно толковали объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Одни признавали его злымъ духомъ, въ образѣ человѣка, а другіе людоѣдомъ.

Тѣмъ временемъ въ деревнѣ Топчи-кой, отстоящей отъ этого сераля въ двухъ часовой ходьбѣ, проживалъ Кемалъ мурза, человѣкъ

богатый, но страстно преданный набѣгамъ на Московов. Мурза этотъ имѣлъ прекрасную жену и единственную дочь отъ перваго брака, красавицу какихъ мало встрѣчалось на бѣломъ свѣтѣ. Многіе изъ важныхъ сановниковъ ханства изъявляли желаніе получить руку этой очаровательной дѣвицы, но отецъ никому не давалъ положительнаго отвѣта, пока любимая имъ Селиме не достигнетъ 15 лѣтняго возраста и сама сдѣлаетъ выборъ.

Слухи о красотѣ Селиме часто доходили до Топалъ-бея, но онъ не могъ отыскать такихъ людей, которые рѣшились бы привести къ нему въ гаремъ эту небывалую красавицу.

Въ одно время Топалъ-бей выѣхалъ на охоту травить зайцевъ. Не проѣхалъ онъ и тысячи шаговъ отъ своего жилища, какъ борзыя собаки выгнали изъ подъ кустовъ животное и пустились за нимъ; бей также поскакалъ. Долго, долго они гнались за интересной добычею, но увы ни скакунъ бея, ни легкія собаки не могли остановить ее. Озлобленный бей поминутно шпорилъ коня и покончилъ тѣмъ, что несчастная лошадь вдругъ остановилась, пошатнулась и пала мертвою. Собаки и добыча исчезли въ степной дали.

Топалъ-бей ломалъ себѣ пальцы отъ негодованія и злобно продолжалъ смотрѣть впередъ, въ предположеніи, что собаки завернутъ заяца и изловятъ его предъ нимъ; однако время проходило и насталъ вечеръ. Бей, потерявъ терпѣніе, рѣшился зайти на ночлегъ въ первую хижину, которая повстрѣчается. Нѣсколько минутъ спустя предъ нимъ показались постройки. Подошедши къ дверямъ перваго зданія Топалъ-бей постучалъ въ мѣдное кольцо.

— Кто тамъ? спросилъ вышедшій слуга.

— Странникъ Божіи проситъ ночлега—отвѣчалъ бей.

Двери отворились и князь введенъ былъ въ *оду*, (комната) предназначенную для пріема гостей.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ Топалъ-бей узналъ, что онъ противъ ожиданія попалъ въ сераль Кемалъ-мурзы.

— Правда ли—спросилъ онъ у слуги—что у твоего господина жена и дочь необыкновенно красивы?

— Въ дѣйствительности этого никто не можетъ сомнѣваться.

— А нельзя ли дружокъ увидѣть мнѣ ихъ хоть въ щель дверную. Я очень богатъ, знатенъ и слѣдовательно могу быть приличнымъ женихомъ. За одолженіе же я подарю тебѣ кошелекъ червонцевъ—и онъ бросилъ къ ногамъ его обѣщанное золото.

Пораженный такою щедростію слуга изъявилъ согласіе исполнить просьбу гостя и исполнилъ ее въ ту минуту, когда прекрасная Селиме съ молодою не менѣе красивою мачихою ея расположились на вечернюю молитву. Бей слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ихъ, какъ могущественный левъ за слабыми и беззащитными существами. Съ трудомъ подкупленному рабу удалось отвести его обратно въ оду.

Нѣсколько дней спустя народъ освѣдомился, что въ глухую ночь дворецъ Кемалъ-мурзы подвергся нападенію неизвѣстныхъ злоумышленниковъ и пропали безъ вѣсти молодыя хозяйки. Когда

сообщено было объ этомъ несчастіи Кемалъ-мурзѣ, онъ остановилъ свои набѣги и возвратился въ Крымъ. Но, увы напрасно онъ искалъ жену и дочь: никто не могъ указать ему на смѣлыхъ разбойниковъ.

Между тѣмъ несчастныя женщины, преданныя другъ другу до безумія, очутились въ гаремѣ Топалъ-бея, который ежедневно навѣщалъ ихъ и упрашивалъ покориться его прихотливой волѣ. Гордыя и честныя женщины отвѣчали ему проклятіями. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Однажды разгнѣванный бей вошелъ къ своимъ плѣнницамъ съ тѣмъ, чтобы покончить съ ними разомъ свои отношенія. Начавъ, по обыкновенію ласками и просьбами, онъ все болѣе и болѣе приходилъ въ гнѣвъ и угрозы. Женщины оставались не поколебимы.

— Такъ вы не покоритесь мнѣ? вскрикнулъ онъ въ исступленіи.

— Никогда! было отвѣтомъ.

— Но я властенъ предать васъ позорной казни.

— Это послужитъ не намъ, а тебѣ въ позоръ.

У Топалъ-бея помутилось въ глазахъ и онъ призвалъ палачей. Женщины были перевязаны и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ замуровлены въ одной изъ нишъ стѣны, окружавшей гаремъ. Съ того времени о несчастныхъ плѣнницахъ долго ничего не слышно было въ мрачномъ дворцѣ.

Годъ спустя до свѣдѣнія Топалъ-бея дошло, что на границѣ его земель внезапно появилось два каменныхъ человѣкообразныхъ гиганта и что предъ разсвѣтомъ пастухи видятъ выходящую изъ одного изъ нихъ дѣвицу не естественной красоты съ золотою кружкою въ рукахъ.

Слухъ этотъ встревожилъ бея и онъ рѣшился лично убѣдиться въ справедливости разсказовъ.

И что же оказалось? Выходящая изъ скалы была та самая Селиме, которую онъ съ мачихою замуровалъ въ стѣнѣ.

Топалъ-бей въ страхѣ подвергнуться мести отца въ тотъ же день приказалъ впречь въ исполинскій колосъ всѣхъ воловъ и лошадей своихъ, чтобы опрокинувъ его, погубить вторично непокорную дѣвицу. Приказаніе было исполнено, но въ ту минуту, когда все было готово и когда погонщики подняли кнуты, чтобы двинуть съ мѣста впряженныхъ животныхъ, изъ колоса вылетѣлъ женскій крикъ: „ай маменька!“ На зовъ этотъ послѣдовалъ изъ дальняго истукана отвѣтъ: „не бойся дитя мое!“ Вслѣдъ затѣмъ всѣ волы съ лошадьми, цѣпями, веревками и погонщиками превратились въ сплошную скалу. Съ того времени оба эти колоса сохранили за собою тѣ названія, которыя послышались изъ нихъ народу.

Два богатыря.

Между деревнею Чоргунъ и знаменитымъ Мангупомъ находится небольшое татарское селеніе, именуемое Черкезъ-Керменомъ, что означаетъ въ переводѣ черкезское укрѣпленіе. Сколько намъ

извѣстно, въ Крыму черкезы никогда не имѣли своихъ крѣпостей и никогда не владѣли отдѣльными участками на вассальныхъ правахъ. Спрашивается, что могло понудить туземцевъ присвоить это названіе мѣстности, сохранившей вѣрныя доказательства жительства здѣсь скиѳовъ, безспорно успѣвшихъ усвоить нѣкоторыя искусства грековъ? Намъ кажется, что это названіе создалось подъ вліяніемъ убѣжденія, что существующая здѣсь крѣпость имѣетъ большое сходство съ тѣми укрѣпленіями, которыя существуютъ на Кавказѣ между черкескими аулами и считаются созданіемъ ихъ дѣдовъ. Такъ или иначе, но по мѣстному преданію Черкезъ-Керменъ, служилъ въ давно минувшія времена мѣстопребываніемъ какихъ-то необыкновенныхъ людей, явившихся съ намѣреніемъ господства надъ Крымомъ. Пробывъ въ ней нѣкоторое время, люди эти начали томиться тоскою, потому что ни одна изъ туземныхъ дѣвушекъ не изъявляла согласія на выходъ за нихъ замужъ. Одиночество довело этихъ богатырей до того, что бросивъ свои пещеры, они удалились. Только двое изъ нихъ остались съ намѣреніемъ силою завоевать себѣ подругъ. Рѣшеніе свое гиганты заявили окрестнымъ жителямъ съ тѣмъ, что если въ теченіи извѣстнаго времени они не представятъ имъ на выборъ лучшихъ дѣвицъ, то начнутся насилія и ни одна изъ дочерей ихъ не будетъ пощажена.

— Дѣлайте, какъ знаете, отвѣчали туземцы, но насиловать нашихъ дочерей мы не станемъ.

Прошло 40 дней. Ожесточенные богатыри съ сверкающими глазами вышли изъ пещеръ своихъ и напали на ближайшее селеніе. Всѣ дѣвушки выставлены были ими на площадь и двѣ наиболѣе рослыя и красивыя взяты были въ качествѣ невольницъ.

Два дня спустя гиганты принесли на плечахъ своихъ обѣихъ дѣвушекъ мертвыми и, возвращая тѣла ихъ родителямъ, взяли новыхъ красавицъ. Та же участь постигла и этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ насиліе богатырей продолжалось чрезъ сутки и дошло до того, что въ деревнѣ изъ многихъ взрослыхъ не осталось ни одной.

— Ну, слава Богу — заговорили старухи — мы отдали все, что имѣли и не будемъ уже оплакивать новыхъ жертвъ. Теперь вѣроятно безжалостные люди перейдутъ въ сосѣднее поселеніе и туда перенесутъ нашу скорбь и слезы.

Пока бѣдныя женщины утѣшались такими предположеніями, въ селеніе ихъ вновь явились богатыри и начали выбирать уже замужнихъ молодыхъ матерей. Покончивъ и ихъ они добрались до бодрыхъ еще старухъ. Когда же и такихъ не осталось, они начали брать недоростокъ и дѣло дошло до 9 лѣтнихъ дѣвочекъ.

Горько было видѣть несчастнымъ отцамъ и братьямъ, какъ уводились эти малютки на вѣрную смерть, но противиться такимъ силачамъ, которые могли бы сдвинуть на нихъ цѣлыя скалы, не приходилось.

— Будемъ покоряться безропотно волѣ Творца нашего—гово-

рили бѣдные отцы—вѣдь Онъ далъ намъ женъ и дочерей, Онъ и властенъ отобрать ихъ?

— Все это такъ—отвѣчали другіе—но зачѣмъ было отдавать этихъ немощныхъ на такую позорную смерть? Отчего мы раньше не обезглавили нашихъ добрыхъ женъ и дочерей, чтобы не допустить ихъ до такой безчестной погибели!

— Это такъ не пройдетъ безбожнымъ людямъ—заявляли третьи съ тяжкимъ вздохомъ—настанетъ время, когда и имъ воздастся по заслугамъ.

Пока вели этотъ разговоръ между собою горемычные отцы, гиганты братски, обнявшись направлялись къ нимъ.

— Идутъ чудовища за послѣдними нашими внучками! сказали старики. О Боже, неужели Ты пожелалъ, чтобы отъ селенія нашего не осталось никакихъ слѣдовъ? Оставь намъ хоть одну дѣвочку для воспоминанія счастливыхъ дней.

— Выводите оставшихся дѣвочекъ! грозно сказали богатыри.

— У насъ только двѣ 9-ти лѣтнихъ, а остальныя меньше лѣтами—отвѣчали поселяне. Сжальтесь надъ невинными дѣтьми: онѣ только что начинаютъ жить.

— Мы также желаемъ жить—было отвѣтомъ гигантовъ. Подавайте же намъ поскорѣе дочерей вашихъ иначе мы раздавимъ ваши хаты и всѣхъ перетремъ въ грязь.

Дѣвочки были выведены.

Богатыри схватили ихъ на руки и пошли по направленію къ своей обители, но въ это время одинъ изъ стариковъ не стерпѣлъ и съ страшными проклятіями бросился за ними.

— Ни за что, ни за что, я не дозволю имъ такой хулы надъ безгрѣшными созданіями! вскрикнулъ онъ, вцѣпившись въ гигантовъ. Возвратите безпощадныя чудовища моихъ внучекъ или я призову на помощь всѣ силы небесныя и докажу вамъ, что есть Богъ, который не потерпитъ такихъ безобразій!

— Отстань ничтожный человѣкъ—отвѣчали гиганты—мы смѣемся надъ твоимъ Богомъ и не пощадимъ и Его, если Онъ предстанетъ предъ нами.

— Великій Боже! Неужели не доходятъ до слуха Твоего эти дерзновенныя слова? Неужели Ты дозволишь, чтобы и надъ тобою издѣвались эти безобразныя чудовища? Умоляю Тебя показать намъ Твою силу и власть надъ этими гигантами сравнительно съ нами! Слова эти произносились старикомъ съ такимъ благоговѣніемъ и такою увѣренностію въ могущество Творца міровъ, что и всѣ остальные жители Черкезъ-Кермена начали подымать руки къ небу и просить Бога внять молитвѣ старѣйшаго изъ членовъ ихъ семьи.

— Оставь насъ глупый старикъ — закричалъ одинъ изъ богатырей, къ которому старикъ вторично бросился на дорогу — или я вынужденъ буду придавить тебя однимъ пальцемъ и лишить тебя навсегда безсмысленной храбрости.

Но старикъ не отставалъ и проклятія съ молитвами сыпались изъ устъ его.

Богатыри ускорили шаги. Старикъ вцѣпился въ ноги дѣвочекъ и требовалъ всеобщей помощи. Народъ воодушевился и въ свою очередь бросился впередъ.

Богатыри остановились.

— Вы ищите смерти несчастные муравьи и получите ее—сказали они, сверкнувъ глазами.

— Одно изъ двухъ или смерть или полная свобода! отвѣчали поселяне—возвратите нашихъ послѣднихъ дочерей!

Слова эти ожесточили чудовищъ и они выпрямились, чтобы однимъ взмахомъ руки сокрушить Черкезъ-Керменцевъ, казавшихся ничтожными козявками. Но прежде чѣмъ поднялись ихъ мощныя руки послышался ужасный подземный гулъ и ясно послышались слова:

„Проклятые! вы издѣвались надъ Творцомъ; теперь же пусть издѣваются и надъ вами всѣ проходящіе!

Вслѣдъ затѣмъ раздался громовой ударъ и предъ удивленнымъ народомъ вмѣсто свирѣпыхъ великановъ выдвинулось два каменныхъ гиганта, уныло смотрящихъ на сокрушившее ихъ небо.

Форелія и Фаланга

Тамъ гдѣ беретъ начало свое Черная рѣчка, сдѣлавшаяся извѣстною въ Крымскую войну, въ давно минувшія времена существовалъ обширный гротъ, ведущій къ подземному озеру, воды котораго были прозрачнѣе хрусталя и настолько освѣжительны, что сидѣвшій около нихъ засыпалъ съ невыразимымъ наслажденіемъ.

При этомъ тѣ изъ спящихъ, которые извѣстны были за добродѣтельныхъ, нерѣдко удостаивались видѣть въ сновидѣніяхъ какую-то старушку въ бѣлой мантіи, которая заботливо справлялась объ ихъ нуждахъ и, къ крайнему изумленію стороннихъ лицъ, удовлетворяла ихъ желанія.

Невдали отъ этого чуднаго озера существовалъ обширный замокъ съ крѣпостію, въ которомъ обиталъ гордый повелитель всей этой округи, никогда не удостоивавшій поселянъ отвѣтомъ на ихъ привѣтствіе.

„ Неужели онъ не понимаетъ—говорили бѣдняки—что мы привѣтствуемъ его во имя заповѣди Спасителя нашего?“

Доходили ли эти слова до архонта или нѣтъ, неизвѣстно, но только онъ не обращалъ вниманія даже и тогда, когда подобныя замѣчанія произносились довольно громко съ расчитанною цѣлью уязвить неумѣстную гордость.

У богатаго человѣка этого было двое дѣтей такихъ точныхъ какъ и онъ. Старшаго сына звали Фаланга, а дочь Форелiею. Насколько первый былъ безобразенъ и жестокъ, настолько была красива, но нелюдима послѣдняя. Любимымъ занятіемъ Фаланги было уничтоженіе насѣкомыхъ. Съ этою цѣлью онъ съ ранняго

утра до поздняго вечера бродилъ по лѣсамъ, садамъ и степямъ и убивалъ огромное множество самыхъ невинныхъ и безвредныхъ тварей, которыя безъ сомнѣнія созданы были Богомъ не для того, чтобы одинъ человѣкъ, безъ всякой надобности, сокрушалъ ихъ жизнь; что касается Фореліи, то она безпрестанно уходила въ гроты или густо заросшія лѣсныя чащи, что бы не видѣть около себя людей и не слышать ихъ голоса.

Въ одно время Фаланга, увлеченный своимъ жестокимъ развлеченіемъ, зашелъ такъ далеко въ горы, что началъ изнемогать отъ жажды. Приблизившись къ дровосѣку онъ попросилъ у него воды.

„ Здѣсь никто не носитъ съ собой воды—отвѣчалъ дровосѣкъ—а кто жаждетъ, тотъ самъ спускается къ священному озеру, которое находится въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ.

— А какъ пройти къ нему?

— Иди вонъ до той пещеры.

Молодой человѣкъ быстро зашагалъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ съ жадностію глоталъ отрадную струю воды и съ наслажденіемъ отдыхалъ предъ величественнымъ озеромъ. Высокій сводъ пещеры, таинственный полумракъ и чарующая прохлада начали дѣйствовать на него усыпляющимъ образомъ. Фаланга прикрылъ глаза и заснулъ

Тѣмъ временемъ съ противоположнаго отверстія пещеры подошла къ озеру Форелія и очарованная прелестью грота, вполнѣ согласующагося съ ея настроеніемъ души, съ сердечнымъ трепетомъ присѣла и начала всматриваться въ зеркальныя воды.

— Какое блаженство! вскрикнула она. Даже въ этой массѣ воды нѣтъ ни одного живаго существа. Вотъ гдѣ бы мнѣ поселиться. Какъ бы я рада была, еслибъ отецъ приказалъ построить у обоихъ входовъ въ эту пещеру желѣзныя двери съ тѣмъ, чтобы никого не впускать сюда.

Я непременно потребую этого отъ него и вполнѣ буду наслаждаться жизнею.

Задумавшись надъ этимъ образомъ жизни, молодая дѣвушка начала чувствовать непреодолимое желаніе заснуть и вѣки ея закрылись.

Въ это время могущественная фея предстала въ сновидѣніи предъ Фалангомъ и съ свойственною ей милостію спросила у молодаго человѣка въ чемъ онъ нуждается и чѣмъ болѣе интересуется?

— А ты кто такая, что осмѣливаешься мнѣ дѣлать такіе вопросы? спросилъ онъ.

— Я хозяйка этого грота и властна надъ людьми и животными.

— Ну, такими правами и я обладаю. Вотъ еслибъ ты могла бы сдѣлать такъ, чтобы я сидя на одномъ мѣстѣ уничтожалъ ненавистныхъ мнѣ насѣкомыхъ—я призналъ—бы въ тебѣ чудотворную силу.

— Для чего ты желаешь сынъ мой этого? каждое мелкое насѣкомое есть созданіе Бога, который любуется ихъ жизнію и

заставляетъ ихъ содѣйствовать его великимъ законамъ для общаго блага міра.

— Если Богу они нравятся, то я нахожу ихъ лишними на землѣ. А тебѣ я думаю извѣстно, что люди должны повелѣвать землею.

— Вы, молодой человѣкъ, присвоиваешь себѣ божественныя права. Берегись, чтобы не поплатиться за такую дерзость.

— Ужъ не ты ли старая вѣдьма отмстишь мнѣ? спросилъ онъ, засмѣявшись.

— Да, я, ты угадалъ. Я давно уже возмущаюсь твоими жестокими поступками и безъ терпѣнія ожидала, чтобы ты зашелъ въ мою обитель, гдѣ я властна поступать со всѣми по своему желанію.

При этихъ грозныхъ словахъ Фаланга сдѣлалъ усиліе проснуться, чтобы убѣжать, но фея, дунувъ ему въ лицо, произнесла:

— Повелѣваю тебѣ ничтожный человѣкъ превратиться въ самое безобразное изъ всѣхъ насѣкомыхъ и скрываться отъ всѣхъ, какъ дѣлаютъ это преступники, но чтобы ты не умеръ отъ голода, то я предоставляю тебѣ право за часъ до смерти полакомиться сокомъ тѣхъ насѣкомыхъ, на которыхъ ты до настоящаго времени смотрѣлъ съ такимъ отвращеніемъ. Прочь изъ глазъ моихъ варваръ!

Только что произнесены были эти слова, молодой человѣкъ обратился въ махнатаго паука и выбѣжалъ изъ подземелья.

Фея приблизилась къ Фореліи и нѣжно спросила довольна-ли она ея гротомъ?

— Очень, но только тогда, когда ты не дерзнешь называть его своимъ въ моемъ присутствіи. Гротъ этотъ на землѣ моего отца, а то что я потребую отъ него, то будетъ моимъ.

— Неужели ты изгонишь меня отсюда, если отецъ тебѣ подаритъ эту пещеру?

— Я уже постановила не впускать сюда никого.

— Но ты этимъ лишишь милостей многихъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, которымъ я властна помогать только здѣсь?

— Большая мнѣ нужда думать о другихъ. Я только думаю о своемъ удовольствіи.

— Въ такомъ случаѣ мы помиримся съ тобою — отвѣчала Фея—я не допущу тебя до того, чтобы лишить добрыхъ людей моихъ милостей, но исполню и твое желаніе жить въ этомъ гротѣ самовластно. Приказываю тебѣ превратиться въ красивую рыбу въ этомъ озерѣ и жить одинокою до старости въ самыхъ глубокихъ ращелинахъ его.

Приказанія старушки въ ту же минуту исполнились. Съ того времени народъ началъ паука называть Фалангою, а пеструю рыбку, плавающую въ хрустальномъ озерѣ—Форелью.

Плачущій камень. *)

У подножья Байдарскихъ воротъ, извѣстныхъ въ Крыму величественнымъ видомъ на море и разнообразные скалистые выступы Яйлынскаго хребта,—до настоящаго времени существуетъ маленькое селеніе Мухалатка, а за нимъ урочище Кастропуло, сохранившее слѣды нѣкогда бывшаго христіанскаго поселенія съ крѣпостнымъ замкомъ, воздвигнутымъ надъ высокимъ отвѣстнымъ берегомъ моря, вслѣдствіе чего вѣроятно и называлось Кастропуло т. е. крѣпосцою.

Урочище это, изрѣзанное глубокими оврагами и выдвинувшими черными шиферными буграми, носитъ отпечатокъ страшной дѣятельности вулканическихъ силъ: кругомъ покоятся развалины огромныхъ известковыхъ горъ въ видѣ округленныхъ массъ, какъ будто предназначенныхъ въ боевые снаряды противъ злыхъ шайтановъ.

Такая величественная картина величавой дѣятельности огненныхъ силъ между моремъ и громадными сѣрыми отвѣсами Яйлы, производитъ ужасающее впечатлѣніе на непривычный глазъ. Даже туземцы не равнодушно пробираются по тропинкамъ этой мѣстности, въ особенности въ осенніе и весенніе вѣтряные дни, когда ураганы заставляютъ трещать и ломаться вѣковыя деревья.

Относительно причинъ, вызывающихъ эти страшныя бури, у мѣстныхъ поселянъ придумано было, какъ бы въ назиданіе или утѣшеніе людямъ, множество легендъ, которыя передавались старухами даже въ мое дѣтство въ Кикенеизѣ и Алупкѣ; но теперь онѣ или совершенно забыты или признаны за безсмысленныя сказки людьми, заинтересованными матеріальными благами.

Мнѣ помнится только, что бури эти, по ихъ мнѣнію, ежегодно въ урочные дни отправляла природа какъ тризну на память преждевременно погибшихъ благодѣтелей человѣческаго рода; но къ сожалѣнію я не могу припомнить всѣхъ подробностей этихъ поэтическихъ эпосовъ, исполненныхъ игривой фантазіи впечатлительной натуры древняго грека.

Въ памяти моей сохранилось преданіе о черномъ камнѣ, лежавшемъ невдали отъ тропинки, ведущей изъ Кастропуло въ Мухалатку и то только потому, что мнѣ лично пришлось ночью слышать какіе-то неясные звуки, походящіе на непрерывные и протяжные стоны умирающаго человѣка **). Стоны эти, по словамъ туземцевъ, раздаются искони въ извѣстный часъ безлунной ночи, вслѣдствіе чего камень этотъ названъ камнемъ стоновъ или плачущимъ. Но такъ какъ первобытному жителю этой мѣстности необходимо было объяснить дѣтямъ причины такого непонятнаго явленія, то надо было создать назидательную повѣсть, въ кото-

---

*) Татаре называютъ его Хутурлу-ташъ т. е. бѣшенный или паршивый камень.

**) Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ заключается какая-нибудь естественная причина въ родѣ отверстія въ камнѣ или приподнятаго положенія.

рой проявилось бы вліяніе карающей руки Провидѣнія за преступныя дѣянія.

Легенда эта повидимому отнесена къ временамъ архіепископства на южномъ берегу Св. Іоанна Готскаго, потому что начинается слѣдующимъ образомъ:

„Въ то блаженное время, когда между нами постоянно находился святой митрополитъ, когда онъ освящалъ своими босыми ногами наши тропинки, соединяющія одно селеніе съ другимъ; когда онъ своеручно окроплялъ наши хижины святою водою и вносилъ въ нихъ священные запасные дары,—одна изъ злыхъ женщинъ, которую святитель постоянно обличалъ въ безнравственно-преступныхъ поступкахъ, рѣшилась избавиться отъ него навсегда. Для достиженія задуманнаго, она, узнавъ что митрополитъ не рѣдко проходитъ по ночамъ изъ Мухалатки на Ай-тодоръ, въ одну темную ночь засѣла, около тропинки, подъ кустомъ съ дубиною въ рукахъ. Цѣль ея была поразить митрополита внезапнымъ ударомъ по головѣ.

Угодникъ Божій, не подозрѣвая подобнаго замысла, по обыкновенію шелъ медленнымъ шагомъ по извѣстной ему дорожкѣ, но какъ только поравнялся съ кустомъ получилъ сильный ударъ въ плечо.

„Ай, да окаменѣешь злодѣй! невольно вырвалось у него съ языка—и онъ упалъ на землю, лишившись чувствъ.

На слѣдующій день жители ближняго селенія перенося архипастыря къ себѣ, замѣтили за кустомъ большой почернѣвшій камень, котораго здѣсь не было раньше. Откуда и какимъ образомъ онъ появился? вопрошали они другъ друга, но впослѣдствіи когда святитель разсказалъ о происшедшемъ и народъ догадался, кто могъ совершить такое коварное посягательство на жизнь святаго старца, всѣ единогласно предали виновницу анаѳемѣ съ тѣмъ, чтобы прахъ ея никогда не подвергся тлѣнію и чтобы непрерывными стонами напоминалъ прохожимъ о страшномъ злодѣяніи.

Съ той поры камень этотъ въ урочный часъ мрачной ночи начинаетъ свою скорбную пѣснь, которая по мнѣнію разскащицы, прекратится только тогда, когда настанетъ день страшнаго суда и когда грѣшный духъ блудницы повергнутъ будетъ въ пламень ада.

Огузъ-оглу.

(Сынъ-вола).

Подъ этимъ названіемъ существуетъ и теперь въ Евпаторійскомъ уѣздѣ небольшое татарское поселеніе, расположенное въ 4-хъ верстахъ отъ морскаго берега. За нѣсколько лѣтъ до Крымской войны я посѣтилъ его, въ качествѣ охотника, въ полномъ убѣжденіи, что нигдѣ на Крымскомъ полуостровѣ не представляется такого изобилія дичи. И дѣйствительно я не обманулся въ предположеніяхъ. Вся почти Огузъ-оглинская степь покрыта была стадами дрохвъ, стрепетовъ и лежней, а на прибрежьи тыся-

чами плавали лебеди, пеликаны, гуси, гагары, утки и множество другихъ морскихъ птицъ.

Пораженный такимъ необыкновеннымъ сборищемъ пернатыхъ жильцовъ, я началъ допрашивать проводника: отчего именно здѣсь, а не въ другой мѣстности, сосредоточивается такая масса птицъ?

— Объ этомъ наши старики разсказываютъ различно—отвѣчалъ онъ.—По предположенію однихъ оттого, что предки наши обязаны были клятвою никогда не ловить и не убивать птицъ небесныхъ; по другимъ же онѣ обитаютъ здѣсь только потому, что безъ малѣйшаго препятствія разводятся на островѣ, къ которому никогда не приближался человѣкъ.

— Гдѣ же этотъ островъ?

— Онъ находится въ полуверстѣ отъ берега и надо полагать переполненъ птичьими гнѣздами.

Вскорѣ мы подошли къ морю, берегъ котораго заваленъ былъ массами разнообразныхъ раковинъ, въ виду котораго разстилался сѣрою полосою небольшой островъ. Онъ буквально покрытъ былъ милліонами морскихъ птицъ.

— Ты мнѣ говорилъ—сказалъ я проводнику—что предки твои обязаны были клятвою никогда не ловить и не убивать птицъ небесныхъ. Не извѣстно ли тебѣ, что понудило ихъ къ этой клятвѣ?

— Мнѣ разсказывали въ дѣтствѣ, что на это мѣсто первыми поселенцами явились неизвѣстно откуда какія-то вооруженныя дѣвицы. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ, они подверглись нападенію со стороны дикарей, пришедшихъ изъ лѣсовъ съ цѣлью захватить ихъ живыми. Послѣ отчаянной и продолжительной борьбы, бѣдняжки заявили царицѣ своей, что не въ состояніи будутъ долго защищаться.

„Въ такомъ случаѣ намъ придется,—отвѣчала она—или умереть, или предаться въ неволю.

— Въ крайности мы всѣ бросимся въ море—сказали дѣвицы.

— Отлично. Я первая покажу вамъ дорогу, какъ мать-царица.

На слѣдующій день возобновилась битва съ такимъ ожесточеніемъ со стороны обитателей лѣсовъ, что дѣвицы вынуждены были броситься въ морскія волны; но въ то время, когда каждая изъ нихъ мечтала о смерти, предъ ними приподнялась земля и образовался островъ съ безчисленнымъ множествомъ раковинъ. Такимъ образомъ Аллахъ избавилъ ихъ и отъ смерти и неволи.

Неожиданность эта изумила дикарей, но такъ какъ они не могли понять, что подобное чудо совершается только Богомъ, то и положились пробраться на островъ, гдѣ удобнѣе было переловить ихъ всѣхъ живыми. Для достиженія цѣли начальникъ распорядился, чтобы воины его доставили лѣсной матеріалъ, съ котораго связаны были плоты и спущены на воду. На нихъ помѣстились отважные воины и высадились безпрепятственно на островъ. Затѣмъ, по мановенію руки предводителя, бросились на беззащитныхъ женщинъ. Но прежде, чѣмъ имъ удалось добѣжать до нихъ, съ ост-

рова поднялась на воздухъ стая разнообразныхъ птицъ, исчезнувшихъ въ степной дали. На этотъ разъ Господь окончательно спасъ благочестивыхъ женщинъ отъ злодѣевъ. Вотъ почему наши предки предполагали, что птицы, населяющія ихъ степи, есть тѣ самыя дѣвицы, которыя повелѣніемъ Аллаха приняли этотъ видъ—и по ихъ мнѣнію убить одну изъ нихъ равнялось убійству человѣка. Къ счастію убѣжденіе это въ наше время многимъ кажется не вѣроятнымъ, но при всемъ томъ не найдется въ деревнѣ нашей ни одного пожилаго человѣка, который позволилъ бы себѣ застрѣлить птицу.“ Къ вечеру мы возвратились въ деревню съ цѣлымъ возомъ дичи, которую никто изъ туземцевъ не захотѣлъ ни приготовлять, ни укладывать для отправки въ Евпаторію. Такое упорное суевѣріе заставило меня отказаться отъ дальнѣйшаго пребыванія въ этой мѣстности. Слухъ объ отъѣздѣ моемъ повидимому очень понравился старикамъ, потому что они не замедлили явиться ко мнѣ для пожеланія счастливаго пути. Понятно, что я пустился съ нѣкоторыми изъ нихъ въ разговоры о житьѣ-бытьѣ на этомъ отдаленномъ отъ городовъ прибережьи и какъ-то случайно спросилъ: почему поселеніе ихъ носитъ названіе Сынъ-вола?

Старики съ улыбкою переглянулись и навѣрно скрыли бы отъ меня истину, еслибъ я ограничился ихъ уклончивыми отвѣтами. Но такъ какъ я съумѣлъ затронуть ихъ честолюбіе, то вотъ что сообщилъ мнѣ одинъ изъ нихъ по этому поводу.

„Въ давноминувшія времена здѣсь было обширное поселеніе, которому обитатели не могли придумать приличнаго названія. Споры ихъ не рѣдко доходили до брани и все таки не рѣшали дѣла. Какъ вдругъ одному изъ самыхъ бѣднѣйшихъ поселянъ удалось открыть въ землѣ полный кувшинъ золотыхъ монетъ, которыя по общему мнѣнію охранялись злымъ духомъ, въ образѣ быка. Всѣ были рады счастію бѣдняка, за исключеніемъ мѣстнаго муллы, который день и ночь обдумывалъ какимъ бы образомъ отобрать въ пользу свою эту находку.

Думалъ, думалъ и придумалъ явиться къ счастливцу въ качествѣ хозяина золота. Но какъ сдѣлать? Алчный духовникъ рѣшается зарѣзать вола и облечься въ его шкуру на голое тѣло. При помощи жены и дочерей все было отлично исполнено. Шкура туго облекла его станъ, роги держались какъ слѣдовало. И вотъ ровно въ полночь мулла входитъ въ хижину бѣдняка и начинаетъ требовать кувшинъ съ золотыми монетами.

— Какъ ты осмѣлился несчастный похитить мое достояніе? закричалъ онъ—да я сотру твое тѣло въ золу, а душу снесу въ центръ ада. Сейчасъ возврати мою собственность!

Несчастный поселянинъ въ полной увѣренности, что предъ нимъ явился тотъ самый духъ, который по народному предположенію, въ образѣ вола, охранялъ найденное имъ золото, растерялся до такой степени, что поспѣшилъ выставить кувшинъ съ сокровищемъ съ тѣмъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ чудовища. Что же вышло потомъ? Мулла бѣгомъ возвратился домой,

скрылъ золото и хотѣлъ было сбросить съ плечь воловью шкуру. Но увы она такъ плотно приросла къ его тѣлу, что всѣ усилія остались напрасными. Несчастный въ исступленіи бѣгалъ по деревнѣ, проклиная свою алчность и безуміе. Всѣ громко издѣвались надъ нимъ и каждый предлагалъ по своему разуму средство избавиться отъ тяжкой и безобразной ноши. Но когда всѣ совѣты оказались хороши только на словахъ, мулла порѣшилъ прожить въ воловьей шкурѣ до конца своей жизни. Когда же иноземцу приходилось допрашивать у него о такомъ небываломъ чудѣ, онъ отвѣчалъ:

— Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: мой отецъ былъ волъ и я сынъ-вола.

Этимъ отвѣтомъ онъ присвоилъ безъименному селенію нашему названіе *Оиузъ-оилу* (т. е. Сынъ-вола), которымъ оно и называется до настоящаго времени.

Фіялка и гвоздика.

Какіе изъ дикихъ цвѣтовъ могутъ сравняться запахомъ съ дикою фіялкой и садовой гвоздикою? Туземцы Крыма говорятъ, что никогда не было и не будетъ запаха пріятнѣе этихъ цвѣтовъ; что ароматъ ихъ даетъ понятіе о красотѣ, блаженствѣ и прелести загробной жизни.

„Еслибъ не было этихъ восхитительныхъ цвѣтовъ—говорила мнѣ одна молодая гречанка—я быть можетъ не чувствовала бы той привязанности къ жизни, которая оживляетъ меня. Когда я вдыхаю въ себя запахъ фіялки, мнѣ представляется міръ неизъяснимымъ торжествомъ, въ сіяніи неизъяснимаго блаженства; когда же мнѣ подаютъ букетъ махровыхъ гвоздикъ, я погружаюсь въ какое-то упоительное безпредѣльное наслажденіе, которое не въ состояніи выразить нашъ грубый языкъ. Говорятъ что чувство это не можетъ сравняться даже съ первымъ поцѣлуемъ той особы, которая любима всѣми силами души“.

Армянки и татарки съ особеннымъ удовольствіемъ воспитываютъ эти нѣжныя растенія передъ окнами своихъ жилищъ и по цѣлымъ иногда часамъ всматриваются въ ихъ бархатные лепестки. Преклоняясь къ нимъ, чтобы вдохнуть живительный ароматъ, онѣ тихо вздыхаютъ; но о чемъ? О чемъ-то восхитительномъ, о чемъ-то, чего не существуетъ въ мірѣ, о чемъ-то такомъ, которое могло бы вѣчно восхищать душу и сердце. Бѣдныя дѣвушки! напрасны ваши вздохи, потому что нѣтъ въ мірѣ ни единаго разумнаго существа, которое и сегодня и завтра могло бы услаждать васъ такимъ отраднымъ чувствомъ, которое доставляетъ вамъ обоняніе очаровательной фіялки или безподобной гвоздики.

Для кого и какимъ образомъ создались эти восхитительные цвѣты? Неужели для животныхъ, которыя безпощадно обходятся съ растеніями? Этого не можетъ быть. Ясно, что фіялка и гвоздика

созданы не подъ вліяніемъ одной потребности насытить теленка или голодную лошадь.

Подобныя идеи повидимому зарождались очень часто въ головкахъ любительницъ цвѣтовъ и послужили основаніемъ старухамъ придумать подходящую легенду. Вотъ содержаніе ея:

„Въ одномъ дворѣ жили двѣ дѣвицы одного возраста смуглыя отъ природы. Онѣ никого не могли прельстить своею наружностію, но всѣ, кто зналъ ихъ, считали ихъ за два добродѣтельнѣйшихъ ангела. Весь день онѣ проводили въ трудахъ, содѣйствуя безсильнымъ или слѣпымъ одинокимъ старушкамъ въ мытьѣ бѣлья и приготовленіи пищи. Покончивъ это, онѣ отправлялись на ночь къ больнымъ и употребляли всевозможныя усилія забавлять ихъ и дѣлать угодное.

Но такъ какъ не всегда этимъ добрымъ дѣвушкамъ приходилось подымать съ постели больныхъ, то онѣ повергались въ уныніе и не рѣдко проливали слезы въ сознаніи своего безсилія.

— „Ахъ Фіялка—говорила одна подруга другой—еслибъ мнѣ пришлось бы найти на нашихъ лугахъ такой ароматичный цвѣтокъ, запахъ котораго превосходилъ бы всѣ существующіе ароматы, я была бы увѣрена, что многіе изъ молодыхъ больныхъ нашихъ не умирали бы. Охъ, какъ печально закрывать на вѣки глаза начинающимъ жить!

— Мнѣ также не рѣдко приходила эта мысль—отвѣчала Фіялка. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе для человѣка, когда онъ дышетъ чѣмъ-то такимъ, которое съ упоеніемъ проникаетъ въ его душу и тѣло. Я тѣхъ же убѣжденій, что еслибъ намъ удалось найти цвѣтокъ съ очаровательнымъ запахомъ, мы спасли бы многихъ отъ преждевременной смерти. Знаешь, что Гвоздика, пойдемъ когда-нибудь въ нашъ лѣсной гротъ и попросимъ отъ чистаго сердца добрыхъ духовъ, чтобы они указали намъ, гдѣ ростутъ такіе прелестные цвѣты?

— Я послѣдую за тобою не только въ гротъ, но и повсюду, куда ты меня позовешь. А помнишь ли ты, что въ гротъ съ просьбами ходятъ только однажды въ годъ и именно тогда, когда день и ночь уравниваются.

— Помню, помню моя дорогая Гвоздика, а такъ какъ до этого времени не приходится долго ожидать, то мы начнемъ заранѣе молить Бога, чтобы онъ посодѣйствовалъ намъ въ благихъ намѣреніяхъ.

Нѣсколько недѣль спустя наступилъ ожидаемый подругами день. Пробудившись съ разсвѣтомъ, онѣ тщательно омылись и, надѣвъ чистое бѣлье, стали на молитву, которую не прерывали до той минуты, пока не наступило время идти въ волшебный гротъ. Тихая ночь и яркое сіяніе небесныхъ звѣздъ служили неразлучнымъ подругамъ единственными проводниками къ мѣсту, куда не рѣшались подступать храбрѣйшіе изъ молодыхъ людей. Безъ малѣйшаго страха онѣ вступили въ мрачную пещеру и повергнись на колѣни.

Ровно въ полночь, предъ Фіялкою и Гвоздикою, въ свѣтломъ сіяніи, предстала въ величественной красотѣ молодая женщина и, возложивъ на головы ихъ свои прелестныя руки, сказала тихимъ очаровательнымъ голосомъ:

— Милыя дѣти, ваши добрыя желанія приняты мною съ удовольствіемъ и будутъ исполнены съ наслажденіемъ. Обѣщаю вамъ обѣимъ, что тамъ гдѣ вы наступите ногою будутъ появляться пахучія травы, а тамъ гдѣ вы присядете, выростутъ два различные цвѣтка съ самыми упоительными запахами, за которыми навсегда сохранятся ваши имена.

Лишь только замерли эти слова, въ гротѣ по прежнему стало мрачно и темно. Обрадованныя подруги возвратились домой и съ той поры у всѣхъ призираемыхъ ими больныхъ комнаты наполнялись чудесными ароматами какихъ-то никому не знакомыхъ цвѣтовъ, которые названы были Фіялками и Гвоздиками.

Инкерманская пещера.

Въ рукописныхъ запискахъ дѣда моего, по отцу, отмѣчены въ кратцѣ очень многіе полусказочные разсказы, выслушанные имъ въ деревнѣ Варнутка въ началѣ нашего столѣтія отъ туземцевъ, которые какъ извѣстно, послѣ первой эмиграціи грековъ и армянъ въ 1778—79 годахъ, не желая разставаться съ родиною, объявили себя прозелитами ислама и оставались здѣсь до Крымской компаніи, а затѣмъ все таки, какъ бы по волѣ Провидѣнія, должны были выселиться съ этой мѣстности въ Турцію. Варнутка находится невдали отъ Балаклавы, Инкермана и Херсонеса, т. е. такихъ историческихъ мѣстъ нѣкогда славной Тавриды, которыя представляли тысячи замѣчательныхъ явленій и событій и не смотря на всѣ перевороты, должны были сложиться въ эпосы и полумиѳическія преданія и перейти къ самымъ отдаленнымъ поколѣніямъ. Это такъ и случилось, судя по имѣющимся у насъ запискамъ, изъ которыхъ мы составили три эпохи Херсонеса, стараясь по возможности придерживаться исторической правды и избѣгать крайнихъ вымысловъ воображенія. При этомъ мы конечно сожалѣемъ, что не можемъ въ настоящее время дополнить эти навсегда утраченныя преданія, которыя не смотря на полнѣйшую наружную миѳичность, содержатъ такъ много намековъ на совершившіяся событія, что каждый знакомый съ исторіею древней Таврики, безъ затрудненія пойметъ, которые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія или могутъ быть примѣнимы къ совершившимся фактамъ.

Въ настоящемъ сборникѣ нашемъ мы исключительно приводимъ миѳы нравственнаго содержанія съ цѣлью показать насколько и какимъ способомъ древніе обитатели Крыма вліяли на развитіе молодаго поколѣнія, а потому, оставляя въ сторонѣ тѣ изъ легендъ, въ которыхъ проглядываетъ историческое сходство, передадимъ двѣ, три изъ существовавшихъ въ устахъ Варнутскихъ

прозелитовъ, которые сохраняли ихъ въ памяти, пока свѣжо было убѣжденіе о происхожденіи своемъ отъ первобытныхъ христіанъ.

„Инкерманъ первоначально былъ необитаемая никѣмъ мѣстность. Его скалы и долина покрыты были ужасной величины деревьями, между которыми бродили чудовищные звѣри и страшной длины змѣи, выползающія изъ Кады-лиманскаго *) залива, чтобы отдохнуть и погрѣться на землѣ. Въ такую ужасную трущобу естественно не дерзалъ проникнуть ни единый человѣкъ. Тѣмъ временемъ въ Кады-лиманъ прибылъ изъ святыхъ мѣстъ одинъ изъ праведныхъ людей, высокочтимыхъ всѣми пророками, съ тѣмъ, чтобы заявить обитателямъ Крыма, что Богъ ниспослалъ на землю новый законъ и требуетъ, чтобы всѣ чтущіе Его имя прислали въ священный Хутлу-шерифъ **) способныхъ людей для изученія всего непонятнаго и полученія точныхъ снимковъ съ заповѣдей. Лишь только узнали объ этомъ жиды, которые всегда враждовали противъ всѣхъ пророковъ Божьихъ и убивали ихъ изъ боязни, чтобы отъ нихъ не сокрушилась ихъ черная вѣра, начали собираться въ домахъ и совѣтываться какія принять мѣры, чтобы народъ не повѣрилъ вѣстнику и не выслалъ бы избраннаго изъ среды своей въ Хутлу-шерифъ. Но пока они совѣщались, одинъ изъ Кады-лиманскихъ афузовъ ***), заинтересованный разсказами о пророкахъ, не говоря никому ничего, рѣшился самъ съѣздить въ Хутлу-Шерифъ и собственными глазами убѣдиться въ разсказахъ вѣстника. Многое видѣлъ, слышалъ и изучилъ этотъ мудрый юноша, которому Аллахъ въ награду даровалъ сѣдую бороду въ знакъ благоволенія и внушенія вѣры къ словамъ его. Съ этимъ божественнымъ отличіемъ Саміанъ-афузъ возвратился въ отечественный городъ свой, но прежде чѣмъ онъ дошелъ до материнскаго дома, жиды, узнавшіе по бородѣ его, что онъ освятился обществомъ святыхъ посланниковъ, преградили ему дорогу и потребовали подъ угрозою смертной казни немедленно удалиться изъ города и никогда не смѣть вступать въ него. Саміанъ началъ просить взглянуть на мать и потомъ уже исполнить ихъ приказаніе, но злые люди, боясь, чтобы святость свою онъ не передалъ прикосновеніемъ руки или устъ другимъ, не отступили отъ постановленія своего и начали изгонять его палками и камнями, какъ зараженнаго чумою.

Саміанъ не смѣлъ сопротивляться.

— Куда же я долженъ идти? спросилъ онъ.

— Иди въ трущобу Инкермана и горе тебѣ, если ты осмѣлишься выглянуть оттуда. Мы не пощадимъ и мать твою.

---

*) Такъ называлась въ началѣ нашего столѣтія севастопольская бухта.

**) Іерусалимъ. Будь сказано въ легендѣ Мекка мы обязаны были бы отнести этотъ разсказъ къ мусульманскимъ преданіямъ.

***) Молодые ученые, знающіе весь коранъ.

Афузъ взглянулъ на небо и, сопровождаемый толпою жидовъ, направился къ указанному ему мѣсту жительства.

Сопровождавшіе его не иначе возвратились домой, пока убѣдились, что онъ вступилъ въ мрачный лѣсъ, переполненный страшными звѣрями, откуда обыкновенно не возвращался никто, случайно даже зашедшій туда.

Что стало затѣмъ съ молодымъ человѣкомъ съ сѣдою бородою—никто не могъ узнать. Жиды вполнѣ были убѣждены, что онъ съѣденъ былъ чудовищами; но въ дѣйствительности ни одинъ звѣрь не дерзнулъ прикоснуться къ любимцу святыхъ пророковъ, который, избравъ для жительства своего одну изъ естественныхъ пещеръ, началъ искуственнымъ образомъ расширять ее, чтобы получше укрыться отъ непогодъ.

Нѣсколько недѣль спустя у мѣстнаго паши или главнаго начальника города заболѣлъ единственный сынъ и всѣ врачи опредѣлили ему неминуемую смерть. Отецъ и мать обратились къ Богу. Богъ научилъ ихъ въ сновидѣніи поискать въ Инкерманѣ юношу съ бѣлою бородою, которому предоставлено право излечивать и воскрешать мертвыхъ. Паша нашелъ его только тогда, когда дорогой мальчикъ умеръ. Но это не послужило препятствіемъ афузу воскресить умершаго и прославиться настолько, что всѣ горожане начали обращаться къ нему какъ святому *). Узнавъ объ этомъ чудѣ, жиды начали рвать себѣ бороды и песики и поклялись сокрушить избранника какъ-нибудь ловкимъ образомъ. Съ этою цѣлью они выманили его на городскую площадь и предали позорнымъ насмѣшкамъ.

— Если ты сдѣлалъ это чудо по волѣ Бога—говорили они—то ты властенъ сдѣлать его и надъ собою. Войди въ известковую печь и докажи намъ, что твой Богъ предохранитъ тебя отъ огня **).

Афузъ взглянулъ на небо и молча вступилъ въ огненную печь, откуда вышелъ совершенно невредимымъ. Всѣ изумились, но жиды начали кричать, что онъ чародѣй и колдунъ, подлежащій казни.

Съ этого времени эти злобные люди подсылали къ Саміану убійцъ, но ни одинъ изъ нихъ не возвращался обратно съ ожидаемою вѣстью. Жидамъ казалось, что подсылаемые преждевременно дѣлались жертвою инкерманскихъ чудовищъ, но они ошибались, потому что безбожные разбойники какъ только подходили къ святому, то предавались ему раболѣпно и оставались служить ему. Вновь посылаемые дѣлали тоже самое и такимъ образомъ вскорѣ около афуза образовалось въ скалахъ довольно обширное поселеніе храбрыхъ людей.

---

*) Все это чрезвычайно напоминаетъ намъ о Херсонскомъ епископѣ Василіѣ и его дѣяніяхъ въ этомъ городѣ.

**) Это событіе относится по четь-минеи уже къ другому епископу и именно къ Капитону.

Когда это стало извѣстно всѣмъ, жиды заявили мѣстному пашѣ, что человѣкъ, воскресившій его сына, образовалъ себѣ шайку разбойниковъ и выжидаетъ удобнаго случая сдѣлать нападеніе на ихъ городъ и завладѣть имъ. Паша, увѣренный ими въ такой небылицѣ, испугался и рѣшился принять надлежащія мѣры, но жиды не довольствовались этимъ и настаивали на посылкѣ войска въ Инкерманъ.

Не ожидая подобнаго образа дѣйствій, Саміанъ стоялъ на молитвѣ въ то время, когда приближались къ нему вооруженные люди. Правѣдникъ настолько былъ увѣренъ въ заступничествѣ Бога, что продолжалъ молиться. И дѣйствительно благодаря тому, что онъ не оглянулся даже, враги были ослѣплены и, нигдѣ не нашедъ его, возвратились безъ всякаго успѣха.

— Этотъ чародѣй—кричали жиды—навѣрно пустилъ въ глаза твоимъ воинамъ пыль, потому что мы знаемъ навѣрно, что онъ живетъ въ Инкерманѣ. Если же ты не вѣришь намъ, паша, то потрудись самъ съѣздить на противоположную гору, откуда мы тебѣ укажемъ на злодѣя и его шайку.

Паша повиновался злымъ людямъ и ужасно разсердился на воиновъ своихъ. Въ тотъ же день посланы были другіе палачи съ приказаніемъ обезглавить правѣдника и тѣло его бросить въ нѣдра морскія.

На этотъ разъ Саміанъ къ несчастію спалъ крѣпкимъ сномъ и не могъ призвать къ себѣ на помощь Бога. Злодѣи обезглавили его однимъ взмахомъ сабли и согласно приказанію начальника бросили въ море съ камнемъ, привязаннымъ къ поясницѣ, но лишь только тѣло достигло дна, морскія воды быстро отодвинулись назадъ и обнаружили предъ жителями преступленіе *). Всѣ начали роптать и когда дознано было, что праведникъ погибъ по проискамъ жидовъ, то горожане взбунтовались и до того времени не успокоились, пока не утопили всѣхъ евреевъ съ ихъ женами и дѣтьми. Тогда только тѣло праведнаго афуза перенеслось само собою въ инкерманскую обитель и оставалось тамъ совершенно цѣлымъ до того времени, пока русскіе вступили въ Крымъ въ качествѣ хозяевъ. Говорятъ что тѣло Саміана скрылось во внутренность скалы и вновь появится, когда вновь воцарятся въ Крыму мусульмане.

Легенда эта напоминаетъ намъ разсказъ московскаго священника Іакова, бывшаго въ Инкерманѣ въ первой трети 17 столѣтія и своеручно омывшаго мощи святаго, который въ сновидѣніи сказалъ ему: „помышляете вы, о други мои, взять мощи мои на Русь, я же хочу по прежнему учинить здѣсь Русь, а имя мнѣ и память мнѣ бываетъ въ Семеновъ день.“ **)

---

*) Это уже намекаетъ на поступокъ противъ, сосланнаго въ Инкерманъ, папы Климента.

**) См. Рукописи при библіотекѣ кн. Оболенскаго и Румянцевскомъ музеѣ подъ № 363, приведенныя во II и III т. Одесск. общ. Исторіи и древностей.

Каламита.

Всѣ почти древніе географы свидѣтельствуютъ, что въ Тавридѣ существовалъ нѣкогда городъ подъ этимъ названіемъ, а нѣкоторые средневѣковые писатели указывали даже на картахъ положеніе его между Бахчисараемъ и берегомъ моря по изометрической линіи; но на этомъ пространствѣ сколько намъ извѣстно до настоящаго времени не открыто никакихъ слѣдовъ поселенія. Обстоятельство это заставляетъ насъ думать, что города подъ этимъ названіемъ никогда не существовало въ Тавридѣ, но что на ю. з. берегу Крыма и именно между Евпаторіею и Севастополемъ подъ именемъ Каламита или правильнѣе Каломити извѣстенъ былъ выступъ въ море, предъ которымъ находилась удобная стоянка для судовъ. Предположеніе наше во первыхъ оправдывается самымъ названіемъ, означающимъ въ буквальномъ переводѣ „хорошій носъ“ и тѣмъ, что на этомъ берегу только у Каламита англо-французская эскадра въ 1854 году нашла полную возможность высадить десантъ со всѣми принадлежностями для многочисленной арміи.

Изъ народныхъ же преданій и легендъ намъ ничего не пришлось узнать, за исключеніемъ нижеслѣдующаго баснословнаго разсказа, кратко записаннаго дѣдомъ нашимъ при одномъ изъ посѣщеній его Варнутки.

„Я заболѣлъ лихорадкой и никакъ не могъ избавиться отъ нея въ продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Въ Варнуткѣ одинъ изъ стариковъ, хорошо говорящихъ на мѣстномъ греческомъ языкѣ, посовѣтывалъ мнѣ съѣздить на Каломиту и тамъ переночевать хоть одну ночь на открытомъ воздухѣ. Это было по его мнѣнію самое вѣрное средство противъ упорной лихорадки. На вопросъ мой почему онъ предполагаетъ это и чѣмъ заслуживаетъ Каломита такого довѣрія, старикъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Тамъ, гдѣ въ наше время Казыклы-Озенъ *) впадаетъ въ Ахтіарскую бухту **), нѣкогда существовалъ обширный мостъ такъ красиво-выстроенный, что многіе нарочно пріѣзжали полюбоваться имъ; но тотъ, кто рѣшался прикоснуться къ нему рукою или ногою, въ тотъ же день получалъ какую-то странную болѣзнь, которая начиналась каждый день въ урочный часъ, сначала холодомъ, а потомъ жаромъ. А такъ какъ этимъ путемъ приходилось очень многимъ ѣздить, то скоро не осталось въ нашей мѣстности ни одного семейства безъ больнаго. Всего страннѣе казалось больнымъ, что не смотря на пустоту желудка ихъ томила жажда и чѣмъ больше они пили воды, тѣмъ больше хотѣлось. Къ счастію эта непріятная болѣзнь не распространялась на женщинъ, иначе пришлось бы всѣмъ умереть съ голода. Всѣ приня-

*) Черная рѣчка.
**) Севастопольскую.

тыя мѣры и средства облегчить страждущихъ, оказывались безполезными. Приходилось думать, что народонаселеніе останется безъ посѣвовъ.

Вотъ въ это время въ Каломитскую бухту пришелъ изъ неизвѣстныхъ странъ большой корабль съ различными произведеніями, которыя предлагались купцами въ промѣнъ на мѣстныя произведенія. Когда дошли объ этомъ слухи до нашего селенія нѣкоторые больные рѣшились съѣздить къ иностраннымъ торговцамъ съ цѣлью запастись кое-какою одеждою и инструментами необходимыми въ хозяйствѣ. Но корабля не оказалось въ бухтѣ и больные, утомленные продолжительною ѣздою, вынуждены были расположиться на отдыхъ на возвышенномъ мысѣ. Ровно въ полночь одному изъ нихъ послышались изъ подъ земли чьи-то вздохи и рыданія. Заявивъ слышанное товарищамъ, поселяне приложили уши къ землѣ и этимъ способомъ дошли до входа въ пещеру, который былъ заваленъ камнями и землею съ цѣлью скрыть отъ глазъ проходящихъ. Понятно, что больные, заинтересованные судьбою замурованнаго человѣка, сейчасъ же прочистили отверстіе грота и начали ожидать дневнаго свѣта, чтобы проникнуть внутрь пещеры

На слѣдующій день предъ ними очутилась молоденькая женщина съ крошечнымъ мальчикомъ на рукахъ, которая, увидѣвъ избавителей, начала цѣловать имъ руки и благодарить.

— Кто ты такая и какимъ образомъ очутилась здѣсь? спросили изумленные жители нашей деревни.

— Я младшая сестра семерыхъ ужасныхъ сестеръ, которыя задались мыслею мстить мущинамъ и, сошедшись съ злыми духами, пріобрѣли отъ нихъ искусство заражать воздухъ такими испареніями, отъ которыхъ люди пріобрѣтаютъ мучительныя болѣзни и томятся впродолженіи многихъ мѣсяцевъ. Не довольствуясь тѣмъ, что онѣ навели эту болѣзнь въ своемъ отечествѣ, имъ захотѣлось разнести ее по всему міру и съ этою цѣлью онѣ переселились на корабль, переодѣвшись въ купцовъ. Въ это время мужъ мой былъ въ отсутствіи и я ужасно скорбѣла, что онъ не возвращается домой. Зная мою скорбь, сестры предложили свезти меня къ нему. Я согласилась и только во время плаванія нашего узнала, что эти злыя дѣвушки страшно негодуютъ противъ всѣхъ мущинъ за то, что ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ жениться на нихъ. Подслушавъ это, я въ то же время узнала отъ нихъ и секретъ противъ той болѣзни, которую онѣ властны создать. Нѣсколько дней спустя безжалостныя сестры съ злобною улыбкою объявили мнѣ, что я никогда отнынѣ не увижу мужа моего, потому что и онъ принадлежитъ къ числу ненавистныхъ имъ предметовъ.

Я начала умолять ихъ сжалиться надо мною и возвратить домой.—Этого невозможно теперь сдѣлать—отвѣчали онѣ. Мы возвратимся только тогда, когда разнесемъ болѣзнь по всему міру.— Въ такомъ случаѣ—сказала я—вы встрѣтите во мнѣ женщину,

которая будетъ сокрушать всѣ ваши надежды. Я знаю секретъ противъ вашей болѣзни.

Слова эти изумили безжалостныхъ сестеръ моихъ и онѣ рѣшились избавиться отъ меня и когда предъ глазами нашими показалась земля, приказали шкиперу войти въ первую бухту. Не подозрѣвая ничего, я сошла на берегъ съ сестрами и расположилась въ палалкѣ. Пока торговалъ шкиперъ, злыя женщины, разузнавъ, чрезъ какую рѣчку переходятъ мѣстные жители, соорудили на ней большой мостъ и засѣяли низменность вредноносными камышами. Въ мостъ также приказали положить тѣ матеріалы, которые имѣли свойства даже смотрящихъ на него поражать трясучкою. По окончаніи всего этого онѣ возвратились къ мѣсту нашей высадки и лишь только открыли на Каломитѣ подземный гротъ, силою втащили меня въ него и, замуровавъ каменьями и землею, сейчасъ же сѣли на корабль и уѣхали. Вотъ ужъ полгода какъ я томлюсь въ подземельѣ и сегодня приготовилась умереть, такъ какъ потратила весь запасъ пищи.

— Въ чемъ же состоитъ твой секретъ противъ этой ужасной болѣзни? спросили больные—мы тебя примемъ къ себѣ и будемъ содержать на свой счетъ, если ты насъ избавишь отъ этого недуга.

— Я ничего не потребую отъ васъ кромѣ того, чтобы отправить меня въ Стамбулъ къ мужу моему — сказала добрая женщина. Если вы на это согласитесь, то пришлите сюда корабль и принесите мнѣ большой камень, на которомъ я своеручно начерчу тѣ таинственные знаки, отъ которыхъ сайчасъ исчезнетъ болѣзнь. Пусть всѣ больные пріѣдутъ взглянуть на него, чтобы возвратиться здоровыми.

Условія эти разумѣется приняты были съ благодарностію и на другой день корабль и каменный столбъ ожидали добрую женщину, которая своеручно изобразила на послѣднемъ таинственные знаки. Всѣ больные также находились на лицо и дѣйствительно послѣ перваго взгляда на камень излечились.

Молодая женщина уѣхала. Съ того времени всѣ одержимые лихорадкою начали являться сюда и не смотря даже на то, что чудесный столбъ отъ тяжести скрылся въ землѣ, достаточно побывать около него, чтобы избавиться отъ самой изнурительной лихорадки.

Ахтіяръ.

Подъ этимъ названіемъ до настоящаго времени извѣстенъ Крымскимъ татарамъ Севастополь. Одни полагаютъ, что слово это происходитъ отъ *Ахъ-яра*, т. е. бѣлаго оврага, а другіе думаютъ отъ *Эхтіара*, что означаетъ въ переводѣ старикъ, престарѣлый. Замѣчательно, что оба эти названія какъ нельзя лучше подходятъ къ этому мѣсту, извѣстному древними развалинами и бѣлыми боками высокихъ холмовъ.

Странно однако, что о блистательномъ Херсонесѣ у туземцевъ Крыма не сохранилось никакихъ преданій, въ видѣ историческихъ разсказовъ. Всѣ усилія наши открыть что-нибудь, напоминающее даже существованіе здѣсь большаго коммерческаго города, положительно ни къ чему не привели. Между тѣмъ сколько намъ извѣстно татаре и теперь на всякую развалину создаютъ разсказъ, послужившій ей гибельнымъ результатомъ.

Не является ли всему причиною изолированное состояніе Херсонеса, отсѣченнаго отъ татарскаго владѣнія длинною севастопольскою бухтою, за которую боялись перешагнуть татаре, не желавшіе имѣть ничего общаго съ тѣми, которые не признавали ихъ преимущества? Если принять во вниманіе, что въ Севастополѣ и въ цвѣтущее время его не обитало ни одного мусульманина, то намъ кажется, что татаре всегда имѣли какое-то непонятное предубѣжденіе къ Трахейскому или Херсонескому полуострову и старались не говорить о немъ ни слова.

Единственный баснословный разсказъ записанъ дѣдомъ моимъ опять въ Варнуткѣ, но мы раньше говорили уже, что поселяне этой деревни исповѣдывали христіанскую религію и безъ сомнѣнія происходили отъ первобытныхъ основателей Херсонеса или туземныхъ тавро-скиѳовъ, имѣвшихъ постоянное сообщеніе между собою если не съ самаго начала появленія пракліотовъ, то послѣ окончательнаго сокрушенія Митридатомъ скиѳскаго владычества въ Тавридѣ. Такимъ образомъ предлагаемый разсказъ все-таки будетъ греческою легендою, отчасти переобразованною татарскимъ вліяніемъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Вотъ содержаніе ея, въ которомъ ясно смѣшаны всѣ историческія событія Херсонеса, и въ заключеніе выведена мораль.

„Какой-то неизвѣстный царь изъ отдаленныхъ странъ пожелалъ прогуляться по всему міру съ лучшими войсками своими, чтобы прославить себя повсюду и занять такія мѣста, которыя оставались свободными. Пришедъ къ Кадылиманскому заливу, государь этотъ чрезвычайно изумился, что такая красивая и удобная мѣстность остается безъ народонаселенія. Не долго думавши, онъ приказалъ войскамъ своимъ построить нѣсколько десятковъ домовъ и потребовалъ изъ царства своего коммерческихъ людей, которымъ приказалъ поселиться здѣсь. Затѣмъ, оградивъ ихъ городъ башнями и стѣнами, отправился дальше. Десять лѣтъ спустя царь этотъ на обратномъ пути снова зашелъ въ Кады-лиманскій заливъ и чрезвычайно изумился, что основанный имъ городокъ удесятерился и на площадяхъ и пристаняхъ его кишѣли толпы всевозможныхъ націй и въ томъ числѣ жиды. Выразивъ свое удовольствіе, царь назначилъ намѣстника и обѣщалъ покровительствовать и заботиться о процвѣтаніи этого города. Обѣщаніе свое онъ не забывалъ и благодаря этому городъ раздвигался все больше и больше и въ немъ находили безопасный пріютъ всѣ изгнанники и бѣглецы, головы которыхъ были оцѣнены за различныя преступленія. У намѣстника царскаго не было сыновей, но была

одна только дочь, которая поражала всѣхъ и красотою и умомъ. Послѣ смерти царя недолго жилъ и отецъ ея. Горожане единогласно предложили управленіе городомъ молодой, но опытной красавицѣ Габибе *), которая поклялась не щадить ни жизни, ни средствъ для отечественнаго города и въ непродолжительное время такъ много настроила мечетей, церквей, фонтановъ и колодцевъ, что имя ея благословлялось каждымъ вступающимъ въ Кады-лиманъ. Случилось разъ, что какой-то царевичъ заѣхалъ къ ней въ гости и до того прельстился ея красотою и умомъ, что началъ подсылать сватовъ. Габибе расказала объ этомъ старшинамъ. „Мы рады будемъ твоему выходу замужъ—отвѣчали они—но боимся, чтобы этотъ царевичъ впослѣдствіи, наслѣдовавъ престолъ отца своего, не вздумалъ бы присоединить и нашъ городъ къ своимъ владѣніямъ. Отвѣтъ этотъ повидимому не по душѣ былъ влюбленной, но сознавая, что старшины разумно разсуждаютъ и что она и сама не захотѣла бы сдѣлать ихъ рабами другаго народа, дѣвушка спросила: — „А какъ слѣдуетъ поступить, чтобы предупредить подобное явленіе?—Одно средство существуетъ для этого—сказали распорядители—онъ долженъ отказаться отъ всѣхъ правъ своихъ внѣ нашего города и никогда не выѣзжать изъ него. Тогда мы примемъ его какъ друга и будемъ чтить какъ твоего мужа. Условія эти охотно были приняты царевичемъ и онъ женился на Габибе; но злой и властолюбивый молодой человѣкъ не захотѣлъ оставаться подъ властью жены и задумалъ силою добиться господства. Съ этою цѣлью онъ началъ списываться съ отцомъ, который безпрестанно присылалъ ему на купеческихъ судахъ лучшихъ воиновъ съ тѣмъ, чтобы они, при удобной минутѣ, перебили важнѣйшихъ распорядителей города и превозгласили его самовластнымъ царемъ. Но къ счастію одна колдунья узнала объ этомъ и Габибе вынуждена была сжечь зданіе, въ которомъ скрывались заговорщики съ ея мужемъ. Но это не даромъ обошлось Габибе: жертвуя своимъ мужемъ за свободу соотечественниковъ, она въ тоже время пожертвовала и разсудкомъ своимъ, потому что окончательно лишилась ума и по цѣлымъ днямъ розыскивала въ пеплѣ сгорѣвшаго дома останки любимаго мужа. Тѣмъ временемъ отецъ царевича узнавъ, что сынъ его сожженъ Кады-лиманскими жителями, переодѣвшись въ купеческій нарядъ, самъ поѣхалъ туда, чтобы узнать истину. Высадившись на пристань, онъ молча направился въ городъ, но не успѣлъ зайти въ кофейню, какъ на него напала городская стража и потребовала немедленно удалиться изъ города, потому что послѣ случившагося, горожане постановили не держать неизвѣстныхъ имъ лицъ въ городѣ. Царь началъ просить отсрочки на нѣсколько часовъ, но строгіе исполнители воли старшинъ, выпроводили его ударами за городскія стѣны и такимъ образомъ лишили возможности попасть на судно, оставшееся въ противоположной сторонѣ. Пришлось поневолѣ идти

*) Имя это чисто татарское, но надо полагать, что здѣсь рѣчь идетъ о Гикіи.

пѣшкомъ куда глядятъ глаза. Два дня спустя онъ схваченъ былъ какими-то странными людьми и представленъ къ грозному султану. Этотъ послѣдній, узнавъ въ немъ могущественнаго повелителя сосѣдняго царства и, питая глубокую ненависть къ жителямъ Кады-лимана, не только принялъ его со всѣми почестями, но даже отдалъ въ супружество за него красавицу дочь свою съ тѣмъ, чтобы общими силами сокрушить кады-лиманскихъ жителей. Условившись въ времени, цари разстались. Мѣсяцъ спустя предъ Кады-лиманомъ появилось безчетное множество кораблей съ вооруженными войсками и такая же масса воиновъ приблизилась къ стѣнамъ его съ сухаго пути. Началась отчаянная битва, въ которой участвовали и женщины и дѣти, но не смотря на всѣ усилія защитниковъ, враги проникли въ городъ и, ограбивъ его до основанія, собирались уже съ массами плѣнныхъ отплыть, но въ это время поднялась такая ужасная буря, что ни одинъ изъ побѣдителей не остался въ живыхъ. Всѣ корабли были разбиты въ щепки, а богатства города поглощены моремъ *). Та же участь постигла и сухопутныя войска союзнаго султана, потому что всѣ онѣ хотѣли возвратиться во свояси ближайшимъ морскимъ путемъ.

Не вѣдая ничего о послѣднемъ событіи, союзные цари съ нетерпѣніемъ ожидали новостей, но не получая ихъ, начали подготовлять новыя арміи, которыя должны были довершить гибель ненавистнаго города. Но прежде чѣмъ они двинулись въ походъ къ Кады-лиману подошли въ несмѣтномъ числѣ Теръ-оглу (казаки) съ желаніемъ завладѣть городомъ. Но не смотря на всѣ усилія не могли достигнуть желанія своего. Въ это только время сумашедшая Габибе очнулась отъ болѣзни своей и, сговорившись съ дочерью одного изъ мѣстныхъ *папазовъ* **) рѣшилась научить враговъ какимъ способомъ завладѣть непобѣдимымъ городомъ. Враги, достигнувъ по совѣту ихъ торжества, естественно не пожелали оставить ихъ безъ вознагражденія. Габибе вышедъ замужъ за царя казаковъ обратила его въ свою вѣру и потребовала, чтобы онъ наказалъ обоихъ царей, дерзнувшихъ ограбить ея городъ ***). Достигнувъ этого, она захотѣла избавиться отъ дочери папаза, которая содѣйствовала ей въ сдачѣ города и была невѣстою главнаго предводителя казаковъ и могла бы впослѣдствіи тщеславиться этимъ. Для достиженія гнустной цѣли она приказала убить ее на городской площади. Покончивъ со всѣми этими мелочами, Габибе приказала поджечь ненавистный Кады-лиманъ, но чтобы ее незабыли сосѣднія племена поставила на площади золотой портретъ свой и, затѣмъ предавъ проклятію этотъ уголокъ земли, послѣдовала за мужемъ своимъ въ земли казаковъ.

---

*) Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что сюжетъ этотъ относится къ поступку императора Юстиніана, непринятаго Херсонесцами во время ссылки его изъ Византіи и женившагося на Ѳеодорѣ сестрѣ Казырскаго кахана.

**) Священниковъ.

***) Тутъ уже идетъ рѣчь о в. к. Владимірѣ.

Но такъ какъ подобныя варварства не прощаются, то нѣсколько лѣтъ спустя на Кады-лиманскихъ развалинахъ часто видѣли сѣдую, сгорбившуюся старуху, которая, поражая себя камнемъ въ грудь, просила прощенія грѣховъ своихъ. Всѣ находили въ ней много сходства съ золотымъ портретомъ и увѣряли, что это была Габибе, такъ много сдѣлавшая зла тѣмъ соотечественникамъ, предъ которыми клялась быть благодѣтельницею до послѣдней минуты жизни.

КОНЕЦЪ

ТИПИЧНОСТЬ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.

Типичность крымскихъ татаръ.

Въ жизни мусульманскихъ народовъ такъ много чего-то таинственнаго, поэтическаго и вызывающаго раздумье, что когда я впервые близко ознакомился съ ихъ соціальнымъ бытомъ, меня не удивляло болѣе невѣроятное газетное извѣстіе, что какой-то англійскій посланникъ въ Константинополѣ принялъ исламъ по убѣжденію*).

Нѣтъ сомнѣнія, что убѣжденіе это непредставляло никакой религіозной почвы, такъ какъ ученіе Корана само по себѣ не соотвѣтствуетъ идеямъ образованнаго европейца и вообще идетъ въ разрѣзъ съ разсудкомъ и что англичанинъ очаровался не религіозными традиціями, а чѣмъ-то другимъ, выработывавшимся вліяніемъ особенныхъ условій инстинктовъ лѣнивыхъ, но здравомыслящихъ поэтическихъ натуръ.

И въ самомъ дѣлѣ всмотритесь въ любаго турка или татарина, пережившаго порывы первой молодости, и вы изумитесь съ какимъ онъ достойнствомъ и равнодушіемъ проходитъ мимо богатыхъ и знатныхъ сановниковъ, передъ которыми бѣдные европейцы безъ всякой надобности унижаются. Чужое богатство и казавшееся съ вида благополучіе, для него ничуть не интересно и нисколько не вліяетъ на томъ основаніи, что и онъ такой же смертный, какъ знатные люди и также какъ они пользуется прелестями открытаго для всѣхъ міра и не хуже ихъ насытится отъ куска хлѣба. Передъ нимъ великъ до безконечности только одинъ Аллахъ, обѣщавшій всѣмъ безъ различія великія милости за благочестивую жизнь на землѣ и этого Аллаха онъ носитъ постоянно въ умѣ и на языкѣ; вѣритъ что онъ слѣдитъ за всякимъ шагомъ правовѣрныхъ и восторгается ихъ добрыми мыслями и дѣлами. Все же остальное въ глазахъ мусульманина такія мелочи, которыя недостойны серьезнаго размышленія.

При такихъ выводахъ рѣдкій мусульманинъ подпадаетъ подъ гнетъ изнуряющихъ вліяній, далекъ понятія о самоубійствѣ и всегда почти счастливъ вѣрою въ предопредѣленіе и надеждами на райскія наслажденія.

Таковы мусульмане Крымскаго полуострова, къ которымъ я привыкъ съ дѣтства и которые всегда возбуждали во мнѣ теплое

---

*) Событіе это совершилось кажется въ 60 годахъ нашего вѣка.

участіе не одними только нравственными достоинствами и правильнымъ взглядомъ на жизнь, но и такими практическими соображеніями, которыя свойственны людямъ, глубоко проникнутымъ цивилизаціею. Я любилъ ихъ счастливое настроеніе души, восхищался умѣренными желаніями, самоуваженіемъ, безропотностію и индиферентностію къ богатству, въ нихъ меня изумляло холодное отношеніе къ иллюзіямъ, инстинктивное чутье къ прекрасному и полнѣйшій скептицизмъ къ самымъ очевиднымъ завоеваніямъ науки.

Таковы почти татаре и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, общее число которыхъ нынѣ простираются до 10 милліоновъ. Всѣ они говорятъ однимъ болѣе или менѣе измѣняющимся нарѣчіемъ; всѣ придерживаются одному и тому же соціально-общественному строю и всѣ унаслѣдовали однѣ и тѣ же традиціи.

Сознавая ихъ значеніе въ нашей землѣ, мы какъ-то невольно скорбимъ, что этотъ честный и гостепріимный народъ остается между нами совершенно чужимъ, потому что мы во все время господства надъ нимъ не позаботились сблизиться и показать наши лучшія стороны, тогда какъ не постѣснились выставить всѣ порочныя наклонности въ видѣ пьянства, проституціи, насилія, ругательствъ, грубаго обхожденія и естественно не только отталкивали отъ себя, но даже при всякомъ удобномъ случаѣ заставляли переселяться въ единовѣрную Турцію, гдѣ они находили болѣе благообразія и приличія.

Не зная ни русскаго языка, ни русской грамоты, эти люди не могутъ сознать ни нашихъ идей, ни общегосударственныхъ стремленій и съ каждымъ годомъ грубѣютъ въ умственномъ застоѣ.

Но взгляните напр. на одноплеменниковъ ихъ литовскихъ татаръ. Можно ли сказать, что они неспособны къ прогрессу и цивилизаціи; есть ли между ними такіе отсталые, какъ крымскіе или другихъ мѣстъ татаре? Тамъ татаре совершенно не похожи на мусульманъ всего міра.

Не доказываетъ ли это нашу полную неспособность вдохнуть въ иновѣрное племя своихъ идей и понятій?

Къ этому слѣдуетъ прибавить полнѣйшее равнодушіе къ понятію о благѣ ассимиляціи по отсутствію руководящаго способа, въ основѣ котораго лежалъ бы намекъ къ кровному или нравственному единенію,—единенію, составляющему, такъ сказать, силу государства въ единосиліи и единомысліи всѣхъ племенъ.

Между тѣмъ на дѣлѣ у насъ выходитъ иначе: вмѣсто того, чтобы научить иновѣрцевъ своему нарѣчію, мы при сближеніи съ ними подпадаемъ подъ ихъ вліяніе, перенимаемъ ихъ языкъ, одежду, обычаи и повѣрья.

Не то совершилось въ Литвѣ, гдѣ дозволено было татарамъ вступать въ брачный союзъ съ туземками безъ измѣненія религіи. Тамъ они давнымъ давно слились въ единый духъ и единую мысль съ господствующимъ племенемъ, забыли отечественный языкъ и сдѣлались настолько славянами, что для нихъ не суще-

ствуетъ другой отечественной земли и другаго народа роднаго по убѣжденіямъ и близкаго по чувствамъ. И все это совершилось въ короткій срокъ не путемъ насилія, а путемъ умственнаго уровня и ознакомленія съ отечествомъ и его интересами. Если же эта мѣра теперь негодится, то дозвольте этимъ честнымъ мусульманамъ завести свои газеты и журналы, переобразуйте ихъ школы съ тѣмъ, чтобы въ нихъ преподавались науки, предоставьте въ пользу этихъ школъ ихъ вануфы или мечетныя земли и вы увидите, что въ заглохшей націи этой явятся люди, которые раздвинутъ понятія единовѣрцевъ и заставятъ ихъ поклоняться уму и выводамъ науки, облагорживавшей человѣчество.

Желая представить передъ читателями образцы крымскихъ татаръ, мы попросимъ извиненія за тотъ способъ изложенія, который показался намъ болѣе удобнымъ для ознакомленія русскихъ съ народомъ, сто лѣтъ тому назадъ признавшимъ подданство Россіи, но до настоящаго времени не имѣвшимъ ничего общаго съ нами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ночлегъ у татарскихъ пастуховъ.

Южно-бережскіе обитатели ежегодно направляются въ Бахчисарайскій успенскій монастырь на праздникъ, ко дню 15 августа. Поѣздка эта совершается верхомъ чрезъ Яйлынскій хребетъ и не смотря на то, что изнурительна, доставляетъ всѣмъ большое удовольствіе. Увлеченный разсказами, красоты дороги чрезъ Яйлу, я рѣшился пригласить опытнаго проводника изъ татаръ и пустился въ дорогу. Мнѣ очень хотѣлось побывать на вершинѣ Яйлы въ минуты заката солнца и переночевать въ пастушьемъ кошѣ, чтобы болѣе познакомиться съ жизнью татарскихъ пастуховъ, о которыхъ я очень часто слыхалъ невѣроятные разсказы.

Было около 5 часовъ пополудни, когда мы, такъ сказать, выкарабкались изъ Мисхорскато богаза и очутились на зеленой макушкѣ живописныхъ горъ. Татаринъ мой задумалъ было пасти лошадей, но я настоялъ ѣхать до ближайшаго коша чебановъ, и мы снова тронулись въ путь. Часъ спустя мы прибыли къ балаганамъ или, какъ называютъ татары, къ чалашамъ пастуховъ. Атаманъ или распорядитель коша привѣтствовалъ меня одною изъ тѣхъ выспренныхъ фразъ, которыми обыкновенно стараются отличить себя отъ бѣдняковъ зажиточные татары, и ввелъ въ жилище свое, заваленное сушеннымъ *какачемъ*, (баранина), овчинами, бочками съ сыромъ и т. п. Пока мнѣ очистили мѣсто и прибыли полюбопытствовать свободные отъ занятій пастухи, вошелъ въ чалашъ и проводникъ мой Али. Не успѣлъ онъ произнести необходимый *селямъ* атаманъ поручилъ служителю подать кружку соленой воды.

— Это для чего? спросилъ я случайно.

— Для вашего проводника—отвѣчалъ хозяинъ. У насъ принято

за правило и строго исполняется угощать разсоломъ всѣхъ тѣхъ, которые входятъ въ заведеніе наше съ вещью, не составляющею личной принадлежности вошедшаго; а вашъ слуга вошелъ къ намъ съ плетью въ рукахъ.

— Слышишь Али—сказалъ я—ты будешь наказанъ за нарушеніе правилъ коша. Бѣдный татаринъ мой началъ оправдываться тѣмъ, что забылъ, что готовъ помолиться Аллаху о благополучіи, но атаманъ отвѣчалъ, что если онъ уклонится отъ пріема соленаго напитка, имъ придется немедленно удалиться съ этого мѣста и, быть можетъ, потерять имущество свое. Послѣ этой фразы, произнесенной приличнымъ тономъ, чичероне мой не смѣлъ противорѣчить и вынужденъ былъ выпить нѣсколько глотковъ отвратительнаго настоя.

Событіе это послужило поводомъ къ разнообразнымъ насмѣшкамъ, остротамъ и чрезвычайно оригинальнымъ анекдотамъ. Всѣ смѣялись отъ души. Какъ вдругъ раздался такой сильный громовой ударъ, что мы, въ предположеніи, что Яйла разорвалась, выбѣжали изъ балагана.

— Еще нѣсколько подобныхъ ударовъ — сказалъ атаманъ — и нашъ чалашъ разрушится; надо бы заговорить бурю.

— А развѣ это возможно? спросилъ я изъ простаго желанія выпытать его убѣжденіе.

— Конечно, и дѣлается двоякимъ способомъ: вопервыхъ, закапываютъ живаго вола, приговаривая, что онъ отдается въ жертву землѣ, требующей у Аллаха воды, для удовлетворенія жажды; если же и отъ этого не минуетъ гроза—необходимо закопать еще одного вола, но уже съ двумя хлѣбами прикрѣпленными къ рогамъ.

— Грозу остановить не трудно, потому что этимъ занимаются всѣ колдуны; но счастливъ тотъ, кто можетъ собрать тучи и воспроизвести дождь въ то время, когда люди и животныя гибнутъ безъ воды—сказалъ Али.

— И на это есть средство—возразилъ атаманъ;—стоитъ только связать ноги черному волу и, бросивъ его въ грязное болото, уйти не оглядываясь назадъ. Животное это начнетъ ревѣть и умолять пророка о спасеніи. Милостивый же заступникъ нашъ, которому извѣстны желанія человѣка, не замедлитъ явиться на помощь и сейчасъ же польетъ дождь. Впрочемъ это средство богопротивно и къ нему слѣдуетъ прибѣгать въ крайности.

— Э, братъ, да ты знаешь много чудесъ — сказалъ проводникъ мой.

— Неужели ты по этому только можешь судить о познаніяхъ нашего атамана?—возразилъ одинъ изъ пастуховъ. А я вотъ ужъ десять лѣтъ живу съ нимъ и столько слышалъ отъ него, что право удивляюсь, какъ въ его небольшой головѣ могутъ помѣщаться такія важныя свѣдѣнія.

— Овцой ты пахнешь—отвѣчалъ ему другой пастухъ—развѣ у человѣка только одна голова служитъ складочнымъ мѣстомъ

познаній, а животъ гдѣ ты дѣвалъ, или у нашего хозяина онъ малъ?

Замѣчаніе это, по видимому, польстило атаману и онъ, какъ-бы въ удостовѣреніе своихъ безконечныхъ познаній, объявилъ, что разскажетъ намъ очень интересное событіе, совершившееся съ прабабушкою его. Пастухи поспѣшили приблизиться къ ногамъ его и, какъ говорится у татаръ, открыли очи вниманія. Между тѣмъ, атаманъ медленно наложилъ трубку, откашлялся и послѣ минутнаго размышленія началъ такимъ образомъ:

— Прабабушка моя Эмине-тотай, на 17-мъ году жизни, внезапно была похищена изъ дома родителей какимъ-то джиномъ (духомъ) третьяго разряда, которые, какъ извѣстно, очень немногимъ отличаются отъ людей, подобныхъ намъ. Джины эти не могутъ назваться людьми только потому, что летаютъ и при надобности остаются невидимками; во всемъ же остальномъ нисколько не рознится отъ насъ. Самымъ важнѣйшимъ порокомъ въ ихъ жизни считается то, что они по цѣлымъ ночамъ порхаютъ надъ нами и нарушаютъ цѣломудріе наше и нашихъ женъ. Говорятъ, что Аллахъ наказалъ ихъ тѣмъ, что они никогда не могутъ встрѣчаться съ своими женщинами, такъ точно какъ и женщины ихъ рода съ ними. Вотъ вслѣдствіе этого, томимые нашими пороками, они ищутъ удовольствій на землѣ. Нѣкоторые изъ разумныхъ стариковъ увѣряютъ, что существованіе такихъ джиновъ полезно для насъ на томъ основаніи, что они не чувствительнымъ образомъ уничтожаютъ у насъ и у нашихъ женъ тѣ грѣховныя наклонности, которыя доставляютъ намъ пріятную нѣгу. Не будь этихъ духовъ—говорятъ они—люди никогда не разлучилась бы съ сладостнымъ ложемъ. Съ этимъ мнѣніемъ и я отчасти согласенъ, потому что частенько, при пробужденіи, чувствую такое изнеможеніе, что готовъ отвернуться отъ всѣхъ удовольствій міра.

— Неужели есть такіе духи? спросилъ наивнымъ тономъ одинъ изъ чебановъ и, немного подумавъ, прибавилъ: вотъ теперь только я понимаю, какимъ образомъ могла зачать мать моя не имѣя мужа!...

— Теперь вы узнали о какихъ духахъ я вамъ говорю—продолжалъ атаманъ. Вотъ именно одинъ изъ подобныхъ джиновъ, не имѣя права прикасаться къ женщинамъ своего рода, придумалъ похитить Эмине и перевѣнчаться съ нею. Преданіе говоритъ, что все наше семейство въ этотъ вечеръ сидѣло предъ очагомъ и слушало чтеніе изъ Корана. Вдругъ въ комнатѣ послышался непріятный запахъ и, вслѣдъ затѣмъ, всѣ присутствующіе лишились зрѣнія. Когда же запахъ исчезъ и прародители мои прозрѣли—въ комнатѣ не оказалось Эмине. Всѣ поиски оказались напрасными, даже *телялы* (глашатаи) ничего не могли открыть. Наконецъ, одинъ изъ мудрѣйшихъ въ то время колдуновъ объяснилъ, что Эмине-тотай похищена духомъ третьяго разряда и перенесена въ подземное царство перваго яруса, гдѣ какъ извѣстно, обитаютъ чудовищные люди, именуемые Арутненъ. Эти люди отличаются отъ насъ способностію видѣть, не имѣя глазъ, и при-

нимать пищу, не имѣя рта; обитаютъ же они подъ нами, не дальше какъ на 40 верстъ.

— Какимъ же образомъ они принимаютъ пищу—спросилъ Али—если не имѣютъ рта?

— Животы ихъ имѣютъ крышки, и когда голодъ начинаетъ ихъ безпокоить, они приподымаютъ ихъ и вкладываютъ во внутренность свою столько кушанья, сколько вмѣщается.

— Это очень удобно. Право, и я предпочелъ бы имѣть животъ съ крышкою—замѣтилъ одинъ изъ пастуховъ.

— Ну, чтоже сдѣлалъ этотъ джинъ съ Эмине? спросилъ я.

— Проживши съ нею около недѣли въ этомъ мрачномъ царствѣ — продолжалъ атаманъ — онъ сжалился надъ прабабушкою моею и перенесъ ее въ болѣе отрадный міръ, т. е. во второй ярусъ подземныхъ царствъ, гдѣ обитаютъ люди подъ названіемъ *Мураветъ*. Тамъ, воздвигнувъ себѣ золотой дворецъ, онъ день и ночь любовался ея красотой.

— Однако ты намъ не объяснилъ—прервалъ любопытный Али—чѣмъ отличаются Мураветы отъ насъ?

— Тѣмъ, братъ мой, что мужской полъ обладаетъ тремя животами. Странные эти люди! Возьмемъ напр. мущину: когда онъ молчитъ, одна изъ головъ его поетъ такимъ очаровательнымъ голосомъ, что душа радуется; когда же вторая дремлетъ, то третья разсказываетъ восхитительныя сказки... Женщины втораго яруса подземныхъ царствъ — продолжалъ атаманъ — совершенно иначе созданы Аллахомъ сравнительно съ нашими. Я вамъ уже говорилъ, что онѣ обладаютъ тремя животами, расположенными вертикально. Изъ нихъ, верхній заключаетъ въ себѣ все то, что имѣемъ мы; второй исключительно предназначенъ для отрадныхъ ощущеній. Этотъ животъ такъ великъ, что можетъ вмѣстить въ себя нѣсколько человѣкъ, равныхъ нашему росту; что же касается послѣдняго, то онъ переполненъ различнаго рода музыкальными инструментами, которые приводятся въ движеніе по желанію хозяйки.

— Какъ это хорошо — снова вмѣшался Али — когда-бъ и мнѣ побывать въ средѣ подобныхъ женщинъ.

— И странно—продолжалъ атаманъ—что эти женщины не рожаютъ сами, а ихъ мужья. Вотъ среди подобныхъ существъ прожила моя прабабушка съ духомъ третьяго разряда цѣлый мѣсяцъ.

— Что же стало съ нею потомъ? спросилъ я.

— Она снова внезапно была перенесена въ родительскій домъ, потому что султанъ этого дерзкаго духа, узнавъ о похищеніи чужестранки, погрозилъ ему наказаніемъ по пяткамъ.

— И этимъ все окончилось?

— Охъ, нѣтъ! злой духъ не покидалъ ее до тѣхъ поръ, пока она не умерла отъ горя.

Атаманъ представился печальнымъ; но минуту спустя протянулъ руку къ висѣвшему около него *сазу* (балалайкѣ) и запѣлъ монотоннымъ голосомъ:

„Мостъ уже моста, но всѣ они людямъ служатъ, а между этими

дѣвицами нѣтъ ни одной любящей меня. На айвовой вѣткѣ ты ищешь не бывалаго плода; подумай же получше, что ты хорошая пара для меня и т. д. Покончивши эту пѣсню атаманъ замолкъ и повѣсилъ свой сазъ на мѣсто.

— Ну, Меметъ—сказалъ онъ, обращаясь къ одному изъ пастуховъ—теперь очередь твоя спѣть намъ что-нибудь.

Пастухъ немедленно исполнилъ приказаніе, распорядителя коша и пропѣлъ нѣсколько пѣсенъ изъ Ашихъ-гарина *). Когда онъ окончилъ, атаманъ, ударивъ его по плечу, сказалъ:

— За доставленное мнѣ сегодня удовольствіе я подарю тебѣ одного изъ тѣхъ барановъ моихъ, которые носятъ курдюкъ на подставленной повозочкѣ **).

— Спасибо тебѣ за щедрость, но я не желаю имѣть такой овцы, потому что она требуетъ много заботъ.

— Чего же ты желаешь взамѣнъ?

— Ужъ если ты непремѣнно желаешь отблагодарить меня, такъ позволь проѣздиться на твоемъ конѣ по улицамъ Бахчисарая: пусть городскія дѣвицы, полюбуются мною.

— Ты требуешь почти невозможнаго; впрочемъ, я готовъ исполнить твое желаніе.

— Напрасно ты это дѣлаешь—замѣтилъ мой сосѣдъ — или ты забылъ пословицу, что пастухъ, сѣвши на лошадь, забываетъ и про жену свою.

Однако атаманъ не измѣнилъ обѣщанія. Это до того обрадовало молодаго пастуха, что онъ схватилъ волынку и, выбѣжавъ на дворъ, началъ играть любимый чебанскій танецъ. Пастухи сначала подсмѣивались надъ восторгомъ сотоварища, но вскорѣ начали слѣдовать ему. И вотъ, внезапно на полянѣ, высокоподнятой къ небу. составилась веселая пляска. Признаться, я съ удовольствіемъ слѣдилъ за каждымъ прыжкомъ этихъ особенныхъ людей, совѣсть которыхъ почиваетъ не пробуднымъ сномъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего имъ не достаетъ? Они сыты и здоровы, не думаютъ о будущности, вѣрятъ въ чудеса и раискія блага; ихъ не сокрушаетъ зависть, они не нуждаются въ почестяхъ и не жаждутъ богатства. Только иногда буйная кровь волнуетъ ихъ крѣпкіе нервы, въ душу вползаетъ отрадная мысль завладѣть молодою женщиною, этимъ, по ихъ мнѣнію, вѣнцомъ всѣхъ земныхъ наслажденій мущины.

Бесѣдуя съ однимъ изъ неучавствовавшихъ въ пляскѣ, я узналъ, что каждый кошъ имѣетъ своего рода наслѣдственныя правила, которыя съ возможною строгостію соблюдаются. Такъ напримѣръ всѣ гости и пастухи обязаны уважать атамана и оказывать ему всевозможные знаки почтенія. Никто не смѣетъ сѣсть на то мѣсто, которое служитъ постояннымъ сѣдалищемъ его. Никто не долженъ подъѣзжать къ кошу на лошади, а непременно

*) Приведенная нами раньше сказска.
**) Такъ называемые откормленные чунтуки.

спѣшиться за 30-ть шаговъ; что даже хозяинъ отары не иначе вступаетъ въ резиденцію атамана, какъ поднявъ правую руку ко лбу и ожидая, пока распорядитель самъ не укажетъ ему мѣста, на которое онъ можетъ сѣсть. Не менѣе позорнымъ окажется, если хозяинъ осмѣлится прикоснуться къ какой либо вещи въ кошѣ или потребовать пищи съ цѣлью показать себя имѣющимъ на это право. Ко всему этому прибавьте неограниченную власть его надъ подчиненными пастухами, непревосходящую однако извѣстныхъ предѣловъ, и вы вполнѣ узнаете, что такое атаманъ въ кошарѣ.

А случается такъ — спросилъ я — чтобы онъ наказывалъ чёбановъ?

— Очень часто—отвѣчалъ пастухъ—но только у насъ непринято телѣсное наказаніе, а замѣняется чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе непріятнымъ. Такъ напримѣръ, если готовъ обѣдъ, атаманъ выходитъ и одинъ только разъ пригласитъ къ столу; не явившіеся въ ту же минуту ничего не получаютъ потомъ, за исключеніемъ костей, которые обязаны осмотрѣть, облизать и распредѣлить между собаками.

— Ну, а въ случаѣ недосмотра овецъ?

— Недосмотръ главнѣйшимъ образомъ у насъ происходитъ отъ несвоевременнаго усыпленія утомившагося пастуха. Атаманъ нашъ за это не бранитъ виновнаго, но однажды навсегда постановилъ слѣдующее правило: выбрать самую жирную овцу и, связавъ ей ноги, положить передъ глазами заснувшаго и немедленно угнать впередъ остальныхъ барановъ.

— Что же изъ этого выйдетъ?

— А то, что пробудившійся обязанъ будетъ по неволѣ нести эту овцу на плечахъ своихъ до тѣхъ поръ, пока найдетъ отару, потому что одна овца никогда не пойдетъ по тому направленію, по которому стали бы ее гнать.

Было около 8 часовъ, когда атаманъ пригласилъ меня къ ужину, который состоялъ изъ свѣжаго сыра, пирожковъ, жареныхъ на бараньемъ салѣ, и *какача*. Садясь за круглый столикъ я какъ-то случайно взглянулъ на распорядителя коша и замѣтилъ въ глазахъ его слезы. „Что это съ тобою, ты плачешь?“ спросилъ я.

— У него сердце мягче смолы и воска — отвѣчалъ прислуживавшій у стола.

— Эхъ, ага, (господинъ)—заговорилъ атаманъ—если ты выслушаешь меня терпѣливо, ты узнаешь отчего я сдѣлался такимъ чувствительнымъ человѣкомъ. Надо тебѣ знать, что родители мои, да возрадуется ихъ духъ, оставили мнѣ много земли и денегъ и что я въ молодыхъ лѣтахъ жилъ получше всѣхъ крымскихъ мурзъ. Такъ, напримѣръ, на ароматныя шербеты и пріятныя нарденки *) я смотрѣлъ какъ на обыкновенную воду на

*) Кислый фруктовый отваръ.

сладкій кофе какъ на обыкновенное питье, необходимое ежечасно, на жирный пилафъ съ слоеными лепешками, какъ на этотъ какачь; но теперь... эхъ, эхъ!... Не слышать уже сосѣдямъ моимъ веселыхъ звуковъ скрипокъ и кларнета и разгульныхъ пѣсень молодыхъ джигитовъ. Все сгорѣло и потухло! чтожъ дѣлать,— такъ вѣрно суждено мнѣ было еще въ утробѣ матери... Съ того времени, какъ не стало у меня ни золота, ни серебра, люди, которыхъ я считалъ друзьями, забыли про мои щедроты. Такова судьба всѣхъ, промотавшихся и поэтому я, боясь согрѣшить предъ Аллахомъ, не смѣю обвинять ихъ и навѣрно не сдѣлаю этого, пока колючка жизни моей не засохнетъ. Число преданныхъ мнѣ людей въ настоящее время не велико. Всѣ они женскаго пола и проживаютъ на мой счетъ. Между ними одна только Момине, дочь кормилицы моей, по молодости и красотѣ достойна быть включенною въ сказку моей жизни. Эта теплокровная дѣвочка осталась круглою сиротою на моихъ рукахъ и я заботусь о ней, какъ родной отецъ. Теперь ей совершилось 12 лѣтъ. Это кажется немного, однако формы ея тѣла такъ хорошо развиты, что чрезъ годъ она навѣрно не откажется отъ супружескаго блага. Этотъ годъ я ожидаю безъ терпѣнія, потому что давно порѣшилъ не разставаться съ нею. Да это рѣшено: я женюсь на ней. Семейная жизнь великое наслажденіе для мущины. То-ли дѣло, когда видишь около себя существо, которое угождаетъ прихотямъ твоимъ, плачетъ и радуется отъ ласки твоей; то-ли дѣло, когда сознаешь себя отцомъ прекраснаго сына, ползающаго по войлоку и радостно бьющаго ручками, когда съ улыбкою скажешь ему: *агу, агу*, дитя мое!... Да, много удовольствій представляетъ семейная жизнь, но я, да проститъ мнѣ Аллахъ мой ропотъ, не изъ числа тѣхъ мужей, которые съ кейфомъ наслаждались ею, не смотря даже на то, что трижды былъ женатъ. Мои жены вмѣсто того, чтобы вливать въ душу мою розовый бальзамъ, подкуривали ее сѣрою. Но все таки мнѣ одну изъ нихъ жаль и именно первую, на которой я женился нѣсколькими мѣсяцами раньше двухъ послѣднихъ. Воспоминаніе о ней иногда сладко печалитъ мое сердце; но плачу я, какъ маленькое дитя, когда памяти моей живо представляется комната, въ которую я впервые вошелъ законнымъ мужемъ ея и, пригнувшись предъ нею на колѣна, началъ раздѣвать ее. Э, какъ она мучила меня въ тотъ вечеръ! только, что растегну на одномъ рукавѣ кафтана длинный рядъ пуговокъ и перейду къ другому, она, улыбаясь, проситъ меня принести ей кружку холодной воды, подъ предлогомъ утолить жажду. Пока сходишь, а она, шалунья, успѣетъ, снова застегнуть всѣ пуговочки. Нечего дѣлать опять начинаешь тоже самое и просишь и умоляешь ее быть покорною къ предназначенному судьбою; между тѣмъ какъ только перенесешь руки къ другой части одежды, ей снова захочется чего нибудь. Такимъ образомъ, она игралась моими страданіями до тѣхъ поръ, пока не пропѣли первые пѣтухи и пока я не обѣщалъ накупить ей

различныхъ подарковъ *); или, бывало, не видя меня нѣсколько дней, она бросается ко мнѣ на шею съ крупными слезами и кричитъ: *ай ѣозюмъ* **), гдѣ это ты пропадаешь, тебя вѣрно ласкаютъ зловредныя женщины, чтобы разлучить со мною? и отъ ревности она бьется головою объ стѣны, какъ бѣсноватая. Ужъ чего я не дѣлалъ, чтобы отъучить ее отъ этихъ убійственныхъ наклонностей—ничего не помогало. Тогда нѣкоторые изъ добродѣтельныхъ людей, да прозвенятъ ихъ уши, видя мои страданія, посовѣтовали мнѣ, какъ бы на зло ей, жениться еще на одной дѣвушкѣ. Я, признаться, обрадовался такому, какъ казалось разумному совѣту и женился на двухъ, думая, что она по необходимости измѣнитъ свой несчастный характеръ; но, ахъ, сладкая сердцу не выдержала и погибла отъ горячки ревности такъ-же внезапно, какъ цвѣтокъ, брошенный на жгучій песокъ Арабистана. Вторая жена моя умерла отъ съумашествія; чтоже касается послѣдней, то я съ нею первую недѣлю пожилъ какъ въ раю; но на вторую она начала требовать развода. Я ужаснулся этой мысли, но увы, все было напрасно: она созналась мнѣ, что любитъ другаго мущину и что если я добровольно не дамъ ей свободы, то она осквернитъ мой бракъ. Нечего дѣлать — я вынужденъ былъ покориться моей судьбѣ безропотно, но съ того времени утратилъ вѣру въ блаженство съ женщинами и переселился въ степи и горы, въ ожиданіи пока достигнетъ совѣршеннолѣтія та, которая будетъ любить меня, какъ отца и дорожить, какъ мужемъ. Теперь, я думаю, вы постигли отчего я сдѣлался такимъ мягкосердечнымъ человѣкомъ.

Атаманъ замолкъ и облокотившись на руку предался размышленію. Такъ прошло нѣсколько минутъ, но вдругъ всеобщее молчаніе, клонившее насъ ко сну, прервано было лаемъ собакъ, которыя бросились по направленію къ лѣсу, а минуту спустя послышался отчаянный крикъ женщины. Пастухи немедленно выбѣжали на помощь и вскорѣ возвратились съ русскою женщиной, очень полною тѣломъ, но съ безобразнымъ лицомъ. Бѣдняга ѣхала съ мужемъ верхами, когда напали на нихъ собаки и заставили лошадей ихъ разбѣжаться въ различныя стороны. Неожиданность нападенія заставила ее потерять равновѣсіе и выпасть изъ сѣдла. Къ счастію, въ этотъ моментъ подоспѣли пастухи и дѣло обошлось безъ дурныхъ послѣдствій. Когда я передалъ атаману, что надобно послать кого-нибудь поискать ея мужа, онъ взглянулъ на меня съ неудовольствіемъ и вмѣсто отвѣта началъ восхвалять наружность и полноту случайной гостьи.

— Эхъ, какъ грустно, что я не знаю по русски, замѣтилъ онъ, а съ такими женщинами великое наслажденіе бесѣдовать.

---

*) Все это составляетъ нѣкоторымъ образомъ обычаи татаръ.

**) Въ переводѣ: *мѣсяцъ глазъ моихъ*. Татарки не иначе называютъ мужей своихъ какъ мѣсяцемъ. Называть поименно, хотя и не воспрещается закономъ, но считается не уважительнымъ.

Впрочемъ, если онѣ разумны и дальновидны, онѣ постигнутъ сами, кто ими восхищается. Потрудитесь пожалуйста перевести ей сказанное мною.

Я отвѣчалъ, что у насъ не принято говорить подобныхъ фразъ.— Какъ, неужели вы на женщинъ смотрите иначе, чѣмъ слѣдуетъ? Вѣдь женщина ничто иное, какъ созданіе, предназначенное для работы нашей, и если она рѣшается войти въ общество мущинъ, то естественно, что мущина долженъ исполнять обязанность, возложенную на него Аллахомъ. Вамъ, я думаю извѣстна наша старинная пословица: „какъ бы мущина не былъ красивъ, ему не станетъ кланяться женщина". Это означаетъ, что нашему брату всегда первому приходится дѣйствовать: такова ужъ судьба — и горе намъ, если мы вздумаемъ ослушаться законовъ Творца міра.

— Такъ ты не желаешь послать поискать ея мужа? спросилъ я.

— Признаться откровенно, не хотѣлось бы, но если вы этого требуете,—я исполню: и онъ отдалъ приказаніе одному изъ пастуховъ отправиться въ поиски.

Нѣсколько минутъ спустя въ чалашъ нашъ приведенъ былъ разлученный съ супругою мужъ, который оказался веселаго нрава и чрезвычайно понравился атаману. У гостя нашелся цѣлый штофъ водки и они принялись распивать его. Говоря правду, мнѣ очень не понравилось, что у распорядителя отары закружилась голова и что онъ не спускаетъ страстныхъ глазъ съ женщины, которая безцеремонно легла и заснула богатырскимъ сномъ. Но какъ поступить: ночь была темна, а проводникъ мой ушелъ пасти лошадей. Нечего дѣлать, надо было покориться обстоятельствамъ. Я удалился въ углубленіе балагана и прилегъ, но далъ себѣ слово не спать. Прошло еще нѣсколько минутъ, пока водка окончательно была выпита. Атаманъ кое-какъ уложилъ мужичка, но самъ по видимому не думалъ спать. Я видѣлъ, что онъ безпрестанно прислушивался къ дыханію спящей женщины и потомъ выставилъ уши свои по направленію къ намъ. Затѣмъ, вообразивъ что я сплю, довольно быстро началъ тушить тлѣющій въ очагѣ огонь. Послѣ этого онъ раздѣлся и преспокойно легъ спать. Прошло нѣсколько минутъ въ гробовомъ молчаніи, и я, увѣренный, что опьянѣвшій атаманъ заснулъ, также предался покою. Часъ или два спустя я былъ пробужденъ какими-то неясными звуками. Протеревъ глаза, я двинулся впередъ какъ-то безсознательно, и каково было мое изумленіе, когда я увидѣлъ отчаянную борьбу между нашей гостьей и атаманомъ.

Понятно, что присутствіе мое прекратило все. Женщина начала жаловаться на атамана, а этотъ послѣдній на нее. Не желая выводить исторіи, которая могла бы кончиться печальною катастрофою для насъ, я увѣрилъ гостью, что распорядитель коша, ложась спать, былъ пьянъ и что онъ не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній. Ему же посовѣтывалъ никогда не приближаться къ спящимъ русскимъ женщинамъ, иначе онѣ, принимая

подобныхъ людей за разбойниковъ, убиваютъ ихъ, не подвергаясь отвѣтственности. Къ удовольствію моему враждебныя стороны прекратили шумъ и атаманъ по требованію моему развелъ на очагѣ огонь. Послѣ этого онъ вышелъ изъ балагана и не возвращался до той поры, пока намъ не приведены были лошади. Прощаясь съ нимъ, я подозвалъ его въ сторону и замѣтилъ, что онъ принадлежитъ къ разряду опасныхъ людей.

— Нѣтъ, ага, я самый добрый человѣкъ, но ужъ такъ созданъ, что на полную женщину не могу смотрѣть равнодушно. Признаться тебѣ откровенно, я не имѣлъ въ м сляхъ ничего дурнаго противъ этой женщины; мнѣ хотѣлось только подержать ея руки въ своихъ и подышать ея дыханіемъ.

Я пришпорилъ коня и поскакалъ по зеленымъ равнинамъ и холмамъ Яйлы, но долго, долго, изъ памяти моей не выходилъ образъ пожилаго атамана, который рисковалъ честью въ полномъ сознаніи, что женщина создана для наслажденій мущины и что мущинѣ предоставляется полное право распоряжаться ею по своему разумѣнію.

Какая наивная выходка — думалъ я — какое дѣтское убѣжденіе въ такой серіозный возрастъ? Неужели ему неизвѣстно какъ строго относятся наши законы къ подобнаго рода шалостямъ въ необитаемыхъ пустыняхъ? Нѣтъ, онъ навѣрно знаетъ, что многіе изъ единоплеменниковъ его горько поплатились за подобныя выходки, но онъ считаетъ въ глубинѣ души, что ихъ погубили изъ зависти, наперекоръ предопредѣленію, что женщина, свободно разъѣзжающая и рѣшившаяся ночевать въ обществѣ мущинъ, настолько уже преступила заповѣдь Божію, что не смѣетъ надѣяться на милости и покровительство небесныхъ силъ; что она не должна имѣть своей воли, а обязана считать себя счастливою, если удостоится благосклоннаго взгляда мусульманина, которому со дня рожденія приготовлено почетное мѣсто въ раю, охраняемое безподобными гуріями, безъ терпѣнія ожидающими радостной минуты появленія хозяина.

„Неужели не пойметъ гяурка всѣхъ этихъ великихъ преимуществъ? Неужели она сама не въ состояніи сообразить, что правовѣрному предназначено господствовать надъ всѣми другими націями по приказанію послѣдняго великаго пророка?

Такія мысли безъ сомнѣнія вращались въ головѣ атамана. Мысли эти врождены и остальнымъ татарамъ Крыма, но не потому, что они властолюбивы отъ природы, а потому, что такъ понимаютъ свое религіозное первенство и вѣроятно не разстанутся съ этимъ, къ сожалѣнію вреднымъ убѣжденіемъ, до того времени, пока свѣтъ науки не проникнетъ въ ихъ заплѣсневшіе мозги.

— Какимъ тебѣ показался атаманъ коша? спросилъ я у Алія.

— Да какъ-бы вамъ сказать ага: всѣ эти люди, которые живутъ между овцами, рѣзко отличаются отъ другихъ. У нихъ какъ-то странно дѣйствуетъ языкъ и это вѣроятно отъ постояннаго

употребленія молочнаго. Не напрасно-же говорятъ старыя женщины, что тѣ дѣти, которыя долго кормятся материнскимъ молокомъ, глупѣютъ, какъ бараны. Вотъ еслибъ этого атамана кормила мать нѣжною *баламукою* *), онъ навѣрно не позволилъ бы насмѣяться надо мною въ вашемъ присутствіи. Положимъ, что дѣйствительно въ коши не принято входить съ лишними предметами, но на такія глупости давно уже не обращаютъ серіознаго вниманія разумные люди. Конечно пастушеская жизнь счастливѣе и лучше всякой другой жизни, но мнѣ не нравится то, что они чрезвычайно зазнаются и считаютъ насъ какими-то жалкими людьми въ сравненіи съ собою. Точно какъ будто тѣ, которые ежедневно ѣдятъ мясо и сыръ, имѣютъ право считать себя выше другихъ.

— Я ничего подобнаго не замѣтилъ и мнѣ кажется, что ты ошибаешься.

— Въ присутствіи христіанъ атаманы совершенно иначе держатъ себя, но когда мы являемся къ нимъ по дѣламъ или проѣздомъ, то эти люди превращаются въ какихъ-то эфендіевъ и придаютъ власти своей такое значеніе, какого не добивается даже муфтій между мазинами. Я конечно не отвергаю ихъ великихъ познаній въ сбереженіи и распредѣленіи ввѣренныхъ имъ сотнями и тысячами овецъ, не смотря на безграмотность свою, но какая намъ надобность до всего этого? Ты, братъ, господствуй надъ твоими овцами какъ знаешь, рѣжь ихъ сколько душѣ твоей угодно, но помни, что учтивое обращеніе и гостепріимство только и отличаютъ мусульманина отъ другихъ народовъ. Впрочемъ всего этого и не слѣдуетъ требовать отъ людей, которые живутъ вдали отъ мечетей и не имѣютъ никакого понятія о заповѣдяхъ Божьихъ. Надо думать, что, выработавъ себѣ свой взглядъ на жизнь, они воображаютъ, что всѣ слабѣе ихъ въ умственномъ отношеніи. Мнѣ не разъ приходилось говорить имъ на это извѣстную нашу пословицу: кто не пробовалъ чужаго кулака, тотъ имѣетъ полное право считать свои кулачекъ смертельнымъ для другихъ; но все напрасно: они попрежнему считаютъ себя и сильнѣе и умнѣе въ сравненіи съ живущими въ городахъ и деревняхъ.

Тѣмъ временемъ мы приблизились къ спуску и должны были позаботиться укрыться подъ скалами, потому что небо покрылось густыми мрачными облаками, предвѣщающими дождь и бурю. Предсказаніе проводника сбылось въ точности и мнѣ, прожившему въ горной части Крыма болѣе 10 лѣтъ, впервые удалось увидѣть такую ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ божественную картину, быстро наброшенную прихотью природы на безпредѣльномъ голубомъ небѣ.

Хороша и безподобна ты южная окраина Тавриды, когда ни единое облачко не омрачитъ твоего лазурнаго чела, но страшна

---

*) Мука, сначала поджаренная, а потомъ сваренная на овечьемъ салѣ. Сколько мнѣ не приходилось видѣть дѣтей, питаемыхъ этимъ жидкимъ тѣстомъ, онѣ пользовались изумительнымъ здоровьемъ.

ты, когда раскинешь по этому своду черныя, какъ смоль кудри, когда моргнешь огненными струями, когда голосъ твой раздастся громовыми перекатами въ горахъ, когда вѣковыя деревья начнутъ гнуться и стонать отъ порывовъ дыханія твоей природы и когда зеркальная поверхность Чернаго моря вдругъ взъерошится, застонетъ и начнетъ вторить твоему грозному виду! Въ эти минуты все ничтожно передъ твоимъ всесильнымъ могуществомъ, все съ трепетомъ внимаетъ твоему величественному разгулу и невольно за всякимъ оглушительнымъ ударомъ грома подымается смиренная рука къ крестному знаменію.

Я пріѣхалъ въ Бахчисарай передъ вечеромъ и сейчасъ же отправился въ нанятую другомъ моимъ для себя квартиру, отстроенную въ восточномъ вкусѣ. Крошечный домикъ этотъ былъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, и изъ оконъ его виднѣлся весь городъ. Хозяева мои были старые люди, считавшіе себя потомками древнихъ крымскихъ грековъ, хотя въ наружности не представлявшіе ничего греческаго. Утративъ свой національный языкъ, они не только говорили между собою по татарски, но даже и молились на этомъ языкѣ довольно удачно переведенными съ греческаго молитвами. Познакомившись съ ними поближе, я однажды вечеромъ началъ распрашивать барку-Янаки объ ихъ житьѣ.

— Эхъ,—говорилъ онъ, теперешняя жизнь наша представляетъ мало отраднаго въ сравненіи съ минувшимъ. Давно уже нѣтъ на свѣтѣ тѣхъ славныхъ мурзъ и беевъ, которые съ утра до глубокой ночи пировали со мною и которымъ я своеручно жарилъ поросятъ. И какъ они любили этихъ животныхъ, проклятыхъ ихъ пророкомъ!.. Да, славное было время въ моей молодости! Тогда всѣ христіане были привязаны другъ къ другу и всѣмъ достояніемъ своимъ дѣлились по братски. Куда не войдешь бывало, все твое: ѣшь, пей и наслаждайся по желанію, а теперь попробуй-ка заглянуть въ домъ богатаго человѣка, онъ даже не посадитъ тебя, изъ боязни, чтобы не потребовали отъ него какого нибудь одолженія.

Нѣсколько дней спустя барба-Янаки, узнавъ, что я интересуюсь событіями изъ временъ владычества въ Крыму татарскихъ хановъ, познакомилъ меня, съ однимъ изъ друзей своей молодости, татариномъ Бекиръ-бабою. Этотъ 80-лѣтній старецъ, оказавшій мнѣ важныя услуги для очерка жизни хановъ, ежедневно считалъ обязанностію навѣстить и разсказать что нибудь изъ совершившагося въ его молодости. Всѣ разсказы его я записывалъ буквально, и, когда онъ передалъ мнѣ все, что зналъ, о жизни хановъ, я попросилъ его разсказать мнѣ исторію собственной его жизни.

— Неужели это можетъ заинтересовать васъ?

Я отвѣчалъ положительно. Бекиръ-баба долго отговаривался тѣмъ, что жизнь его не представляетъ ничего интереснаго, но видя, что я настаиваю на своемъ, началъ слѣдующимъ образомъ:

— *Бисмилляхъ рахманъ раимъ!* *) этими святыми словами всѣ, вѣрующіе въ Аллаха и великаго пророка Магомета, должны начинать всякое дѣло, потому что безъ Всемилостивѣйшаго Бога человѣкъ не властенъ произнести ни единаго слова. Мы часто видимъ, что люди, лишенные отъ рожденія здраваго ума и даже тѣ, которыхъ Аллахъ лишилъ святыхъ книгъ своихъ,—**) выдѣлываютъ иногда такія чудеса, что чистый умъ правовѣрнаго приходитъ въ удивленіе. Да, могущество Аллаха также велико, какъ и милости его къ человѣку, котораго онъ сотворилъ изъ 40 сортовъ земли. Такого сужденія я бываю всегда и не припомню въ жизни моей дѣла, начатаго безъ молитвы. Оттого, быть можетъ, ни одному изъ многочисленныхъ шайтановъ не довелось подставить мнѣ подъ носъ гнилой тыквы. Блаженъ, вѣрующій въ совѣты старцевъ, но горе тому, кто, не внимая ихъ рѣчамъ, ищетъ подъ воломъ теленка!.. Впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ и я бывалъ ослушникомъ воли Аллаха, но если здраво разсудить, то не я этому виною: я ничтожная тварь Аллаха и слѣдовательно никогда не осмѣлился бы сдѣлать ничего такого, что не было мнѣ суждено до рожденія; а все, что суждено, то отъ Бога, и никакія ухищренія самаго хитрѣйшаго изъ хромыхъ шайтановъ не въ силахъ сократить или прибавить числа буквъ, напечатанныхъ на челѣ нашемъ еще въ утробѣ матери.

Я родился здѣсь въ Бахчисараѣ въ годъ барса, ***) въ 4-й день *маарема* ****), но рѣшительно не знаю, (какъ и большая часть правовѣрныхъ), въ какомъ году *геджры*. И къ чему могло бы мнѣ служить это знаніе? Развѣ этимъ человѣкъ можетъ продлить свое земное пребываніе, или развѣ онъ вправѣ провѣрить лѣта опредѣленной ему Аллахомъ жизни?

Отецъ мой, Муратша-ага, при послѣднемъ ханѣ пользовался въ Крыму повсемѣстнымъ уваженіемъ. Шагинъ гирей, (да возрадуется прахъ его!) такъ горячо любилъ его, что не пожалѣлъ оторвать отъ сердца своего одну изъ лучшихъ одалычекъ, чтобы онъ насладился пламеннымъ дыханіемъ и чуднымъ сокомъ румянаго персика, созрѣвшаго на солнцѣ Кавказа.

Покойный отецъ мой, (да улыбнется его душа!) часто разсказывалъ, что такой душистой розы не бывало въ гаремахъ ни у царей, ни у султановъ, ни у сорокаголовыхъ *девовъ* *****). Тоже самое мнѣ твердили и посторонніе очевидцы, но я не видѣлъ ее самъ и потому, изъ боязни лишняго грѣха, не стану подтверждать тѣхъ пахучихъ разсказовъ, истина которыхъ не извѣстна точно мнѣ *факиру* (бѣдняку). Я знаю только одно: послѣ смер-

---

*) Во имя Всемилостивѣйшаго Бога.

**) Къ такимъ причисляются идолопоклонники.

***) У татаръ 12 лѣтъ составляютъ періодъ, и каждый годъ имѣетъ отличительное имя животнаго.

****) Названіе перваго мѣсяца въ году.

*****) Чудовища, существованіе которыхъ не отвергается татарами.

ти этой женщины—моей матери,—отецъ мой произнесъ великое *тобе* (т. е. заклятіе) оставаться навсегда вдовцемъ и выдержалъ клятву свою безъ слезъ разскаянія, не смотря на ласковые привѣты, которые посылались ему изъ заоконныхъ рѣшотокъ сѣрыми, какъ инжиръ и черными, какъ изюмъ пылающими глазками юныхъ дѣвъ. Такая непонятная для правовѣрнаго жертва, отъ которой да сохранитъ васъ Богъ, служитъ доказательствомъ если не красоты матери моей, такъ того медоваго вкуса, которымъ она была пропитана.

На 7-й день моего рожденія, при помощи Аллаха и желанія его великаго пророка Магомета, меня наименовали Бекиромъ; но нѣсколько дней спустя, когда я заболѣлъ странною болѣзнію, которая по общему убѣжденію, происходитъ отъ ожесточенія червячка, живущаго во внутренности каждаго человѣка, родители мои, желая спасти меня отъ преждевременной смерти, вынуждены были присоединить къ имени моему прилагательное: *хуртъ* т. е. червякъ или червивый. И, слава Тому, милостямъ Котораго нѣтъ и не будетъ конца, я остался въ живыхъ...

Грамотѣ я сначала учился въ *мектебе* (училищѣ), гдѣ оказалъ большіе успѣхи въ заучиваніи наизусть главъ изъ Корана. Успѣхи мои приписывали тому, что отецъ, передъ отдачею меня въ школу, выполнилъ принятый стариками совѣтъ и перенесъ меня на плечахъ чрезъ 12 дворовъ. На 14 году я переведенъ былъ въ *медресе* (семинарія), гдѣ учился 10 зимъ. Понятно, что за такое ничтожное время многому не выучиться, но я благодаря милостямъ пророка, превзошелъ и такихъ *сохта* (семинаристъ), которые учились болѣе 25 лѣтъ, надѣясь постигнуть умомъ своимъ всѣ дѣянія ниспосланныхъ съ небесъ пророковъ,—и конечно ничего сравнительно не узнали, потому что ученію нашему нѣтъ и не будетъ конца.

Въ 24 года я такъ былъ строенъ корпусомъ и красивъ лицомъ, что не только женщины дѣлали мнѣ глазки, но и мущины съ улыбкою поглядывали на щеки мои, налитыя, по выраженію ихъ, янтарнымъ масломъ. Рѣсницы мои, какъ говорили дѣвы того времени, выпускали огненныя стрѣлы и поражали ихъ сердца сладкою любовью. Моимъ чернымъ усикамъ и *перчему* (хохолъ волосъ), выглядывающему изъ подъ краевъ сѣрой шапки, не находили приличнаго сравненія. Голосъ мой, такъ былъ чистъ и звученъ, что я прослылъ въ народѣ за буль-буля (соловья); бровямъ же моимъ предавали такое значеніе, что въ честь ихъ слагали пѣсни. Надо вамъ знать, что брови есть лучшее украшеніе человѣческаго лица, но мнѣ до настоящаго времени не извѣстно такъ ли ихъ цѣнятъ всѣ народы, какъ мы, мусульмане. На окрашиваніе бровей наши женщины смотрятъ не только какъ на украшеніе, необходимое для блаженства ихъ мужей, но какъ на догматъ религіи. И счастлива между ними та, которой Аллахъ приказалъ начертить черныя соединенныя между собою брови.

— Но скажи мнѣ, добрый старикъ, перебилъ я:—если на окра-

шиваніе бровей у васъ смотрятъ преимущественно, какъ на средство нравиться, въ такомъ случаѣ вѣроятно ваши женщины красятъ и пальцы красною краскою тоже для красоты?

Окраска бровей обгорѣвшимъ фителемъ отличается отъ окраски ручныхъ и ножныхъ оконечностей *хною* тѣмъ, что послѣдній обрядъ замѣняетъ у женщинъ какъ бы тайну обрѣзанія. Сколько мнѣ извѣстно, наши женщины подобнымъ украшеніямъ придаютъ нѣчто священное и, кромѣ этого, установили между собою обычай сейчасъ же послѣ замужества бѣлиться и румяниться, безъ чего считаютъ не приличнымъ показываться на свадебные и другаго рода праздники.

Старикъ остановился и закурилъ трубку. Минуту спустя онъ продолжалъ: послѣ смерти дѣда моего, въ распоряженіе отца поступило нѣсколько *бейликовъ*, которые впослѣдствіи я наслѣдовалъ отъ старшихъ братьевъ, взятыхъ Аллахомъ на небо, для пополненія числа небесныхъ служителей, потому что эти люди созданы были съ тѣми добрыми помышленіями, которыя составляютъ принадлежность однихъ только ангеловъ. Бейлики есть ничто иное, какъ участки земли, дарованные великимъ ханомъ дѣду моему за его смѣлые подвиги противъ непріятелей и безпримѣрное усердіе къ обогащенію ханскаго гарема. Они переходятъ во владѣніе не отъ отца къ дѣтямъ, а обыкновенно къ тому, кто считается старшимъ въ родѣ. Состояніе это было самое ничтожное для жизни такого джигита, который не хотѣлъ заниматься лично земледѣліемъ. Впрочемъ я не особенно грустилъ отъ этого, потому что былъ увѣренъ, что многіе на землѣ не пользуются и такимъ состояніемъ, какъ мое. Дѣла Божія непонятны людямъ, и горе тѣмъ изъ нихъ, которые начали бы роптать на свою судьбу! Такимъ грѣшникамъ суждено въ наказаніе 30 тысячъ лѣтъ коптиться въ трубѣ адской печи и потомъ 40 тысячъ лѣтъ плавать въ кипучей смолѣ подъ мостомъ Эльсырата. *) Все это я зналъ хорошо, но однако послѣ 30 лѣтняго возраста у меня, (да будетъ сказано въ добрый часъ!) начала зарождаться мысль отыскать такой червонецъ, который не разставался бы со мною во всю жизнь, который обладалъ бы свойствомъ возвращаться ко мнѣ въ карманъ въ ту же минуту, какъ только я передалъ его кому нибудь по надобности или по прихоти. Началомъ явленія этой мысли послужило преданіе, дошедшее до меня отъ отца. Помню, какъ будто это было вчера, отецъ мой, да возрадуются кости его, сидѣлъ въ тѣни орѣховыхъ деревъ, окруженный мурзами и беями и разсказывалъ про жизнь пращура своего. Вы не думайте, говорилъ онъ, что богатству отцевъ нашихъ мы обязаны великимъ ханамъ, нѣтъ, оно намъ дано Аллахомъ, которому не трудно рѣчную пещинку превратить въ громадную гору, а эту гору въ массу алмаза. Покойный пращуръ мой, (да не взволнуется душа его!), въ молодыхъ

*) По убѣжденіямъ татаръ мостъ этотъ находится между раемъ и адомъ.

лѣтахъ остался сиротою въ одномъ только кафтанѣ, безъ копѣйки денегъ и безъ куска хлѣба. Въ такомъ положеніи онъ вышелъ изъ города въ надеждѣ присоединиться къ пастухамъ, чтобы служить имъ за насущное пропитаніе, но, прежде чѣмъ онъ нашелъ ихъ, милостивый Аллахъ навелъ на него крѣпкій сонъ и приказалъ ему сейчасъ же послѣ пробужденія отправиться къ славной въ то время колдуньи и потребовать отъ нея, во имя Сулей-монъ-Пейгамбера (Соломона) тотъ самый червонецъ, который она отыскала на днѣ морскомъ и приготовила въ приданое одной изъ дочерей помогающаго ей джина (духа). Долго я сомнѣвался въ справедливости этого сновидѣнія, говорилъ пращуръ мой, и разумѣется не рѣшался приступить къ выполненію приказанія Аллаха; между тѣмъ таинственный голосъ не давалъ мнѣ покоя по ночамъ. Онъ даже объяснилъ мнѣ мѣсто жительства колдуньи Гизлемъ-джинджи и разсказалъ всѣ свойства знаменитаго червонца. Боясь подпасть подъ гнѣвъ Божій за ослушаніе, въ одно утро, сотворивъ намазъ (молитву), я рѣшился отправиться по указанному мнѣ пути. Двѣ недѣли и три дня переходилъ я изъ деревни въ деревню, пока отыскалъ Гизлемъ-джинджи. Въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ я ей, зачѣмъ пришелъ. Колдунья смутилась, но потомъ, осмотрѣвъ меня со всѣхъ сторонъ сказала: теперь я увѣрена въ дѣйствительности твоихъ словъ. Такъ суждено Аллахомъ, и я не имѣю права сопротивляться. На, возьми этотъ червонецъ и блаженствуй! Съ этихъ поръ тебя будутъ уважать цари земные, и все, невозможное для другихъ, будетъ возможнымъ для тебя! Помни только, что послѣ смерти твоей этотъ червонецъ не достанется твоимъ дѣтямъ. И глупъ ты будешь, если не пріобрѣтешь состоянія для обезпеченія потомства своего, по крайней мѣрѣ на 250 лѣтъ! „Только на 250, спросилъ онъ, но развѣ не позволительно на 400? Возможно и на тысячу лѣтъ—отвѣчала колдунья, но только я не предвижу въ этомъ надобности, потому что въ потомствѣ твоемъ еще одному суждено Аллахомъ владѣть этимъ червонцемъ.“ Съ этого времени, продолжалъ отецъ мой:—пращуръ возвратился въ Бахчисарай, и равнаго ему въ богатствѣ не было въ цѣломъ мѣрѣ. Выслушавъ это преданіе, я тогда еще мечталъ объ этомъ червонцѣ и частенько спрашивалъ у отца, когда долженъ совершиться опредѣленный Гизлемою срокъ вторичнаго пришествія въ наше поколѣніе этого сокровища; но, къ несчастію, онъ никогда не могъ дать мнѣ справедливаго отвѣта, потому что не зналъ, сколько лѣтъ прошло со времени предсказанія колдуньи. Такимъ образомъ прошло три или четыре года. Наконецъ, однажды мнѣ приснился сонъ, что будто я возведенъ въ ханское достоинство. Конечно, подобные сны снятся не безъ причины. Обдумывая значеніе его, я какъ то невольно остановился на отрадномъ червонцѣ и рѣшился посовѣтоваться съ извѣстнымъ въ то время колдуномъ. И вотъ слова, прочитанныя имъ изъ черной книги, относительно будущности моей: „Ты долженъ встрѣтить

первые лучи восходящей зари счастія твоего не тамъ, гдѣ родился. Много дороги и много трудовъ предстоитъ тебѣ, пока совершится опредѣленное судьбою; но ты все это перенесешь, не прослезившись кровавыми слезами и возвратишься домой счастливѣйшимъ изъ всѣхъ разумныхъ тварей. Тебя будутъ встрѣчать враги твои, преклоняя колѣни и цѣлуя края одеждъ твоихъ; твои дома завѣсятся парчевыми тканями, и твои сундуки нальются золотомъ... Довольно, довольно! вскрикнулъ я, изъ боязни лишиться ума.

Возвратившись домой, я созвалъ всѣхъ домашнихъ и объявилъ, что завтра или послѣ завтра выѣзжаю изъ Бахчисарая по важнымъ дѣламъ и что, быть можетъ, не скоро возвращусь. Не плачьте и не мучьте сердецъ вашихъ за мною, прибавилъ я, быть можетъ, я возвращусь домой такимъ же счастливымъ, какъ и прародитель мой.

Три года я ѣздилъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ жили мусульмане; но увы! вмѣсто заколдованнаго червонца я пріобрѣлъ громкую извѣстность гакима (лекаря) и съ той поры я никогда ни въ чемъ не нуждался. Этого мало, я столько видѣлъ и слышалъ, что могу занять васъ моими разсказами въ теченіи двухъ мѣсяцевъ.

Старикъ поднялся съ мѣста и, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, вышелъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Выпроводивъ почетнаго гостя, я остался у открытаго окна, любуясь сотнями слабо освѣщенныхъ домиковъ, выступавшихъ передо мною амфитеатромъ. Мнѣ ужасно хотѣлось проникнуть въ каждое изъ этихъ жилищъ, видѣть что тамъ дѣлается и говорится. Подъ вліяніемъ этихъ желаній и всего извѣстнаго мнѣ о мусульманахъ, я невольно предался размышеніямъ о народѣ, которымъ исключительно руководитъ религія и для котораго молитва и исполненіе заповѣдей пророка составляетъ безпредѣльное утѣшеніе во всѣхъ несчастіяхъ и неудачахъ жизни и который даже при омовеніи тѣла отъ нечистотъ вскрикиваетъ: „да будетъ имя Божіе надъ этою водою въ исполненіе предписаннаго!“ Но при этомъ васъ невольно поражаетъ безпредѣльное суевѣріе и положительно дѣтская наивность въ самомъ изъ образованнѣйшихъ изъ мусульманъ, когда дѣло коснется отвлеченныхъ предметовъ. По мнѣнію татарина нѣтъ ни одного мѣста въ мірѣ, гдѣ-бы не обиталъ духъ враждебный исламисту, который только и думаетъ о совращеніи его съ пути истины и наказаніи за не поддатливость. Онъ свято вѣритъ, что Аллахъ въ правѣ измѣнить законы природы, если правовѣрный, заслужившій его любовь, пожелаетъ этого и никогда не станетъ отвергать самыхъ нелѣпыхъ безсмыслицъ, зародившихся въ его праздномъ воображеніи. Татаринъ довѣрчивъ на томъ основаніи, что ложь считаетъ неприличностію для вѣрующихъ въ верховное божество. Въ тор-

говлѣ, ремеслѣ и домашнемъ быту онъ серіозенъ, величавъ и до крайности справедливъ.

Есть люди, которые до настоящаго времени твердо убѣждены, что семья мусульманина крайне стѣснена въ свободѣ, но по нашему мнѣнію ни одна женщина другихъ націй не пользуется такими самостоятельными правами, какъ мусульманка. Правда ее религія обязываетъ скрываться отъ стороннихъ мущинъ, потому что мущинамъ свойственно увлекаться ими, а отъ этого всегда почти слѣдуютъ непріятности, разрушающія семейное спокойствіе. Отчего-же не пожертвовать ради блага всей жизни ничтожнымъ въ сущности развлеченіемъ?

„Кромѣ этого главнаго — говорили мнѣ татарки — мы укрывательствомъ нашимъ пріобрѣтаемъ болѣе цѣны въ глазахъ мущинъ, которые обыкновенно гораздо лучше думаютъ о тѣхъ, которыхъ меньше знаютъ. Это подтверждается фактами, что никогда не остаются наши дѣвушки безбрачными, даже при физическихъ и нравственныхъ недостаткахъ, тогда какъ у европейцевъ въ десятомъ домѣ остаются дѣвами не рѣдко такія, которыми не налюбовался-бы самый лучшій изъ нашихъ князей.

При такомъ предположеніи самихъ татарокъ мнѣ чудилось при ночной тишинѣ, что правило укрываться отъ мущинъ не было установлено Магометомъ по его личному взгляду на вещи, а что оно введено въ религіозную обязанность по искони выработаннымъ убѣжденіямъ женщинъ придать болѣе цѣны своимъ дочерямъ и предохранить мужей своихъ отъ соблазновъ при встрѣчѣ съ другими женщинами, которыя могли обладать наружными преимуществами.

Правъ-ли Магометъ, что сдѣлалъ этотъ обычай обязательнымъ для послѣдователей Корана? вопросъ этотъ довольно трудно рѣшить, но если мы примемъ во вниманіе, что и до него женщины не охотно показывались въ собранія мущинъ, что послѣдніе рѣдко довольствовались одною женою и быстро разочаровывались ею при знакомствѣ и сближеніи съ другою и что Коранъ воспрещалъ вѣрить въ образованіе, давшее въ наше время хорошее орудіе для самозащиты женщинъ—то надо отдать справедливость аравійскому законодателю, что постановленіемъ своимъ онъ оградилъ беззащитную женщину отъ того ужаснаго положенія въ семейномъ быту, которое неминуемо послѣдовало-бы при ея свободномъ сближеніи съ мущиною своей религіи, предоставлявшей какъ извѣстно полнѣйшую свободу страстямъ. Такимъ образомъ выходитъ, что мусульманка, которую мы считаемъ лишенною свободы, подъ чадрою пользуется ею привольно: видитъ всякаго мущину и любуется его наружностію и дѣйствіями, а онъ между тѣмъ не имѣетъ этого права, потому что употребилъ-бы его во вредъ своей женѣ, желавшей видѣть въ немъ исключительно ей одной преданнаго мужа, надъ которымъ легко господствовать только до того времени, пока глаза другой женщины не взволнуютъ его крови.

Выводъ этотъ совершенно справедливъ, потому что татаринъ странно созданъ: ему достаточно только разъ поговорить съ чужою женщиною или посидѣть съ нею наединѣ одинъ часъ, чтобы пожелать подчинить ее своимъ сладкимъ мечтамъ и въ такомъ даже случаѣ, еслибъ его жена представляла громадныя преимущества. Мусульманки до того вѣрятъ въ благо укрывательства отъ стороннихъ мущинъ, что съ отвращеніемъ отзываются о не исполняющихъ его,—тогда какъ мущины совершенно равнодушно относятся къ этому. Чѣмъ выше по происхожденію своему крымская татарка, тѣмъ серіознѣе она исполняетъ это правило, чтобы возбудить въ другихъ подражаніе и такимъ способомъ предупредить заблужденіе мужа своего, готоваго измѣнить ей при всякомъ удобномъ случаѣ.

Просидѣвъ до глубокой ночи въ сладкомъ раздумьи, я возвратился въ комнату мою, чтобы расположиться на ночлегъ, какъ вдругъ услышалъ страшные крики дитяти и женскій грозный приговоръ: „не дѣлай гадкая дѣвченка въ другой разъ! не дѣлай каналья!“ Послѣ чего повторялись удары и упреки. Чтобы это означало и зачто бичуютъ ребенка въ такое позднее время?—думалъ я и, не стерпѣвъ, рѣшился полюбопытствовать. Каково-же было удивленіе мое, когда я увидѣлъ обнаженную дѣвочку лѣтъ 10-ти, положенную отцемъ на дверный порогъ, а мать съ широкимъ вѣникомъ въ рукѣ, который она воспламенила на свѣчѣ, и такъ сказать огнемъ сѣкла дочь свою.

— Это что вы дѣлаете? спросилъ я съ изумленіемъ.

Вопросъ мой разсмѣшилъ всѣхъ, но во всякомъ случаѣ тиранія прекратилась и хозяева пригласила меня присѣсть.

— Неужели вы не знаете этого симпатическаго средства противу дѣтской болѣзни? спросилъ у меня барба Янаки.

— Я никогда ничего подобнаго не слышалъ.

— А между тѣмъ это есть самое лучшее лекарство, которое великолѣпно дѣйствуетъ на тѣхъ дѣтей, которые не могутъ проснуться при надобности.

— Но вы можете напугать соннаго ребенка и довести его до потери разсудка.

— Нѣтъ такихъ вещей съ нашими дѣтьми не случается.

— Ну, а если она заболѣетъ отъ испуга?

— Противъ такой болѣзни существуетъ множество домашнихъ средствъ, которыя извѣстны всякой матери и вообще пожилой женщинѣ.

— И вы никогда не прибѣгаете къ медикамъ?

— У насъ свои медики—отвѣчалъ онъ—это занятіе прилично только бабамъ, которыя посвящаютъ жизнь свою добрымъ дѣламъ, въ надеждѣ заслужить благоволеніе пресвятой Богородицы.

— А есть-ли у васъ казенный врачъ?

— Кажется есть, но онъ въ Бахчисараѣ совершенно не нуженъ никому, за исключеніемъ развѣ русскихъ чиновниковъ, которые до настоящаго времени не умѣютъ объясняться съ туземцами.

„Блаженные люди! подумалъ я, возвращаясь въ свою комнату съ тѣмъ, чтобы на другой день проснуться пораньше и совершить прогулку по окрестнымъ горамъ. Однако я проснулся въ такое время, когда солнце жгло невыносимо и невозможно было думать подыматься на возвышенныя мѣста. Подумавъ съ минуту я, послѣ кофе, вышелъ на улицу и началъ ходить около калитки, а потомъ направился къ оградѣ небольшаго садика, около которой важно сидѣла цыганка съ трубкою въ рукахъ. Простоявъ, я опять возвратился къ квартирѣ своей и потомъ снова приблизился къ оградѣ.

Безцѣльная прогулка моя, повидимому, заинтересовала пожилую цыганку, которая вовсе это время, покуривая трубку, не спускала съ меня своихъ черныхъ вороньихъ глазъ и, какъ будто чего-то ожидала, чтобы заговорить со мною.

Замѣтивъ, что я вынулъ изъ портъ-табака папиросу, она быстро поднесла ко мнѣ свою трубку съ огнемъ. Въ этотъ моментъ я замѣтилъ, что вся шея и грудь ея завѣшаны были множествомъ старинныхъ польскихъ серебряныхъ монетъ.

— Гдѣ ты добыла эти старыя деньги? спросилъ я по-татарски.

— Я наслѣдовала ихъ отъ прабабушекъ.

Осмотрѣвъ монеты, я вспомнилъ что Польша, неоднократно въ ханскія времена, высылала крымскимъ гиреямъ громадныя суммы денегъ, чтобы расположить ихъ въ свою пользу противъ Россіи. И вотъ частицы этихъ подкуповъ съ ликами ихъ королей, сбережены въ поколѣніяхъ бахчисарайскихъ цыганъ, чтобы возбуждать въ насъ грустныя мысли, а татарамъ напоминать о давно минувшихъ временахъ ихъ грозной самостоятельности.

— А много-ли васъ цыганъ въ Бахчисараѣ? спросилъ я.

— Больше, чѣмъ въ другихъ городахъ Крыма. Безъ насъ плохо было бы и ханамъ, и мурзамъ и татарамъ, потому что некому было бы лудить ихъ мѣдную посуду, играть на скрипкахъ и барабанахъ на свадьбахъ и гульбищахъ; безъ насъ стосковались бы ихъ жены, которымъ мы ворожимъ, а подъ часъ и приготовляемъ *тентю хара*, чтобы избавить отъ непрошеннаго послѣдствія незаконной любви.

— Что значитъ тентю-хара? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Неужели вы не знаете этого средства, къ которому иногда вынуждены бываютъ прибѣгать законныя жены, вдовушки а иногда и неопытныя дѣвушки, которыхъ не рѣдко обманываютъ недобрые люди?

— Я никогда не слышалъ о немъ ничего.

— Ну, такъ вы вѣрно мало живете еще на свѣтѣ.

— Такъ тебѣ извѣстно это средство? спросилъ я съ удивленіемъ, при полномъ убѣжденіи, что европейская судебная медицина считаетъ это вещью невѣроятною.

Цыганка прищелкнула языкомъ съ такимъ простосердечіемъ, какъ бы она дѣлала обыкновенныя домашнія дѣла.

— Но, развѣ у васъ не считается это грѣхомъ и вообще безнравственнымъ дѣломъ?

— Смѣшно было бы думать о грѣхѣ въ такихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ, напримѣръ, о спасеніи матери отъ одновременной возни съ нѣсколькими крошечными дѣтьми. Подумайте вы сами: каково женщинѣ слабой, держа на рукахъ полугодоваго ребенка, кормить его на счетъ другаго, чувствуемаго въ утробѣ? Не благоразумнѣе развѣ заблаговременно отдѣлаться отъ непрошеннаго гостя и этимъ способомъ облегчить во-первыхъ мать, и, наконецъ, спасти отъ вѣрной смерти одного изъ двухъ и именно уже родившагося. Вотъ дѣйствительныя причины, побуждающія многихъ прибѣгать ко мнѣ за средствомъ очищенія на первыхъ порахъ. Кто можетъ роптать противъ этого, когда нѣтъ преступленія, когда спасается мать и живое существо, когда облегчается вся семья. По нашему грѣшно прибѣгать къ такой мѣрѣ только послѣ четырехъ мѣсяцевъ.

— Но, ты мнѣ сказала раньше о вдовушкахъ, и дѣвицахъ которымъ не приходится кажется, испытывать тѣхъ крайностей, которымъ подвергаются замужнія.

— Да, я оказываю и имъ спасеніе отъ вѣчнаго позора. Надо вамъ знать, что татаре, заручившись *нишаномъ* или обрученіемъ, пользуются правомъ проводить ночи съ невѣстами и часто случается, что женихъ, противъ воли, переступаетъ границу правъ своихъ. Въ подобныхъ случаяхъ дѣвушка, которая не въ состояніи сейчасъ же выйдти замужъ, вынуждена спасать честь свою и я очень охотно являюсь къ ней на помощь съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣлаю не только одолженіе, но и доброе дѣло.

— И дорого тебѣ платятъ за эти услуги?

— Нѣтъ; кто дастъ цѣлый хлѣбъ, кто старый кафтанъ, а иная 10—15 или 20 коп.

— А можешь-ли ты познакомить меня съ приготовленіемъ твоего *тентю-хара?* спросилъ я послѣ глубокаго раздумья, о томъ что подобное средство могло сдѣлаться извѣстнымъ жалкой цыганкѣ въ Бахчисараѣ.

— Показать могу, но разсказать изъ чего и какимъ образомъ оно приготовляется—ни за что въ мірѣ! Мать моя умирая угрожала мнѣ проклятіемъ и вѣчнымъ адомъ, если я въ теченіе жизни открою кому-либо этотъ секретъ; въ особенности же она запрещала мнѣ открывать его христіанамъ, которые предрасположены къ порочной жизни.

Отъ послѣдней фразы мнѣ стало совѣстно: „неужели—подумалъ я—и цыганки такого дурнаго мнѣнія о насъ?

— А христіане занимаются этимъ ремесломъ въ Бахчисараѣ? спросилъ я.

— Всѣ почти ваши бабки претендуютъ, что имъ извѣстно это искусство; но онѣ ровно ничего не понимаютъ: поятъ несчастныхъ жертвъ своихъ разными ядовитыми зельями, распариваютъ и мнутъ, затѣмъ обираютъ ихъ увѣряя, что достигли своего желанія очень

удачно. Бѣдняжки вѣрятъ, но вскорѣ ужасно разочаровываются. Но не смотря на такія безсовѣстныя выходки, къ нимъ безпрестанно являются изъ отдаленныхъ городовъ очень многія, то въ надеждѣ спасенія, то въ увѣренности возстановить искусственнымъ образомъ потерянную честь. Вотъ бы такихъ мошенницъ слѣдовало повѣсить на городскихъ воротахъ.

Тѣмъ временемъ мы приблизились къ огромнымъ камнямъ, расположеннымъ съ лѣвой стороны улицы, за которыми виднѣлась небольшая избушка, въ полномъ смыслѣ слова на куриныхъ лапкахъ.

— Вотъ мое жилище—сказала цыганка—не желаете ли, чтобы я вамъ поворожила?

Мнѣ давно желательно было взглянуть хоть разъ на жизнь и обстановку цыганъ въ ихъ гнѣздѣ, вдали отъ тѣхъ, которые сочли бы это неприличнымъ для меня. Но кромѣ этого мнѣ очень хотѣлось хоть взглянуть на знаменитое *пентю-хари*.

Вошедъ въ курятникъ, мнѣ прежде всего бросились на глаза двѣ дѣвочки лѣтъ 13—14, опрокинувшія на глиняный полъ чернаго, какъ смоль, юношу лѣтъ 18-ти и безцеремонно трепавшія его за ветхую одежду. Нашъ неожиданный приходъ остановилъ ихъ шалости,

— Заработалъ ли ты, Чандалай, сегодня хоть копѣйку, что такъ безпечно занялся играми? спросила сивилла, подавая мнѣ грязную табуретку.

— Заработалъ—отвѣчалъ онъ, показывая мелкую серебряную монету,—но эти чертовки стараются отнять ее у меня, чтобы купить себѣ жвачку *).

— Еще бы—заголосили дѣвушки—мы въ свою очередь всѣмъ пожертвовали тебѣ оборванцу, а ты никогда не подарилъ намъ даже мѣднаго гроша.

— Велика жертва! не будь вы, къ намъ пришли бы другія, въ сотню разъ красивѣе васъ. Ужъ не думаете ли вы, черномазыя индюшки, сдѣлаться моими женами? Эхъ, вы поганое отродье, не вамъ суждено имѣть такихъ, какъ я, мужей!

— Чего же ты соблазнялъ насъ душегубецъ, заревѣли дѣвушки. Развѣ мы сами пришли въ твою безобразную избушку, гдѣ нѣтъ ни одного цѣлаго войлока, ни одной шерстяной подушки.

— Не я, такъ другой сдѣлалъ бы это. Развѣ вы не понимаете, что созданы для насъ? и смѣете еще укорять того, кто пріютилъ, приласкалъ и заботился о вашемъ назначеніи! Еслибъ ты знала, мама—обратился онъ къ сивиллѣ—какъ онѣ возмущаютъ меня своею неблагодарностію!

— Ну, такъ убей ихъ мое дитя—отвѣчала цыганка, шутя—это самое вѣрное средство.

---

*) Такимъ именемъ цыгане называютъ мастику, которую съ особеннымъ удовольствіемъ жуютъ женщины въ Крыму для очистки зубовъ отъ виннаго камня и предупрежденія порчи.

— Э, нѣтъ, мы его скорѣе задушимъ, если дѣло пойдетъ на то—заголосили дѣвушки и подошли ко мнѣ.

— Дѣйствительно ли вы служете женами этому мальчугану? спросилъ я у нихъ.

— Мы не думали объ этомъ, когда насъ сманила къ себѣ его мать, но онъ не давалъ намъ покоя, до тѣхъ поръ, пока достигъ желаннаго. Это мало, онъ сталъ приглашать своихъ товарищей и издѣваться надъ нами. Мы все переносили безропотно, какъ подобаетъ послушнымъ женамъ, а онъ, теперь говоритъ, что намъ не бывать его женами! Положимъ, что такихъ дрянныхъ мужей мы найдемъ въ каждомъ чалашѣ, но зачѣмъ обижать и издѣваться надъ честными дѣвушками?

— Хороши честныя дѣвушки, которыя всѣмъ бросаются на шею—возразилъ Чандалай.

— Ты врешь, мы принадлежимъ только тебѣ, кривому бѣсу, въ противномъ случаѣ давно бы ушли изъ этой грязной лачуги.

— Что?! А вчера, не я ли видѣлъ васъ подъ скалою съ разбойникомъ Танатаромъ?

— Чтожъ, что видѣлъ! Танатаръ твой пріятель, и мы обязаны были принять въ свою компанію его, какъ твоего друга и гостя. Ты могъ бы осудить насъ, еслибъ мы навсегда ушли съ нимъ. Мы иногда угождаемъ и твоему родному отцу по его требованіямъ, но развѣ мы властны сопротивляться воли того, кто даетъ намъ пріютъ и дѣлится своими крохами.

Слова эти сопровождены были какимъ-то выраженіемъ сознанія необходимости, приличія и достоинства. Этого достаточно было мнѣ, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о келейной жизни бахчисараискихъ цыганъ и, положивъ молодымъ девченкамъ двугривенный, чтобы успокоить ихъ, я обратился къ сивиллѣ съ просьбою показать мнѣ знаменитое лекарство.

Цыганка подала мнѣ большую стклянку съ чистою зеленою жидкостью, но ни по запаху, ни по вкусу я не могъ ничего узнать. На вторичныя просьбы мои объяснить какимъ образомъ приготовляется *тентю-хара*, она закачала головою, но прибавила, что капли эти приготовляются только въ Константинополѣ.

Убѣдившись окончательно, что цыганка не откроетъ мнѣ секрета даже за 25 рублей, я позволилъ ей приступить къ ворожбѣ на бобахъ. Естественно, что она наговорила мнѣ тысячу прелестей и ничего справедливаго.

Пока совершалось гаданіе, въ избушку вошелъ пожилой, но очень сильный на видъ, цыганъ. Махнувъ мнѣ головою, онъ беззаботно расположился у очага и закурилъ трубку, только что оставленную одною изъ номинальныхъ женъ его сына.

— Сегодня былъ неудачный день—сказалъ онъ, минуту спустя—я обошелъ весь городъ и не нашолъ для полуды ни одной кострюли, ни одного самовара: видно скупые жители нашего города или сговорились одновременно отравиться или заморить голодомъ

насъ лудильщиковъ. Охъ, приходится на старости лѣтъ переселяться въ другіе города.

— А мнѣ, что предстоитъ дѣлать? спросилъ Чандалай. Знаешь ли отецъ, я иногда думаю заняться перелетами на лучшихъ лошадяхъ *). Говорятъ, это ремесло самое выгодное въ Крыму.

— Ты правъ, по помни, что всѣ этого рода ремесленники преждевременно умираютъ отъ жестокихъ побоевъ. Татары не особенно церемонятся съ тѣми, кто посягаетъ на ихъ любимаго скакуна. Когда мнѣ было 25 лѣтъ отъ роду, я считался первымъ мастеромъ въ Крыму сбывать лошадей за Перекопскія ворота и впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ скопилъ 300 серебряныхъ рублей. Тогда такія деньги считались громаднымъ капиталомъ; какъ вдругъ меня поймали на мѣстѣ преступленія и не только отняли всѣ деньги, но и побили такъ безжалостно, что я три года не могъ свободно дышать. Спасибо нашелся человѣкъ, который сорвалъ мнѣ пупъ и натянулъ ослабѣвшія жилы **). Съ того времени я отказался отъ этой опасной торговли и запрещаю тебѣ думать о ней.

— Въ такомъ случаѣ, укажи мнѣ на болѣе удобное ремесло, потому что скрипка не приноситъ мнѣ никакой пользы.

— Ты самъ знаешь, сынъ мой, что цыганамъ не суждено заниматься ничѣмъ болѣе, какъ перепродажею лошадей, курей, яицъ, устрицъ и стараго платья или же, ковать желѣзо, дѣлать рѣшета, корзины, играть, пѣть, ворожить, просить милостыню и вообще прислуживаться другимъ народамъ. Такъ постановилъ Алхахъ. Вотъ выбирай любое изъ этихъ занятій, если желаешь оставаться цыганомъ.

Чандалай молча поднялся съ мѣста и подошелъ ко мнѣ, началъ просить на трубку табаку.

— Послушай—сказалъ я—ты ищешь занятія—брось твою цыганскую жизнь и ступай ко мнѣ на службу. Я одѣну тебя и впослѣдствіи сдѣлаю хорошимъ хозяиномъ.

— Нѣтъ, баринъ, твое слово не для нашего уха: скорѣе ты передѣлаешься въ нашего брата, чѣмъ цыганъ въ почтеннаго хозяина. Я завялъ бы въ такомъ домѣ, какъ скошенный съ сильнаго ствола дурманъ или умеръ бы преждевременно отъ тоски, подобно взрослому дикому животному, взятому изъ лѣса и посаженному въ золотую клѣтку. Развѣ ты не знаешь, что и у насъ есть свои врожденныя привычки, желанія и стремленія, своего рода развлеченія, которыхъ намъ не замѣнятъ всѣ ваши прелести. Ваша жизнь и обстановка насъ поражаетъ красотою только издали, но у васъ скучнѣе чѣмъ въ тюрьмѣ и могилѣ. Боже меня сохрани отъ такой несчастной доли; прибавилъ онъ.

---

*) Конокрадствомъ.

**) Татары и цыгане Крыма всѣ почти болѣзни приписываютъ къ ослабленію пуповины и жилъ. Послѣднія они натягиваютъ изъ-подъ ручныхъ мышекъ самымъ безчеловѣчнымъ дерганіемъ.

— Ну, а ты пошла бы жить ко мнѣ? обратился я къ одной изъ поминальныхъ женъ Чандалая, чтобы узнать ея мнѣніе.

— Къ вамъ... жить! вскрикнула она съ громкимъ смѣхомъ и замахала руками—что вы съума сошли или считаете меня дурою?

— Но, вѣдь, ты здѣсь голодаешь и ходишь въ лохмотьяхъ?

— Не правда; мы всегда находимъ столько, чтобы удовлетворить желудку, а новая одежда намъ не къ лицу и притомъ ужасно стѣсняетъ. Мнѣ раза два приходилось пріобрѣтать дорогіе кафтаны отъ умершихъ, но я въ тотъ же день продавала ихъ за нѣсколько копѣекъ, какъ вещи негодныя для насъ. Изъ этого вы можете понять, что для насъ хорошо и годно только то, что гадко и скверно для васъ. Слѣдовательно или мы живемъ наоборотъ или вы живете наизнанку. Ну, возможно ли послѣ этого цыганкѣ ужиться съ вами?

— А что еслибъ ты полюбила меня, какъ Чандалая?

— Полюбить васъ?! и она еще громче залилась хохотомъ. Развѣ возможны такія мысли. Мы любимъ только тѣхъ, которые любятъ то, что мы любимъ и которые живутъ такою жизнью, какъ мы и дорогіе сердцу нашему родственники и друзья, Боже упаси меня отдѣлиться отъ нашего стада!

Въ каждомъ звукѣ этихъ словъ слышалась искренность и твердое убѣжденіе, что каждому животному свойственны своего рода потребности, перестановка которыхъ не можетъ принести отрады.

— Нѣтъ баринъ—отозвался старый цыганъ—напрасно вы восхваляете вашу жизнь. Я шестой десятокъ доживаю и видѣлъ ее вблизи. У васъ ничего нѣтъ, кромѣ душевныхъ скорбей и болѣзней; васъ ничто не радуетъ, а мы всегда почти здоровы и радуемся, какъ дѣти,—даже мягкому куску хлѣба, котораго вы не стали бы ѣсть безъ супу. Вотъ ужъ сотни лѣтъ прошли съ того времени, какъ наши предки появились въ Крыму и жили около блистательныхъ хановъ и богатѣйшихъ мурзъ и беевъ, прельщавшихъ всѣ націи своею роскошною жизнью. Многіе изъ татаръ выбивались изъ силъ, чтобы подражать имъ, ходили на войну, въ набѣги и разбойничали на большихъ дорогахъ, только одни цыгане не увлекались этою пустою затѣею и вѣрно хранили свои привычки и свою счастливую свободу. Имъ только никто не завидывалъ, а это было очень важно для чужестранцевъ, боявшихся на чужбинѣ всякаго рода преслѣдованіи и гоненій. При нашей обстановкѣ всѣ считаютъ насъ хуже себя, никто не обращаетъ на насъ вниманія, всѣ признаютъ насъ неспособными и глупыми... Мы же, наслаждаясь привольемъ, напротивъ, ихъ считаемъ глупѣе насъ, потому что они трудятся день и ночь и кормятъ насъ лѣнтяевъ. Отчего же нашъ бытъ ужасаетъ васъ? Чѣмъ мы хуже другихъ? У насъ также есть надежда попасть въ рай Магомета, потому что мы исповѣдуемъ исламъ; мы также знаемъ, что съ этого міра не перенесешь богатства въ другой, и что земная жизнь наша не стоитъ труда томиться долговременнымъ трудомъ. Теперь, я думаю вы поняли, баринъ, отчего мой сынъ и эта, ничтожная

на вашъ взглядъ, дѣвченка, отказались отъ тѣхъ предложеній, которыя, по вашему мнѣнію, считаются дѣйствительными благами земли.

— Понялъ, понялъ—отвѣчалъ я, подавая сивиллѣ рублевку, и быстрыми шагами удалился изъ грязной ея лачужки.

До самой квартиры моей я шелъ въ глубокомъ раздумьи и далъ себѣ слово рано или поздно поглубже вникнуть въ жизнь крымскихъ цыганъ, которые, подобно другимъ собратьямъ своимъ, стараются разыгрывать роль нищихъ или полуидіотовъ.

Возвратившись домой я засталъ нарочно-прибывшаго за мною съ требованіемъ возвратиться немедленно въ Ялту по крайней служебной надобности и я вынужденъ былъ разстаться съ Бахчисараемъ на неопредѣленное время.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тѣ, кому приходилось видѣть Бахчисарай съ его историческими и чудными оригинальными окрестностями, я полагаю, навсегда сохранять въ памяти своей отрадныя воспоминанія. И въ самомъ дѣлѣ, въ мѣстоположеніи и устройствѣ этого города таится какая-то чарующая идея, какой-то духъ нѣги, покоя и блаженства. При видѣ его предъ вами воплощается вся его исторія, жизнь хановъ и неустрашимыхъ наѣздниковъ. Ничто въ немъ неизмѣнилось. Тѣ же мечети съ высокими минаретами; тѣ же узкія улицы съ грубыми тротуарами; та же архитектура домовъ; тотъ же дворецъ гиреевъ; тотъ же крикъ муэзиновъ, призывающихъ правовѣрныхъ на молитву; тѣ же толпы хаджи, въ аккуратныхъ чалмахъ и темнозеленыхъ *фередже* *), на высокихъ, изящно отдѣланныхъ, ходуляхъ... Словомъ, та же жизнь и обстановка, которая была за нѣсколько столѣтій, до присоединенія Крыма къ Россіи. Не будь здѣсь нашего солдата и полицейскаго чиновника, можно бы думать, что находишься въ центрѣ Азіи, въ гнѣздѣ первобытныхъ исламистовъ, въ которомъ заботливо сохранились всѣ завѣтныя традиціи и религіозныя святости.

Бахчисарай, какъ извѣстно, находится между Симферополемъ и Севастополемъ, при желѣзной дорогѣ, съ которой, къ сожалѣнію, онъ совершенно не видѣнъ, потому что расположенъ въ глубокой котловинѣ, окаймленной фантастическими узорами сѣрыхъ скалъ, заканчивающихся съ одной стороны великолѣпною панорамою на Успенскій монастырь и Іосафатову долину, а съ другой замѣчательнымъ историческимъ выступомъ Чуфутъ-кале.

Такое расположеніе заставляетъ многихъ путешественниковъ проѣзжать мимо этого интереснаго города, не видавши ни единой его постройки. Необходимо нарочно останавливаться на станціи и отсюда предпринимать поѣздку въ экипажѣ, которыми въ настоящее время начали промышлять многіе туземцы.

---

*) Родъ накидки съ рукавами.

При вторичной поѣздкѣ моей въ этотъ городъ я въѣхалъ верхомъ съ ю. в. т.-е. съ обратной стороны Чуфутъ-кальскаго колоса. Не успѣлъ я приблизиться къ первымъ постройкамъ предмѣстья, какъ впереди меня показалась большая толпа татаръ.

— Что это за сборъ? спросилъ я у одного изъ отставшихъ мальчиковъ.

— Къ намъ пріѣхалъ дервишъ—отвѣчалъ онъ.

Странное явленіе, подумалъ я. Дервишъ этотъ — навѣрно какой-нибудь турецкій бѣглый солдатъ, прибывшій устроиться въ Крыму и прослыть знахаремъ и ученымъ. Я пришпорилъ коня и внезапно поровнялся съ нимъ.

— Съ какихъ ты мѣстъ, почтенный странникъ? спросилъ я по-турецки.

— Съ тѣхъ, куда солнце садится на покой—отвѣчалъ онъ, не подымая глазъ.

— Я не знаю такой страны.

— Я оттуда, сказалъ онъ на-распѣвъ:—гдѣ нашъ пэйгамберъ *) показалъ міру дарованный ему Аллахомъ Коранъ, и гдѣ онъ потребовалъ отъ всѣхъ людей принять исламъ съ тѣмъ, что если въ теченіе 500 лѣтъ принявшіе не убѣдятся въ превосходствѣ его, то свободны избрать любую изъ другихъ религій.

— Въ какой же книгѣ ты прочиталъ это? спросилъ я.

— Вы не поймете названія ея.

Сказавши это, шарлатанъ желая избавиться отъ дальнѣйшихъ моихъ вопросовъ, запѣлъ пронзительнымъ, монотоннымъ голосомъ нижеслѣдующее *илляги* **), которое списано было мною въ послѣдствіи:

„Небось хозяинъ ты, мой Богъ; ты не доведи меня до погибели; ты спаси меня отъ дружбы ненавистныхъ тебѣ людей; ты не ввергай меня въ пламень ада, но прими меня въ стадо безгрѣшныхъ животныхъ твоихъ!

„Въ нашемъ обманчивомъ мірѣ много неправды: кто голодомъ томится, кто страдаетъ отъ избытка. Лучше думать, что завтра на *машеръ* (судномъ днѣ) на вѣсахъ правды не будетъ у меня благихъ дѣлъ. Ты меня, Аллахъ, прими въ число безгрѣшныхъ животныхъ твоихъ!

„Израиль (ангелъ) спустился къ груди моей, и духи злые собрались смущать меня. Тѣло грѣшное вознесутъ на *тенеширъ тахта* (доска для омыванія) и не будетъ силы оказать сопротивленія. Ты меня прими въ число безгрѣшныхъ животныхъ твоихъ!“

Окончивъ пѣніе, мнимый дервишъ началъ краснобайничать въ слѣдующаго рода фразахъ:

„Вѣрующіе въ четыре святыя книги (Коранъ, Ветхій Завѣтъ, Псалтырь и Евангеліе) сердцемъ видятъ Бога.

---

*) Пророкъ.

**) Духовный гимнъ.

„Имѣющіе хоть каплю ума научаются мудрости у пчелъ, которыя изъ соковъ 101 цвѣтка образуютъ сотовое гнѣздо; изъ гнѣзда этого, воскъ идетъ на свѣчи Богу, а медъ на все идетъ.

„Алла, Алла! какъ это держится у тебя небо безъ подпоръ, а море безъ плотинъ?“ и т. п.

— Этотъ оборванецъ—обратился я къ одному изъ татаръ—кажется потерялъ свою корзину съ яйцами (въ смыслѣ рехнулся съума) или просто считаетъ васъ дураками.

— Ни то, ни другое. Онъ настоящій дервишъ и отлично выполняетъ всѣ правила нашей религіи. Мы всѣ въ восторгѣ отъ его святыхъ рѣчей.

Послѣ такого рода убѣжденій народа, мнѣ не оставалось ничего болѣе какъ выѣхать впередъ и предаться размышленію: съ какою цѣлью калифъ Мень-Элавъ основалъ секту дервишей? При этомъ въ памяти моей мелькнуло, что не только у евреевъ были своего рода дервиши, подъ названіемъ гуситовъ, но и у христіанъ даже въ 18 вѣкѣ были въ почетѣ конвульсіонисты, удивлявшіе міръ изнуреніемъ тѣла.

Такъ какъ въ азіатскихъ городахъ не существуетъ гостинницъ, а въ замѣнъ есть безсчетное множество кофейнъ съ безсчетнымъ множествомъ голодныхъ насѣкомыхъ, то мнѣ поневолѣ приходилось заѣхать въ одинъ изъ хановъ или постоялыхъ дворовъ. Знаете ли вы читатель, что называется ханомъ? Это тоже, что у насъ заѣзжій дворъ, въ которомъ вы можете со всѣми удобствами помѣстить своихъ лошадей, въ полномъ убѣжденіи, что онѣ будутъ не только сыты, но и очищены отъ пыли и грязи. Казалось бы, что при такомъ вниманіи къ животному—о человѣкѣ здѣсь вдвое болѣе позаботятся. Не тутъ-то было: по мнѣнію крымскихъ татаръ, человѣкъ одаренъ разумомъ и свободою дѣйствій — слѣдовательно самъ долженъ позаботиться о своемъ кейфѣ. На обязанности содержателя хана лежитъ только долгъ принять почетнымъ образомъ своего посѣтителя, освѣдомиться о здоровьи его семьи и дѣтей, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, и пригласить въ кофейню, всегда почти имѣющую нѣсколько гостей, жаждущихъ встрѣчи съ новыми лицами.

Кофейня, на взглядъ содержателя, представляетъ все, чѣмъ можетъ интересоваться пріѣзжій: во первыхъ онъ имѣетъ теплую свѣтлую комнату, вокругъ которой установлены нары съ мягкими тюфяками и подушками, гдѣ удобно садиться съ поджатыми ногами и пить вѣчно готовый кофе; во вторыхъ онъ свободенъ во всякую минуту лечь и соснуть или позабавиться картежною игрою на мѣлокъ и, наконецъ, онъ всегда имѣетъ подъ рукою много почетныхъ гражданъ, которые во всеуслышаніе разсказываютъ новости дня и всегда готовы помочь совѣтомъ, если пріѣзжему встрѣчается въ этомъ надобность. Пьянства, ругательствъ, и другаго рода безобразій здѣсь не допускается.

„Чего же больше, требовать? говорятъ татары. На случай же, если вы пожелаете покушать, то въ двухъ шагахъ отъ кофейни,

существуетъ харчевня съ различнаго рода соусами, шашлыками и похлебками, за большую порцію которыхъ не возьмутъ съ васъ дороже 10 коп., столько же вы заплатите въ сутки за помѣщеніе съ лошадью. Словомъ и весело и сытно и покойно за какихъ нибудь 25—30 коп. Стоитъ только не брезгать и во всемъ видѣть лучшія стороны. „Правда—прибавляютъ нѣкоторые—въ кофейняхъ не рѣдко наберешься бѣлыхъ деревенскихъ насѣкомыхъ, но вѣдь и о нихъ заботится Аллахъ, одинаково милостивый ко всѣмъ тварямъ своимъ. Насѣкомое это, не смотря на свой непріятный видъ, очень полезно въ особенности для полнокровныхъ людей. Слѣдовательно бѣда не велика, если ихъ десятокъ другой проберутся въ складки вашей рубахи и проживутъ тамъ нѣсколько дней“.

Въ кофейнѣ я сейчасъ же узналъ о мѣстожительствѣ моего давняго пріятеля Сеитъ-аги, къ которому въ тотъ же день и переселился.

Сеитъ-ага прежде жилъ въ окрестностяхъ Ялты, но послѣ эмиграціи въ Турцію ближнихъ и друзей, распродалъ всѣ сады свои и, закупивъ въ Бахчисараѣ много домовъ, лавокъ и садиковъ, переселился и самъ въ священный городъ Крыма. Принявъ меня съ дѣтскимъ восторгомъ, этотъ крѣпкій старикъ прежде всего показалъ мнѣ великолѣпный фруктовый садъ свой, пріютившійся у подножья скалъ, затѣмъ напоилъ кофемъ и вплоть до ужина не переставалъ разсказывать о своихъ дѣлахъ.

При пожеланіи покойной ночи, старикъ помня, что нѣкогда я очень интересовался народными преданіями, обѣщалъ пригласить къ себѣ друга своего, большаго любителя разсказовъ изъ давно минувшихъ временъ Крыма.

На другой день, проснувшись съ восходомъ солнца, я пошолъ гулять по городу, прорѣзанному во всю длину одною только улицею, занятою по бокамъ торговыми домами. Всѣ купцы уже находились въ своихъ миніатюрныхъ лавкахъ и работали: кто надъ ножною обувью, кто надъ выдѣлкою ножей, кто токарилъ колыски, кто сверлилъ длинные черешневые чубуки. Я внимательно осматривалъ незатѣйливые станки и издѣлья этихъ одинокихъ работниковъ, довольствующихся тѣмъ, что зарабатываютъ въ теченіи дня нѣсколько десятковъ копѣекъ, изъ которыхъ часть издерживаютъ на необходимые расходы, а остальную приберегаютъ про черный день, на погребеніе или на путешествіе въ священную Мекку.

По всей главной улицѣ, вымощенный крупными каменьями еще во времена ханскаго владычества, я не встрѣтилъ ни одной татарки. Можно было думать, что онѣ не просыпались еще. Но въ дѣйствительности женщины эти не имѣютъ обыкновенія выходить на тѣ улицы, гдѣ тихо и спокойно работаютъ для ихъ же блага отцы, мужья или братья. Онѣ отлично сознаютъ, что присутствіе ихъ тамъ не только потревожитъ добрыхъ людей, но и нарушитъ сладкое настроеніе духа.

И дѣйствительно, если мы всмотримся въ выраженіе лица каждаго изъ этихъ самостоятельныхъ работниковъ-купцовъ и изслѣдуемъ его сокровенныя мечты, то найдемъ, что онъ всецѣло погруженъ въ тотъ блаженный кейфъ, который съумѣла воспроизвести въ его пылкой крови вечерняя ласка игриво-ласковой жены. Это отрадное чувство у него разлито по всѣму тѣлу, онъ слышитъ его запахъ и полной счастливой нѣги, молчаливо ждетъ того момента, когда снова муэзинъ съ сосѣдняго минарета пропоетъ благовѣстъ на вечернюю молитву. Тѣ же чувства посѣтятъ его и завтра и послѣ завтра и послѣ 60-ти лѣтъ. Жены это знаютъ и поэтому ни за что не сдѣлаютъ ничего такого, что могло бы повліять непріятно на неизмѣннаго друга.

У всѣхъ почти фонтановъ, раскинутыхъ чуть ли не у каждаго квартала, возились пожилые татары, совершая *абдезъ* или омовеніе ногъ и рукъ, чтобы чистыми предстать на утреннюю молитву. Смотря на ихъ усердіе, подумаешь, что эти люди подготовляются вымаливать свои тяжкіе грѣхи или выпрашивать богатыя милости. Ничуть не бывало: они ничего не просятъ у Бога и ограничиваются повтореніемъ тѣхъ общихъ хвалебныхъ молитвъ, которыя произноситъ имамъ.

Тутъ же попадались мнѣ полуслѣпые и хромые старички съ двумя кувшинами въ рукахъ съ сладкою *бузою* или просянымъ напиткомъ, который такъ нравится крымскимъ жителямъ, туземнаго происхожденія. Старики эти, не смотря на свой дряхлый, изнеможенный видъ, кричатъ очень громко: „максимà! максимà?“ и очень наивно предлагаютъ свой нектаръ всѣмъ, но безъ навязчивости и просьбы оказать имъ милость.

У одного изъ нихъ я спросилъ: сколько онъ зарабатываетъ въ день?

— Отъ 25 до 40 коп.,—отвѣчалъ тотъ.

— Но этихъ денегъ не достанетъ тебѣ на обувь.

— Я знаю это и потому хожу босикомъ.

— Отчего же ты не займешься чѣмъ-нибудь болѣе выгоднымъ?

— Оттого, что не способенъ къ другому занятію, а просить подаянія я не позволяю себѣ до тѣхъ поръ, пока окончательно не ослѣпну.

Хромой навѣрно тотъ же дастъ отвѣтъ и, не смотря на испытываемыя страданія, будетъ продавать свою бузу до той поры, пока не сляжетъ на изорванный войлокъ, чтобы испустить послѣднее дыханіе, въ надеждѣ переселиться въ благодатный рай, переполненный всѣми видами блаженныхъ наслажденій.

Очутившись передъ мечетью съ отворенными дверями, гдѣ стояли на молитвѣ правовѣрные, я тихо вступилъ въ священное зданіе, чтобы взглянуть на внутреннее убранство столичнаго храма. Но каково было удивленіе мое, когда я въ немъ встрѣтилъ тѣ же, рогожки и войлоки, которыми убираются самые бѣднѣйшіе деревенскіе молитвенные дома.

Таковъ татаринъ вездѣ: онъ на роскошь смотритъ, какъ на

глупость и ограничивается только чистотою и крайне необходимыми вещами. При такихъ основательныхъ сужденіяхъ намъ конечно, не должно казаться страннымъ, что даже ханы ихъ не имѣли второй перемѣны платья; что у самаго богатаго тоже убранство и та же кухня, которыя у пріобрѣтавшаго нѣсколько копѣекъ въ день. Разница только въ томъ, что у перваго чаще обновляется устарѣвшее и ежедневно варится мясо, а у послѣдняго это дѣлается рѣже.

Не въ этомъ ли кроется тайна того благоденствія, которымъ пользуется этотъ народъ при ничтожныхъ, въ сравненіи съ нами, пріобрѣтеніяхъ? Татаринъ, заработавшій сотню рублей, твердо убѣжденъ, что отнынѣ онъ не будетъ нуждаться въ насущномъ пропитаніи, и убѣжденіе его только тогда разстанется съ нимъ, если какія-нибудь необыкновенныя событія вырвутъ у него эти деньги.

Въ сладкомъ раздумьи я какъ то невольно присѣлъ на лавочку дверей пекарни, находящейся въ одномъ отдѣленіи съ харчевней. Въ первой разложены были нѣсколько десятковъ, только что вынутыхъ изъ печи хлѣбовъ, лепешекъ, пирожковъ, съ сыромъ, плацендъ, сухарей и бубликовъ, на которые съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ посматривалъ хозяинъ, перебиравшій медленно четки, а въ послѣдней, гдѣ кипѣли чисто вылуженные мѣдные котлы, рѣзво суетился молодой джигитъ. Его веселая наружность, быстрота движеній и полное вниманіе къ дѣлу возбудили у меня желаніе заговорить съ нимъ.

— У тебя, кажется, все уже готово къ насыщенію людей, сказалъ я, а между тѣмъ ты не приглашаешь прохожихъ къ завтраку.

— Кому угодно кушать, тотъ самъ зайдетъ. По нашему мы унизили бы свое искусство, еслибъ навязывались проходящимъ. Къ пищѣ приглашаются только такіе, отъ которыхъ не требуется плата. Въ эту минуту вошелъ въ харчевню извозчикъ.

— Запахъ твоей стряпни до того раздразнилъ мой носъ, что я рѣшился пожелать тебѣ добраго утра.

— Ужъ не въ интересномъ ли ты положеніи? спросилъ поваръ— если да, то я подбавлю пахучаго перцу.

— Кто знаетъ, въ еврейскихъ книгахъ говорятъ написано, что прежде рожали не женщины, а мужчины. Правда ли это или брехня не намъ судить, но что касается пахучаго перца, то онъ всегда доставлялъ мнѣ особенное желаніе влить въ горло большой сосудъ крѣпкой бузы.

— Во дворѣ нашемъ и буза найдется для такихъ баши-бузуковъ какъ ты, мой братъ—отвѣчалъ кухмистеръ, подавая посѣтителю большую миску супу съ картофелемъ. Пекарщикъ не замедлилъ поднести теплую лепешку.

Извозчикъ съ важностію опустился на скамью передъ столомъ и медленно очистилъ миску, затѣмъ, возблагодаривъ Аллаха и хозяина, и положивъ передъ послѣднимъ 10 коп., удалился.

— Это, кажется, твой другъ,—сказалъ я.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому, что онъ не спросилъ даже цѣны за завтракъ.

— Мы, мусульмане, всѣ между собою друзья, и всякій знаетъ сколько слѣдуетъ заплатить за съѣденное. Впрочемъ, иногда приходится получать только половину стоимости, но такъ разсчитываются только люди не имущіе. Я никогда не сержусь за это и увѣренъ, что рано или поздно, они вознаградятъ меня какими-либо личными услугами; если же они откажутся, то Богъ вознаградитъ меня вдесятеро.

— Какой у тебя добрый и разумный сосѣдъ,—сказалъ я, обращаясь къ пекарщику, игравшему четками.

— Вы, вѣроятно, вывели это предположеніе изъ того, что онъ отвѣчалъ вамъ. Тоже самое вы услышите и отъ всѣхъ нашихъ кухарей. Но если мы не будемъ такими, то къ намъ не зайдетъ ни единая правовѣрная душа, и всѣ станутъ чувствовать къ намъ отвращеніе. При такомъ снисходительномъ обращеніи съ бѣдными, мы надѣемся прожить спокойно. Не тотъ счастливъ, кто заработаетъ много денегъ съ проклятіями, но тотъ, кто пріобрѣтаетъ по копѣйкамъ, которыя въ тоже время прокладываютъ ему дорогу въ рай и радуютъ душу. Такъ намъ велѣно жить, такъ мы и проживемъ до того времени, пока будемъ соблюдать святыя слова Корана!

— Каковы взгляды и убѣжденія у этихъ фанатиковъ,—подумалъ я,—а между тѣмъ они способны ненавидѣть иновѣрцевъ только за то, что не исповѣдуютъ съ ними ислама, того ислама, который признаетъ Евангеліе за священную книгу, а въ Коранѣ (3 гл. 79 ст.) ясно говорится: „мы вѣруемъ въ святыя книги, которыя Мойсей, Іисусъ и другіе пророки получили съ неба; мы не дѣлаемъ между ними никакой разницы; а въ 4-й сурѣ въ 157 ст. написано: „не будетъ ни одного человѣка, между имѣющими вѣру и писаніе, который не увѣровалъ бы въ Іисуса предъ смертью“. Къ сожалѣнію изрѣченія эти перетолкованы имамами и совершенно иначе понимаются мусульманами. Намъ приходится какъ то невольно пожалѣть, что отважному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумному аравійскому законодателю, не пришлось убѣдиться на дѣлѣ, чтобы заставить всѣхъ послѣдователей своего ученія считать важнѣйшимъ догматомъ религіи любовь и равномѣрное отношеніе ко всему человѣческому роду.

Не успѣлъ я пройти сотни шаговъ, ко мнѣ вышелъ изъ-за угла одинъ изъ знакомыхъ чиновниковъ таврическаго магометанскаго духовнаго правленія. Читателю, безъ сомнѣнія, покажется невѣроятнымъ, если я скажу, что онъ былъ русскій и не зналъ, ни читать, ни писать по-татарски; но невѣроятность окажется неумѣстною, если я объясню, что татарское духовное правленіе составлено изъ русскихъ чиновниковъ, во главѣ которыхъ стоятъ муфтіи, кадыскеры и мѣстный уѣздный кадій (нѣчто въ родѣ нашего благочиннаго). Эти начальствующія лица подписываютъ вся-

каго рода бумаги, содержаніе которыхъ имъ не можетъ быть извѣстно на томъ основаніи, что они въ свою очередь не знакомы ни съ нашимъ языкомъ, ни съ нашею грамотою.

— Не по дѣламъ ли службы? спросилъ я.

— Да, и къ сожалѣнію по весьма несправедливому дѣлу—отвѣчалъ онъ, скорчивъ гримасу. Представьте слѣдующій фактъ: родители одной прекрасной дѣвушки, задумали противъ ея воли, какъ это дѣлалось прежде, перевѣнчать ее обманнымъ образомъ не съ женихомъ, который долженъ былъ пріѣхать на дняхъ, а съ другимъ, болѣе выгоднымъ для нихъ мурзою, который въ настоящее время проживаетъ въ этомъ городѣ. Дѣвушка ничего не подозрѣвая, естественно съ особеннымъ удовольствіемъ, сейчасъ же послѣ свадебнаго вечера, поѣхала къ мужу. Но каково было ея отчаяніе, когда она очутилась въ домѣ ненавистнаго ей человѣка, достигшаго цѣли такими низкими путями. Понятно, что она подняла такой шумъ и крики, что сбѣжалась полиція, которой она сообщила о происшедшемъ. Городничій убѣдившись въ невозможности усмирить ее, вынужденъ былъ, по ея требованію, отправить ее къ одной изъ родственницъ, живущихъ за городомъ. Нѣсколько дней спустя, по формальному заявленію этой дѣвушки, началось слѣдствіе, по которому родители ея преданы были уголовному преслѣдованію. Добрая дѣвушка, лично явившись на судебное разбирательство объявила, что она прощаетъ отцамъ ихъ проступокъ противъ себя, лишь бы судъ предоставилъ ей право развода съ сохраненіемъ прежней фамиліи. Просьба ея принята была во вниманіе съ тѣмъ, чтобы она потребовала развода по правиламъ магометанскаго шаріата отъ духовнаго начальства. Вотъ съ этимъ судебнымъ постановленіемъ она и обратилась къ намъ. Казалось бы, что муфтій, безъ всякихъ разсужденій, обязанъ былъ признать этотъ бракъ недѣйствительнымъ, такъ какъ онъ не совершенъ по правилу, прежде всего требующему обоюднаго согласія жениха и невѣсты; но члены духовнаго правленія, навѣрно задобренные подарками со стороны ожесточенныхъ родителей и оскорбленнаго мужа, дали другой оборотъ дѣлу и именно постановили допросить послѣдняго: „согласенъ ли онъ предоставить женѣ своей просимый разводъ“, такъ какъ по магометанскому закону жена не въ правѣ его просить сама. Спрошенный въ это время былъ уже женатъ на другой дѣвицѣ, но не смотря на это, онъ, какъ бы въ удовлетвореніе своей мести отвѣчалъ, что вовсе не думаетъ разводиться съ нею, такъ какъ многожество допускается пророкомъ. Этого было совершенно достаточно для отказа въ просьбѣ несчастной дѣвушки. Отказъ этотъ поручили мнѣ передать ей. Воображаю въ какое уныніе она впадетъ при мысли, что осуждена на вѣки считаться женою человѣка, къ которому никогда не пойдетъ, котораго презираетъ душевно и который давнымъ-давно женился на второй. Знаете ли,—прибавилъ онъ,—я на мѣстѣ ея сейчасъ бы перешелъ въ православную вѣру, какъ вѣрное средство возстановить право свободы.

— Но развѣ она не вправѣ жаловаться?

— Жаловаться на насъ! вскрикнулъ онъ—да кто имѣетъ право указывать муфтію, какъ онъ долженъ дѣйствовать? Она пожалуй обойдетъ всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, всѣ пожалѣютъ и найдутъ ее крайне обиженною, но отвѣтятъ, что не смѣютъ вмѣшиваться въ религіозныя дѣла иновѣрцевъ.

— При такихъ условіяхъ, пожалуй легко завладѣть любою женщиною и заставить ее, изъ боязни остаться навсегда вдовою, привыкнуть къ своему назначенію.

— Да, но для этого необходимо заручиться согласіемъ родителей—прибавилъ чиновникъ.

— И часто бываютъ такія печальныя событія?

— Частенько, но всегда почти остаются негласными.

— Неужели нѣтъ возможности предупредить этотъ торгъ невольницами?

— Это зависитъ отъ законодательной власти, которая имѣетъ полное право приказать мулламъ, чтобы они лично убѣждались въ обоюдномъ согласіи жениха и невѣсты, не довѣряясь повѣреннымъ, выставляемымъ родителями.

Чиновникъ приглашалъ меня, какъ говорящаго по-татарски, идти съ нимъ для объявленія жестокаго указа своего начальства. Какъ ни желательно было мнѣ знать какое впечатлѣніе произведетъ это постановленіе на замужнюю дѣвицу, но у меня не достало духу слѣдовать за нимъ и притомъ мое долгое отсутствіе могло быть принято хозяиномъ дома за небрежное обращеніе съ нимъ.

И дѣйствительно, я нашелъ Сеита сидящимъ у калитки съ опущенною головою и чертившимъ какіе-то знаки на уличной пыли. Мое внезапное появленіе заставило его быстро подняться на ноги и заявить, что меня давно ожидаютъ *катмеры* или слоеные татарскіе пирожки, которые дѣйствительно составляютъ прекрасное угощеніе въ Крыму.

Въ комнатѣ я засталъ, передъ низенькою софою, поставленный на табуретѣ большой мѣдный *сини* или подносъ съ медомъ, *бекмесомъ* *), сыромъ, свѣжимъ масломъ, вареными сливками и т. п. и долженъ былъ безъ потери времени приступить къ завтраку. Пирожки и шашлыки сейчасъ же были поданы старшимъ сыномъ хозяина.

— Хотя за ѣдою у насъ и не принято утруждать гостя разговоромъ — сказалъ хозяинъ, но мнѣ хотѣлось бы узнать, гдѣ вы такъ долго гуляли?

— Я зашелъ случайно къ цыганамъ. Какой они интересный народъ!

— Дѣйствительно интересный—отвѣчалъ онъ:—но ни въ чемъ болѣе какъ въ перепродажѣ лошадей. На этомъ поприщѣ они

---

*) Вываренный фруктовый сокъ.

положительно выдѣлываютъ неестественныя штуки. Представьте: не очень давно одному изъ деревенскихъ знакомыхъ моихъ надо было продать разлѣнившуюся лошадь, чтобы взамѣнъ пріобрѣсти другую. Привелъ ее бѣдняга въ Бахчисарай и продалъ цыгану за 5 руб. Черезъ недѣлю онъ пріѣхалъ вторично, чтобы купить другую лошадку. Цыгане немедленно окружили его и вывели на площадь рыжеватаго молодаго съ виду коня съ такою прытью, что старичекъ съ перваго взгляда плѣнился имъ и безъ торгу заплатилъ 25 рублей. Обрадованный поселянинъ стремглавъ понесся домой, но, проѣхавъ нѣсколько верстъ, лошадь остановилась и выразила такую же лѣнь и привычки, какими обладала проданная имъ. Бѣднякъ началъ пристальнѣе всматриваться и нашелъ, что ему продана его же лошадь въ 5-ть разъ дороже съ обстриженною гривою и хвостомъ и покрашенною *хною* *). Но откуда же у нея могла явиться такая прыть на нѣкоторое время? думалъ старичекъ. Что же оказалось? Негодяи прибѣгли къ красному жгучему перцу, которымъ начинили ей внутренность. Пока перецъ оказывалъ свое дѣйствіе, несчастное животное рвалось и металось въ бѣшенствѣ, но затѣмъ, вошедъ въ нормальное положеніе, перешло къ прежнимъ привычкамъ. Ну, кто бы изъ насъ рѣшился на подобную выдумку? старикъ захохоталъ продолжительнымъ смѣхомъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Сеитъ продолжалъ прерванный разговоръ: „цыгане ужасные канальи, но не злопамятны; всякое же добро, сдѣланное имъ помнятъ какъ собаки. Въ примѣръ приведу одного, который ежегодно приходитъ ко мнѣ, чтобы прослужить, въ качествѣ сторожа, два мѣсяца въ саду моемъ, руководимый благодарностію за то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я принялъ его больнымъ и кормилъ до полнаго выздоровленія. Въ первый годъ онъ не захотѣлъ принять никакой платы, кромѣ шкалика водки на прощаніе, на второй ограничился тремя рублями, а вотъ ужъ три года, какъ уходитъ не взявъ ни копѣйки, подъ тѣмъ предлогомъ, что возьметъ разомъ, когда нужда или болѣзнь къ тому вынудитъ.... А вотъ онъ и самъ идетъ. Взгляните, пожалуйста, на его совершенно гайдамацкую наружность.

На порогѣ остановился громаднаго роста широкоплечій цыганъ въ изорванной шапкѣ, клочками спускавшейся на лобъ и уши и растрепанной курткѣ.

— Ты меня ищешь, Танатаръ? спросилъ хозяинъ.

— Я хотѣлъ попросить у васъ одинъ рубль, чтобы дать женѣ моей, которая со всѣмъ своимъ живымъ хламомъ изволила прійти, освѣдомиться о моемъ здоровьи и расположилась какъ въ собственномъ домѣ подъ вашимъ заборомъ. Всѣ они знаете, особенно дѣти, ужасные вороны и горе нашимъ фруктовымъ деревьямъ, если допустить ихъ перелѣзть черезъ заборъ.

---

*) Растительная желтая краска, которою мусульманки красятъ волосы и пальцы.

Сеитъ согласился съ нимъ, но рѣшилъ, что лично желаетъ увидѣть его семью.

— Право не стоитъ вамъ трудиться: все дрянь и голь, на которую и слюней жалко.

— Вы назвали его Танатаромъ или *разсвѣтомъ* — обратился я къ хозяину, но развѣ у мусульманъ допускаются произвольныя имена?

— Я родился на разсвѣтѣ—отвѣчалъ цыганъ,—и меня назвали Разсвѣтомъ. Развѣ это можетъ быть противно Аллаху, у котораго нѣтъ различія ни между людьми, ни между свиньями.

— Ну, Танатаръ, ты ужь заговорился—сурово сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, *ага* (господинъ) моя глупая голова лишнихъ словъ не говоритъ.

— Я и не думаю обвинять тебя, потому что у васъ несчастныхъ нѣтъ ни святыхъ книгъ, ни муллъ, ни мечетей.

— И къ чему намъ все это? человѣку надо одно твердо знать, что надъ нимъ есть Богъ, котораго надо поминутно благодарить; а все остальное человѣческія выдумки. Развѣ вы, добрые мусульмане, не терпите тѣхъ же нуждъ, болѣзней и несчастій, которымъ подвергаемся и мы грѣшные люди? развѣ вы иначе умираете, чѣмъ мы? Нѣтъ, ага, я прожилъ на свѣтѣ болѣе 50 лѣтъ и не нашелъ, чтобы религія давала людямъ какія-либо преимущества предъ Аллахомъ; по моему живи какъ знаешь до тѣхъ поръ, пока надо умереть.

Хозяинъ мой или не нашелся отвѣчать противъ этой своеобразной истины или не пожелалъ пускаться въ диспуты съ ничтожнымъ цыганомъ.

— Постой ты здѣсь, пока я вернусь — сказалъ онъ и вышелъ на дворъ.

— Чѣмъ ты занимаешься, Танатаръ? спросилъ я.

— Наслѣдственное ремесло мое—плетеніе корзинъ. Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ я прихожу къ Сеитъ-агѣ на лѣто и служу ему въ качествѣ сторожа. Обязанность прекрасная: вопервыхъ живешь подъ открытымъ небомъ, ѣшь и пьешь сколько душѣ угодно; во вторыхъ отъ нечего дѣлать, наготовишь множество корзинъ для продажи зимою и наконецъ всетаки имѣешь право въ крайности просить вознагражденіе за службу.

— Ты здѣшній или деревенскій?

— Родился я въ Бахчисараѣ, но послѣ совершеннолѣтія переѣхалъ съ тремя братьями въ деревню. Братья мои вздумали пожениться съ татарками и занялись хлѣбопашествомъ, а я, какъ старшій въ роду, не пожелалъ измѣнять образу жизни моихъ безпечныхъ родителей и нахожу, что отлично сдѣлалъ, потому что меня ничто не безпокоитъ: въ нуждѣ всякій подастъ кусокъ черстваго хлѣба, а если не на что купить одежды, то не стыдно и старымъ мѣшкомъ прикрыться.

— Въ преданіяхъ вашихъ не говорится ли чего-нибудь о времени, когда и какимъ образомъ появились вы въ Крыму?

— Этого никто изъ насъ не знаетъ; но всѣмъ намъ извѣстно, что мы вышли изъ земли какихъ-то Фрауновъ (фараоновъ) и что при ханахъ намъ жилось несравненно лучше, потому что никто не заставлялъ цыганъ строить себѣ дома, а напротивъ, каждый поселянинъ или горожанинъ охотно давалъ намъ подъ временное помѣщеніе свой хлѣвъ или сарай. При такомъ образѣ жизни, мы ремесленники никогда не скучивались и не мѣшали другъ другу вести свои коммерческія дѣла. При этомъ мы не признавали никакой власти надъ собою, легко избѣгали поголовнаго гарача и расправлялись между собою какъ знали. Нынѣ же совсѣмъ не то: къ намъ приставили старшину и сборщика податей, которые, не успѣетъ еще ребенокъ явиться на свѣтъ Божій, сейчасъ же его записываютъ въ дефтеры и считаютъ новымъ источникомъ своихъ доходовъ. Вотъ въ чемъ состоитъ наше великое горе. А ужъ, если случайно пырнешь кого-либо изъ друзей ножемъ, то не ищи пощады: это не сочтутъ за обыкновенную товарищескую выходку, а за убійство и гайда въ тюрьму, въ Сибирь. Боже сохрани до какихъ печальныхъ временъ дожили цыгане! подумаешь, подумаешь и выходитъ, что теперь взрослыхъ людей считаютъ какими-то дѣтьми, которыхъ надо наказывать за неразумныя шалости.

Слыша такія наивныя убѣжденія, въ которыхъ проглядывали довольно серьезныя логическія основанія для натуральнаго ума, мнѣ какъ-то жаль стало цыганское племя, безъ сомнѣнія способное къ воспріятію лучшей житейской обстановки, еслибъ этого пожелало общество и правительство. Давнымъ давно настало время подумать объ искорененіи паразитовъ изъ общественной семьи трудящихся въ потѣ лица и давно пора всѣми мѣрами принудить ихъ сдѣлаться участниками въ добытіи хлѣба изъ земли. Тотъ только можетъ претендовать на званіе человѣка и сына отечества, кто съумѣетъ добыть хоть для своей потребности клочекъ земли и не выжидать своего насущнаго пропитанія изъ рукъ убогаго поселянина.

Сборъ подаяній многими нищенствующими и кочевьё съ такими же надеждами цыганъ по деревнямъ и городамъ, всегда способствовали къ переносу съ одной мѣстности въ другую страшныхъ эпидемическихъ и другаго рода заразительныхъ болѣзней. Кому изъ насъ неизвѣстно, что обезображенные сифилисомъ нищіе, изъ состраданія и благодушія, охотно принимаются въ деревенскія хаты, гдѣ ихъ сажаютъ за одну миску съ дѣтьми, моютъ ихъ бѣлье съ своимъ и съ какимъ-то самоотверженіемъ перевязываютъ и лечатъ, неизвѣстнаго имъ свойства раны? Кому изъ насъ неизвѣстно, что цыгане разносятъ тифы, скарлатины, дефтериты и оспы, отъ которыхъ гибнутъ тысячи деревенскихъ, дорогихъ для насъ, силъ?

Пока я говорилъ съ Танатаромъ, возвратился мой хозяинъ съ веселымъ лицомъ.

— Я наградилъ твою семью—сказалъ онъ цыгану—и такъ на-

градилъ, что долго будутъ помнить мое имя. Вотъ, что значитъ честно служить!

Тапатаръ поцѣловалъ его въ плечо, что-то пробормоталъ и вышелъ.

Послѣ кофе, слѣдующаго у татаръ за завтракомъ, хозяинъ, поручивъ меня заботамъ старшаго сына своего, отправился въ мечеть, а мы вышли въ садъ и взобрались на скалу, откуда представились намъ чуть ли не всѣ бахчисарайскіе минареты, украшенные сіяющимъ полумѣсяцемъ. Не знаю почему, но мнѣ всегда пріятно смотрѣть на эти стройные шпили, на эти часы съ человѣческимъ языкомъ, опредѣляющіе установленные моменты для славословія Творца вселенной. Минареты эти прелестны въ ночи Рамазана, когда ихъ убираютъ огненными вѣнцами плошекъ и тогда, когда на нихъ появляются, въ раскошныхъ чалмахъ, крикливые имамы или муэзины, не щадящіе горла для усердныхъ послѣдователей Корана. Въ ихъ монотонныхъ напѣвахъ слышится какая то затрогивающая душу аналогія: нѣкоторые голоса чисты и звонки, какъ первые годы юности, другіе протяжны и надменны, какъ послѣдующій возрастъ жизни, а послѣдніе слабые и дрожащіе, какъ пора изнеможенія, какъ чувства скорби о близкой разлукѣ съ земными благами.

Османъ предложилъ мнѣ пройтись къ пещерѣ, гдѣ обыкновенно собираются молодые цыгане, подготовляющіеся къ музыкальному искусству.

Въ пещерѣ этой я засталъ нѣсколько мальчиковъ съ отцовскими скрипками, бубнами, зурнами *) и громадными *даулами* или барабанами. Каждый изъ нихъ упражнялся по своему желанію, то на одномъ, то на другомъ инструментѣ. Шумъ, гвалтъ, скрипъ, пискъ—поражали уши; затѣмъ всѣ усѣлись въ кружокъ и начали пѣть пѣсни подъ акомпаниментъ скрипки.

Мнѣ хорошо было извѣстно, что татаре тѣхъ только музыкантовъ считаютъ за настоящихъ мастеровъ своего дѣла, которые могутъ пѣть и играть одновременно всѣ безъ исключенія танцы и пѣсни, и чѣмъ громче раздаются ихъ голоса, тѣмъ сильнѣе вліяютъ на душу. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія они кричали, что было мочи.

— Отчего они собираются въ эту пещеру, а не въ другое мѣсто? спросилъ я у сопровождавшаго меня татарина.

— Не знаю, но кажется по какому-то наслѣдственному предположенію, что здѣсь легче и какъ-то скорѣе постигается тайна музыки. При этомъ, конечно, принято въ соображеніе, что ни они и ни имъ никто не станетъ мѣшать.... Но вотъ они сговариваются пропѣть, недавно только вошедшую у насъ въ славу, турецкую пѣсню, которую я совѣтывалъ бы вамъ, какъ любителю, записать.

---

*) Дудки особеннаго устройства.

Я досталъ книжечку мою и при помощи Османа началъ писать слѣдующее:

* * *

„Послушай знакомецъ! на пирушку ты позови такихъ избранныхъ молодцовъ, которые могли бы гармонировать предпріятію.

Но предварительно намъ необходимо приготовить іеменскій кофе и фарфоровыя чашечки, съ мѣдными подставками.

Только смотри, обжоръ не приглашай, чтобы кейфу не было изъяну; чтобы съ открытыми ртами они не сидѣли передъ нами.

Подумай также и о томъ, чтобы чрезъ званныхъ не узнали господа про нашу пирушку. Словомъ пусть здѣсь будутъ всѣ люди, способные къ дружбѣ.

Если ихъ будетъ двѣнадцать—три ока меду принеси. Не забудь также коровьяго масла, муки, рису и миндалю. Миндаль придаетъ кейфъ пилаву.

Если не найдешь баранины, козлятину купи.

Про скатерть и мыло пахучее не забывай. Да выпроси у кого-нибудь посатку съ тазомъ и блюдо съ подносомъ—все въ плетушку сложи.

Не излишне запастись подсвѣчникомъ и свѣчами мы можемъ пропировать до разсвѣта. Не брезгай тряпкой, казаномъ и лишними ложками.

Бесѣда юношей не можетъ быть сладка, если не будутъ предъ глазами свѣже-лицыя танцорки.

Бесѣдующіе согрѣшатъ, начавъ пиръ безъ молитвы, но чтобы молиться—намъ нуженъ мулла.

Но не забудь другъ и Коранъ святой принести.

Все ли нужное поручилъ я, друзья?

— Чтобы кушанье наше было вкусное — прервалъ другой — искусный поваръ долженъ приготовить его, иначе гости не будутъ, кушая, восхвалять нашего общаго Творца.

Ты знаешь, дружище, что иногда и для кейфа палача, съ сверкающею саблею въ рукахъ, осужденнаго на смерть преступника, сажаютъ на красиваго коня“.

* * *

Съ Османомъ не пришлось мнѣ оставаться долго, потому что онъ оказался нужнымъ дома. Отъ нечего дѣлать, я направился на противоположную сторону города, гдѣ каменные выступы обѣщали мнѣ изобиліе рѣдкихъ аммонитовъ. Болѣе чѣмъ два часа я бродилъ у основанія горъ, наконецъ утомленный расположился на отдыхъ подъ большимъ—орѣховымъ деревомъ, въ тѣни котораго занималась шитьемъ грубой суконной матеріи, пожилая татарка. Воздавъ ей, подобаемое по татарскимъ правиламъ почтеніе, я предложилъ ей покурить.

— Ты, вѣроятно, не изъ здѣшнихъ? — спросила она, набивая трубку.

— Нѣтъ, добрая старушка, я любознательный странникъ, который бродитъ по міру, чтобы научиться у умныхъ людей премудрости жизни.

— Славное дѣло. Отцы мои разсказывали, что въ ихъ время всѣ почти молодые люди на нѣсколько лѣтъ уѣзжали изъ дома родительскаго, чтобы научиться какъ слѣдуетъ жить. Правда, тогда мы чуть ли не до сорока лѣтъ мущинъ считали дѣтьми, способными заблудиться въ отечественномъ городѣ; а теперь? лишь только мальчикъ начнетъ бѣгать, то прежде всего пріискиваетъ невѣсту и на зарѣ жизни губитъ ее и себя. Охъ, я, кажется, никогда не забуду моей несчастной дочери Мелекъ-заде, которая такъ рано погибла вотъ подъ этою проклятою скалою. Да будь такое событіе въ минувшія времена — о немъ написали бы софты сказку, которая сохранилась бы на вѣки вѣковъ и быть можетъ предохранила многихъ отцовъ отъ горькихъ ошибокъ.

У старухи заблистали глаза и задребезжалъ голосъ. Изъ устъ ея полились фразы и слова, изъ глазъ молнія и слезы. Она говорила, говорила и, покончивъ разсказъ, начала грызть зубами землю, чтобы утѣшиться въ безутѣшной скорби.

Запомнивъ главнѣйшее изъ разсказа ея, я предложилъ бѣдной старушкѣ нѣсколько монетъ на ея нужды, и, возвратившись домой, написалъ нижеслѣдующую замѣтку на память изъ пѣсенника, въ которомъ сынъ хозяина моего подробно описалъ это рѣдкое событіе въ жизни татаръ, въ нижеслѣдующей формѣ.

„Въ Бахчисараѣ, этомъ нѣкогда величественномъ городѣ повелителей Россіи, не вдали отъ Успенскаго пещерскаго монастыря и знаменитой Чуфуткальской естественной крѣпости, жилъ, всѣмъ извѣстный въ городѣ по добросовѣстности и знанію своего искусства, цирульникъ Аметъ-Дервишъ, происходившій изъ рода улемовъ, служившихъ только при ханскихъ мечетяхъ. У этого почтеннаго брадобрѣя вся семья состояла изъ жены и единственной дочери, стройной какъ тополь, прекрасной какъ роза, веселой и беззаботной какъ птичка небесная. Мать и отецъ только и говорили о ней, только одною ею и наслаждались.

Такъ какъ она происходила отъ почтеннаго духовнаго рода, то при рожденіи, ее назвали Заде. Впослѣдствіи, нашедъ ее превосходящею земную красоту женщинъ, нѣжные родители прибавили къ этому имени коротенькое слово *мелекъ*, означающее въ переводѣ *ангелъ*. Всѣ сосѣди нашли, что это добавленіе сдѣлано было очень кстати, или по предопредѣленію судьбы или по соизволенію ангеловъ, внушающихъ иногда избраннымъ свои желанія.

Въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, Мелекъ-Заде только — что исполнилось 15 лѣтъ. Однажды, въ сопровожденіи подруги своей Коршутъ, она, набравъ мѣдные гугумы (водоносы)

водою, присѣла подъ густолиственнымъ грецкимъ орѣхомъ и въ какомъ-то обояніи сказала:

— Чувствуешь-ли и ты, моя милая подруга, какъ сегодня даже оживляющее насъ солнце чему-то радуется. Оно такъ пріятно волнуетъ мою кровь, что я не прочь бы броситься въ объятія моего ненагляднаго Селима и поселиться у него подъ самымъ сердцемъ.

— Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ это сдѣлать — отвѣчала Коршутъ, сбросивъ съ головы синюю фередже (накидку) и поправляя граціозный фесъ—твои родители тебя очень любятъ, потому что ты у нихъ одна дочь. Тебѣ стоитъ только укрыться въ домѣ возлюбленнаго, чтобы заставить мать и отца изъявить полное согласіе на бракосочетаніе.

— Мои родители и безъ этого согласятся на нашъ бракъ, но мнѣ отлично извѣстно, что родители господина моего сердца, скорѣе согласятся умертвить меня, чѣмъ сдѣлать своею невѣсткою. Мелекъ-Заде со вздохомъ опустила свои черные, пламенные глаза и погрузилась въ размышленіе.

Коршутъ съ состраданіемъ слѣдила за грустнымъ выраженіемъ лица подруги и какая-то тяжесть свинцомъ ложилась на ея сердце.

— Послушай — прервала она наконецъ молчаніе — я сожалѣю тебя душевно и хочу посовѣтовать тебѣ одно очень вѣрное средство, чтобы сдѣлать недоброжелателей друзьями, — ты должна напоить ихъ...

— Чѣмъ? спросила Мелекъ, быстро повернувъ глаза и откидывая за спину свои длинныя косы.

Коршутъ смутилась и тихо произнесла одно изъ симпатическихъ средствъ, принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ мошенниками, выдающими себя за колдуновъ и знахарей.

— Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать, вопервыхъ потому что грѣшно и наконецъ, что я не бываю у родныхъ Селима.

— Тебѣ легко это сдѣлать при посредствѣ самаго жениха.

— Подобныхъ совѣтовъ я никогда не рѣшусь давать тому, кого люблю. Да и возможно ли говорить такія непріятныя вещи молодой дѣвушкѣ молодому джигиту?

— Что же ты будешь дѣлать, моя бѣдная, если не представляется другаго способа для достиженія желанія?

— Аллахъ моя надежда.

И двѣ татарки снова, приподнявъ на голову свои фередже, взялись за тяжелые гугумы и скрылись въ чащѣ деревъ по тропинкѣ, прорѣзанной теченіемъ ручья; но долго, долго слышался одномѣрный стукъ или пришлепываніе ихъ желтыхъ терлыковъ *).

„Много времени прошло послѣ послѣдней встрѣчи двухъ подругъ у фонтана. Однажды въ зимній вечеръ Мелекъ-Заде сидѣла предъ пылающимъ очагомъ въ глубокой задумчивости и

*) Полубашмаки, прикрывающіе переднюю оконечность ногъ.

порою взглядывала на Коршутъ. Аметъ-Дервишъ, съ поджатыми ногами и длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, приготовлялся для развлеченія семьи и гостей, разсказать какую-то интересную сказку. Какъ только присутствующіе отверзли очи вниманія и очутились на сладкой дорогѣ ожиданія, Мелекъ взяла отъ отца его четки и начала перебирать ихъ, приговаривая: *хаиръ* или *шееръ* *). Изъ присутствующихъ никто не обращалъ вниманія на ея, полное грусти, выраженіе глазъ. Только когда оконченъ былъ разсказъ о знаменитомъ Керъ-оглу, Аметъ-Дервишъ спросилъ у нея отчего она не слушала его?

— Оттого, что содержаніе этой сказки мнѣ давно извѣстно — отвѣчала она.

— Не правда, дочь моя. Мнѣ все кажется что въ умѣ твоемъ завелись черви безпокойныхъ думъ, а въ зрачки глазъ запали волчьи размышленія.

— У меня болитъ голова.

— Вѣроятно злая *назле* (золотуха) задумала потревожить твою юную голову — сказала мать — а можетъ быть чьи-нибудь сѣрые глаза сглазили мое бѣдное дитя.

— Отчего же она не закрывается отъ этихъ вредныхъ глазъ, или у дочери Аметъ-Дервиша нѣтъ приличной для этой надобности фередже?

— Какой ты странный человѣкъ — отвѣтила мать — какъ будто ядовитый глазъ не проникаетъ даже сквозь суконныя одежды. Не ты ли утверждалъ, что околѣлъ твой любимый конь отъ взгляда какого-то муллы, похвалившаго его красивый хвостъ? Изъ этого, кажется, не трудно понять, что вліяніе ядовитыхъ глазъ легко доходитъ до сердца и отъ прикосновенія къ хвосту и отъ прикосновенія къ другимъ частямъ тѣла, даже прикрытымъ волосами, кожею и другими надежными покрывалами.

Старикъ замолчалъ и снова началъ говорить про похожденія какого-то несчастнаго любовника.

Въ это время на улицѣ раздался протяжный свистъ, точно призывъ или вызовъ товарищей. Никто не обратилъ вниманія на это обыкновенное явленіе, за исключеніемъ Мелекъ-Заде, которая, поблѣднѣвъ, заглянула въ глаза всѣхъ присутствующихъ. Убѣдившись въ отсутствіи подозрѣнія, она достала изъ висѣвшей надъ головою ея корзины яблоко и начала кушать его.

Мать взглянула на нее съ удовольствіемъ, потому что милая дочь съ утра не ѣла ничего. „Значитъ — подумала она — рана отъ ядовитыхъ сѣрыхъ глазъ заживаетъ“.

Часъ или два спустя, раздались звуки муэзина, призывающаго правовѣрныхъ на послѣднюю ночную молитву — и слушатели сказокъ поспѣшно простились съ хозяевами.

Буйно и свирѣпо разгуливалъ вѣтеръ надъ кровлями Бахчисарайскихъ домовъ, когда Мелекъ вышла на улицу, вызванная вто-

---

*) Нѣчто въ родѣ нашей ворожбы: четъ или нечетъ.

ричнымъ свистомъ. Грозная тьма ночи наводила на нее какой-то безъотчетный страхъ.

— Гдѣ ты? произнесла она тихо, оглядываясь по сторонамъ.

Вмѣсто отвѣта кто-то взялъ ее за руку и повлекъ за собою. Минуту спустя Мелекъ прошептала:

— Твои недобрые родители, я думаю, теперь спокойно спятъ въ полной увѣренности, что разлучили насъ навсегда, и мы не найдемъ способа соединиться брачными узами.

Сопровождавшій ее не отвѣчалъ.

Вслѣдъ затѣмъ они вошли въ какую-то хатку, которая не была освѣщена. Мелекъ-Заде намекнула было о свѣчкѣ, но выманившій ее другъ сказалъ, что свѣтъ можетъ выдать ихъ намѣренія и испортитъ все дѣло.

Голосъ, которымъ сопровождались эти слова, показался бѣдной дѣвушкѣ немного страннымъ, но такъ какъ она не могла допустить мысли обмана, то ограничилась вопросомъ:

— Отчего ты такъ хрипло говоришь?

— Я ужасно простудилъ сегодня мое горло.

— Значитъ бѣгство мое не вполнѣ пріятно Аллаху, потому что онъ наказалъ тебя простудою.

На этомъ прекратился ихъ разговоръ. Около полуночи бѣглецы услышали, что у дверей хаты ихъ возятся неизвѣстные люди; затѣмъ послышалось нѣчто въ родѣ того, что ихъ замкнули, чтобы имѣть несомнѣнное доказательство для бракосочетанія, а потомъ воцарилась тишина, которая не прерывалась до тѣхъ поръ, пока счастливые любовники уснули.

Но каково было изумленіе Мелекъ-Заде, когда, пробужденная отъ сладчайшаго сна, она увидѣла себя въ объятіяхъ не Селима, а гнуснаго Бекира, подмастерья ея отца, того самаго негодяя, который неоднократно говорилъ ей въ глаза, что онъ по праву усыновленнаго наслѣдника Аметъ-Дервиша, долженъ жениться на ней. Какъ ужаленная змѣей она быстро вскочила на ноги и бросилась къ дверямъ, чтобы убѣжать, куда глаза глядятъ. Но, увы, двери не открывались.

Въ безумномъ отчаяніи она набросилась на губителя своей чести.

— Ты какимъ образомъ очутился возлѣ меня ненавистное животное, позоръ моихъ глазъ, грязная тряпка цирульни отца моего!

Бекиръ протеръ глаза и, улыбаясь самодовольно, снова протянулъ къ красавицѣ преступныя объятія, но на этотъ разъ она вцѣпилась, какъ дикая кошка, въ его глаза и щеки. Кровь полилась ручьями. Она грызла его зубами, проклинала, искала ножа или чего-нибудь такого, чтобы сокрушить и уничтожить того, кто такъ подло и низко разрушилъ въ ней надежду на счастливую жизнь съ любимымъ человѣкомъ.

Бекиръ переносилъ всѣ истязанія, молча, даже и въ то время, когда она оскверняла могилы его родителей и прародителей со всѣми родственниками и родоначальниками. Затѣмъ въ изнемо-

женіи она упала и на нѣсколько минутъ оставалась въ образѣ факира, пригвоздившаго себя къ землѣ, чтобы ангелъ смерти безъ труда извлекъ его душу. Но такъ какъ Израиль не появлялся, а у ней не хватало терпѣнія ожидать дольше, то вскочивъ снова, уста ея начали извергать ужасныя хулы противъ Аллаха и святаго его пророка; хулы, которыя дай Богъ никогда не слышать правовѣрнымъ! Въ это время у дверей послышались разговоры и въ комнату вошелъ съ пріятною улыбкою Аметъ-Дервишъ въ сопровожденіи имама и свидѣтелей, чтобы тутъ же совершить бракосочетаніе.

Увидѣвъ отца и не подозрѣвая, что она попала въ эти сѣти только по его желанію, несчастная Мелекъ-Заде бросилась къ нему, чтобы разсказать про свое несчастіе, но глаза ея превратились въ фонтаны слезъ, а сердце загорѣлось какъ сѣра,— она лишилась чувствъ и должна была быть унесена домой безъ брачной молитвы, но для старика это было безразлично, потому что свидѣтели нашли ее подъ замкомъ съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ она безъ сомнѣнія добровольно скрылась изъ родительскаго дома.

Неподвижную, съ блѣдными губами, Мелекъ передали на руки матери, изъ устъ которой полились волны проклятій. Рыданія ли нѣжной кормилицы, или по повелѣнію Аллаха, Заде вскорѣ открыла свои круглые и сладкіе, какъ черный изюмъ, глаза и этимъ разогнала всѣ мрачныя тучи, скопившіяся въ груди ея матери, внезапно заговорившей медовымъ языкомъ, пѣснями сладкозвучнаго соловья и игривыми объятіями кошки. Бѣдная старуха переплыла море скорби и какъ будто сѣла верхомъ на орла блаженства.

Аметъ-Дервишъ, который также былъ погруженъ съ головою въ болото страха, перешелъ на коверъ утѣшенія, посланный на полу безопасности и, прикрывшись покрываломъ безпредѣльной любви къ дочери, началъ такую рѣчь:

— Дочь моя единородная, свѣтъ моимъ смутившихся очей, не я-ли держалъ тебя всегда въ пеленахъ любви моей; не я-ли считалъ тебя древомъ, къ которому привязана моя жизнь; не я-ли создалъ тебя, чтобы даровать обонянію моей души ароматы земныхъ радостей? О, смилуйся надо мною: не погрузи ты мою сѣдую, освященную бороду въ желтый навозъ позора, не утопи въ слезахъ горести, не преврати въ мишень ядовитыхъ стрѣлъ моихъ враговъ—повтори за мною слова утѣшенія: „я ложусь по соизволенію сердца моего на ложе безмятежнаго брака съ Бекиромъ“. Этого достаточно, чтобы райскіе зефиры снова зарѣзвились въ моихъ оспротѣвшихъ скважинахъ сердца, чтобы Божій міръ опять сдѣлался въ глазахъ души моей рощею фіалокъ и гвоздикъ. Клянусь тебѣ перстнемъ, священнымъ наслѣдіемъ нашего рода, клянусь тебѣ фирманомъ твоего дѣда, а моего отца, что усыновленный мною Бекиръ благоухаетъ знаніями религіи нашей и искусствомъ мудрости брадобрѣя. Онъ любитъ тебя, какъ

тигръ и левъ любитъ своихъ дѣтей и станетъ глотать твое дыханіе, чтобы не не выпустить его напрасно на воздухъ пустоты; ты будешь для него и сладкимъ шербетомъ и сытнымъ пилавомъ.

— Нѣтъ *баба* (отецъ) — отвѣчала Мелекъ-Заде — напрасно ты воскуриваешь предо мною струи розоваго масла и упоительнаго мускуса — двери моего обонянія навсегда закрыты для жаровни Бекира, усыновленнаго тобою. Напрасно ты берешь на себя трудъ говорить мнѣ о тѣхъ познаніяхъ, которыя нужны не мнѣ — мои слуховыя трубы отнынѣ превратились въ гранитныя пещеры, въ которыхъ нѣтъ и не будетъ эха для звуковъ, чуждыхъ разорванному сердцу. Я не могу допустить ненавистнаго питаться сокомъ моего дыханія. Вотъ отвѣтъ несчастной Мелекъ-Заде, другаго вы никогда не услышите, потому что колючка страданій ея дошла до горла и распустила жгучія вѣтки по всему тѣлу.

Такой отвѣтъ отуманилъ Аметъ-Дервиша, принявшаго отъ скорби отпечатокъ безвыходной грусти. Голова его съ трудомъ держала чалму милостей пророка, а каждый волосокъ его освященной бороды зашевелился, пріунылъ и вытянулся какъ трупъ, лишенный жизни. Старикъ онѣмѣлъ, но страшно было смертному смотрѣть на этотъ камень, шипящій дремучимъ лѣсомъ ужасныхъ мыслей, на этотъ безмолвный океанъ, въ глубинѣ котораго громились огненными волнами всѣ твари и растенія.

Мать Заде, только что вышедшая изъ крѣпости адскихъ мукъ и наслаждавшаяся бекмезомъ утѣшенія, снова начала ощущать, что подъ нею сталъ горѣть войлокъ горя и издавать смрадъ болѣзни. Бѣдняга, взглянувъ глазомъ трепета на гору злобы своего повелителя, рѣшилась въ свою очередь выставить предъ дочерью букетъ примиренія съ отцемъ и его полноправною волею надъ дѣтьми.

— Дочь моя возлюбленная! позволь и мнѣ, вскормившей тебя моею кровью, сказать нѣсколько словъ: я въ ужасныхъ мукахъ произвела тебя на Божій свѣтъ, я день и ночь нянчилась съ тобою не для того, конечно, чтобы въ душѣ твоей возростить острыя колючки, которыя свели бы тебя такъ рано на плиту *салавата* *).

Возлюбленная души моей, плоть отъ плоти моей, кровь отъ крови моей, не будь *джиномъ* (духомъ) упорства, отвернись отъ шайтана злыхъ навожденій и войди въ тулубчикъ овечки смиренія и послушай отца, сотворившаго твое нѣжное тѣло!

Сдѣлай это во имя всѣхъ пророковъ, во имя матери! и она начала рвать на головѣ волосы и бить себя въ грудь кулаками.

— Мать моя, радость души моей — отвѣчала — Мелекъ-Заде — Богъ да будетъ свидѣтелемъ, что небо блаженства для меня ничтожно въ сравненіи съ тобою, вскормившею меня своею кровью; но быть подушкою нѣги, для человѣка ненавистнаго, я не могу. Не мучь меня хоть ты твоимъ атласнымъ словомъ, рвущимъ мои внутренности, потому что я не въ силахъ сдѣлать тебѣ угодное.

---

*) Камень на кладбищѣ, гдѣ допрашиваетъ и наставляетъ въ послѣдній разъ мулла.

— Ай, дочь моя, не говори такихъ ужасныхъ словъ — твой отецъ могуществен надъ тобою: онъ крѣпкій дубъ, предъ которымъ ломаются тростинки, подобныя тебѣ.

— Дѣвушка! вскрикнулъ пробужденный отъ сна недоумѣнія Аметъ-Дервишъ—я долго и терпѣливо сидѣлъ на рогожѣ покоя, въ предположеніи, что ты поймешь, что тебѣ нельзя иначе прожить между мусульманами, какъ въ качествѣ законной жены любимаго нами Бекира, и что ты должна вырвать съ корнемъ изъ сердца свою колючку, которую воткнулъ въ него злополучный Селимъ. Ты ни мнѣ, ни матери не захотѣла отвѣчать согласіемъ, и я не стану тебя насиловать болѣе, но назначаю тебѣ на размышленіе трехдневный срокъ. Въ эти три дня ты должна похоронить въ умѣ память о скверномъ Селимѣ. въ три дня оплакать его прахъ и въ три дня воздвигнуть мечеть собственнаго своего и нашего благополучія.

— Я сознаю, отецъ мой, что оскорбляю васъ и не смѣю жить между правовѣрными, послѣ того какъ была обманута Бекиромъ, вѣроятно подслушавшимъ мое намѣреніе убѣжать съ Селимомъ. Да будетъ же по вашему: оставьте меня одинокою въ этой комнатѣ, и я постараюсь приготовить кирпичи для того божественнаго храма, о которомъ вы мнѣ сейчасъ говорили. Отецъ махнулъ головою и вышелъ. Обрадованная надеждою, мать бросилась обнимать Мелекъ и обѣщала ей своеручно каждое утро приносить пищу и лакомства. Въ урочный день Аметъ-Дервишъ, послѣ утренней молитвы, направился къ нѣжно любимой дочери въ полномъ убѣжденіи, что она прильнетъ къ его освященной бородѣ и изъявитъ согласіе на бракосочетаніе съ Бекиромъ. Въ мысляхъ его уже рисовался внукъ, которому онъ вручитъ перстень и фирманъ, доставшіеся ему по наслѣдству отъ прародителей, но каково было его изумленіе, когда въ комнатѣ не оказалось Мелекъ-Заде. Допустивъ мысль, что дочь его могла выйти, по надобности, на дворъ, онъ присѣлъ на софу. Прошелъ часъ и другой, и холмъ ожиданія провалился подъ нимъ, въ особенности когда онъ увидѣлъ, что носатка, принадлежность выходящихъ по надобности, стояла на своемъ мѣстѣ. Аметъ-Дервишъ съ ужасомъ бросился къ женѣ, затѣмъ вскочилъ на коня и выѣхалъ со двора. У каждаго встрѣчнаго онъ допрашивалъ: не видѣли ли они идущей дѣвушки въ зеленой ферэдже. Только въ полдень онъ добился отъ уличныхъ мальчишекъ, что еще вчера, передъ вечеромъ какая-то дѣвица, плотно закутанная въ зеленую накидку, быстро шла по направленію къ высокой красной скалѣ.

Дервишъ вихремъ помчался по указанному направленію, но вдругъ наткнулся на зеленое ферэдже дочери.

— Аллахъ!.. вскрикнулъ онъ, вскакивая съ сѣдла, но тутъ за камнемъ замѣтилъ окровавленный трупъ Мелекъ-Заде, а немного дальше, подъ скалою, останки Селима, на открытыхъ глазахъ котораго еще сіяли брилліантами радужныя слезы.

Несчастные любовники! Они сойдутся въ лучшемъ мірѣ. Тамъ никто не помѣшаетъ имъ переливать между собою фелиджаны *) съ сладостными напитками любви.

Чтобы узнать хорошо бахчисарайскаго, или вообще, татарина южной части Крыма, надо прожить съ ними съ дѣтства. Народъ этотъ какъ-то особенно сформировался и рѣзко отличается отъ всѣхъ своихъ единоплеменниковъ. Это не то, что надменные и неповоротливые турки,—это не то, что плутоватые персіяне—это не то, что отвратительные монголы, киргизы и другіе сродные имъ исламисты. Въ ихъ крови и наружности есть что-то близкое и родственное европейцамъ, въ ихъ здравомъ и находчивомъ умѣ есть какой-то отпечатокъ народа, способнаго къ тихой, созерцательной жизни и умѣніе пользоваться удовольствіями и потребностями въ такихъ размѣрахъ, которые не приводятъ къ разочарованію, или крайнему увлеченію. Не поддаваясь ударамъ судьбы, они въ тоже время не придаютъ особеннаго значенія счастливымъ случайностямъ; шумныя забавы не возбуждаютъ въ нихъ сильныхъ ощущеній. Для нихъ достаточно нѣсколько десятковъ пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы дать поводъ къ восторгамъ и сравненіямъ страшной силы пороха; скачка пробуждаетъ въ нихъ любовь къ быстротѣ движеній; борьба—къ силѣ, которой покоряется всякій по необходимости. Терпѣливый въ счастіи и несчастіи, для него нѣтъ наслажденій выше благовѣста на молитву, исполненія правилъ религіи и нѣжныхъ ласкъ жены въ уединеніи. Если къ этому мы прибавимъ, что ни для него, ни для жены не нужно ничего болѣе, кромѣ небольшой комнаты съ постелью, кофейникъ, кусокъ мяса, одинъ чистенькій нарядъ, то онъ сочтетъ себя равнымъ самому богатѣйшему, сядетъ на ряду съ нимъ и будетъ отстаивать личные или общественные интересы съ одинаковымъ правомъ и усердіемъ, какъ и прочіе, стоящіе въ разрядѣ народныхъ представителей. Не было примѣра, чтобы кто-либо замѣтилъ ему, что онъ превышаетъ свое общественное положеніе, вслѣдствіе какихъ бы ни было матеріальныхъ недостатковъ. Взгляните пристальнѣе на большое татарское семейство: богато ли оно, или съ трудомъ проживаетъ—этого нельзя узнать по наружной обстановкѣ, потому что безукоризненная чистота и веселое настроеніе всѣхъ лицъ, рѣзко противорѣчатъ бѣдности, которой соотвѣтствуютъ у другихъ неряшество и лохмотья. У богатаго вы не встрѣтите предметовъ роскоши: у него также убрано помѣщеніе, какъ и у прочихъ работниковъ и мастеровыхъ, добывающихъ руками пропитаніе; на немъ такая же одежда, не зависящая отъ модныхъ вкусовъ аферриста; ни жена, ни дочери его не станутъ носить для отличія золотыхъ или бриллiантовыхъ декорацій и не рѣдко случается, что у болѣе бѣдныхъ дѣвушекъ бываетъ на фескѣ больше червонцевъ, чѣмъ у богатыхъ. Разница

*) Кофейныя чашечки.

замѣчается только въ количествѣ предметовъ. Не разъ мнѣ приходилось по цѣлымъ часамъ любоваться на подобныя семейства и съ завистью смотрѣть на душевную нѣгу отца, сидящаго на почетномъ мѣстѣ въ углу, или у пылающаго очага, въ отдаленіи котораго расположились молчаливые члены его семьи. Всѣ молчатъ, но не отъ страха, а изъ уваженія къ самимъ себѣ, чтобы сторонніе не приняли ихъ за невѣждъ, не умѣющихъ отличить порядка отъ безпорядковъ. Какая патріархальная простота высказывается въ ихъ обращеніи между собою, какое изысканное почтеніе къ старшему по лѣтамъ!

Посмотрите на мать и жену, у которой никогда не зарождалась идея объ измѣнѣ мужу. Съ какимъ вѣчно неизмѣннымъ удовольствіемъ она смотритъ въ глаза своему султану, котораго покой и счастіе вполнѣ зависятъ отъ нея. Въ ея чистой совѣсти нѣтъ ничего такого, чѣмъ могъ бы упрекнуть нравственный повелитель, чуждый, подобно ей, лукавства, заднихъ мыслей, предположеній и своеобразныхъ толковъ.

Полюбуйтеся на дочь — эту куколку по наряду, не скрывающему ничего изъ ея тѣлесныхъ формъ. Что за прелестное свѣженькое личико, какіе пламенные, умные глаза, какая розовая, босая ножка, какіе длинные тоненькіе носки! Съ какою естественною граціею она спѣшитъ подать отцу огонь на трубку, которую онъ еще не успѣлъ набить табакомъ. Какъ она равнодушно относится къ похваламъ или осужденію стороннихъ; съ какимъ умѣніемъ угомонитъ расплакавшагося маленькаго братишку, или съ какимъ наслажденіемъ она начинаетъ умываться, чтобы стать на молитву чистою отъ всякія скверны. Никакія удовольствія въ эти минуты не проскользнутъ въ ея пылкое воображеніе, ничто не заставитъ ее забыть о Богѣ, которому она начала уже нашептывать хвалу. Кончена молитва. Она снова беззаботна и весела, какъ птичка небесная. Ничто ее не тяготитъ; ей незнакомы скука и тоска, непонятно честолюбіе и раскаяніе; для нея всѣ мусульмане — братья и друзья; ей все, что вертится предъ глазами, доставляетъ удовольствіе; для нея праздникъ — небесный даръ, свадебный пиръ съ танцами — блаженство рая!

Такимъ положеніемъ наслаждался въ своемъ домѣ и почтенный хозяинъ мой Сеитъ-ага. Послѣднее слово, имѣющее офиціальное значеніе и относящееся къ людямъ, служащимъ и чиновнымъ, присоединено было къ его имени народомъ за то, что онъ пользовался не только въ своемъ кварталѣ, но и по всему городу такимъ уваженіемъ и почетомъ, какого не достигалъ ни одинъ изъ представителей власти, со времени русскаго господства въ Бахчисараѣ. Сеитъ гордился этимъ и, повидимому, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы титулъ этотъ сохранился за нимъ навсегда. Будучи въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми горожанами безъ различія націй, онъ сожалѣлъ, что не изучилъ въ молодости русской грамоты, чтобы достигнуть чиновъ и дво-

рянства, которымъ злоупотребляютъ ненавистные татарамъ мурзы. Эту скорбь онъ прикрывалъ отъ послѣднихъ тѣмъ, что старался заводить знакомства съ губернскими властями, приглашалъ ихъ къ себѣ гостить съ семействами, кормилъ и поилъ только для того, чтобы на случай ходатайства его по какому бы дѣлу ни было, достигнуть желанія не для удовлетворенія, конечно, матеріальныхъ средствъ, а для пріобрѣтенія славы и почестей со стороны городскихъ обитателей. Надо было удивляться, какъ онъ дорожилъ своею честью, какъ онъ выражалъ свое почтеніе даже въ обращеніи съ ничтожными бѣдняками, чтобы не возбудить въ нихъ дерзкой улыбки, насмѣшки или осужденія. Это былъ тонкій дипломатъ, имѣющій право пользоваться титуломъ *бея*, которымъ его не именовали бѣдняки только потому, что не могли сообразить: понравится ли *аги*, ихъ безправное производство его въ княжеское достоинство.

Сеитъ владѣлъ тремя домами, большимъ фруктовымъ садомъ и хуторомъ. Такое состояніе для не дворянина, казалось стороннимъ людямъ, громаднымъ. И дѣйствительно, если принять въ соображеніе разумные траты простаго татарина на его жизненныя потребности, то сбереженія его ежегодно доходили до тысячи рублей, которые отдавались въ ростъ купцамъ по 20%. Такой процентъ у насъ считался бы лихоимнымъ, но у мусульманъ — посредственный и давно установленный коммерческимъ людомъ на томъ основаніи, что способный къ своему дѣлу купецъ можетъ сдѣлать въ теченіе года пять оборотовъ на занятыя деньги и только одну долю изъ чистой выгоды уплатить тому, кто помогъ ему расширить кругъ дѣятельности. Людямъ, не занимающимся торговлею, подобныя хозяева, какъ Сеитъ, не дадутъ денегъ на проценты, потому что могутъ одолженіемъ своимъ раззорить. Такимъ дается нѣсколько рублей въ помощь, безъ всякихъ условій, впредь, до возможности ихъ возвратить. Ни росписокъ, ни векселей, не принято брать. Послѣднее до того благопріятно дѣйствуетъ на заемщика, что еслибъ ему пришлось бы умирать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, онъ оставляетъ духовное завѣщаніе наслѣдникамъ немедленно распродать имущество, пріобрѣтенное лично имъ и заплатить его долги. На случай же, если не удастся духовное, наслѣдники сами стараются узнать: кому были должны ихъ отцы и безъ всякихъ недоразумѣній разсчитываются съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь пользоваться довѣріемъ и именемъ честнаго человѣка, которое по мнѣнію истиннаго мусульманина, составляетъ его религіозную принадлежность.

Всего болѣе Сеитъ восторгался двумя красивыми сыновьями своими, которые, не увлекаясь сторонними развлеченіями, усердно исполняли возложенныя на каждаго изъ нихъ обязанности по хозяйству.

— Я никогда не лакомилъ ихъ ничѣмъ базарнымъ—говорилъ мнѣ онъ—и вотъ почему они предпочитаютъ домашнюю пищу и

домашнія развлеченія. Такъ точно я сберегъ въ чистотѣ и выдалъ за мужъ за хорошихъ людей моихъ дочерей, благодаря тому, что не позволялъ имъ ходить къ сосѣдямъ, которые изъ различныхъ видовъ, стараются прислужиться и своимъ и чужимъ друзьямъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяинъ мой сидѣлъ на широкомъ балконѣ, когда я возвратился изъ его сада.

— Милости просимъ, пожалуйте, приказывайте — сказалъ онъ веселымъ тономъ. Сегодня вечеръ такъ хорошъ, что я приказалъ приготовить намъ мягкія сидѣнія на моемъ любимомъ чардакѣ *).

А вотъ ко мнѣ пожаловалъ, чтобы взглянуть на васъ, старый пріятель Бекиръ-баба.

— Какъ Бекиръ-баба? вскрикнулъ я—неужели онъ еще живъ! и я бросился къ сѣдому старику, которому обязанъ былъ многими свѣдѣніями изъ жизни крымскихъ хановъ и жаждалъ встрѣчи.

— Да, я живъ и посылаю Аллаху сердечную благодарность, что онъ протянулъ нить моей жизни до радостнаго клубка свиданія—старикъ посмотрѣлъ на мое лице и, поцѣловавъ по обыкновенію въ оба глаза, началъ разспрашивать о семьѣ, дѣлахъ и т. п.

— Эхъ, Бекиръ-баба, постарѣлъ же ты—сказалъ я, когда мы покончили съ изъявленіями восторговъ.

— Это только наружно, но я по прежнему чувствую себя достаточно крѣпкимъ и бодрымъ. Память мнѣ не измѣняетъ и все кажется, какъ будто вчера я прыгалъ на конѣ глупостей. Правду говорятъ люди, что душа никогда не старѣетъ.

— Если-бъ наша душа старѣла, тогда и аллахъ постарѣлъ бы— сказалъ Сеитъ. Есть одинъ только человѣкъ въ Бахчисараѣ и именно мой сторожъ Танатаръ, который, какъ только возмутится несправедливыми поступками людей, то говоритъ: вѣрно аллахъ очень постарѣлъ, что не видитъ уже, что дѣлается на землѣ. *Тобе, тобе!* **). Такія предположенія могутъ дѣлать только безкнижные цыгане.

— А на долго ли вы пріѣхали къ намъ и какая причина заставила васъ взглянуть на тотъ прахъ, который давнымъ давно спалъ съ сапоговъ вашей памяти?

— Я стосковался за этимъ прахомъ, мой почтенный другъ, но еслибъ я раньше могъ узнать, что ты живъ еще, то, клянусь аллахомъ, пріѣхалъ бы немедленно, чтобы дослушать начатый тобою нѣкогда разсказъ о томъ знаменитомъ червонцѣ, который ты поѣхалъ искать въ убѣжденіи, что онъ, по предопредѣленію судьбы, долженъ былъ вторично сдѣлаться достояніемъ твоего рода.

---

*) Балконы съ навѣсами.

**) Слово непереводимое, но имѣющіе смыслъ заклятія, запрета.

— Да, да, припоминаю. Неужели васъ интересуютъ до настоящаго времени такіе обломки пустяковъ.

— Меня всѣ твои разсказы интересуютъ, Бекиръ-баба. Еслибы ты зналъ читать порусски, я показалъ бы тебѣ нѣсколько *тевариковъ* *), составленныхъ мною изъ твоихъ разсказовъ. Подумай ты самъ, что подобныхъ тебѣ стариковъ нѣтъ уже въ Бахчисараѣ и, слѣдовательно, со смертію твоею никто не узнаетъ о прошломъ твоего роднаго города. Только я одинъ сберегу твои разсказы и все, что ты пожелаешь мнѣ передать,

— Вы и напишите такъ просто, что слышали изъ устъ бахчисарайскаго татарина, хаджи Бекиръ-бабы.

— Да,—такъ и напишу.

— Алла, Алла, какіе вы чудные люди. Живши съ вами, пожалуй, не перестанешь говорить и наживешь столько грѣховъ, что они не вмѣстятся въ кожу нашего тѣла.

— Напротивъ тѣ люди, которые до смерти своей успѣютъ передать на землѣ всѣ безъ исключенія грѣхи, явятся на томъ свѣтѣ чистыми. Такъ сказано во всѣхъ священныхъ книгахъ.

— Совершенно справедливо—поддержалъ меня Сентъ.

— О, если это только такъ, то я съ сегодняшняго же вечера начну вамъ продолжать всѣ похожденіи мои за фантастическимъ червонцемъ, котораго я такъ упорно и неутомимо искалъ по глупости и случайному сновидѣнію.

— А я прикажу сейчасъ же подать вамъ кофе—добавилъ хозяинъ,—чтобы пробудить дремлющій духъ памяти и заставить его открыть сундукъ воспоминаній. — Гей, Османъ! подай кофе и рюмку водки для оживленія крови почтеннаго дѣда.

Откушавши оживляющей влаги, Бекиръ-баба выставилъ свой длинный черешневый чубукъ и спросилъ на чемъ онъ остановился при послѣдней со мною встрѣчи.

— На томъ, когда ты распрощался съ домашними и выѣхалъ со двора,

— И такъ, простившись со всѣмъ моимъ *чавуръ-хавуромъ* **), я вскочилъ на любимаго коня съ мыслею направиться на Востокъ, т. е. въ тѣ страны, которыя болѣе любимы солнцемъ неба. Пока я проѣзжалъ городъ сердце мое чего-то безпокоилось и непріятно толкалось о грудныя стѣны. Поклоны и селямы сыпались на всякомъ шагу. Нѣкоторые даже вопрошали куда я направилъ узду счастія, но я уклонялся отъ столба справедливости и отвѣчалъ имъ мыльными пузырями неправды. Очутившись за городомъ, я началъ думать: гдѣ и какъ проведу сегодняшній вечеръ: вѣдь у меня ни копѣйки денегъ не было въ карманѣ. Подумалъ, подумалъ и рѣшился обвить *колпакъ* ***) мой полотенцемъ, чтобы во мнѣ видѣли ученаго человѣка, способ-

---

*) Историческихъ повѣстей.

**) Мелочь, тряпки или ничтожное вообще имущество.

***) Шапка изъ бараньей кожи.

наго ко всему. Затѣмъ, я далъ себѣ слово останавливаться преимущественно въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ добродѣтельные землевладѣльцы содержатъ безплатныя *ода* или заѣзжіе дома, для всѣхъ безъ исключенія проѣзжихъ, утомленныхъ или вынужденныхъ ненастьемъ, провести ночь подъ кровлею безопасности и гостепріимства. Послѣ такихъ утѣшительныхъ плодовъ, созрѣвшихъ внезапно въ кисетѣ моего ума, я обратился къ лошади и мысленно просилъ ее сослужить мнѣ службу безъ лукавыхъ навожденій и вести себя, не оскверняя моего молодаго *перчема* *) подъ шапкою учености.

При этомъ я вынулъ изъ-за пазухи святой молитвенникъ и, трижды приложивъ его къ устамъ и лбу, пріосанился, хлопнулъ плетью и поскакалъ по тропинкѣ надеждъ на счастіе. Не успѣлъ я проѣхать часа, какъ Аллахъ обложилъ все небо черными тучами, готовыми, по приказанію его, затопить весь міръ. Появились кругомъ меня стаи грачей, этихъ собакъ архангела Гавріила — злыхъ предвѣстниковъ народныхъ бѣдствій. Ну, думаю, надо развязать изъ-за сѣдла войлочную бурку; но что будетъ съ моею шапкою и ученымъ знакомъ! Въ это время я замѣтилъ, что за мною ѣдетъ хорошо прикрытая арба. Слава, заботящемуся о насъ, пророку! вырвалось изъ казана моей утробы. Этотъ правовѣрный навѣрно не откажется принять меня и спасти отъ преждевременнаго разложенія мой ученый колпакъ.

Я взглянулъ еще разъ на небо, чтобы предоставить очамъ мудрости разрѣшить вопросъ; къ какому роду подлежитъ сегодняшняя погода? Къ мужескому или къ женскому? Если къ мужескому, то она скоро разъяснится; но если къ женскому, то долго придется переносить ея капризы.

— Я этого не зналъ — сказалъ Сентъ-ага, что и погода подраздѣляется на роды, а, кажется, очень много съѣлъ соли и хлѣба съ мудерисами (профессорами).

— Мудерисы не все знаютъ, достопочтенный ага; но мнѣ извѣстно, что Богъ все создалъ попарно такъ, напр., зима есть женщина—лѣто мужчина; день мужчина—ночь женщина; солнце мужчина—луна женщина; болѣзнь женщина—лѣкарство мужчина. Не такъ ли и по вашему мнѣнію? обратился ко мнѣ Бекиръ-баба.

— Такъ, такъ; ну, потомъ? торопилъ я его изъ боязни, чтобы онъ не отвлекся отъ нити разсказа.

— Пока разсудокъ мой размышлялъ, арба поровнялась со мною, и я воздалъ привѣтственный селямъ, съ пожеланіями счастливаго пути, сѣдому старичку, который отвѣчалъ мнѣ съ подобающими знаками почтенія.—Не возьмешь ли меня, дядюшка, къ себѣ въ арбу для прикрытія отъ дождя? сказалъ я. Старикъ повернулся къ кому-то лицомъ и отвѣтилъ мнѣ на-отрѣзъ, что нельзя. Между тѣмъ дождь началъ падать крупными пятнами на мой кол-

---

*) Хохолъ волосъ, оставленный на макушкѣ.

пакъ съ бисернымъ кружкомъ. Отчего же нельзя? спросилъ я— неужели ты обладаешь деревяннымъ сердцемъ и не чувствуешь ароматовъ отъ добрыхъ дѣлъ. Вѣдь я благочестивый ученый странникъ, гость Божій. Старикъ снова повернулся и снова отказалъ на томъ основаніи, что въ арбѣ лежитъ больная жена его. Этого только мнѣ и надо было. Я возошилъ къ ней и обѣщалъ всю дорогу читать надъ головою ея врачующія молитвы. Арба остановилась. Пока между мужемъ и женою шли переговоры взять ли меня и какъ посадить, чтобы я не имѣлъ возможности направить безъ промаха огненныхъ стрѣлъ моихъ глазъ въ ея сердце, я успѣлъ замѣтить въ щель, что пассажирка обладала красатою лиліи и свѣжестью молодой козы.

— Ну, иди, садись—проворчалъ, наконецъ, старикъ. Въ мигъ я набросилъ бурку на сѣдло, чтобы не допустить его до порчи отъ мокроты и, привязавъ лошадку мою къ оглоблѣ, очутился около старика, который для безопасности поручилъ мнѣ вожжи, а самъ отодвинулся назадъ, чтобы сдѣлаться стѣною между мною и тюфякомъ своего наслажденія. Около минуты молчаніе не прерывалось; между тѣмъ дождь началъ густо сыпать пятачками изобилія. — Отчего ты, добрый старикъ, — заговорилъ я—не вдругъ согласился мнѣ предоставить это мѣсто благодати; что было бы съ моею священною книгою для отчитыванія злыхъ болѣзней, если-бъ я остался подъ розгами этой милости тучъ небесныхъ? — „Не скорби о минувшемъ — отвѣчалъ старикъ, вѣроятно довольный, что я ни разу не оглянулся къ нему лицомъ,— ты еще молодъ и не знаешь до какихъ ужасныхъ несчастій доводитъ судьба тѣхъ людей, которые, не обдумавши 20-ть разъ, даютъ отвѣтъ. Отъ скуки я, пожалуй, разскажу тебѣ одно событіе, которое желалъ бы вколотить въ память твою большимъ гвоздемъ премудрости. Однажды, подобно мнѣ, ѣдущему съ женою, повстрѣчался на дорогѣ бѣднякъ пѣшеходъ и началъ умолять подвезти его въ городъ. Поселянинъ, въ предположеніи сдѣлать Аллаху пріятное, охотно принялъ его и посадилъ около себя. Что-жъ оказалось, когда они въѣхали на базарную площадь? Пѣшеходъ поднялся на ноги и началъ на всевозможные голоса сзывать народъ и власти, чтобы спасли его отъ насилій человѣка, который, отбивъ отъ него жену, желаетъ воспользоваться нынѣ и его повозкою съ лошадью, подъ тѣмъ предлогомъ. что принялъ меня въ качествѣ пассажира. Хозяинъ съ женою, ошеломленные потокомъ его навозной лжи, разинули рты удивленія и вытянули уши дочери глупости. Что съ нимъ? Не разбился ли кувшинъ съ его мозгами? спрашивали они другъ друга. Не заткнуть ли ему горло коломъ правды? Но пока они совѣщались, народъ принялъ сторону шакала и стащилъ за ноги хозяина, совѣтуя ему удалиться по-добру, пока не разлетится его священная борода по всѣмъ частямъ міра. Женѣ же пригрозили такими глупостями, которыхъ не долженъ повторять языкъ такого старика, какъ я. Что оставалось дѣлать несчастному, лишенному

языка мудрости? Приходилось излить до-тла мѣхъ слезъ, выплевать до суха всѣ слюни изъ кофейника живота и возвратиться домой подъ очагъ горя. Такъ навѣрно и сдѣлалъ бы божій человѣкъ, если-бъ къ арбѣ его случайно не подошелъ самъ судья города, цвѣтокъ умственной благодати и безпредѣльной хитрости лучезарныхъ внушеній совѣсти. Выслушавъ хромаго пѣшехода и рыдающій тюфякъ наслажденій, онъ приказалъ свезти всѣхъ ихъ въ тюрьму и разсадить по отдѣльнымъ каморкамъ душеспасительныхъ келій. Въ число ихъ попалъ и хозяинъ, не успѣвшій осушить кофейника слюнъ. Прошло нѣсколько дней; видно, что заключеннымъ не особенно пріятно было молиться Аллаху на камняхъ голода и кислой тоски, потому что они начали громко вопіять. Когда сообщили объ этомъ премудрому оку правосудія, онъ не замедлилъ подставить ухо любознательности къ щели признанія.

— Правду говорила мнѣ жена, — шепталъ голосъ изъ первой каморки,—не бери на арбу этого человѣка: онъ косой и горбатый, а это нехорошія примѣты, если съ ними онъ вышелъ на божій свѣтъ. Чтобы мнѣ, ослу, послушать этотъ дырявый мѣшокъ съ половою? Ну и подѣломъ тебѣ сидѣть голодному и восторгаться райскими благами!

Око любознанія перешло къ послѣдующей щели въ келію разумныхъ вдохновеній, гдѣ лежалъ дырявый мѣшокъ съ остатками соломы и повторялъ:

Ну, дьяволъ, сынъ дьявола, ну, пѣгій чортъ, сынъ краснаго шайтана, не будь я Тензиле дочь афуза, прозваннаго синимъ пѣтухомъ, если я не оскверню своеручно твою бороду и кости всѣхъ твоихъ бабушекъ и прабабушекъ съ сродниками за то, что ты подъ вліяніемъ желанія обладать прелестными гуріями въ раю нашего пророка, принялъ этого супостата на арбу. Эхъ ты, сынъ собаки, ты вѣрно задумалъ избавиться отъ меня и самъ состряпалъ эту кашу, но, постой, я заставлю тебя самаго скушать ее!

Око премудрости перешло къ клѣткѣ пѣшехода и разверзлость въ такомъ объемѣ, какъ-будто приготовилось разомъ произвести на свѣтъ 12 богатырей съ женами, дѣтьми и цѣлымъ табуномъ лошадей. Горбатый разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:

— Вотъ, если-бъ, всемилостивѣйшій пророкъ, предъ именемъ котораго да потрясутся всѣ мои печенки и селезенки, соблаговолилъ вручить мнѣ въ даръ арбу съ лошадью этого счастливца; но если къ этому онъ, по милости своей дастъ мнѣ въ придачу и ананасъ нашихъ помысловъ, ай, ай, какую пѣсню любви я буду ему пѣть до тѣхъ поръ, пока члены моего тѣла не согнутся въ крючекъ. Вѣдь, кадій не Богъ и ему легко принять смѣлую неправду, за правду. Да оглушитъ Господь его разумъ ударомъ желѣзнаго молота въ центръ чалмы"?

Всего этого, конечно было достаточно его премудрости славному кадію, чтобы открыть виновнаго и отпустить безвинныхъ на вѣтеръ жизни.—Теперь мнѣ кажется, что ты меня понялъ сынъ

мой и не поставишь въ вину, что я не принялъ тебя безъ предварительнаго совѣта съ женою".—Дуракъ же ты, — подумалъ я, ты своимъ разсказомъ только навѣялъ на душу мою страстное желаніе сблизиться съ тюфякомъ твоихъ наслажденій, о которомъ я раньше почти забылъ. Однако, для приличія, я похвалилъ его опытность и началъ громко читать душеспасительныя молитвы съ цѣлью обратить вниманіе, лежащаго за нимъ дыряваго мѣшка. Не прошло и получаса какъ мѣшокъ завопилъ:„ — Ай, ай, умираю! заставь скорѣе этого обманщика читать надъ головою моею молитвы отъ боли сердца или столкни его подъ колеса арбы за то, что онъ до настоящаго времени не исполнилъ обѣщанія".—Я не смѣлъ безъ особаго дозволенія,—отвѣчалъ я. Старикъ нахмурился, но, по неволѣ, долженъ былъ уступить мнѣ свое мѣсто и взяться за вожжи.—„Исполняй свое условіе, сказалъ онъ грубо,—да берегись дотронуться до древа жизни, въ противномъ случаѣ у тебя не останется и слѣдовъ отъ носа нѣжныхъ ощущеній. Я вынулъ книгу изъ-за пазухи и, упершись спиною въ спину ревниваго мужа, раздвинулъ ноги и началъ чтеніе. Больная все тише и тише стонала и безпрестанно выглядывала изъ подъ накидки. Потомъ она придвинулась немного ближе и начала протягивать руки, чтобы прикоснуться ко мнѣ. Я возвысилъ голосъ, чтобы отогнать отъ мужа джина подозрѣній, а отъ нея черта пагубныхъ страстей. Если мнѣ удалось сокрушить перваго, то послѣдній дошелъ до изступленія. Онъ началъ водить рукою больной съ такою безцеремонностью, что у меня помрачился разсудокъ, святая книга выпала изъ рукъ, и я вынужденъ былъ закричать:—„стой, стой! ради Аллаха! Старикъ остановился, и назвавъ меня *эшскомъ* (осломъ), не имѣвшимъ достаточно силъ воздержаться отъ соблазновъ злаго духа, во время чтенія молитвъ, вытолкалъ почти изъ арбы. Опомнившись нѣсколько, я снова долженъ былъ сѣсть на жаровню пытки, потому что больная наступательно требовала чтенія, которое немного облегчило ея сердце. О, вѣдьма изъ вѣдьмъ,—подумалъ я,—да ты меня погубишь своимъ поведеніемъ! На этотъ разъ голосъ мой дрожалъ и я безпрестанно замиралъ. Это ужасно не нравилось старику, и онъ ругалъ меня такъ, какъ обыкновенно ругаютъ женщинъ и молодыхъ мальчиковъ.

Нѣсколько минутъ спустя небо начало разъясняться, дождь пересталъ, и я приготовился уже выскочить изъ арбы мученій, чтобы скрыться отъ злыхъ людей, но въ то время, когда я собирался закрыть книгу святостей и объявить, что прочиталъ ее отъ начала до конца, ревнивый старикъ, слѣдящій болѣе за нами, чѣмъ за лошадью своею, какъ-то наскочилъ на большой камень. Домообразная арба его поднялась одною половиною чуть не на высоту тучь небесныхъ и оттуда со скрипомъ, пискомъ и страшнымъ грохотомъ перекинулась въ болото грязи. Старикъ, не ожидавшій такого безчестія, хотѣлъ было предупредить это несчастіе, тяжестью своего тѣла, вскочилъ на ноги, но, получивъ сильное сотрясеніе отъ освобожденнаго обруча кибитки, сначала лишился своей миніатюр-

ной зеленой чалмы, обнажившей его клинообразную голую башку, а потомъ полетѣлъ и самъ въ пропасть дряни. Со мною и женою его, которая для кейфа оставалась подъ накидкою только въ одной сорочкѣ, произошло нѣчто такое, чего языкъ человѣческій не въ состояніи передать. Намъ показалось, что злополучная арба попала въ какой то огненный кратеръ, или, въ центръ ада, и что сейчасъ протянутся за нами щипцы для переложенія насъ въ печурки предопредѣленія. Ошеломленная больная крѣпко прильнула къ ногамъ моимъ и нашептывала молитву. Въ такомъ положеніи мы оставались бы навѣрно нѣсколько часовъ, если-бъ въ опочившую арбу нашу не заглянула запачканная морда старика. „О черти, о собаки моей души,—заревѣлъ онъ,—вы изволите почивать въ нѣгѣ покоя въ то время, когда моя утроба переполнилась грязью и не осталось ни единаго клочка отъ чалмы, вѣрно прослужившей мнѣ 40 лѣтъ, 3 мѣсяца и 4 дня!“ Лишь только прозвучали эти слова, больная, вырвавъ одинъ изъ обручей кибитки, принявшій вертикальное положеніе, не обращая вниманія на свой костюмъ, какъ львица, накинулась на несчастнаго своего повелителя и султана земныхъ радостей. Обнаженная голова его превратилась въ кожу барабана и начала издавать звуки пустой тыквы.—„Такъ вотъ какую ты штуку придумалъ выкинуть противъ алмаза твоихъ змѣиныхъ глазъ! Ты осквернилъ мое тѣло тѣмъ, что оно прикоснулось къ лохмотьямъ этого мошенника, поднятаго тобою съ улицы. Разведи меня сейчасъ, сію минуту: я плюю на бороду такихъ мужей и буду плевать какъ только ты осмѣлишься показаться мнѣ на глаза“! Больная послѣ всякаго удара, вновь начинала изрыгать проклятія. Старикъ сначала молча терпѣлъ, но когда боль проникла до сокровенныхъ ощущеній, рѣшился приподнять фалды своего халата и скрыться въ дальней степи отъ олицетвореннаго зла, воспроизведеннаго на свѣтъ Божій покойнымъ афузомъ, такъ вѣрно прозваннымъ синимъ пѣтухомъ. Мысль эта была бы безподобною, еслибъ фурія его, въ свою очередь, не приподняла бѣлой рубахи и не помчалась за нимъ съ длиннымъ обручемъ, безпрестанно прикасавшимся губами къ тыквѣ изнеможеннаго старика. Сцена эта напоминала мнѣ орла, который на лету наносилъ клювомъ своимъ страшные удары въ голову бѣгущаго зайца. Потерявшійся старикъ въ полномъ убѣжденіи, что не уйдетъ отъ преслѣдованій алмаза своихъ глазъ рѣшился повернуть пятки своихъ кривыхъ ногъ къ злополучной арбѣ и искать защиты, вѣроятно, за высокими колесами ея, или обратиться къ моей священной книгѣ, какъ вѣрному талисману противъ ожесточеннаго дьявола. Когда они приблизились ко мнѣ съ высунувшимися языками, какъ борзыя собаки послѣ нѣсколькихъ часовъ гоньбы зайца, я поднялъ руки вверхъ и началъ хлопать каждаго изъ нихъ молитвенникомъ по макушкѣ и просить успокоиться. Слова мира бальзамомъ подѣйствовали на утомленныхъ, рѣшившихся горючими слезами излить ненависть и обиду на дорогу ѣзды. Пришедъ нѣсколько въ себя, старикъ вынулъ изъ кармана испачканный, цвѣт-

ной платокъ и, замѣнивъ имъ свою погибшую зеленую чалму, обратился ко мнѣ съ просьбою приподнять его несчастную арбу, такъ не кстати задравшую ноги къ солнцу. Послѣ долгихъ усилій, намъ удалось сдѣлать это, но каково было отчаяніе бѣднаго хозяина, когда онъ замѣтилъ, что передняя ось его экипажа переломилась. „Ну, ужъ это верхъ наказанія! вскрикнулъ онъ. Гдѣ достать другую? Неужели намъ оставаться среди дороги?"—Что?—завопила жена,—и ты воображаешь, что я, больная, буду ночевать въ степи? Да я тебя задушу какъ курицу, если ты сію же минуту не сядешь на коня и не привезешь изъ ближайшей деревни новой оси.—„А ты какъ останешься съ чужимъ человѣкомъ одна въ степи?" сказалъ онъ, нахмурившись,—„да это будетъ позоръ и оскорбленіе для моей сѣдой бороды!"—Да я тебѣ уже сказала, старый чортъ, что плюю на твою скверную бороду. Сейчасъ поѣзжай, иначе я опять возьмусь за хворостину и на этотъ разъ святая книга этого мерзавца не спасетъ тебя.—„Нѣтъ ужъ жена, какъ ты не бей меня, а я не оставлю тебя съ молодымъ человѣкомъ въ голой степи—это ужъ дудки, матушка! Ты не проведешь меня, стараго пѣтуха: онъ можетъ осквернить твою душу."—Кто? онъ? этотъ собачій сынъ? Да онъ такой же негодяй, какъ твой отецъ и твои поганые братья! Да я его обращу въ комокъ желтой грязи, если только онъ осмѣлится во время твоего отсутствія заговорить или подойти къ мажарѣ!" — Что это вы спорите за меня,—сказалъ я,—я сейчасъ же уѣзжаю, поручивъ васъ Аллаху.—„Ты хочешь бросить меня одну, — закричала злая женщина, — послѣ того, какъ мы тебя сберегли отъ дождя! Ахъ ты неблагодарный человѣкъ: бросить въ несчастіи одну женщину среди степи на съѣденіе волковъ, на поруганіе гяуровъ! Да гдѣ твое мусульманство, несчастная погибшая душа? или ты думаешь, что языкъ мой не съумѣетъ до самой смерти посыпать голову твою проклятіями; или ты думаешь, что я не въ силахъ буду угостить и тебя, такъ точно, какъ и эту живую, къ несчастію моему, падаль?" Сказавъ это, она схватила мужа своего—эту живую падаль, по ея мнѣнію, подвела къ моей осѣдланной лошади, принудила его сѣсть на нее и скакать, что есть мочи въ ближайшую деревню. Старикъ помчался, но голова его не отворачивалась отъ арбы, куда взошла жена, до тѣхъ поръ, пока онъ долженъ былъ скрыться за возвышенностью. Я расположился на краю оглобли и молчалъ. Какъ вдругъ вся внутренность моя перевернулась верхъ дномъ отъ сладкозвучнаго голоса той женщины, которая еще недавно показалась мнѣ чертовкою,—„И ты не думаешь приблизиться ко мнѣ,—говорила она,—или ты ждешь, чтобы розовыя уста мои пропѣли тебѣ пѣсню любви, а пухлыя щеки сами прильнули къ твоимъ устамъ? Ай джигитъ, какой же ты недогадливый! Вѣдь всю эту злость я излила на мужа только изъ за тебя." Я оглянулся кругомъ и, конечно, не заставилъ повторять сказаннаго. Женщина эта оказалась однимъ изъ лучшихъ сортовъ крымскаго яблока. Она изъявила согласіе бросить мужа своего и сдѣлаться моею же-

пою. Я далъ ей слово подумать объ этомъ и послать отрадную вѣсть на хвостѣ ласточки, но не раньше того времени, когда эти птички собираются къ перелету. Два часа спустя, возвратился хозяинъ арбы съ готовою осью на сѣдлѣ. Увидѣвъ меня на почтительномъ разстояніи отъ алмаза своихъ глазъ, онъ радостно вскрикнулъ: „слава Аллаху и добрымъ людямъ! ось дубовая, и теперь мы благополучно доѣдемъ до пристани покоя.“ На этотъ разъ злая жена представилась, или, можетъ быть, дѣйствительно, спала. Ось была замѣнена новою.—„Ну, теперь прощай добрый старикъ,—сказалъ я, садясь на коня моего,—спасибо за милость, да вознаградитъ тебя Аллахъ! „И тебя за твои услуги благодарю. Счастливый путь!

Такъ окончился первый день моего выѣзда изъ Бахчисарая. Да если мнѣ придется такъ удачно путешествовать,—подумалъ я,—то не къ чему и возвращаться домой.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Солнце давнымъ-давно зашло въ пещеру своего дворца, изъ обратной стороны котораго выгнало на часы свою еще полусонную подругу, когда я очутился въ лѣсу. Бѣдный мой конь спотыкался отъ голода и утомленія. Я чувствовалъ тоже самое, но не зналъ рѣшиться ли на отдыхъ или ѣхать еще часикъ, чтобы попасть къ добрымъ людямъ на вкусный ужинъ, какъ вдругъ замѣтилъ въ чащѣ деревъ свѣтъ отъ большаго костра. Не зная, гдѣ я нахожусь и куда направляется избранная мною дорога, я рѣшился повернуть на огонь. Оказалось, что здѣсь находились угольщики, и что мнѣ предстояло ѣхать до первой деревни, по крайней мѣрѣ, два часа, но не по карманнымъ маленькимъ, а по стѣннымъ самаго большаго размѣра, часамъ. Ну, думаю, лучше проспать ночь подъ открытымъ небомъ, чѣмъ довести себя и лошадь до изнеможенія и притомъ изъ кипѣвшаго казана угольщиковъ исходили такіе пріятные пары любезностей свѣжаго мяса, что я разсѣдлалъ коня и, спутавъ ему ноги, отпустилъ на подносъ изобилія сочныхъ травъ. Вторичное, болѣе торжественное привѣтствіе мое этимъ чернымъ рожамъ съ дополнительными справками о благосостояніи ихъ семействъ, сразу расположили ихъ ко мнѣ и между нами послѣдовали дружественныя бесѣды. Старшій изъ угольщиковъ именовался Арифомъ, сыномъ каракурсака или черноживотаго, а товарищъ его по ремеслу Ислямомъ Ташахсысъ-оглу или сыномъ лишеннаго важныхъ частей тѣла. Участь или назначеніе этихъ молодыхъ людей, сдружившихся съ дѣтства, показалась мнѣ, чѣмъ-то неестественнымъ, но конечно не подлежащимъ осмѣянію, потому что на все слѣдуетъ воля Аллаха. Арифъ и Ислямъ родились почти одновременно не такъ какъ обыкновенно рождаются дѣти мужескаго пола—съ глазами, обращенными къ небу, а наоборотъ, какъ дѣвочки, которыхъ взоры не смѣютъ на первый разъ видѣть ничего болѣе кромѣ

одной точки. Такое обстоятельство понятно не могло остаться тайною для тѣхъ въ особенности женщинъ, которыя числились уже кандидатками на предстоящія вакансіи деревенскихъ вѣдьмъ и всѣми силами, своего щетинистаго языка, старались доказать, что все знаніе составляетъ одно изъ надежнѣйшихъ ихъ правъ на присвоеніе за собою этого почтеннаго званія. Вотъ, благодаря имъ Каракурсакъ и Ташахсысъ-оглу возбудили всеобщее вниманіе и различныя толкованія не только ближайшихъ, но и самыхъ отдаленныхъ муллъ, знахарей и колдуновъ. Болѣе чѣмъ 5 лѣтъ обсуждалось это неестественное явленіе двухъ мальчиковъ въ незаконной формѣ, въ ожиданіи, что разгадку тайны откроетъ пророкъ только тому, кто честною жизнею и щедрыми благодѣяніями заслужитъ его милостиваго довѣрія. Какъ вдругъ одна изъ кандидатокъ *обурши* и ляпнула во всеуслышаніе: что Арифъ и Ислямъ никогда не должны жениться на дѣвушкахъ, никогда не жить съ людьми семейными и что имъ суждено только знать другъ друга и принадлежать другъ другу. Съ того времени народъ пересталъ ломать свои спѣлые и не дозрѣлые арбузы ума надъ судьбою этихъ мальчиковъ, которые, не смотря на отдаленность жилищъ, начали привязываться другъ къ другу крѣпкими шнурками любви. Дружба ихъ доходила до того, что они не могли въ разлукѣ удовлетворять даже естественнымъ дѣтскимъ потребностямъ. Этого мало, если у одного заболитъ бывало голова, то другой почувствуетъ тоже; если у одного появится свербежъ гдѣ-нибудь, то у другаго тоже самое. Словомъ кандидатка въ вѣдьмы не подлежала обвиненію во лжи и могла занять мѣсто своей тетки, безъ малѣйшаго возраженія со стороны самыхъ строгихъ ревнителей искусствъ, этихъ необходимыхъ чудовищъ между людьми, чтобы опредѣлить безъ спора, чѣмъ отличается живая, только что распустившаяся роза, отъ сѣдоволосаго вонючаго дурмана.

Въ 14 лѣтъ друзьямъ показалось кисло и горько жить въ отцовскихъ домахъ, и они порѣшили зарабатывать насущное пропитаніе личными трудами. Съ этою цѣлью, одѣвъ на ноги *чарыки* *) надежды, отправились въ Бахчисарай и нанялись къ одному муэззину, сѣдельнику по ремеслу, въ качествѣ подмастерьевъ, въ предположеніи года черезъ два или три научиться этому выгодному искусству и самимъ открыть свою мастерскую; но видно на лбу у нихъ написано было другое назначеніе, такъ какъ они не выдержали обязательства своего и безъ оглядки убѣжали отъ хозяина. Молодые люди пристали къ угольщикамъ и въ самое непродолжительное время постигли тайну ихъ мудраго превращенія живаго дерева въ черное вещество, безцѣнное для кузнеца. Послѣ этого они переселились въ отцовскіе лѣса и, построивъ себѣ землянку, начали понемногу скоплять трудовые заработки. Пока они разсказывали мнѣ, какъ имъ весело живется въ лѣсу, къ намъ

*) Постолы.

внезапно подошелъ пастухъ съ цѣлымъ бараномъ на плечахъ. Онъ мало чѣмъ отличался по наружности отъ стараго шайтана: небольшой, круглый, сѣдой, въ тысячѣ заплаткахъ, напичканный желтыми и бѣлыми металлическими пуговочками, въ шапкѣ, равняющейся по величинѣ и тяжести чуть-ли не ему самому. Каждому не трудно было убѣдиться, что головной уборъ этотъ составленъ былъ имъ самимъ съ цѣльной шкуры длинношерстнаго барана, потому что не отрѣзаны были ни хвостовое, ни ножныя прикрытія, которыя, съежившись отъ лучей солнца и восточнаго вѣтра, вывернулись и походили на засушенныя кишки.

— Селямъ и вечеръ благополучный! сказалъ онъ, сбросивъ ношу со спины:—только что зарѣзалъ одержимаго шайтаномъ барана и принесъ къ вашему огню, чтобы зажарить *кебабъ*. Важное будетъ жаркое, потому что чортъ всегда вселяется въ самаго жирнаго и вкуснаго барана; но я не такъ глупъ, чтобы допустить его сожрать мою скотину, и какъ только замѣчу, что несчастное животное начнетъ крутить головою съ намѣреніемъ отдѣлаться отъ супостата, сейчасъ же перерѣжу ему горло, чтобы отдѣлить отъ туловища голову, въ которую соблаговолилъ забраться злой духъ.—На, кушай себѣ на здоровье! говорю я, обыкновенно, отбрасывая ее въ сторону, а барана засушиваю на *какачь* или спошу къ такимъ друзьямъ какъ вы, чтобы подѣлиться благами земными и припрятать лопатку въ карманъ сбереженія, такъ какъ на лопаткѣ тронутыхъ шайтаномъ овецъ гораздо легче читать таинственные знаки предопредѣленія.

— Ты вѣрно постигаешь мудрость чтенія или разумѣнія этихъ знаковъ? спросилъ я, волнуемый любопытствомъ.

— Ктожь, какъ не я, Амза-чебанъ, сынъ знаменитаго въ Крыму гермофродита, можетъ похвастать этимъ знаніемъ? Знай же напередъ, душа моя, что отъ гермофродитовъ никогда не рождались дураки. Это люди съ печатью, налагаемою духомъ разума и отъ нихъ должны родиться или чудовища или мудрецы.

— Ты заслужилъ бы молитвами моими безпрепятственный входъ въ двери рая, еслибъ оказалъ милость повѣдать кое что изъ моей судьбы—сказалъ я.

— Хорошо, хорошо, братъ, дай только зажарить барана и вынуть изъ него лопатку. Я разскажу тебѣ даже и то, когда ты и всѣ жены и дѣти твои умрутъ. Благо, что лопатка свѣжая и тебѣ придется нашептать на ней первые свои вопросы. Ты, вѣрно, обманутъ людьми или обиженъ судьбою? спросилъ онъ минуту спустя.

— Не знаю, какъ тебѣ объяснить: мнѣ просто не дается въ руки мое счастіе.

— Это случается иногда отъ ничтожныхъ причинъ, противъ которыхъ ты не принимаешь надлежащихъ мѣръ.

— Какихъ, напримѣръ?

— Да мало ли какихъ: ну, напримѣръ, сядешь на несчастливое мѣсто или освободишь утробу отъ лишней тяжести, не плю-

нувши предварительно, чтобы прогнать оттуда джина. Кромѣ этого, надо не начинать никакого дѣйствія безъ молитвы, если только эта молитва у тебя не зашита въ сумочкѣ и не покоится на правомъ боку. Болѣе же предусмотрительные мусульмане, знающіе грамоту, обыкновенно пишутъ эти молитвы на бумажкѣ, которою освящаютъ воду посредствомъ настоя и пьютъ ее по три глотка на тощакъ. Послѣднее средство я считаю самымъ надежнѣйшимъ, потому что вода, насыщенная словами молитвы, проникаетъ въ кровь и издаетъ огненныя стрѣлы, какъ только завидитъ духа зла, и отвлекаетъ благочестиваго человѣка отъ всего того, что не служитъ ему къ добру или счастію.

— Ты, конечно, женатъ и имѣешь сыновей, которымъ передалъ эти мудрыя правила жизни? спросилъ я.

— Нѣтъ, да сохранитъ меня прахъ могилы моего двухъ-половаго отца отъ несчастій брачнаго союза!

— Что ты, что ты? невольно вырвалось у меня изъ горла сердца. *Тобе, тобе!* ты согрѣшаешь предъ пророкомъ, у котораго было 26 законныхъ и подставныхъ женъ. Неужели тебѣ, мудрецу здѣшнихъ лѣсовъ, неизвѣстно, что отъ законныхъ или, такъ сказать, коренныхъ кобылицъ этихъ, а также пристяжныхъ или наложницъ, произошли незабвенные родоначальники калифовъ, сеитовъ и другихъ руководителей и свѣтильниковъ нашей славной вѣры?

— Знаю, знаю, братъ, но у меня на это есть основательныя причины, которыя узнаютъ люди только послѣ моей смерти.

— Хотите, господа—обозвался Ислямъ—я передамъ вамъ настоящую причину отчего Амза-чебанъ, сынъ двухъ-полаго Билялъ-эфендія не желаетъ жениться?

— Если ты не повѣрилъ мнѣ или, по отсутствію отверстій въ коробкѣ ума не понялъ того, что я объяснилъ—то говори и предоставь мнѣ удовольствіе послушать движеніе колесъ твоей мельницы, чтобы опредѣлить на сколько она испорчена.

— Однажды, началъ угольщикъ, когда Амзѣ исполнилось 20 лѣтъ, его заманула къ себѣ молоденькая сосѣдка-дѣвушка, для невинныхъ развлеченій. Амза разумѣется принялъ это приглашеніе, какъ принимаютъ всѣ молодые жадные волки, попавшіе въ компанію ягнятъ. Съ этой несчастной минуты Амза долго не выходилъ изъ дома, а въ послѣдствіи, когда этой же дѣвушкѣ, любившей его отъ всей души, приходилось заманивать его, то онъ представлялся, что въ уши его залетѣли пули...

— Кто повѣдалъ тебѣ, несчастный, эту сокровенную надпись на сердаликѣ перстня моей жизни! вскричалъ пастухъ, подскакивая къ Исляму—а я думалъ, что тайну эту унесла съ собою въ могилу мать моя, кромѣ которой никто не зналъ ее.

— Напрасно ты такъ думалъ. Отъ колдуновъ и чернокнижниковъ ничего не скроется; они, вѣроятно, повѣдали также и то, что ты, изъ боязни проговориться или тщетно увлекаться плодами, которыхъ не съѣшь безъ пособія ножа, вынужденъ былъ взять

на долю свою отцовское стадо овецъ и навсегда переселиться въ степи и лѣса.

— Да сынъ мой, горе мое не имѣетъ предѣловъ: я съ тѣхъ поръ брожу по степямъ, какъ волкъ, какъ собака, не имѣющая ничего общаго съ міромъ. Что я говорю волкъ и собака! и у этихъ животныхъ есть минуты удовольствій, а у меня?... пастухъ склонилъ голову и началъ плакать какъ женщина, какъ слабое беззащитное дитя, выброшенное въ лѣсъ вѣчныхъ скорбей.

Выслушавъ неслыханное мною событіе не безъ того конечно, чтобы восковая частица моего сердца не растаяла отъ жара глазъ премудраго Амзы, я какъ-то невольно обратился къ угольщикамъ съ просьбою разъяснить намъ откровенно: отчего они осуждены были съ юныхъ лѣтъ остаться холостыми и несмущаться семейными благами?

— Ну, такъ и быть, видно сегодня Аллахъ судилъ всѣмъ намъ отрыть предъ вами, странникъ Божій, секреты нашей горемычной тропинки жизни. Но судьба наша не представляетъ такого случайнаго или ошибочнаго промаха, какъ Амзы. Ислямъ остановился на минуту, чтобы собраться съ духомъ рѣшительности и разсказалъ слѣдующее: отецъ мой за два мѣсяца до рожденія моего поѣхалъ въ Стамбулъ и изумленный роскошною жизнью и значеніемъ придворныхъ евнуховъ, началъ разузнавать, примутъ ли его на одну изъ этихъ должностей, если онъ рѣшится принять отъ рукъ искуснаго мастера вѣчное монашество? Главный евнухъ, взглянувъ на его безобразную наружность, отвѣчалъ, что для него, когда бы онъ не явился въ гаремѣ падишаха, безопаснымъ конечно, съ радостію предложено будетъ самое выгодное положеніе. При этомъ онъ прибавилъ, что въ настоящее время управленіе гарема, такъ нуждается въ евнухахъ, что готово удвоить жалованье тѣмъ, которые пожелаютъ добровольно сдѣлаться истинными дервишами или факирами на дѣлѣ. Согласенъ? спросилъ могущественный человѣкъ, выложивъ предъ нимъ кошелекъ съ червонцами. Согласенъ ваше высокоцѣломудріе —отвѣчалъ отецъ мой и въ тотъ же день подвергъ себя таинству посвященія. Нѣсколько дней спустя, онъ объявилъ своему начальнику, что предварительно вступленія въ отправленіе обязанностей гарема, долженъ съѣздить на родину за семействомъ. Начальникъ не только согласился, но выдалъ ему вдобавокъ путевыя издержки. Отецъ пріѣхалъ домой, когда я и двоюродный братъ мой Арифъ родились на свѣтъ и должны были подвергнуться обрѣзанію. Въ это время, къ несчастію нашему, не оказалось въ окрестностяхъ знатока этого священнаго догмата нашей религіи. Покойная мать, да воспляшетъ духъ ея отъ радости, просила его отложить операцію до болѣе удобнаго случая, но онъ, подъ предлогомъ, что долженъ спѣшить отъѣздомъ въ Стамбулъ, рѣшился самъ освятить меня и Арифа знакомъ мусульманства—и освятилъ насъ въ одно и тоже время, и печатью гаремныхъ евнуховъ, вѣроятно подъ вліяніемъ тѣхъ радужныхъ цвѣтовъ, которые благоухали подъ носомъ его

надеждъ. Между тѣмъ онъ внезапно заболѣлъ и отдалъ душу Аллаху. Вотъ какая судьба заставила насъ отдалиться отъ людей.

— Аллахъ, Аллахъ! вскрикнулъ чебанъ, бросаясь на шею Исляма—теперь только я перестану считать себя одинокимъ въ мірѣ. Вы убиты одною стрѣлою яда со мною и отнынѣ я буду, по старшинству лѣтъ, вашимъ отцомъ или дядею и все стадо овецъ моихъ достанется вамъ, какъ единственнымъ людямъ, имѣющимъ право считать его своимъ. О, Аллахъ, милости твои безграничны и нѣтъ несчастныхъ, которымъ ты не подалъ бы даже за часъ до смерти чаши съ напиткомъ радости! Радость этихъ трехъ, отчужденныхъ отъ человѣческой среды, людей до того была искренна, что я на первыхъ порахъ вообразилъ, что они получили исцѣленіе отъ недуговъ своихъ. Арифъ не замедлилъ принести большой кофейникъ и приставить его къ огню, а Ислямъ —штофъ водки, которою утѣшаются, иногда, тѣ насчастные, для которыхъ сонъ длинный и безконечный составляетъ единственное благо. Мы осушили по двѣ чарки и принялись за вкусную *шорбу* *), вылитую въ одну общую глиняную миску, потомъ за барана, цѣликомъ сжареннаго на вертелѣ, а затѣмъ за кофе—этотъ нектаръ человѣческихъ помысловъ.

Когда желудки наши восчувствовали полный кейфъ отъ безпрестанныхъ отрыжекъ и свѣтъ глазъ нашихъ прояснился отъ мрачныхъ бурь голода, Амза-чебанъ, взявъ въ руки баранью лопатку и направивъ ее противъ пламени костра, обратился ко мнѣ и сказалъ: „на, приложи губы твои къ этой прозрачной косточкѣ и задумай: чего желаешь или чего ожидаешь отъ твоей жизни? Исполнивъ требованіе его, я возвратилъ кость и открылъ настежъ уши вниманія.

— Гмъ—проворчалъ Амза — дорога твоей жизни такъ гладка, что не спотыкнется даже хромая лошадь. Ты доживешь до глубокой старости и такъ хорошо сохранишься, что аккуратнѣе тебя никто, въ 75 лѣтъ, не будетъ отправлять обязательнаго *джумалыка* **). Много, много благъ предстоитъ тебѣ вкусить отъ древа жизни и въ заключеніе имя твое сдѣлается извѣстнымъ въ далекихъ странахъ. Ты женишься семь разъ и будешь имѣть $33^1/_2$ дѣтей обоего пола. Половина вѣроятно относится къ недоноску, но изъ всѣхъ тебя переживаетъ только одна дочь, которая и закроетъ тебѣ глаза.

— Только? спросилъ я — а не видно ли тамъ, гдѣ-нибудь съ края нечаяннаго богатства, въ родѣ наслѣдства отъ прадѣдовъ?

— Дѣйствительно, надъ главою корня твоего дуба лежитъ желтое пятно, но что оно означаетъ, признаюсь тебѣ, не могу видѣть окомъ разумѣнія. Подобныя назначенія судьба не прописываетъ съ точностью на бараньихъ лопаткахъ. Ихъ могутъ разъяснить только колдуньи или чернокнижники. Я посовѣтовалъ бы

---

*) Похлебка.

**) Вечеръ подъ пятницу, требующій отъ мужа благоволенія къ женѣ.

тебѣ навѣстить въ нашей деревнѣ пузатаго Аблялима, которому приписываютъ умѣніе переговаривать съ звѣздами человѣческаго счастія. Ты, какъ грамотный, навѣрно знаешь, что каждый изъ насъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, на которой подробно написано все, что должно случиться и которая со смертію нашею слетаетъ съ мѣста, чтобы воспріять въ объятія нашу душу и вознести къ садамъ рая. Сказавъ это, пастухъ пожелалъ намъ благословенной ночи и скрылся въ чащѣ деревьевъ.

Погруженный въ раздумье или въ кашу кишащихъ червячковъ ума, я не замѣтилъ, какъ голова моя склонилась на сѣдло сновидѣній.

Съ восходомъ солнца я былъ ужь на конѣ и простился съ несчастными угольщиками, обѣщая еще когда-нибудь навѣстить ихъ одинокихъ.

На воздухѣ такъ было жарко, когда предо мною показались первыя садовыя деревья, что я вынужденъ былъ прикрыть глаза концами полотенца, висѣвшими съ обратной стороны чалмы. Лошадь моя тоже неохотно шагала и безпрестанно кивала головою и махала хвостомъ, чтобы отогнать мухъ — этихъ дьяволенковъ ада. Заботливость свою они порою переносили и въ мои уши, но я справлялся съ ними безъ состраданія, не смотря на то, что Аллахъ воспрещаетъ лишать жизни всякое насѣкомое. Оно и справедливо—если обдумать даже по человѣческому разуму: вѣдь всѣ живущіе должны любить то, что лично принадлежитъ имъ: свои страсти, свой аппетитъ, кейфъ, дѣтей и т. п. Отчего же комары и мухи должны этимъ брезгать? Ей Богу, вся эта мелочь имѣетъ только маленькій объемъ тѣла, но навѣрно чувствительностью превышаетъ людей. Впрочемъ о насѣкомыхъ я когда-нибудь разскажу вамъ отдѣльно.

Не успѣлъ я въѣхать въ деревню, ко мнѣ вышелъ на встрѣчу сѣдой, маленькаго роста человѣчекъ и началъ униженно, именемъ Аллаха, просить на прощальную пищу, предложенную народу отъѣзжающими въ Мекку поклонниками. Да пребудетъ приглашеніе твое на головѣ моей — отвѣчалъ я и послѣдовалъ по указанному имъ направленію къ рѣкѣ. Здѣсь я увидѣлъ толпы людей, возлегавшихъ на атласномъ коврѣ зеленой травы и слѣдящихъ глазами обонянія за громадными казанами, испускающими пары благоуханія. Конь мой навострилъ уши и началъ хорохониться. Обративъ чалму на мѣсто, я для большей важности, подбоченился и припустилъ его полною иноходью. Пусть, молъ, увидятъ, что ѣдетъ столичный джигитъ! И дѣйствительно все почтенное собраніе людей, собравшихся на приманку бараньяго и коровьяго мяса, чтобы общимъ хоромъ пропѣть напутственную молитву счастливымъ путешественникамъ, завидѣвъ меня, засуетилось и вытянуло руки впередъ: точно ханъ ѣхалъ къ нимъ для раздачи милостей!

— *Селямъ!* закричалъ я—такъ громко, какъ только могъ.

— *Аликимъ селямъ,* съ пріятнымъ пріѣздомъ! отозвалось мно-

жество голосовъ и ко мнѣ приблизились два хозяина угощеній въ блаженной одеждѣ хаджи, хотя еще не выступили за порогъ деревни.

— Еще разъ добро пожаловать—сказали они. Милости просимъ дорогаго нежданнаго гостя, посланнаго намъ Аллахомъ!

Я не замедлилъ протянуть къ нимъ обѣ руки и въ точности выполнить всѣ пріемы, установленные для праздничныхъ привѣтствій. Да будетъ счасливъ исходъ вашего намѣренія! сказалъ я трогательнымъ голосомъ. Ирамы *), сотрясенные звуками его, молча вытерли слезы и высморкались въ сторону. Бѣдняги, видно имъ грустно было оставлять алмазы своихъ глазъ, быть можетъ, навсегда, такъ какъ, въ то благодатное время, пророкъ рѣдкаго изъ крымскихъ татаръ не удостоивалъ счастія переходить къ нему въ садъ вѣчнаго наслажденія.

— *Гей, оланъ!* крикнулъ одинъ изъ нихъ работнику — возьми коня гостя нашего, накорми, напой и очисти.

Меня привели къ одному столику, поставленному на войлокѣ, вокругъ котораго сидѣлъ старый хаджи и нѣсколько головъ, украшенныхъ зелеными и бѣлыми сарыками. Привѣтствія, поздравленія и освѣдомленія снова продолжались около получасу. Ирамы засуетились и громогласно объявили, что пища готова и сейчасъ будетъ разливаться. Сотни мальчишекъ и дѣвочекъ запѣли тонкими голосами: аминь! аминь! аминь! **) Вслѣдъ затѣмъ, вся публика сблизилась и образовала кругъ: хатипъ, муллы, муэзины и всѣ, носившіе на шапкахъ ученые знаки, выдвинулись впередъ и, открывъ предъ глазами ладони рукъ, взамѣнъ святой книги, разомъ запѣли божественный гимнъ. Казалось, что небо и земля, птицы и животныя — словомъ все вторило намъ. Ей Богу правда, что даже я прослезился, когда окончена была молитва и друзья начали прикладываться къ освященнымъ уже путешественникамъ. Наконецъ мы усѣлись по мѣстамъ, чтобы предоставить и желудкамъ нашимъ почувствовать то наслажденіе, которое чувствовали отверстія души. Услужливыя ложки и послушные зубы обнаруживали по всѣмъ столикамъ такое безпримѣрное сочувствіе къ счастливому исходу предпріятія ирамовъ, что бѣдныя слуги не успѣвали подавать мисокъ, хлѣбовъ и подносовъ съ мясомъ и пилафомъ. Послѣ плотнаго насыщенія утробъ и омовенія рукъ деревенскія дѣти снова огласили воздухъ криками аминь! и снова духовныя лица запѣли священную молитву, но такимъ ужь голосомъ, что ирамы навзрыдъ расплакались. Затѣмъ послѣдовало послѣднее цѣлованіе съ громкими всхлипываніями и исчезновеніе съ поля яствъ доброжелателей. Я принялъ подъ руки свѣтилъ воли пророка съ тѣмъ, чтобы довести ихъ домой, а самому взять коня и направиться къ Аблялиму-пузатому.

— Неужели и ты думаешь сегодня же покинуть насъ? сказалъ

---

*) Такъ называются лица, предпринимавшія путешествіе въ Каабу.

**) Слово это принято и въ мусульманскомъ мірѣ безъ перевода.

одинъ изъ нихъ, когда я началъ распрашивать о дорогѣ на востокъ отъ ихъ селенія.

— Я имѣю небольшое дѣло къ курсаклы-Аблялиму и не поспѣшу отъѣздомъ, если добрые люди пожелаютъ этого.

— Кому же болѣе желать этого, какъ не намъ—отвѣчали они. Ты нашъ послѣдній, посланный Богомъ гость въ минуты разлуки съ родною землею, съ прахомъ отцовъ и дѣтей и со всѣмъ тѣмъ, что нажили въ потѣ лица съ юныхъ лѣтъ! Аллахъ, Аллахъ, какъ тебѣ не грѣшно было сказать такое слово. Мы сами пригласимъ курсаклы-Аблялима, чтобы онъ, подъ очагомъ нашего благоволенія, выслушалъ радостное привѣтствіе изъ твоихъ сахарныхъ устъ.

Ирамы ввели меня въ обширную комнату, чисто и прекрасно убранную цѣлыми войлоками, разноцвѣтными тюфячками и подушками. Надо было бы быть слѣпымъ, чтобы не понять ихъ богатства, которое высказывалось въ горѣ постелей и одѣялъ, въ безсчетномъ множествѣ шитыхъ шелками полотенецъ, въ несмѣтномъ количествѣ мѣдной посуды, чашекъ съ кофейниками, тарелками и т. п. мелочами; но всего убѣдительнѣе говорили кипы женскихъ нарядовъ съ золотыми позументами, серебряные купаки, дорогіе красные платки, фесы съ сіяющими червонцами и бахромами, шитые золотыми нитками папучи, терлыки, ладонки и т. п. бездѣлушки, доступныя людямъ состоятельнымъ.

Посадивъ меня въ уголъ счастливыхъ надеждъ на почтеніе, добродушные хозяева приказали принести кофе для примиренія враждующей пищи противъ змѣиныхъ силъ желудка.

— И такъ, завтра съ разсвѣтомъ, если Аллаху будетъ угодно, мы одновременно выѣдемъ: ты на восходъ, а мы на западъ желаній. Повѣдай же намъ: кто ты и съ какихъ мѣстъ прибылъ утѣшить скорбящія души о прелестяхъ родной земли?

— Я сынъ столицы нашихъ благословенныхъ хановъ, удостоившихся съ внуками и правнуками переселиться въ царство вѣчнодѣвственной красоты; по происхожденію же принадлежу къ священному дубу благовѣстниковъ законовъ Аллаха, который сподобилъ меня познать тайну письменныхъ знаковъ въ теченіи 15-ти лѣтнихъ постоянныхъ заучиваній наизусъ главъ божественнаго Корана.

— *Машъ Аллахъ, машъ Аллахъ!* (слава Богу) отвѣчали ирамы. Нѣсколько минутъ спустя, они предложили послать за Аблялимомъ, что принято было, конечно, съ особенною благодарностію съ моей стороны, а сами ушли въ деревню, для отдачи послѣднихъ прощальныхъ поклоновъ всѣмъ безъ исключенія односельцамъ.

Аблялимъ пришелъ, и я, послѣ подобаемыхъ привѣтствій, прямо приступилъ къ дѣлу. Поселянинъ, польщенный мною въ премудрости вести переговоры съ свѣтилами неба, записалъ на клочкѣ бумаги имя мое и матери моей, потомъ погрузился въ какіе-то

таинственные разсчеты и затѣмъ уже, вынувъ изъ подъ сердца книгу Солейманъ-пейгамбера *), прочиталъ слѣдующее:

„Сокровище, которое ты ищешь, не избѣгнетъ отъ рукъ твоихъ: оно составляетъ твою родовую собственность, но такъ какъ доброе и все хорошее не дается человѣку безъ трудовъ, то и тебѣ придется потратить много времени, пока суженное перейдетъ въ карманъ осязанія“.

Въ этихъ немногихъ словахъ высказано было все, чего жаждала моя душа. Да вознаградитъ тебя пророкъ! вскрикнулъ я, ошеломленный ударомъ надежды. Да не исчезнетъ съ лица земли твой родъ и да будутъ правнуки твои свѣчами въ мракѣ невѣжества людей! Но не наставишь ли ты меня: гдѣ и какими ближайшими путями слѣдуетъ подбираться къ сокровищу, предназначенному мнѣ? спросилъ я.

Джинджи (чернокнижникъ) снова открылъ книгу и сказалъ: „объ этомъ тебѣ можетъ повѣдать только одна женщина, которую ты встрѣтишь случайно, но кто она, гдѣ обитаетъ и чѣмъ отличается отъ другихъ — это составляетъ тайну *хысмета* (судьбы), которую никто не властенъ открыть тебѣ. Я могу только посовѣтовать тебѣ не брезгать словомъ ни единой женщины, подслушивать ихъ разговоры и кромѣ того помнить всякій сонъ, потому что въ сновидѣніяхъ добрыхъ мусульманъ часто слышатся пророчества ангеловъ, которымъ легко читать надпись предопредѣленія на лбу, охраняемыхъ ими людей. „Аблялимъ пузатый поднялся съ мѣста и, пожелавъ мнѣ счастія, быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты. Что сдѣлалось въ моей головѣ отъ его словъ— я до настоящаго времени не могу разъяснить себѣ. Тамъ кипѣло, свистѣло, трубило, пѣло, плясало — словомъ вошелъ въ нее весь рай и адъ. Прислонившись къ стѣнѣ, я прислушивался къ этому гаму и навѣрно соснулъ бы крѣпкимъ сномъ, если-бъ за головою моею не послышалось журчаніе ручья пріятныхъ женскихъ голосовъ. Свѣжая струя воды навѣрно не подѣйствовала бы такъ освѣжительно на мышленія муравьевъ моего мозга, какъ эти голоса; я оглянулся и—о, счастіе! носъ мой попалъ въ маленькое отверстіе въ стѣнѣ, продѣланное нарочно женою или дочерьми хозяина, чтобы разсматривать гостей, посѣщавшихъ ихъ домъ. Очи соблазна расширились у меня, руки опустились, и я началъ трепетать отъ ударовъ сердца и клокотанія крови: предо мною сидѣли двѣ взрослыя дѣвушки — точно два созрѣвшихъ апельсина — и въ какомъ прелестномъ видѣ! Ей Богу, я не пожалѣлъ бы отдать полъ жизни, чтобы онѣ, въ такомъ видѣ, вѣчно просидѣли противъ меня. Я наслаждался райскими чарами и просилъ пророка, чтобы минуты счастія моего не сходили съ зрачка ока,—чтобы ничто не помѣшало имъ сохранить еще на нѣсколько минутъ своего положенія; что касается до меня, то я предпочелъ бы умерѣть съ голоду, погибнуть отъ молніи, чѣмъ уступить мѣсто мое другому. Вотъ

*) Пророка Соломона.

какой я былъ любитель красоты женскаго вѣнца всѣхъ ея достоинствъ! прибавилъ Бекиръ-баба со вздохомъ.—При этомъ надо вамъ знать, что дѣвушки эти принадлежали къ разряду тѣхъ, которыя пользуются въ устахъ джигитовъ названіемъ *чардахлы* или съ балкончиками, а по стану и общему складу формъ къ перепелочной породѣ. Женщины, по мнѣнію моему, всего болѣе сходствуютъ съ птицами, а потому я ихъ и теперь подраздѣляю на слѣдующія породы: на гусиную, къ которой принадлежатъ толстыя сорокалѣтнія; на лебединую, къ которой подлежатъ стройныя отъ 25 до 30 лѣтняго возраста; на индюшью—послѣ 45 лѣтъ. Куропатками я называю *келинчековъ* или замужнихъ въ теченіе перваго года; а дѣвушекъ уподобляю, судя по достоинству, къ вкусамъ мяса: голубинаго, перепелочнаго, жаворонка, болотнаго кулика, черной галки и т. п. У нашихъ женщинъ мужчины сравниваются съ нѣкоторыми породами животныхъ: львами, жербцами, ослами, лисицами, волками и т. п.

Смотрю и слышу: апельсины мои заговорили обо мнѣ.

— Вотъ джигитъ, такъ джигитъ! — сказала одна изъ нихъ, поцѣловавъ кончики своихъ пальцевъ — не чета нашимъ волкамъ съ требушьими шапками на головахъ. Какіе усики, какія брови! а глаза? такъ и метаютъ стрѣлы.

Вотъ бы такого поймать мужа — и меду не надо.

— Куда намъ съ тобою мечтать о городскихъ женихахъ—возразила сестра—у нихъ навѣрно подъ рукою сотни дѣвушекъ, которымъ мы не годимся на фартуки.

— А что, если-бъ мы попробовали бы показаться ему: кто знаетъ вкусъ его? Мать наша говоритъ, что у мужчинъ всегда бываетъ волчій аппетитъ; а у этого, надо полагать, львиный.

—Э, нѣтъ сестра, я боюсь сталкиваться съ этимъ тигромъ: въ его глазахъ есть что-то такое, что пожалуй безъ разсужденія станешь передъ нимъ на колѣна и на все согласишься.

— Правда, правда, душа моя: наши родители не знакомы съ его родными, чтобы въ бѣдѣ помочь горю отчаянія. Но какъ бы, покрайней мѣрѣ, отрѣзать отъ его одѣянія хоть крошечный клочекъ, чтобы приворожить къ себѣ. Бабушка бываетъ у Курсаклы-Аблялима и увѣряетъ, что онъ отлично успѣваетъ въ этомъ. Знаешь что, въ полночь, когда онъ заснетъ, я подкрадусь на цыпочкахъ къ его чалмѣ и отрѣжу край отъ полотенца.

— А вдругъ онъ проснется?

— Ну, и убѣгу.

— Хорошо, если успѣешь, а если попадешься?

— Это невозможно, особенно, если ты постоишь у дверей.

Затѣмъ сестры условились, гдѣ лечь и какія принять мѣры, чтобы предупредить скрипъ дверей. Къ несчастію моему онѣ были вызваны изъ комнаты и лишили меня возможности дольше наслаждаться ими. Между тѣмъ я, измученный фуріею нѣжныхъ соблазновъ и страшнымъ свербѣжомъ лѣвой руки, предсказывающей полученіе радостей или богатствъ, не могъ выдержать бодр-

ствованія и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Никогда, никогда не забыть мнѣ тѣхъ сновидѣній, которыя озарили мракъ сомкнутыхъ очей моихъ въ этомъ домѣ изобилія ѣды, богатства и красоты. Мнѣ явились обѣ хозяйскія дочери, вооруженныя огромною пилою, распяли меня на полу и перепелили на двѣ половины съ безукоризненною правильностію. Каждая изъ нихъ взяла свою часть и вынесла въ другую комнату. Что онѣ дѣлали съ тѣломъ моимъ? я не могъ узнать, хотя и знаю, что душа моя осталась въ той комнатѣ, гдѣ меня распиливали и чего-то ожидала. Часъ или два спустя сестры возвратились и снова положили на полъ обѣ половины моего корпуса.—„Нѣтъ ужь лучше склеимъ его и отпустимъ добыть завѣтный червонецъ—сказала старшая; когда же онъ будетъ возвращаться со звѣздою радости на лбу, тогда остановимъ его и заставимъ жениться на насъ.

— Правда, правда. Онъ не посмѣетъ отказать намъ, потому что въ нашемъ домѣ Аллахъ открылъ ему благоволеніе свое,— отвѣчала другая.

— А ты не будешь тогда ссориться со мною?

— Никогда, если ты станешь любить меня какъ сестру, соблюдать очередь и не прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для возбужденія въ немъ предпочтенія къ тебѣ.

— Но, какъ мнѣ поступить, если онъ станетъ болѣе ласкаться ко мнѣ?

— Напомни ему объ условіяхъ между нами, и онъ найдетъ, что ты добрая жена. Если же и это не поможетъ, то представься обиженною и потребуй развода.

— Вишь, какая мудрая—чтобы потомъ одной наслаждаться!

— Нѣтъ, голубушка, я не ребенокъ, чтобы поддаться твоимъ хитрымъ наставленіямъ. Ты ужь сама требуй отъ него развода, а я никогда не разойдусь съ нимъ.

— Такъ ты не хочешь быть справедливою?

— Я буду дѣлать все, что зависитъ отъ меня, но насиловать его или грозить — не буду.

— Въ такомъ случаѣ намъ обѣимъ нельзя принадлежать ему одному. Лучше бросимъ жребій — и старшая сестра, вынувъ изъ кармана *ашикъ* или баранью косточку, спросила: *алчи* или *хошъ?* *)

— Алчи—отвѣчала меньшая.

Кость начала подбрасываться, но ни единаго раза не останавливалась ни на алчи, ни на хошѣ.

— Видно, что онъ намъ не суженый—наконецъ порѣшили онѣ. Но, если это вѣрно, то пусть же никто не будетъ обладать имъ.

Сказавъ это, сестры взяли въ руки топоры и начали безжалостно рубить на мелкія части мои бѣдныя обнаженныя половины тѣла. Въ эту минуту я проснулся и до того былъ сокрушенъ духомъ, что боялся открыть глаза, чтобы не увидѣть клочковъ тѣла моего въ отдаленіи отъ рыдающей души. Но, благодаря милостямъ

---

*) Верхняя или нижняя сторона бабки.

Всевышняго, это былъ только сонъ. Вся потеря ограничилась тѣмъ, что улетучились концы полотенца отъ моей чалмы, которая, вѣроятно, скатилась съ моей головы и попала въ руки хорошенькихъ сестеръ.

— Ну, счастлива же ваша судьба — подумалъ я не безъ сожалѣнія — что не пришлось вамъ въ глухую ночь подкрадываться къ моей постели! Видно молитвы накормленнаго отцомъ вашимъ народа услышаны пророкомъ и вѣнецъ вашего счастія послужитъ вамъ въ приданое душевнаго цѣломудрія.

Хозяинъ мой возвратился вскорѣ послѣ моего безотраднаго пробужденія и, замѣтивъ, что я ворочаю чалму мою глазами скорби, началъ заботливо разспрашивать: куда дѣвались ея прекрасные концы? Я обвинилъ его крысъ, которыя насмѣялись надо мною во время сна.

— Бѣдныя животныя, вѣрно имъ не хочется отпустить меня изъ дому, въ предположеніи, что я не возвращусь и амбары мои останутся навсегда пустыми. Нѣтъ сомнѣнія, что они ошиблись, принявъ ваше головное украшеніе за мой сарыкъ А такъ какъ вредъ этотъ нанесенъ вамъ въ домѣ ирама, будущаго хаджи, то я обязанъ собственноручно загладить его. Сказавъ это, онъ взялъ мою шапку, сбросилъ съ нея остатки полотенца и замѣнилъ ихъ настоящимъ духовнымъ бѣлымъ шарфомъ съ длинною по концамъ бахрамою.

— Да будетъ тебѣ памятенъ хаджи Мустафа—сказалъ онъ—до того по крайней мѣрѣ времени, пока истреплется эта ткань. Отъ тебя же прошу, сынъ мой, если на случай дойдутъ до тебя слухи, что я оставленъ святымъ пророкомъ нашимъ въ землѣ его, вспомни обо мнѣ съ пожеланіями блага. Сожалѣю очень, что ты представился очамъ моимъ наканунѣ отъѣзда моего и что я лишенъ возможности приблизить тебя, одинокаго въ мірѣ, къ очагу моего семейства. Ты оказалъ бы мнѣ величайшій кейфъ сердцу, если бы ровно черезъ полъ-года навѣстилъ, этотъ домъ и спросилъ у работника: возвратился ли изъ Мекки хаджи Мустафа? Если тебѣ отвѣтятъ: „милости просимъ“ ты бѣги въ объятія мои, но если отрицательно покачаютъ головою, то знай, что я переселенъ въ тотъ міръ, изъ котораго никто не возвращался. Тогда, сотворивъ краткую молитву, поверни коня обратно и ожидай терпѣливо того времени, когда и тебѣ придется сдѣлаться прамомъ и сложить бренные останки на землѣ, освященной дѣлами и чудесами нашего великаго пророка.

— Я не перестану молиться о томъ, чтобы Аллахъ возвратилъ тебя здравымъ въ домъ отцовъ — сказалъ я.

— Если молитва твоя дойдетъ до ушей Творца, то я, по твоему указанію выстрою на дорогѣ фонтанъ или открою въ безводной мѣстности колодезь для утоленія жажды алчущихъ путешественниковъ. Все остальное время прамъ говорилъ мнѣ о своихъ распоряженіяхъ, состояніи, надеждахъ и оставленномъ завѣщаніи. Онъ ночевалъ со мною. Съ разсвѣтомъ мы выѣхали одновремен-

но. Онъ въ сопровожденіи сотни верховыхъ на заходъ своей звѣзды, а я бѣдный, одинокій, на восходъ предполагаемаго солнца счастія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Было невыносимо жарко, когда я въѣхалъ въ глубокое ущелье, вдоль котораго тянулась блестящею лентою небольшая рѣчка, опушенная по берегамъ зелеными вербами, между которыми вытягивались какъ минареты величественныя тополи. Для меня бѣгучая вода и древесная тѣнь всегда составляли предметы восхищенія души, а потому я предположилъ сдѣлать привалъ и покейфировать, пока спадетъ полдневный жаръ.

Доставъ саквы, въ которыхъ находился мой завтракъ, я положилъ на нихъ голову и предался размышленіямъ. Вы я думаю и сами знаете какія веселыя мысли лезутъ въ голову на берегу рѣки, когда душа переполнена надеждами на милости Аллаха. Вдругъ до слуха моего достигли сотни дѣтскихъ голосовъ, вопіющихъ къ пророку. Чтобы это означало? Оглядываюсь: вижу большую толпу молодыхъ дѣвушекъ, прикрытыхъ фереджами съ святыми книгами въ рукахъ, идущихъ на виднѣющее впереди кладбище. Всѣ онѣ громко и на распѣвъ читали молитвы, а сопровождающія ихъ дѣти поминутно кричали: аминь! аминь! Понявъ, что въ этой полосѣ давно не было дождя и что эти безгрѣшныя, юныя созданія вышли въ степь, чтобы умилостивить пророка и Создателя міра я, подъ вліяніетъ ихъ искренняго усердія, также вынулъ изъ пазухи книгу мою и началъ молиться. Видно дѣвичье усердіе и ихъ нѣжные голоса такъ сильно повліяли на мою мягкую душу, что я измочилъ щеки свои слезами и въ заключеніе припалъ къ землѣ прося Господа не отвергать дѣтскихъ молитвъ отъ слуха своего. Пока я охалъ и стоналъ отъ избытка чувствъ, ко мнѣ не слышными шагами подошелъ одинъ изъ благочестивыхъ стариковъ этой мѣстности и, вообразивъ, что я одержимъ падучею болѣзнею, которая, какъ извѣстно происходитъ отъ толчка шайтана, прыгнулъ внезапно ко мнѣ на спину и началъ громко читать заклинанія. Неожиданность эта, при лишеніи возможности оглянуться назадъ до того поразила меня, что я чуть не задохся отъ давленія, страха и не пониманія цѣли.

— Пусти меня сатана! наконецъ я произнесъ, стараясь высвободить руки и приподнять лице отъ земли, къ которой меня прижалъ добродѣтельный человѣкъ.

— Ошибаешься несчастный —отвѣчалъ онъ—не я сатана, а въ тебѣ сидитъ сатана, котораго я именемъ пророка и здѣшняго азиза надѣюсь изгнать изъ твоей утробы. Сказавъ это, онъ сильнѣе началъ прижимать мои руки и чаще дуть и плевать мнѣ въ затылокъ.

— О сынъ дурной матери—завопилъ я—ты переломаешь мнѣ спину и выдавить душу, если станешь продолжать твои шутки.

— Такія фразы мнѣ не разъ приходилось слушать отъ одержимыхъ бѣсами, но будь спокоенъ я отъ нихъ не поблѣднею и не отпущу тебя погибнуть до тѣхъ поръ, пока не выселится изъ горшка твоего злой джинъ.

— Да кто тебѣ сказалъ, что во мнѣ завелъ гнѣздо шайтанъ? вскрикнулъ я, напрягая силы высвободить хоть одну руку изъ желѣзныхъ тисковъ незваннаго благодѣтеля.

— Кто мнѣ сказалъ? Ужъ конечно не злой духъ, а одинъ изъ добрыхъ ангеловъ, которые имѣютъ состраданіе къ мусульманамъ и радуются ихъ благополучію. Лежи же тихо пока я не окончу молитвы моей. Сегодня каждый изъ насъ обязанъ сдѣлать доброе дѣло во имя нашего святаго азиза, что бы онъ выпросилъ у Бога дождя, котораго мы не имѣли давно, а такъ какъ я ничѣмъ болѣе не занимаюсь кромѣ изгнанія изъ человѣческихъ утробъ джиновъ, то и исполню ремесло мое надъ тобою безъ всякаго вознагражденія.

— Повторяю тебѣ, что ты вѣроятно одурѣлъ отъ пощечины вѣдьмы. Ни я, ни тетки тетокъ моихъ никогда не имѣли сношеній съ порочными духами. Ради Бога освободи меня отъ твоей тяжести!

— Твои слова вполнѣ доказываютъ мои убѣжденія. Но потерпи дружокъ еще нѣсколько минутъ. Клянусь тебѣ только что освященною бородою моею, ты вновь будешь чистѣйшимъ мусульманиномъ.

Я еще разъ напрягъ всѣ силы, чтобы сбросить съ спины моей усерднаго исполнителя заповѣдей пророка, но не достигнувъ желанія, вынужденъ былъ остаться неподвижнымъ. О да сохранитъ меня Аллахъ отъ вторичнаго подобнаго случая! Я промокъ насквозь отъ пота, задыхался и проклиналъ часъ прибытія моего къ этой рѣчкѣ.

— Аманъ, аманъ, я умираю! закричалъ я.

Но вмѣсто сожалѣнія получилъ нѣсколько ударовъ священною книгою по головѣ. Въ эту минуту я сдѣлалъ послѣднее усиліе и благодаря одной освобожденной рукѣ, опрокинулъ безжалостнаго мучителя моею и осѣдлавъ его такимъ точно образомъ, въ свою очередь началъ читать надъ нимъ молитвы.

— Что ты дѣлаешь ? заревѣлъ онъ.

— То, что ты дѣлалъ надо мною—отвѣчалъ я.

— Но ты былъ одержимъ злымъ бѣсомъ, а я совершенно чистъ.

— Такіе отвѣты даютъ обыкновенно всѣ бѣсноватые и я началъ сильнѣе прижимать его къ землѣ.

— Аманъ. аманъ—завопилъ онъ —ты оставишь дѣтей моихъ сиротами, а жену вдовою.

— Ничего твоя жена сдѣлается вѣдьмою и станетъ кормить птенцовъ твоихъ молокомъ чужихъ коровъ. Ты издѣвался надо-мною теперь и я посмѣюсь надъ тобою.

— Но я, клянусь тебѣ именемъ пророка хотѣлъ сдѣлать благое дѣло въ честь нашего азиза.

— Я тоже самое дѣлаю и не отпущу тебя, пока ты не поклянешься научить меня искусству изцѣлять бѣсноватыхъ.

— Согласенъ, согласенъ, только освободи меня поскорѣе.

Когда мы удалились другъ отъ друга и свободно начали дышать, неизвѣстный человѣкъ бросилъ мнѣ свой кисетъ съ табакомъ въ знакъ дружбы. Наложивъ трубку, я спросилъ его кто онъ и изъ какой мѣстности?

— Я живу невдали отсюда и благодаря милостямъ всемилостивѣйшаго Бога владѣю изряднымъ состояніемъ. Ты сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе, если переночуешь подъ моею кровлею.

При этихъ словахъ я приблизился къ нему и между нами установились братскія отношенія. Часъ спустя передъ нами вторично прошли невинныя дѣвы въ сопровожденіи игривыхъ дѣтей. Въ средѣ ихъ я подмѣтилъ двухъ, которыя полнотою тѣла, свѣжестью щекъ и быстротою большихъ черныхъ глазъ не уступали газелямъ. Къ удовольствію моему обѣ эти дѣвушки оказались дочерьми, вновь пріобрѣтеннаго мною друга и естественно дали мнѣ толчекъ почувствовать къ родителю ихъ особенное чувство благоволенія.

— Ну теперь и намъ пора идти домой—сказалъ Хайбетъ-эфенди. Хозяйка моя навѣрно давно уже нажарила хынгачу (лепешки) и ожидаетъ меня. А тебѣ я думаю извѣстно, что блюдо это хорошо пока не остыло. Сказавъ это, онъ поднялся съ мѣста и помогъ мнѣ перенести саквы мои на лошадь.

Часъ спустя мы вошли въ довольно большую деревню, хаты которой выглядывали подобно женщинамъ въ чистыхъ сорочкахъ съ желтыми *пештемалами* (фартуками) *). Домъ Хайбета оказался посрединѣ селенія и судя по длинѣ былъ самымъ лучшимъ. При входѣ въ комнату меня обдало тончайшимъ ароматомъ табачнаго дыма и тѣмъ особеннымъ запахомъ отъ семейной бани, который свойственъ только мусульманскимъ обителямъ. Въ запахѣ этомъ было очень много чего-то отраднаго, чего-то свидѣтельствующаго о блаженномъ кейфѣ Хайбетъ-эфендія въ средѣ своего семейства. Да и возможно развѣ, чтобы домъ, въ которомъ росли такія прелестныя дѣвушки не благоухалъ нѣжнѣйшимъ ароматомъ ихъ тѣла? Эхъ, есть же такіе счастливцы, которые окружены всѣми благами міра и плевать имъ на неразмѣнные червонцы!

Хайбетъ-эфенди посадилъ меня на почетное мѣсто и, поздравивъ съ пріѣздомъ, поручилъ слугѣ объявить, что мы ждемъ завтрака.

— Надо думать—сказалъ онъ—что послѣ сегодняшней молитвы дѣвушекъ, нашъ пророкъ сжалится надъ нами и пошлетъ дождь.

Мнѣ ужасно хотѣлось сказать, что пророкъ навѣрно это сдѣлаетъ если только замѣтилъ красоту его дочерей, но такъ какъ подобныя вещи не говорятся передъ отцами, то я прикусилъ губы.

---

*) Это означаетъ, что они были выбѣлены, а у корнизовъ смазаны желтою глиною.

— Третьяго дня выходили въ степь всѣ мущины—продолжалъ хозяинъ, но видно нашъ мулла не пользуется расположенностію пейгамбера *). И дѣйствительно это такой безпутный скряга, котораго давно бы пора изгнать изъ деревни, да все какъ-то жаль чужаго человѣка, обремененнаго кучею маленькихъ дѣтей и отучившагося отъ полевыхъ работъ. Ты изумишься пріятель мой, если я разскажу тебѣ какимъ образомъ онъ надуваетъ тѣхъ простосердечныхъ татаръ, которые по необходимости обращаются къ его шираату (суду).

— Я люблю слушать такія вещи—сказалъ я, приготовивъ уши къ воспріятію поучительныхъ примѣровъ.

— Однажды къ нему зашли два сосѣда съ просьбою опредѣлить кто изъ нихъ провинился предъ Богомъ за какую-то ссору. Надо вамъ знать, что оба мусульманина были хитрые, но крайне богобоязливые люди и боялись умереть съ грѣхомъ на душѣ. Не желая быть обвиненными, одинъ изъ нихъ взялъ въ руку большой серебрянный рубль и при входѣ показалъ судьѣ, другой же вложилъ въ ротъ блестящій червонецъ.

— Что скажете друзья мои? спросилъ имамъ, сажая передъ собою неожиданныхъ гостей.

— Я имѣю къ тебѣ дѣло—сказалъ первый, показывая ему вторично ладонь, на которой лежалъ рубль.

— А ты тоже по дѣлу? обратился мулла къ другому,

— Охъ, да; по дѣлу, отъ котораго у меня перегорѣли губы—отвѣчалъ послѣдній, показывая языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ золотую монету.

— Потрудитесь же объяснить, не теряя дорогаго время.

Татаре разсказали. Когда они окончили имамъ ограничился слѣдующимъ лаконическимъ отвѣтомъ: возвратитесь домой съ миромъ и полнымъ убѣжденіемъ, что первый изъ васъ чистъ передъ пророкомъ какъ серебро, а второй, какъ золото.

— Мудро сказано. У такого имама можно поучиться и городскимъ хатишамъ—сказалъ я.

— Ты похвалилъ его преждевременно, потому что онъ просто мошенникъ. Вообрази какъ онъ поступилъ съ пятью моими двоюродными братьями, которымъ оставилъ дядя мой большой фруктовый садъ. Каждому изъ нихъ онъ обѣщалъ пріискать статью закона, по которой онъ можетъ сдѣлаться полнымъ хозяиномъ всего наслѣдства. Каждый изъ братьевъ, увлеченный обѣщаніемъ его, принесъ ему по 25 руб. въ задатокъ и собрались на судъ его съ свидѣтелями, что отецъ при жизни всѣмъ имъ по одиночкѣ обѣщалъ отдать свое состояніе. Чѣмъ же онъ кончилъ шираатъ? Тѣмъ, что раздѣлилъ садъ на 5 ровныхъ частей и роздалъ ихъ братьямъ по жребію. Естественно, что старшій не смолчалъ и назвалъ его плутомъ.—Нѣтъ, любезнѣйшій, не я плутъ — отвѣчалъ онъ—а ты хотѣлъ сплутовать и ввести меня въ тяжкій грѣхъ,

*) Посланника, пророка.

но благодаря Бога сторонніе люди показали тоже самое, что и твои лжесвидѣтели. Ты оперся на показанія безвѣрныхъ, а противъ безвѣрныхъ всегда почти являются беззаконные. Такимъ образомъ Аллахъ уровнялъ передо мною ваши силы и дѣло выяснилось въ точности. Какимъ же образомъ я могъ иначе поступить, когда у каждаго изъ васъ были одинаковыя доказательства?

— А деньги зачѣмъ ты принималъ? спросили у него.

— Деньги платятся за всякій честный трудъ—было отвѣтомъ.

— Во всемъ этомъ я не вижу ничего такого—сказалъ я—которое могло бы порочить вашего имама. Что они жадны къ деньгамъ, это доказано съ того времени, какъ праотецъ ихъ пошелъ купаться въ море и, утопая, не хотѣлъ протянуть руки къ тѣмъ, которые хотѣли его спасти, потому что не видѣлъ со стороны послѣднихъ жертвы; когда же бросившіеся за нимъ спасители показали червонецъ, то онъ одновременно вытянулъ обѣ руки и благодаря этому былъ спасенъ. Меня только удивляетъ, что между вами не нашелся такой молодецъ, который наказалъ бы его остроумною выходкою. Въ Бахчисараѣ обыкновенно съ такими скоро расправляются.

— У васъ совсѣмъ другіе люди, а у насъ все простяки, которые считаютъ имамовъ за великихъ учителей. Въ минувшемъ году былъ прекрасный случай плюнуть ему въ бороду, да каналья увернулся. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: къ одному домохозяину зашелъ подъ навѣсъ волъ этого муллы и былъ пробедренъ находящимся здѣсь бугаемъ, отчего сейчасъ же издохъ. Что намъ дѣлать теперь? спросилъ у жены опечаленный этимъ событіемъ хозяинъ.—Поди къ имаму—отвѣчала она—и скажи ему, что волъ его вошелъ къ намъ въ дворъ и убилъ рогами нашего. Если онъ признаетъ животное свое виновнымъ, и опредѣлитъ вознагражденіе тогда ты заплатишь, если же этого не случится, то ты скажешь ему правду и уйдешь. Мужъ нашедъ совѣтъ жены разумнымъ, пришелъ къ муллѣ и съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ: о, наставникъ нашъ, заботящійся о чистотѣ мусульманскихъ душъ и правосудіи, со мною случилось большое несчастіе: твой бурый волъ прорвалъ рогами животъ моему волу и если ты не вознаградишь меня, то семья моя останется безъ хлѣба. Я умоляю тебя заглянуть въ книгу святаго шираата и сказать какое установлено въ такихъ случаяхъ вознагражденіе?

— Сожалѣю, другъ, что случилось такое несчастіе, но мы можемъ разсудить и безъ пособія святой книги, что волы не обладаютъ духомъ разума и поэтому не подлежатъ суду шираата.

— Такъ ты признаешь, что не обязанъ дать мнѣ вознагражденія? спросилъ простякъ.

— Это скажетъ тебѣ и самъ нашъ муфтій, если ты обратишься къ нему.

— Хорошо, я вѣрю твоимъ словамъ. Ну, а что если я солгалъ, изъ желанія взвѣсить твою мудрость и если не твой, а мой волъ явился убійцею?

— Въ такомъ случаѣ святая книга, сынъ мой, ясно говоритъ, что солгавшій передъ духовнымъ отцомъ своимъ вдвое платитъ по стоимости предмета.

Къ сожалѣнію бѣдняга не нашелся противъ этого отвѣта и вынужденъ былъ отдать муллѣ одного изъ лучшихъ воловъ своихъ, чтобы не тяготиться грѣхомъ и страхомъ подвергнуться наказанію въ будущей жизни.

Только что произнесены были эти слова, какъ мимо окна прошелъ небольшаго роста, съ высокимъ животомъ, жирный человѣкъ въ рыжей бараньей шапкѣ.

— Вотъ онъ и самъ идетъ къ намъ—сказалъ Хайбетъ-эфенди и выбѣжалъ на дворъ.

Оставшись одинъ, въ комнатѣ я началъ осматриваться кругомъ. Домъ оказался плетневый, отлично смазанный глиною съ соломою и ровно забѣленный. На всѣхъ стѣнахъ выведены были желтые цвѣты съ такими разумѣется листьями, какихъ не существуетъ ни въ степи, ни въ садахъ. Да и было бы странно рисовать такія вещи, которыя существуютъ уже: все искусство состоитъ въ томъ, чтобы выдумать что-нибудь не существующее въ природѣ. Изъ всѣхъ рисунковъ мнѣ больше понравились узоры на большой печкѣ, сложенной съ кусочковъ битой черепицы; всѣ они походили на полныя женскія щеки, а нѣкоторые на арбузы и тыквы. Всѣ убранства комнаты выглядывали, какъ бы говоря, что разставлявшія ихъ руки принадлежали красавицамъ. И дѣйствительно всякая чашечка стояла на своей мѣдной подставкѣ, всѣ саганы *) были чисты и прикрыты крышками и разставлены съ строгимъ измѣреніемъ величины какъ бы по старшинству лѣтъ и росту; ниже на шпагатахъ растянуты были полотенца съ разшитыми канителью и шелками концами, на балкахъ аккуратно покоились плисовыя, атласныя и шамаладжевыя курточки и другаго рода одежды, въ центрѣ которыхъ красовался святой Коранъ въ суконной сумкѣ съ желтыми краями. Въ крайнемъ углу стоялъ большой красный сундукъ, перепоясанный жестяными линейками, безъ сомнѣнія наполненный приданнымъ хозяйскихъ дочерей. Я подошелъ къ послѣднему и приложился носомъ, чтобы втянуть въ утробу свою благовонную струю отъ нарядовъ хорошенькихъ созданій. Запахъ былъ такой очаровательный, что я не могъ устоять на ногахъ и, присѣвъ на войлокъ, положилъ на него голову и втягивалъ воздухъ съ жадностію. Вамъ я думаю странно слышать такія рѣчи отъ старика, но клянусь вамъ, что и теперь я забываю дряхлость мою когда до обонянія моего дойдетъ женскій запахъ. Въ молодыя же лѣта я отъ него приходилъ въ изступленіе и нерѣдко тратилъ слезы отъ избытка чувствъ.

— Охъ молодость, молодость! произнесъ Сеитъ-ага—какое наслажденіе ты являешь душѣ на всякомъ шагу. Чего бы я не далъ,

---

*) Мѣдная посуда въ формѣ нашихъ салатниковъ.

чтобы возвратить тебя, чтобы еще разъ насладиться твоими неизъяснимыми благами.

— Нѣтъ сомнѣнія, что я заснулъ бы на этомъ сундукѣ ароматовъ, еслибъ случайно не замѣтилъ возвращающагося Хайбетъ-эфендія въ сопровожденіи ненавистнаго муллы и еще какого-то мусульманина.

— Селямъ-алейкемъ, съ пріѣздомъ! проговорили вошедшіе и сѣвши, начали освѣдомляться о здоровьи моемъ.

Я отвѣчалъ имъ по всѣмъ правиламъ религіи съ опущенными глазами съ цѣлью показать себя съ хорошей стороны.

Вслѣдъ затѣмъ вошли въ комнату слуги съ подносомъ, на которомъ лежала цѣлая гора пухлыхъ лепешекъ и намъ подали умыть руки.

— Какъ жаль—заговорилъ мулла—что въ наше время перестали умывать гостямъ ноги, а то я своеручно бы исполнилъ это правило, сохранившееся до нашихъ дней у кавказскихъ жидовъ.

— А развѣ ты былъ на Кавказѣ? спросилъ я.

— Я ѣздилъ туда съ нашимъ губернскимъ кадыскеромъ, котораго русское правительство посылало къ черкезамъ, чтобы уговорить ихъ сдаться. Признаться мнѣ очень не понравились эти разбойники. Между ними только и хороши тѣ, которые исповѣдуютъ жидовскую вѣру, а живутъ какъ настоящіе мусульмане и употребляютъ между собою въ тѣхъ же выраженіяхъ какъ и мы селямъ *), невѣсты ихъ также красятъ пальцы на рукахъ и ногахъ кною и такъ уважаютъ хозяина или главу дома, что никто не осмѣлится прикоснуться къ пищѣ до того времени, пока онъ не роздастъ имъ своими руками по кусочку черека или лепешки подобно вотъ этимъ. Но больше всего мнѣ понравилось у нихъ гостепріимство и страстное желаніе избѣгнуть смерти. Для достиженія послѣдняго они придумали чрезвычайно оригинальный способъ заклятія при возвращеніи съ похоронъ и именно рвутъ траву и, бросая ее чрезъ плечо назадъ, говорятъ: „да прекратится смерть на вѣки вѣковъ!“

— Ужъ не мечтаютъ ли они, что Аллахъ оставитъ ихъ навсегда на землѣ—спросилъ Хайбетъ-эфенди—чтобы не утратилась жидовская вѣра?

— Ну, а ты сосѣдъ—сказалъ имамъ—чего не предвигаешься къ столу?

— Мнѣ не хочется ѣсть.

— Отчего? спросилъ съ удивленіемъ хозяинъ. Развѣ слыхали, чтобы кто отказывался отъ хыйгачей.

— Я такъ наѣлся сегодня во снѣ верблюжьяго мяса, что ужасно тошнитъ.

— Ты навѣрно согрѣшилъ чѣмъ-нибудь, что пророкъ послалъ

---

*) Въ III т. унив. описан. Крыма мы сказали, что на библейскомъ языкѣ привѣтствіе выражалось словами: шаломъ-алейхомъ и алейхемъ-шаломъ мусульмане же говорятъ: селямъ-алейкемъ и алейкемъ-селямъ.

тебѣ такое непріятное сновидѣніе—замѣтилъ мулла. Совѣтую тебѣ раза три, безъ отдыха, пройти къ могилѣ нашего святаго азиза. Такія наказанія и мнѣ приходилось переносить въ дни молодости, когда я лѣнился совершить вечернюю молитву.

Хайбетъ-эфенди, который чрезвычайно любилъ лошадей, измѣнилъ нашъ разговоръ вопросомъ: чѣмъ отличаются черкезскія лошади отъ крымскихъ и какимъ образомъ удобнѣе ихъ купить и привести сюда?

— О, черкезскія лошади не разъ заставляли меня вздыхать отъ всей души—началъ мулла; но лошадь лошади большая розница: иная смотритъ на тебя такою красавицею, что повисъ бы у нея на шеѣ и умеръ бы съ голода, а какъ сядешь верхомъ—никуда не годится; у другой шея длинная, голова съ копну сѣна, грива какъ у коростлявой женщины, хвостъ выщипанный, ноги полукривыя, а между тѣмъ не отстанетъ отъ вѣтра и дѣлаетъ такіе прыжки, что духъ замираетъ.

— Это значитъ тоже, что у нашихъ женщинъ — сказалъ хозяинъ—чѣмъ она красивѣе по наружности, тѣмъ не годнѣе для дѣла и вдобавокъ прихотливѣе, пустѣе и злѣе.

— Изъ сказаннаго мною ты я думаю теперь понялъ, что черкезскихъ лошадей нельзя покупать заочно, а надо самому испробовать, но при этомъ не забудь, что большинство изъ нихъ пріучено закусывать удила и нести всадника, какъ только заслышитъ за собою бѣгъ другой лошади. Нашъ кадыскеръ чуть было не погибъ отъ этого незнанія: къ счастію онъ вовремя пригнулся, когда избалованная лошадь промчала его подъ гигантскими вѣтвями, не то онъ лишился бы головы.

— Ну въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ такого рода животныхъ, потому что не чувствую достаточно силъ въ рукахъ.

Пока велся такого рода разговоръ, въ комнату вошелъ огромнаго роста мущина съ толстыми черными усами, съ громадною мѣдною бляхою на груди и страшною нагайкою въ рукахъ. Я сейчасъ же узналъ въ немъ сотскаго.

— Да будетъ сладка ваша ѣда! сказалъ онъ грубымъ голосомъ и потомъ произнесъ селямъ.

— Милости просимъ къ столу—отвѣчалъ хозяинъ. Какимъ это образомъ ты заглянулъ въ нашу сторону?

— Съ поклономъ отъ окружнаго начальника.

— Видно опять нуждается въ деньгахъ?

Сотскій принужденно улыбнулся. На то мы и созданы — отвѣчалъ онъ—чтобы умѣть выручать начальниковъ въ трудныя минуты. Видишь ли нашъ окружной проигрался въ карты и нечѣмъ пополнить казенныхъ денегъ. Подумалъ, подумалъ и послалъ меня съ поклонами къ Хайбетъ-эфендію, у котораго всегда имѣются для подобныхъ случаевъ припрятанныя деньги.

При этихъ словахъ Хайбетъ-эфенди поблѣднѣлъ, но ничего не произнесъ. Ясно было, что онъ воздержался отъ проклятій изъ

недовѣрія къ сотскому, который, какъ служащій, поневолѣ долженъ былъ болѣе держаться своего начальника.

— А это кто такой? грубо спросилъ юзъ-баши *), указывая на меня.

Въ его тонѣ такая высказывалась власть, что я почувствовалъ маленькое потрясеніе и поспѣшилъ подробно разсказать кто были мои родители и откуда я ѣду.

— А съ какою ты цѣлью прибылъ сюда? Видишь ли мнѣ все необходимо знать какъ ближайшему начальнику, потому что съ нѣкотораго времени въ нашихъ мѣстахъ начали проваливаться сквозь землю лучшія лошади и появляться на городскихъ базарахъ.

— Ужъ не подозрѣваешь ли ты меня ученаго сохту въ искусствѣ конокрадства? сказалъ я тономъ обиженнаго человѣка.

— Всѣ городскіе обитатели въ наше время гордятся своими пороками и для не опытныхъ начальниковъ кажутся святыми людьми, но я братъ не изъ тѣхъ, которые смотрятъ на обязанность свою женскими глазами. Если ты воръ, то прямо говори: берегитесь меня, а если ученый, то сиди у дверей мечети или на могилѣ азиза, а не бродяжничай безъ цѣли.

— Позволь мнѣ Сеттаръ-ага медомъ прервать твою благоухающую рѣчь—заступился молла—Хайбетъ-эфенди никогда не принимаетъ въ домъ свой неизвѣстныхъ людей. При этомъ тебѣ самому стоитъ взглянуть твоими золотыми глазами на нашего гостя, чтобы убѣдиться въ его священной профессіи.

— Все это недурно сказано, но мнѣ хотѣлось бы знать какимъ образомъ Хайбетъ-эфенди познакомился съ нимъ. Только послѣ этого я составлю себѣ убѣжденіе насколько онъ заслуживаетъ наше довѣріе.

Слова эти ужасно непріятно подѣйствовали на насъ обоихъ. Приходилось поневолѣ разсказывать крайне непріятное для насъ событіе и юзъ-баши не успокоился до того времени, пока мы не сознались въ нашей борьбѣ на берегу рѣчки подъ тѣнью большой тополи.

— Ну теперь я знаю кто онъ и отъ души желалъ бы потанцовать на свадьбѣ его, если ты, освободившій его отъ злаго духа, задумаешь оказать ему благоволеніе путемъ родственнаго сближенія.

— Все возможно, если послѣдуетъ соизволеніе свыше—отвѣчалъ хозяинъ.

— Аллахъ все благословляетъ, если его просятъ объ этомъ—сказалъ имамъ.

— О, еслибъ это было такъ! произнесъ многозначительно Хайбетъ-эфенди.

— Что это ты сегодня безпрестанно употребляешь слово если, да еслибъ? Еслибъ и мать моя осталась дѣвицею, то и меня не было бы у васъ въ качествѣ покровителя и заступника предъ на-

*) Начальникъ надъ сотнею.

чальствомъ. Забудь это неприличное слово и ударь по рукамъ— сказалъ сотскій, отодвигаясь отъ стола.

— Извини ага—заговорилъ я—какъ не благовонны твои слова, но я пока не смѣю вдыхать ихъ въ мою кровь. Я еще молодъ и имѣю нѣсколько сестеръ, которыхъ не пристроилъ еще.

— Это не отговорка. Одну изъ нихъ я возьму себѣ въ жены, потому что двѣ недѣли какъ овдовѣлъ, а другихъ охотно приметъ Хайбетъ-эфенди и въ теченіи мѣсяца спровадитъ въ окрестныя деревни. Онъ пользуется здѣсь такою славою счастливца, что каждый съ радостью возьметъ изъ его дома даже старую тряпку въ предположеніи, что съ той минуты посыпятся на него всѣ блага земныя.

— Вѣрю, вѣрю тебѣ, но къ сожалѣнію сестры мои еще не дозрѣли для брачныхъ узъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я умываю руки и предоставляю самой судьбѣ позаботиться о тебѣ.

Покончивъ этимъ пытку, сотскій, какъ прилично начальнику надъ цѣлою округою, три раза рыгнулъ и внезапно повеселѣлъ. Видно угрюмость его происходила отъ пустоты желудка. Такъ покрайней мѣрѣ мнѣ показалось въ то время, но теперь я совершенно другаго мнѣнія о начальствующихъ лицахъ изъ татаръ. Не напрасно отцы наши требовали русскаго господства и настояли на своемъ. Боже сохрани дожить намъ до того времени, когда надъ нами поставятъ начальниками мусульманъ! Имъ кажется, что самъ Аллахъ возвелъ ихъ въ калифатство и предоставилъ неограниченную власть надъ подчиненными. Возьмите въ примѣръ деревенскаго десятника. Вѣдь это ничто иное какъ нищій, деревенская собака, которую содержитъ общество своими остатками, а между тѣмъ онъ сейчасъ же вооружается толстою палкою и изъ кроткаго человѣка дѣлается барсомъ. Никто изъ бѣдныхъ поселянъ не осмѣлится возражать ему изъ боязни получить ударъ, подкрашенный русскими ругательствами, въ предположеніи что послѣднія имѣютъ магическое свойство и болѣе соотвѣтствуютъ его начальническому положенію. Если десятникъ такими глазами смотритъ на власть свою, то господствующій надъ нимъ сотскій и атаманъ возносятъ права свои гораздо выше и требуютъ безмолвнаго повиновенія отъ всѣхъ, за исключеніемъ мурзъ, къ которымъ они почему-то и теперь чувствуютъ особенное благоговѣніе. Самая же сильная власть въ округѣ—это голова или старшина, который раболѣпствуетъ предъ окружнымъ и исправникомъ и въ свою очередь требуетъ отъ поселянъ полнаго раболѣпства. Въ головы, сколько я замѣтилъ, никогда не попадаютъ люди богобоязливые и чтущіе святые законы нашего пророка, а обыкновенно такіе, которые болѣе другихъ говорятъ, лезутъ впередъ напоказъ себя народу, проповѣдуютъ о чести и добродѣтели съ заранѣе обдуманнымъ умысломъ достигнуть господства надъ тысячами такихъ простяковъ, которые станутъ обогащать его добровольными или обязательными жертвами. Это такіе люди, кото-

рые, достигнувъ цѣли, требуютъ уже, чтобы ему держали стремя, когда онъ садится на клячь и учтиво подавали нагайку въ три пальца толщиною, чтобы онъ могъ бы хлопнуть по сѣдельнымъ кожамъ со всей мочи для того, чтобы и бѣдное животное сознало его преимущество въ сравненіи съ обыкновенными мусульманами. Подумаешь чего ради ставятъ надъ ними такихъ головъ, которые не знаютъ ни грамоты, ни духовныхъ, ни гражданскихъ законовъ и исключительно зависятъ отъ вѣчно пьяныхъ писарей. Для того—отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ—чтобы служить красотою народа, принимать отъ имени его всѣхъ *забитовъ*, угощать ихъ и одарять для поощренія на трудномъ поприщѣ.

— Неужели всѣ наши головы такіе? спросилъ Сентъ-ага.

— Всѣ безъ исключенія—рѣшилъ Бекиръ-баба—это подтверждается во первыхъ тѣмъ, что попавъ однажды въ головы, они употребляютъ всѣ усилія не лишиться этой выгодной обязанности до самой смерти и достигаютъ этого, заручившись дружественными отношеніями съ нѣкоторыми только поселянами, которые пользуются почетомъ въ своихъ деревняхъ и безропотно рѣшаютъ всякое общественное дѣло—и наконецъ тѣмъ, что они въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣлаются очень состоятельными людьми и до того зазнаются, что смотрятъ на бѣдныхъ поселянъ, какъ на отару овецъ.

Между тѣмъ русское начальство совершенно иначе обходится съ нами во первыхъ оно снисходительнѣе обращается съ тѣми, кто не сознаетъ законныхъ постановленій, не торгуется когда требуетъ вознагражденія, мало ругается и не питаетъ въ груди мести; во вторыхъ оно въ свою очередь является на помощь къ бѣдному и въ рѣдкихъ случаяхъ оставляетъ безъ наказанія богатыхъ притѣснителей...

— Это правда—замѣтилъ Сентъ-ага.

— Такая же правда какъ и то, что русскій чиновникъ, однажды взявшій подарокъ, навсегда дѣлается твоимъ пріятелемъ, а нашимъ головамъ постоянно давай и не ожидай никакихъ одолженій безъ соизволенія писаря, который держитъ въ карманѣ его печать.

— Ну, какъ ты провелъ остальное время въ домѣ Хайбетъ-эфендія? спросилъ я, чтобы прервать нить разговора, мало интересовавшаго меня.

— Хайбетъ-эфенди оказался также очень веселымъ и разумнымъ мусульманиномъ, не смотря на то, что въ каждомъ человѣкѣ готовъ былъ подозрѣвать обитель злаго духа и отчитывать его въ славу пророка. Повеселившись нѣсколько часовъ, Сеттаръ-ага, выманивъ у хозяина то, зачѣмъ пріѣхалъ, объявилъ, что намѣренъ ѣхать на молитву и курбанъ какого-то шейха, котораго назвалъ Даулъ-башъ Алтынъ-сачь (т. е. Барабанною головою съ золотыми волосами).

— Боже, а я и забылъ, что у почтеннаго сосѣда моего еже-

годно въ 1-й день іюльской луны совершается народная молитва! Мы поѣдемъ Сеттаръ-ага вмѣстѣ—сказалъ Хайбетъ-эфенди.

— А можно ли будетъ и мнѣ участвовать въ общей молитвѣ? спросилъ я.

— Каждый мусульманинъ обязанъ это сдѣлать—отвѣчалъ мулла въ угоду великому азизу, который почіетъ тамъ. Я увѣренъ, что Даулъ-башъ приметъ тебя съ распростертыми объятіями и накормитъ на цѣлую недѣлю. Я тоже намѣренъ ѣхать къ нему на праздникъ, но только не теперь, а когда все будетъ готово у него къ принятію гостей. Поѣзжайте вы сегодня — обратился имамъ къ хозяину, а мы пріѣдемъ завтра или послѣ завтра. Я возьму на это время твоего гостя къ себѣ.

Часъ спустя Хайбетъ-эфенди съ юзъ-башіемъ уѣхали, а я перешолъ къ деревенскому моллѣ, у котораго также не дурно убранъ домъ былъ и имѣлось много домашнихъ животныхъ. Его бараны выглядывали какъ-то бойко, безпрестанно потрухивали курдюками, пастухъ былъ убранъ блестящими пуговицами и множествомъ молитвъ отъ дурнаго глаза и жадной дальновидности волковъ; всѣ дѣти, которыхъ я насчиталъ 11, завѣшаны были талисманами и различнаго металла монетами. Все это доказывало, что Абселямъ-челеби былъ отличный хозяинъ и мудрый отецъ семейства. Въ комнатѣ его я встрѣтилъ сидящаго въ углу старика, который приходился хозяину дѣдомъ по матери и помнилъ очень хорошо Капланъ-гирей хана. Не смотря на то, что онъ не видѣлъ ничего отъ старости и былъ лишенъ ноги въ битвахъ съ русскими войсками, обладалъ хорошею памятью и любилъ много говорить. Въ первые часы бесѣды моей съ нимъ я узналъ, что онъ нѣкогда имѣлъ 5-ть сыновей, которыхъ женилъ на пятерыхъ родныхъ сестрахъ, а 6-ю младшую взялъ себѣ въ жены для того, чтобы она бѣдняжка не тосковала за сестрами, съ которыми не разставалась никогда. Правда — прибавилъ онъ — она на много уступала по красотѣ старшимъ, а такъ какъ достоинство женщины не всегда заключается въ лицѣ, то я считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ по день смерти ея. Съ той поры я находилъ удовольствіе только передъ горящимъ очагомъ. Я прислушивался къ голосу огня, жадно слѣдилъ за его переливами и нерѣдко въ пламени его мнѣ чудился ликъ моей доброй жены, покинувшей меня въ такія лѣта, когда я казался бременемъ для всѣхъ и въ заключеніе потерялъ зрѣніе.

Утѣшивъ по возможности дряхлаго, отжившаго старика различными текстами изъ святой книги, я воспользовался удобною минутою и разсказалъ ему, что ищу волшебнаго червонца который сужденъ нашему роду и началъ просить его наставить меня уму и разуму.

Не думаю дитя мое—отвѣчалъ онъ—чтобы въ наше грѣшное время осталась такая благодать на землѣ. Впрочемъ все зависитъ отъ Бога; что касается наставленія, котораго ты просишь отъ меня, то я могу предложить тебѣ слѣдующее: поѣзжай сегодня

къ могилѣ нашего азиза, помолись ему отъ всей души и переночуй на ней. Если тебѣ дѣйствительно предопредѣлено свыше обладать такимъ сокровищемъ, то нашъ добрый святой разскажетъ тебѣ во снѣ все, что слѣдуетъ предпринять для достиженія цѣли. Слова эти показались мнѣ достойными исполненія и я послѣ обѣда объявилъ Абселяму-челеби, что намѣренъ провести сегодняшнюю ночь въ молитвѣ надъ могилою азиза ихъ и возвратиться рано утромъ. Имамъ похвалилъ мое усердіе и пожертвовалъ мнѣ маленькую сальную свѣчу, чтобы я зажегъ ее въ головахъ святаго. Сѣвъ на своего коня, я въ какихъ нибудь двадцать минутъ былъ уже на мѣстѣ и, совершивъ таинство омовенія, сталъ на молитву. Благодаря тишинѣ вечера, я надѣялся, что каждое мое слово дойдетъ до слуховыхъ ращелинъ добраго азиза. Къ несчастію я не могъ долго молиться съ тѣмъ усердіемъ, которымъ переполнена была душа моя. Надо было злому шайтану подослать ко мнѣ одного изъ проходящихъ турковъ, которые безпрестанно бродятъ по крымскимъ деревнямъ и обираютъ неграмотныхъ простяковъ, выдавая себя знахарями, колдунами и духовными врачами. Подошедъ ко мнѣ, этотъ ненавистный человѣкъ, который безъ сомнѣнія убилъ въ отечествѣ своемъ или отца или брата и бѣжалъ отъ висѣлицы, воздалъ мнѣ приличный селямъ и порѣшилъ также провести ночь около святой могилы. Не подозрѣвая въ немъ положительнаго мерзавца, я, послѣ продолжительной бесѣды, спуталъ ноги коня моего и заснулъ богатырскимъ сномъ. Только что начало мнѣ сниться голубое небо и летающіе подъ нимъ души моихъ прадѣдовъ, какъ я разбуженъ былъ какимъ-то лошадинымъ топотомъ. Вскочивъ на ноги, я прежде всего замѣтилъ отсутствіе турка, расположившагося около меня, потомъ не нашелъ сѣдла на томъ мѣстѣ, куда положилъ его, а въ заключеніе не оказалось и лошади моей. О, ненавистный турокъ! вскрикнулъ я, падая на священную могилу, и ты не устрашился Божьяго гнѣва у порога святой обители славнаго азиза? о, варваръ, сынъ варвара, какой духъ зла перенесъ тебѣ на горе мое въ нашу благодатную страну? Отчего ты не умеръ на висѣлицѣ въ твоемъ мерзкомъ отечествѣ? О, бѣдный мой конь не видать мнѣ вторично твоихъ черныхъ глазъ, не слыхать твоего ржанія!

И вѣрите ли я заплакалъ такими слезами, какими не сопровождались похороны моей матери. Потеря друга, служившаго мнѣ съ 18-ти-лѣтняго возраста честно и безупречно, настолько повліяла на сердце мое, что я не могъ вторично заснуть и какъ сумашедшій бродилъ вокругъ святой могилы, изрыгая огненныя проклятія на дерзкаго вора, разрушившаго однимъ ударомъ всѣ мои надежды на счастливую будущность.

Съ первыми лучами солнца я возвратился къ Аблялиму-челеби и разсказалъ ему какое великое несчастіе постигло меня. Добрый человѣкъ пожалѣлъ меня отъ всего сердца, а дѣдъ его чуть не расплакался.

— Ты вѣрно въ несчастную минуту вышелъ изъ нашего дома— сказалъ послѣдній или лѣвою ногою прежде сталъ на могилу азиза. Мнѣ кто-то говорилъ, что святой нашъ ужасно негодуетъ противъ всѣхъ лѣвшаковъ.

При этихъ словахъ я началъ припоминать какою ногою я впервые сталъ на могилу и мнѣ показалось, что я дѣйствительно провинился предъ святымъ по незнанію его привычекъ.

— Не скорби мой другъ — утѣшалъ меня имамъ — все, что не творится, все служитъ къ нашему благу. Кто знаетъ быть можетъ эта добрая лошадь убила бы тебя случайно въ ту минуту, когда этотъ негодный мусульманинъ осѣдлалъ ее твоимъ сѣдломъ и скрылся вдали. Ну вообрази, что на спутанное животное напалъ бы волкъ, а оно отъ страху наскочило бы на тебя спящаго.

— Все это можетъ быть отвѣчалъ я со вздохомъ и какъ-то невольно прослезился въ виду того, что мнѣ придется отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія и возвратиться пѣшкомъ въ Бахчисарай.

Аблялимъ-челеби пообѣщалъ мнѣ ходатайствовать у Даулъ-баша о подаркѣ лошади, взамѣнъ пропавшей, и послѣ сытнаго завтрака мы пустились съ нимъ въ дорогу на двухколесной телѣжкѣ.

Прибывъ къ шейху, который въ продолженіи 40 дней не выходилъ изъ мечети и въ постѣ подготовлялся къ жертвоприношенію я, благодаря рекомендаціи Хайбетъ-эфендія, сотскаго и Аблялима-челеби принятъ былъ въ храмъ Божій съ тѣмъ, чтобы въ послѣднюю ночь, не умолкая читать Коранъ. Обязательство это я выполнилъ съ такимъ самоотверженіемъ, что Барабанная голова не могъ налюбоваться моими глазами и предоставилъ мнѣ наблюдать за чистотою мечети въ теченіе того дня, пока творилась божественная дуа и обѣдали сотни молельщиковъ, нарочно прибывшихъ съ различнаго рода подарками изъ окрестныхъ деревень.

Послѣ этого богопріятнаго зіафета мудрый и всѣми уважаемый шейхъ пригласилъ меня въ свое жилище въ качествѣ ученаго, чтобы открывать по его требованію святую книгу законовъ предъ тѣми, которые пожелали бы выслушать его шираатъ въ сегодняшній день.

Къ счастію въ средѣ гостей оказалось немного имѣвшихъ неудовольствія и мы очень скоро отдѣлались отъ нихъ.

Бекиръ-баба остановился и взялъ предложенную ему сыномъ хозяина трубку. Выкуривъ ее, старикъ поднялся съ мѣста и, пожелавъ намъ покойной ночи, ушелъ въ сопровожденіи самого Сеитъ-аги, который направился на вторую вечернюю молитву.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Хозяинъ мой съ ранняго утра послалъ сына узнать о здоровьи Бекиръ-бабы. Я понялъ, что эта любезность происходила отъ желанія узнать зайдетъ ли старикъ докончить свой разсказъ, напомнившій ему молодые годы. Османъ сообщилъ, что хаджи, по

милости Бога, находится въ полномъ кейфѣ и обѣщалъ, послѣ второй полдневной молитвы, посѣтить насъ.

— Въ такомъ случаѣ, дитя мое, ты ужъ самъ позаботься, что бы другъ нашъ не чувствовалъ жажды и голода въ домѣ отца твоего.

Въ назначенное время явился Бекиръ-баба. Трубка съ кисетомъ табаку и вслѣдъ затѣмъ кофе поданы были ему Османомъ со всевозможными знаками почтенія. Старикъ преисполненъ былъ удовольствія.

— Ну, договори намъ—сказалъ Сеитъ-ага—какъ тебѣ жилось у Барабанной головы съ золотыми волосами?

Бекиръ-баба улыбнулся и началъ повѣствованіе.

— Послѣ того какъ вышли лица, искавшія, правосудія шейха—началъ разсказчикъ — къ намъ вошло нѣсколько почтенныхъ татаръ, прибывшихъ на молитву и курбанъ съ отдаленныхъ мѣстностей. Даулъ-башъ предложимъ имъ остаться на ночлегъ. Гости эти съ перваго взгляда показались мнѣ настоящими мусульманами, потому что выполнили въ точности всѣ правила и привычки особъ, дорожащихъ своимъ религіознымъ преимуществомъ предъ другими націями. Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій и откушанія кофе одинъ изъ нихъ по имени Сары-гозъ Дудюкъ оглу (т. е. желто-глазый сынъ дудки) заявилъ шейху, что на этотъ разъ онъ переночуетъ у него, но не иначе какъ съ условіемъ. Съ какимъ? спросилъ Даулъ-башъ. Съ тѣмъ, что вы соблаговолите присутствовать при торжествѣ посвященія сына моего въ афузы.— Неужели въ роду вашемъ будетъ такое счастливое явленіе? вскрикнулъ шейхъ. Машъ Аллахъ! машъ Аллахъ! *) Да я сочту за особенную честь своеручно завязать зеленый сарыкъ на благословенную голову твоего софты и щедро вознаградить учителя его, чтобы онъ доставилъ мнѣ случай еще разъ увидѣть такое важное событіе. Воображаю пріятель мой, какъ радостно забьется у тебя сердце, когда сынъ твой явится предъ тобою въ сарыкѣ и мантіи ученаго калифа!

— Я и теперь плачу отъ радости шейхъ-баба и не пожалѣю лучшихъ быковъ и барановъ на угощеніе народа.

— Еще бы! прибавилъ сосѣдъ его—для такой радости не жаль пожертвовать и собственною жизнью, потому что навѣрнякъ знаешь куда тебя посадитъ пророкъ.

— Одно меня затрудняетъ — сказалъ шейхъ — у меня гоститъ этотъ молодой джигитъ, (онъ указалъ на меня) котораго не прилично будетъ оставлять одного.

— Вашъ гость поѣдетъ съ нами и будетъ моимъ дорогимъ гостемъ. Сказавши это, Дудюкъ оглу обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ. Я не отказалъ, но замѣтилъ, что у меня не осталось въ карманѣ ни единаго гроша для подарка его сыну и учителю

---

*) Хвала Богу!

и при этомъ разсказалъ, какъ обворовалъ меня у святой могилы безжалостный турокъ.

— Не крушись объ этомъ, Аллахъ вознаграждаетъ такихъ людей, какъ ты — сказалъ шейхъ. Ты получишь отъ меня хорошую лошадь на прощаніе и еще кое какія мелочи, необходимыя для путешественника по святымъ мѣстамъ.

— А я — сказалъ Сары-гозъ — охотно дамъ тебѣ нѣсколько рублей для поощренія афуза и его усерднаго учителя.

Доброта эта заставила меня взглянуть пристальнѣе въ лице такого пріятнаго собесѣдника и я замѣтилъ на немъ невдали отъ праваго уха особенный знакъ милостей Аллаха большую шишку, знакъ изобилія ума, который, не вмѣщаясь въ черепѣ его, выдвинулся впередъ въ подобіи сладкаго качана капусты, орошаемой, хотя и непріятными, но благодатными струями бахчисарайскаго Чурукъ-су.

Когда порѣшено было, что мы поѣдемъ всѣ на праздникъ, шейхъ, имѣвшій въ отарѣ Дудюкъ оглу нѣсколько сотень овецъ, началъ распрашивать его о положеніи стада.

— Плохо наше дѣло — отвѣчалъ компаньонъ — въ прошломъ году оспа наказала насъ; но это покрайней мѣрѣ было отъ Бога, а въ нынѣшнемъ мы пострадаемъ отъ презрѣнныхъ пастуховъ, которые подмѣняютъ лучшихъ барановъ въ стадѣ на худыхъ и никуда негодныхъ. Я употребляю всевозможныя мѣры, чтобы открыть тѣхъ негодяевъ, которые соблазнили на это нашихъ чебановъ, но ничего не подѣлаю. Видно послѣ подмѣна овцы сейчасъ же угоняются въ городъ и продаются на зарѣзъ.

— Э, братъ, не крушись о такихъ мелочахъ: если Богу угодно лишить насъ того, что онъ далъ, то мы не предупредимъ тысячи тысячь способовъ, а только ускоримъ свою гибель. Не подражай пожалуста русскимъ, которые въ послѣднее время довели дерзость до того, что задумали истреблять саранчу, на крыльяхъ которой большими буквами написаны грозныя слова: *гнѣвъ Божій*.

— Сказанное вами слаже меда, но я полагаю не лишнимъ спасти молодыхъ пастуховъ отъ наущеній дьявола, который хлопочетъ о своихъ выгодахъ.

— Въ этомъ отношеніи ты совершенно правъ и я завтра же потребую къ себѣ или самъ заѣду въ кошъ, чтобы сдѣлать негодяямъ приличное наставленіе.

Покончивъ и съ этимъ Сары-гозъ Дудюкъ, послѣ минутнаго молчанія, спросилъ у мудраго шейха не нашелъ ли онъ по священнымъ книгамъ какого нибудь вѣрнаго средства противъ страшной болѣзни *тембеликъ* (т. е. лѣни).

— А кто у тебя заразился ею? спросилъ Даулъ-башъ.

— Къ несчастію родной мой сынъ Абла.

— Нѣтъ, другъ противъ этой болѣзни не существуетъ никакихъ средствъ кромѣ огня. Мнѣ извѣстно только изъ разсказовъ, что въ давно прошедшія времена одинъ ханъ питалъ особенное состраданіе къ этого рода людямъ и построилъ для нихъ лечеб-

ницу съ надписью приглашающею всѣхъ входить въ нее и давать полезные совѣты для излеченія несчастныхъ. Состраданіе его довело больныхъ до того, что они ни за какія блага не желали сами принимать пищи и питья и разумѣется по умирали бы голодною смертью, еслибъ не кормили ихъ приставленные нарочно для этого слуги. Впослѣдствіи добродѣтельному хану пришлось нанимать другаго рода служителей для наблюденія за тѣлесною чистотою этихъ байгушей; послѣ чего они потребовали новыхъ еще служителей чтобы переворачивать ихъ съ одного бока на другой. Тогда только разгнѣванный падишахъ приказалъ телялямъ или глашатаямъ вызвать такихъ людей, которые вочто бы ни стало избавили его отъ дальнѣйшей заботы о нихъ. На вызовъ этотъ явился какой-то нищій и, получивъ разрѣшеніе дѣлать что ему угодно, немедленно приказалъ разложить на дворѣ костеръ и объявить больнымъ, что онъ приступитъ къ леченію ихъ единственнымъ вѣрнымъ способомъ и именно сожгетъ одного изъ нихъ и накормитъ остальныхъ дорогою золою. Лѣнтяи, услышавъ это, засуетились и начали требовать объ удаленіи изъ двора безполезнаго врача, но когда получили въ отвѣтъ, что онъ долженъ дѣйствовать по приказанію самаго хана, начали по одиночкѣ выбѣгать изъ дароваго помѣщенія и окончилось тѣмъ, что всѣ больные выздоровѣли до пріема лекарства. Обрадованный этимъ ханъ приказалъ нищаго этого пожаловать бейликомъ и всегда приглашалъ на совѣты въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ полномъ убѣжденіи, что этотъ ничтожный съ вида человѣкъ, спасъ его казну отъ ненасытныхъ лѣнтяевъ, число которыхъ могло увеличиться до нѣсколькихъ тысячь, еслибъ не принято было во время дѣйствительныхъ средствъ. Вотъ пріятель вѣрное лекарство для излеченія болѣзни Аблы—прибавилъ шейхъ—и если ты изъявишь желаніе, чтобы я взялся за это дѣло, то объяви завтра сыну твоему о моемъ намѣреніи сдѣлать его евнухомъ напримѣръ, чтобы облегчить тѣло отъ излишнихъ тяжестей, но съ тѣмъ конечно, что если средство это окажется недѣйствительнымъ, то я вынужденъ буду прибѣгнуть ко второму, третьему и т. д.

— Я непремѣнно объявлю ему и надѣюсь, что труды ваши благословитъ милостивый Аллахъ. Сары-гёзъ неприминулъ опять заговорить за злодѣевъ пастуховъ, подмѣняющихъ овецъ и тогда только успокоился, когда мудрый шейхъ пообѣщалъ ему открыть главнаго виновника этихъ безчестныхъ поступковъ.

Вечеръ мы провели въ разговорахъ религіознаго содержанія. Изъ всѣхъ разъясненій шейха въ памяти моей сохранилось только одно, объясняющее причину отчего джигиты не вдругъ женятся, а обручаются и ждутъ по нѣсколько мѣсяцамъ. По увѣреніямъ Даулъ-баша въ этотъ промежутокъ времени родители обязаны откормить дочь свою, чтобы она набралась силы и красоты на всю жизнь.

На слѣдующій день всѣ мы снарядились въ дорогу и сейчасъ послѣ утренняго намаза сѣли на поданныхъ намъ верховыхъ ло-

шадей. Вамъ я думаю не безъизвѣстна ѣзда наша по степямъ: всѣ встрѣчные дѣлаются пріятелями и если только приходится проѣзжать мимо ихъ деревень, то одни заманываютъ на кофе, а другіе на закуски. Благодаря этимъ любезностямъ, относящимся преимущественно къ шейху, принимаемому вездѣ какъ святость, мы пріѣхали къ Сары-гёзю только на другой день. Человѣкъ этотъ оказался очень богатымъ и имѣлъ нѣсколько построекъ въ дворѣ, въ которымъ жили его два зятя и старшіе сыновья. Эти люди завѣдывали всѣми дѣлами и сами работали въ его хозяйствѣ. Сары-гёзъ слѣдилъ только за овцеводствомъ, принималъ гостей и заботился, чтобы дружно и мирно жили между собою его три жены.

— Неужели у этого человѣка было столько женъ? съ удивленіемъ спросилъ Сеитъ.

— Я это узналъ самымъ достовѣрнымъ образомъ и, говоря правду, удивлялся начто пожилому человѣку такое количество однообразныхъ пироговъ, но впослѣдствіи мнѣ сдѣлалось извѣстно, что на двухъ послѣднихъ онъ женился не по собственной охотѣ, а по требованію первой жены, которой захотѣлось во-первыхъ пристроить своихъ родственницъ и наконецъ имѣть подъ рукою надежныхъ работницъ. Достигнувши этого, старушка вскорѣ убѣдилась, что сдѣлала большую глупость, потому что родственницы ея перестали оказывать послушаніе и съумѣли такъ искусстно повліять на мужа ея, что онъ вдругъ помолодѣлъ и пересталъ даже подъ пятницу навѣщать ее. Старуха ожесточилась и начала бить ихъ, молодыя отвѣчали тѣмъ же и вскорѣ дворъ счастливаго Сары-гёза превратился въ проклятое мѣсто, гдѣ день и ночь слышались крикъ, плачь, стоны и ругательства. Троеженецъ сначала потерялъ голову и хотѣлъ развести ихъ всѣхъ, но потомъ, когда муллы объяснили ему, что жена въ рукахъ мужа тоже поле, требующее очистки отъ сорныхъ травъ, онъ понялъ въ чемъ заключается смыслъ мудрыхъ словъ святой книги и, вооружившись ногайкою, употребилъ ее вмѣсто сапки. Избалованной ласками старухѣ выпало на долю получить на первый разъ ровно столько ударовъ, сколько лѣтъ прожилъ на этомъ обманчивомъ свѣтѣ нашъ пророкъ съ присовокупленіемъ, что если она впередъ осмѣлится пикнуть, то получитъ въ честь послѣдующихъ трехъ калифовъ общую сложность ихъ лѣтъ и будетъ разведена; молодымъ же подругамъ своимъ за излишнюю бойкость языка и неуваженіе къ старшимъ по лѣтамъ, онъ объявилъ, что въ теченіи мѣсяца будетъ поступать какъ съ уличными неразумными мальчишками. Затѣмъ, предоставивъ каждой изъ женъ отдѣльную комнату, онъ опредѣлилъ однажды навсегда, что ночь подъ пятницу будетъ проводить съ первою женою, а остальные дни недѣли по очередно распредѣляетъ между остальными. Распоряженіе это прекратило всѣ неурядицы и водворило райское спокойствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что я, какъ молодой человѣкъ, очень интересовался видѣть послѣднихъ въ полномъ сознаніи, что эти мо-

жетъ быть недоступныя съ вида женщины только тогда не увлекаются, когда видятъ кругомъ себя трусливыхъ и глупыхъ поклонниковъ богатства. Желаніе мое въ тотъ же день увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: я увидѣлъ сквозь заборъ обѣихъ молодыхъ женщинъ, участвовавшихъ въ приготовленіи разныхъ разностей для предстоящаго зіафета или празднества. Изъ нихъ одна показалась мнѣ такимъ лакомымъ кускомъ откормленной овечки, что я не прочь бы превратиться въ волка, чтобы унести ее въ ближайшій лѣсъ; у второй же были чрезвычайно грубыя черты лица: глаза какъ у теленка, брови какъ двѣ обгорѣвшія головешки, ротъ въ подобіе изношеннаго чарыка, а носъ точно пастушье кресало. Словомъ она не могла вызывать никакого аппетита ни въ сердцѣ, ни въ глазахъ. А что, если я заговорю съ красавицею—подумалъ я и, выждавъ удобной минуты, произнесъ ласковымъ голосомъ:—„да исполнится дѣло твое безъ труда!“ Молодка быстро оглянулась. „Спасибо, но только иди своею дорогою“ отвѣчала она.—Развѣ такъ обходятся жены Сары-гіза съ своими гостями? — А развѣ хорошіе гости такъ поступаютъ съ женами тѣхъ, которые пригласили ихъ на пиръ?“ Отвѣтъ этотъ показался мнѣ не совсѣмъ пріятнымъ. — Красавица вскрикнулъ я — ты заставишь меня сегодня же умереть у порога твоего, если станешь обижать путешественника по святымъ могиламъ и бросать въ него острыми гвоздями. — Послушай, джигитъ, отойди лучше отъ меня, иначе я угощу тебя по головѣ вотъ этимъ кускомъ *кизяка* *) при этомъ она показала большой кирпичь. Что оставалось дѣлать? отступить отъ злой женщины, не добившись ласковаго слова, равнялось изгнанію изъ дома, потому что она разсказала бы все мужу. — „Неужели ты думаешь испугать меня угрозою? сказалъ я—горе тебѣ великое ожидаетъ, если ты, не прикрывшая свои прелести, не дашь мнѣ возможности насладиться ими. Ты воспламенила мою кровь не исполненіемъ святыхъ правилъ; ты согрѣшила предъ заповѣдью пророка и непремѣнно погибнешь отъ моей руки, или не поправишь моего испортившагося сердца. Да будетъ же тебѣ извѣстно, что если ты не научишь меня, какъ проникнуть въ твою комнату или скажешь мужу что-нибудь обо мнѣ, я сейчасъ же выѣду отсюда и не иначе пріѣду какъ съ ангеломъ смерти“. Слова мои озадачили молодую женщину. Въ это время показалось нѣсколько старухъ, идущихъ къ ней.—Отвѣчай мнѣ поскорѣй! произнесъ я, пригнувшись къ забору, чтобы укрыться отъ любопытныхъ. — Ради Бога уйди — отвѣчала она –я постараюсь утѣшить тебя послѣ зіафета, если представится удобный случай. Этого было достаточно для меня и я возвратился въ нашъ конакъ, гдѣ собраны были хозяиномъ всѣ чебаны, подозрѣваемые имъ въ похищеніи овецъ.

— Друзья мои—сказалъ шейхъ—я видѣлъ страшный сонъ: будто вы всѣ перенесены были шайтанами въ адъ. На вопросъ мой,

*) Засушенный скотскій пометъ, употребляемый въ степяхъ на топливо.

чѣмъ вы заслужили гнѣвъ Божій одинъ изъ святыхъ праотцевъ моихъ отвѣчалъ: эти несчастные подмѣняли у господъ своихъ овецъ, которыя выгодно продавались на рынкахъ. Грѣхъ этотъ такъ великъ, что имъ придется триста тридцать три тысячи лѣтъ кипѣть въ смолѣ, чтобы смыть грязныя пятна съ лица души. Кто же изъ нихъ болѣе виновенъ? спросилъ я.—Тотъ кто первый внушилъ мысль заняться этимъ богопротивнымъ дѣломъ.— А какъ его узнать?—Очень не трудно—отвѣчалъ святой и научилъ меня, что надобно дѣлать для этого. Такимъ образомъ друзья мои, если вы добровольно не укажите на того, кто внушилъ вамъ преступную мысль для гибели души, то я самъ открою виновнаго и предоставлю полное право шайтанамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

— Мы не виноваты ни въ чемъ—отвѣчали пастухи.

— Въ такомъ случаѣ я приказываю вамъ придти ко мнѣ вечеромъ; я воспользуюсь тѣмъ способомъ, который предоставленъ былъ мнѣ моимъ праотцомъ.

Пастухи, молча вышли. Даулъ-башъ погрузился въ размышленіе. Я видѣлъ, что сокровищница его ума задвигалась и начала заигривать зрачками глазъ. Сары-гёзъ крехталъ, но по необходимости долженъ былъ свернуть простыню нетерпѣнія и положить подъ одѣяло ожиданія.

Тѣмъ временемъ прибылъ на судъ шейха Абла. Несчастный и точно пьяный повалился на войлокъ и прикрылъ глаза, свидѣтельствующіе о прозрачности его мозговъ и силѣ недуга, оковавшаго ясныя пониманія.

— Ты болѣнъ мой сынъ? спросилъ шейхъ заботливо.

— Не знаю, можетъ быть.

— Болитъ ли у тебя, что-нибудь?

— Нѣтъ не болитъ.

— А бываетъ у тебя желаніе кушать?

— Всегда.

— А хотѣлось бы жениться?

— Я давно уже прошу объ этомъ отца, но онъ противъ этого бросаетъ мнѣ прямо въ лицо словами мерзости и заставляетъ работать, къ чему я не чувствую ни малѣйшей охоты.

— Это значитъ сынъ мой, что въ тебѣ поселился дьяволъ лѣни и мнѣ предстоитъ открыть то мѣсто, гдѣ онъ устроилъ свое гнѣздо.

— Ищите, если это доставляетъ вамъ забаву, но мнѣ казалось бы вы отлично поступили, еслибъ посовѣтывали отцу моему женить меня.

— Напротивъ мой сынъ мы думаемъ сдѣлать лучшее и именно лишить тебя возможности жениться, потому что духъ лѣни поселился въ утробѣ твоей и разчитываетъ расплодиться на твой счетъ. Намъ ничего не остается болѣе какъ вырѣзать съ корнемъ его пристанище. Приготовься же дружекъ къ печальной операціи, если у тебя самого не хватитъ силъ побѣдить своего врага. Опе-

рація будетъ совершена мною сейчасъ же послѣ посвященія брата твоего въ афузы. Конечно послѣ операціи ты останешься навсегда холостымъ, но за то возвратится твое проворство и ты по крайней мѣрѣ будешь въ состояніи прокормить себя.

Абла выпучилъ глаза изумленія, но хранилъ молчаніе рыбы. Минуту спустя шейхъ продолжалъ:

— Теперь, сынъ мой, ты можешь возвратиться въ свою коморку и почивать до того времени, пока потребуютъ тебя.

Молодой человѣкъ вздохнулъ и началъ просить снисхожденія. Никто не сочелъ нужнымъ отвѣчать ему. Въ это время прискакалъ на дворъ передовой съ извѣстіемъ, что сынъ Сары-гôза, въ сопровожденіи наставника своего, пріѣдетъ къ вечеру.

— *Гозъ-айдынъ, гозъ айдынъ!* *) раздалось со всѣхъ сторонъ и хозяинъ вынужденъ былъ вторично напоить всѣхъ поздравлявшихъ кофеемъ, а вѣстнику подарить любаго барана.

Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по деревнѣ и всѣ желающіе полакомиться кофеемъ незамедлили посѣтить почтеннаго Дудюка. Предъ вечеромъ прибылъ ожидаемый гость въ сопровожденіи наставника своего и нѣсколькихъ муллъ, приглашенныхъ нарочно изъ отдаленныхъ деревень, въ качествѣ экзаменаторовъ и ассистентовъ. Всѣ они приняты были какъ люди съ важными полномочіями и правами. Будущему афузу, изучившему наизусть безъ ошибки коранъ предоставлено было почтенное мѣсто въ комнатѣ и, не смотря на свои 16 лѣтъ отъ роду, онъ держался какъ старикъ и во все время не позволилъ себѣ произнести ни единаго слова. Послѣ вечерней молитвы Сары-гôзъ заявилъ шейху, что прибыли пастухи.

— Прикажите поймать и принести ко мнѣ бѣлаго пѣтуха—сказалъ Даулъ-башъ, подымаясь съ мѣста и выходя въ сѣни. Я послѣдовалъ за нимъ. Когда принесли пѣтуха шейхъ взялъ его и вмѣстѣ со мною вошелъ въ темный чуланъ. Здѣсь онъ смазалъ птицу густымъ кислымъ молокомъ и привязалъ ее къ бочкѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ ввелъ обвиняемыхъ и приказалъ каждому изъ нихъ прикоснуться правою рукою къ спинѣ пѣтуха и немедленно выйти въ сѣни, гдѣ расположился самъ. У первыхъ четырехъ чебановъ оказались руки въ кисломъ молокѣ, но у послѣдняго, безъ сомнѣнія струсившаго, были чисты. Шейхъ, поставивъ ихъ въ рядъ, прикрылъ глаза и, прошептавъ молитву, громогласно заявилъ, что главнымъ виновникомъ, подмѣнявшимъ ихъ овецъ, былъ послѣдній пастухъ.

Сары-гозъ заскрежеталъ зубами и навѣрное пустилъ бы входъ дубину, еслибъ обвиненный не бросился къ нему въ ноги и, сознавшись въ грѣхѣ, не получилъ, при ходотайствѣ Даулъ-баша, прощенія и полнаго забвенія о прошломъ въ видахъ того, что Аллахъ вознаградилъ его великимъ счастіемъ видѣть одного изъ сыновей своихъ въ числѣ афузовъ или знающихъ коранъ наизусть.

*) Въ буквальномъ переводѣ: *свѣтъ очамъ вашимъ!*

На слѣдующій день къ полудню прибыло къ хозяину нашему еще нѣсколько ученыхъ муллъ, въ главѣ кадія, державшаго на плечѣ красную шаль или знакъ его высокой обязанности. Откушавши кофе и позавтракавъ, духовники расположились вдоль стѣнъ комнаты и каждый изъ нихъ открылъ свой коранъ, приготовившись къ вопросамъ. Въ эту торжественную минуту введенъ былъ наставникомъ своимъ будущій афузъ и поставленъ на корточки предъ собраніемъ ученыхъ.

— Дервишъ софта! произнесъ калій — сотвори молитву и возблагодари Творца, удостоившаго тебя изучить на изустъ всѣ заповѣди его. Отнынѣ ты на всякомъ мѣстѣ можешь быть наставникомъ славной религіи нашей и руководителемъ нашимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не будемъ имѣть подъ рукою священной книги. Помни это, душа моя, и узнай, что подобный даръ дается одному изъ 20 т. мусульманъ. Вотъ почему мы служители пророка стеклись сюда, чтобы привѣтствовать тебя, какъ счастливѣйшаго изъ правовѣрныхъ.

— Я также прибылъ для этого дитя мое —сказалъ Даулъ-башъ и сочту за особенное счастіе своеручно надѣть на тебя мантію и чалму, какъ знакъ премудрости. Эфендіи, приступайте къ экзамену—добавилъ онъ, обратившись къ мулламъ.

Каждому муллѣ предоставлялось сдѣлать 12-ть вопросовъ. Вопросы были слѣдующаго содержанія: скажи мнѣ 5-й стихъ 7 главы курана; скажи всю послѣднюю главу; скажи 4 главу съ 20-го стиха до конца и т. п.

Дервишъ отвѣчалъ безъ запинки на всѣ безъ исключенія вопросы въ продолженіи болѣе трехъ часовъ. Экзаменаторы утомились и вынуждены были единогласно признать юношу, достойнымъ поцѣлуевъ въ оба глаза и превозглашенія афузомъ. Пока составлялось кадіемъ свидѣтельство, шейхъ смастерилъ чалму и надѣлъ ее на юнаго Дервиша. Затѣмъ, приказавъ ему подняться на ноги, набросилъ на плечи кофейную мантію. Послѣ подписанія всѣми присутствующими удостовѣренія, духовники совершили краткую молитву и приступили къ лобызанію тѣхъ свѣтлыхъ очей, чрезъ посредство которыхъ святой коранъ переселился въ голову молодаго человѣка. Лишь только узнали объ этомъ на дворѣ, масса народа хлынула въ хату и каждый, смотря по состоянію, привѣтствовалъ деньгами не только способнаго софту, но и учителя его. Взаключеніе Сары-гёзъ пригласилъ всѣхъ къ обѣду, состоящему изъ многихъ разнородныхъ кушаній, шербета, язмы и бочки съ бузою.

Предъ вечеромъ явились музыканты, которые видятъ деревни съ зіафетомъ, какъ орлы во снѣ мѣста съ падалью. Сары-гёзъ обрадовался приходу ихъ и разумѣется прежде всего предоставилъ женщинамъ возможность натанцоваться до упада. На мужскую половину музыканты перешли только около полуночи. Пиръ закончился ужиномъ и нижеслѣдующею пѣснею, повторенною по требованію хозяина нѣсколько разъ:

Красавица, пока красавицею слыветъ,
У ней на щекахъ розы цвѣтутъ.
Тѣ, кто губами сосутъ вкусные плоды,
Имъ медомъ и во снѣ пахнетъ,
Такъ и джигита разлученнаго съ другомъ
Скорбная тоска гнететъ.

* *
*

Брови черныя, рѣсницы черныя,
Шея бѣлая и родимки рядами!
Пришлось мнѣ падать съ высоты
И упалъ я въ сѣти твои;
И не рабомъ ты сдѣлала меня—
И свободы ты не дала мнѣ.

* *
*

Охъ, я зналъ себѣ цѣну, но ты вздумала
Продать меня за ничто...
Брови черныя, рѣсницы черныя,
Шея бѣлая и родимки рядами!
Хорошо ли эфенди на красномъ
Рисовать пятна черныя?
Ахъ, какъ тяжело назначеніе тяжолое!
Ахъ, какъ трудно выносить невыносимое!

* *
*

Прижалъ бы я тѣло мое къ тѣлу твоему
О, Аллахъ въ этомъ вся жажда души моей!
Брови черныя, рѣсницы черныя,
Шея бѣлая и родимки рядами!

Не смотря на всѣ эти развлеченія, я ни на одну минуту не забывалъ хорошенькой жены Сары-гёза и при удобныхъ случаяхъ выбѣгалъ на дворъ, чтобы показаться ей. Таковъ ужъ былъ мой грѣшный духъ въ молодыхъ лѣтахъ! Красавица повидимому очень занята была гостями. Ну, думаю, теперь, когда ужинъ прошелъ и женщины разошлись, она навѣрно поджидаетъ меня гдѣ нибудь подъ своимъ заборомъ. Въ этомъ предположеніи я направился въ знакомую уже сторону и началъ заглядывать за плетень. Прошло нѣсколько минутъ; вдругъ вижу ее идущую съ сосѣдняго двора.

— *Ахызъ*! *) — вскрикнулъ я и притаился. — Ты опять пришелъ — отвѣчала она — ужъ не рехрулся-ли ты съ ума? У мужа моего много гостей и онъ вѣроятно не спитъ еще.

— Тѣмъ безопаснѣе для тебя моя душа.

— Такъ ты хочешь непремѣнно проникнуть въ мою хату?

— Я уѣзжаю красавица завтра и если ты не примешь меня

---

*) Дѣвушка. Татаре часто называютъ этимъ именемъ и молодыхъ женщинъ, когда не знаютъ ихъ собственныхъ именъ.

сегодня, то вторично этого не случится. Подумай: ты молода и безъ наслѣдника. Вѣдь тебя выгонятъ дѣти Сары-гёза, если ты останешься безплодною коровою. Поблагодари же Бога, что онъ, въ лицѣ моемъ, посылаетъ тебѣ человѣка, который можетъ обезпечить твою будущность.

— Твои рѣчи джигитъ такъ хороши и справедливы, что я принимаю ихъ безъ разсужденія. Слушай же меня: чрезъ пять минутъ я выйду на дворъ и если махну рукой, то ты смѣло можешь войти въ ту дверь, въ которую я вступлю. Понялъ? но смотри не рискуй, если я не покажусь или не подамъ знака. Сказавъ это, она удалилась быстрыми шагами.

Вы вѣроятно можете сообразить въ какомъ я былъ положеніи до того времени, пока эта женщина показалась и махнула мнѣ рукою. Быстрѣе молніи я перелетѣлъ черезъ заборъ и вбѣжалъ въ темную хату, но только что я произнесъ слово *ахызъ*, чтобы опредѣлить въ какомъ углу она скрывается, какъ почувствовалъ, что сильная мужеская рука, схватила меня за шиворотъ и силилась захватить мои руки съ цѣлью перевязать ихъ веревкою. Стыдъ и страхъ превратили меня въ богатыря, я размахнулся и такъ ловко ударилъ противника моего по лицу, что онъ перекинулся. Естественно, что я долженъ былъ бѣжать не только изъ западни, но даже и изъ деревни, чтобы не попасться на судъ духовенства и почтеннаго Даулъ-баша, обѣщавшаго подарить мнѣ лошадь, взамѣнъ отнятой у меня туркомъ. „Ну проклятая женщина!—думалъ я —очутившись далеко въ степи—пусть всѣ злые духи вселятся въ твою гадкую душу и терзаютъ ее въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ! Пусть на лицѣ твоемъ выростутъ картофельныя шишки, а косы превратятся въ живыхъ змѣй, глаза заростутъ острыми иглами, въ уши впадутъ свинцовыя пули, а изъ рта вѣчно течетъ желтая смердящая мерзость!“ Негодованіе мое такъ было велико, что я заплакалъ отъ безсилія отомстить коварной женщинѣ. Въ эту печальную минуту подошелъ ко мнѣ одинъ изъ запоздавшихъ домой поселянъ изъ сосѣдней деревни, и, видя, что я плачу, сжалился надо мною и пригласилъ меня идти къ нему ночевать.

Я послѣдовалъ за нимъ и разсказалъ снова исторію похищенія у меня туркомъ лошади совсѣмъ имуществомъ моимъ.

— Не плачь товарищъ—утѣшалъ онъ—въ моей деревнѣ есть богатый мурза, который очень милостивъ къ несчастнымъ и онъ навѣрно поможетъ тебѣ въ особенности, если ты имѣешь понятіе въ драгоцѣнныхъ камняхъ.

Предъ свѣтомъ мы пришли въ обширную деревню и я заснулъ какъ убитый въ сѣняхъ добраго бѣдняка.

Ну, подумайте сами: не глупо ли я поступилъ, пожелавши осквернить ложе того мусульманина, который пригласилъ меня на семейный праздникъ, накормилъ и вдобавокъ предложилъ деньги? Это бы еще ничего, еслибъ при этомъ я не могъ лишиться благорасположенія шейха, обѣщавшаго вознаградить мои потери. Вотъ

какъ иногда ничтожныя по праву и происхожденію своему женщины вліяютъ на судьбу мущины! Да Сентъ-ага всѣ онѣ находятся въ дружбѣ съ злыми духами и содѣйствуютъ имъ въ искушеніи нашего брата. Послѣ этого сквернаго случая, я до настоящаго времени не могу вѣрить, чтобы хоть одна изъ женщинъ земли попала въ рай и превратилась въ ту вѣчно-дѣвственную гурію, которой суждено услаждать отходящихъ на покой правовѣрныхъ. Онѣ скорѣе перейдутъ въ адъ, чтобы возмущать грѣшный духъ мучениковъ.

Бекиръ-баба замолкъ и принялся за трубку свою. Османъ принесъ въ большихъ мѣдныхъ тарелкахъ прекрасные абрикосы, единственные плоды, которые обожалъ нашъ разскащикъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нѣсколько времени спустя Бекиръ-баба продолжалъ: съ пробужденіемъ я направился къ даровой гостинницѣ Муратши мурзы, богатаго землевладѣльца, которому досталось послѣ смерти родителей 43 деревни съ бесчетнымъ множествомъ рогатой скотины, лошадей и овецъ; но который, судя по словамъ пріютившаго меня бѣдняка, уже успѣлъ большую половину этого состоянія промотать, по примѣру собратьевъ своихъ, въ дрянныхъ губернскихъ гостинницахъ, при которыхъ нарочно содержатся проститутки для обиранія такихъ безтолковыхъ колпаковъ, какъ наши мурзы. Къ этому вдобавокъ онъ имѣлъ особенную страсть пріобрѣтать драгоцѣнные самоцвѣтные камни, въ которыхъ не имѣлъ понятія. Въ гостинницѣ его я засталъ нѣсколько человѣкъ проѣзжихъ, которые допивая кофе, приготовлялись къ отъѣзду. Это были молчаливые потомки ногайцевъ, успѣвшіе нажить большія состоянія въ хлѣбородномъ керченскомъ полуостровѣ и ѣздившіе въ Симферополь для присутствованія при выборахъ муфтія, которые почему-то не состоялись. Часа за два до полудня пришелъ въ *оду* и самъ хозяинъ. Это былъ молодой лѣтъ 26-ти человѣкъ, небольшаго роста, полный круглый съ лицомъ украшеннымъ гнѣздушками благодатной оспы или признаками того, что онъ отцвѣлъ по соизволенію Бога и слѣдовательно можетъ посвятить себя оплодотворенію міра. По принятому правилу, я поцѣловалъ его руку, освѣдомился о здравіи семьи съ дѣтками и пожелалъ имъ вѣчнаго здоровья. Мурза очень важно усѣлся въ углу и послѣ того какъ поданъ былъ кофе, началъ распрашивать меня откуда и куда я иду. Разсказавъ ему довольно подробно о постигшемъ меня несчастіи, я прибавилъ, что теперь по необходимости долженъ возвратиться домой и оставаться на долгое время безъ дѣла.

Изъ словъ твоихъ я замѣтилъ — сказалъ мурза — что ты въ настояще время свободенъ; а такого человѣка не только я, но и знаменитый мой дядя по своимъ познаніямъ въ врачебномъ исскуствѣ, очень давно ищемъ. Если ты грамотенъ и можешь быть хорошимъ товарищемъ, я полагаю, что тебѣ не дурно бу-

детъ прожить съ нами нѣсколько мѣсяцевъ. За вознагражденіемъ не станетъ остановки и притомъ тебѣ рѣдко придется оставаться на одномъ мѣстѣ. Вѣдь ты навѣрное знаешь, что нашъ братъ мурзы, любятъ вѣчно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, чтобы не провоняться подобно стоячей водѣ.

Лестное предложеніе это очень обрадовало меня: я зналъ, что хотя и не слѣдуетъ вполнѣ вѣрить мурзацкимъ обѣщаніямъ, но что эти люди, въ минуты гульбища, любятъ хвастнуть щедростію. Кто знаетъ—подумалъ я—можетъ быть въ поѣздкахъ съ нимъ мнѣ скорѣе удастся повстрѣчаться съ колдуньею, которая укажетъ гдѣ хранится благодатный червонецъ.

— Ну, рѣшаешься или нѣтъ? настаивалъ Муратша мурза.

— Пожалуй попробую прослужить вамъ нѣсколько мѣсяцевъ, но съ тѣмъ что если мнѣ представится необходимость идти домой вы не задержите меня.

— Ну, порукамъ! вскрикнулъ мурза и приказалъ подать штофъ съ водкою, чтобы запить договоръ.

Не успѣли мы опорожнить нашихъ стаканчиковъ, какъ въ оду вошло нѣсколько человѣкъ, подобно мнѣ искавшихъ счастія и развлеченія въ бродяжничествѣ по деревнямъ.

Поздравивъ каждаго изъ нихъ съ приходомъ и напоивъ кофеемъ, счастливый мурза, по обыкновенію началъ распрашивать каждаго, что онъ видѣлъ и слышалъ по пути слѣдованія къ нему.

Гости обязаны были не только сообщить свои замѣтки за даровой пріемъ, но и всѣ исключительно способности и познанія свои, чтобы позабавить и вообще доставить удовольствіе гостепріимному хозяину для того, чтобы поддерживать въ немъ благое намѣреніе къ пріему всѣхъ безъ исключенія, нуждающихся въ даровомъ пріютѣ и кормѣ.

Послѣ сообщенія новостей, посѣтители начали высказывать свои познанія. Изъ нихъ первый рекомендовалъ себя знающимъ всѣ татарскія сказки; второй увѣрялъ въ способности придумывать *чины* или экспромты на пиршествахъ; третій въ изобрѣтеніи способа опрокидывать на землю самаго сильнѣйшаго борца; четвертый въ метаніи большихъ тяжестей, ѣздѣ на лошади стоя съ лицомъ, обращеннымъ къ хвосту; а послѣдній въ знаніи наизусть именъ всѣхъ деревень Крыма.

— Ну это сомнительно — возразилъ мурза — чтобы человѣкъ могъ бы запомнить названія всѣхъ Крымскихъ поселеній.

— Сомнительно или нѣтъ — отвѣчалъ молодой татаринъ, а я могу вамъ доказать мои познанія на дѣлѣ.

— Попробуй.

И онъ сдѣлалъ знакъ слугѣ, стоящему у дверей, подать хвастуну свой кисетъ съ табакомъ. Молодой человѣкъ прикрылъ глаза и опустивъ въ знакъ скромности голову, началъ чрезвычайно быстро называть деревни по волостямъ. Всѣ мы слѣдили съ изумленіемъ за движеніями его языка и не могли надивиться такому чуду.

— Ну братъ — сказалъ восхищенный мурза, когда онъ окончилъ—еслибъ я былъ ханомъ или султаномъ, я сдѣлалъ бы тебя главнымъ министромъ моимъ; но во всякомъ случаѣ мнѣ, и въ теперешнемъ моемъ положеніи, нельзя оставлять тебя безъ награды: скажи мнѣ откровенно въ чемъ ты болѣе нуждаешься?

— Въ уплатѣ моихъ податей за два года, т. е. въ 6 рубляхъ которыхъ не могъ сберечь.

Муратша мурза въ туже минуту подалъ ему эти деньги и, приказавъ слугѣ накормить гостей теперь же, если они думаютъ продолжать свой путь, сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

Мы направились къ жилищу мурзы по кратчайшей тропинкѣ чрезъ обширный садъ, за которымъ не было ни малѣйшаго присмотра и плоды котораго составляли достояніе всѣхъ деревенскихъ дѣтей и птицъ небесныхъ. Изъ этого я могъ заключить, что мурза мой принадлежалъ къ разряду лучшихъ родовъ ханства и далекъ былъ мысли присвоивать себѣ даже и тѣ произведенія земли, которыя даруются Богомъ для всѣхъ безъисключенія тварей земныхъ. Главный домъ или гаремъ мурзы расположенъ былъ внутри высокой каменной ограды, густо обставленной стройными тополями и другими прекрасными плодовыми деревьями, около которыхъ протекала прозрачная струя воды. Весь почти дворъ засаженъ былъ розами, кануперомъ, васильками, фіялками, и гвоздиками. При видѣ такой роскошной обстановки у меня, какъ-то невольно сжалось сердце и навѣрно брызгнули бы слезы, еслибъ я не вспомнилъ о волшебномъ червонцѣ, обѣщавшемъ доставить и мнѣ всѣ удовольствія міра. За гаремомъ у мурзы былъ большой домъ, въ которомъ онъ принималъ родственниковъ и равныхъ себѣ лицъ. Здѣсь помѣщались также всѣ состоящіе у него на службѣ джигиты, съ которыми онъ обращался дружески, но которые всегда должны были помнить, что онъ ихъ господинъ и не злоупотреблять довѣріемъ, шутками и ласками. Отрекомендованный мурзою сослуживцамъ моимъ, я былъ принятъ ими съ особеннымъ радушіемъ и сейчасъ же убѣжденъ, что Муратша мурза самый щедрый и добрый изъ всѣхъ крымскихъ мурзъ и еслибъ только не тратилъ громадныхъ денегъ на покупку дорогихъ самоцвѣтныхъ камешковъ и заманку русскихъ дѣвушекъ, то былъ бы первымъ богачемъ въ Крыму.

— Но развѣ онъ не женатъ, что гоняется за иновѣрными женщинами? спросилъ я.

— Какъ не женатъ—отвѣчали мнѣ—у него жена такая красавица, что ни какое яблоко не сравнится съ румянцемъ ея щекъ и полнотою тѣла. Но видно такая уже ненасытная натура, въ особенности когда выпьетъ лишній стаканъ водки или дорогихъ настоекъ. Ну, ужъ тогда бѣда съ нимъ: давай все, что не потребуетъ. Сотни рублей готовъ сжечь ради конечной прихоти и своеручно зарѣзать слугу, неисполнившаго его приказанія.

Мурза мой въ тотъ же день поѣхалъ къ дядѣ своему, поручивъ мнѣ надзоръ за гостинницею и пріемомъ болѣе важныхъ

лицъ. Желая въ точности исполнить порученіе его и ближе ознакомиться съ странствующими джигитами степей, я пошелъ въ оду, гдѣ засталъ нѣсколько новыхъ личностей. Всѣ они находились въ полномъ кейфѣ, шутили и смѣялись—точно какъ въ отцовскомъ домѣ. Вотъ благо—подумалъ я—имѣть свою гостинницу на большой дорогѣ: всѣ заходятъ пьютъ, ѣдятъ, разсказываютъ, поютъ и забавляютъ хозяина. Ну, ужъ если добуду неразмѣнный червонецъ непремѣнно выстрою за Бахчисараемъ въ громадныхъ размѣрахъ оду и самъ буду день и ночь просиживать въ ней. Какое благо быть богатымъ человѣкомъ!

Въ моментъ входа моего въ оду одинъ изъ гостей производилъ испытаніе надъ тѣмъ самымъ туристомъ, который считалъ себя способнымъ на экспронты или чины.

— Отчего напримѣръ побѣлѣла у тебя борода? спросилъ онъ внезапно.

— Я на мельницѣ былъ.

— А мелила ли она въ это время?

— Нѣтъ не мелила, но колеса вертѣлись.

— Не вчера ли это было?

— Нѣтъ не вчера, а въ то время когда сказки считались за истину, когда верблюды подпрыгивали подобно блохамъ, когда лягушки и черепахи перелетали на громадныя пространства; когда минареты наши сами пригинались къ рѣкамъ, чтобы напиться воды и когда я набиралъ вмѣсто орѣховъ въ карманы чугунныя ядра.

Присутствующимъ чрезвычайно понравился этотъ отвѣтъ и всѣ единогласно признали бродягу за человѣка, достойнаго избранной профессіи.

Лишь только солнце опустилось за окраины дальней степи и засіяла на небѣ прелестная *Керванъ-басанъ* *), я распорядился вынести изъ оды всѣ войлоки и подушки на дворъ, чтобы предоставить гостямъ больше удовольствія. Распоряженіе мое такъ понравилось въ особенности сказочнику, что онъ растягиваясь во весь ростъ объявилъ, что еслибъ за нимъ пришли изъ Аравіи всѣ 200 верблюдовъ, предназначенные пророкомъ на переносъ въ святую землю праха мусульманъ, то и тогда бы отказался промѣнять теперешній кейфъ.

— Не достаетъ только сосѣдства ртутнаго моря—прибавилъ другой—чтобы любоваться его серебряными волнами **).

— А по моему гораздо пріятнѣе было бы, еслибъ около насъ были тѣ глубокія колодцы, изъ которыхъ добываются драгоцѣнные камни—сказалъ третій. Такъ и быть я не пожалѣлъ бы порубить на куски цѣлаго вола и бросить ихъ въ пропасть, чтобы заставить орловъ, опускаться за ними.

— Какая же тебѣ будетъ польза отъ этого?

---

*) Вечерняя заря.

**) По убѣжденіямъ татаръ ртуть образуетъ обширное, вѣчно бурливое море.

— Неужели у тебя вмѣсто головы тыква, что ты не поймешь самаго обыкновеннаго: къ свѣжему мясу пристаютъ дорогіе камешки, которые осыпаются на воздухѣ. Стоитъ только подбирать ихъ и нести Муратши мурзѣ, который, не торгуясь, платитъ золотомъ. Жаль, что я очень утомленъ, не то разсказалъ бы вамъ какъ этого добраго мурзу обманывали въ прошломъ году жиды, продавая ему стекла подъ видомъ драгоцѣнныхъ камней.

Въ это самое время приблизился къ намъ одинъ изъ запоздавшихъ путниковъ съ тѣмъ, чтобы переночевать.

— Изъ какихъ ты мѣстъ идешь? спросилъ я.

— Отъ извѣстнаго богача въ здѣшней округѣ Сары-гёза Дудюкъ-оглу. Ходилъ поздравлять его съ посвященіемъ сына въ афузы, въ надеждѣ получить хоть одного барана на солонину; но онъ такой оказался скряга, что обезчестилъ званіе сына, которому отнынѣ придется не осквернять рукъ своихъ никакими работами и только помогать бѣднымъ. Впрочемъ ему не прошло даромъ такое обращеніе: весь пиръ и веселіе его осквернилось поступкомъ жены, которая соблаговолила замануть къ себѣ какого-то джигита на ночь и потомъ, когда ее заподозрили въ этомъ, она, въ предположеніи оправдаться, выдала его старшему сыну Сары-гёза.

— Чтожъ ей за это сдѣлали? спросилъ я, полный жажды мести.

— Все духовенство, кадій и шейхъ признали ее виновною, дали немедленно разводъ и заставили Сары-гёза выгнать ее со двора.

— Такъ ей и слѣдуетъ глупой женщинѣ! сказалъ я не безъ удовольствія.

Тѣмъ временемъ туристъ или сказочникъ принесъ свой *сазъ* (балалайку) и задумалъ потѣшать компанію пѣснями и игрою своею. Но онъ не понравился мнѣ. Смотря на него, я только вспомнилъ тѣ давно прошедшія времена, когда по городамъ и селамъ Крыма ходили цѣлыми партіями эти любители веселья и при встрѣчахъ пускались въ состязанія между собою, въ присутствіи многочисленнаго собранія людей. Состязанія эти до такой степени нравились состоятельнымъ мурзамъ, что они содержали ихъ по цѣлымъ недѣлямъ и награждали побѣдителей хорошими лошадьми. Я подсѣлъ къ *чинисту*, болѣе забавному сотоварищу, который доказывалъ слушателямъ своимъ, что въ году бываетъ одинъ часъ, когда всякое желаніе человѣка исполняется, но къ сожалѣнію часъ этотъ не извѣстенъ людямъ и потому только они терпятъ нужды, а иногда случайно подвергаются очень прискорбнымъ послѣдствіямъ.—„Чтобы удостовѣрить васъ въ этомъ—продолжалъ онъ—я разскажу два примѣра: одинъ афузъ, который не довольствуясь своими познаніями, въ предположеніи, что тѣ только могутъ быть очень умными, у которыхъ громадной величины головы, постоянно желалъ, чтобы она была у него величиною съ бочку. Вотъ однажды, просунувъ голову свою сквозь небольшое окно на улицу онъ, по обыкновенію повторилъ свое же-

ланіе и какъ разъ попалъ на счастливый часъ. Голова его раздвинулась, расширилась и вдругъ достигла желаннаго размѣра. Но представьте несчастіе, когда онъ не могъ втянуть ее обратно изъ оконнаго отверстія! Вотъ что значитъ не во время просить милостей у аллаха. Другой случай не менѣе поучительный: мужу и женѣ приснилось, что если они на другой день, ровно въ полдень, пожелаютъ три предмета, то получатъ ихъ. Старики начали придумывать, чтобы потребовать такого, которое оказалось бы лучшимъ; между тѣмъ насталъ урочный часъ. „Эхъ жена—сказалъ мужъ—не мѣшало бы намъ, пока мы обсудимъ чего потребовать, закусить свѣжимъ колбасомъ изъ лошадинаго мяса“.

Не успѣлъ онъ произнести этого, какъ огромный колбасъ упалъ къ нему изъ трубы очага.

— Боже, что ты сдѣлалъ! вскрикнула старуха—мы лишились уже одного желанія. Ахъ ты старый чертъ! чтобъ тебѣ этотъ колбасъ влѣзъ въ носъ!

Только что произнесены были эти слова, какъ колбасъ забрался въ носъ бѣдному старику и сперъ его дыханіе. Несчастному не оставалось болѣе ничего, какъ третьею просьбою освободить свой носъ отъ излишней тяжести. Вотъ видите-ли друзья мои, какъ иногда счастливые люди не умѣютъ пользоваться счастіемъ своимъ“.

Нѣсколько времени спустя къ намъ пришли всѣ деревенскіе пастухи съ дудками и волынками, чтобы повеселить проходящихъ гостей.

Начались пѣсни и танцы, которые продолжались далеко за полночь. Такая жизнь показалась мнѣ городскому жителю просто раемъ и я положился не разлучаться съ Муратша мурзою до тѣхъ поръ, пока не заставитъ необходимость.

Такъ прошло три дня. На четвертый пріѣхалъ хозяинъ мой въ сопровожденіи дяди своего Али-мурзы, считавшагося славнымъ медикомъ и нѣсколькими другими молодыми мурзами, успѣвшими уже промотать большія прадѣдовскія имѣнія; а такъ какъ мнѣ никогда раньше не приходилось сближаться съ нашимъ дворянствомъ, то я исключительно взялся за обязанность служить имъ, конечно съ цѣлью узнать ихъ образъ жизни и преимущества надъ простыми татарами.

Въ тотъ же день нѣкоторые изъ больныхъ, узнавъ о пріѣздѣ Али мурзы, пришли къ нему за лекарствами. Обязанность или положеніе лекаря всегда возбуждало во мнѣ желаніе научиться этому искуству—и вотъ я положился записывать всѣ тѣ средства, которыя онъ употреблялъ на больныхъ. Такъ напримѣръ у одного больнаго не могли остановить крови изъ носа; мурза, осмотрѣвъ его, вынулъ изъ кармана сердаликовый камень, омочилъ его кровью и привязалъ ко лбу изнеможеннаго человѣка—и кровь въ туже минуту прекратилась. Маленькому мальчику, случайно обгорѣвшему въ очагѣ, онъ быстро оказазъ помощь, приказавъ мазать обожженныя мѣста масломъ, выжареннымъ на сухой ско-

вородѣ изъ яицъ; третьему, заболѣвшему какою-то горловою болѣзнею, отъ которой выгораетъ тѣло и больной умираетъ, онъ раза два задулъ мелко-толченнымъ нашатыремъ, а потомъ нѣсколько разъ прижегъ острой водкою и хотя очень долго нельзя было отъ вони приступить къ больному, но онъ все таки выздоровѣлъ. Четвертому джигиту, имѣвшему неосторожность получить незамѣтный насморкъ въ прогулкахъ по городу, онъ оказалъ спасеніе, заставивъ его пить на водкѣ постное масло и *теріякъ* (опій). О послѣдующихъ же врачебныхъ средствахъ его, я хотя и не могу припомнить, но онѣ всѣ у меня записаны и я до настоящаго времени исцѣляю ими всѣхъ, обращающихъ ко мнѣ больныхъ. Словомъ Али мурза со дня пріѣзда къ намъ въ гости заинтересовалъ меня въ такой степени, что я жаждалъ попасть къ нему въ услуженіе на нѣсколько мѣсяцевъ, не смотря на то даже, что при немъ жилъ родной племянникъ жены его Керимъбей, слывущій за сквернаго развратника.

Али мурза на столько же не любилъ русскихъ, на сколько увлекался ими Муратша мурза. Нерасположенность эта. говорятъ, имѣла причины, относящіяся къ его профессіи медика, присвоенной по собственной воли. Такъ или иначе, но онъ безъ стѣсненія говорилъ, что въ Крыму появились холода вмѣстѣ съ входомъ русскихъ; что тамъ, гдѣ станетъ русская нога, тамъ не будетъ рости хорошая трава и что если татарская пола прикоснется къ русской, то для предупрежденія несчастія необходимо отрѣзать ее, а при встрѣчѣ съ попомъ ихъ слѣдуетъ повернуться спиною.

Кромѣ этого—говаривалъ онъ—я терпѣть не могу большинства изъ нихъ за чрезвычайную скупость, въ подтвержденіе чего приводилъ примѣръ какъ одинъ изъ сосѣдей его, жалѣя отрубей даже на прокормленіе дворовой собаки, по цѣлымъ ночамъ заставлялъ жену и дѣтей своихъ сидѣть на дворѣ и громко пѣть пѣсни.

Однако все это не мѣшало мнѣ полюбить Али мурзу за его великія познанія для блага человѣчества. Съ перваго же дня онъ въ свою очередь отличилъ меня отъ прочихъ служителей племянника и просилъ его дозволить мнѣ переѣхать къ нему. Муратша мурза не иначе согласился, какъ послѣ возвращенія своего изъ Симферополя, куда онъ собирался ѣхать на вновь назначенные выборы муфтія и гдѣ ему необходимо было имѣть подъ рукою грамотнаго и расторопнаго человѣка. Заручившись моимъ согласіемъ, мурзы ударили по рукамъ и на магарычь выпили по одной бутылкѣ черной настойки, которую называли этимъ именемъ, чтобы не заслужить народнаго презрѣнія, но которая, какъ я узналъ впослѣдствіи, было виноградное вино, недозволенное правовѣрнымъ.

Вечеромъ я обязанъ былъ спать въ одной комнатѣ съ молодыми мурзами, которые заранѣе распорядились послать за водкою въ ближайшій шинокъ и приготовились гулять всю ночь. Но такъ

какъ это не прилично было дѣлать около гарема, то они условились послѣ ужина перейти въ народную гостинницу и здѣсь предаться позорному пьянству. По обязанности моей я долженъ былъ сопровождать ихъ и наблюдать за порядкомъ. Послѣ второй вечерней молитвы, когда Али мурза и хозяинъ мой отправились на покой, Керимъ бей поручилъ прикащику пригласить изъ деревни русскихъ мужиковъ съ женами и дочерьми, любящихъ водку. — Понимаешь, нашихъ пріятелей и пріятельницъ! прибавилъ онъ многозначительно.

Къ счастію въ одѣ не оказалось никого изъ пожилыхъ людей, за исключеніемъ однаго маленькаго муллы, хваставшаго своими великими познаніями. Молодые мурзы, признавъ нужнымъ выпроводить его по доброй волѣ, рѣшились подвергнуть различнаго рода испытаніямъ. Керимъ бей выпивъ большой стаканъ водки, приблизился къ нему и спросилъ: можетъ ли онъ отвѣчать на всѣ вопросы, которые сдѣлаетъ ему любознательный, недолго учившійся человѣкъ.

— Могу—отвѣчалъ имамъ, погладивъ бороду.

— Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ какими легчайшими путями заставить счастіе посѣщать домъ нашъ?

— Для достиженія этого необходимо пригвоздить къ порогу старую лошадиную подкову. У всѣхъ купцовъ и вообще людей счастливыхъ вы непремѣнно увидите эту эмблему счастія.

— Браво, мулла! отвѣчали остальные присутствующіе.

— Теперь ты мнѣ объясни отчего происходитъ громъ, молнія, дождь, вѣтеръ, морская волна и ураганы?

— Громъ происходитъ, почтеннѣйшій бей, отъ преслѣдованія ангелами злыхъ шайтановъ, которые дерзаютъ по временамъ вылетать изъ адскихъ каминовъ съ цѣлью остаться на землѣ. Но какъ только они покажутся въ облакахъ, ангелы оберегающіе нашу землю, въ туже минуту выдвигаютъ противъ нихъ грозныя пушки и открываютъ стрѣльбу. То, что мы называемъ молніею, это только ударъ кресаломъ о кремень, для извлеченія огня; громъ образуется отъ выстрѣла; что касается дождя, то это ничто иное, какъ пещинки разбитаго ядрами дыма и капли пота испуганныхъ дьяволовъ, стремившихся обратно въ адъ.

Объясненіе это показалось мнѣ настолько вѣрнымъ, что я готовъ былъ поцѣловать мудрый языкъ маленькаго человѣка.

— Вѣтеръ происходитъ отъ болѣе ясныхъ причинъ — продолжалъ мулла—вы видите сверху небо, внизу землю, а въ срединѣ пустоту... ну, и понятно начинаетъ сквозить. Волна обыкновенно слѣдуетъ, когда обитатели морей начинаютъ между собою войну, пляску и другія общія развлеченія. Ураганы надо полагать составляютъ отголоски гнѣвныхъ рѣчей нашего великаго пророка.

— Ты прекрасно объяснилъ намъ все божественное—отвѣчалъ Керимъ бей съ лукавою улыбкою — теперь потрудись объяснить намъ человѣческое, такъ какъ ты женатъ и больше насъ про-

жилъ на свѣтѣ. Скажи прежде всего чѣмъ женщина отличается отъ мущины?

— Тѣмъ, что она создана заботиться о нашемъ кейфе и служить нивою оплодотворенія міра.

— Сколько сортовъ бываетъ женщинъ?

— Я подраздѣляю ихъ на молодыхъ, имѣющихъ свойства сильно привлекать; на среднихъ лѣтъ самыхъ вкусныхъ и опытныхъ и на пожилыхъ или изнуренныхъ заботами.

— Ты говоришь мнѣ вздоръ. Я совершенно не въ томъ смыслѣ допрашиваю тебя: мнѣ нужны тѣлесныя отличія и степень ихъ силы въ отношеніи высшихъ наслажденій.

— Вы это должны знать лучше меня—сказалъ имамъ.

— Какъ ты смѣешь унижать твое святое званіе предъ тѣми, которыхъ обязался учить? Ты молла и слѣдовательно обязанъ отвѣчать на всѣ вопросы свѣтскихъ людей; въ противномъ случаѣ они вправѣ вздуть твой тулупъ, чтобы сама шкура отдѣлилась, и пустить тебя по міру въ мясной рубашкѣ.

— Я всегда исполняю мои обязанности—отвѣчалъ струсившій молла.

— Если такъ, то объясни мнѣ вторично.

Мулла вынужденъ былъ самымъ подробнымъ образомъ описать внѣшнее устройство женщины, а о нѣкоторыхъ частяхъ тѣла ея давать объясненія, дѣйствительно превышающія понятія наши.

— Ну, вотъ теперь я вижу, что ты достоинъ быть наставникомъ людей—сказалъ Керимъ бей. Гей, Бекиръ—крикнулъ онъ, обращаясь ко мнѣ—подай ему стаканъ водки.

Молла началъ было отказываться, но мурзы пригрозили ему насильно влить въ горло.

— Теперь — продолжалъ Керимъ бей — ты обязанъ объяснить намъ на сколько женщина сильнѣе мущины при воздѣлываніи нивы блаженства.

— Это зависитъ отъ мущины и степени его любви къ женщинѣ. Для обработки нивы радостей необходимо имѣть душевное влеченіе и чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ плодотворнѣе дѣлается трудъ. Такъ объясняютъ эту тайну нѣкоторые изъ великихъ толкователей нашей религіи. Но вообще они утверждаютъ, что женщина въ девять разъ сильнѣе духомъ противъ любаго мущины, проще, что она можетъ быть женою девяти мущинъ. Однажды же мнѣ привезли изъ Стамбула книгу, въ которой доказывалось, что нива блаженства до такой степени иногда бываетъ тучна, что представляетъ несомнѣнныя доказательства для распредѣленія ея между 70 работниками. Книга эта случайно похищена была у главнаго султанскаго евнуха, обязаннаго знать все, что можетъ дѣйствовать на чувства падишаха, для возбужденія его ревности къ плодотворству и улучшенію рода человѣческаго. Вотъ еслибъ кому нибудь изъ васъ пришлось бы прочитать эту знаменитую книгу, вы изумились бы числительности способовъ, существующихъ въ

султанскомъ гаремѣ для обработки нивы блаженныхъ помысловъ лучшихъ представителей нашего славнаго ислама.

— Ай да молла! ай да молла! закричали всѣ мурзы и приказали поднести маленькому человѣку еще стаканъ водки.

Услышавъ это, бѣдный имамъ рванулся въ двери и, подобравъ фалды своего длиннаго фередже, пустился бѣжать по направленію къ деревнѣ. Этого только и жаждали молодые мурзы. Очутившись на свободѣ, они не замедлили сбросить верхнія одежды свои и поставить на табуретъ большой самоваръ, налитый водкою. Вслѣдъ за симъ появилось нѣсколько русскихъ съ женами и дочерьми. Эти послѣднія до того показались мнѣ безсовѣстными, когда начали пожимать руки холостыхъ мурзъ, что я не стерпѣлъ и, бросивъ гостей моихъ на произволъ судьбы, возвратился въ свою оду.

Такъ вотъ каковы наши мурзы—думалъ я—и эти люди заставляютъ насъ уважать и подчиняться имъ на томъ основаніи, что предки ихъ съ честью заслужили право господства строгимъ выполненіемъ всѣхъ постановленій Корана. Ну, не на прасно же Аллахъ лишаетъ ихъ тѣхъ громадныхъ имѣній, которыя могли бы вѣчно содержать въ кейфѣ и блаженствѣ не только ихъ, но и все грядущее поколѣніе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Пиршество молодыхъ мурзъ, какъ и надо было ожидать, не окончилось безъ скандала. Керимъ бей дозволилъ себѣ какую-то неумѣстную выходку противъ дочери русскаго мужика, вслѣдствіе чего произошла драка, прекратившаяся страшными синяками и мировою сдѣлкою въ 50 рублей. Безобразіе это сдѣлалось извѣстнымъ Муратшѣ мурзѣ и я думалъ, что онъ побранитъ гостей своихъ; но на дѣлѣ оказалось, что онъ самъ заплатилъ мужику мировыя деньги и совѣтывалъ ему не имѣть впередъ дѣла съ такими байгушами, у которыхъ много церемоній, но ни гроша денегъ въ карманѣ.

— Это со мною вы можете быть увѣрены въ правотѣ своей— сказалъ онъ — я если и оскорблю чѣмъ нибудь дочь твою, то съумѣю самъ примириться съ нею, а эти шарлатаны полагаютъ, что можно оканчивать дѣла ссорами и драками.

Два дня спустя къ хозяину моему начали стекаться изъ всего почти уѣзда мурзы и беи на совѣщанія, относительно выбора муфтія, такъ какъ послѣдній волею Божіею переселился въ царство небесное. Если я намѣкаю вамъ на это обстоятельство, то съ единственною цѣлью объяснить тѣ тайные способы, которые употребляются нашими дворянами для превозглашенія той личности, которая не нравится противоположной партіи по неспособности или другимъ неблаговиднымъ причинамъ. И все это дѣлается изъ за того только, чтобы восторжествовать надъ болѣе отдаленными отъ губернскаго города землевладѣльцами безъ всякой злобы. Для болѣе вѣрнаго успѣха одинъ изъ богатыхъ мурзъ предлагаетъ всѣмъ, имѣющимъ право участія въ вы-

борахъ полное содержаніе на свой счетъ, если они присоединятся къ его партіи. Тоже самое дѣлаетъ и представитель другой стороны. При такихъ условіяхъ перевѣсъ остается на сторонѣ того, кто богаче, щедрѣе и можетъ быть болѣе полезнымъ въ будущемъ. А такъ какъ на выборахъ этихъ могутъ имѣть право голоса всѣ безъисключенія беи, мурзы, хатипы и муллы, то понятно, что набирается народа громадное число и на роскошное содержаніе его въ теченіи недѣли, въ городскихъ гостинницахъ и ханахъ, требуется значительная сумма денегъ. На совѣщаніяхъ этихъ всѣ единогласно избрали въ представителя партіи Муратшу мурзу, предоставивъ ему право издержать до десяти тысячъ рублей на угощенія, прогоны и магарычь, на случай побѣды. Деньги эти поручено было собрать въ три недѣли съ людей состоятельныхъ, по предварительно составленной раскладкѣ въ предположеніи, что они впослѣдствіи будутъ возвращены лицомъ, достигнувшимъ сана муфтія. Но кого послать для сбора ихъ? Послѣ продолжительнаго разговора Муратша мурза громогласно предложилъ поручить это важное дѣло мнѣ, но съ тѣмъ, чтобы я взялъ себѣ въ проводники товарища, хорошо знающаго дороги къ мурзамъ, беямъ и богатымъ хатипамъ ихъ партіи.

— Твоимъ выборомъ мы очень довольны—отвѣчали присутствующіе—Бекиръ знаетъ законы нашего пророка и слѣдовательно не совершитъ ничего противозаконнаго. Пригласи же его сейчасъ и напишемъ приказъ.

А такъ какъ я стоялъ за дверьми, то не дожидая отдѣльнаго приказанія, вошелъ къ господамъ моимъ. Часъ спустя повѣстка съ приглашеніемъ немедленно вносить мнѣ деньги была составлена, подписана и утверждена печатями, какъ извѣстно имѣющими у насъ священное значеніе.

— Ну, Бекиръ мы довѣряемъ тебѣ важное дѣло, которое касается выбора главы нашего духовенства—сказалъ Муратша мурза—и надѣемся, что ты выполнишь его въ три недѣли. Поѣзжай же въ добрый часъ, да сопутствуетъ тебя Аллахъ!

Понятно, что я за такое довѣріе поцѣловалъ руки всѣмъ тѣмъ, которые приложили къ бумагѣ свои или отцовскія печати, позавтракалъ, выбралъ на конюшнѣ сильную лошадь и въ сопровожденіи одного изъ кучеровъ мурзы, Шабана Чонтукъ оглу, пустился въ дорогу.

Весело и отрадно мнѣ стало на душѣ, когда мы очутились въ степи. Въ эту только минуту я понялъ, что татаринъ созданъ не для городской и сидячей жизни, а для широкаго безпредѣльнаго зеленаго поля и для быстраго скакуна. Только въ привольной степи мы становимся игривыми дѣтьми и душа наша переполняется какими-то неясными, но сладчайшими чувствами; только здѣсь мы сознаемъ нашу ловкость и силу и искреннее желаніе воспѣвать богатырскіе подвиги исчезнувшихъ съ лица земли нашихъ славныхъ предковъ! Словомъ я такъ былъ доволенъ и счастливъ, что, пригнувъ на бекрень мою чалму, запѣлъ отъ всего сердца.

И какъ не чувствовать себя счастливымъ, когда мнѣ мурзы и беи— эти владыки татаръ довѣряютъ; когда я имѣю возможность искать на ихъ счетъ сужденнаго мнѣ Аллахомъ неразмѣннаго червонца?

Въ такомъ я былъ расположеніи духа, когда къ намъ подъѣхалъ на вороном конѣ мущина лѣтъ 40, одѣтый въ тонкія сукна и произнесъ *селямъ*. Отвѣтивъ ему на райское привѣтствіе, я приблизился къ его черноглазому жеребцу, чтобы осмотрѣть въ подробностяхъ горделивую осанку прекраснаго животнаго. Конь вѣроятно смекнулъ въ чемъ дѣло заржалъ и началъ хорохониться, но сильный ударъ ногайкою принудилъ его сконфузиться и присмирѣть.

— За что ты его наказалъ? спросилъ я невольно.

— За то, что онъ не можетъ понять любви къ единовѣрцамъ своимъ и всегда старается обидѣть ихъ. Сказано родился на конюшнѣ бея и воображаетъ бействовать надъ неравными ему въ силѣ животными. Сказавъ это, онъ еще разъ угостилъ красавца кнутомъ и, убѣдившись наконецъ, что сбилъ спѣсь его, спросилъ у меня: куда пролегаетъ моя дорога?

Я не счелъ нужнымъ скрывать отъ него возложенной на меня миссіи.

— Кого же думаетъ ваша партія сдѣлать муфтіемъ?

— Сына покойнаго муфтія.

— Если ты сказалъ правду, то и я охотно пожертвую на ваше предпріятіе, чѣмъ могу. Муфтій долженъ быть несмѣннымъ; если же онъ, умирая, оставляетъ взрослаго сына, то послѣдній долженъ наслѣдовать его правами.

Я не замедлилъ показать грамоту съ печатями. Путникъ, какъ подобаетъ правовѣрному, остановилъ своего коня, спѣшился, присѣлъ на корточки и съ глубокимъ вниманіемъ прочиталъ повѣстку.

— Все въ отмѣнномъ порядкѣ и заслуживаетъ почтенія—сказалъ онъ, возвращая мнѣ уполномочіе и сѣвши снова на коня. Я попрошу тебя пріятель заѣхать со мною въ деревеньку Шейхъкой, которая невдали отсюда, тамъ я внесу тебѣ ту сумму, которая подобаетъ моему сану въ подобномъ дѣлѣ. Видишь ли я наслѣдовалъ какъ старшій въ роду, послѣ брата шейхство, кототорое и обѣщалъ принять сегодня. Надо полагать, что многіе муллы, хатипы и вообще люди богобоязливые собрались привѣтствовать меня, а это не помѣшаетъ тебѣ собрать кое-какія деньги для доброй цѣли.

Предложеніе его было принято мною какъ ароматичный шербетъ на пиршествѣ и сѣдло мое превратилось въ подушку благоуханія. Нѣсколько минутъ спустя добрый шейхъ началъ распрашивать о моемъ происхожденіи, занятіяхъ и предположеніяхъ. Я разсказалъ ему все и въ заключеніе прибавилъ о червонцѣ, которому суждено свыше вновь сдѣлаться достояніемъ нашего рода, а такъ какъ я послѣдній сынъ, то конечно имѣю право владѣть имъ.

— Да смилуется надъ тобою пророкъ! Но помни братъ мой, что тебѣ придется долго искать свое благо, которое злые духи станутъ отдалять отъ твоихъ рукъ.

— Я давно уже ищу его—сказалъ я со вздохомъ—но къ сожалѣнію никто не могъ указать мнѣ тропинки, ведущей къ благу.

— Послушай джигитъ и меня: въ Шейхъ-коѣ говорятъ есть освященный молитвами моихъ прадѣдовъ колодезъ, въ которомъ благочестивые люди въ извѣстный часъ ночи слышатъ предсказанія о своей будущности. Я совѣтывалъ бы тебѣ прислушаться къ таинственному голосу, авось онъ укажетъ тебѣ тропинку къ счастію.

Я поблагодарилъ его за совѣтъ и обѣщалъ воспользоваться имъ.

Часъ спустя послышался намъ лай деревенскихъ собакъ и вслѣдъ затѣмъ показалась у подножья горы небольшая деревенька съ дрянными лачугами. Взглянувъ на эти жалкія постройки, которыя наводняются послѣ всякаго дождя, я невольно замѣтилъ шейху, что поселяне будутъ ожидать отъ него перестройки домовъ.

— Это не мое дѣло—отвѣчалъ онъ—они сами построили себѣ лачуги съ земляными кровлями и сами должны заботиться о своемъ благополучіи. Они не даютъ мнѣ никакой платы и не отбываютъ никакихъ повинностей, а между тѣмъ пользуются моею отцовскою землею наравнѣ со мною. Выгонять мнѣ ихъ—неприлично, требовать повинности—тоже. Остается надѣяться, что неудобства помѣщенія заставятъ ихъ бѣжать.

Тѣмъ временемъ мы въѣхали въ деревеньку и замѣтили около сотни осѣдланныхъ лошадей, стоящихъ вокругъ мечетной ограды. Ясно было, что они принадлежали гостямъ, которые и не замедлили вывалить къ намъ на встрѣчу.

Поднялся гулъ привѣтствій и цѣлованія въ оба глаза. Молодой шейхъ вынужденъ былъ стоять неподвижно какъ истуканъ и терпѣливо ожидать окончанія церемоніи. Нѣкоторые изъ гостей, какъ казалось мнѣ клали ему въ руки деньги на новое хозяйство и возбужденіе усердія къ религіи.

По окончаніи привѣтствія всѣ послѣдовали за хозяиномъ, въ дворѣ котораго давно уже кипѣли большіе казаны съ шорбою и пилафомъ и разставлены были низенькіе столики.

Шейхъ приказалъ подать воды для умовенія рукъ и, не теряя напрасно времени, предложилъ всѣмъ садиться за столы. Всѣ повиновались молча и молчаніе не нарушалось до благодарственной молитвы Богу съ присовокупленіемъ желанія чтобы тысячи благъ дарованы были новому владѣльцу и его семьѣ.

Послѣ уборки столовъ, когда всѣ гости расположились на землѣ закурить свои трубки, шейхъ вызвалъ меня на сцену и, взявъ повѣстку съ печатями мурзъ и беевъ, прочиталъ ее громогласно всему собранію и предложилъ каждому, желавшему видѣть на мѣстѣ умершаго муфтія его сына, выдать временно такую сумму денегъ, какая доступна его карману на необходимые расходы.

Сказавъ это шейхъ вынулъ чернилицу изъ за пояса и, затѣмъ

пересчитавъ всѣ имѣвшіяся у него деньги, своеручно написалъ на повѣсткѣ, что онъ далъ 60 рублей. За нимъ подписались всѣ, за исключеніемъ четырехъ человѣкъ, которые объяснили, что раньше дали слово принадлежать къ противоположной партіи. Всего собралось около 500 рублей, которые я бережно завернулъ въ платокъ и спряталъ въ тулупъ, нарочно взятый изъ дома Шабаномъ.

Предъ вечеромъ, когда всѣ почти гости расположились спать на открытомъ воздухѣ, положивъ себѣ подъ головы сѣдла, я обратился къ шейху съ просьбою указать мнѣ человѣка, который познакомилъ бы меня съ священнымъ прорицательнымъ колодцемъ. Шейхъ подозвалъ одного изъ прислуживающихъ гостямъ и поручилъ ему быть руководителемъ и наставникомъ моимъ.

Это былъ крошечный старичекъ съ маленькою чалмою на гладко-выбритой головѣ, съ клинообразною бородою и очень длинными руками. Точно онъ не принадлежалъ къ породѣ людей, а былъ правнукомъ обезьянъ.

— Ты чего желаешь? спросилъ онъ, когда мы вышли со двора.

Я передалъ ему подробно и съ полною довѣрчивостію все, чѣмъ занято было мое воображеніе.

— Прекрасно, прекрасно—отвѣчалъ онъ скороговоркою — но такъ какъ въ колодезъ нашъ спускаются только въ полночь, то зайдемъ пріятель ко мнѣ и потрактуемъ о суетѣ нашей жизни. Видишь ли я слыву въ здѣшнихъ мѣстахъ за знахаря и лекаря и благодаря Аллаха надѣлалъ добрыхъ дѣлъ больше, чѣмъ волосъ въ моей бородѣ.

Мы вступили въ ветхую лачужку съ плетневыми стѣнами и однимъ окошечкомъ, заклеенным маслянною бумагою. Въ ней мы застали нѣсколько старушекъ, пришедшихъ изъ ближайшихъ деревень за совѣтами и лекарствами. А такъ какъ я съ нѣкотораго времени очень интересовался искусствомъ врача, то и вперилъ въ маленькаго человѣка глаза и наострилъ уши.

Первая изъ просительницъ, у которой безпрепятственно паслись на груди двѣ тѣлесныя бѣлыя коровы, заявила, что дочь ея съ прошлой недѣли внезапно сдѣлалась на оба глаза косою.

— Противъ этого я могу тебѣ посовѣтовать одно только средство—сказалъ врачъ—выдай ее за мужъ и прикажи мужу до начала свадьбы зайти ко мнѣ. Я передамъ ему секретъ и все будетъ хорошо. А ты мать моя чего желаешь отъ меня недостойнаго раба Божія? обратился онъ къ другой старушкѣ.

— Дочь моя вотъ ужъ пятый годъ какъ замужемъ, но къ несчастію не имѣетъ дѣтей, вслѣдствіе чего мужъ называетъ ее негодною коровою и думаетъ развестись. Между тѣмъ это будетъ великое несчастіе для насъ.

— Понялъ, понялъ. Отыщи воловый камень, извѣстный подъ названіемъ *араза* *) и прикажи дочери твоей распускать его по

*) Камень этотъ по словамъ рѣзниковъ находятъ иногда въ воловьей желчи и продаютъ очень дорого караимамъ, считавшимъ его чрезвычайно цѣлебнымъ.

маленькимъ зернамъ въ женскомъ молокѣ въ наперсткѣ своемъ и, продержавъ всю ночь противъ звѣздъ, пить этотъ составъ въ продолженіи трехъ недѣль, послѣ чего она подаритъ нетерпѣливаго мужа своего навѣрно десяткомъ пачкуновъ.

— А тебѣ чего надо? обратился онъ къ третьей.

— У меня сынъ подвергается безконечному кровотеченію изъ носа. Отецъ его возилъ уже ко всѣмъ святымъ и грѣшнымъ людямъ, занимающимся врачеваніемъ, но ни первые, ни послѣдніе не могли принести помощи. Бѣдняжка неминуемо долженъ умереть.

— Вздоръ; люди молодые не такъ скоро умираютъ, какъ тебѣ кажется. Ты мать моя вотъ что сдѣлай на первый разъ: достань у кого нибудь нѣсколько ключей желѣзныхъ, свяжи за кончики и повѣсь на шею такимъ образомъ, чтобы они висѣли кольцами внизъ. Отъ этого онъ въ теченіи недѣли оправится.

Четвертая жаловалась, что дѣтей ея заѣли тѣлесныя насѣкомыя въ бѣлыхъ кафтанахъ, отъ которыхъ она не въ силахъ ихъ спасти мытьемъ.

Знахарь приказалъ ей купить въ городскихъ татарскихъ лавченкахъ траву, извѣстную подъ именемъ *бить-оту*, которую столочь по возможности мелко и смѣшавъ съ оливковымъ масломъ, смазывать голову три или четыре дня, пока исчезнутъ слѣды паразитовъ.

Пятая просила спасти ея внучку, которая день и ночь страдала звономъ въ ушахъ.

— Видно твоя внучка — сказалъ улыбаясь знахарь — большая красавица и показывается всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ и заставляетъ ихъ поминутно вспоминать о ней съ пожелательствами, чтобы у ней прозвенѣло въ ушахъ. Противъ этого сестра моя я посовѣтую тебѣ единственное симпатическое средство носить на шеѣ кусокъ свинцу и обводить уши остріемъ чернаго ножа. Хочешь вѣрь или смѣйся, а другаго я не открылъ пока секрета.

Послѣднія двѣ старушки, сколько мнѣ помнится, одна просила совѣта противъ сухоты, а другая заявила, что старшая дочь ея, вѣроятно вслѣдствіе вліянія дурнаго глаза, коснувшагося ея длинныхъ волосъ начала линять съ затылка.

Первой знахарь предписалъ два средства и именно всадить больнаго ребенка по горло въ теплую требуху только что зарѣзаннаго вола; если же это не принесетъ пользы, то купать его недѣли двѣ въ отварѣ отъ виноградной лозы, можжевельника и лавроваго листа. Страждующей же линяніемъ съ затылка, предложилъ мыть голову отваромъ сѣры и зеленыхъ орѣховыхъ скорлупъ.

Когда всѣ женщины удалились и мы остались въ двоемъ, я не могъ не выразить маленькому человѣку моего удивленія относительно его познаній.

— Не даромъ Богъ создалъ тебя—сказалъ я—иначе чѣмъ мы грѣшные. Ты кромѣ человѣческаго ума, обладаешь умомъ и познаніями животныхъ, на которыхъ отчасти похожъ.

— Дѣла Божія чудны! вскрикнулъ онъ. Дѣйствительно мнѣ

неоднократно говорили, что по общему виду я похожъ на всѣхъ вообще людей, но если посмотрѣть съ боку я очень похожъ съ одной стороны на обезьяну, съ другой на козла, а съ третьей на головку ящерицы. Такое не естественное соединеніе въ одномъ человѣкѣ различныхъ видовъ вполнѣ убѣждаетъ меня, что Всемилостивѣйшій Аллахъ, предоставляя мнѣ частицы сходствъ съ различными умнѣйшими тварями своими, предоставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и познанія ихъ въ травахъ и растеніяхъ. Да благословится имя Его во вѣки вѣковъ!

Скажи же мудрый человѣкъ — обратился я вновь къ нему — существуетъ ли на землѣ средство, чтобы избавить женщину отъ зародыша прежде чѣмъ она сдѣлается народнымъ посмѣшищемъ? Я спрашиваю у тебя это только потому, что у насъ въ Бахчисараѣ чуть ли не всѣ бабки промышляютъ этимъ искуствомъ.

— Выслушай меня сынъ мой: Аллахъ создалъ человѣка для того, чтобы онъ размножался и не далъ ни одному растенію свойства противодѣйствовать своему повелѣнію; но турки, достигнувъ крайняго разврата и желая во чтобы ни стало сохранить формы женщинъ своихъ въ первобытномъ состояніи, подружились съ шайтаномъ, который и научилъ одного изъ нихъ составлять капли подъ названіемъ *тентю хира*. Капли оказались чудесными и начали доставляться въ Крымъ. Противъ нихъ я ничего не могу сказать худаго, потому что онѣ дѣйствительны, но ужасный грѣхъ берутъ на душу свою тѣ, которые распространяютъ ихъ.

— Ну, а кромѣ этихъ капель къ какимъ другимъ средствамъ прибѣгаютъ бабки? спросилъ я.

— Мнѣ извѣстны всѣ ихъ средства и я тебѣ перечислю ихъ: первое состоитъ въ томъ, что онѣ ведутъ свою жертву въ горячо натопленную баню, кладутъ ее на теплый камень и, когда у ней распарится все тѣло, начинаютъ давить и растирать ей правую сторону живота, причемъ стараются проникнуть во внутренность ея, чего конечно не достигаютъ никогда при ничтожныхъ познаніяхъ своихъ, относительно устройства тѣла. Этотъ родъ бабокъ не такъ опасенъ, потому что теплота и треніе не убиваютъ женщину, но есть такія, которыя поятъ обращающихся къ нимъ ядовитыми соками травъ съ присоединеніемъ къ нимъ самыхъ сильнѣйшихъ слабительныхъ, отъ этихъ средствъ многія умираютъ или только временно замираютъ, а ихъ бѣдняжекъ въ тотъ же день хоронятъ въ предположеніи, что остывшій снаружи человѣкъ не можетъ очнуться. Потомъ же, когда кому либо изъ насъ придется, проходя кладбище услышать въ могилѣ стонъ, мы вмѣсто того, чтобы раскопать и вынуть ожившую женщину, признаемъ ее за вѣдьму. Третій разрядъ бабокъ, по моему принадлежитъ къ числу самыхъ осторожныхъ и разумныхъ: онѣ дѣйствуютъ снаружи, посредствомъ всасыванія и именно берутъ на край веретена какой-то мастиковый составъ, который въ утробѣ женщины отъ теплоты расходится и достигаетъ назначенія. Но при немъ дается обыкновенно для питья какой-то отваръ. Пос-

лѣднія средства извѣстны очень не многимъ акушеркамъ. Мнѣ не представлялось труда узнать ихъ, но такъ какъ я считаю это знаніе грѣховнымъ; то и не хочу имѣть о немъ понятія *).

Пока старичекъ говорилъ мнѣ эти не слыханныя раньше вещи, жена его угостила насъ кофеемъ. Проглотивши нѣсколько глотковъ, я снова началъ рѣчь о знаменитомъ колодцѣ.

— Тебѣ придется спуститься въ него—сказалъ знахарь и пробыть до первыхъ пѣтуховъ. Говорятъ, что нѣкоторые счастливцы удостоиваются слышать предсказанія.

— А глубокъ ли вашъ колодезъ?

— Около 10-ти кулачей. Впрочемъ я тебѣ дамъ веревку, по которой не трудно будетъ спуститься, такимъ молодцамъ, какъ ты. При этомъ тебѣ необходимо взять у шейха фонарь.

Нѣсколько минутъ спустя мы съ веревкою отправились къ колодцу и прикрѣпили одинъ конецъ ея къ громадному жолобу. Колодезъ не представлялъ ничего страшнаго. Оставалось только дождаться урочнаго часа и запастись свѣтомъ.

Вернувшись обратно на дворъ шейха, я попросилъ сопутника моего Шабана пособить мнѣ въ моемъ предпріятіи, послѣ чего расположился около одной группы пріѣзжихъ муллъ, которые съ особеннымъ вниманіемъ слушали поучительный разсказъ пожилаго, но очень добраго еще хаджія.

„Есть люди—говорилъ онъ—которые говорятъ, что будущая жизнь наша намъ не открыта. Правда, что ни одинъ изъ 366 пророковъ, посланныхъ Аллахомъ на землю не написалъ намъ подробно объ этомъ, но въ блаженной Меккѣ и Мединѣ, гдѣ воплотился и жилъ до послѣднихъ дней нашъ великій Магометъ *рессюль улла* **), въ народѣ сохранилось множество частыхъ бесѣдъ и поясненій о будущности людей. Въ минуты свободы я не только читалъ эти поясненія съ нѣкоторыми богобоязливыми турками, понимающими арабское нарѣчіе, но даже для памяти списывалъ ихъ. Такъ напримѣръ я узналъ, что всѣ пророки состоятъ постоянно на службѣ у Бога и исключительно заняты одинъ шитвомъ бѣлья, другой приготовленіемъ головнаго убора, третій обуви, четвертый верхней одежды, пятый покрывалъ, шестой тюфяковъ, седьмой ковровъ и т. д. Словомъ для каждаго существуетъ особеннаго рода занятіе въ домѣ Творца. Что касается ангеловъ, то они положительно несутъ обязанность пѣвчихъ во время богослуженія, а въ остальное время считаются воинами и охранителями твореній небеснаго отца, взыскивающаго съ нихъ за смерть и голодъ каждой козявки, занесенной въ списокъ вселенной. Послѣ ангеловъ слѣдуютъ *азизы* или святые, *шазезы* или павшіе на войнѣ за вѣру, затѣмъ шейхи, афузы, факиры и честно исполнявшіе свой долгъ муфтіи, хатипы, кадіи и имамы. Первые

---

*) Намекая на все это, мы конечно имѣемъ въ виду только познакомить читателя съ нашими татарами и существующими у нихъ средствами.

**) Посланникъ Божій.

два разряда господствуютъ на второмъ небѣ въ отдаленныхъ шалыкахъ и безгранично пользуются всѣми удовольствіями, которыя предстаютъ предъ ними по одному желанію; послѣдующіе обитаютъ однимъ, двумя или тремя небесами ниже, смотря по заслугамъ и пользуются удовольствіями въ меньшей степени. Для людей же обыкновенныхъ существуетъ рай и адъ также раздѣленные по областямъ и заслугамъ ихъ. Жизнь этихъ послѣднихъ состоитъ: однихъ за добрыя дѣла въ вѣчномъ кейфѣ съ прелестными дѣвушками, а другихъ въ временномъ или постоянномъ страданіи, которое выражается въ разнороднемъ видѣ. Вотъ въ какомъ родѣ представлена наша будущая жизнь пророкомъ въ изустныхъ бесѣдахъ съ близкими его сердцу людьми.

О послѣдующихъ разсказахъ хаджія очень умныхъ я къ сожалѣнію теперь не могу припомнить.

Ровно въ полночь я направился съ Шабаномъ къ священному колодцу и при помощи его опустился въ мрачную пропасть. Воды къ счастію оказалось не много, но за то она была убійственно холодна. Не будучи въ состояніи держаться въ ней я потребовалъ опустить мнѣ кусокъ дерева и образовалъ себѣ скамью. Прошло нѣсколько минутъ, вдругъ послышались мнѣ крики подземныхъ пѣтуховъ, затѣмъ отдаленные голоса, какихъ-то животныхъ или людей. Когда умолкло и это, въ ушахъ моихъ раздались слѣдующія незабвенныя слова, которымъ я тогда повѣрилъ, но въ послѣдствіи имѣлъ случай открыть, что они принадлежали хитрому знахарю, желавшему избавить меня навсегда отъ пустой мечты найти небывалый червонецъ.

„Послушай джигитъ, тебя поймалъ въ когти свои злой джинъ и желаетъ довести до умопомѣшательства. Опомнись, взгляни на небо и отойди отъ дьявольскихъ ухищреній. Если же ты не вникнешь въ точный смыслъ моихъ предостереженій, то да постигнутъ тебя мои проклятія и да ослѣпитъ тебя святой коранъ!“

Таинственный голосъ утихъ и я впалъ въ мрачный лѣсъ раздумія. Сначала мнѣ казалось, что голосъ не зналъ подробностей предопредѣленія моего, но потомъ все больше и больше началъ убѣждаться въ справедливости моихъ заблужденій. Грустно и больно было мнѣ разставаться съ сладкими мечтами, но угроза лишить меня зрѣнія до того повліяла, что я рѣшился какъ можно меньше думать о чудномъ червонцѣ. Отверезившись насколько возможно было въ тогдашнихъ лѣтахъ моихъ, я кое-какъ выкарабкался изъ священнаго колодца и, немедля ни минуты, пустился въ дальнѣйшій путь.

Утромъ, когда солнце поравнялось съ вершинами тополей, мы пріѣхали въ довольно обширную деревню, расположенную вдоль рѣчки съ очень хорошими фруктовыми садами. Проводникъ мой, указывая на большой домъ съ стеклянным балкономъ объявилъ, что здѣсь живетъ родственникъ нашего хозяина Адиль-бей, къ которому мы обязаны заѣхать.

Не успѣли мы подъѣхать къ одѣ или гостинницѣ бея, какъ два

джигита вышли къ намъ на встрѣчу съ привѣтствіями и, принявъ лошадей, указали намъ на двери гостиннаго дома.

Пріемная комната была очень велика въ сравненіи съ видѣнными мною раньше и вмѣщала въ себѣ около 50 человѣкъ мурзъ, христіанъ, муллъ, караимовъ, въ средѣ которыхъ, на красивыхъ нарахъ, устланныхъ войлоками, коврами и подушками, сидѣлъ, погруженный въ пещеры своихъ мозговъ, кадій. Я узналъ его по красной шали, переброшенной чрезъ плечо.

Воздавъ привѣтственный селямъ и прикоснувшись къ рукѣ повелителя уѣздныхъ духовниковъ, я не оставилъ безъ вниманія и иновѣрцевъ, чтобы дать понятіе имъ о моихъ достоинствахъ. Только что покончены были со мною размѣны привѣтствій, какъ въ гостиницу ввалилъ громаднаго роста, необыкновенной толщины съ длинною снѣжною бородою Адиль-бей. Это былъ султанъ съ вида. Покрайней мѣрѣ я никогда не встрѣчалъ такихъ мусульманъ. Лишь только онъ показался между нами, всѣ и даже самъ кадій спрыгнули съ мягкихъ наръ и радостно отвѣчали на его селямъ и пожеланіе добраго утра.

Занявши свой уголъ, бей обратился ко мнѣ съ вопросомъ откуда я ѣду и куда? Воспользовавшись этимъ, я подошелъ къ нему, прикоснулся губами и лбомъ къ его рукѣ и почтительно подалъ повѣстку съ пожеланіями благополучія отъ Муратши мурзы.

— А, а, ну, что онъ здоровъ и не собирается ли навѣстить меня старика? Вѣрно деньги понадобились, что прислалъ тебя съ письмомъ?

— Письмо это султанымъ—отвѣчалъ я—имѣетъ важное значеніе и не относится къ нему лично.

— Жаль, что глаза мои устарѣли, а то мы прочитали бы его сейчасъ. Да здѣсь и печати есть—прибавилъ онъ, поворачивая бумагу—вѣроятно серіозное дѣло. Арсланъ-хады—обратился онъ къ гостю ты по моложе меня: потрудись прочитать это посланіе.

Кадій немедленно исполнилъ его просьбу и все собраніе одобрило выборъ и намѣреніе Муратши мурзы.

— Я охотно дамъ тысячу рублей. Потрудись записать эту сумму—произнесъ торжественно бей и сейчасъ же приказалъ одному изъ служителей принести изъ дому эти деньги. Не скупитесь и вы господа—сказалъ онъ, обращаясь къ гостямъ, потому что эти пожертвованія немедленно будутъ возвращены намъ по утвержденіи избираемаго нами лица.

Слова Адиль-бея подѣйствовали магически, потому что я собралъ еще 1500 рублей.

— Теперь ты отдохни у насъ—сказалъ бей, когда я сложилъ въ сакву деньги,—а потомъ вечернею прохладою поѣдешь дальше.

Вслѣдъ за тѣмъ поданъ былъ мнѣ кофе и я удостоился услышать изъ устъ почтеннѣйшаго и умнѣйшаго бея такія слова, которыя выражали способность его царствовать въ Крыму.

— Право мнѣ странно—началъ онъ—что русскіе повелители наши какъ-то особенно любятъ разводить чиновниковъ и духов-

ныхъ начальниковъ, тогда какъ по нашему убѣжденію излишекъ ихъ не только обремѣняетъ само правительство, но вредно отзывается на народъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Народное управленіе должно быть въ патріархальномъ первобытномъ состояніи и основываться главнѣйшимъ образомъ на духѣ религіозныхъ правилъ, только тогда оно можетъ служить поддержкою религіи и высоко уважаться народомъ. Эта явная и не требующая доказательствъ истина давнымъ давно понята первобытными азіятскими народами, которыя вслѣдствіе этого на судъ смотрятъ, какъ на святилище и прибѣгаютъ къ нему только въ крайности, когда не могутъ высвободиться отъ недоразумѣній, впечатлѣній, злобы и т. п. недостатковъ, свойственныхъ людскимъ характерамъ.

Возьмемъ напримѣръ нашъ составъ духовной власти. Во времена ханскія муфтій былъ главою духовенства огромнаго царства, которымъ управлялъ безъ всякихъ помощниковъ, при помощи одного только писаря; а нынѣ къ нему присоединили какихъ-то кадыскеровъ, бывшихъ нѣкогда при войскахъ судьями и именовавшихся въ то время казн-аскерами. Этого мало его сдѣлали начальникомъ присутственнаго мѣста съ множествомъ чиновниковъ, жаждующихъ поживы отъ каждаго просителя. Къ чему спрашивается всѣ эти затраты и въ чемъ состоитъ польза духовнаго нашего управленія, когда оно не производитъ никакихъ ревизій и не имѣетъ права ни выбирать, ни утверждать, ни увольнять даже муллъ и муэзиновъ? Не ясно ли, что учрежденіе это во всѣхъ отношеніяхъ безполезно и обременительно. Если же народъ выбираетъ муфтія и довѣритъ ему лично вѣдать свои религіозныя дѣла, то къ чему тутъ помощники, которые скорѣе затемняютъ его разсудокъ? Теперь перейдемъ почтеннѣйшій Арсланъ-кады къ твоей должности. Въ ханскія времена ты былъ народнымъ судьею въ цѣломъ уѣздѣ и рѣшалъ всѣ свѣтскія и духовныя недоумѣнія и заботился, чтобы постановленія твои были буквально исполняемы. А нынѣ въ чемъ состоитъ твоя обязанность? въ томъ только, что ты именуешься кадіемъ и исполняешь иногда тѣ же обязанности, которыя исполняются имамами. Конечно мы отъ этого ни малѣйшимъ образомъ не страдаемъ, но и пользы отъ вашего брата ни на грошъ, потому что и на судъ твой по шираату никто не идетъ въ полномъ убѣжденіи, что рѣшенія твои никѣмъ не будутъ исполняться.

Кадій началъ было доказывать свою полезную дѣятельность, но не доказалъ ничего.

— Ты пожалуйста не обижайся на меня, потому что я далекъ мысли осуждать твою должность и никогда не подумаю, что правительство наше руководствовалось какими-нибудь вредными для народа желаніями. Россія сдѣлала для насъ столько благъ въ отношеніи религіозной свободы, что большаго нельзя требовать; но я не противъ этого веду рѣчь, а вообще противъ всѣхъ европейскихъ державъ, которыя судебной и полицейской власти придаютъ такое личное значеніе, что эти люди начинаютъ думать

на оборотъ и именно, что не они созданы для защиты народа отъ злодѣевъ и негодяевъ, а что народъ созданъ для того, чтобы служить и подчиняться имъ. Большинство изъ нихъ съ какимъ-то наслажденіемъ старается ничтожной винѣ придать серіозный видъ преступленія и приходятъ въ восторгъ, если имъ удается изъ личной ненависти или другихъ видовъ раздуть мыльный пузырь вины до ссылки несчастнаго на казенныя работы. И все это дѣлается, чтобы хвастнуть своею властью и навести страхъ на тѣхъ, которые обязаны по законамъ чтить и любить ихъ, какъ друзей человѣчества. Знаете ли братья, какіе суды по моему мнѣнію нужны для народа, чтобы они были безупречны? Суды частныхъ людей, подъ надзоромъ военной власти. То есть въ каждомъ большомъ селеніи долженъ быть жандармъ, который кромѣ наблюденій за порядкомъ, чистотою и т. п. обязанъ предавать суду деревенскихъ старшинъ всякаго провинившагося и постановленіе ихъ препровождать для исполненія или перерѣшенія въ волостной судъ, гдѣ на ряду съ представителями волости долженъ имѣть право власти и коронный офицеръ, начальникъ жандармовъ. Этой власти предостаточно будетъ для сельскихъ жителей для обыденныхъ ихъ дрязгъ.

Въ городахъ достаточно ввести участковыхъ начальниковъ на правахъ блюстителя законовъ во всѣхъ отношеніяхъ съ тѣмъ, чтобы онъ самъ сообщалъ центральной власти о тѣхъ, которые воспротивились его распоряженіямъ или отвергаютъ законы.

Всѣмъ взрослымъ выдать книги о его званіи, происхожденіи, службѣ, занятіи и т. п., съ которою онъ могъ бы проживать вездѣ, гдѣ хочетъ и гдѣ-бы прописывалась его расплата по имуществу и другаго рода повинностямъ.

Надъ всѣми начальствуетъ паша или губернаторъ, у котораго должны быть нѣсколько помощниковъ, наблюдавшихъ лично за такими учрежденіями, которыя или по временамъ должны открываться или постоянно существовать для обсужденія мѣръ благосостоянія народа, воинской повинности и т. п. надобностей.

При такомъ образѣ управленія мы забудемъ, что у насъ есть люди, ненавидящіе насъ или желающіе господствовать надъ нами. Мы сознаемъ тогда, что имѣемъ одного отца, который насъ любитъ и котораго мы обязаны признавать земнымъ божествомъ.

Можетъ быть, друзья мои, я наговорилъ вамъ отъ старости много несообразнаго съ понятіями молодыхъ людей. Я не стану спорить, но въ одномъ я убѣжденъ твердо, что въ тѣхъ селеніяхъ и городахъ, гдѣ прежде былъ одинъ только маленькій начальникъ, то тамъ господствовали миръ и благополучіе, а тамъ куда изрѣдка заѣзжали медики, народъ не зналъ болѣзни, жилъ до глубокой старости и лично оберегалъ себя.

Въ гостинницѣ воцарилась тишина и не прерывалось молчаніе до тѣхъ поръ, пока Адиль-бей не вышелъ на дворъ.

Однако господа—прибавилъ Бекиръ-баба—я кажется досидѣлся у васъ до дневнаго свѣта. Экка увлекся воспоминаніями!

— Постель твоя готова—отвѣчалъ Сеитъ-ага и повелъ дорогаго гостя своего въ одну комнату, а мнѣ указалъ на другую. На часахъ моихъ стрѣлка указывала половину пятаго, когда я приготовился легъ и потушилъ свѣчу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На слѣдующій день Бекиръ-баба, въ угоду мнѣ, не отпущенъ былъ въ свой домъ. Сеитъ-ага предложилъ ему *хыйыча* или родъ чрезвычайно мягкихъ лепешекъ, жаренныхъ на бараньемъ жирѣ, которыя татаре приготовляютъ два или три раза въ годъ въ поминальные дни и съ особеннымъ удовольствіемъ поѣдаютъ.

За кофемъ старикъ разсказывалъ намъ разные эпизоды изъ жизни послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-гирея и только послѣ отрадныхъ хыйгачей приступилъ къ продолженію путешествія своего за неразмѣннымъ червонцемъ.

„Адиль-бей—продолжалъ Бекиръ-баба—какъ оказалось былъ владѣтелемъ 14 деревень и много лѣтъ служилъ сначала въ военной службѣ, а потомъ былъ главою дворянъ своего уѣзда. Въ то время. когда онъ ѣздилъ въ городъ по дѣламъ дворянства надѣвалъ на шею и грудь какіе-то изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ кресты, которые отличали его отъ прочихъ мурзъ и предоставляли въ собраніяхъ почетное мѣсто. Что означали эти крестики, никто изъ поселянъ не понималъ; одни предполагали, что бей носилъ эти христіанскіе знаки съ цѣлью оказать уваженіе христіанамъ; другіе допускали, что онъ представляется между христіанами христіаниномъ, а третіи доказывали, что этими знаками русскій царь отличаетъ самыхъ достойныхъ изъ подданныхъ своихъ. Такъ или иначе я не знаю, но мнѣ извѣстно было только то, что Адиль-бей есть солнце крымскихъ мусульманъ и что до того времени, пока онъ будетъ озарять насъ. мы будемъ счастливы. Съ этими отрадными убѣжденіями я выѣхалъ изъ его деревни, нашептывая про себя молитву: да сохранитъ тебя Аллахъ отъ смерти и страданій глазныхъ, зубныхъ и въ особенности ушныхъ!

Нѣсколько часовъ спустя мы пріѣхали въ небольшое селеніе, расположенное на великолѣпномъ лугу, установленномъ безчетнымъ числомъ копенъ; вдали виднѣлись огороды, зеленые густые сады. а дальше лѣса. Пораженный такимъ богатствомъ роскошной мѣстности, я невольно обратился къ Шабану съ вопросомъ кому она принадлежитъ?

— Все, что ты видишь здѣсь глазами, и въ десять разъ большимъ въ другихъ частяхъ Крыма владѣетъ Хатырша мурза, молодой 25 лѣтній человѣкъ, который къ несчастію оказался жестокимъ пьяницею, картежникомъ и развратникомъ. Въ дни отца его, деревня эта по величинѣ равнялась небольшому городу, а теперь никого почти не осталось: всѣ, у кого были молодыя жены и дочери, должны были разбѣжаться отъ его ужасныхъ насилій.

Остались только старики или такіе, которые больше придаютъ значенія напиткамъ и даровому содержанію, чѣмъ чести. Мы ѣдемъ къ нему и ты будешь имѣть полное понятіе о молодыхъ мурзахъ нашихъ съ ихъ наслѣдственными пороками, которыхъ къ сожалѣнію теперь нѣкому придержать, такъ какъ муфтій не имѣетъ прежнихъ правъ слѣдить за поведеніемъ молодыхъ людей, а отдѣльнаго для этого начальства не существуетъ. Несчастные они непремѣнно кончатъ тѣмъ, что сдѣлаются нищими и славныя имена ихъ предковъ превращены будутъ въ посмѣшище народное.

Шабанъ хорошо зналъ всѣхъ почти мурзъ Крыма и имѣлъ достаточно основаній, чтобы сказать такую горькую правду.

Тѣмъ временемъ къ намъ выѣхалъ на встрѣчу верховой съ красными опухшими глазами.

— Дома ли Хатырша мурза? спросили мы, но онъ не удостоилъ насъ ни отвѣтомъ, ни пріемомъ селяма. Шабана это оскорбило до глубины мозга и онъ, схвативъ грубаго человѣка за руку, громко сказалъ: „ты вѣроятно всю ночь пропировалъ съ злыми джинами, что такъ мерзко обращаешься съ добрыми мусульманами?

— Почти что такъ — отвѣчалъ верховой, какъ бы очнувшись отъ сна—но только разница въ томъ, что одинъ изъ этихъ джиновъ заманулъ въ свой гаремъ мою жену и вотъ ужъ болѣе недѣли не выпускаетъ ее оттуда. Я пріѣхалъ самъ за нею, но всѣ къ кому не обращался всѣ пьяные, а мурза отвѣчалъ, что онъ до дѣлъ жены своей и ея гостей не имѣетъ никакого отношенія, затѣмъ приказалъ поить меня насильно водкою, а въ заключеніе подговорилъ друзей своихъ побить и выгнать меня. Вотъ въ чемъ состоитъ мой пиръ съ джинами, столкнувшими меня на дорогу несчастія и засыпавшими меня золою оскверненія.

Шабанъ улыбнулся и, оставляя его руку, предложилъ ему разослать коверъ терпѣнія и сидѣть смирно подъ тѣнью дерева мудрости до тѣхъ поръ, пока мурза насытится запахомъ аромата, исходящаго изъ устъ его прелестной торбы наслажденій.

— Негодный человѣкъ, у него гнилое сердце и нѣтъ понятія о томъ, что если женатый захватитъ чужую жену, то сдѣлаетъ хуже, чѣмъ съѣстъ желтой грязи.

— Правда, правда—отвѣтили мы ему и двинулись впередъ.

Приблизившись къ большому двухъэтажному дому, мы поражены были безумными криками, соединенными съ звуками музыки.

— Ну, пиръ идетъ на славу—замѣтилъ Шабанъ. Какъ бы намъ не застрянуть въ немъ. Съ этимъ дыбоширомъ не легко развязаться.

Передавъ лошадей на конюшню, я направился въ чертоги мурзы. Здѣсь на корридорѣ я встрѣтилъ лежащихъ безъ памяти растрепанныхъ и оборванныхъ мурзъ и татаръ различныхъ возрастовъ. Нѣкоторые изъ нихъ изрыгали пѣну, другіе вскрикивали или произносили безсвязныя фразы. За стѣною гремѣли бубны, барабанъ, скрыпки и пронзительные кларнеты.

Вошедъ въ первую комнату, наполненную танцующими, кричавшими и разносящими напитки, я съ трудомъ отыскалъ человѣка, который провелъ меня къ Хатыршѣ мурзѣ, полулежавшему на роскошной суконной софѣ, между многими молодыми собратьями своими. Онъ держалъ въ зубахъ дорогой янтарный мундштукъ отъ длиннаго чубука и, подавая работнику пяти рублевую ассигнацію, требовалъ зажечь ее и поднести къ трубкѣ его. Судя по глазамъ и цвѣту лица онъ былъ въ полномъ кейфѣ. Воздавъ надлежащій селямъ и прикоснувшись губами и лбомъ къ его рукѣ, я не теряя ни минуты предъявилъ ему повѣстку съ печатями. Хатырша мурза, осмотрѣвъ бумагу и не будучи въ состояніи самъ прочесть ее, заставилъ меня разсказать ему въ чемъ дѣло.

Когда я исполнилъ его приказаніе, онъ приказалъ позвать прикащика своего и поручилъ ему выдать мнѣ тысячу рублей, но такъ какъ въ кассѣ не оказалось такой суммы, то впредь до позаимствованія ея отъ какого-то сосѣдняго богача, мнѣ приходилось подождать въ общей комнатѣ, предназначенной для пира. Принятый здѣсь въ качествѣ пріятеля, я, выпивши рюмку водки, заявилъ, что имѣю порученіе къ честной компаніи и просилъ возстановить на минуту тишину. Все смолкло и я прочиталъ повѣстку.

— Отлично, отлично прочитано! раздалось со всѣхъ сторонъ подать чтецу водки! Эй, водка!

— Мнѣ не того нужно друзья мои; мнѣ нужны деньги для достиженія цѣли избрать достойнаго муфтія.

— Понимаемъ, понимаемъ, но ты не сюда обратился; за деньгами идутъ къ мурзѣ, за здоровье котораго мы пируемъ, а мы братъ байгуши, у которыхъ кромѣ одежды, которая на насъ — ничего болѣе нѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ хоръ музыкантовъ заглушилъ меня и я, заткнувъ уши, постарался выбраться изъ дымной комнаты несчастныхъ джигитовъ. Мнѣ показалось болѣе приличнымъ сойти въ людскую хату и тамъ побесѣдовать съ честными людьми. Но и на людской я встрѣтилъ ужасный хаосъ: человѣкъ 10-ть было занято приготовленіемъ разныхъ закусокъ и всѣ они были подпившіе. Остальные окружавшіе ихъ требовали водки и бранились за несвоевременное приготовленіе завтрака. Видя безтолковщину и здѣсь, я вышелъ на дворъ въ то самое время, когда къ господскому дому подъѣхало два фаэтона съ нѣсколькими русскими чиновниками, которые потребовали отъ меня указать имъ Хатыршу мурзу. Я предложилъ имъ слѣдовать за собою и остался у порога комнаты, чтобы наблюдать за пріемомъ христіанъ. Чиновники эти оказались товарищами по ученію съ мурзою и нарочно пріѣхали навѣстить его.

Понятно, что они приняты были самымъ дружественнымъ образомъ и сейчасъ же приказано было подать закуски, вино, кофе и фрукты. Хатырша мурза обнималъ и цѣловалъ ихъ, какъ братьевъ своихъ, не обращая вниманія на то, что они оставались равнодушными и какъ бы недовольными поведеніемъ его и дружбою

съ шарлатанами. Послѣ завтрака гости безъ церемоніи попросили мурзу удалить изъ сосѣдства своего музыку, которая будто бы рвала ихъ уши. Требованіе это должно бы оскорбить всякаго хозяина, но къ изумленію моему, мурза тотъ часъ же приказалъ выпроводить подальше не только музыкантовъ, но и всѣхъ пирующихъ на его счетъ. Затѣмъ, поговоривъ кое о чемъ, всѣ усѣлись играть въ карты. Я слѣдилъ за игрою съ особеннымъ вниманіемъ, но къ сожалѣнію и до настоящаго времени не могу понять въ какую игру они играли. Извѣстно мнѣ только то, что мурза проигралъ 10-ть тысячь руб., на которые и выдалъ росписку безъ всякой замѣтной скорби. Пока играли выпито было нѣсколько десятковъ бутылокъ какого-то особеннаго шипучаго напитка, отъ котораго вылетали пробки изъ посуды. Напитокъ этотъ показался мнѣ чрезвычайно пріятнымъ, когда я по не знанію, что онъ приготовляется изъ богопротивнато вина, позволилъ себѣ попробовать его. Послѣ окончанія игры поданъ былъ обѣдъ, который состоялъ ровно съ 40 разнородныхъ блюдъ. Такой роскоши навѣрно не существовало даже при ханскомъ сараѣ. Какой же бѣднякъ увидѣвши все это, позволилъ бы себѣ жаловаться начальству на Хатыршу мурзу за угощенія жены или дочери въ своемъ гаремѣ?

Надо вамъ знать, что въ то время я почти никогда не былъ въ обществѣ русскихъ чиновниковъ и по этому вслушивался въ каждую фразу ихъ, такъ какъ разговоръ шелъ на татарскомъ языкѣ. Сначала все было обыкновенно, но вдругъ одинъ изъ нихъ лысый лицомъ, заговорилъ о почитаемой мусульманами лунѣ. А такъ какъ вамъ извѣстно, что всѣ *косе* или безбородые принадлежатъ къ разряду самыхъ хитрѣйшихъ и проницательныхъ людей, то вытянулъ отверстія моихъ ушей на цѣлый аршинъ.

Видите ли почему васъ заставили чтить луну—говорилъ онъ—потому что луна избрана мѣстопребываніемъ для праведныхъ послѣдователей Магомета. Вся поверхность ея усыпана ослѣпительной бѣлизны мукою. Изъ горъ ея вытекаютъ съ правой стороны молочные и медовые источники, а съ лѣвой идутъ ручьи бузы и кумыса и вообще на ней нѣтъ ничего такого, которое свидѣтельствуетъ о жизни самостоятельнаго народонаселенія, тогда какъ всѣ другія звѣзды имѣютъ своихъ обитателей. Не ясно ли послѣ этого, что она предназначена для обители правовѣрныхъ душъ, какъ ближайшая къ землѣ?

„Ахъ ты дуракъ, дуракъ—хотѣлось мнѣ отвѣтить ему. Неужели на лунѣ, которая не больше шапки сидящаго противъ тебя мурзы, можно помѣстить милліонъ милліоновъ душъ умершихъ мусульманъ и кормить и поить ихъ изъ какихъ-то молочныхъ кумысныхъ и медовыхъ источниковъ? Однако вспомнивъ, что онъ говоритъ подобныя несообразности въ пьяномъ видѣ, я ограничился одною улыбкою.

— Въ такомъ случаѣ—замѣтилъ ему Хатырша-мурза—христіанскій рай вѣроятно будетъ на солнцѣ.

— Этого нельзя допустить—отвѣчалъ тотъ же *косе*, потому что солнце жидкое и въ вышей степени раскаленное вещество. На немъ вѣроятно будетъ адъ для всѣхъ грѣшниковъ.

На этотъ разъ я не вытерпѣлъ и громко назвалъ его *эшекомъ* или сыномъ глупости. Мнѣ обидно стало, что онъ это свѣтило позволилъ назвать жидкимъ и превратить въ адъ. Да за такое оскорбленіе ему слѣдовало бы подарить 150 палокъ и я бы сдѣлалъ это, еелибъ былъ Хатырша-мурзою.

— Кто это меня выругалъ? спросилъ, обращаясь къ порогу косе, въ предположеніи, что я стану просить прощенія.

— Это я выругалъ тебя—сказалъ я, выдвинувшись впередъ— и готовъ еще разъ сдѣлать это за то, что ты оскорбляешь наше крошечное свѣтило, которому Богъ изъ особенной милости предоставилъ волю освѣщать и согрѣвать насъ. Да тебѣ за это слово слѣдовало бы отрѣзать языкъ!

Слова мои повидимому передернули дерзкаго, но онъ сдержался и, подошедъ ко мнѣ, постучалъ по спинѣ въ знакъ благоволенія. Этимъ навѣрно окончилось бы все, еслибъ Хатыршѣ мурзѣ не вздумалось бы посмѣяться надо мною и заставить хитраго *косе* объяснить мнѣ о солнцѣ такія чудовищныя вещи, которыхъ не придумалъ бы самый величайшій безумецъ. Разсказъ его я никогда не забуду и поэтому полагаю, что смогу передать его вамъ. Вообрази Сентъ-ага до какой степени дерзки бываютъ эти женоподобные люди. Во первыхъ онъ началъ доказывать, что солнце, которое не больше перекопскаго арбуза, въ полтора милліона разъ больше всей земли. Ну не сумашедшій ли онъ или ему вѣроятно мы показались травоядными животными? затѣмъ онъ доказывалъ, что не оно бѣгаетъ за нами по повелѣнію Аллаха, а что наша земля кружится вокругъ него. Да за этакія проповѣди его слѣдовало бы сейчасъ же задушить. Этого мало, онъ дерзнулъ даже опредѣлить, что быстрота движенія земли въ 18 разъ превышаетъ полетъ пушечнаго ядра. Возможно ли было переносить мнѣ подобнаго рода насмѣшки надъ святою землею — предоставляю судить тебѣ самому. Я заскрежеталъ зубами, плюнулъ и какъ безумный выбѣжалъ съ цѣлью засѣть гдѣ-нибудь за кустомъ, чтобы согнать съ лица земли этого землехульца. Признаюсь съ этой минуты я не могу безъ злобы и ненависти смотрѣть на всѣхъ *косе*. Въ раздраженіи моемъ я шелъ безсознательно по густому саду и противъ ожиданія остановился у большаго окна съ перекладинами.

— Эй джигитъ! послышался чей-то женскій голосъ — ты изъ здѣшнихъ или пріѣзжихъ?

— А тебѣ на что? отвѣчалъ я подъ вліяніемъ злобы.

— Если ты изъ чужихъ, то окажи намъ милость выпустить изъ этой тюрьмы, въ которую насъ засадили и вотъ ужъ болѣе двухъ недѣль откармливаютъ какъ на убой по дурацкой прихоти Хатырши-мурзы. У каждой изъ насъ есть мужъ и дѣти, которые я думаю страшно крушатся и тоскуютъ.

А такъ какъ мнѣ необходимо было изгнать зло свое на комъ или чѣмъ нибудь, то я, не дожидаясь дальнѣйшихъ просьбъ молодой женщины, схватился обѣими руками за оконную рѣшетку и въ два взмаха вырвалъ ее. Изъ комнаты выползло 11 женщинъ и двѣ дѣвочки, которыя бѣгомъ скрылись въ глубинѣ сада. „Айда мурза! думалъ я, слѣдя за бѣгущими — видно ты почерпнулъ этотъ образъ дѣйствія изъ наставленій какого-нибудь *косе*, заставлявшаго бѣгать святую землю вокругъ небеснаго арбуза!“ Но опомнившись, что за подобный поступокъ въ чужомъ домѣ мнѣ могутъ поломать всѣ косточки, я поспѣшилъ возвратиться въ людскую, гдѣ къ счастію получилъ отъ прикащика деньги и въ ту же минуту выѣхалъ изъ проклятой деревни.

— Право ты какъ-то особенно счастливо отдѣлался отъ Хатырши-мурзы—сказалъ мнѣ на дорогѣ Шабанъ—этотъ человѣкъ обыкновенно никого изъ нашего брата не выпускаетъ безъ того, чтобы не заставить помнить себя. Такая ужъ замашка! Одного напоитъ мертвецки пьянымъ и сдѣлаетъ общимъ посмѣшищемъ, другаго прикажетъ выколотить, третьяго щедро одаритъ и т. п.

— Ну, а теперь къ кому мы заѣдемъ? спросилъ я.

— Къ богатому скрягѣ, который въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда.

Часа полтора спустя мы подъѣхали къ низенькой постройкѣ со многими дворами и дворикамъ, гдѣ между такими же постройками шныряли куры, индюки, больные коровы и хромыя овцы. У дверей наружной постройки сидѣлъ на камнѣ пожилой мущина, любуясь или осматривая снятые съ босой ноги сапоги.

— Это Девлетша бей, хозяинъ имѣнія—сказалъ мнѣ Шабанъ.

— Неужели бей? спросилъ я съ удивленіемъ и началъ осматривать его деревню. Всѣ хаты показались мнѣ изогнутыми на кровляхъ и по сторонамъ; всѣ дворики заросшими громаднымъ бурьяномъ, нигдѣ не видно было ни птицы, ни животнаго.

Между тѣмъ, судя по величинѣ кладбища и множества холмовъ, образовавшихся отъ выноса изъ хатъ золы, надо было думать, что когда-то здѣсь жило много народа и наслаждалось изобиліемъ. Нѣсколько мелькнувшихъ поселянскихъ женъ и дѣтей положительно были въ рубищахъ.

— Какая несчастная деревенька? невольно вырвалось у меня съ языка.

— Все по милости этого гадкаго бея—отвѣчалъ Шабанъ. Онъ самими низкими путями, то подъ видомъ потравы, то поденщины, то денежнаго долга, отобралъ отъ нихъ домашнюю скотину и довелъ до того, что бѣдные люди, не имѣя возможности заниматься хлѣбопашествомъ, всѣ исключительно обратились въ его работниковъ изъ за куска просянаго и ячменнаго хлѣба. Тѣ, которымъ помогли родственники расплатиться съ скрягою конечно выселились, но оставшіеся безъ сторонней помощи погрязли въ долгахъ, потому что Девлетша бей принимаетъ работу ихъ въ счетъ процентовъ.

— Такъ для чего же ты ведешь меня къ такому черту? спросилъ я?

— Потому, что и онъ мусульманинъ, признающій власть муфтія.

— Но онъ насъ выгонитъ.

— Тогда мурзы и беи признаютъ его *бейнамазомъ*, т. е. отступникомъ, и никто не станетъ воздавать ему святаго селяма. Я совѣтую тебѣ не просить, а требовать отъ него участія въ общемъ дѣлѣ. Тогда только онъ струситъ и по неволѣ внесетъ свою лепту. Понявъ въ чемъ дѣло, я отправился на сѣдлѣ, подбоченился и крупною иноходью влетѣлъ къ нему на дворъ. Бросивъ поводья Шабану, я приблизился къ бею и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, объявилъ, что пріѣхалъ къ нему по безъотлагательному дѣлу, порученному мнѣ съѣздомъ мурзъ и беевъ. Твердый и рѣшительный тонъ рѣчи моей смутилъ его.

— Милости прошу на разговоръ въ оду—отвѣчалъ онъ и направился въ гостинницу босикомъ.

Я послѣдовалъ за нимъ въ кануру съ однимъ окошечкомъ, заклееннымъ испачканною бумагою, на земляномъ полу которой лежалъ только одинъ изорванный войлокъ.

— Садись дитя мое—предложилъ онъ, указывая на мѣсто около себя. Какъ жаль, что домашнихъ моихъ нѣтъ никого дома, чтобы приготовить тебѣ кофе. Ты я думаю голоденъ?

— Да я голоденъ и имѣю человѣка, который съумѣетъ зарѣзать и сжарить барана, если вы укажете ему который пожирнѣе.

Бей поблѣднѣлъ, но вмѣсто отвѣта началъ требовать объявить ему въ чемъ состоитъ моя миссія. Доставъ медленно изъ кармана оповѣщеніе, я подалъ ему и въ кратцѣ разсказалъ въ чемъ заключается дѣло.

— Такъ они хотятъ, чтобы я пожертвовалъ имъ денегъ?

— Не хотятъ, а требуютъ — сказалъ я твердымъ голосомъ — мое же дѣло исполнить ихъ постановленіе или заставить скрягъ отказаться на Коранѣ отъ исповѣданія нашей святой религіи.

— Но если у меня нѣтъ денегъ?

— Во первыхъ тѣ, которые посылали меня къ тебѣ очень хорошо знаютъ сколько у тебя есть денегъ. Люди въ этомъ отношеніи уподобляются орламъ, которые видятъ во снѣ, гдѣ есть добыча; во вторыхъ они знаютъ, что деньги собираются въ кучу такими какъ ты, только для того, чтобы перейти въ карманъ подобныхъ тѣмъ, отъ кого они взяты, и наконецъ, имѣя въ распоряженіи эту бумагу съ 7-ю печатями, я не иначе выѣду изъ твоего двора, какъ послѣ обыска твоихъ сундуковъ и клятвы, что отказываешься отъ мусульманства, что подтвердишь подписью своею на этой же бумагѣ.

— А много ли я долженъ внести?

— Самое малое тысячу рублей.

— Что?! тысячу рублей! и бей вскочилъ какъ уязвленный раскаленнымъ желѣзомъ.—Да я умру скорѣе, чѣмъ разстанусь съ такою суммою денегъ. Понимаешь? умру, повѣшусь, зарѣжусь, но не дамъ.

Въ такомъ случаѣ я призову свидѣтелей, объявлю имъ, что ты бейнамазъ и своеручно сдѣлаю надпись, что ты отрекся отъ мусульманства.

— Отецъ родной — вскрикнулъ онъ, падая ко мнѣ на грудь, не дѣлай мнѣ этого зла на старости лѣтъ. Я охотно подарю тебѣ жеребенка изъ моего табуна

— Жеребенка я возьму только тогда, когда ты внесешь тысячу рублей.

— Такъ значитъ ты требуешь и денегъ и жеребенка вдобавокъ?

— Послѣдняго ты самъ обѣщалъ мнѣ и слѣдовательно, какъ честный человѣкъ обязанъ отдать. Ну, братъ не задерживай меня голоднымъ и давай поскорѣе деньги, я долженъ подумать о ѣдѣ.

— Я не дамъ больше 25 рублей.

— Ну, такъ довольно намъ болтать: я сдѣлаю свое дѣло и уѣду. Съ этими словами я вынулъ мѣдную чернилицу и началъ доставать камышинку.

Бей поднялъ разомъ на 100 руб., я рванулся впередъ, со ста онъ сдѣлалъ 200. Я ругнулъ—получилось 400, но когда оттолкнулъ, чтобы выйти на дворъ онъ прибавилъ еще сотню и вцѣпился въ ноги мои, умоляя не доводить его до отчаянія.

— Да о чемъ ты скорбишь? спросилъ я — вѣдь твои деньги чрезъ нѣсколько недѣль будутъ возвращены.

— Знаю какъ они возвращаются, во первыхъ придется ѣздить за ними два года, во вторыхъ унижаться и въ заключеніе получать по копейкамъ безъ процентовъ.

— Въ чемъ же состоитъ твое мусульманство, если ты не будешь стоять за твою вѣру? спросилъ я—за вѣру всякій долженъ жертвовать послѣднимъ грошемъ; въ противномъ случаѣ онъ безвѣрный. Понимаешь ли ты это?

— Понимаю сынъ мой, но я не могу дать тебѣ тысячи рублей. Возьми 500 или я предъ тобою брошусь въ колодезъ и умру, какъ собака.

— Пускай будетъ по твоему — сказалъ я — но съ тѣмъ, что я самъ выберу лучшаго жеребенка изъ твоего табуна лошадей и ты угостишь насъ хорошимъ обѣдомъ, но только не въ этой отвратительной одѣ, гдѣ прилично принимать кочующихъ цыганъ, а въ своихъ помѣщеніяхъ, гдѣ имѣются мягкія матрацы и подушки.

— Ты требуешь отъ меня невозможнаго, но я охотно исполню твое желаніе въ полной увѣренности, что ты не нарушишь покоя моей семейной жизни.

— Въ такомъ случаѣ по рукамъ и давай деньги.

Девлетша мурза недовѣрчиво взглянулъ на меня и вышелъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ принесъ мнѣ 5-ть сотенныхъ и громадными буквами написалъ на повѣсткѣ число пожертвованныхъ имъ денегъ.

— А что твой обѣдъ готовъ? спросилъ я, взявъ деньги.

— Сейчасъ будетъ готовъ — отвѣчалъ онъ въ необыкновенно-

веселомъ расположеніи духа. Идемъ же ко мнѣ, потому что я полюбилъ тебя, какъ роднаго сына моего.

Я послѣдовалъ за нимъ и мы вошли въ обширную комнату, убранную самымъ восхитительнымъ образомъ. Растянувшись на мягкихъ тюфякахъ, я заговорилъ съ беемъ болѣе нѣжнымъ языкомъ и отказался отъ пріема обѣщаннаго имъ жеребенка.

— Благодарю, благодарю, сто разъ благодарю, отвѣчалъ онъ съ слезами на глазахъ—и низачто не позволю тебѣ выѣхать сегодня изъ моего дома. Ты самый дорогой изъ всѣхъ бывшихъ у меня гостей.

Вслѣдъ за симъ намъ подали кофе, но увы онъ оказался ячменнымъ. Я возмутился внутренно, но вынужденъ былъ смолчать.

Затѣмъ послѣдовалъ завтракъ изъ протухлыхъ яицъ, который я отказался пробовать подъ предлогомъ клятвы. Бей сожралъ все самъ и приказалъ подавать обѣдъ, состоящій изъ отваренной фасоли и пшенной каши. Томимый голодомъ я по неволѣ набилъ себѣ животъ этими гадостями и поблагодарилъ хозяина.

Часъ спустя я заявилъ, что мнѣ усталому пора соснуть, чтобы завтра съ разсвѣтомъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Бей собственными руками послалъ мнѣ коверъ и одѣяло, взялъ свѣчу и вышелъ. Я легъ, но никакъ не могъ перейти въ міръ волшебныхъ видѣній вслѣдствіе ужаснаго лая собакъ подъ самыми окнами. Обстоятельство это вынудило меня подняться съ постели и усмирить безпокойныхъ животныхъ. Но представьте мое удивленіе когда я убѣдился, что вмѣстѣ съ маленькою дворняшкою лаялъ и самъ бей. Это возмутило меня до такой степени, что я вошелъ въ сѣни и, нашедъ входъ въ его женскую половину, задвинулъ задвижку съ наружныхъ дверей и преспокойно расположился на его мѣсто. Къ счастію я попалъ на мягкую постель и, успокоившись вполнѣ, только послѣ полуночи возвратился въ свою комнату очень довольный судьбою нынѣшняго дня.

Бей, охранявшій дворъ въ теченіи ночи, вошелъ къ себѣ только тогда, когда я отворилъ двери и обозвалъ его по имени.

Съ разсвѣтомъ я удалился изъ дома этого отвратительнаго человѣка, сердце котораго подвержено было недугу отвращенія къ добрымъ дѣламъ.

Я не стану разсказывать вамъ о дальнѣйшихъ встрѣчахъ по пути слѣдованія, такъ какъ не представилось ничего замѣчательнаго. Передамъ только, что я привезъ домой гораздо больше денегъ, чѣмъ предполагали собрать Муратша мурза, Али мурза и другіе. Обрадованные моимъ успѣхомъ эти почтенные люди, подарили мнѣ сто рублей и того коня, на которомъ я совершилъ счастливую поѣздку. Такимъ образомъ я въ двѣ недѣли вознагражденъ былъ съ избыткомъ за всѣ потери мои.

День выбора муфтія приближался. Толпы верховыхъ въ чалмахъ начали показываться по всѣмъ дорогамъ; вербовщики летали на лучшихъ скакунахъ, стараясь сманить духовенство на свою сторону. Слѣдовательно откладывать дѣйствія не приходи-

лось. Муратша мурза рѣшился ѣхать въ Симферополь съ тѣмъ, что окружавшіе его молодые мурзы выѣдутъ раньше, займутъ всѣ въѣзды въ этотъ городъ и будутъ приглашать на свою сторону тѣхъ, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи.

Прикащику же Сабиту и мнѣ поручено было нанять на десять дней всѣ номера одной гостинницы и трехъ самыхъ большихъ кофеень съ заѣзжими дворами.

Поѣздка эта для меня, никогда не бывшаго въ главномъ городѣ Крыма и мало видѣвшаго русскихъ начальниковъ и ихъ образъ жизни, обѣщала много удовольствій.

Въ назначенный день мы выѣхали съ Сабитомъ на собственныхъ лошадяхъ и вдоль до мѣста назначенія не переставали трактовать о предстоящихъ развлеченіяхъ. При въѣздѣ въ городъ, я прежде всего пораженъ былъ величиною моста чрезъ Салгиръ, который еле-еле струился и рѣшилъ, что на него затрачено много золота не для того только, чтобы люди переѣзжали не намочивши ногъ, но и для того, чтобы хвастнуть предъ деревенскими обитателями своимъ преимуществомъ въ денежныхъ средствахъ. Не менѣе изумила меня величина двухъ и трехъ этажныхъ домовъ, въ которые могло бы помѣститься на ночлегъ до 5 тысячь татаръ. Неужели такое число жителей обитаетъ въ нихъ? спросилъ я у многознающаго Сабита. Оказалось, что кромѣ хозяйской семьи—никого больше. „Ну, ужъ это полнѣйшая глупость,"—хотѣлось мнѣ пойти и сказать этимъ людямъ. Къ чему затрачивать такую массу денегъ на каменныя стѣны, потолки и полы, когда отъ нихъ нѣтъ дохода? Для человѣка необходима хата только во весь его ростъ. Нѣтъ видно у христіанъ не существуетъ нашей разумной пословицы: купи земли сколько глазъ видитъ, а хату въ которой могъ бы помѣщаться свободно.

— Оттого-то въ городахъ—замѣтилъ Сабитъ—ужасное множество нищихъ и вообще голодающихъ. Здѣсь не понимаютъ люди великаго значенія денегъ.

Нѣсколько шаговъ дальше я увидѣлъ двухъ молодыхъ христіанокъ ослѣпительной бѣлизны, точно двухъ дѣтскихъ куклъ верхами. Не вѣря глазамъ моимъ я обратился къ Сабиту. Возможно ли допустить, чтобы молодыя дѣвченки ѣздили верхами на прекрасныхъ лошадяхъ и вдобавокъ какъ-то бокомъ? Какъ это лошади могутъ перенести такое оскорбленіе? Это такъ поразило меня, что я не смотрѣлъ болѣе по сторонамъ до того времени, пока мы заѣхали въ ханъ и, сдавъ лошадей дворнику, вошли въ кофейню, переполненную народомъ, часть котораго занята была лафами и питьемъ кофе, а остальные играли въ шашки и богопротивныя карты. Отдохнувъ около часа, Сабитъ отправился исполнять приказанія хозяина, а я отъ нечего дѣлать пошелъ по базарной площади, чтобы полюбоваться народомъ и торговыми сдѣлками. Прежде всего меня, изумили какіе-то мущины въ длинныхъ черныхъ фередже съ косами на спинѣ, безъ пан-

талонъ *), Не будь у нихъ бороды и усовъ я непремѣнно призналъ бы ихъ за женщинъ изъ породы гигантовъ, но это обстоятельство измѣняло мой образъ предположеній и я рѣшилъ распросить о нихъ у Сабита. Тамъ же мнѣ попадались христіанки въ замѣчательныхъ одеждахъ, такъ напримѣръ у однихъ лежала на головѣ соломенная плетушка, которая отлично прикрывала ихъ бѣлыя лица отъ лучей солнца, но на другихъ было нѣчто удивительное, имѣющее подобіе нашего казана, съ прорѣзомъ внизу, въ который вкладывались задняя половина головы, а съ передней части все полукружіе убрано было множествомъ полевыхъ или огородныхъ цвѣтовъ и вдобавокъ какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ руки были покрашены черною, оранжевою, зеленою и другими красками **). Но всего страннѣе мнѣ казалось то, что всѣ эти женщины носили отъ таліи до ногъ цѣлый рядъ обручей, обтянутыхъ или подшитыхъ къ разноцвѣтнымъ ситцамъ и матеріямъ ***). Для какой цѣли онѣ дѣлали это? чтобы не потѣть во время ходьбы или, чтобы скрывать пожитки и покупки? я также не догадался.

На базарной площади поразилъ меня видъ начальника торговли. Это былъ молодой человѣкъ съ саблею чрезъ плечо съ золотыми позументами на воротникѣ, обшлагахъ и на одномъ рукавѣ. Онъ разсхаживалъ какъ пѣтухъ мѣрными шагами и внимательно прислушивался къ шуму и спорамъ народа. Тамъ, грѣ крики усиливались, онъ безцеремонно подносилъ нарушителямъ покоя кулакъ къ зубамъ или давалъ такой подзатыльникъ, что виновный летѣлъ мордою въ грязь. Власть его должно быть была неограничена, потому что онъ угостилъ кулакомъ даже одного изъ почтеннѣйшихъ кадіевъ нашихъ, не смотря на то, что онъ носилъ громадную чалму и красную шаль,—знаки его священной власти,—за то только, что онъ осмѣлился остановить лошадь свою на площади и принимать отъ нѣкоторыхъ правовѣрныхъ поздравленія съ благополучнымъ пріѣздомъ. Пока я любовался этимъ султаномъ базарной площади, за мною внезапно послышались потрясавшіе душу стройные звуки необыкновенно громкихъ голосовъ. Я оглянулся и увидѣлъ, что масса народа побѣжала по направленію къ кофейнѣ, гдѣ мы остановились. Понятно, что и я рванулся за ними. Вдругъ вижу двухъ всадниковъ на великолѣпныхъ, отлично откормленныхъ вороныхъ лошадяхъ, въ синихъ одеждахъ съ бѣлыми кудрявыми фесками ****) на плечахъ, съ золотыми шапками и гребнями изъ лошадиныхъ хвостовъ. Усы у нихъ торчали какъ длинная палка, данная въ ротъ, а сами они держались подобно индюкамъ, видѣвшимъ около себя стадо индюшекъ. Что это за люди и изъ какихъ странъ они прибыли я не могъ догадаться. За ними слѣдовало много людей, державшихъ

---

*) Священники и дьяконы.
**) Перчатки.
***) Кринолины.
****) Прежніе эполеты жандармовъ.

въ рукахъ красныя суконныя знамена съ рисунками, обшитыми золотою бахрамою, дальше шло десятка два пѣвчихъ, которые пѣли довольно пріятно, а вслѣдъ за ними нѣсколько изъ тѣхъ людей, которыхъ я принималъ за особую породу гигантскихъ женщинъ съ бородами. Всѣ они были одѣты въ странные бархатные наряды, обшитые также широкими позументами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ надѣты были шапки въ подобіи нашихъ ступокъ. За ними ѣхала черная, длинная арба, запряженная четверкою лошадей, одѣтыхъ въ черные попоны, которыхъ держали подъ узцы люди въ громадныхъ такого же цвѣта плащахъ и шапкахъ съ полями. Всѣ они держали въ рукахъ по большой свѣчи. На дрогахъ этихъ стоялъ большой золотой сундукъ, который оберегали четыре человѣка, а позади шли музыканты, которые играли въ блистящія мѣдныя трубы.

Только тогда, когда вся эта процессія прошла мимо меня я догадался, что это проходила русская богатая свадьба и что въ золотомъ сундукѣ везлось приданое невѣсты. Молодцы христіане— вырвалось у меня съ языка—они умѣютъ получше насъ праздновать свои свадьбы!

Я хотя и понялъ, что Бекиръ баба встрѣтилъ нашу погребальную процессію, но не хотѣлъ прерывать его рѣчи.

Въ тотъ же день — продолжалъ разскащихъ — Сабитъ нанялъ гостинницу и три кофейни съ заѣзжими домами. Онъ долженъ былъ оставаться для наблюденій въ послѣднихъ дворахъ, а я перешелъ въ гостинницу, чтобы принимать гостей и поджидать хозяевъ. Въ гостинницѣ оказался между служителями одинъ изъ нашихъ бахчисарайскихъ татаръ, который нашедъ, что одежда моя очень устарѣла и не годится для города, повелъ меня въ одну изъ лавокъ и заставилъ истратить около 15 руб. на переобразованіе свое. Такимъ образомъ я вдругъ сдѣлался совершеннымъ мурзою съ виду и съ этого времени болѣе былъ увѣренъ, что мурзы мои будутъ повсюду брать меня съ собою знакомить съ такими предметами и людьми, которыхъ никогда не доведется видѣть сблизи бѣдному татарину,

Первымъ принятымъ мною въ гостинницу отъ имени Муратши мурзы и Али мурзы былъ почтенный хатипъ изъ Евпаторійскаго уѣзда, прибывшій въ сопровожденіи какого-то бѣднаго на видъ бея. У этихъ людей было въ Симферополѣ знакомо одно русское семейство и имъ желательно было посѣтить оное совмѣстно со мною. Я не церемонился. Почему—думаю—не взглянуть на жизнь этого народа въ городахъ? Мы вышли на большую многолюдную улицу и послѣ продолжительной ходьбы вошли въ чистенькій домикъ, изъ котораго слышались отчаяные крики.

Хатипъ и мурза отворяли двери и передъ нами представилась ужасная картина: хозяинъ дома лежалъ на полу весь въ крови, жена была его качалкою куда попало, а дѣти вмѣсто того, чтобы заступиться издѣвались надъ отцомъ. Нашъ внезапный приходъ

еще болѣе остервѣнилъ женщину и она выпроводила насъ толчками въ спину.

„Такъ вотъ какъ живутъ между собою эти достопочтенные люди—мечталъ я. Возможно ли допустить, чтобы жена подняла руку на кормилица и заступника своего? фи, какая низкая и жестокая неблагодарность! какъ должно быть обливается у этого немощнаго старика кровью сердце, видя, что даже тѣ, которыхъ онъ самъ создалъ, возстали на него. О, Аллахъ всемогущій не доведи меня грѣшнаго до такихъ адскихъ страданій! Съ этого дня я никогда не имѣлъ желанія входить въ русскій домъ. Только что мы возвратились къ себѣ и расположились пить, по требованію хатипа, чай, о которомъ я въ то время не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, ко мнѣ вбѣжалъ Сабитъ съ письмомъ отъ Али мурзы, требующаго немедленно съѣздить въ Ичель *) и заставить тамошнихъ муллъ и хатиповъ пріѣхать въ Симферополь на выборы муфтія. При чемъ онъ вручилъ мнѣ нѣсколько писемъ и необходимую сумму денегъ, на случай потребности расходовъ. Откладывать приказанія не приходилось въ виду короткаго срока, а потому, поручивъ гостей моихъ Аллаху, я пошелъ въ заѣзжій дворъ, осѣдлалъ моего добраго коня и направился по указанному мнѣ направленію. Къ счастію наступавшая ночь освѣщалась полнымъ свѣтомъ луны и мнѣ не представлялось возможности сбиться съ дороги. Въ первой бузнѣ, которыя какъ вамъ извѣстно часто встрѣчаются на большихъ дорогахъ и воздвигаются не столько съ цѣлью барышей, сколько изъ желанія предоставить проѣзжимъ возможность отогрѣться или укрыться отъ дождя, я остановился и принялся пить бузу вмѣсто завтрака. Напитокъ оказался превосходнымъ, а торговецъ очень разумнымъ и многознающимъ человѣкомъ.

— Очень радъ принимать у себя человѣка, который поспѣшествуетъ нашей святой религіи. Да даруетъ пророкъ вамъ всѣмъ звѣзду счастія—говорилъ мнѣ буздникъ—заботтесь дѣти мои и впредь о религіи отцовъ, потому что всѣ блага житейскія не стоятъ и гнилой тыквы въ сравненіи съ тѣмъ, что суждено правовѣрнымъ исполнителямъ ислама въ будущей жизни. Всякій, кто взглянетъ теперь на меня, подумаетъ, что я какой нибудь ничтожный торгашъ, бьющійся изъ за того, чтобы заработать копѣйку. Но я, благодаря Бога, имѣю хорошее хозяйство и нѣсколькихъ взрослыхъ сыновей, которые зарабатываютъ съ избыткомъ необходимое для жизни. Спеціальность моя напоить жаждующаго. Для достиженія этого я въ прошлые годы жизни открылъ въ различныхъ мѣстностяхъ Крыма 22 фонтана, которые своеручно сдѣлалъ удобными какъ для питья людей, такъ равно и животныхъ и кромѣ того самъ и при поддержкѣ богатыхъ людей, выкопалъ въ безводныхъ степяхъ 7 колодцовъ, Нынѣ же, когда силы измѣнили мнѣ и я начинаю чувствовать запахъ приближенія моего къ могилѣ, я разсудилъ воздвигнуть эту бузьню,

*) Южный берегъ.

чтобы утоляя жажду людей, давать имъ возможность найти у меня мѣсто для отдыха или прикрытія отъ непогодъ. Въ степяхъ добрые люди для этихъ надобностей устраиваютъ нарочно оды или даровыя гостинницы, потому что у нихъ много своихъ овецъ, хлѣба и сѣна, но мы всего этого имѣемъ очень мало и слѣдовательно не въ состояніи подражать имъ. Старшій братъ мой также служитъ религіи тѣмъ, что онъ собираетъ деньги и, разъѣзжая по деревнямъ, воздвигаетъ или исправляетъ пришедшія въ ветхость мечети, а младшій посвятилъ себя исправленію или прокладыванію въ трудныхъ гористыхъ мѣстахъ тропинокъ, чтобы облегчать бѣдныхъ животныхъ, идущихъ съ тяжолою ношею.

— О, да вы всѣ должно быть пользуетесь райскимъ спокойствіемъ души! вскрикнулъ я.

— Къ сожалѣнію, сынъ мой, я не могу этимъ похвастать, потому что не совсѣмъ почтительно обращался въ молодые годы съ родителями моими и представь чѣмъ больше я успѣваю въ добрыхъ дѣлахъ, тѣмъ сильнѣе слышу укоры души. Точно она мнѣ говоритъ: „ай, ай ты, который оказываешь столько милостей другимъ, ты заставилъ умереть твоихъ отцовъ съ горькими воспоминаніями и обидами.“ Вѣришь ли другъ мой, когда эти ужасныя слова отзываются въ моихъ ушахъ, я положительно сокрушаюсь духомъ и прихожу къ убѣжденію, что милліоны добрыхъ дѣлъ моихъ не спасутъ меня отъ этихъ справедливыхъ укоровъ и никакія наказанія не облегчатъ моей тяжолой жизни. Вотъ что значитъ одинъ тяжелый грѣхъ! Онъ на вѣсахъ даже нашего разума перетягиваетъ сотни добрыхъ дѣлъ. Сколько же надо сдѣлать благодѣяній, чтобы пересилить тяжесть его на вѣсахъ суда Божія?

Благодушный бузникъ глубоко вздохнулъ и замѣтивъ, что кувшинъ мой опорожнился, поспѣшилъ налить мнѣ новый. Побесѣдовавъ съ нимъ еще около часа и распросивъ въ какія деревни мнѣ слѣдуетъ заѣзжать въ Ичельской сторонѣ, я заплатилъ ему съ избыткомъ за бузу въ пользу тѣхъ, которые обратятся къ нему безъ денегъ и уѣхалъ, напутствуемый самыми искренними пожеланіями счастливаго пути.

Съ разсвѣтомъ я пріѣхалъ въ деревню Алушта и прямо отправился къ мѣстному хатипу. Съ первыхъ же словъ его я понялъ, что онъ и всѣ бывшіе у него мусульмане далеко не похожи на насъ. Они показались мнѣ гордыми и надменными. Выслушавъ мое заявленіе, имамъ отвѣтилъ на отрѣзъ, что онъ не поѣдетъ въ Симферополь и что для него все равно кто-бы не былъ избранъ муфтіемъ. Я заговорилъ было о желаніи мурзъ и беевъ, но онъ отвѣчалъ, что ему некогда слушать моихъ рѣчей въ настоящее утреннее время, такъ какъ вся семья его собралась уже идти въ садъ сбивать орѣхи. Вѣришь ли Сеитъ-ага онъ не предложилъ даже чашки кофе. Спасибо, что здѣсь оказалась кофейня и я имѣлъ возможность подкормить себя и лошадь мою. Ну не даромъ же у насъ называютъ ихъ *татами* и полу-мусульма-

нами, не имѣвшими ничего общаго съ предками нашими. Въ кофейнѣ этой я написалъ отъ имени мурзъ моихъ приглашеніе къ хатипамъ сосѣднихъ деревень, куда мнѣ не подорогѣ было ѣхать и съ нарочнымъ послалъ его. Но такъ какъ мнѣ нельзя было ожидать возвращенія посланнаго, то я выѣхалъ безъ отвѣта. Путь мой лежалъ на Ялту и Байдаръ-авасы.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Біюкъ-Ламбата ко мнѣ присоединился сѣдой человѣкъ, оказавшійся имамомъ этой деревни. Такая счастливая встрѣча оживила мой опечаленный духъ и я горячо началъ убѣждать его ѣхать на выборы муфтія.

— Что ты говоришь мой сынъ, куда мнѣ старику ѣхать въ такую даль и притомъ развѣ мой голосъ можетъ имѣть значеніе въ средѣ мурзъ и беевъ? Я человѣкъ ничтожный, обязанный снискивать свое пропитаніе личными трудами.

— Какъ личными трудами? Неужели ты не получаешь отъ прихожанъ установленный закономъ *питыръ* и другаго рода вознагражденія за исполненіе обязанностей своихъ?

— Въ нашихъ странахъ сынъ мой не то, что въ другихъ мѣстностяхъ Крыма. Здѣсь питыръ даютъ только самые бѣдные, боящіеся Бога, а кто по богаче, тотъ старается обойти этотъ законъ подъ различными другими видами благотворительности, такъ что муллѣ не приходится выпускать жала просьбы, а если онъ по неосторожности высунетъ его, то всѣ скалы не защитятъ его отъ ядовитыхъ стрѣлъ поношенія. Впрочемъ не я одинъ несу такую ношу, а всѣ духовники Ичеля. Народъ говоритъ, что наша обязанность служить во имя Бога и ждать не отъ него, а отъ пророка вознагражденія. Что жъ дѣлать надо довольствоваться и этимъ.

— Послушай мулла, а если я тебѣ заплачу впередъ подорожную плату въ оба конца и буду кормить пилафомъ во все время,—поѣдишь ли ты на выборы? сказалъ я.

— Это дѣло другое. Бѣдный человѣкъ не тратитъ времени напрасно.

— Ну сколько тебѣ дать денегъ?

— Самое меньшее 20 рублей.

— И ты сегодня же поѣдишь?

— Не сегодня, а завтра съ разсвѣтомъ.

Мы остановились, слезли съ лошадей, ударили по рукамъ и я выдалъ ему деньги при запискѣ въ какую кофейню ѣхать.

Съ этого времени я понялъ, что на духовенство этой части Крыма надо дѣйствовать не словами, а деньгами. Какъ жаль, что не догадался я предложить ихъ Алуштинскому хатипу?

Ламбатскій мулла, получивъ отъ меня деньги, совершенно измѣнился въ обращеніи со мною и требовалъ, чтобы я заѣхалъ къ нему на завтракъ.

Деревня его ужасно поразила меня своимъ устройствомъ. Во первыхъ она висѣла надъ злющимъ моремъ, которое ревѣло, какъ грозный левъ, и наконецъ всѣ хаты ихъ были съ гладкими кров-

лями, похожіе на земляные ящики съ отверстіями впереди. Воображаю какъ въ нихъ непріятно жить когда небо начинаетъ потѣть?

У муллы я пробылъ два часа и вполнѣ остался бы довольнымъ его завтракомъ, еслибъ онъ не заставилъ меня скушать цѣлый стручковый соленный перецъ, который чуть не жжегъ моихъ кишекъ. Странно, какъ этотъ народъ можетъ кушать такія воспламеняющія средства? Въ этой деревнѣ я также впервое замѣтилъ, что молодыя женщины и дѣвушки мало заботятся о томъ, чтобы скрывать свои прекрасныя розовыя лица отъ людей неизвѣстныхъ. Надо полагать, что онѣ всѣхъ чужихъ считаютъ гораздо ниже своихъ животныхъ.

Въ слѣдующей затѣмъ деревнѣ мнѣ также не трудно было за 25 рублей заставить имама ѣхать на выборы. Къ вечеру я прибылъ въ деревню Никита и конечно направился прямо къ имаму, оказавшемуся очень гордымъ человѣкомъ.

Впрочемъ мнѣ скоро стало извѣстнымъ, что гордость эта была притворная и проявляется только въ отношеніи къ намъ степнымъ татарамъ, которыхъ они какъ-то безсознательно не любятъ и боятся входить съ ними въ дружественныя сношенія. Никитскій мулла на проѣздъ въ Симферополь потребовалъ 30 руб. и не уступилъ ни копѣйки.

Когда я вручилъ ему эти деньги отъ имени Муратши и Али мурзъ, онъ объявилъ, что хорошо знаетъ по слухамъ моихъ хозяевъ и незамедлитъ исполнить ихъ желанія.

За ужиномъ, подкрашеннымъ солеными жареными перепелками и всенепременнымъ стручковымъ перцомъ, къ которому я на этотъ разъ не прикасался, — намъ прислуживала сама жена муллы, не обращая никакого вниманія на меня, и безпрестанно входили въ комнату двѣ молодыя дочери хозяевъ, громко переговариваясь и толкаясь между собою съ цѣлью обратить мое вниманіе. При такой свободѣ женщинъ мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ не подымать на нихъ глазъ. Но повидимому онѣ и этимъ не остались довольными, потому что начали дѣлать надо мною насмѣшки и полугромко заявили, что надо подстричь мой *перчемъ* или клокъ волосъ, нарочно выпущенный изъ подшапки.

Послѣ уборки стола мы перешли съ хозяиномъ дома къ ярко горящему очагу и онъ началъ съ какимъ-то восторгомъ говорить о своей дикой, горной странѣ, изобилующей рыбою и всевозможными фруктами.

— Здѣсь такъ пріятно жить—продолжалъ онъ—что самые богатые и знатные русскіе бояре выстраиваютъ себѣ вѣчные дома въ предположеніи вѣроятно, что рай будетъ здѣсь и что душамъ ихъ здѣсь назначено будетъ вѣчное бытье. Они ничего не жалѣютъ для разведенія такихъ деревъ, которыя производятъ нѣжнѣйшіе ароматическіе цвѣты въ тѣхъ видахъ, что души питаются ихъ запахами. Завтра ты самъ убѣдишься въ словахъ моихъ, потому что на всякомъ почти поворотѣ будешь встрѣчать великолѣпные дворцы и прелестные сады.

Какъ бы въ подвержденіе сказаннаго, хозяинъ два раза рыгнулъ. Пожелавъ ему милости Аллаха на свареніе желудка, я поинтересовался узнать, чемъ же занимаются въ этой странѣ русскіе бояре? Неужели они день и ночь молятся, чтобы умереть здѣсь?

— Со всѣмъ не то: развѣ ты не знаешь пословицы, что пришедшіе къ намъ хуже насъ. Они день и ночь ѣздятъ верхомъ, балуютъ деньгами нашу молодежь и постепенно закупаютъ нашу наслѣдственную землю. Ужъ сколько разъ я совѣтывалъ нашимъ байгушамъ удаляться отъ камня соблазна, но видно они не могутъ избѣгнуть напѣва сладкозвучныхъ дроздовъ о полновѣсныхъ червонцахъ. Одинъ я пока не сталкиваюсь съ осломъ неосторожности.

Выкуривши вторую трубку, мулла указалъ мнѣ на приготовленную постель и, пожелавъ счастливой ночи, вышелъ на свою половину. Понятно, что я утомленный верьховою ѣздою со вчерашняго дня, соснулъ богатырскимъ сномъ,

Проснувшись на зарѣ, я прежде всего почувствовалъ какое-то прохладное состояніе на макушкѣ головы. Что за странность? кладу руку увы и ахъ, исчезъ мой славный перчемъ, которымъ я такъ восхищался! О коварныя дѣвушки, о, безбожныя татки! закричалъ я—это дѣло вашихъ рукъ. Да знаете ли вы, что я нынѣ на многіе мѣсяцы не по смѣю снять съ головы моей шапки и буду уподобляться безхвостой чучкѣ? Повѣрите ли, что сердце мое до того сожмалось, что я заплакалъ, какъ маленькое дитя, наказанное невинно. Но что дѣлать, совершившагося нельзя было возвратить и я началъ одѣваться. Вдругъ вижу, что изъ кармана моего *элека* *) выпали скомканные волосы. Подымаю и узнаю мой несчастный перчемъ, точно скошенная трава безпощадною косою грубаго работника. Да отсохнутъ ваши руки! невольно вырвалось у меня — да будетъ адъ вашимъ назначеніемъ и горе мое да привьется къ вашимъ злобнымъ душамъ! Озлобленный до крайнихъ предѣловъ я вышелъ на дворъ, осѣдлалъ коня и не попрощавшись даже съ отсутствующимъ хозяиномъ, выѣхалъ со двора.

— А не забылъ ты взять своего перчема? крикнули за мною хозяйскія дочери съ громкимъ смѣхомъ.

Хотѣлось было мнѣ отвѣтить имъ словомъ мерзости, но я боялся заставить сторонних людей подумать, что обладаю мозгомъ прозрачности.

Въ окрестныхъ деревняхъ Ялты меня приняло духовенство съ большими почестями, хотя и не согласились ѣхать въ Симферополь дешевле 40 рублей. Здѣсь я встрѣтилъ на должности хатипа одного изъ знакомыхъ моихъ изъ Бахчисарая, который много лѣтъ учился въ Стамбулѣ и надѣялся попасть прямо въ кадіи. Нынѣ онъ ласкается надеждою быть кадыскеромъ и въ свою

*) Куртка.

очередь завербовалъ многихъ изъ друзей своихъ. Это мнѣ говорили стороною, на что я отвѣчалъ улыбкою.

Пріятель мой сознался, что пріобрѣлъ хорошее состояніе, отъ богатыхъ купцовъ, въ средѣ которыхъ живетъ и отъ вакуфныхъ или завѣщанныхъ въ пользу мечети денегъ, которыми онъ торгуетъ и отдаетъ на проценты. Домъ его оказался переполненнымъ земными благами, въ числѣ которыхъ, кромѣ молодой румяной жены, находилась, роскошная какъ тыква дѣвушка, принятая имъ въ качествѣ сироты и по нѣкоторымъ причинамъ помолвлена уже за работника.

Отъ Ялты до Байдаръ я ничего не встрѣтилъ особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ чертовскихъ скалъ, страшнаго моря и громадныхъ боярскихъ зданій съ садами, предназначенными ими для будущей обители своимъ душамъ. Нашли же гдѣ строить свои чертоги — думалъ я, озираясь не безъ страха по сторонамъ, — того и гляди, что взбѣшенное море зальетъ ихъ или одна изъ горъ рухнется и превратитъ все въ лепешку ничтожности.

Въ Байдарахъ я съ особеннымъ удовольствіемъ помолился въ мечети за то, что милостивый пророкъ вывелъ меня съ Ичеля здравымъ и невредимымъ. По выходѣ изъ дома молитвы, я узналъ отъ мѣстнаго хатипа, что онъ готовъ ѣхать сегодня на выборы муфтія и поджидаетъ попутчиковъ. Когда же я назвался вербовщикомъ со стороны Муратши и Али мурзъ, имамъ до того обрадовался, что пригласилъ меня къ себѣ, обѣщая накормить самымъ лучшимъ образомъ. И дѣйствительно я наѣлся у него такъ, что отрыжка продолжалась у меня по крайней мѣрѣ два часа.

Встрѣтившись у него со многими почетными лицами, я легко могъ составить себѣ убѣжденіе, что байдарскіе татаре на много выше стоятъ ичельскихъ, что для нихъ религія поважнѣе денегъ и что они болѣе склонны къ единовѣрцамъ своимъ. Съ этимъ истинно правовѣрнымъ хатипомъ мы благополучно проѣхали чрезъ многія обширныя деревни, расположенныя у основанія горъ и, повсюду вербуя представителей духовной власти, прибыли въ Симферополь наканунѣ выборовъ.

Муратша и Али мурза такъ были восторжены моими успѣхами, что нѣсколько разъ постукали по спинѣ и назвали джигитомъ въ полномъ смыслѣ слова.

Теперь на обязанности моей было заботиться не только о господахъ своихъ, но и о всѣхъ остановившихся въ гостинницѣ съ нами. Должность эта была труднѣе, потому что приходилось одному приносить водки, другому пива и исполнять сотни другаго рода прихотей. Нечего дѣлать надо было терпѣть до завтрашняго дня.

На слѣдующій день въ условленный вѣроятно за ранѣе часъ къ гостинницѣ нашей подъѣхало много дрожекъ и всѣ гости наши куда-то поѣхали.

Али мурза, нарядившись въ русскій сюртукъ съ золотымъ воротниковъ также влѣзъ на дрожки и, приказавъ мнѣ сѣсть около кучера, что-то сказалъ послѣднему по русски.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ мы остановились около большаго бѣлаго дома, положительно обстановленнаго чалмами, сарыками и сюртуками съ золотыми пуговицами и воротниками.

Взглянувъ на эту массу духовныхъ, у меня забилось сердце.

Одновременно съ нами въ большомъ *интавѣ* *) подъѣхалъ къ крылечку и Адиль-бей. Онъ одинъ былъ въ такомъ же нарядѣ, какъ и многіе другіе мурзы, но съ тою разницею, что на груди у него висѣли серебряные рубли и какіе-то крестообразные разноцвѣтные камни. Этотъ почтеннѣйшій бей прямо вошелъ въ домъ и приказалъ мнѣ пригласить слѣдовать за нимъ всему народу. Исполнивъ его приказаніе, я также просунулся въ большую комнату, гдѣ стоялъ въ отдаленіи длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, обшитымъ золотою бахромою. На столѣ этомъ стоялъ другой треугольный столикъ изъ чистаго золота съ золотою, сидящею на немъ птицею, которая показалась мнѣ спящею. „Это должно быть соколъ—подумалъ я—на чью онъ голову сядетъ того и изберутъ муфтіемъ. Ну, что если онъ вздумаетъ сѣсть на мою голову, лишенную перчема?“ При этой мысли у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ и усилился вдвое, когда я замѣтилъ, что всѣ мурзы обнажили свои головы. Пока я обдумывалъ, на что рѣшиться мнѣ, глаза мои направились на стѣну и вдругъ я увидѣлъ огромнаго роста прекраснаго, но грознаго человѣка, пригвожденнымъ къ стѣнѣ. Чѣмъ больше я всматривался въ него, тѣмъ сильнѣе онъ вперялъ въ меня свои величественные глаза. Тутъ у меня сдѣлалось маленькое помраченіе ума и я чувствовалъ, что не сдобровать мнѣ, если прикажутъ снять шапку. О, проклятыя татки! вскрикнулъ я, схватившись за голову и бѣгомъ убѣжалъ въ гостинницу.

Къ счастію пророкъ послалъ мнѣ глубокій сонъ, который спасъ меня отъ потери разсудка, Освѣжившись холодною водою, я вышелъ на улицу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда десятки экипажей съ грохотомъ подъѣхали къ гостинницѣ.

— Ну, Бекиръ радуйся—сказалъ мнѣ Муратша мурза — наши труды не пропали напрасно: мы восторжествовали надъ противниками.

Я такъ обрадовался, что поцѣловалъ ему руку.

Въ ту же минуту этотъ добрый мурза выдалъ прикащику значительную сумму денегъ съ приказаніемъ ничего не жалѣть для удовлетворенія желаній каждаго изъ гостей и чтобы кофе и музыка не переставали забавлять друзей.

Пообѣдавъ на скоро, мурзы поѣхали съ поздравленіемъ къ избранному муфтію и пробыли у него до вечера. Нѣкоторые изъ нихъ

---

*) Коляскѣ.

въ томъ числѣ и Муратша мурза возвратились полупьяными и порѣшили ѣхать на какое-то зрѣлище.

— И ты съ нами поѣдешь — сказалъ мнѣ мурза, схвативъ за шиворотъ и толкнувъ въ фаэтонъ.

Нѣсколько минутъ спустя мы приблизились къ дому, около котораго стояло два видѣнныхъ мною раньше человѣка съ бѣлыми фесками на плечахъ и лошадиными хвостами на головахъ. „Видно на свадьбу мы пріѣхали, подумалъ я, спускаясь по лѣстницѣ за мурзами. Здѣсь при входѣ каждому изъ насъ роздалъ Муратша мурза какіе-то красныя твердыя бумажки и приказалъ слѣдовать за собою. Вошедъ въ громаднѣйшую комнату, установленную стульями, каждый изъ насъ сѣлъ на указанное ему мѣсто и отнечего дѣлать начали смотрѣть на искуственно сдѣланный впереди насъ садъ съ постройками и горами. Вдругъ загремѣла музыка и въ комнату ввалила такая толпа народа, что всѣ положительно стулья были заняты. Я оглянулся и невольно задумался надъ вопросомъ: гдѣ же будутъ танцовать джигиты? Чрезъ минуту музыка остановилась и раздался надъ головами нашими звонокъ, заставившій всѣхъ смолкнуть. Затѣмъ вижу тотъ садъ, который стоялъ продъ глазами моими началъ подыматься и исчезъ въ потолкѣ, а за нимъ открылась безконечной длины комната, поддерживаемая столбами. „Ну это туманъ пустили намъ въ глаза“—подумалъ я. Пока я старался отдѣлаться отъ этого тумана, музыка снова заиграла и вдругъ изъ за каменныхъ столбовъ выскочило болѣе десятка дѣвушекъ въ одинаковыхъ цвѣтныхъ коротенькихъ нарядахъ, такъ что всѣ лучшія части ихъ тѣла обнаружились предъ публикою. Но странно, когда онѣ закружились и начали выдѣлывать необыкновенныя вещи на воздухѣ, оказалось, что онѣ не принадлежали ни къ какой породѣ людей.

Тутъ ужъ я признаться не зналъ, что и подумать. Неужели это *мелеки* *) небесные спустились на землю отпраздновать съ нами выборъ муфтія? Изумленные зрители застучали, какъ дѣти въ ладоши, отъ удовольствія.

Танцы эти прекращались и возобновлялись кажется три раза и при каждомъ разѣ появлялись мущины и дѣвушки въ другихъ нарядахъ. Въ заключеніе всѣ встали и начали расходиться. Мы также послѣдовали за всѣми и уѣхали домой. Пиръ показался мнѣ достойнымъ вниманія, но отчего насъ не накормили? подумалъ я и порѣшилъ, что вѣроятно на томъ основаніи, что мелеки небесные, какъ не употребляющіе пищи земной, не имѣютъ объ этомъ понятія.

На слѣдующій день въ гостинницѣ нашей гремѣла тоже музыка, которую мы слушали вчера. Мурзы пировали на славу. Хатырша мурза по обыкновенію игралъ въ карты съ какими-то боярами въ отдѣльной комнатѣ и поминутно прикладывался къ шипучему напитку. На этотъ разъ онъ также проигралъ всѣ имѣв-

*) Ангелы.

шіяся у него деньги, но не желая прекращать игры и просить у друзей, потребовалъ къ себѣ, какого-то еврея и приказалъ занять ему 2 т. руб. на недѣлю. Еврей согласился, но съ тѣмъ, что онъ дастъ ему бумагу на четыре тысячи и за всякій просроченный день по 500 руб.

— Проклятый жидъ—отвѣтилъ ему мурза, но подписавъ бумагу, взялъ деньги и снова началъ играть.

Послѣ ранняго обѣда мурзы свезли меня въ какой-то длинный полотняный балаганъ, гдѣ показали мнѣ всѣхъ существующихъ животныхъ. Всего больше мнѣ понравился *филъ* (слонъ) и левъ. Чего бы я недалъ, чтобы заставить ихъ поиграться вмѣстѣ? Затѣмъ мы отправились въ другой дворъ, гдѣ на высочайшихъ бревнахъ натянуты были канаты для *драмбазовъ* (акробатовъ). Зрѣлище это восхитило меня отъ пятокъ до ушей, но въ то время, когда душа моя такъ сказать трепетала отъ восторга, я вдругъ послышалъ топотъ лошади и отчаянный крикъ женщины. Оглядываюсь и вижу сильный конь мчитъ во всю мочь молодую женщину въ нашемъ національномъ фескѣ, стоящую на одной ногѣ. Убѣжденный, что ее несетъ злая лошадь и непременно убьетъ, я быстро перескочилъ чрезъ помостъ и рванулся къ разъяренному животному, чтобы остановить его. Что было потомъ со мною— я не знаю. Только впослѣдствіи, когда я очнулся, Али мурза передалъ мнѣ, что я былъ отброшенъ лошадью съ такою силою, что лишился памяти и получилъ переломъ руки. Затѣмъ онъ началъ насмѣхаться надъ моею совершенно неприличною выходкою остановить въ присутствіи массы зрителей коня, на которомъ джамбазка приготовилась показывать свою ловкость.

Тутъ только я понялъ свою горькую ошибку, но не осмѣлился спросить у добраго хозяина долго, какъ долго насмѣхались зрители надъ головою моею, лишенною перчема.

Послѣ этого несчастнаго событія я отказался навсегда отъ поѣздокъ въ Симферополь и прожилъ до самой смерти Али мурзы въ его домѣ. Да будетъ милостивъ къ нему Аллахъ на судѣ своемъ! Онъ завѣщалъ мнѣ много добра, но всего безцѣнѣе то, что научилъ меня врачевать людей отъ всѣхъ болѣзней.

Вотъ первая часть моей жизни. Съ той поры я не выѣзжалъ болѣе изъ Бахчисарая, гдѣ родился и вѣроятно не выѣду никогда.

Бекиръ-баба отбросился къ подушкѣ и съ улыбкою спросилъ меня доволенъ ли я его подробнымъ разсказомъ.

Я поблагодарилъ его и обѣщалъ прислать на память о себѣ нѣсколько фунтовъ эменскаго кофе.

Предъ выѣздомъ моимъ изъ Бахчисарая, когда у меня были упакованы всѣ вещи, я захотѣлъ еще разъ повидѣться съ Бекиръ-бабою и пошелъ къ нему въ сопровожденіи мальчика, даннаго мнѣ Сентъ агою. Почтеннаго человѣка не оказалось дома, но мнѣ указали на сосѣднюю скалу, куда онъ частенько предъ заходомъ солнца направлялся, чтобы смотрѣть вѣроятно на лю-

бимый городъ и оживлять въ памяти своей дѣла минувшихъ дней.

Старикъ встрѣтилъ меня съ удовольствіемъ и по привычкѣ говорить и на этотъ разъ не оставался молчаливымъ до того времени, пока не настало время совершать молитвы на сонъ грядущій. Много и долго онъ говорилъ, указывая мнѣ дряхлою рукою на различныя части города, ознаменовавшіяся памятными ему событіями, и въ заключеніе, прижавъ меня къ груди своей, пожелалъ, чтобы передо мною цвѣли розы веселья и чтобы я не забывалъ услаждать его послѣдніе дни жизни араматомъ южно-бережнаго табаку.

Съ Септъ агою еще грустнѣе мнѣ было разставаться. Этотъ человѣкъ многимъ былъ обязанъ моему отцу и былъ въ восторгѣ, что могъ пріютить и оказать сыну радушное гостепріимство, соединенное съ изустнымъ теварикомъ (исторіею) жизни отживающаго свой вѣкъ Бекиръ-бабы. Отъѣзжая, я конечно не думалъ, что эта будетъ послѣдняя моя встрѣча съ этими добрыми людьми, однако годъ спустя я снова пріѣхалъ въ Бахчисарай; но, увы, ужь не оказалось въ живыхъ тѣхъ почтенныхъ стариковъ, которые бесѣдовали со мною далеко за полночь. Стою одинокимъ я на возвышенности знакомыхъ скалъ и жадно смотрю на пеструю массу домиковъ, небрежно раскинутыхъ въ глубокой, уютной долинѣ. Луна, какъ и тогда, плыветъ по безоблачному небу, чуть чуть озаряя кровли надменной чтительницы Ислама. Тишина, въ полномъ смыслѣ слова, царствуетъ въ этомъ гнѣздѣ фатализма, лѣни и страсти. Любуясь волшебною картиною такой ночи, я случайно взглянулъ на древнее татарское кладбище, застроенное вѣками. Господи, сколько тысячь буйныхъ головъ на немъ похоронено! Сколько слезъ пролито и сколько высказано благословеній и проклятій!.. Это могилы отчаянныхъ враговъ христіанства, такъ долго приводившихъ Россію въ трепетъ и тѣхъ алчныхъ мурзъ и беевъ, которые въ чаду разгула рѣшали новые набѣги на насъ. Теперь они безмолвно почіютъ, и забытыя могилы ихъ заросли колючками. Съ кладбища я обратилъ глаза на чернѣющуюся башню во дворѣ ханъ-сарая и какъ-то невольно вспомнилъ послѣдній разсказъ Бекиръ-бабы.

— Видите ли эту, теперь сгорбившуюся, подобно мнѣ, деревянную башню, говорилъ онъ, указывая на дворъ ханъ-сарая, это было единственное мѣсто утѣшенія многихъ несчастныхъ одалычокъ гиреевъ, похищаемыхъ насильно отъ родительскаго сердца. Или взгляните вотъ на ту равнину, которая такъ красиво стелется при въѣздѣ въ городъ: тамъ стоялъ мрачный *дарагачь* (висѣлица). Онъ содрагалъ умы народа, ему пѣли пѣсни, о немъ разсказывали цѣлыя исторіи, представляя его въ образѣ семиглаваго чудовища, и исторіи эти перешли въ потомство въ видѣ сказокъ; но я нахожу въ нихъ довольно истины, потому что знаю много кровавыхъ событій.

Бекиръ вздохнулъ и минуту спустя продолжалъ:

— Дядя мой, будучи 22 лѣтнимъ юношею, служилъ при ханской мечети, въ качествѣ призывающаго народъ къ богослуженію. На эту должность онъ попалъ только потому, что имѣлъ чрезвычайно громкій голосъ. Однажды, по обыкновенію, онъ взобрался на минаретъ, но, такъ какъ было еще рано для благовѣста, юноша впился глазами на ханскій гаремъ и задумался, можетъ быть, о счастіи гирея. Въ то время въ городѣ поговаривали о предстоящей рѣшительной войнѣ съ Московою. Старѣйшины держали совѣты, мурзы пировали, матери плакали, а колдуны и колдуньи расточали зловѣщія предсказанія, стараясь озлобить народъ.

Погруженный въ сладкія мечты, дядя мой какъ-то случайно поднялъ глаза и замѣтилъ, что кто-то машетъ ему бѣлымъ покрываломъ изъ башни гарема. Вслѣдъ затѣмъ выглянула женская фигура и замахала руками. Холодный потъ пробѣжалъ по его юному тѣлу. „Она призываетъ меня на помощь, подумалъ онъ, но что я могу сдѣлать для нея?“ Впрочемъ юноша счелъ нужнымъ отвѣчать ей знаками, что постарается удовлетворить ея нуждѣ. Неизвѣстная красавица вѣроятно поняла, потому что сейчасъ же скрылась. Между тѣмъ дядя мой, исполнивши службу свою, сошелъ съ минарета и, подстрекаемый любопытствомъ, рѣшился обойти вокругъ дворцовыхъ стѣнъ. Къ несчастію, онъ открылъ, что въ одномъ мѣстѣ представлялась возможность, безъ особенныхъ усилій, проникнуть въ садъ гарема. Онъ рѣшился добраться до той, которая просила его содѣйствія. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ раздумьи, но затѣмъ, прочитавъ молитву, быстро вскарабкался на дерево, съ котораго перешелъ на стѣну, потомъ опять на дерево, а оттуда благополучно спустился въ одинъ изъ дворовъ ханъ-сарая. Вотъ первыя двери: нѣтъ сторожа, дальше пусто и безмолвно! Во дворцѣ едва блещетъ слабый огонекъ отъ восковой свѣчи!.. Смѣлый юноша направилъ шаги къ гарему и въ этотъ моментъ натолкнулся на прелестную одалычку.—„Не ты ли звала меня? спросилъ онъ; спѣши отвѣчать, иначе мы погибнемъ!“ Одалычка бросилась къ рукамъ его и просила вывести ее изъ душныхъ стѣнъ гарема. Дядя мой, не теряя дорогихъ минутъ, схватилъ ее за руку и повлекъ за собою. Какъ и прежде, онъ благополучно перелѣзъ чрезъ стѣну и, никѣмъ не замѣченный, скрылся съ бѣглянкою въ отдаленныхъ переулкахъ Бахчисарая. Здѣсь только, собравшись съ духомъ, юноша, пораженный красотою одалычки, спросилъ у нея: „какую награду обѣщала ты тому, кто рисковалъ головою для спасенія твоего?“ Молодая женщина, окинувъ его свирѣпымъ взглядомъ, отвѣчала: „ты вѣроятно происходишь отъ жидовъ, что требуешь вознагражденіе за спасеніе погибавшихъ“.—Я ничего не требую кромѣ согласія твоего быть моею женою. Одалычка захохотала.—Неужели ты думаешь, что эта несчастная не согласится скорѣе разбить голову свою о первый камень, нежели отдаться въ недостойныя объятія! Меня любилъ ханъ и послѣ него никто недостоинъ коснуться моего тѣла, кромѣ избраннаго жениха, изъ рукъ котораго я похищена

самымъ варварскимъ способомъ. Посмотри на лицо мое, бѣднякъ, и ты самъ увѣришься, что я не рождена для твоихъ объятій; посмотри на мой станъ и на мои движенія или прислушайся къ моему дыханію: оно жарче лучей солнца, — и горе тебѣ, еслибъ ты встрѣтилъ мое сочувствіе!..“ Естественно, что послѣ подобнаго отвѣта дяди моему слѣдовало перемѣнить разговоръ, и онъ спросилъ, куда она намѣрена идти?—Я иду къ жениху.—Кто же этотъ счасливецъ?—Послѣ узнаешь.

Вслѣдъ затѣмъ, продолжалъ дядя мой, мы подошли къ воротамъ, извѣстнаго въ то время джигита Портахалъ-Смаила. Одалычка застучала въ мѣдное кольцо, и чрезъ минуту мы вошли въ чисто убранную комнату, гдѣ лежалъ предъ очагомъ старикъ и горько плакалъ.

Кого вы ищите? спросилъ хозяинъ, увидѣвши незнакомыхъ людей, или вы, запоздалые странники, посланные мнѣ для утѣшенія самимъ Аллахомъ? — Нѣтъ, старикъ, ты ошибаешься, отвѣчала одалычка: предъ тобою стоитъ Заде, прозванная въ гаремѣ *Хывирчахъ-гуль* (курчавая роза). Она оставила гирея и пришла къ жениху своему Измаилу. Потрудись же увѣдомить его объ этомъ. Старикъ приподнялся съ мѣста, попросилъ насъ присѣсть и выслушать его. Онъ началъ такъ: „я отецъ того человѣка, прекрасная женщина, котораго ты ищешь напрасно въ осиротѣвшемъ домѣ. Ты любишь моего сына, я знаю; я это слышалъ отъ друзей сына моего, но знай, что отецъ въ тысячу разъ его любилъ больше, и этотъ отецъ убилъ его невинно вмѣстѣ съ матерью. — Ты убилъ моего Измаила? крикнула одалычка и, схвативъ себя за волосы, бросилась на полъ.—Дѣва, выслушай меня, сказалъ рыдающій старикъ, и потомъ предай проклятію! Но убѣдившись, что Заде лежитъ безъ чувствъ, несчастный хозяинъ обратился къ дяди моему съ слѣдующею исповѣдью: „Давши обѣтъ предъ Богомъ ѣхать въ Мекку и пробыть тамъ въ молитвѣ 15 лѣтъ, я собрался въ дорогу. Сынъ мой Измаилъ въ то время былъ 10 лѣтній мальчикъ. Обезпечивъ его будущность всѣмъ моимъ имуществомъ, я просилъ жену беречь его отъ порочнаго общества, а самой вести такъ, какъ слѣдуетъ по закону женѣ, мужъ которой отправился въ благословенный храмъ Каабу. Такимъ образомъ, покончивъ мои дѣла, я выѣхалъ изъ дому. По прошествіи 15 лѣтъ и 2 мѣсяцевъ, я благополучно возвратился въ Евпаторію. Первымъ желаніемъ у меня было узнать у недавно прибывшихъ изъ Бахчисарая, жива ли моя жена, живъ ли мой Измаилъ? За сына я ничего не могъ узнать, но за жену всѣ отвѣчали, что она день и ночь пируетъ съ развратными людьми. Это извѣстіе до того поразило меня, что я, схвативъ винтовку, пѣшкомъ направился въ Бахчисарай. На слѣдующій день ночью и тихомолкомъ пробрался къ себѣ на дворъ и подкрался къ окну,—и что же я вижу: на колѣняхъ устарѣлой жены моей лежитъ молодой мужчина. Не сомнѣваясь болѣе въ справедливости сказаннаго мнѣ о поведеніи ея, я снимаю съ плечь ружье, прицѣливаюсь и *ба-*

ларма *) въ мгновеніе ока лишила жизни обоихъ. Поднялся крикъ и стонъ прислуги, а я, какъ разъяренный звѣрь, ворвался въ комнату,—и что же узнаю: я убилъ жену съ сыномъ невинно, напрасно!..“ Старикъ страшно зарыдалъ. Я было искупился отъ грѣховъ, продолжалъ онъ, и восторгался, что съ этихъ поръ жизнь моя пройдетъ мирно и безгрѣшно, но злой духъ попуталъ меня снова. Онъ лишилъ меня послѣдняго удовольствія на землѣ, вселивъ ревность, ослѣпившую сердце и глаза. И новыя рыданія заглушили его слова.

Когда очнулась Хывырчахъ-гуль, старикъ обезсиленный страданіями, предложилъ дяди моему идти съ нимъ на покой. На другой день Заде попросила хозяина указать ей могилу жениха. Когда они собрались идти, злой шайтанъ шепнулъ и мнѣ послѣдовать за ними, говорилъ дядя, и вотъ мы втроемъ пришли къ мѣсту погребенія Измаила. Здѣсь осталась Заде съ отцемъ, а я, изъ боязни быть замѣченнымъ, скрылся за ближайшимъ памятникомъ. Прошло нѣсколько часовъ. Вдругъ позади меня послышались голоса: „сюда! сюда!..“ Какъ ошеломленный ударомъ, я оглянулся и бросился бѣжать; но не успѣлъ сдѣлать и сотни шаговъ, какъ два придворныхъ стража схватили меня за шиворотъ и подвели къ Заде, около которой уже стоялъ вооруженный саблею *джелятъ* (палачь). Онъ налилъ какой-то жидкости въ чашечку и, поднося къ губамъ бѣглянки, сказалъ: — великій ханъ, твой и нашъ милостивый властелинъ, приказалъ мнѣ угостить тебя этимъ шербетомъ. Хывычахъ гуль поблѣднѣла, но спокойно взяла чашу и выпила убійственный ядъ. Чрезъ нѣсколько минутъ она пошатнулась и упала на руки старика. Джелятъ, убѣдившись въ точномъ выполненіи порученія, обратился къ дяди моему съ слѣдующими ужасными словами: ну, а ты *дели-башъ* (безумная голова), какою смертью желаешь умереть: отъ яду, висѣлицы или отъ благородной сабли!? Испуганный юноша началъ класться, что онъ ни въ чемъ не виновенъ; но палачь ничего не хотѣлъ принимать въ оправданіе и навѣрно отрубилъ бы ему голову, еслибъ нѣсколько проходящихъ мурзъ не потребовали, чтобъ его отправили въ диванъ. Однако, къ сожалѣнію, и въ этомъ судилищѣ всѣ признали дядю моего виновнымъ и порѣшили повѣсить его публично, въ примѣръ всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ посягать на права владыки. И вотъ несчастнаго повели на казнь. Я былъ въ то время небольшимъ мальчикомъ и, не смотря на то, что мнѣ запрещали идти за осужденнымъ, старался какъ можно ближе держаться его. Помню, сначала меня тѣснилъ народъ, но какъ только подошелъ ко мнѣ отецъ мой, я шелъ свободно. Нѣсколько минутъ не прерывалось молчаніе. Вслѣдъ затѣмъ я видѣлъ, что отецъ мой приблизился къ брату своему и, подавая ему что-то, сказалъ: ты будешь спасенъ, если трижды успѣешь смазать петлю. Послѣ этого онъ схватилъ меня за руку и вернулся домой. Чрезъ мѣсяцъ

*) Двѣ пули, связанныя между собою спиральною проволокою.

только я узналъ, что дядя мой остался въ живыхъ, а нѣсколько лѣтъ спустя, когда Крымъ перешелъ во владѣніе Россіи и когда я достигъ совершеннолѣтія, онъ лично мнѣ разсказалъ, какъ его три раза подымали на висѣлицу, но онъ, благодаря составу, врученному отцемъ моимъ, обрывался, что послужило поводомъ народу и властямъ признать его невиновнымъ въ похищеніи изъ царскаго гарема одалычки.

Вспомнивъ этотъ и многіе другіе разсказы Бекиръ-бабы о минувшемъ ханъ-сарая и города, я какъ-то невольно задумался. Но, увы, все прошло! Не шумитъ ужъ эта повелительница отважныхъ головъ, не празднуетъ побѣдъ. Гдѣ ея тріумфы, гдѣ трофеи?.. нѣтъ ничего!.. Молчитъ печальный дворецъ страшныхъ хановъ, пустъ и мраченъ гаремный дворъ. Все былое исчезло безъ слѣдовъ бытія. Гдѣ звѣзда гарема, Пикечь султанъ? *) Кости ея давно истлѣли подъ грудой камня, и никто болѣе не помнитъ, что нѣкогда державная воля гирея была игрушкою въ рукахъ прекрасной польки!.. Но вотъ послышался снова давно знакомый мнѣ напѣвъ усерднаго муллы, призывающаго правовѣрныхъ на молитву, и темные переулки Бахчисарая освѣтились бумажными фонарями: это почитатели Магомета спѣшатъ въ мечеть на вторую вечернюю молитву. Часъ спустя начали по одиночкѣ гаснуть въ домикахъ свѣчи и водворилась мертвая тишина, изрѣдка прерываемая лаемъ собакъ или острымъ брянчаньемъ русскаго колокольчика.

КОНЕЦЪ.

---

*) Воспѣтая Пушкинымъ Марія Потоцкая.

2007041523